

Алексей ГОРШЕНИН

БЕСЕДЫ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СИБИРИ

НОВОСИБИРСК

2020

Горшенин А.В.

Беседы о русской литературе Сибири.

В форме популярных увлекательных бесед автор рассказывает об истории русской литературы Сибири со времени ее зарождения и до наших дней. Будучи по существу просветительским и популяризаторским, издание напоминает о том, что Сибирь была и остается краем высокой культуры. Книга обращена к литературоведам, критикам, журналистам, редакторам, работникам библиотек и культурно-просветительских учреждений, краоведам, книголюбам. Но прежде всего — к учащимся и учителям школ, лицеев, гимназий, студентам и преподавателям колледжей, гуманитарных факультетов вузов. Как, впрочем, и вообще к широкому кругу читателей, которым небезразлична и близка литература и культура Сибири.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ

В настоящее время наблюдается растущий интерес к истории, культуре, литературе родного края. Повышается спрос на книги и материалы краеведческого характера. В том числе и литературное краеведение. Сибирская литература, ее история привлекает внимание все более широкого круга. Уже не редкость в Сибири учебные заведения, в которых литература родного края становится предметом изучения. А в Красноярске с середины 1990-х годов даже действует специализированный литературный колледж. И, судя по всему, интерес к литературному краеведению будет только расти.

Все это, конечно, не может не радовать. Но, вместе с тем, встают и проблемы. Одна из важнейших заключается в том, что получение информации, необходимой для знакомства с прошлым и настоящим сибирской словесности, сильно осложнено. Во многих имеющихся традиционных источниках она значительно устарела и нередко труднодоступна. Что касается Интернет-ресурсов, то они в качестве источников часто ненадежны, а то и просто сомнительны. Печатные же издания по истории русской литературы Сибири и творчеству сибирских писателей в последние десятилетия выходят крайне редко. О трудах обобщающих, которые охватывали бы всю историю сибирской литературы, и говорить не приходится. (Первое и единственное подобного рода издание под названием «Очерки русской литературы Сибири» СО АН СССР выпустило в 1982 году). С тех пор прошло почти сорок лет, и вот уже целый пласт сибирской словесности с массой событий, новых произведений и писательских имен ныне и вовсе *terra inkognita* для рядового читателя (как, впрочем, и значительной части специалистов).

Между тем факты литературной жизни Сибири продолжают накапливаться, раздвигаются ее историко-литературные горизонты, что также требует отражения, обобщения, систематизации. Поэтому давно, на мой взгляд, назрела необходимость в некоем комплексном литературно-краеведческом издании, способном восполнить дефицит знаний о прошлом и настоящем литературной Сибири, приблизить читателей к тем богатым духовным ценностям, которые она с собой несет. Что, собственно, и побудило автора взяться за создание предлагаемой книги...

Заголовок «Беседы о русской литературе Сибири» подчеркивает, что речь идет именно о русской литературе нашего огромного региона (в отличие от национальных литератур малых сибирских народностей, которые следует рассматривать отдельно), являющейся неотъемлемой частью литературы общерусской.

В книге рассказывается, что это за явление «сибирская литература», когда и как зародилась, какой трудный и сложный путь прошла за четыре столетия своего существования и, конечно же, знакомит с ее представителями разных времен и поколений. Книга охватывает период времени от первых сибирских летописей XVII века, положивших начало словесности в землях за Уралом, до (включительно) двух первых десятилетий XXI столетия.

Из «Бесед...» читатели смогут узнать о «скасках» и легендах, слагаемых о походах Ермака; о становлении журнального и издательского дела в Сибири; о различных течениях и творческих объединениях сибирских писателей; о групповой борьбе 1920-х годов; о писателях-сибиряках, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны; о легендарных Читинском и Кемеровском семинарах молодых литераторов Сибири, давших целую плеяду замечательных талантов — таких, в первую очередь, как В. Распутин и А. Вампилов; об известных книжных проектах и еще о многих других событиях и фактах жизни литературной Сибири.

По сути, в «Беседах...» в концентрированном виде представлена вся история литературы Сибири со времен казаков-первопроходцев с их преданиями и до наших дней.

Книга построена как хронологическая цепь глав-бесед, внутри которых обзорный материал чередуется с краткими очерками-«персоналиями» о конкретных деятелях сибирской литературы. Ну а поскольку «Беседы» информационно очень насыщены, содержат большой, иной раз просто уникальный фактический материал и достаточно четко прослеживают движение сибирской словесности на разных этапах ее развития, постольку и являются они в целом своего рода путеводителем по литературе Сибири.

Вместе с тем, не следует рассматривать «Беседы...» как сугубо научное или же учебное издание. Цели у книги не исследовательские, а скорее просветительские и популяризаторские: показать, что в Сибири была и существует многообразная, многожанровая литература со многими интересными ее представителями — писателями, литературными деятелями — и достаточно насыщенная литературная жизнь. Ну и, разумеется, — цели воспитательные, направленные на воспитание любви к литературе и культуре родного края.

По всему этому книга рассчитана, прежде всего, на то, чтобы дать максимально широкому кругу читателей хотя бы самое необходимое общее представление о предмете нашего разговора. Отсюда, с одной стороны, опускаются излишние тонкости и подробности, а с другой — стиль изложения материала, лишенный в первую очередь наукообразия, и интонация рассчитаны на предельную доступность восприятия — четкий и внятный по мысли, непринужденный и увлекательный разговор с читателями.

Вместе с тем в «персоналиях» о писателях, кроме биографических сведений, дается общая характеристика творчества, при необходимости коротко прослеживается творческий путь, чтобы помочь читателям составить более полное и законченное представление о том или ином литераторе. При этом не ставится задача литературоведческого исследования и оценок.

Книга дополнена «Хроникой литературной жизни «Сибири», в которой представлены наиболее значительные литературные события региона за время существования сибирской литературы.

Так что, не являясь учебником в традиционном понимании, «Беседы...» могут стать полезным пособием дополнительного образования при изучении русской литературы Сибири. Тем более что на сегодняшний день предлагаемое издание наиболее полно и многогранно ее представляет.

«Беседы о русской литературе Сибири» рассчитаны на литературоведов, критиков, редакторов, журналистов, работников библиотек и культурно-просветительских учреждений, книготорговцев, краеведов, преподавателей школ, колледжей, вузов, учащихся и студентов, книголюбов... Вообще всех тех, кому небезразлична культура и литература Сибири.

Автор

И ВСЕ-ТАКИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ!..

(Вместо предисловия)

О чем речь? О «сибирской литературе».

Впервые этот термин был употреблен в книге немецкого писателя и критика Генриха Кенига «Die Literarische aus Russland» («Литературная карта России»), написанной им совместно с русским литератором Николаем Мельгуновым и увидевшей свет в 1837 году. Под «сибирской литературой» авторы имели в виду литературу, созданную сибиряками, видя в ней один из составных элементов общерусской литературы. Родоначальником такой литературы Г. Кениг считал уроженца Иркутска прозаика и издателя Н. Полевого.

Но актуальной проблема «сибирской литературы» стала только в 1860-х годах в связи с развитием оппозиционно настроенного к российской метрополии сибирского областничества. По мысли лидера областников Г. Потанина, «сибирская литература» должна была в рамках «культурного сепаратизма» противостоять общерусской, вырабатывая свои методы и формы¹.

Влияние областнических тенденций отозвалось и в начальный период становления советской литературы в Сибири. Вместе с тем, такие крупные ученые-литературоведы, как М. Азадовский, полагали, что «сибирская литература» ничего общего с политическим областничеством не имеет, что понятие это только историческое и видели в ней «участок общерусской литературы, отображающий на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития». А потому, считал М. Азадовский, и изучать «сибирскую литературу» надо «как историю сибирской темы в русской литературе и как историю местного литературного движения»².

Разделяя в целом мысли М. Азадовского, литературоведы 1970-х рассматривают «сибирскую литературу» в «русле единого общерусского процесса как своеобразную художественную систему, органически связанную с общими для России закономерностями социального и литературного развития». Но делают принципиальное уточнение: «...литература области или края — это часть национальной литературы, представленная художниками, которые тесно связаны с общественной жизнью данной области и участвуют в местном литературном движении»³. А посему «понятие «сибирская литература» «включает в себя прежде всего то, что создавалось писателями-сибиряками в самой Сибири»⁴. И такая формулировка, пожалуй, наиболее оптимальна и более других выражает суть понятия «сибирская литература».

Правда, на пороге третьего тысячелетия и само это понятие уже начинает подменяться некоторыми филологами так называемым «сибирским текстом» — неким тематическим субстратом, связанным с сибирскими реалиями, отразившемся в произведениях общерусской и региональной литературы в ряде сюжетов и мотивов.

Так что вопросы о том, что такое «сибирская литература» и можно ли ее рассматривать как нечто самобытное и самостоятельное и до сих пор вызывают споры.

С одной стороны, действительно, вроде бы и не пристало делить русскую словесность на какие-то отдельные региональные очаги, но с другой...

Но с другой — Сибирь ведь не просто какой-то регион среди прочих в составе России, и даже не сумма краев и областей, связанных общим местоположением. Сибирь — целая страна в стране со своими географическими, природными, климатическими, геопо-

¹ Потанин Г. Роман и рассказ в Сибири. (1876).

² Очерки русской литературы Сибири. — Новосибирск, 1982. Т. 1, с. 10.

³ Там же, с 11.

⁴ Там же.

литическими, историческими, экономическими, национальными и прочими особенностями существования и развития. Страна удивительная, неповторимая, с неиссякаемыми возможностями. Прозорливый Михайло Ломоносов понял это, наверное, раньше других, сказав, что «российское могущество прирастать будет Сибирью».

К сожалению, с тех давних времен понимание этого было часто слишком узко и односторонне, а то и вовсе искаженно. Из центра России Сибирь власть имущими, да и большинством обывателей виделась, в основном, как колония, каторга да неисчерпаемая природная кладовая. Ну, еще и как источник ценной живой силы для ведения особо тяжелых военных действий.

С таким «имперским» взглядом на родную свою землю сами сибиряки согласиться не могли и постоянно стремились доказать, что располагают они и другими не менее, если не более ценными богатствами — духовными и культурными, а главный же капитал Сибири — ее свободолюбивые, сильные, смелые, работающие и талантливые люди.

Вместе с тем, история освоения Сибири убедительно доказала, что просторы за Уралом давно стали неотъемлемой частью всей России.

А «привязал» их к державному телу сам русский народ, который шел за «Камень» с Поморья в поисках сказочного Беловодья, «чалил с Дона» в надежде волюшку сохранить, убегал от помещиков со «Смоленщины» и «Могилевщины», стекался на «новые земли» из разных других мест. Разношерстный сей народец (беглые крепостные, казаки, раскольники и т. п.) нес с собой обычаи, традиции и фольклор исконных мест обитания, а кое-кто даже и книги (преимущественно церковные). Из этих осколков и начинала складываться несколько веков назад мозаика сибирской культуры, а с нею — и литературы.

Отличались ли они от общерусских своих сестер? И да, и нет.

С продвижением первопроходцев на восток расширялось общерусское духовное и культурное пространство, частью которого становились все новые сибирские территории. Однако из-за малонаселенности, необжитости, из-за отдаленности и оторванности от Центра, отсутствия надежных транспортных связей Сибирь во многом, в том числе и культурном развитии, отставала от материковой России.

Да и собственная, поистине уникальная ее история, начавшаяся как завоевание и присоединение, а продолжившаяся как освоение и обживание дикого сурового края, не могла не сказаться какими-нибудь характерными социальными или политическими особенностями. И они действительно были.

Так, скажем, в Сибири никогда не существовало крепостного права. Из-за промышленной неразвитости края слаб был пролетариат — главная источник революционной энергии. Вследствие чего и расстановка классовых сил здесь отличалась от той, что наблюдалась в Центральной России.

К примеру, в конце XVIII — начале XIX веков сибирское купечество в борьбе против произвола царской администрации объединилось с местным чиновничеством, демократическими низами и даже духовенством. Сама же сибирская буржуазия, вставая на ноги, испытывала в это время острую потребность в создании собственной культуры, философии, литературы, а потому охотно выступала в роли меценатов и попечителей, вкладывая деньги в новые печатные издания, типографии, библиотеки и т. д.

Даже в годы революционного противостояния в Сибири не было жесткого и бескомпромиссного классового деления. В гражданскую войну доходило до парадоксов: по тем или иным причинам подчас целые рабочие полки воевали на стороне белых (один из таких случаев нашел отражение в романе В. Зазубрина «Два мира»).

Имелись свои особенности и у более близкой к нам сибирской истории, связанных с преобразованием царской каторги в еще более жестокий советский ГУЛАГ, с интенсивной разработкой в середине двадцатого столетия полезных ископаемых — прежде всего освоением нефтегазовых месторождений Нефтяного Приобья, с перемещением в годы Великой Отечественной войны значительной части российской промышленности с запада

страны на восток, со строительством новых гигантов индустрии... Все это нашло свое отображение и в литературе Сибири.

Или такое вот немаловажное обстоятельство. Русские первопроходцы встречали на своем пути в Сибири разноплеменное население аборигенов, имевших свой язык, жизненный уклад, обряды, традиции, фольклор — иначе говоря, все признаки национальной культуры. Совместное сосуществование с ними русских людей тоже не могло пройти бесследно: национальные мотивы слышны в произведениях многих писателей.

Как известно, главный предмет литературы — человек. Сибирь с ее особой географической, климатической, природной спецификой сформировала тип личности, во многом отличающийся от жителя, скажем, средней полосы России многими своими качествами: и крепостью духа, и жизнестойкостью, и упорством, и способностью противостоять стихии и невероятным трудностям. И, конечно же, вольнолюбием, унаследованными от предков — как тех, кто присоединял к государству российскому «Сибирское царство», так и тех, кто, бунтуя против притеснений или борясь за счастье народное, шел на каторгу. Не случайно именно вольнолюбие стало сквозной тональностью в разноголосом хоре сибирской литературы, а упомянутый выше человеческий тип — ее ключевой фигурой.

Все вышесказанное на вопрос, существует ли «сибирская литература», позволяет, думается, ответить утвердительно — существует!

Она включает в себя и то, что создано местными писателями, и то, что можно назвать сибирской темой в русской литературе, весьма, кстати, популярной в творчестве многих из тех, чья жизнь прошла или проходит за пределами Сибири.

Оставаясь в целом в русле общерусского литературного процесса, русская литература Сибири представляет собой вполне самостоятельное и самобытное явление, что красноречиво подтверждает творчество писателей-сибиряков разных поколений: от П. Сумарокова или П. Ершова до поэтов и прозаиков наших дней.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА

Как и во всей истории освоения Сибири, отправным моментом в ее литературе стал поход Ермака (1581). Его дружина, по словам К. Маркса, разбила «последнего монгольского царя Кучума» и подчинила разноплеменное сибирское население, «заложив основы азиатской России»¹. Подробный рассказ об этом составляет содержание ранних сибирских летописей, которые и являлись самым древним и мощным источником зародившейся в начале XVII века русской литературы Сибири.

Источником, впрочем, не единственным, поскольку словесность сибирская возникла не на пустом месте. Уже первые переселенцы везли с собой наиболее ценные для них книги. Представляя общерусскую литературу, они и стали впоследствии основой, а часто и образцами при создании новоявленными сибирскими авторами, выходцами из Европейской России, собственных произведений.

Что же читали сибирские колонисты первой половины XVII века. Прежде всего — литературу религиозного характера: Библию, жития святых и сказания о чудесах, игравшие для местных книголюбцев роль своеобразной беллетристики. Были также в ходу разного рода «хождения» и «космографии» (описания путешествий и вселенной), «хронографы», пересказывающие эпизоды всемирной истории, изложения библейских сюжетов... Но особый интерес вызывали произведения о самой Сибири: «скаска» землепроходцев о «неведомых землях» и, конечно же, местные летописи о Ермаковых походах.

Летописей в Сибири существовало немало: сначала устных, потом письменных. Так что сибирская летописная традиция, несмотря на общий исторический сюжет — деяния Ермака, — весьма богата и разнообразна. Однако четко просматриваются в ней два направления: официальное и демократическое.

Последнее — более древнее, и идет оно от казацких «скасок», в которых Ермак изображен героем народным, а присоединение Сибири к России представлено тоже как инициатива исключительно народная.

Наиболее типичным и ярким примером демократического направления в сибирском летописании, сохранившим мотивы предания о Ермаке и его дружине, является **Кунгурский летописец**, представляющий художественно цельный рассказ о сибирских событиях конца семнадцатого столетия.

Также к одному из выразительнейших повествований о походе Ермака в Сибирь можно отнести и **Строгановскую летопись**. (Между прочим, исследователи полагают, что авторы обоих произведений состояли на службе у одних и тех же хозяев — уральских солепромышленников братьев Строгановых, поддерживавших сибирские экспедиции Ермака).

Ну а первым памятником официального сибирского летописания считается **Есиповская летопись**, названная по имени ее автора, **Саввы Есипова** — дьякона тобольского архиепископа. Завершенная в сентябре 1636 года, она стала основой для всей дальнейшей летописной работы в Тобольске, признанном центре сибирской культуры того времени.

Труд С. Есипова создавался как политическая история Сибири. Автора интересуют вопросы управления обширной территорией Зауралья, возникновения на ней русских поселений, а так же проблемы, связанные с утверждением христианства в Сибири, которое в русском средневековье было одним из важнейших аспектов государственной политики. В

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII. — М., 1946, с. 166. (Цит. по кн. Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982, т. 1, с 27).

отличие от авторов Кунгурской и Строгановской летописей, С. Есипов изображал присоединение Сибири к России, подчинение ее «христианскому царю» фактом, заранее пред-решенным свыше. Соответственно и Ермак с казаками представлены как исполнители божественной миссии. Есть и еще одно отличие Есиповской летописи от других сибирских: она стремится изложить прошлое Сибири полностью, включая и ее историю до прихода русских.

Есиповская летопись не только положила начало официальному сибирскому летоисчислению, но и стала одним из первых памятников зарождающейся русской литературы Сибири.

Есиповская летопись увидела свет в Тобольском архиепископском доме совсем не случайно. В первой половине XVII века это церковное учреждение в литературной жизни Сибири играло ведущую роль. Кроме Есиповской летописи, здесь примерно в это же время появилось еще два памятника сибирской литературы, определивших основные линии ее развития: **«Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы»** и **«Повесть о городах Таре и Тюмени»**.

Последнюю ученые приписывают также Савве Есипову, и есть все основания считать его первым сибирским писателем. Ну а с появлением одного за другим всех трех упомянутых выше произведений фактически уже можно говорить не об отдельных сочинениях, а о возникновении областной сибирской литературы разнообразных тем и жанров.

Действительно разнообразных. Помимо летописания (а оно продолжалось в Сибири до середины XVIII века, когда составляется целый летописный свод с систематическим описанием сибирской истории), весьма активно в XVII веке развивались и другие жанры.

Большой популярностью пользовалась повествовательная и легендарно-нравоучительная литература. Та же, например, **«Повесть о городах Таре и Тюмени»**. Исключительный интерес у читателей вызывали получившие распространение во второй половине XVII века летописно-исторические повести. Тема у них была традиционная: присоединение Сибири к русскому государству. Центральная фигура — тоже — Ермак. Но, в отличие от официального летописания, где за Ермаком окончательно закрепляется статус «христианского героя», в исторических повестях, куда более демократических по духу, образ казацкого атамана уже иной. Это простолюдин с воровским прошлым на Волге (отсюда начинал он свой путь на Урал), который в памяти народной ассоциируется с другим народным предводителем — Степаном Разиным. Наглядней всего, пожалуй, выразилось это в **«Сказании сибирской земли»**, где подробная биография Ермака донесена неизвестным демократическим автором в форме живого безыскусного рассказа о нем и его походах, с привлечением различных фольклорных источников.

Выход в свет **«Сказания о явлениях и чудесах Абалацкой иконы Богородицы»** стимулировал развитие еще одного направления: агиографической (жития святых, описание чудес) литературы. Одним из интереснейших памятников сибирской агиографии стало **«Житие Василия Мангазейского»** — покровителя русских промышленных людей в Сибири. Это трогательный рассказ о пятнадцатилетнем мальчике, лавочном сидельце, которого зверски замучил корыстолюбивый изувер-хозяин. После мученической смерти юноша и стал святым, творящим всевозможные чудеса. У него искали подмогу и поддержку во время охотничьего и рыбного промыслов и походов за ясаком. Житие это было связано с литературными традициями русского севера, выходцами которого являлось большинство жителей Мангазеи.

Большую долю в населении Сибири составляли ссыльные и «беглые» — то есть люди по разным причинам не согласные с властями: как светскими, так и духовными. А это дает основание предполагать, что существовала еще и литература, значительно отличавшаяся по настроению от официальной. Она и в самом деле была и носила ярко выраженный сатирический характер. Из немногих дошедших до нас памятников этого направления можно вспомнить **«Гисторию о купце»**, возникшую где-то на рубеже 40-х годов XVIII

столетия и рассказывавшую о некоем тобольском купце, который, попав в Петербург, прикидывается важной персоной (этакий сибирский предтеча гоголевского Хлестакова).

Сибирская литература начального периода дошла до нас большей частью в анонимном виде. Известны авторы лишь некоторых произведений. Но и об их судьбах мы сегодня, за редким исключением, мало что знаем.

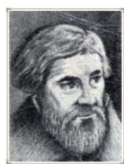
К немногочисленным сибирским писателям XVII века, жизнь и творческая биография которых более или менее восстановлена, относится С. Ремезов.

Семен Ульянович Ремезов (1641 — после 1720, точная дата смерти не известна) — писатель, историк, картограф, этнограф, художник — внес большой вклад в развитие русской передовой мысли, науки и литературы, а его творчество явилось вершиной литературы Сибири XVII века.

Родился С. Ремезов в Тобольске, в казацкой семье. И дед, и отец его относились к тобольской служилой аристократии, на которой лежало исполнение всех важнейших административных функций в Сибири.

Никакого систематического образования С. Ремезов не получил. Незаурядные же познания в различных областях дали ему книги, с которыми он во множестве знакомился в библиотеке архиерейской ризницы, а также в личных собраниях некоторых ссыльных. Большое значение имело и то обстоятельство, что С. Ремезов вырос в атмосфере живейшего интереса к прошлому Сибири и заботы об ее настоящем.

Карьеру свою С. Ремезов начал с государственной службы. Он ездит по Сибири, занимается картографическими работами («многие чертежи по грамотам городу Тобольску и сибирским городам в разных местах писал»).

В начале 1690-х годов проявляется и литературный талант С. Ремезова. Он собирает легенды, предания, летописные повести. Это помогает ему написать житие Ермака. Создает он, кроме того, литературные портреты ряда сибирских архипастырей, сочиняет посвященные родному краю стихи, в том числе и гимн Сибири.

В последние годы жизни С. Ремезов становится еще и архитектором родного Тобольска. Жилось ему в это время крайне трудно и тяжело: давили все увеличивающийся груз работы, нужда, болезни...

Главным произведением С. Ремезова стала **«История Сибирская»** (еще ее иногда называют **«Ремезовской летописью»**). Написана она была в 1690 году под несомненным влиянием глубокого родового интереса к эпохе присоединения Сибири к России и личности Ермака. С. Ремезов широко использовал в своей «Истории» записи легенд, преданий, казацких «скасок», сделанных как им самим, так и его дедом и отцом. Включил он в нее и одну из казацких «устных летописей». Впрочем, сведения о Ермаке, Кучуме, первых сибирских воеводах собирал он и по другим источникам. В результате было создано литературно-историческое произведение, представляющее собой, по словам его автора, начертанное на последнем листе летописи, «житие Ермаково как Сибирь взял с тружиною своей».

Правда, ремезовское повествование явно переросло рамки обычного жития. Строится оно на скрупулезном подборе исторически достоверных фактов. Не забывается при этом и форма подачи материала, язык произведения — яркий, афористичный, помогающий воссоздать зримый и запоминающийся образ Сибири. По признанию самого С. Ремезова, подыскивая «златые слова» для рассказа о Ермаке, он стремился привести его к «твердому пристанищу истории».

«История Сибирская» свидетельствует не только о незаурядном даровании ее автора.

Предстает в ней С. Ремезов еще и человеком с мировоззрением разумного политика, государственного деятеля и просветителя. Просветительская идея о знании и разуме как высших критериях человеческой деятельности стала основой его взглядов, которым он останется верен до конца жизни.

* * *

Возникновение и первые шаги сибирской словесности проходили под знаком древнерусской литературы, традиции которой оказались в Сибири более живучими, чем в Центральной России. К середине XVIII столетия здесь уже утвердился классицизм в лице А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского. А читательское внимание сибиряков все еще привлекали летописи и летописные повести, жития, сказания о чудесах и т. п. Объяснялось это во многом особенностями состава населения Сибири, в котором, за исключением ссыльных, не было дворян, зато почти до конца XVIII века ключевые позиции в обществе занимало духовенство. В отличие от Центральной России, где в это же время пути политического и культурного развития определяло дворянство.

И еще один очень существенный момент. К исходу XVIII столетия литература в Сибири все еще оставалась рукописной. В то время как в Центре уже всю работу печатные станки, выпуская как официальную, так и развлекательную книжную продукцию, в Сибири не было ни одной типографии. Лишь в последнее десятилетие восемнадцатого века сибирская словесность начинает обретать черты литературы в современном понимании этого слова. А предшествовало постепенному повороту читательского внимания в сторону писателей-современников (Г. Державина, А. Сумарокова, Н. Новикова и др.) появление в театрах Сибири (в Иркутске и Тобольске) пьес Д. Фонвизина, создание сети публичных библиотек. Ну и, конечно же, огромное значение для дальнейшего развития сибирской литературы имело возникновение за Уралом первых типографий.

А предшествовало постепенному повороту читательского внимания в сторону писателей-современников (Г. Державина, А. Сумарокова, Н. Новикова и др.) появление в театрах Сибири (в Иркутске и Тобольске) пьес Д. Фонвизина, создание сети публичных библиотек. Ну и, конечно же, огромное значение для дальнейшего развития сибирской литературы имело возникновение за Уралом первых типографий.

* * *

Особый след в истории русской литературы Сибири оставила типография купца первой гильдии Василия Корнильева, открывшаяся в 1789 году в Тобольске. Здесь был издан целый ряд книг, имевших читательский успех. Но, главное, Корнилевская типография стала колыбелью сразу трех журналов. Один за другим здесь начали выходить **«Иртыш, превращающийся в Ипокрену»** (1789 — 1791), **«Журнал исторический, выбранный из разных книг»** (1790) и, названный вполне в духе того времени витиевато, журнал **«Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей»** (1793). Если последние два представляли собой, говоря нынешним языком, элементарные дайджесты, «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» был настоящим журналом со своим лицом и направлением, публиковавший не только перепечатки и переводы, но и оригинальные материалы, в том числе и местных авторов.

«Иртыш, превращающийся в Ипокрену» стал первым в Сибири и на момент его выхода в свет единственным провинциальным журналом России. Первые четыре номера были изданы на деньги В. Корнильева, а остальные на средства Тобольского приказа общественного призрения.

«Иртыш» ставил перед собой, прежде всего, просветительские и

нравоучительные задачи, а основное внимание сосредоточивал на пропаганде идеи благотворного влияния просвещения, связывая прогресс человечества с деятельностью просвещенных монархов.

Задуманный как издание универсального содержания, «Иртыш» произведениям художественной литературы отдавал лишь часть своих страниц, печатая преимущественно поэзию, играющую немаловажную роль в реализации просветительской концепции журнала. Поэтому наряду с лирическими здесь печаталось немало сатирических и дидактических стихов. Проза была представлена только переводами и отбиралась по тем же критериям: назидательность и нравоучительность содержания.

Тем не менее, журнал способствовал появлению в сибирской словесности ряда интересных и самобытных писателей. Таких, например, как П. Сумароков — самый активный и плодовитый его автор, который, к тому же, был инициатором и фактическим редактором издания.

Панкратий Платонович Сумароков (1765 — 1814) — внучатый племянник знаменитого русского писателя А.П. Сумарокова — родился во Владимире, получил отличное домашнее образование. Служил в Петербурге. Сначала в Преображенском полку, потом в кавалерии. Будучи прекрасным рисовальщиком, он скопировал однажды по просьбе товарищей несколько пятидесятирублевых купюр. Обман раскрылся. П. Сумарокова предали суду и сослали на 20 лет в Сибирь.

Однако гусарская шалость обернулась для П. Сумарокова не только драмой. Воистину — нет худа без добра: ссыльный гусар становится одной из самых крупных фигур в сибирской словесности XVIII века.

Поэтическое наследство П. Сумарокова невелико. Оно уместилось всего в два скромных томика, вышедших в Москве. Развивался же талант П. Сумарокова, в основном, в русле классицизма, гражданско-просветительские традиции которого в его творчестве проявляются очень отчетливо, особенно в таких наиболее известных вещах поэта, как ода «Гордость», поэма «Амур, лишенный зрения» или сказка «Алькаскар».

Кумиром П. Сумарокова был Гавриил Державин. Ему он подражал, перед ним искренне преклонялся.

П. Сумароков был не только поэтом, но и издателем. Помимо «Иртыша, превращающегося в Ипокрену», он участвует в выпуске «Журнала исторического...» и «Библиотеки...» в Тобольске, а после возвращения в 1803 году из ссылки — московского «Журнала приятного, любопытного и забавного чтения». Годом позже П. Сумароков сменяет на посту редактора знаменитого журнала «Вестник Европы» самого Н. Карамзина.

Жизнь П. Сумароков прожил сравнительно недолгую. Он скончался сорока девяти лет от роду, оставив о себе память как об одаренном поэте и издателе.

Петр Андреевич Словцов (1763 — 1843) тоже внес свой вклад в литературную жизнь Сибири конца XVIII — начала XIX веков. Правда, известность он получил несколько позже как автор «Исторического обозрения Сибири» — труда поистине уникального. Но и поэтом он сумел зарекомендовать себя незаурядным. Именно в его стихах впервые в русской литературе зазвучали сибирские мотивы. Да и главное его произведение — «Историческое обозрение Сибири» — написано слогом, вне всякого сомнения, выдающего в нем подлинно литературный талант. И трудно не согласиться с оценкой большого

знатока сибирской культуры Н. Ядринцева, который писал: «Словцов не был сухим летописцем и историком Сибири. По его способу изложения видно, что это был человек с душой, патриот своей родины и, до известной степени, поэт, художник»².

Судьба П. Словцова сложилась драматично. Родился он в Тобольске. Там же окончил духовную семинарию, а затем продолжил образование в Александро-Невской главной семинарии в Петербурге. В 1772 году П. Словцов вернулся в родные края и стал преподавателем философии в том самом заведении, где когда-то начинал учиться.

По положению в его обязанности входило чтение проповедей с церковной кафедры. Несколько раз выступил он в соборном храме Тобольска, используя форму проповеди для обсуждения проблем общества и критики существующих порядков. В суждениях П. Словцова чувствовалось влияние идей французских просветителей и А. Радищева. Хотя несомненно и то, что в какой-то мере почва для этих выступлений была подготовлена журналом «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», активно пропагандировавшим просветительские идеи.

Блестящие вольнодумные проповеди П. Словцова вызвали огромный интерес слушателей и резкое недовольство властей, особенно церковных. Последовал донос, потом арест, и после допроса с пристрастием в Петербурге П. Словцова заточили в Валаамский монастырь, где он провел четыре года. Он и здесь продолжал писать стихи и оды, осуждающие деспотизм и дворянство с его «гремящими без дел титулами».

Уже после смерти Екатерины II, в 1797 году П. Словцов возвращается из ссылки в Петербург и получает назначение учителем красноречия в Александро-Невскую семинарию. Однако по навету был обвинен в лихоимстве и выслан в 1808 году в Сибирь, где и прожил до конца дней своих. От поэзии П. Словцов отошел довольно быстро, а в сибирской ссылке полностью посвятил себя главному своему делу — работе над «Историческим обозрением Сибири», в котором раскрылся как замечательный историк, краевед, литератор.

Но вернемся к журналу «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». При весьма серьезных недостатках и маленьком тираже (всего 300 экземпляров) он, тем не менее, стал явлением первостепенной важности в культурной жизни Сибири конца XVIII века. Его знали далеко за пределами Сибири и выписывали в обеих русских столицах. Самый живой интерес проявил к нему, будучи в сибирской ссылке, знаменитый русский писатель и борец с самодержавием А. Радищев, который в 1791 году как раз находился в Тобольске.

Журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» просуществовал недолго. Он выходил с сентября 1789 по декабрь 1791 года, но по причине большой убыточности был закрыт. Однако дело свое сделал: новую страницу в литературной истории Сибири перевернул.

* * *

Век девятнадцатый сибирская словесность, осторожно впитывая еще непривычные для нее типографские запахи, встречала в предчувствии серьезных обновляющих перемен и была чем-то похожа на угловатого еще, но стремительно вырастающего из старого костюма подростка.

² Сибиряк (Н.М. Ядринцев). Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири. // «Литературный сборник». — Спб, 1885, с. 411. (Цит. по кн. «Очерки русской литературы Сибири в 2-х т.». — Новосибирск, 1982, т. 1, с. 152).

В ОТБЛЕСКАХ «ЗОЛОТОГО» ВЕКА

Время больших ожиданий

Девятнадцатый век начался для российского общества большими ожиданиями. Связаны они были с восшествием на престол молодого императора Александра I, который поначалу заявил о себе как просвещенном, либерально настроенном монархе, готовом взяться за судьбоносные для России реформы. Но время шло, а крупных преобразований не происходило. Не решалась, прежде всего, главная проблема: освобождение народа от крепостного права. Наступила пора разочарований, стали зреть революционные настроения.

Все это прямо или косвенно не могло не отразиться в литературе как «зеркале жизни». Торжественно-монументальный классицизм, олицетворявший величие абсолютизма, с утратой позиций последнего уступил место затрагивающему тонкие струны человеческой души, чувственному сентиментализму, который, в свою очередь, в борьбе со «старым слогом» подготавливал почву новым литературным направлениям — романтизму и реализму. Не случайно В. Жуковский, положивший начало российскому романтизму, был учеником сентименталиста Н. Карамзина.

Сибирь начала XIX века жила, в целом, теми же, что и остальная Россия, социальными надеждами. А потому здесь наблюдались такие же, в принципе, характерные для всей русской литературы процессы. Не следует, правда, думать, что в Сибири просто повторялось происходившее в Центре. Местная сибирская жизнь во многом развивалась по-своему, ибо условия, в которых она складывалась, подчас сильно отличались от столичных.

Начнем с того, что в Сибири практически отсутствовала резкая литературная борьба. По двум причинам. Во-первых, в начале века в Сибири еще не было крупных и ярких дарований, способных стать центром тяготения, ядром той или иной литературной группы. Во-вторых, негативно сказалось на сибирской литературе закрытие тобольских журналов, а следом (по царскому указу) — и вольных типографий. (По ряду обстоятельств Тобольск к началу XIX века и вообще перестал быть главным очагом литературной жизни в Сибири, который переместился в Иркутск, превратившийся к тому времени в крупный торговый и культурный центр). С исчезновением тобольских периодических изданий литература в сибирской провинции вновь пришла в рукописное состояние. Вести литературную полемику стало просто негде. И некому. Журналистика с критикой, главные формователи эстетического вкуса и литературного процесса, тоже фактически отсутствовали. А потому в Сибири долго еще не приживались передовые идеи и взгляды, а читательские пристрастия, сложившиеся под влиянием классицизма минувшего столетия, оставались архаичными.

Широкое хождение в начале XIX века имела в Сибири рукописная публицистика как своеобразная форма общественного протеста, сатирические стихи, анекдоты. Появился и такой «оригинальный» жанр, как «донос». И не случайно. Ведь только жалобы в столицу и могли противопоставить беспределу наместников-сатрапов притесняемые ими люди. Жалобы иной раз были написаны с такой страстностью и словесным искусством, что начинали перерастать конкретное свое назначение. Они неоднократно переписывались и превращались в подлинные произведения рукописной литературы.

Ну а интерес к романтизму в Сибири (слезы сентиментализма ее как-то не тронули) впервые возник лишь после Отечественной войны 1812 года. И пройдет, по крайней мере, еще десятилетие, прежде чем романтизм овладеет сознанием сибиряков и в местной литературе появятся первые подражания В. Жуковскому. Наиболее же значительные произведения романтической поэзии Сибири создаются в 1830-х годах (стихи и поэмы Ф. Бальдауфа, А. Кузьмина, П. Ершова)

Встает вопрос: а почему не раньше? В силу двух важных обстоятельств. На первый взгляд, разных, тем не менее, достаточно тесно взаимосвязанных.

Первое — внешнее: восстание декабристов 1825 года. Оно потрясло всю Россию и не могло не повлиять на сибирскую жизнь. Правда, в Сибири его последствия оказались несколько иными, чем в Центре. Если в Европейской России общественная мысль была на несколько лет почти парализована, то в Сибири, напротив, зазвучала сильнее. Если после разгрома декабристов Европейская Россия лишилась самого передового отряда общественности, то Сибирь его «приобрела». Пусть даже в качестве ссыльных. И это не замедлило сказаться.

Декабристы были людьми высокой культуры. Оказалось среди них и немало людей литературно одаренных и даже хорошо известных в мире русской словесности. На долгие годы каторги и ссылки Сибирь стала их второй родиной. Большинство из них здесь впервые соприкоснулись с народной жизнью, с первозданной дикой природой, что стало прекрасным источником сибирской темы в их творчестве. Но через сибирское в произведениях своих декабристы шли к общенациональному и общечеловеческому. Значительно обогатили их творчество национальные культуры сибирских народностей, фольклор. Свое яркое отражение Сибирь нашла в стихах и прозе В. Кюхельбекера, А. Бестужева-Марлинского, ряда других декабристов.

Но и для Сибири присутствие декабристов тоже не прошло бесследно. Под влиянием ссыльных столичных дворян сибирские писатели стали пробовать себя в романтизме. Да и вообще, несколько переиначив известные слова В. Ленина, можно сказать, что декабристы разбудили не только Герцена, но и Сибирь, оказав на ее общественную и культурную жизнь огромное воздействие.

Второе обстоятельство, способствовавшее в 30-х годах XIX века культурному и литературному подъему Сибири, можно считать сугубо внутренним, хотя и глубинно связанным с внешним. Краеугольной чертой романтизма, как известно, является глубокая неудовлетворенность существующей реальностью, обостренное ощущение разрыва между желаемым (идеалом) и действительным. Такого рода неудовлетворенность подвигла передовое дворянство выйти на Сенатскую площадь. Но она же, как ни парадоксально, владела и представителями совсем другого сословия — сибирского купечества, набиравшего в начале девятнадцатого столетия силу.

Надо, между прочим, заметить, что в поре своего становления купечество сибирское играло исключительно прогрессивную роль. Оно заметно влияло на экономическую и культурную жизнь края. Богатые купцы собирали большие библиотеки и художественные галереи, выписывали массу журналов и книг, содержали театры, покровительствовали литераторам, издавали газеты. С лучшими представителями купеческого сословия связана и просветительская традиция в Сибири. И если в Европейской России носителем культуры было в это время дворянство, то в Сибири — просвещенное честолюбивое купечество. Оно, кстати, во многом разделяло бунтарские настроения дворян-декабристов, направленные (что его особенно грело) против произвола центральной чиновничьей бюрократии, от которой купцы тоже страдали. Сообразуясь с такой логикой, они покровительствовали ссыльным, и это также сказывалось на сибирской культуре самым положительным образом. Начинают, в частности, создаваться, как и в столицах, кружки любителей словесности, а с выходом в 1828 году в Красноярске «Енисейского альманаха» возрождается в Сибири журнальная периодика.

Романтизм в сибирском контексте

Что же представляла собой в Сибири романтическая литература? Начнем с поэзии.

Поэзия романтизма в Сибири развивалась под влиянием ее российских столпов: малые формы и лирика прежде всего испытывали на себе сильное воздействие В. Жуковско-

го и К. Батюшкова, а романтическая поэма целиком ориентировалась на А. Пушкина. Сибирские поэты вообще много позаимствовали из общерусского романтизма, в особенности характерные для этого направления мотивы любви, тоски, гордого одиночества.

Сибирский романтизм, однако, кое в чем и отличался от своих российских образцов. В том, например, что сибирская экзотика, «местный колорит» для писателей-сибиряков был не внешним явлением, приобретающим издали романтические очертания, а чем-то вполне реальным, конкретным и близким. Если, скажем, герой романтических поэм А. Пушкина, порывая с цивилизацией, устремлялся куда-нибудь «в туманную даль», то в произведения поэтов-сибиряков такой «земли обетованной» не было, куда мог бы уйти от мирских забот их герой; он оставался в своей Сибири. В силу чего в их произведениях наблюдалось значительно меньше романтических преувеличений и условностей, но зато встречалось гораздо больше достоверных картин и описаний, которые были основаны на глубоком знании предмета изображения, на использовании местного фольклора. Тому примером могут служить стихотворения и поэмы Е. Милькеева, А. Таскина, М. Александрова, ряда других представителей сибирского романтизма. И в первую очередь Ф. Бальдауфа.

Федор Иванович Бальдауф (1800 — 1839) родился в семье горного инженера. Учился в Петербургском горном кадетском корпусе, переименованном впоследствии в Горный институт. В эти годы он познакомился с будущими декабристами В. Кюхельбекером, А. Бестужевым-Марлинским, Ф. Глинкой. Ему довелось видеть А. Пушкина, читать свои стихи в присутствии Н. Карамзина, И. Крылова, В. Жуковского. В 1823 году по окончании корпуса Ф. Бальдауф вернулся в Нерчинский округ к месту службы. Трудился шахтмейстером на Нерчинском заводе, одновременно преподавал русский язык, географию и историю в местном горном училище, состоял секретарем при горном совете.

Но удары судьбы подстерегали Ф. Бальдауфа на каждом шагу: тяжелая горная работа, постоянная нужда, смерть брата, а потом и сестер от чахотки. К тому же, местные власти обвинили Ф. Бальдауфа в близких отношениях с отбывавшими ссылку декабристами и выслали его из Нерчинска на отдаленную Шилкинскую дистанцию, где он два года служил горным надзирателем. Здесь скончалась его мать. В конце 1838 года Ф. Бальдауфу удалось добиться разрешения на поездку в столицу в качестве офицера, сопровождающего заводской караван с серебром. Но по пути в Екатеринбург он заболел и умер.

Сочинительством Ф. Бальдауф стал заниматься еще в горном корпусе. В 1819 году журнал «Современник» напечатал его стихотворную повесть из жизни тунгусов «Кавиту и Тунгильби», встретившую поддержку А. Бестужева-Марлинского.

Начинал Ф. Бальдауф как поэт-лирик, но со временем все больше тяготел к романтизму. По художественному уровню поэзия Ф. Бальдауфа неравноценна. Лучшие же ее образцы основываются на сибирских впечатлениях и мотивах. В них отразился интерес поэта к жизни и быту местных народностей. Наиболее ярким тому примером может служить поэма «Авван и Гайро» (1834) о любви русского и тунгуски. Ее центральная сюжетная коллизия — любовь разочарованного городского юноши и прелестной «дикарки», дочери степей — явно навеяна пушкинскими романтическими поэмами.

Ф. Бальдауфу не удалось реализовать во всей полноте своего поэтического таланта и творческого потенциала, тем не менее, в истории литературной жизни Сибири он оставил весьма заметный след.

Впрочем, романтическая поэзия в целом получила в Сибири не особенно широкое распространение. А в 1830-х годах пальма первенства прочно перешла к романтической прозе — к повести и роману. И это было вполне в духе времени, ибо вообще «движение

русской литературы от стихов к прозе соответствовало все большему сближению ее с жизнью»¹, с внутренним миром человека, сложным и противоречивым.

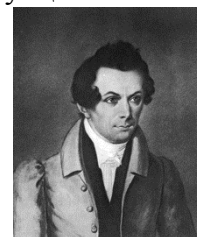
Становление же романтической прозы в Сибири происходило в условиях усиливающегося самодержавного деспотизма Николая I, с одной стороны, и интенсивного роста и обогащения местных предпринимателей, с другой. Последнее, как выше было сказано, способствовало накоплению книжных богатств и росту культуры.

Нелишне заметить, что сибирские писатели тех лет не были дворянами, как большинство их коллег по другую сторону Уральского хребта, а принадлежали, в основном, к служилой чиновничьей среде, поэтому по образу мысли и настроениям были близки к купечеству, что, в свою очередь, сказывалось на их идейно-художественных позициях.

Стремясь быть честными и протестуя против предубеждений, сложившихся в общественных кругах Европейской России, сибирские прозаики стремились дать реалистическое представление об их родном крае. При этом патриотических чувств отнюдь не идеализировали его. Напротив, подчас рисовали просто удручающие картины чудовищных злоупотреблений местной администрации, выступали с резким обличением существующих порядков. В чем нетрудно убедиться, знакомясь с прозой Н. Щукина, Н. Бобылева или же будущего редактора журнала «Московский телеграф» Н. Полевого, с которой собственно и начинается романтическая проза Сибири.

Родоначальник романтической прозы Сибири

Николай Алексеевич Полевой (1796 — 1846) — прозаик, драматург, публицист, литературный критик, историк, журналист — родился в Иркутске, в семье купца. Полевые любили книги, выписывали журналы. Этот гостеприимный дом посещали многие известные люди. В их числе путешественник Г. Шелихов, писатель И. Калашников. А ссыльный князь В. Горчаков был домашним учителем Николая, благодаря которому он получил разностороннее образование. В 1811 году семья Полевых перебирается в Курск, а в 1820-м — в Москву.

К изящной словесности Н. Полевой впервые обращается в 1817 году, а после переезда в первопрестольную живет исключительно литературным трудом. В 1825 году Н. Полевой основал журнал «Московский телеграф», который издавал десять лет. И эти годы в его творческой жизни стали самыми плодотворными.

В. Белинский называл «Московским телеграфом» лучшим журналом России и заявлял, что руководимое Н. Полевым издание сыграло в литературной жизни страны значительную роль. Высоко оценивая просветительскую деятельность Н. Полевого, критик положительно отзывался и о его прозе, особенно той ее части, что посвящена была Сибири.

Сибирская тема занимала видное место в «Сибирском телеграфе», опубликовавшем более двадцати произведений о Сибири. В том числе и самого Н. Полевого, в которых он горячо воспевал свой родной край и пророчил ему большое будущее. Весьма популярными становятся принадлежащие перу Н. Полевого повести «Сохатый», «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь», драма «Параша-сибирячка», «Анекдоты сибирской храбрости». В них писатель не только рисует в мажорных красках картины сибирской природы, рассказывает о быте, нравах, культуре сибиряков, но и вообще стремится привить читателям совершенно новый взгляд на Сибирь. Он разбивает традиционное представление о ней, как об окраине, населенной сплошь страшными разбойниками, убийцами, ворами, грабителями и настаивает на том, что «нравы сибиряков, образ жизни, степень просвещения такие же, как в Великой России». Вместе с тем «сибирский колорит» в произведениях Н. Полевого очень условен и сами они есть скорее подражание «разбойничьим» повестям западноевропейского романтизма.

¹ История русской литературы в 3-х т. Т. 2. — М. — Л., 1963, с. 369.

Как бы то ни было, роль Н. Полевого в развитии литературы Сибири достаточно значительна. Он стал одним из первопроходцев литературного движения Сибири и пропагандистом сибирской темы в общерусской литературе. Заново открывая русскому читателю Сибирь, Н. Полевой собственными произведениями доказывал, что и сам этот край, и люди его — богатый и благодатный материал для любого писателя. Немалая заслуга Н. Полевого и в том, что вслед за ним в литературу русскую влилась большая группа писателей-сибиряков.

Сибирский Фенимор Купер

Говоря о романтической прозе Сибири, нельзя не вспомнить еще одну ее знаковую фигуру — И. Калашникова.

Иван Тимофеевич Калашников (1797 — 1863) родился в Иркутске, в чиновничьей семье. После окончания местной гимназии поступил в Иркутскую казенную экспедицию. Служба здесь помогла будущему писателю познакомиться с нравами и обычаями коренных сибирских народов.

В юные годы воспитанием И. Калашникова занимался П. Словцов, будущий автор «Исторического обозрения Сибири». Он обратил серьезное внимание на талантливую юношу. С помощью П. Словцова И. Калашников в 1822 году был переведен в Тобольск, еще через год — в Петербург, где и прожил до конца дней своих, служа чиновником в различных департаментах.

Это был один из даровитейших сибирских прозаиков первой трети XIX века. И. Калашникова принято считать родоначальником исторического романа в Сибири. Современники называли его «сибирским Фенимором Купером». Также пробовал он свои силы в поэзии и публицистике.

В 1830-х годах творчество И. Калашникова пользовалось немалым успехом. О его романах — таких, как «Дочь купца Жолобова» (1831), рассказывающем о жизни сибирского купечества и чиновничества, «Камчадалка» (1833), посвященном аборигенам российской окраины, и романа о политических ссыльных «Изгнанники» (1834), — с одобрением отзывались А. Пушкин, А. Кюхельбекер, Н. Некрасов, И. Крылов, Н. Полевой. Пристально следил за творчеством И. Калашникова В. Белинский, который, впрочем, относился к нему весьма сурово: резко критиковал за «напыщенность и слезливую сентиментальность».

Наиболее крупным и значительным произведением И. Калашникова является роман «Дочь купца Жолобова». Роман был переведен на немецкий язык. О нем положительно отзывался В. Гюго. Благосклонно оценивала его и западноевропейская критика.

История, которая легла в сюжетную основу романа, писатель услышал от своего отца, ставшего очевидцем событий, связанных с сумасбродством выжившего из ума начальника Нарчинских заводов В. Нарышкина.

Как и другие свои произведения, И. Калашников насыщает роман всякого рода «краеведческим» материалом — этнографическими, географическими, историческими и т. п. экскурсами и справками. Он щедро вводит в плоть произведения подлинные факты и сведения из прошлого Сибири.

Правда, по собственному признанию И. Калашникова, «некоторые происшествия, случившиеся в разное время», он «соединял в одну раму, оправдывая себя тем, что «так делывал и сам родоначальник новейших романов, неподражаемый Вальтер Скотт»², который, к слову, был его кумиром и у которого И. Калашников многому учился. Прежде всего, умению строить авантюрную интригу.

² Калашников Иван. Дочь купца Жолобова. — Спб, 1831, с. 4-5. (Цит. по кн. Очерки русской литературы Сибири в 2-х т.. — Новосибирск, 1982, т.1, с. 266).

Опираясь на авторитет В. Скотта, И. Калашников отстаивал также в своем творчестве право художника на отступления от исторической правды. Как истинный романтик он противопоставлял историю поэзии в пользу последней, полагая, что история может только побудить, но не удовлетворить желание «быть зрителем рассказанных ею происшествий». И тогда «на помощь душе приходит божественная, всемогущая поэзия...» Подобно писателю-маринисту А. Бестужеву-Марлинскому, еще одному яркому представителю русской романтической прозы, И. Калашников считал, что воскресить прошлое — значит, оживить человеческие страсти, увидеть людей с «тайными их думами, с сокровенными порывами души, с неразгаданными муками и наслаждениями, с утаенными злодействами и добродетелями»³.

И, опять же, как типичный романтик И. Калашников стремился выразить через изображаемые им конфликты идею «роковой» неизбежности страданий добрых и честных людей. Сибирь же И. Калашников старался показать как страну, где есть люди честные, сильные и смелые, где рождаются высокие чувства и стремления. И. Калашников прилагал все усилия к тому, чтобы разрушить превратное представление о своей «малой родине» как о «дикой» стране с «дикими» жителями и показать истинное ее лицо.

Достоинства и слабости «Дочери купца Желобова» повторились и «Камчадалке». Произведения эти вообще во многом схожи. В том, прежде всего, что, как отмечал сам автор, «здесь и там действие происходит в Сибири, и таким образом оба сии романа знакомят читателя с сибирскою природою и туземными обитателями».

Интересно, что, при всем романтическом антураже и тональности, в изображении быта камчадалов И. Калашников остается по-прежнему этнографически точным и объективным. Аборигены изображены им как люди темные, невежественные, полные диких предрассудков, а их религиозные верования отражают крайне примитивное представление о мире. При этом писателем подчеркивается смирение и покорность камчадалов, их забитость, позволявшие русским начальникам тиранить, угнетать и обирать до нитки.

Но обращает автор внимание и на то, что, несмотря на все это, камчадалы народ честный, верный слову, мужественный и стойкий в минуты испытаний. Чего нельзя сказать, подчеркивает писатель, о многих русских, проживающих с ними бок о бок. О казаках, например, устраивающих аборигенам жестокие экзекуции, или начальнике Камчатки, некоем Антоне Григорьевиче, который здесь, на краю света, чувствует себя совершенно безнаказанно и творит чудовищные вещи.

Подчас нагнетание зла и ужаса в романе «Камчадалка» явно чрезмерно, что впрочем, также вполне в духе романтизма. Подкупает, однако, искренняя авторская боль за судьбы беззащитных людей и его гнев по поводу произволу и самодурства царских чиновников.

В романтическом ключе написан и роман «Изгнанники», хотя, в то же время, это, пожалуй, наиболее реалистическое произведение И. Калашникова.

С наступлением и развитием в русской литературе «натуральной школы» романтические повествования И. Калашникова быстро отошли в тень, тем не менее, след свой в сибирской литературе первой половины XIX века они оставили.

Жар-птица из холодных краев

Но пора уже сказать и о самой, наверное, яркой фигуре не только сибирского романтизма, но и вообще всей литературы Сибири девятнадцатого столетия — **Петре Павловиче Ершове** (1815 — 1869).

Его имя ассоциируется в первую очередь и главным образом с поэтической сказкой «Конек-Горбунок». И это совершенно естественно, поскольку на протяжении вот уже без малого двух веков ею зачитываются

³ Калашников Иван. Дочь купца Жолобова. — Спб, 1831, с. 4-5. (Цит. по кн. Очерки русской литературы Сибири в 2-х т.. — Новосибирск, 1982, т.1, с. 13).

люди разных возрастов и поколений не только в России, но и по всему миру. Увидевшая свет в 1834 году сказка эта только у нас в стране переиздавалась около трехсот раз общим тиражом более десяти миллионов экземпляров. Помимо того, «Конек-Горбунок» переведен на все основные языки планеты, выходил во многих странах мира. Прочно прописалась сказка на драматической и балетной сценах.

В чем же причины столь необыкновенной популярности этого произведения?

Сказать коротко — в глубоких народных корнях и истоках, что особенно хорошо видно на образах главных его героев Ивана и Конька-Горбунка. Через них автору удалось выразить самую суть русского человека, показать, каким духовным богатством он владеет. Да и другим персонажам в народности не откажешь. Хорошо знакомым фольклорным типом видится, например, жестокий, жадный и сластолюбивый царь, привыкший загребать жар чужими руками.

Надо сказать, что именно фольклор стал прочным фундаментом сказочной поэмы П. Ершова. Его духом пронизано все произведение. Автору удалось искусно сплести различные мотивы русских сказок, в том числе и услышанные от жителей Сибири. Поэт переплавил богатейший фольклорно-сказочный материал и создал на его основе совершенно оригинальное произведение, оплодотворенное собственной фантазией и мироощущением.

Великолепно зная устное народное творчество, П. Ершов широко и умело пользуется его поэтической стихией, особенно ощутимой в разного рода поговорках, присказках, сравнениях, местных сибирских диалектизмах. П. Ершов вообще стремится сделать текст максимально разговорным, создать впечатление, что поэма действительно родилась в народных недрах, а он, автор, лишь записал ее, сохранив в ней и просторечные обороты, и фольклорную образность, и сверкание блесков народного юмора. И успешно этого достигает.

Вместе с тем сказка написана поразительно легкими, «летучими» стихами. И, наверное, именно это умение создателя «Конька-Горбунка» подчинять народную языковую стихию собственным художественным задачам дало повод А. Пушкину сказать, что сей «Ершов владеет своим стихом, как крепостным мужиком». Сам искусный сказочник, Александр Сергеевич настолько высоко оценивал «Конька-Горбунка», что однажды при личной встрече с П. Ершовым сказал: «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить»⁴.

Правда, отношение к «Коньку-Горбунку» не было однозначным. У одних поэма вызвала восторг, у других — неприязнь и даже отторжение. Ее отвергали официальные круги, что при антимонархической, античиновничьей направленности сказки вполне естественно. Цензура сначала беспощадно вымарывала в ней острые места, а впоследствии и вовсе запретила. Однако не принял ее и В. Белинский, утверждавший, что сказка эта «не имеет не только художественного достоинства, но даже и достоинства забавного фарса»⁵. К слову сказать, «неистовый Виссарион» и сказки А. Пушкина тоже считал неудачей, «плодом ложного стремления к народности»⁶. Время, впрочем, все расставило по местам: вопреки мнению великого критика сказки А. Пушкина и П. Ершова продолжают жить.

Но вот какая любопытная и очень существенная деталь: если А. Пушкин пришел к сказкам уже в зрелом возрасте и в зените поэтической славы, то П. Ершов своего «Конька-Горбунка» написал девятнадцатилетним юношей в начале творческого пути. Феноменально? Безусловно! И, на первый взгляд, просто невероятно! Однако жизнь и судьба сибирского поэта многое могут объяснить.

⁴ Петр Павлович Ершов, автор сказки «Конек-Горбунок». Биографические воспоминания университетского товарища его А.К. Ярославцова. Спб, 1872, с. 2. (Цит. по кн. Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982, т. 1, с. 277).

⁵ Белинский В.Г. «Конек-Горбунок». Русская сказка. Соч. П. Ершова в III частях. // Полн. собр. соч., т. I. — М., 1953, с. 151.

⁶ Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. // Полн. Собр. соч., т. VII. — М., 1955, с. 576.

П. Ершов родился в деревне Безруково под Ишимом. Отец поэта служил исправником, и все детство Петра прошло в разъездах по Сибири. Поэтому с ранних лет ему приходилось встречаться с людьми самых разных сословий: с крестьянами, казаками, ямщиками, охотниками... От них мальчик многое узнал о жизни русского народа, услышал живую, сочную разговорную речь. Да и в сказках, песнях, которых в эти годы пришлось немало услышать, воспевался и прославлялся простой человек — крестьянин, солдат, мастеровой... Все это, конечно, не могло не отложиться в памяти и душе чрезвычайно восприимчивого, не по годам развитого ребенка и не стать той благотворной питательной средой, в которой вызревал будущий поэт.

Большой след в судьбе П. Ершова оставили годы (1825 — 1830), проведенные в Тобольске, где он учился в гимназии. Именно здесь довелось ему познакомиться с такими выдающимися личностями, как историк П. Словцов, ссыльный композитор А. Алябьев, директор гимназии и очень прогрессивный для своего времени педагог И. Менделеев — отец великого химика Дмитрия Менделеева. Каждый из них оказал на формирование молодого П. Ершова заметное влияние. Так что, несмотря на юный возраст, будущий автор «Конька-Горбунка», уезжая в Петербург поступать в университет, имел уже все задатки для того, чтобы стать настоящим поэтом.

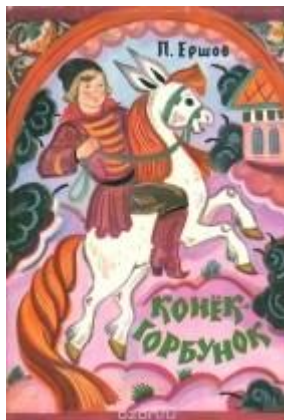
О петербургском периоде своей жизни П. Ершов всегда вспоминал с теплым чувством, смешанным, правда, с горечью, как о времени светлых надежд, далеко не всем которым, увы, суждено было осуществиться. Хотя первые годы пребывания в столице оказались действительно радостными и счастливыми. Прежде всего, конечно, потому, что увидела свет, стала литературным фактом поэма «Конек-Горбунок».

Да она, наверное, и не могла не появиться именно тогда, в середине 1830-х годов. Не просто потому, что сам автор был переполнен ею. Литературная обстановка тех лет тоже как нельзя лучше способствовали рождению произведений такого жанра. Вспомним, к нему обращаются В. Жуковский, Н. Языков. В начале 1830-х появляются «Русские сказки» В. Даля. В этот же период публикует свои сказки А. Пушкин. Последнее обстоятельство скорей всего и стало решающим фактором для молодого поэта, ибо сказочное, как, впрочем, и вообще все творчество Александра Сергеевича, было для П. Ершова эталоном.

После публикации «Конька-Горбунка» П. Ершов становится частым гостем на страницах столичных газет и журналов, где выступает со стихами, поэмами, пьесами и даже рассказами. Но большинство его новых произведений лишены неповторимой свежести и оригинальности «Конька-Горбунка». Лишь в немногих, таких например, как водевиль «Суворов и станционный смотритель», ощущается живая народная струя.

Пытался П. Ершов вернуться и к счастливому для себя жанру стихотворной сказки. Даже задумал написать целый поэтический свод («сказку сказок»). Но дальше замысла и отдельных, не очень интересных фрагментов дело не пошло.

Литературные неудачи П. Ершова сопровождались семейными несчастьями: умер отец, следом — старший брат. После окончания университета поэт остался фактически без средств к существованию. Выход из создавшегося положения П. Ершов видел только

в возвращении в Сибирь. В стихотворении «Прощание с Петербургом» он писал: «На небе родины далекой меня другое солнце ждет». Поэту казалось, что на берегах Иртыша он снова обретет творческие силы и сможет осуществить все свои замыслы.

Летом 1836 года П. Ершов с матерью уезжает в Тобольск. На всегда. Здесь он становится учителем гимназии. Ему удается хорошо зарекомендовать себя на новом поприще. Во всяком случае, преподает новый педагог весьма нетрадиционно: курс словесности читает по университетским лекциям, рассказывает учащимся о своих встречах с А. Пушкиным, В. Жуковским, другими светилами русской литературы, организует гимназический театр... Новаторство его, правда, далеко не всем по душе. Частенько натывается он на

стену глухого раздражения, провинциальной косности, а то и откровенной враждебности. Все это, как и постоянные обременительные заботы о куске хлеба, угнетает поэта и явно не способствует творческому вдохновению.

Хотя литературных занятий он не оставляет. Пишет, например, полные пессимизма и разочарования стихи. В одном из них с характерным названием «Грусть», беспощадно оценивая прожитую жизнь, поэт признается: «И сердцу сладкие о днях воспоминанья мешаются во мне с отравой страданья».

Едва ли не лучшим из всего написанного П. Ершовым в Тобольске стала навеянная историческим прошлым Прииртышья и основанная на старинном сказании поэма «Сузге» (1837), рассказывающая о любви хана Кучума к черноглазой красавице-наложнице Сузге. Лирические перипетии этой истории разворачиваются на фоне событий, связанных с присоединением Сибири к России. Поэма не лишена весьма существенных недостатков. Тем не менее, в литературе российской она стала явлением незаурядным и дожила, неоднократно переиздаваясь, до наших дней.

Пробует себя П. Ершов и в прозе. А 1857 году им опубликован цикл рассказов «Осенние вечера». В них современники поэта без труда под личиной тех или иных героев угадывали реальных, живших в Тобольске, людей. В том числе и самого автора. Писателю удалось здесь многое: и характеры персонажей, и их, каждого с особенкой, речь. Налицо и сюжетное мастерство. Ну а главное, что весь цикл был пронизан согревающей душу и сердце человечностью, которой вообще отмечены лучшие произведения П. Ершова. Цикл «Осенние вечера» стал, к сожалению, его последней значительной художественной вещью.

В 1857 году П. Ершова назначают директором Тобольской гимназии. За пять лет пребывания на этом посту он успел немало сделать для развития просвещения в Сибири.

В 1862 году П. Ершов вышел в отставку и остался полностью не у дел. Жилось ему в ту пору очень трудно. Обремененный большой семьей, он бедствовал порой настолько, что даже не мог купить дров для отопления дома. С помощью Д. Менделеева — бывшего своего ученика и будущего создателя периодической системы (тот был женат на падчерице поэта) — П. Ершов выхлопотал пенсию, которая, впрочем, ненамного и ненадолго улучшила его положение...

Скончался П. Ершов на 55-м году жизни. Похоронили его в верхней части Тобольска, на кладбище за древним валом, возведенном еще сподвижниками Ермака. На могиле поэта установлен мраморный памятник с исчерпывающе-лаконичной надписью: «Петр Павлович Ершов, автор народной сказки «Конек-Горбунок».

Мог ли предположить стихотворец из далекого сибирского города, сочиняя «на заре туманной юности» веселую и увлекательную сказочную поэму, что переживет она его на столетия, что выпущенная им с листа бумаги фантастическая Жар-птица осветит и согреет души и сердца не одного поколения благодарных читателей!..

Неспешная поступь «натуральной школы»

Романтизм в сибирской словесности просуществовал почти до середины XIX века, но в недрах его уже созревало куда более могучее и жизнеспособное направление — реализм.

Как и другие «измы», реализм в Сибири запаздывал. Читающая публика где-нибудь в Иркутске или Красноярске предпочитала, к примеру, реалистическим повестям А. Пушкина его же романтические поэмы. Да и вообще проза великого поэта котирировалась у сибиряков куда ниже, скажем, романов В. Скотта или И. Лажечникова. Гоголевские же «Мертвые души» и вовсе считались пустой вещью и «огромной пошлостью», а нравились в них только красочные и звучные лирические отступления типа «чуден Днепр» или «Эй, тройка! птица тройка...».

Переход от романтизма к реализму совершался в Сибири медленно еще и оттого, что не появилось здесь в первой половине девятнадцатого столетия талантов такого масштаба и силы, которые были бы способны поддержать реалистические начинания складывающейся «натуральной школы».

Не способствовала быстрому литературному прогрессу и сама сибирская действительность. К середине XIX века Сибирь по-прежнему оставалась колонией. А вот сибирская буржуазия к этому времени начала утрачивать интерес к духовным и культурным ценностям, к общественным заботам, которым славилась ранее, когда боролась с всевластной царской администрацией.

Усугубляло дело почти полное отсутствие местного книгоиздательства (печатались сибирские писатели, в основном, в столицах). Одиночество и разобщенность литературных талантов, затерянных в сибирской глуши, тоже не лучшим образом сказывалось на нормальном течении литературного процесса.

Начинался же реализм в Сибири с очерка, который к середине XIX века стал лидирующим жанром во всей русской литературе. Его развитие поначалу было тесно связано, с одной стороны, с романтизмом, а с другой — сибирским краеведением, испытывавшим в первой трети девятнадцатого столетия значительный подъем. Краеведческое начало, стремление писать «сибирскую быль», «рисовать с натуры» проявляются в целом ряде произведений писателей-сибиряков («Письма из Сибири» П. Словцова, «Поездка в Якутск» Н. Щукина, «Записки и замечания о Сибири» Е. Авдеевой-Полевой и др.).

В 1840-х годах дальнейшее развитие сибирской очерковой прозы шло уже под воздействием «натуральной школы», что подтверждают, в частности, произведения А. Мордвинова, В. Паршина, С. Черепанова, написанные в форме путевого очерка.

В эти же годы, потеснив очерк нравоописательный, на передовые позиции в русской литературе выдвинулся «физиологический» очерк, то есть социально-краеведческий и бытописательский. В Сибири его тенденции развивали именно писатели-краеведы. Но, в отличие от столичных коллег, они свое внимание сосредоточивали не на жизни крупных городов, а на провинции. «Физиологический» очерк 1840-х годов вступает в тесное взаимодействие с другими жанрами русской прозы, в частности, с повестью. Сюжеты в подобного рода «физиологических» повестях подчинялись течению жизни, а подлинная действительность становилась их содержанием.

В этот же период возникает в Сибири такой отсутствовавший ранее в ее литературе жанр, как рассказ. Появился он позже романа и повести, видимо, потому, что требовал особого умения сказать многое в лаконичной форме. Первой обратилась к нему сибирская писательница Е. Авдеева-Полевая (1789 — 1865). В 1848 году журнал «Отечественные записки» опубликовал ее рассказ «Страшная гроза». Литературным явлением он, правда, не стал.

А вот поэтическая муза к середине девятнадцатого столетия сдала основательно. Романтизм в поэзии к этому времени себя окончательно изжил, реализм же на сибирском Парнасе утверждался медленно и трудно. Что подтверждает творческая эволюция наиболее даровитых стихотворцев Сибири этого периода М. Александрова, Е. Милькеева, Д. Давыдова.

Стихи **Матвея Александрова** (1800 — 1860) полны резкого обличительного пафоса и социального протеста. Сибирь воспринимается поэтом как страна резких контрастов богатства и нищеты. В стихах М. Александрова уживаются романтические и конкретные жизненные мотивы. В его творчестве наглядно отразилась как собственная эволюция от романтизма к реализму, так и общее движение литературы Сибири середины девятнадцатого столетия к реалистическому воспроизведению действительности.

Поэзия **Евгения Лукича Милькеева** (1815 — 1845) противоречива, во многом подражательна, но в лучших проявлениях тяготеет к простому, выразительному изображению

событий и предметов. Довольно сильны у него религиозные мотивы. В отличие от других выходцев из Сибири, он реже обращается к конкретной сибирской действительности; его стихам не свойственен этнографизм. Он избегает описательности, стремится к поэтическим обобщениям. Во многих стихах Е. Милькеев склонен к философским раздумьям, чем в определенной мере сближается с поэзией Ф. Тютчева.

Певец природы и людей

Особняком в этой троице стоит Д. Давыдов. Современники называли его «талантом сильным и самобытным», которому по сложившимся обстоятельствам не суждено было сполна реализоваться. Речь идет совсем не о знаменитом поэте-гусаре, герое Отечественной войны 1812 года и друге А. Пушкина Денисе Давыдове, а о Дмитрие Давыдове, имевшем, впрочем, с первым родственные связи по отцовской линии.

Дмитрий Павлович Давыдов (1811 — 1888) родился в Ачинске Красноярского края, в семье чиновника. Получив домашнее образование, служил писцом в Ачинском окружном суде, но мечтал о педагогической деятельности, к которой чувствовал призвание. И через некоторое время, выдержав при Иркутской губернской гимназии экзамен на звание учителя, Д. Давыдов становится преподавателем. Работает сначала в Троицкославском, потом Якутском уездных училищах, а с 1846 по 1859 год занимает должность смотрителя училищ Верхнеудинского округа.

Талантливый педагог, он радел, по его словам, «о распространении грамотности, смягчении нравов и развитии ума своих воспитанников». Д. Давыдов добивался открытия новых школ, заботился об улучшении преподавания. Кроме того, он живо интересовался развитием литературы и науки, занимался активной деятельностью в области естествознания археологии этнографии, вел метеорологические наблюдения, принимал участие в экспедициях Русского географического общества. Д. Давыдов изучил бурятский, монгольский, якутский языки. В 1852 году издал в Берлине «Русско-якутский словарь». Он хорошо знал и очень любил устное народное творчество народов Сибири... Личностью, в общем, был удивительно разносторонней и незаурядной.

Но обессмертил Д. Давыдов себя как раз не этим всем. Помимо прочего, он был еще и поэтом.

Писать начал рано. Еще в юности создал два романа в стихах: «Наташа» и «Заветный бокал». Но в печати дебютировал лишь в 1856 году в петербургской газете «Золотое руно». Здесь же был опубликован впоследствии и целый ряд очерковых и поэтических произведений Д. Давыдова из сибирской жизни. В их числе поэма «Ширэ гуйлгуху», или Волшебная скамеечка», а так же наиболее известное в его творчестве стихотворение «Дума беглеца на Байкале» (1858), которое превратилось со временем в горячо любимую народную песню «Славное море — священный Байкал» (названа по первой строке)⁷.

На широкое распространение этой песни в 1860-х годах обратил внимание известный этнограф С. Максимов, путешествовавший по местам сибирской каторги. Приведя в своей книге «Сибирь и каторга» текст этой песни, он отметил, что она, хорошо знакомая в нерчинских тюрьмах, отличается «некоторыми достоинствами и даже искусством, обличающим опытного стихотворца». И далее С. Максимов писал, что «песню для пущего колорита подцветили даже местными словами». Д. Давыдов в то время был еще жив, но заезжий исследователь народного быта так и не установил автора. Он ограничился лишь беглым замечанием: «Вот, стало быть, барин какой-то снизошел подарком и написал арестантам стихи»⁸.

⁷ У автора: «Славное море — привольный Байкал».

⁸ Максимов С. Сибирь и каторга, в 3-х частях. Ч. 2. — Спб, 1871, с. 409-410.

Большой знаток сибирской культуры Н. Ядринцев и вовсе считал «Славное море — священный Байкал» произведением народной поэзии. В своей работе «Ссылка и ссыльные в Сибири» он писал, что уже сама переправа через громадное и бурное, как море, озеро Байкал «дала пищу многочисленным, дышащим правдой и неподдельной поэзией, песням бродяг». И отмечал при этом, что «даже в старинное время некоторые бродяжеские песни отличались безукоризненной отделкой внешней формы и верностью стиха». А в качестве примера приводил текст «Славного моря...»⁹.

Превращения стихотворения Д. Давыдова «Дума про беглеца на Байкале» в народную песню, в своего рода, «сибирский гимн» отнюдь не случайно: от него действительно веет байкальским простором, горячей жаждой воли и отважным стремлением преодолеть на пути к ней все преграды.

Любопытно, что, публикуя «Думы беглеца на Байкале» в газете «Золотое руно» (1858, №3), Д. Давыдов в примечаниях к тексту пояснил и самый сюжет, и встречающиеся местные слова. Оказывается, беглецов с каторжных заводов (а герой песни — один из них) называли «проходимыми». Во время побегов они питались подаяниями сельских жителей и больше всего боялись горной стражи и зверопромышленников, стрелявших в них без колебаний. В комментариях Д. Давыдов пишет: «Беглецы с необыкновенной смелостью преодолевают естественные препятствия в дороге. Они идут через хребты гор, через болота, переплывают огромные реки на каком-нибудь обломке бревна, и были примеры, что они рисковали переплыть Байкал в бочках, которые иногда находят на берегу моря, и в которых рыболовы солят омулей».

А теперь заглянем в текст песни:

*Славное море — священный Байкал!
Славный корабль — омулевая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.*

*Долго я тяжкие цепи носил,
Долго бродил я в горах Акатуя,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я волю почуя.*

*Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дёбрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.*

*Шел я и ночь и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.*

*Славное море — священный Байкал,
Славный мой парус — кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.*

Комментарии полностью соответствуют содержанию песни. Д. Давыдов очень точно и правильно отобразил конкретные реалии сибирской действительности.

Правда, в процессе устной передачи стихотворение «Думы беглеца на «Байкале» претерпело изменения. В дошедшем до нас варианте сохранилось лишь пять строф-

⁹ См. Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982, т. 1, с 332.

куплетов (выше они приведены) из первоначальных одиннадцати. Изменились отдельные фразы и слова, но основа осталась та же и сохранилось главное — внутреннее состояние героя песни. Автору с большой эмоциональной силой удалось выразить страстный позыв человека к свободе. Вечный позыв. Потому и песня живет, став нетленным памятником своему создателю.

В 1859 году Д. Давыдов вышел в отставку и поселился в Иркутске. Тяжелый недуг, почти на десяток лет приковавший его к постели, привел поэта к слепоте. Но он не сдался. В 1871 году в Иркутске вышла своеобразная стихотворная автобиография «Поэтические картины». Вот, собственно, и все его творческое наследие. Следует, правда учесть, что значительная часть произведений Д. Давыдова погибла в рукописях: сначала во время пожара в Якутске, потом в результате наводнения в Иркутске.

В 1879 году семейство Давыдовых переехало в Тобольск. Здесь и прошли последние годы жизни Дмитрия Павловича, проведенные им в научных и литературных трудах.

Поэтические произведения Д. Давыдова, написанные простым, ясным, легким слогом, посвящены, в основном, Сибири. Насыщенные местным колоритом, они впитали в себя фольклорные мотивы и этнографические подробности быта и обычаев сибирских народностей. В автобиографическом стихотворении «Сибирский поэт» Д. Давыдов называл себя «сибирским Баяном», певцом природы и людей. Несколько высокопарно, однако по существу верно. И сибирскую природу, и людей, населяющих родной край, поэт безмерно любил, что и нашло отражение в его поэзии,

Своим творчеством Д. Давыдов как бы завершает первую половину XIX века сибирской литературы. Связанный с некоторыми поэтическими традициями предшественников-романтиков, проявлявший, как и они, обостренное внимание к быту, нравам, фольклору сибиряков, он вместе с тем выступал уже как художник-реалист, поднимавший сибирскую литературу на принципиально новую ступень развития.

Социальная борьба как двигатель развития сибирской словесности

Начало нового витка в развитии сибирской словесности приходится на 60-е годы XIX века. В это время наблюдается значительный подъем литературной жизни. Связан он с активизацией социальной борьбы в России после известного царского манифеста 1861 года, по которому крепостное право отменялось, но землю крестьяне не получили. Стремительно набирают силы революционные демократы. Их издания, в том числе и «Колокол» Герцена, имеют в Сибири весьма широкое распространение. Все значительнее влияют на ее общественную и литературную жизнь ссыльные. В 1864 году на сибирскую каторгу отправляют Н. Чернышевского. Почти двадцать лет (до 1883 г.) пробыл он здесь и пользовался большим авторитетом как у ссыльных, так и у демократически настроенной части сибирского населения.

Не отставала и разночинная молодежь. Пройдя школу революционной борьбы в столицах, она стала инициатором движения, получившего название «областничество». Влияние его лидеров — Г. Потанина и Н. Ядринцева — на местную общественную и литературную жизнь было очень велико. Сибирских писателей в программе областников привлекали прежде всего идеи бескорыстного и самоотверженного служения родному краю. Тем более что и вопрос о «сибирской литературе» решался «областниками» в тесной взаимосвязи с планами развития Сибири.

Литературу же «областники» рассматривали как одно из средств пробуждения высоких гражданских чувств и требовали от писателей служения интересам сибирского крестьянства, правдивого и честного изображения жизни, хотели видеть в мастерах слова людей, способных активизировать духовные интересы местной интеллигенции. В силу чего высокая идейность (и даже идеологизированность) становится визитной карточкой многих произведений сибирской литературы тех лет.

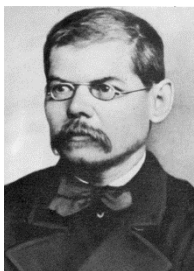
В 1860-е годы начался подлинный расцвет русской реалистической прозы. И. Тургенев, Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Гончаров, М. Салтыков-Щедрин своим творчеством успешно доказывали громадные возможности «натуральной школы» в изображении современности.

И как нельзя лучше способствовала этому форма социально-политического романа, которую охотно использовали известные русские писатели. С большой остротой в их произведениях ставился вопрос об отживающем и нарождающемся типе общественного деятеля. Так называемым «лишним людям» противостояли «новые», иначе говоря, разночинцы, за которыми, были убеждены многие прозаики второй половины девятнадцатого столетия, будущее.

К проблемам подобного рода писатели сибирские относились с пониманием и сочувствием, но в бескрепостной и беспомещичьей Сибири актуальными они не были. Хотя в сибирской прозе и поэзии 1860-х годов тоже нетрудно найти отзвуки ожесточенной идейной борьбы, которая развернулась в то время в России в связи с зарождением народничества. Народники уповали на сельскую общину как на главное средство спасения от капитализма. Некоторые сибирские писатели эти взгляды разделяли. Так, Н. Ядринцев в книге «Русская община в тюрьме и ссылке» утверждал, что община — именно та социальная ячейка, которая приведет к коренному переустройству социально-экономической жизни России, в том числе и Сибири.

Пиком взлета общественно-политической мысли в Сибири стали 1870-е годы. Укрепились областнические тенденции, наиболее сильно отразившиеся во взглядах Г. Потанина и Н. Ядринцева.

Отцы сибирского областничества

Григорий Николаевич Потанин (1835 — 1920) родился в станице Ямышевской Семипалатинской губернии, в семье есаула Сибирского казачьего войска. После окончания в Омске Сибирского кадетского корпуса участвовал в присоединении к России Заилийского края и закладке укрепления Верный (нынешний Алма-Ата). В 1856 году возвращается в Омск, а в 1858-м, расставшись с военной службой, переезжает в Томск. Год спустя Г. Потанин поступает вольнослушателем в Петербургский университет. Окончить его не удалось. За участие в студенческих волнениях попал в

Петропавловскую крепость, после чего был выслан обратно в Сибирь. Здесь начинается его научная и общественно-политическая деятельность.

В 1862 году Г. Потанин избран членом-сотрудником Российского географического общества. В 1864-м получил должность переводчика с татарского языка при омском генерал-губернаторе. Участвовал в экспедиции на озеро Зайсан. В конце того же года переехал в Томск, где служил секретарем Томского статистического Комитета при губернаторе, занимался крестьянскими и инородческими делами и преподавал естественную историю в мужской и женской гимназиях.

В 1865 году за прокламацию «Сибирским патриотам» Г. Потанин был помещен в Омский острог, а в 1868-м приговорен к лишению гражданских прав и пятнадцати годам каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой. Царем Александром II срок каторги был сокращен до пяти лет. В 1871 году Г. Потанина досрочно освободили и направили на поселение в Вологодскую губернию. А в 1874 году после помилования Г. Потанин уехал в Петербург.

Начиная с 1876 года, Г. Потанин совершает ряд крупных путешествий: по Монголии, Китаю, Восточному Тибету, Внутренней Монголии, Большому Хингану... Путевые очерки и заметки публикует в российских журналах и газетах «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», по материалам своих путешествий издает книги. Между пу-

тешествиями живет наездами в Петербурге, Красноярске, Иркутске, Барнауле, пока в 1902 году его постоянным местом жительства не становится город Томск.

Много времени и сил Г. Потанин отдает работе в Российском географическом обществе. В 1887 году он становится правителем дел Восточно-Сибирского отделения РГО, и в этом качестве осуществляет большую организаторскую и издательскую работу.

Г. Потанин ведет также огромную научную, культурную и общественную деятельность. В Томске его избирают председателем Совета общества попечения о начальном образовании. По инициативе Г. Потанина создается Томское литературно-драматическое общество, которое издает журналы «Молодая Сибирь» и «Сибирская новь», Высшие женские курсы. Организует Г. Потанин в Томске и ряд печатных изданий. Публикует в сибирской периодике много собственных материалов. Работает над книгой воспоминаний.

При всей этой многообразной деятельности, не оставляет он и поприще социально-политической борьбы. При активном его участии в 1905 был выработан «Проект основных положений Сибирского областного союза». Он же организует сбор средств в помощь ссыльным заключенным участникам Первой русской революции. Не обходят его стороной и события 1917 года. В октябре, на Первом сибирском областном съезде Г. Потанин был избран председателем его исполкома. А в декабре Чрезвычайный общесибирский областной съезд, решивший не признавать советскую власть, избрал Временный сибирский областной совет во главе с Г. Потаниным. Но 80-летний патриарх областнической идеи из-за преклонного возраста и болезней отказался.

В 1919 году партийные и государственные органы советской власти назначили Г. Потанину как выдающемуся путешественнику и ученому пожизненную пенсию, но жить ему оставалось уже недолго. Через полгода он скончался.

В его честь назван один из хребтов и самый крупный ледник Монгольского Алтая. В Новосибирске имя Г. Потанина носит одна из центральных улиц. А в Томске Григорию Николаевичу поставлен памятник.

Г. Потанин был не только выдающимся путешественником, крупным ученым-востоковедом, этнографом, фольклористом, политическим и общественным деятелем, но и писателем, оказавшим значительное влияние на начавшийся в 1860-х подъем литературной жизни в Сибири, в большой степени связанный с движением «областничества». Г. Потанин первым сформулировал понятие «областной писатель»: «Под названием областной писатель мы разумеем такого, который свой труд и свою жизнь всецело посвятил своей области и защите ее интересов и вне этой сферы значения не имеет или почти не имеет». Есть в этом определении не только обидная для писателя территориальная ограниченность. Таким образом Г. Потанин пытался противопоставить местную, в том числе сибирскую литературу общерусской.

Что касается непосредственно произведений Г. Потанина, то и тематически и жанрово они достаточно разнообразны, охватывают большой круг социальных, бытовых и нравственных проблем. Темпераментный публицист и очеркист, Г. Потанин пишет например о неразумной колонизации Сибири, от которой страдает коренное ее население, о тяжелом положении сибирского крестьянства и рабочего класса... Он также автор многих историко-публицистических работ, наиболее значительными из которых стали статьи «Областническая тенденция в Сибири» (1907) и «Нужды Сибири» (1908), подводившие итог размышлениям Г. Потанина о «сибирском патриотизме» (областничестве), намечали его развитие в послереволюционные годы. Превосходно, ярко, образно написанные, они были доступны для самого широкого круга читателей и являли собой пример художественной публицистики. Немало у Г. Потанина очерков о его путешествиях. В них удачно сочетаются объективное изображение края, где побывал автор, с публицистическими размышлениями, фольклорным наполнением (легенды, народные песни и т. п.). Обращался Г. Потанин и к художественной прозе, а также выступал в качестве литературного критика: писал рецензии на книги различного содержания, литературные обзоры с разбором произ-

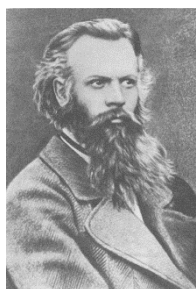
ведений сибирских писателей (И. Федорова-Омулевского, И. Наумова, И. Кущевского, В. Короленко и др.).

На склоне лет, в 1913-м, Г. Потанин начал писать «Воспоминания», которые с 1914 по 1917 год регулярно печатала газета «Сибирская жизнь». В советское время они были опубликованы в «Литературном наследии Сибири» (тома 6, 7). Воспоминания охватывают фактически всю вторую половину XIX века. Их историческую и художественную ценность отмечал академик В. Обручев: «Кроме рассказа о жизни самого автора, быте и нравах казачьего войска и кадетского корпуса, о военных походах к Тянь-Шаню, поездке в Кульджу и жизни на Алтае, они содержат яркие характеристики многих лиц, с которыми Потанин встречался, как в тюрьме, на каторге и в ссылке, так и в последующие периоды своей общественной деятельности... Эти воспоминания ввиду ценности содержащихся в них описаний исторических фактов, живости и объективности событий и лиц можно считать большим вкладом в мемуарную литературу»¹⁰.

Г. Потанин вошел в историю общерусской и сибирской литературы и общественной мысли как выдающийся ученый, гуманист и просветитель, честно и искренне, верой и правдой служивший своей большой и малой родине при любых поворотах ее истории.

Верным другом и соратником Г. Потанина был еще один выдающийся общественный деятель Сибири — Н. Ядринцев.

Сегодня, пожалуй, далеко не каждый сможет ответить, кто он такой, но в последней четверти девятнадцатого века это был один из известнейших людей Сибири. Несмотря на то, что в печати Н. Ядринцев выступал под многочисленными псевдонимами, его авторство узнавали сразу по той смелости, искренности и прямоте, с которыми писал он о проблемах и нуждах своего многострадального края.

Николай Михайлович Ядринцев (1842 — 1894) — коренной сибиряк. Родился в Омске, в купеческой семье (мать его была из крепостных). В 1851 году семья переехала в Томск. Николай учился сначала в частном пансионе, потом в гимназии. Не окончив ее, уехал в столицу и поступил в 1860 году вольнослушателем на естественный факультет Петербургского университета. Здесь познакомился с Г. Потаниным и создал вместе с ним «сибирское землячество». Это сближение имело огромное значение для всей дальнейшей судьбы Н. Ядринцева. Как, впрочем, и его старшего дру-

га.

С поступлением в университет началась и активная литературная деятельность Н. Ядринцева. Первые публикации появляются в петербургском сатирическом журнале «Искра». Журнал был органом революционных демократов, а сотрудничали с ним, в частности, такие сибирские писатели, как И. Федоров-Омулевский, Н. Наумов, С. Шашков, с которыми молодой публицист из Сибири быстро сошелся. В «Искре» Н. Ядринцев печатает серию фельетонов из сибирской жизни, где резко осуждает колониальную политику самодержавия, разоблачает алчность местных толстосумов, их невежество.

Творческий старт именно в таком сатирически-обличительном направлении для Н. Ядринцева не случаен. Этому способствовали особенности его литературного таланта. Кроме того, с юных лет запоем читая Герцена, Огарева, Чернышевского, Белинского, он близко к сердцу принял передовые идеи и общественные настроения своей эпохи.

В 1863 году Н. Ядринцев вернулся в Сибирь. Сначала жил в Омске. Работал домашним учителем и активно участвовал в литературной жизни города: выступал с обличающими самодержавие лекциями перед молодежью. Лекции вызвали негодование у властей, и Н. Ядринцев вынужден был в 1864 году перебраться в Томск, где жил в это время его друг Г. Потанин.

¹⁰ Обручев В.А. Путешествия Потанина. — М., 1953.

Возвращение в Сибирь явилось началом нового периода публицистической деятельности Н. Ядринцева. В омских и томских газетах он печатает статьи о состоянии общественной жизни Сибири, ратуя за всестороннее развитие края, распространение просвещения, создание полноценной печати и журналистики.

Вместе с тем, Н. Ядринцев не замыкался только на сугубо внутренних проблемах региона. Рассматривая сибирскую действительность в исторической перспективе, публицист осмысливал ее в контексте глобальных взаимосвязей. По его разумению, в силу географического положения и этнического состава населения Сибирь стала ареной встречи двух цивилизаций — европейской и азиатской. А результатом такого сближения должно быть взаимопонимание и братство между народами. Так что Н. Ядринцев не пытался обособить и выделить Сибирь из общего мирового процесса, как его вместе с Г. Потаниным нередко обвиняли, а, наоборот, стремился четко обозначить ее место в этом процессе. Беда, однако, в том, обращал внимание Н. Ядринцев в своих публицистических выступлениях, что развитию Сибири очень мешает отношение к ней как к отсталой колонии, лишенной политической и общественной жизни.

Это мнение в отношении российских окраин явно не совпадало с официальным и вызывало у властей негативную реакцию. Ну, а общественная деятельность, которую Н. Ядринцев вместе с Г. Потаниным вели в Томске (устраивали чтения нелегальной литературы на тайных собраниях передовой томской молодежи, организовывали сбор средств в пользу ссыльных и т. п.) только усиливало ее и усугубляла их положение. Как следствие новый арест друзей-единомышленников в мае 1865 года по обвинению в попытке создания независимой Сибири, после которого Н. Ядринцева отправляют сначала в омскую каторжную тюрьму, а в 1868 году высылают в город Шенкурск Архангельской губернии.

Но и здесь творческая деятельность Н. Ядринцева не угасает. Он продолжает много думать и писать о Сибири. Активно сотрудничает с «Камско-Волжской газетой», журналом «Дело». Публикует ряд статей о заключенных в сибирской каторге и ссылке, которые легли в основу его книги «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872).

Книга эта стала выдающимся научным, историческим исследованием русского тюремного быта. Главной же своей задачей при освещении сибирской каторги и ссылки Н. Ядринцев, отстаивая принципы глубоко правдивого (пусть подчас и нелицеприятного) изображения Сибири, считал разрушение в сознании читателей традиционного представления о ней лишь как о крае снегов, морозов и острогов.

За образец Н. Ядринцев взял книгу «Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского, последователем которого, собратом по духу и судьбе он себя считал. И вполне правомерно. Попав в омскую каторжную тюрьму, Н. Ядринцев оказался, по существу, в тех же условиях, что и Федор Михайлович, томившийся здесь за полтора десятка лет до него. Трагическая участь гениального писателя не раз ассоциировалась Н. Ядринцевым с собственной судьбой и тюремными впечатлениями. Впрочем, обе книги роднит не только автобиографизм, но и гуманистическая позиция их создателей, изображение острожного мира как мира безысходного горя и страданий.

И не случайно книга «Русская община в тюрьме и ссылке» привлекла пристальное внимание Л. Толстого, став для него одним из важных источников при работе над романом «Воскресение».

«Русская община в тюрьме и ссылке», однако, — произведение не только научное, но и художественно-публицистическое, в котором ярко проявился самобытный литературный талант Н. Ядринцева, заключавшийся в органичном сочетании научности и художественности, глубокого анализа жизненных явлений и поэтической образности.

В 1874 году Н. Ядринцев был освобожден и уехал в Петербург, где взялся за новую большую работу, посвященную родному краю — книгу «Сибирь как колония». Она увидела свет в Петербурге в 1882 году и представляла собой, по словам автора, «обозрение всех главнейших местных общественных вопросов». И действительно, книга охватывала самый широкий круг проблем Сибири, касавшихся и ее народонаселения, и ссылки, и

природных богатств, и культуры с образованием. И административного управления... Приуроченная к 300-летию присоединения Сибири к России, она в какой-то мере носила итоговый характер. Н. Ядринцев справедливо полагал, что такая книга нужна будет не только сибирякам, но и всей России.

Много внимания в книге «Сибирь как колония» уделено проблеме так называемого «областного типа» русской народности на Востоке или, в современном нашем понимании, «сибирского характера», о котором и по сей день ведутся споры как о чем-то очень самобытном и неповторимом. Связана с нею и другая, не менее животрепещущая — проблема взаимоотношений русского населения Сибири с ее аборигенами.

С гневом и болью пишет Н. Ядринцев в книге о «расхищении естественных богатств» Сибири «наезжими» людьми: «В настоящее время много говорят о вывозе сибирских богатств, о сбыте их вне ее пределов путем улучшения путей сообщения, но не мешает подумать и о том, к чему послужит этот вывоз при нерациональных и хищнических способах эксплуатации — к чему, как не к окончательному расхищению, истреблению и истощению последних запасов и произведений природы. Истощение это замечается на каждом шагу: это видно в выгорании лесов, в истреблении зверя, в вывозе сырья и в истощении почвы».

Сказанное без малого полтора века назад, сегодня звучит особенно остро!

Огромное значение придавал Н. Ядринцев знаниям. И ставил развитие восточных российских окраин в прямую зависимость от уровня просвещения и культуры: «Если бы знания и наука воодушевляли первых открывателей, если бы они обладали знанием природы, то борьба в девственной стране досталась легче и не стоила бы многих жертв».

Большое место в книге «Сибирь как колония» уделено вопросам управления Сибирью, особенность которого определялась, по мнению автора, тем, что «правительство во взгляде на Сибирь руководствовалось завоевательными соображениями», а сибирские наместники смотрели на вверенный им край, как на «место наживы». «Страна эта не имела и тени гражданского полноправия», — на многих красноречивых примерах доказывал в своей книге Н. Ядринцев и уповал на реформы, которые связывал с «земскими силами», способными, по его мнению, привести к благоприятному разрешению административного вопроса Сибири.

Книга «Сибирь как колония» буквально пронизана «областнической идеей». «Областничество» часто отождествляли с искусственным обособлением от единого государственного организма. Но автор книги не отождествлял ее с сепаратизмом. По Н. Ядринцеву главная суть и цель идеи была в том, чтобы заставить обратить более пристальное внимание метрополии на бедственное положение российских окраин и дать им свободно и плодотворно развиваться. Так что и в книге «Сибирь как колония», и вообще в своем творчестве Н. Ядринцев выступал вовсе не сепаратистом, а настоящим патриотом родного края, являвшимся для него продолжением и неотъемлемой частью великой России.

Вторая половина 1870-х годов в жизни Н. Ядринцева была отмечена активным участием в работе комиссии по тюремному вопросу. А в 1878 и 1880 годах он совершает две экспедиции на Алтай с целью изучения географии края, переселенческого движения и жизни аборигенов.

1980-е годы были едва ли не самыми плодотворными для Н. Ядринцева в творческом отношении. Он активно публикуется в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», «Отечественные записки». Но самое главное — создает в 1882 году в Петербурге газету «Восточное обозрение», которой на два десятилетия вперед будет уготована участь самого передового и авторитетного печатного органа Сибири. На ее страницах в полной мере раскрылся публицистический и литературно-художественный талант самого Н. Яд-

ринцева. Одних только фельетонов опубликовал он здесь более двухсот. А еще множество очерков, рассказов, литературно-критических статей и даже стихов.

И все-таки преобладающим жанром в творчестве Н. Ядринцева был не фельетон или рассказ, а путевой очерк. Что и не удивительно. Ведь большую часть жизни Н. Ядринцев провел в странствиях и путешествиях. Он объехал и исходил всю Сибирь, а кроме нее, еще полмира: от Европы до Китая и Америки. И практически все его путешествия нашли отражение в путевых очерках, которые он подписывал псевдонимами «Сибирский Странник» или «Странствующий Корреспондент».

Следует заметить, что творчество Н. Ядринцева вообще весьма автобиографично. Крупицы собственной жизни и судьбы рассыпаны по многим его произведениям. Впрочем, и к «автобиографии» как литературному жанру писатель тоже несколько раз подступался. Об этом свидетельствуют такие его вещи, как «Детство», «Воспоминания о Томской гимназии» или «Сибирские литературные воспоминания», составляющие, по сути, главы одной честной и искренней повести о формировании юной романтической души в обстоятельствах и условиях, которые способствовали воспитанию бунтарского характера и передового для своего времени мировоззрения.

Очень много в произведениях своих Н. Ядринцев рассказывает о Г. Потанине, с кем на почве верной любви к Сибири на долгие годы свела его судьба.

В 1887 году Н. Ядринцев переезжает в Иркутск, куда по финансовым соображениям переводит «Восточное обозрение». Для него наступает трудная пора. Н. Ядринцев переживает сильнейший идейно-психологический кризис и полосу жестоких разочарований. Обнаруживается беспочвенность некоторых его надежд, особенно связанных с просвещением и образованием, мучает сознание собственного бессилия перед лицом общественного зла и невежества. Подливает масла в огонь и личная трагедия: умирает жена, верный его друг и помощник. Утрату эту Н. Ядринцев переживает тяжелее всего.

В начале 1894 года Н. Ядринцев, получив должность заведующего Алтайским статистическим бюро, переезжает в Барнаул, но в июне этого же года (есть сведения, что он покончил с собой) его не стало.

Более века прошло с тех пор но подвижническая судьба Н. Ядринцева — великого патриота Сибири — и сегодня может служить вдохновляющим примером.

Развитие демократического направления в литературе Сибири 1860 — 1870-х годов

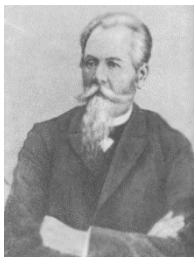
Во второй половине XIX века Сибирь привлекает все большее внимание российской культурной общественности. Появляются значительные публицистические работы, принадлежащие перу известных российских литераторов, посвященных Сибири. Столь пристальный интерес русской литературы к Сибири не мог не сказаться на деятельности местных публицистов и краеведов, на дальнейшем развитии традиций изучения родного края. В 1860 — 1870-х годах наблюдается подъем сибирской публицистики. Появляются новые интересные имена: Г. Елисеев, Ф. Губанов, И. Завалишин, А. Черкасов, С. Шашков, А. Шипов, М. Знаменский, М. Загоскин.

Последние двое, кстати, выступали не только как публицисты, но и прозаики. Перу М. Знаменского принадлежит повесть о декабристах «Исчезнувшие люди» (1872), а М. Загоскину — роман о быте и нравах провинциальной сибирской бурсы «Магистр» (1876).

Не обошло Сибирь усилившееся к концу XIX века революционное, в том числе и пролетарское движение. С бурным развитием сибирской золотопромышленности участи-

лись выступления рабочих на золотых приисках. Что нашло отражение в произведениях целого ряда представителей демократической литературы Сибири. Таких, например, как И. Федоров-Омулевский, И. Куцевский или Н. Наумов.

Николай Иванович Наумов (1838 — 1901) — прозаик, очеркист, писатель революционного народничества — родился в Тобольске, в семье чиновника. Учился в Томской гимназии. Служил юнкером в Омском пехотном батальоне и в Томске. В 1860 году приехал в Петербург, где был связан с революционно-демократическими кружками. Принадлежал к движению сибирского областничества, за что в 1861 году после студенческих волнений был заключен в Петропавловскую крепость. Освободившись, долгое время работал чиновником по крестьянским делам в Сибири.

Служил в этой должности в Тобольске, Томске, Омске. В 1865-м был вновь арестован по делу «сибирских сепаратистов», но за недоказанностью отпущен. В 1869-м снова переехал в Петербург, где занялся исключительно литературным трудом.

Творчество Н. Наумова раскрывает острые социальные конфликты 1860 — 1880-х годов. Особый успех имел сборник его рассказов «Сила солому ломит» (1874), вышедший в период «хождения в народ» народнической интеллигенции. Как и у других писателей-народников, произведения Н. Наумова характерны подчеркнутым социологизмом с его черно-белым контрастным противопоставлением борющихся классов. Поэтому многие образы Н. Наумова несут черты социальных символов.

Все произведения Н. Наумова построены на достоверном сибирском материале. Творчество этого писателя как раз и ценно и интересно прежде всего тем, что он познакомил читателя с жизнью трудового населения глухой окраины России: сибирскими крестьянами, приисковыми рабочими, переселенцами... Особой заслугой Н. Наумова является изображение каторжной жизни рабочих Сибири. Также одним из первых нарисовал он выразительные картины жизни «иногородцев», то есть сибирских аборигенов.

Основным жанром Н. Наумова был социально-бытовой очерк. Но и все творчество Н. Наумова можно назвать очерком человеческих судеб, составляющих в целом судьбу народа.

Н. Наумов имел громадную популярность в кругах демократических читателей, а народники-«пропагандисты» использовали его произведения для революционной пропаганды среди крестьянства.

Последние десять лет жизни Н. Наумов жил трудно: болел туберкулезом, нуждался материально, был угнетен и в мрачной действительности не видел для себя никакого просвета, что еще больше подрывало его здоровье. Умер он в Томске.

В истории русской литературы Н. Наумов остался писателем-борцом и гуманистом, страстно любившим родину и свой народ.

Прозаик и публицист **Николай Афанасьевич Куцевский** (1847 — 1876), младший современник Н. Наумова, также относится к плеяде сибирских писателей-демократов, в творчестве которого нашла отражение не приуроченная жизнь трудовой Сибири.

Н. Куцевский родился в Барнауле, в семье титулярного советника. Окончил Барнаульское горнозаводское училище. Учился в Томской гимназии. В 1864 году с караваном золота прибыл в российскую столицу. Вольнослушателем посещал лекции Петербургского университета. Но получить высшее образование не позволила нужда. Жить приходилось в ночлежке. На хлеб насущный зарабатывал молотобойцем, кочегаром, помощником машиниста, рабочим на чугунолитейном заводе, грузчиком, матросом на пароходе.

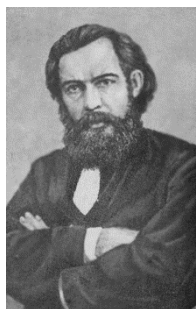

Одновременно подвизался в петербургских газетах, публикуя фельетоны, очерки. Под псевдонимом Хайдаков напечатал ряд рассказов из быта сибирских горнорабочих и ссыльных, которые составили впоследствии книги «Маленькие рассказы» (1875) и «Неизданные рассказы» (1888), увидевшие свет в Петербурге. Главным же литературным трудом И. Кущевского стал роман-хроника «Николай Негорев, или Благополучный россиянин». Опубликованный в 1871 году в журнале «Отечественные записки», он принес писателю настоящую известность. А. Горький относил это произведение к числу лучших в русской художественной литературе XIX века.

В романе И. Кущевский рисует русское общество в период революционной ситуации 1859 — 1861 годов и поднимает ряд серьезных общественных проблем: освобождение крестьян от крепостничества, формирование демократии и революционной народнической молодежи и др. Важное место занимает и проблема политического ренегатства буржуазной интеллигенции, воплощенная прежде всего в центральном персонаже романа Николае Негореве — типическом образе «благонамеренного» интеллигента, карьериста и приспособленца.

Значительный интерес представляет также публицистическая и литературно-критическая деятельность И. Кущевского.

И. Кущевский прожил недолгую жизнь. Его мучили лишения и нужда, недуги, алкоголизм. Но подобная судьба была уготована для многих разночинцев, «умственных пролетариев», в условиях самодержавия гибнувших в расцвете творческих сил, но «сурово и поспешно» рассказывавших тяжелую правду жизни.

Одним из виднейших писателей демократического направления в Сибири был **Иннокентий Васильевич Федоров-Омулевский** (1836 — 1883).

Родился И. Федоров (приставка-псевдоним к его фамилии появится позже, когда он начнет заниматься литературным творчеством) на Камчатке, в семье полицейского исправника. Детство и юность Иннокентия прошли в Иркутске. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Тогда же сделал первые шаги на литературном поприще. Начинал с переводов А. Мицкевича и других польских поэтов. Писал стихи, прозу, публицистику. Активно сотрудничал с «Восточным обозрением» Н. Ядринцева. Печатался и в других петербургских изданиях. Ну а главное и наиболее значительное произведение И. Федорова-Омулевского, роман «Шаг за шагом» был напечатан в демократическом журнале «Дело».

И не случайно. Еще в начале творческого пути Омулевский пришел в лагерь социал-демократов и уже не покидал его никогда. Естественно, что кумирами его в литературе были Н. Чернышевский и Н. Некрасов с его музой «мести и печали». Но имелась у Омулевского и своя творческая «целина»: сибирская тема. Причем художественное открытие Сибири осуществлял он как в прозе, так и поэзии.

Первый рассказ И. Федорова-Омулевского называется «Сибирячка». Это история молодой сибирской крестьянки, отстаивающей свое человеческое достоинство. Рассказ стал своеобразным эскизом к роману «Шаг за шагом».

Создавал его писатель (опубликован в 1870 году) в трудное время, когда репрессии властей рассеяли круг демократов-разночинцев, изображенных Н. Чернышевским в романе «Что делать». От произведения Омулевского, по словам В. Короленко, «веяло молодой верой и какой-то особенной бодростью»¹¹. В нем смело утверждалось, что, несмотря ни на что, соратники Н. Чернышевского не смирились, а в новых условиях «шаг за шагом» идут к своей цели — русской революции.

¹¹ Короленко В.Г. Собр. соч. в 10-ти т. Т.5. — М., 1953, с. 316.

Показывая жизнь в одном из сибирских городов, Омуревский написал выразительную картину русской действительности в после реформенное (т. е. после отмены крепостного права) время. В романе «Шаг за шагом» много чисто сибирского материала, но подан и осмыслен он именно в ключе тех настроений и стремлений, какими жила вся тогдашняя русская демократия.

В центре же внимания Омуревского оказались те круги российского общества, которые в условиях спада народнической революционной волны энергично искали новые пути крестьянско-буржуазного развития России. Так, главный герой романа Александр Светлов и его соратники делают ставку на длительную подготовку к будущей революции и отстаивают идеи революционно-демократического просветительства. Да и весь роман «Шаг за шагом» принадлежит к идущему от Н. Чернышевского «революционно-просветительскому реализму». Что не помешало этому роману, по словам М. Салтыкова-Щедрина, стать одним из произведений, с «полной добросовестностью относящихся к настоящим вопросам современности»¹².

Роман «Шаг за шагом» пользовался успехом у читателей нескольких поколений. И вызывал ярость цензуры. Дважды тираж книги уничтожался, а в 1874 году ее автор был арестован и отправлен сначала в Петропавловскую крепость, потом в Литовский замок. После заключения Омуревский заболел. Невзгоды валились на него одна за другой. Спасаясь от нужды, он пробует обосноваться в Иркутске, но вскоре возвращается в Петербург. Жизнь для крамольного писателя становилась все хуже и хуже. Потянулись дни беспросветной нищеты и голодного существования. Однако Омуревский продолжал упорно работать.

Именно в это тяжелейшее для него время Омуревский создал лучшие свои стихи о родном крае — цикл «Сибирские мотивы». Изображая Сибирь как страну изгнания, поэт в то же время с горячей любовью воспевае т и суровую сибирскую природу, и ее сильных мужественных людей, в которых верил, как и в счастливое будущее края. И не просто любил и верил, а стремился положить все силы во благо процветания Сибири.

В стихотворении «Когда ты вырастешь со временем большая», посвященном дочери, поэт говорит идущим на смену поколениям, каким должно быть чувство истинной любви к родине:

*Люби свою страну не той пустой любовью,
Что с звуками речей уносится,
Ты жертвуй для нее и плотию и кровью,
Делись с ней трудом и разумом своим.*

Написано в лучших традициях революционно-демократической поэзии, одним из зачинателей которой сам Омуревский, по сути, и был.

Продолжал он создавать и прозаические произведения. Увидел, в частности, его роман «Новый губернатор», публиковалась в газетах публицистика. Но многое из задуманного Омуревский сделать уже не успел.

В декабре 1883 года в Иркутске Иннокентий Васильевич Федоров-Омуревский скончался от паралича сердца. Некролог «Восточного обозрения» сообщал: «...В день смерти мы нашли покойного в жалкой квартире, около него ползали два маленьких ребенка, третий — грудной. Поражающая нищета окружала эту жизнь».

Что ж, весьма типичная для русского писателя-демократа судьба: изнуряющий труд, жестокая цензура, тюрьма, лишения, преждевременная смерть... Но не напрасен был путь. На это, по крайней мере, Омуревский надеялся, обращаясь к будущим поколениям:

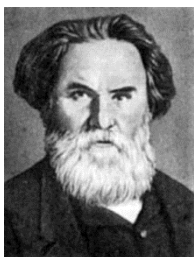
¹² Щедрин М. О литературе. — М., 1952, с 497.

*Я знаю: в лучшие года
Опять от нашего труда
На молодое поколенья
Повеет свежеею струей;*

*Оно с величием воспрянет,
Возвысит мощно голос свой
И нас добром за то помянет,
Что, выждать жатвы не успев,
Мы все же дали ей посев.*

«Сибирская школа писателей» Владимира Короленко

Если в 1860 — 1870-х годах демократическая литература Сибири ощущала на себе сильное воздействие Н. Чернышевского и Н. Некрасова, то с появлением в последние два десятилетия XIX века новой волны политических ссыльных, в числе которых был выдающийся русский писатель В. Короленко, центр идейно-художественного влияния смещается в его сторону. С жизнью и культурой Сибири он был связан не только как писатель, но и этнограф, редактор, издатель, общественный деятель, борец за социальную справедливость, наконец, и в развитии русской литературы этого края сыграл огромную роль.

Владимир Галактионович Короленко (1853 — 1921) родился в Житомире, в семье уездного судьи. Учился в Житомирской гимназии, потом в Ровенском реальном училище. В 1871 году поступил в Петербургский технологический институт, но в 1874-м перешел в Петровскую земледельческую академию в Москве.

Еще юношей ступил на путь революционной борьбы, примкнув к народническому движению. В 1874 году за участие в протесте студентов Петровской академии был арестован и выслан в Вологодскую губернию, откуда вскоре переведен на поселение в Кронштадт по месту жительства родителей. Но в 1879 году его снова арестовали и отправили в город Глазов Вятской губернии, затем в еще более глухую глубинку — в селение Березовские Починки. А через год по ложному обвинению в побеге В. Короленко выслали в Якутскую область. Но по пути подлог раскрылся, и его перевели в Пермь под надзор полиции. Наконец, в 1881 году за отказ от присяги «на верность подданству» Александру III В. Короленко сослали в село Амгу Якутской области, где он пробыл до сентября 1884 года.

Творческая деятельность В. Короленко началась почти одновременно со вступлением его на путь социальной борьбы. Ссылка в Сибирь не прервала литературную работу В. Короленко. В изгнании писатель близко познакомился с жизнью и бытом простого народа, а сам прошел суровую жизненную школу. Четверть века сибирские впечатления питали творчество В. Короленко. На их основе писатель создал два цикла рассказов: один в 1880-х, другой в 1890-х годах. Оба они отличаются полнотой изображения сибирской жизни и глубоким психологизмом. В рассказах сплелись воедино приметы местного бытия, исторические предания и легенды, картины природы и статистические данные. По замечанию одного из исследователей творчества В. Короленко, «скрещение тургеневской манеры с манерой Г. Успенского создает новый короленковский тип рассказа, в котором «наблюдение», исследование, письмо «с натуры» могут свободно и естественно сочетаться с символикой, с лирическим пейзажем, с поэтикой «стихотворения в прозе»¹³.

¹³ Бялый Г.А. В.Г. Короленко. — М.-Л., 1949, с. 313 — 314.

В сибирских произведениях В. Короленко стремился к тому, чтобы, по его словам, «открыть значение личности на почве значения масок». А потому людей из народа писатель изображал со всеми их сильными и слабыми сторонами, особо подчеркивая в сибиряках свободолюбие, правдоискательство, творческую одаренность и растущие мятежные порывы.

Пожалуй, ярче и отчетливее всего выразилось все это в рассказе «Сон Макара» (1883), с которого, собственно, и начался сибирский период в творчестве В. Короленко.

Герой рассказа — российский поселенец, предки которого отвоевали кусок земли у якутской тайги. Хлебопашество, охота и другие крестьянские занятия не спасали его от нищеты. Макара обманывали все: и кабатчик, и сельский староста, и попы. Несчастья сыпались на него одно за другим: умерла жена и не на что было даже похоронить ее. Сгинул в солдатах старший сын, да и другие дети раньше времени покинули сей мир. Но самое горькое и обидное, что ни у кого Макара не находил сочувствия. Только у «чужих людей» (политических ссыльных).

Были у Макара свои мечты и надежды. «От непрестанных забот о лепешке и чае» он иногда уходил в грезы о «чудесной горе», куда уйдет спастись и где нельзя его будет достать «самому тойону-исправнику». И вот что особенно акцентирует автор: его герой не только мечтает о лучшей доле, но и способен подняться до борьбы за нее. Приговор Великого Тойона о превращении Макара в рабочую лошадь не испугал крестьянина, поскольку жизнь его и всегда-то была тяжелее лошадиной, но возмутила несправедливость: он понял, что бог — с богатыми заодно. И тогда из обвиняемого Макара превращается в обвинителя. Его горячая речь сыграла роль того «огненного бича», о котором якутская пословица гласит: «Слово народное — огненный бич». Правда торжествует, хотя только во сне.

Пробуждение закабаленного народа, победа справедливости, символически звучащая в рассказе, — это один из характерный мотивов устного народного творчества. У тех же якутов героями сказок чаще всего становятся люди бедные и загнанные нуждой.

Высокая идея в рассказе «Сон Макара» нашла совершенное художественное воплощение, в результате чего читатель получил выдающееся произведение огромной силы эмоционального воздействия. С этим рассказом В. Короленко вошел в мировую литературу. Ни одна его вещь не переводилась так часто. И «Сон Макара», и другие сибирские рассказы В. Короленко высоко оценила революционно-демократическая критика, в частности Н. Чернышевский. А литература Сибири на десятилетия вперед получила четкий идейно-художественный ориентир.

Новаторские принципы В. Короленко оказались близкими М. Горькому и получили дальнейшее развитие в его творчестве. Сибирские произведения В. Короленко пробуждали интерес к краю, благотворно влияли на развитие сибирской темы в русской литературе, активизировали рост собственно сибирской литературы, которую выдающийся писатель всячески поощрял.

Более того, именно под влиянием В. Короленко после появления его сибирских рассказов вокруг их автора складывается «школа Короленко» из группы сосланных в Сибирь писателей-народников: **С. Елпатьевского, В. Богораза-Тана, Г. Мачтега, П. Якубовского, В. Серошевского, К. Станюковича**. Роднит их общая судьба, социальные настроения и творческие устремления.

«Что объединяет нас всех, сибирских беллетристов ссыльного состава?.. — размышлял о себе и сотоварищах В. Богораз-Тан. — Мы были писатели смешанной породы, и в самую жизнь, и в Сибирь вступили совсем не беллетристами, а скорее публицистами воинствующего духа»¹⁴.

Сибирь стала главным объектом их внимания. Жизнь сибирского крестьянства, коренных народов Сибири, судьбы русской интеллигенции в неволе, каторга и ссылка — вот

¹⁴ Тан Н. В.Г. Короленко и сибирская школа писателей. // Короленко. Петербургский сборник. — Петроград, 1922, с. 35 — 36.

основные темы произведений писателей «школы Короленко». Они уже не питали утопических иллюзий насчет «крестьянского социализма», а начинали смотреть на жизнь куда более трезво и были теперь близки к мысли, что переустройство общественной жизни — не удел одиноких героев-интеллигентов, а дело рук самого народа. Стремясь правдиво и во всей полноте передать картину народной жизни, прозаики «школы Короленко», в свою очередь, внесли заметный вклад в сибирскую словесность.

* * *

Вообще весь ход литературной истории Сибири говорит о том, что многие крупные русские писатели, обогащаясь сибирскими впечатлениями, и сами оказывали на местный литературный процесс немалое влияние. И не только те, кто познакомился с Сибирью не по своей воле.

Промышленное освоение Сибири, строительство Транссибирской магистрали, бурное переселенческое движение в конце XIX — начале XX веков стимулировали особый, повышенный интерес к территориям за Уралом со стороны таких, например, выдающихся русских писателей, как А. Чехов или Г. Успенский.

Последний совершил поездку в Сибирь в 1887 году и по ее впечатлениям написал цикл очерков «Поездка к переселенцам», в которых развенчивает ходульные легенды о Сибири и создает правдивые ее картины, показывая истинное положение вещей. Но в отличие от ссыльных писателей (того же, скажем, В. Короленко), воспринимавших этот край сердцем изгнанников, Г. Успенский смотрит на него более оптимистично.

Через три года после путешествия Г. Успенского, в 1890-м, через всю Сибирь на остров Сахалин отправился А. Чехов. В результате появилось под его пером несколько рассказов и две очерковые книги: «Из Сибири» и «Остров Сахалин». Взгляд их автора на суровую и загадочную страну, раскинувшуюся по другую сторону уральских гор, оказался весьма субъективным; он невольно затронул патриотические чувства некоторых «областников». Но это был именно чеховский взгляд: острый, ироничный, болевой.

Побывал в Сибири и Н. Гарин-Михайловский (1852 — 1906). Но не столько как писатель, сколько как инженер-путеец, изыскатель и строитель железных дорог, работавший на прокладке Транссиба. Впрочем, не мог Николай Георгиевич, исколесивший Сибирь, обойти ее вниманием и как писатель. Отражена она, в частности, в рассказе «Бродяжка» и очерковом цикле «Карандашом с натуры». Некоторые критики упрекали Н. Гарина-Михайловского в торопливости, в этакой «необработанности» его очерковых произведений. Он и в самом деле часто писал в дороге, на ходу, между массой других дел: как кто-то метко сказал по этому поводу — «на облучке». Писатель словно бы спешил поспеть за непрерывно разворачивающимся действием жизни. В этом была особенность его стиля, идущая от неумного темперамента, кипучей натуры.

А Сибирь, между тем, сменив лошадей на паровоз и вагоны, катила теперь по железной колее, проложенной не без участия инженера и писателя Н. Гарина-Михайловского в новый, XX век...

НАЧАЛО ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

На переломе двух столетий Россия вступила в полосу империалистического развития, и XX век начался для нее резким обострением социальных противоречий. Ему сопутствовала идейная борьба, оружием которой, как всегда и везде были философия, искусство, литература.

Прокладка Транссибирской магистрали стимулировала быструю капитализацию Сибири, а с ней — и революционное движение: первые стачки возникли именно среди строителей железной дороги. Но, пожалуй, самый сильный порыв революционного ветра ворвался в Сибирь со ссыльными марксистами, пришедшими на смену народолюбцам.

За порогом двадцатого столетия

Оживление литературной жизни Сибири

В атмосфере нарастающей политической активности жила в это время вся Сибирь и сибирская литература, в том числе.

С событиями русской революции 1905 года связано, например, возникновение так называемой **«Молодой литературы Сибири»**. Это движение инициировало приход в сибирскую словесность целой группы талантливых писателей: Г. Гребенщикова, А. Новоселова, Ис. Гольдберга, Ф. Березовского, Г. Вяткина. А. Жиликова. Сюда же можно отнести прозаиков и поэтов из Европейской России, по разным причинам оказавшихся в Сибири и выросших здесь в серьезных писателей: В. Шишкова, Ф. Гладкова, П. Драверта. Идейная направленность культурной программы движения заключалась в побуждении самосознания сибиряков и требованиях демократических преобразований в крае.

Новое литературное движение в Сибири развивалось довольно быстро и вскоре обрело общероссийскую известность. Его участники регулярно выступали в столичной прессе, что и дало повод русской критике того времени объединить их в группу «Молодая литература Сибири» (впервые так назвал движение в 1913 году критик Л. Шумиловский), хотя как такового организационного объединения под этим названием в Сибири не было. При отсутствии формальной организации объединяющими центрами для писателей движения становились томские журналы «Молодая Сибирь» и «Сибирская новь», барнаульская газета «Жизнь Алтая», «Сборники сибиряков» 1906 и 1908 годов.

Приход в «большую» российскую литературу молодых писателей-сибиряков внесло свежую струю, особые колорит и оригинальность.

В то же время, сама сибирская литература в начале XX века развивалась главным образом в русле критического реализма и революционно-демократических традиций отечественной словесности. И этим во многом отличалась от общерусского литературного процесса той поры, в котором очень сильны были декадентские течения: символизм, футуризм и т. д. К тому же творчество писателей Сибири выделялось отчетливо выраженными социальными мотивами и гражданственностью. Видимо, давали знать о себе кричащие контрасты сибирской действительности, которые писатели края никак не могли обойти своим вниманием.

Вместе с тем, беспощадно обнажая мрачные стороны жизни, писатели Сибири начала XX века оставались оптимистами и верили в преображение родного края, его обновленное будущее. А это вело к художественному переосмыслению традиционного образа Сибири как «проклятой страны» каторги и ссылки. Сибирская литература окончательно преодолевает условно-отвлеченные описания угрюмого края снегов, морозов, кандального звона и воссоздает подлинные его картины, наполненные природными и социальными контрастами.

Оживление литературной жизни в Сибири сопровождалось возникновением новых печатных органов. Первым в 1901 году в Томске появился «Сибирский наблюдатель». Художественной литературе в этом альманахе отводилось места не очень много, и публиковались здесь в основном начинающие авторы. Дожил он до 1905 года.

В 1909 году там же, в Томске, стал выходить двухнедельный «художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусствами и наукам» «Молодая Сибирь». Большая заслуга в его организации принадлежала Вяч. Шишкову, который был и активным автором издания. Здесь тоже публиковались по большей части литераторы, делавшие первые шаги. «Молодая Сибирь» просуществовала меньше года.

Были и другие периодические издания, публиковавшие произведения художественной литературы. Правда, столь же не долговечные. Дольше других продержался «Сибирский студент», выходявший также в Томске с 1914 до 1917 года. Печатались здесь Вяч. Шишков, Г. Гребенщиков, Г. Потанин, Г. Вяткин и некоторые другие, уже достаточно известные в ту пору сибирские писатели.

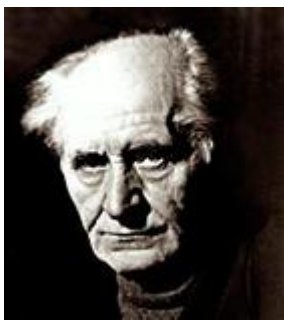
После революции 1905 года, хитроумно обходя цензурные рогатки, стали возникать в разных городах Сибири сатирические журналы: «Бич», «Бубенцы», «Ёрш», «Красный смех», «Осы», «Рабочий-юморист» — в Томске; «Жало», «Овод», «Паут» — в Иркутске; «Фонарь» — в Красноярске; «Брызги» — во Владивостоке. Лопались они, как мыльные пузыри, но были боевые, задиристые, будоражили обывателя и пугали местные власти. Хотя по-настоящему смелых, а уж тем более художественно ярких и сильных вещей, в них почти не встречалось.

«Певцы рабочего класса»

На стыке двух веков докатываются до Сибири волны литературного течения, зародившегося в недрах революционно-освободительного движения. Оно получило название «пролетарская литература» и отличалось тем, что не просто отображало жизнь рабочего люда и беднейших слоев населения, но и становилось при этом идеологическим оружием для своего класса в борьбе с политическими противниками.

Наиболее заметными представителями этого литературного направления в Сибири и «певцами рабочего класса» были В. Бахметьев и Ф. Березовский.

Владимир Матвеевич Бахметьев (1885 — 1963) родился в городе Землянске Воронежской губернии, в семье служащих. Окончил уездное училище. С юношеских лет участвовал в революционном движении. В 1908 году он был уволен со службы и выслан в Сибирь, где продолжал активную революционную деятельность среди типографских рабочих, железнодорожников, торговых служащих Новониколаевска. В 1909 году В. Бахметьев вступил в Обскую группу РСДРП(б), стал редактором газеты социал-демократического направления «Обская жизнь». За публикацию и распространение антиправительственных материалов в ноябре 1912 года газету закрыли, а В. Бахметьева арестовали и отправили сначала в тюрьму, а потом в Нарымскую ссылку.

После Октябрьской революции В. Бахметьев был членом Томского комитета РСДРП и Томского губисполкома, комиссаром по народному просвещению Томской губернии, некоторое время заведовал отделом народного образования в Новониколаевске, а потом редактировал газеты в Томске, Казани, Воронеже.

Как прозаик дебютировал в сибирской периодике в 1910 году. Публиковался в журналах «Сибирская неделя», «Сибирские записки», «Сибирский студент».

С 1921 года жил в Москве, где вступил в литературную группу «Кузница». Выпустил в столице книги «На земле» (1924), «Шаги» (1933) и др. Наиболее известным его произведением стал роман «Преступление Мартына».

В. Бахметьев — пролетарский писатель, все творчество которого было связано с Сибирью. Сибирские впечатления, раздумья о судьбах трудового народа, жизнь ссыльных революционеров — становятся основой большинства его произведений. Они, как правило, насыщены острыми сюжетными коллизиями и драматическими событиями. Герои В. Бахметьева ведут непримиримую борьбу с существующим порядком вещей.

Феоктист Алексеевич Березовский (1877 — 1952), в отличие от В. Бахметьева, — коренной сибиряк. Родился в Омске, в рабочей семье. Отец Ф. Березовского погиб в Русско-Турецкую войну. Рано оставшись сиротой, Ф. Березовский прошел тяжелые жизненные университеты: работал на спичечной фабрике, батрачил, пел в церковном хоре, был регентом, телеграфистом...

Большая часть жизни Ф. Березовского была неразрывно связана с Сибирью. На ее земле он сформировался в революционера и писателя. Причем оба пути — революционный и творческий — начинались у него почти одновременно, шли в одном направлении, то тесно переплетаясь, а то и просто накладываясь друг на друга. Ф. Березовский говорил по этому поводу: «Считаю себя простым солдатом революции. А свое художественное творчество рассматриваю как одну из революционных обязанностей...». И многие факты его жизни это убедительно подтверждает.

В 1900 году в омской газете «Степной край» Ф. Березовский напечатал свой первый рассказ «Картинка из серенькой жизни». К этому времени в жандармских донесениях он значится как лицо неблагонадежное. В 1900 — 1904 годах Ф. Березовский опубликовал ряд рассказов в «Восточном обозрении». С началом первой русской революции он становится активным ее участником, одним из руководителей вооруженного выступления железнодорожных рабочих на станции Зима в 1904 году. В 1905-м Ф. Березовский — председатель стачечного комитета в Иркутске. После подавления выступления был арестован, приговорен к расстрелу, но позже выслан в Омск, где, связанный с революционным движением, находился на нелегальном положении.

В Первую мировую войну в 1916 году Ф. Березовский был мобилизован и воевал на Турецком фронте. 1918 — 1919 годы стали для него временем борьбы за советскую власть в Сибири.

После освобождения Омска от колчаковцев Ф. Березовский избирался депутатом Омского горсовета, но в родном городе задержался ненадолго: по приказу партии большевиков работал на ответственных постах в разных городах Сибири — возглавлял Новониколаевский уездный исполком, затем Енисейский губисполком. Здесь же, в Красноярске, редактировал газету «Красноярский рабочий», а несколько позже — «Советскую Сибирь», которая выходила сначала в Омске, потом, в 1921 году, переехала в Новониколаевск.

В 1922-м Ф. Березовский стал одним из организаторов журнала «Сибирские огни», входил в состав первой редколлегии. А его рассказ «Варвара» вместе с повестью Л. Сейфуллиной «Четыре главы» увидел свет в самом первом номере журнала и был встречен читателями с большим интересом.

Окрыленный успехом, Ф. Березовский на одном дыхании написал повесть «Мать». Опубликованная в 1923 году, она стала самым известным произведением писателя.

В центре ее — жена рабочего, который вместе со старшим сыном ведет подпольную революционную борьбу. Вначале Степанида Зубкова (так зовут главную героиню) лишь со стороны наблюдает и переживает за близких ей людей. Но вскоре и сама присоединяется к ним. Дело мужа и сына становится и ее кровным делом, ради которого она не жалеет жизни.

Сразу вспоминается Ниловна из горьковской «Матери». Связь между произведениями действительно весьма ощутима. Перекликаются даже финальные сцены повестей. Тем не менее, Ф. Березовский не просто повторил А. Горького, а по-своему продолжил рассказ

о судьбе русской женщины в новых условиях революционной борьбы (против колчаковщины за советскую власть в Сибири). Захватывая стремительным сюжетом и остротой драматических событий, повесть являет читателям сильный и цельный характер женщины-сибиряки.

Успех эта повесть имела очень большой. Она неоднократно переиздавалась, переводилась на многие языки. Именно с ней Ф. Березовский прочно вошёл в русскую литературу.

К судьбам женским Ф. Березовский возвращался еще не раз. И прежде всего в романе «Бабы тропы» (1926). Сюжетным его стержнем стала история сибирячки, прошедшей трудный путь от забитой приниженной крестьянки до женщины, поднявшейся на защиту своих прав и человеческого достоинства. Многое пришлось пережить на этом пути главной героине Настасье Ширяевой: и личную трагедию, и разочарование в боге, и кровавую междоусобицу Гражданской войны... Роман «Бабы тропы» носит эпический характер. Заглядывая в прошлое Сибири, автор на его фоне пытается осмыслить современные ему будни и проблемы. Не всегда, правда, при этом достигая художественной глубины и убедительности.

К моменту выхода романа «Бабы тропы» Ф. Березовский уже жил в Москве, куда переехал в 1924 году. Сотрудничал в столичных журналах. Издал ряд книг: «Коммуна «Красный октябрь»» (1924), «Таежные застрельщики» (1926), «Под звон кандалный» (1932) и др., в которых писал о железнодорожниках, большевистском подполье, жизни кочевых казахов на крутом социальном переломе...

Годы Великой Отечественной войны Ф. Березовский провел в Омске. И до последних дней своих оставался «солдатом революции», которой было, по существу, посвящено все его творчество.

Универсальная творческая личность, или Наука поэзии не помеха

Весьма примечательными фигурами литературной Сибири первой половины XX века были Г. Вяткин и П. Драверт.

Георгий Андреевич Вяткин (1885 — 1937) принадлежал к тому типу универсальных творческих личностей, которые ярко проявляются в самых разных ипостасях. Стихи и поэмы, повести и рассказы, фельетоны и публицистика, критика и литературоведческие работы (превосходно знал А. Пушкина и Ф. Достоевского, много и интересно писал о них) — все это, принадлежащее перу Г. Вяткина, щедро рассыпано по страницам сибирской периодики первой трети XX века. К сожалению, творческое наследие этого писателя до сих пор воедино не собрано и как следует не изучено.

Наверное, потому современный читатель Г. Вяткина знает плохо. А ведь еще до революции он был одним из самых признанных поэтов Сибири.

Родился Г. Вяткин в Омске, в семье старшего урядника омской казачьей станицы. Но на исходе XX века семья Вяткиных переезжает в Томск. Георгий какое-то время посещает церковно-приходскую школу, а после окончания учительской семинарии с пятнадцати лет уже и сам преподает в сельской школе. В 1902 — 1903 годах он обучался в Казанском учительском институте, но был отчислен за эпиграммы на преподавателей. По возвращении в Томск работал в газете «Сибирская жизнь» корректором, репортером, фельетонистом.

Первое стихотворение Г. Вяткина в 1900 году также опубликовала «Сибирская жизнь», когда юному поэту едва исполнилось 14. А всего через пять лет его произведения охотно печатают многие российские журналы — от «Сибирского наблюдателя» и «Сибирских записок» до «Вестника Европы», «Нивы» и «Летописи». В 1907 году в Томске

выходит первый поэтический сборник Г. Вяткина «Грезы Севера». А в 1917-м появляются сразу три его книги: «Опечаленная радость» и «Золотая листва» — в Петрограде и «Алтай» — в Омске. В 1912 году Г. Вяткин удостоивается Всероссийской литературной премии имени Н.В. Гоголя за лучший рассказ («Праздник»).

В 1914 — 1915 годах Г. Вяткин сотрудничает с харьковской газетой «Утро», путешествует по Финляндии, Польше, Алтаю. Идет Первая мировая война, и Г. Вяткина призывают в армию, где он служит в санитарных частях Северного фронта вплоть до революционного 1917 года.

Октябрьский переворот Г. Вяткин не принял. Он возвращается сначала в Томск, а осенью 1918-го оказывается в Омске, который к этому времени становится российской столицей. Адмирал Колчак приглашает Г. Вяткина на работу в отдел газетных обзоров, и в качестве корреспондента поэт сопровождает Верховного главнокомандующего в его поездках на фронт. Помимо того, Г. Вяткин активно участвует в издании журналов «Единая Россия», «Возрождение», «Отечество», читает в колчаковских войсках лекции по русской литературе. В 1919 году Г. Вяткин становится членом Всероссийского географического общества.

После разгрома колчаковщины Г. Вяткин бежит с адмиралом в Иркутск. Здесь его арестовывают и возвращают в Омск. Но приговор военного трибунала оказался неожиданно мягким — поражение в выборных правах. Г. Вяткин продолжает много работать в газетах и журналах, создавать стихи и художественную прозу. Но пишет в основном о природе, далекой российской истории. С большевиками ему по-прежнему не по пути.

В 1925-м Г. Вяткин переехал в Новониколаевск. Отныне его жизнь тесно связана с этим городом, «Сибирскими огнями», Сибирской советской энциклопедией, для которой им написан целый ряд статей на разные темы и журналом для детей и юношества «Товарищ», инициатором издания, редактором и ведущим автором которого был Г. Вяткин.

Творческий путь Г. Вяткина начался на пороге XX века — времени расцвета русского декаданса. Самыми модными поэтами были тогда символистами, но достаточно еще мощно звучал реализм, представленный творчеством А. Чехова, Л. Толстого, В. Короленко, А. Горького.

Молодой Г. Вяткин любовно воспринимал оба эти течения. Он вообще жадно впитывал все, что было талантливо и оригинально. Естественно, что и лирический герой раннего Г. Вяткина — типичный представитель своей эпохи, в котором смешались и неудовлетворенность жизнью, и жажда дела, и неясность пути, но при этом — и «любовь ко всему, что живет и цветет на земле». Оптимизм такого рода декадантам был не свойственен, и здесь Г. Вяткин с ними заметно расходился, хотя еще долгое время испытывал в своей поэтике их влияние.

Впрочем, не их одних. В одном из писем он пишет: «Литературные влияния шли в следующем порядке: в ранней юности — Надсон. Несколько позднее Достоевский и Бальмонт. В более зрелые годы Пушкин, Чехов и Блок. После революции — Горький и Роланд». Но, несмотря ни на какие влияния, Г. Вяткин оставался самобытным, тонко чувствующим слово поэтом. Да и влияния свои по мере творческого роста он успешно преодолевал.

Г. Вяткин дооктябрьского периода интересен и как прозаик. В центре его рассказов русский интеллигент, который самоотверженно трудится в гуще народа и во благо его. Здесь слышны уже чеховские нотки, но жизненный материал и угол зрения художника — свои, не заемные.

К переломному семнадцатому году Г. Вяткин пришел сложившимся литератором, однако, вопреки тому обстоятельству, что в дореволюционные годы мечтал об очистительной буре, большевистскую революцию он не принял. Более того — буря грянула, а настроение поэта изменилось на противоположное. («Пусть мечется черная буря! // Но всё исцелит тишина»). И не потому, что Г. Вяткин — выходец из среды старой мелкобуржуазной интеллигенции — перед лицом социальных потрясений растерялся (как трактует

официальное советское литературоведение), а скорей в силу того, что поэт воочию убедился, насколько разрушительны и беспощадны силы «всеочистительной грозы», в которой он видел теперь «дым и пламень», «кровавый мрак и пыль», где нет места для «клочка лазури и детского смеха», и где даже сердце способно обратиться в «камень глухой для неба и земли».

Если дооктябрьская поэзия у Г. Вяткина была ограничена в основном лирикой, то в дальнейшем диапазон ее значительно расширяется. Поэт осваивает крупные формы и создает две большие исторические поэмы — «Франциск Ассизский» и «Сказ о Ермаковом походе». Если в первой еще весьма ощутимы излюбленные мотивы его лирики (чувство любви ко всему живому и ненависть к аскетизму, которые он выразил, правда, не через лирического, а исторического персонажа — религиозного полуеретика начала XIII века), то вторая поэма — вещь по-настоящему эпическая. В «Сказе о Ермаковом походе» речь идет об одном из важнейших моментов сибирской истории. Поэму пронизывает мысль о том, что завоевание и присоединение Сибири к России — дело народное, что именно народ стал не только активным его исполнителем, но и душой.

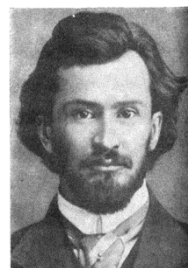
К концу своей жизни Г. Вяткин от поэзии отошел и полностью переключился на прозу. Последним, а также самым крупным и значительным его произведением стал роман «Открытыми глазами», посвященный происходившим в Советской России социальным процессам. Сложный, неоднозначный этот роман и отклики вызвал у современников разные. Одни упрекали писателя в излишней восторженности отдельных мест, другие, наоборот, в искажении действительности. Но как бы то ни было, произведение это осталось заметным фактом литературной жизни Сибири 1930-х годов.

Г. Вяткин был не только удивительно разносторонним литератором, успешно работавшим во многих жанрах, но и неутомимым просветителем и пропагандистом русской культуры, имевшим, надо сказать, у коллег-писателей огромный авторитет. Г. Вяткин поддерживал тесные творческие связи с А. Горьким, А. Блоком, А. Куприным, И. Буниным, Р. Роланом...

Новосибирск стал последним пристанищем Г. Вяткина. По надуманному обвинению в контрреволюционном заговоре он был арестован и трагически погиб в застенках НКВД.

Достаточно широкую известность в первые десятилетия XX века получила и поэзия старшего современника Г. Вяткина П. Драверта, большая часть жизни которого была связана с Омском.

Петр Людвигович Драверт (1879 — 1945) родился в Вятке, в семье крупного чиновника. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. За участие в революционных студенческих выступлениях ссылался сначала в Пермскую губернию (1901), потом в Якутию (1906), где занимался минералогическими исследованиями. В 1911 году был переведен в Томск под гласный надзор полиции.

Годы Гражданской войны П. Драверт провел в Западной Сибири. В дальнейшем работал ассистентом, профессором минералогии, геологии и геофизики в различных вузах Томска и Омска. Ездил с экспедициями по Сибири и Казахстану. Еще в 1921 году П. Драверт вместе с Л. Куликом принял участие в первой советской метеоритной экспедиции. А в 1929-м участвовал в экспедиции по исследованию Тунгусского метеорита.

В годы Великой Отечественной войны П. Драверт занимался изучением местного строительного материала и топлива, так необходимого народному хозяйству в условиях военного времени.

Будучи разносторонним ученым — геологом, ботаником, краеведом, этнографом, космическим исследователем, — П. Драверт явил и реализовал также свой оригинальный поэтический талант. Еще в начале века он дебютировал со сборником стихов «Тени и от-

звуки» (1904), за которым последовало еще несколько книг, увидевших свет в первой четверти двадцатого столетия: «Ряды мгновений» (1908), «Под небом якутского края» (1911), «Стихотворения» (1913), «Сибирь» (1925).

В своем стихотворчестве П. Драверт следовал традициям «научной поэзии» В. Брюсова, с той, правда, разницей, что, в отличие от последнего, опирался не на книжный, а на собственный научный опыт. Лирический герой П. Драверта — ученый-естествоиспытатель, энтузиаст науки, наделенный при этом зрением художника. На лирике П. Драверта лежит печать его научных интересов, а стихи отличаются особой образностью: поэт любит сравнения, эпитеты, метафоры, заимствованные из минералогии. Не случайно некоторые ученые, в частности, академик А. Ферсман рекомендовали стихи П. Драверта в качестве наглядных пособий к курсу описательной минералогии.

Помимо этого, П. Драверт — певец Сибири, которая для него «страна холодная, но живая». И он вдохновенно воспевал ее неподражаемую красоту. Поэзия П. Драверта философична. Звучат в ней и социальные мотивы. Нашли в стихах поэта отражение также жизнь, быт, обычаи эвенков, якутов, ненцев и других малых народов Сибири. И, наконец, П. Драверт — один из пионеров «космической» темы в русской поэзии.

Обращался П. Драверт в своем творчестве и к прозе. В 1909 году появилась его «Повесть о мамонте и ледниковом человеке», впоследствии много раз переизданная и ставшая классикой советской фантастики. Рассказы и очерки П. Драверта нередко можно было встретить на страницах казанских и омских периодических изданий предреволюционной поры.

Трубадуры революции

Значительно активизировала литературную жизнь в Сибири Октябрьская революция 1917 года. Хотя говорить о какой-то цельной упорядоченной картине этой жизни не приходится. Скорее наоборот: она была пестра и раздергана. Не существовало поначалу и печатного органа, способного объединить вокруг себя здоровые творческие силы. Некоторое время, правда, выходила на Алтае книжная серия «Библиотека «Сибирский рассвет». В брошюрках по 30-40 страниц публиковались рассказы и небольшие повести. Среди ее авторов были Вяч. Шишков, Г. Гребенщиков, А. Новоселов, А. Жилияков и даже А. Новиков-Прибой. Печатавшиеся произведения писались еще в дооктябрьскую пору и, естественно, не могли отображать новой революционной действительности. Перечисленные же выше авторы представляли литературу критического реализма, связанную корнями с прошлым.

Однако и у новорожденной советской власти сразу же появились свои трубадуры и «певцы революции». Такие, например, как **Федор Лыткин** (1897 — 1918) — страстный поэт-агитатор, для стихов которого была характерна лозунговая призывность к борьбе за революционные идеалы:

*Вперед, разгневанный народ!
Бушуй, вспененная стихия!
Вперед! На звенья цепи рвет
Освобожденная Россия!*

Судьба Ф. Лыткина оказалась трагической. Прожив всего 21 год, он всецело посвятил себя революционной деятельности. В ноябре 1918 года в якутской тайге белогвардейцы захватили врасплох пробивавшийся к своим отряд красноармейцев и учинили жестокую расправу. Среди других погиб и молодой поэт Ф. Лыткин.

Пафосом революционного романтизма отмечены и произведения **Николая Янчевского** (1892 — 1937), в первую очередь поэма «Октябрь» (1920), в которой автор восторженно славит преображение мира.

С началом Гражданской войны для литературной жизни Сибири наступили тяжелые времена. Колчаковский террор и жестокая цензура сковывали творческие усилия писателей. Но и в таких условиях сибирская литература продолжала жить. Правда, в иных формах.

Широкое распространение получила народная поэзия, рождавшаяся в красноармейских частях и партизанских соединениях. Народные поэты клеймили колчаковцев и воспевали товарищей по оружию. В их стихах и песнях звучали призывы к всенародной борьбе за свободу.

Массовая поэзия периода Гражданской войны в Сибири развивала традиции революционного фольклора. Но и впитывала многие мотивы русской классической поэзии. Партизаны, например, пели переделанного на свой лад «Узника» А. Пушкина. Немало песен пелось на мотив «Варяга». Кроме того, появилась масса частушек, легенд, сказаний, бывальщин.

Народная поэзия жила в Гражданскую войну не только в устной традиции. Велика была роль разного рода листовок, прокламаций, воззваний, значительная часть которых была написана стихами. Охотно народные стихи публиковали и газеты.

Имелись в народной революционной поэзии и свои шедевры. Например, знаменитый «Партизанский гимн»:

*По долинам и по взгорьям,
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот...*

Петр Семенович Парфенов (1894 — 1937) был его автором. Родился он в селе Никольское Уфимской губернии, в крестьянской семье. Сменил множество профессий и занятий: батрачил, работал каменщиком, дворником, официантом в ресторане, учительствовал... Объехал Урал, Сибирь, Дальний Восток, побывал в Маньчжурии и Японии. В Первую мировую войну воевал на Западном фронте. Дважды был ранен. Кавалер двух Георгиевских крестов.

В 1917 году он вступил в ряды ВКП (б) и принял активное участие в событиях Октябрьской революции. А с началом Гражданской войны по заданию партии внедрился в колчаковскую контрразведку. Позже командовал полком, дивизией, был комиссаром армии, начальником политуправления Забайкальского фронта.

После окончания Гражданской войны П. Парфенов уехал с Дальнего Востока в Москву, где работал в аппарате ЦК ВКП (б), Госплане, председателем Московского горкома писателей, редактировал журналы «Коллективист» и «Советский путь». П. Парфенов избирался делегатом XIV съезда партии. Но в 1936 году подвергся репрессиям и в 1937 погиб.

Свою литературную деятельность П. Парфенов начал в 1915 году. Стихи, рассказы, фельетоны, статьи печатал в различных газетах и журналах. Создавал также работы историко-революционного и мемуарного характера. В Москве и Ленинграде издал несколько книг. Художественная и документальная проза П. Парфенова посвящена в основном событиям Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Но все же памятен П. Парфенов в литературе остался прежде всего как автор «Партизанского гимна».

В знакомом нам виде текст «гимна» сложился не сразу. Будучи еще в Сибири, по просьбе своего друга Ефима Мамонтова, собиравшего в единую армию партизан Алтая, П. Парфенов создал в 1919 году агитационную песню «Наше знамя». Окончательная же редакция «гимна» появилась в 1922 году после разгрома белогвардейско-японских соединений у станции Волочаевка Хабаровского

края. «Гимн» посвящался 2-й Приамурской дивизии и «светлой памяти Сергея Лазо, сожженного японо-белогвардейцами в паровозной топке».¹ Огромную популярность «гимн» получил в исполнении военного ансамбля имени Александрова, включившего «По долинам и по взгорьям» в свой репертуар.

Между «молотом» и «наковальней»

Октябрьская революция расколола российское общество на противоборствующие лагеря. Гражданская война обострила этот процесс. Ряд сибирских литераторов (Ф. Березовский, Вс. Иванов, Г. Пушкарев, А. Жилияков, К. Урманов) сразу же приняли сторону большевиков. Некоторые (очень незначительная часть) примкнули к колчаковцам. Однако большинство писателей-сибиряков в своих политических взглядах определились не сразу. Они оказались как бы между «молотом» и «наковальней»: Октябрьскую революцию поначалу, а кто-то и навсегда, не приняли, но и колчаковщина вызывала у них внутренний протест и отчуждение. Одни (Г. Гребенщиков) по этой причине эмигрировали, другие (А. Сорокин, Г. Вяткин, Ис. Гольдберг), оставаясь на Родине, долго и мучительно преодолевали в себе раздвоенность. А некоторых талантливых, честных и болеющих за родной край художников слова столкновение с новыми социальными реалиями привело к трагическому финалу. Как случилось это с одним из виднейших сибирских прозаиков предреволюционной поры А. Новоселовым.

Жертва политических игр

Александр Ефимович Новоселов (1884 — 1918) родился в поселке Железинский Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, в семье хорунжего Сибирского казачьего войска. Учился в Омском кадетском корпусе. С 1905 по 1917 год был учителем в казачьей школе, воспитателем в Омском пансионате казачьего войска. И каждое лето в составе экспедиций Российского географического общества ездил на Алтай, что дало А. Новоселову богатейший материал для этнографических очерков, составивших впоследствии большой цикл «Лицо моей родины», и художественного творчества.

Уже по первым рассказам молодого писателя становилось ясно, что в литературу приходит художник слова с большим будущим. Творчество А. Новоселова в целом развивалось в русле гуманистических традиций русского реализма с его пристальным вниманием к «маленькому человеку». А. Новоселов прекрасно изучил быт сибирского казачества, алтайских кержаков-старообрядцев. Их жизнь и стала основным содержанием лучших его произведений.

Яркий образ русской женщины из народа создан А. Новоселовым в повести «**Мирская**». Главная ее героиня Аннушка семнадцатилетней девушкой попадает в женский раскольничий монастырь. Приходит сюда добровольно после гибели всей семьи, вырезанной бандитами.

Автор со знанием дела описывает повседневную жизнь этой обители, внимательно присматривается к заведенному внутреннему распорядку, рисует портреты обитателей монастыря, ведущих постоянную душевную борьбу с мирскими соблазнами и искушениями. Народ тут разный: и полупомешанные старухи, и озлобленные житейскими неудачами люди, и юродивые... Встречаются, однако, и умные, проникательные женщины.

¹ Об истории создания «Партизанского гимна» его автор рассказывал в журнале «Красноармеец и краснофлотец» (1934, №21). Достаточно подробно освещена она и в материале А. Маравлева «Судьба автора популярной песни» // «Сибирские огни», 2007, №12.

Аннушка, попавшая в такую обстановку в пору цветущей юности, переживает приступы тоски и отчаяния. Случайная встреча с захавшим в монастырь деревенским парнем Василием взбудоражила ее, наполнила душу светлой радостью.

Недавнюю смиренную послушницу словно подменили, и писатель психологически точно передает душевное состояние героини, которой «до земли хотелось поклониться хорошему, доброму солнышку за тепло, за ласку, за нетронутую молодость».

Еще более тонко переданы в повести и смятение девушки-послушницы после отъезда Василия. Однако, несмотря на бунтующее в ней мирское начало, Аннушка, не без вмешательства прозорливой игуменьи Ксении, угадавшей душевное состояние своей подопечной, остается в монастыре. Под ее же влиянием Аннушке начинает казаться, что здесь, за монастырскими стенами, она обретет свою правду и душевную чистоту. Во имя этого она готова совершить тяжелый нравственный подвиг — «вся изгореть».

С большим искусством А. Новоселов воссоздает шквал чувств, бушующий в этой цельной и непосредственной натуре, решившей подчинить свою плоть и неумную жажду жизни религиозным догмам.

С грустью и печалью расстается автор повести со своей героиней, глубоко сожалея, что эта красивая сильная молодая женщина с недюжинным характером исковеркала себе жизнь, которая могла бы стать и счастливой, и радостной.

Повесть «Мирская» была опубликована в журнале «Сибирский рассвет» в 1919 году уже после смерти автора. А вот наиболее, пожалуй, масштабная и значительная вещь А. Новоселова — повесть «Беловодье» — появилась в горьковском журнале «Летопись» еще при жизни писателя — в 1917 году.

В повести изображена многогранная картина быта, обычаев и верований старообрядческой алтайской деревни, показаны самобытные и колоритные типы ее обитателей. А сюжетную основу произведения составляют поиски мифического Беловодья, земли обетованной, мечта о которой издавна жила в сознании крестьян-старообрядцев, постоянно гонимых и преследуемых за приверженность к своей вере официальными властями и русской православной церковью.

Всю жизнь искал Беловодье деревенский кузнец-богатырь Панкрат. Не нашел, но не сдался, не смирился и, умирая, завещал сыну продолжать поиски. Выполняя отцовский наказ, Панфил сорок лет потратил на поиски Беловодья. Годами не бывал дома, оставил жену, дочь, хозяйство. Много раз терял товарищей-единоверцев, смотрел смерти в лицо, но не отступался. Наконец, уже будучи стариком, он отправляется в последний свой поход, о котором в живописных подробностях и рассказывается в повести.

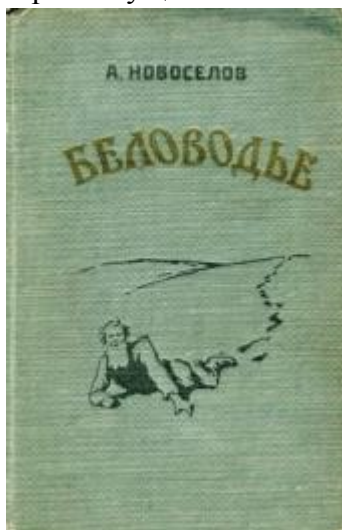
Горстка сподвижников, идущих вместе с Панфилом в поисках счастья, вовсе не так единодушна, как кажется. Одного потянул бродяжий дух, другой идет из любопытства, кто-то спасается от постылого жениха, кто-то — от властей. Собственно, один Панфил и верит в существование Беловодья. Он упрямо идет вперед даже тогда, когда его покидают

остальные. На этом бесконечном пути Панфил и погибает. Дорога к Беловодью оказывается дорогой к смерти.

Лучшие рассказы и повести А. Новоселова, помимо своих несомненных художественных достоинств, интересны тем, что они ввели в русскую литературу новые темы, приоткрыли завесу над малознакомыми сторонами жизни и быта старообрядческого населения Сибири.

А. Новоселов обещал вырасти в крупного художника, но не успел. Его творческий путь оборвала преждевременная трагическая гибель. А сгубила писателя проснувшаяся вдруг в нем после Февральской революции 1917 года страсть к политической деятельности, в которую он окунулся с головой.

Как политический деятель А. Новоселов, по мнению многих революционеров-профессионалов того времени, был очень

слаб и не подготовлен. Однако упрямство и болезненное честолюбие толкали его на непредсказуемые, порой, а то и просто и сомнительные поступки.

В мае 1917 года войсковой круг Сибирского казачьего войска избрал его товарищем (помощником) председателя войсковой управы. В ноябре того же года А. Новоселов вступил в партию эсеров и вскоре занял пост комиссара Акмолинской области. А в декабре был делегирован на чрезвычайный съезд областников в Томск, где его избирают в состав Сибирского областного Совета. В январе 1918-го Сибирская областная дума создает правительство автономной Сибири, в котором А. Новоселов становится министром внутренних дел.

Думе он нужен был как средство политической игры. Для самого же А. Новоселова «игра» эта стала роковой. 21 сентября, незадолго до колчаковского переворота, его арестовали, обвинили в «бездействии власти» и предложили, подписав прошение об отставке, убраться из Омска. А. Новоселов наотрез отказался. 23 сентября во время конвоирования в тюрьму, он был убит выстрелом в затылок (якобы при попытке к бегству).

Это коварное злодейское убийство лишило сибирскую литературу одного из самых ярких и самобытных писателей в ее истории.

На исходе Гражданской войны литература Сибири фактически потеряла еще одного замечательного прозаика (по духу и идейно-тематической направленности, кстати, очень близкого А. Новоселову) — Г. Гребенщикова.

«Золоторокотные сказания о нашей матери России»

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882 — 1964) в дореволюционную пору из писателей-сибиряков пользовался, пожалуй, наибольшей известностью. Многие видели в нем надежду и гордость русской литературы. Высоко отзывался о произведениях Г. Гребенщикова А. Куприн. Восторженно принимал творчество писателя Вяч. Шишков. «Золоторокотными сказаниями о нашей матери России» называл прозу Г. Гребенщикова Ф. Шаляпин. Высоко оценивали первые части романа-эпопеи «Чураевы» В. Короленко и А. Горький.

Родился Г. Гребенщиков в селе Николаевский рудник Бийского уезда Томской губернии, расположившемся в предгорьях Алтая. «Отец, — вспоминал писатель, — крестьянин по духу, по положению горнорабочий из инородцев. Бился он всю жизнь и не видел отдыха, пока все мы — четыре сына и две дочери — не выросли»². Мать была из казачек с Иртыша. Она хорошо пела народные песни и увлекательно рассказывала сказки. Именно она и приобщила сына к народной поэзии, пробудила у него любовь к родному языку и старинным преданиям.

Большая семья бедствовала, и уже в юные годы Гребенщикову пришлось сменить немало занятий. Был санитаром в больнице, помощником фельдшера, писцом в полицейском участке, письмоводителем в суде, работал лесорубом, крестьянствовал... В дальнейшем служил управляющим нотариальной конторой, золотыми приисками. Учился в Томском университете.

Огромное значение для будущего писателя имело знакомство с творчеством И. Тургенева, в частности, с «Записками охотника», открывшими ему красоту окружающей природы и поэзию повседневного крестьянского труда. «Отсюда и пошло мое любопытство к жизни, к природе, к литературе...»³ — вспоминал впоследствии Г. Гребенщиков.

«Любопытство» это вылилось вскоре в очерки и рассказы, составившие книжку зарисовок «Отголоски сибирских окраин», которая вышла в 1906 году в Семипалатинске. А

² Клейнборт Л.М. Очерки народной литературы. — Л., 1924, с. 150.

³ Там же, с. 151.

годом позже появилась на свет пьеса «Сын народа» о крестьянине, поступившем в университет, но быстро разочаровавшемся в «бессмысленности городской жизни». Она шла на сценах нескольких сибирских театров и имела некоторый успех, чего нельзя было сказать о книжке.

Тем не менее, и она, и пьеса стали стартовой площадкой творческого пути Г. Гребенщикова. С этого времени он много пишет и регулярно публикует свои произведения в различных сибирских изданиях. Более того, и сам активно занимается издательской деятельностью. В 1908 году выпускает и редактирует газету «Омское слово». Правда, просуществовала она всего полгода и «за вредное направление» была закрыта.

В 1909 году Г. Гребенщиков посетил Л. Толстого в Ясной Поляне, где тот благословил молодого сибирского писателя на литературную работу «для народа». И осенью того же года Г. Гребенщиков стал ответственным секретарем томского журнала «Молодая Сибирь». А несколько позднее принял деятельное участие в издании другого журнала — «Сибирская новь».

Тогда же Г. Гребенщиков сблизился с Г. Потаниным, во многом повлиявшим на формирование его этнографических интересов. Принимал он и активное участие в работе Западно-Сибирского отдела Российского географического общества, по поручению которого в 1911 году совершил путешествие по Алтаю. И вполне логично, что именно сибирская, и прежде всего алтайская тема определила направление всего творчества Г. Гребенщикова. В 1913 — 1914 годы Г. Гребенщиков совершает поездки по Сибири с лекцией «Алтайская Русь» и презентацией своих произведений.

Не оставляет Г. Гребенщиков и журналистику. Редактирует газету «Жизнь Алтая», составляет «Алтайский альманах», много публикуется как в сибирской, так и в столичной периодике, обращая на себя внимание читателей и критики, отмечавшей, что Г. Гребенщиков создал новый образ Сибири в «смутное время» разрушения традиционных ценностей под натиском цивилизации, и называвшей его самым ярким и талантливым сибирским писателем.

В разгар Первой мировой войны Г. Гребенщиков отправился в качестве старшего санинструктора на фронт, являясь одновременно военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», где публикует множество корреспонденций, зарисовок, рассказов.

Заметную роль в творческой судьбе Г. Гребенщикова сыграл А. Горький, который печатал его в своей «Летописи» и способствовал публикации произведений сибирского писателя-самородка в других центральных изданиях и издательствах. Выходят у Гребенщикова в Петербурге, Одессе и Барнауле и новые книги: «Ханство Батырбека» (1913), «В просторах Сибири» (1913 — 1915), «Змей Горыныч» (1916), «Степь да небо», «В полях» (1917), «Волчья жизнь» (1918), «Любава» (1919).

Ранние произведения Г. Гребенщикова посвящены, в основном, жизни алтайской деревни в период распада патриархального уклада под урбанистическим натиском, борьбе кержаков-раскольников с крестьянами-переселенцами за земельные и лесные угодья. Сильны были в них и мотивы гармонического сосуществования человека и природы. Правда, восхищение природой и трудом сибирского крестьянина в ее благодатных объятиях у раннего Г. Гребенщикова граничит нередко с сентиментальным умилением и сусальностью. При этом он ограничивался обычно простым бытописанием, обходя стороной глубокие социальные противоречия сибирской деревни, возникающие в процессе болезненного процесса капитализации Сибири.

Однако со временем навязчивое морализаторство и народническая идеализация, чем грешили ранние вещи Г. Гребенщикова, уходят из его творчества. Сочувствуя патриархальной деревне, писатель уже не закрывает глаза на мрачные стороны ее жизни: на стяжательство и психологию собственничества, например, или религиозные суеверия и предрассудки.

В рассказе «Колдунья» писатель показывает как изуродована была жизнь девушки из-за религиозной нетерпимости («единоверка» Анка полюбила «спасовца» Федота, вышла за него замуж, а его родня извела невестку своей мракобесной злобой).

Своего рода художественный анализ съедающего все человеческое существо беспредельного эгоизма и стяжательства на примере вполне вроде бы обычной русской женщины дан в повести Г. Гребенщикова «Любава». Засидевшаяся в девках Любава с отчаяния выскочила замуж за старого богатого калмыка, не испытывая к нему ничего, кроме отвращения. Но постепенно, входя во вкус, она прибирает все его хозяйство и фактически губит мужа. Безудержно разрастающаяся раковой опухолью страсть наживы заставляет ее не брезговать никакими средствами. И даже усиливающаяся с каждым днем неприязнь и отчуждение окружающих не останавливают ее. «В больших прищуренных глазах Любавы сверкало лезвие какой-то новой, ядовитой хищности, как жало на конце стрелы, пущенной самой судьбой», — заканчивается повесть, как бы давая понять читателю, что индивидуалистическое общество поражает себе подобных, превращает их в стяжателей и преступников против человечности.

Значительное место в творчестве Г. Гребенщикова занимает жизнь и судьба коренных народов Сибири на капиталистическом витке ее развития. Писатель с большим сочувствием относится к «инородцам». В одной из лучших своих повестей «Ханство Батырбека» Г. Гребенщиков рисует картину обнищания и жестокого притеснения национальных меньшинств, с большой художественной силой запечатлевает трагедию степных кочевников-казахов, чей размеренный «полудикий» быт «века конного» рушится под наступлением «века железного».

Повести и рассказы Г. Гребенщикова предреволюционной поры — это уже произведения зрелого художника, выдержанные в добротной реалистической манере и дававшие все основания видеть далеко идущие перспективы их автора.

1917 год внес значительные коррективы в творческую судьбу Г. Гребенщикова. К революционным событиям он отнесся неоднозначно. Если Февральскую революцию принял восторженно, то Октябрьскую «воспринял как личное оскорбление»⁴. Во время Гражданской войны Г. Гребенщиков жил в Крыму, уклоняясь от участия в ней на чьей-либо стороне. В сентябре 1920 года в одной из последних партий беженцев покинул Крым и уехал в Константинополь. До 1921 года жил в Турции, затем переехал во Францию, оттуда в 1924-м — в США.

Главным делом сорока лет жизни Г. Гребенщикова за границей стала многотомная эпопея «Чураевы» — самое крупное и значительное произведение писателя. Ее первую книгу «Братья» он завершил еще в 1916 году. А в 1922 — 1923 годах в Париже под общим названием «Чураевы» были изданы три первых части.

Многоплановое повествование о судьбах отцов и детей нескольких поколений автор назвал «романом-хроникой одной старообрядческой семьи». В сюжетной основе — история жизни трех братьев семейства Чураевых: Анания, Викула и Василия — детей Фирса Платоновича Чураева, крепкого, богатого и прижимистого хозяина. По его стопам идет старший сын Ананий, который вырастает в еще большего стяжателя. Купцом становится Викул. А вот судьба младшего Василия складывается сложнее и противоречивей. Он — человек глубоко религиозный и все время чувствует какую-то неудовлетворенность окружающим миром, постоянное душевное беспокойство. Отличает Василия и то, что он глубоко уважает коренные сибирские народности, хочет быть им полезным. Мечтая посвятить себя миссионерской деятельности, он едет учиться в столицу.

Действие эпопеи разворачивается преимущественно на Алтае, на фоне картин местной природы, буйства ее красок, прекрасно переданных писателем. Роман насыщен ост-

⁴ «Сиб. огни», 1922, №5.

рым драматизмом. Особенно те его страницы, в которых рассказывается о столкновении младшего сына с отцом, а так же любви Викула и Василия к дочери московского профессора Наде.

Первые части «Чураевых» вызвали огромный интерес. По словам С. Скитальца, «роман этот, яркой и сильной кистью живописующий быт почти допетровской Руси, по капризу истории нашей страны, чудом уцелевшей в глухих уголках необъятной Сибири, — произвел на читающую публику ошеломляющее впечатление открытия новой, неведомой доселе стране»⁵. Успех побудил Г. Гребенщикова продолжить эпопею. Она растянулась на 12 частей. Последние четыре так и остались незавершенными.

Но как бы то ни было, «Чураевы» вывели Г. Гребенщикова на мировую литературную арену. Его широко издают за границей. «Леший ухмыляется» (1923), «Волчья сказка» (1927), «Гонец» (1928), «Купава» (1936), «Радонега» (1938) и другие его книги выходят в Париже, Берлине, Нью-Йорке, Солсбери.

Сам он в это время живет и работает в Нью-Йорке и в местечке Саутбюри штата Коннектикут. Здесь, в поселке русских эмигрантов, названном позже Чураевкой, Г. Гребенщиков воплотил свою юношескую мечту об общинном сельскохозяйственном труде духовно близких людей. В Чураевке была построена часовня преподобного Сергия Радонежского, работало издательство «Алатас», возглавляемое Г. Гребенщиковым, которое за время существования выпустило более пятидесяти книг на русском языке, в том числе и его самого.

Живя в Америке, Г. Гребенщиков не забывал свою родину. С лекциями о Сибири писатель выступал во многих городах США. А с 1940 года преподавал историю русской литературы в одном из американских колледжей.

В последние годы жизни Г. Гребенщиков, помимо работы над «Чураевыми», писал автобиографическую повесть «Егоркина жизнь»⁶.

Лучшие литературные произведения Г. Гребенщикова принадлежат к ярким незаурядным явлениям русской реалистической прозы. Но для российского читателя в советское время его творчество по идеологическим причинам было фактически недоступно. Оно и современному читателю известно мало. До сих пор не издано на Родине писателя собрание его сочинений. Но из «песни» русской сибирской литературы «слово» Г. Гребенщикова выкинуть уже невозможно.

Более того, проза Г. Гребенщикова и сегодня не утратила своей социальной и идейно-художественной ценности. Так, скажем, неприятие всякого рода сектантства, звучащее со страниц произведений Г. Гребенщикова, чрезвычайно актуально и ныне, когда активизировалось шарлатанствующее «христоролюбивое» разноплеменное воинство. Как и критика российского капитализма, которыми пронизаны многие страницы тех же «Чураевых». А разве проблема крайнего индивидуализма и оголтелого собственничества, фанатичного поклонения «золотому тельцу», которую поднимал почти век назад Г. Гребенщиков, сегодня менее остра? Все это делает его творчество современным и поныне.

Культурная столица Сибири

Но вернемся к литературной ситуации времен революции и Гражданской войны в Сибири. Характерна она была, в том числе, и резким сокращением на ее территории числа периодических изданий. Многие литературные начинания умирали, едва успев родиться. Дольше других продержались журналы «Сибирский рассвет» и «Сибирские записки». «Сибирский рассвет» издавался в Барнауле в 1919 году и печатал иногда довольно инте-

⁵ Скиталец С.Г. Автор «Чураевых». — ЦГАЛИ. Ф. 484. Оп. 3. №13.

⁶ Сибирского читателя с ней почти через четверть века после смерти автора познакомил журнал «Сибирские огни» (1984, №12).

ресную прозу. Возникшие еще в 1916 году в Красноярске «Сибирские записки» к 1918 году переживали кризис. Прежние добротные авторы от издания отошли, новые — ничем пока себя не проявили. На закате своего существования «Сибирские записки» примечательны были, пожалуй, только одним: настойчивой пропагандой «областной идеи» и сибирской автономии. Не случайно самым активным автором журнала в это время был Г. Потанин.

Ну а главным культурным центром Сибири в 1918 — 1920 годах становится Омск. В эту пору здесь собралось немало видных литераторов и деятелей российской культуры. В том числе и бежавших из Центральной России. Таких, например, как известный прозаик А. Толстой, или поэт-футурист и художник Д. Бурлюк.

Пестрому составу собравшейся в Омске творческой интеллигенции вполне соответствовала противоречивая культурно-литературная жизнь тогдашней сибирской столицы. При этом, однако, не раз предпринимались попытки творческого объединения. Первая — еще в 1918 году, когда Вс. Иванов и А. Сорокин создали в Омске **«Цех пролетарских писателей и художников Сибири»**, просуществовавший, правда, очень недолго. После освобождения от колчаковщины в Омске возникло новое объединение — **Художественная секция при сибирском отделении Госиздата (ЛИТО)**. Создавали ее все тот же неутомимый А. Сорокин, Г. Вяткин, а так же И. Ерошин. ЛИТО проводило литературные вечера, выпускало «Живой литературный альманах» и даже замахнулось на полноценное периодическое издание.

Называлось оно **«Искусство»**. На его титуле значилось: «Журнал искусств, литературы и техники». Литературно-художественные материалы соседствовали здесь со статьями об изобразительном искусстве, детской игрушке, литературно-критическими и театральными обзорами. Наиболее сильным был поэтический раздел, в котором печатались стихи Г. Вяткина, П. Драверта, А. Оленича-Гнененко. Здесь же начинал свой творческий путь Л. Мартынов. Жизнь у этого издания тоже была недолгой. В 1921 — 1922 годах увидело свет всего два номера. Материальные трудности не позволили продолжить издание. Но определенную роль в культурной жизни Омска и Сибири оно сыграло.

Что касается самого ЛИТО, то на его базе в конце 1921 года возникла новая литературная организация — **«Омская артель писателей и поэтов»**. Создана она была прежде всего для работы с молодежью, и основное внимание уделяла историко-литературным и теоретическим занятиям, в частности изучению техники стихосложения.

Однако первая такая «артель» возникла несколько ранее, в июле 1921 года в Новониколаевске. **«Николаевская артель писателей и поэтов»** выпустила альманах **«Арпоэпис»** «в пользу голодающих», в котором в числе других молодых авторов принимали участие И. Ерошин и К. Урманов. С этой «артели» началась, по существу, литературная жизнь Новониколаевска-Новосибирска.

Но просуществовали обе «артели» не более года. Новониколаевская тихо и незаметно исчезла, когда поздней осенью 1921 года обозначились контуры «Сибирских огней». А омская преобразовалась в конце 1922 года в **Омскую организацию работников науки, культуры, литературы и искусств (ОРНАЛИС)**, которая ставила своей задачей объединить «всех активных работников на поприще науки, литературы и искусств, стоящих на платформе «Красного Октября»⁷. Впрочем, и это новообразование продержалось лишь до осени 1923 года.

Король писателей

⁷ Омский областной архив. Ф. 318, оп. 1, ед. хр. 567, л. 231.

Литературный Омск первых послереволюционных лет и Гражданской войны трудно представить себе без поэта и прозаика, легендарной фигуры своего времени — **Антон Семеновича Сорокина** (1884 — 1928).

*Вы знаете, что в Омске жил король,
Король писателей — Антон Сорокин,
И пламенно играл он эту роль,
И были помыслы его высоки...*

Стихи эти принадлежат Л. Мартынову, но «королем писателей» без излишней скромности А. Сорокин называл себя сам. Личность колоритная и оригинальная, он любил шокировать публику. О его скандальных выступлениях и эксцентрических выходках ходили легенды. Однажды он выдвинул себя на Нобелевскую премию и разослал с экземплярами своей рукописи письма главам многих государств, где просил поддержать его кандидатуру.

На обложке одного из своих печатных изданий А. Сорокин типографским способом начертал: «Людей, ограниченных умом, просят не читать». На последней странице той же книжечки была помещена фотография скульптурного портрета автора с надписью: «Проект памятника Антону Сорокину — сибирскому Кипплингу, Джеку Лондону и Метерлинку».

Во всем этом, однако, был не просто эпатаж, стремление обратить внимание на собственную персону любой ценой, а и своя позиция. Называя себя еще и «первым сибирским рекламистом», А. Сорокин был убежден в праве писателя на саморекламу. («Талант должен верить в свои силы и не стыдиться говорить о своем таланте громко и всюду»⁸).

Но на практике самореклама приносила А. Сорокину больше неприятностей: злую критику его произведений, дурную славу полупомешанного сочинителя у части читателей, да и коллег-литераторов — тоже. Так критик Н. Чужак заявлял: «В лице А. Сорокина... мы имеем человека, несомненно, психически больного...».

А ведь при всем при этом «король сибирских писателей» как человек вовсе не соответствовал напыленной на себя маске литературного шута и эксцентрика. Он и сам в том откровенно признавался: «Я объявил себя гением. Имел ли я на это право — вопрос другой, так как в жизни я — самый скромный человек, не страдающий манией величия»⁹. Тем не менее, как следует из упомянутого уже стихотворения Л. Мартынова, А. Сорокин был для творческой интеллигенции Омска предреволюционной и революционной поры мощным центром духовного притяжения.

*Но, не ценя спокойствия ни в грош,
Антон Сорокин собирал, неистов,
Вокруг себя шальную молодежь —
Мечтателей, фантастов, футуристов...*

И действительно, кого только можно было не встретить у Сорокина! У него дома собирались художники, писатели, музыканты, ученые, актеры. Здесь читали свои стихи Л. Мартынов, В. Итин, знакомил публику с первыми рассказами будущий автор знаменитых «Партизанских повестей» Вс. Иванов. И, по его признанию, «люди быстро привязывались к нему, причем люди самого различного склада ума и художественных вкусов... Таких людей, как Антон Сорокин, было в Сибири мало»¹⁰.

⁸ А. Сорокин. Таланты Сибири и золото. — Омск, 1917, с. 11.

⁹ Цит. по кн. Антон Сорокин. Запах родины. — Омск, 1984, с. 238.

¹⁰ Там же, с. 236.

Только ли необычное поведение являлось источником его магнетизма? Да нет, конечно! Как свидетельствует один из представителей «шалльной молодежи» Г. Дружинин, «он развивал в нас вкус к художественному слову, знакомил с образцами высокого искусства». (А надо сказать, с некоторыми его достославными носителями А. Сорокин состоял в эпистолярной связи: он переписывался с Чеховым, Буниным, Андреевым, Арцыбашевым, Комиссаржевской...). Кроме того, он всеми силами помогал обосновавшимся в то время в Омске литераторам и художникам, которые частенько находили у него приют и даже спасение.

Что касается «рекламизма» А. Сорокина, то, кроме стремления заявить о себе, это был еще и своеобразный вызов разлагающемуся на глазах обществу, способ противостоять ему. Ведь очень часто личина свихнувшегося интеллигента А. Сорокину была нужна, чтобы сказать во всеуслышание очень серьезные вещи. В этом легко убедиться, прочитав хотя бы «Манифест Антона Сорокина», в котором он едко высмеивает деградирующее общество, или его знаменитые «Скандалы Колчаку».

Фрагменты этой книги впервые появились в печати в 1928 году, незадолго до смерти ее автора. Сквозным героем ее коротких новелл о жизни сибирской интеллигенции во время колчаковщины является сам А. Сорокин. Но здесь не просто автопортрет, а скорее объединенный трагикомичный тип одинокого интеллигента, который под маской шута, прибегая к эпатажу, ведет свою собственную бескровную борьбу с диктатурой Колчака.

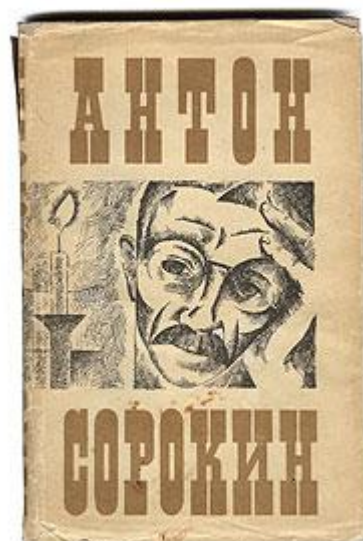
Внешний эксцентризм А. Сорокина долгое время заслонял в нем большого интересного писателя. Очень плодотворного и разнообразного. За свою сравнительно недолгую жизнь он написал около двух тысяч произведений. Ценивший его талант А. Горький, настоятельно рекомендовал издавать книги А. Сорокина. Увы, призывы не были услышаны. Только в 1967 году Западно-Сибирскому книжному издательству удалось осуществить горьковское пожелание — выпустить полновесный сборник рассказов А. Сорокина «**Напевы ветра**».

Проза А. Сорокина неоднозначна и противоречива, как и ее создатель. В самых ярких и характерных своих произведениях он проявился как писатель с выраженной нравственно-философской направленностью. Возможно, оттого в поэтике и стилистике многих его вещей столь ощутимо воздействие Библии и восточного фольклора.

Если же говорить о литературных влияниях, то поначалу А. Сорокин сильнее всего тяготел к Л. Андрееву с его мрачно-трагической аллегоричностью и раннему А. Горькому с его романтическими легендами-сказками. Не случайно любимая художественная форма А. Сорокина — аллегория, а излюбленный жанр — короткий рассказ, новелла. В архиве писателя хранится множество легенд и притч на сюжеты библейской и восточной мифологии, дидактических рассказов, которые сам автор называл «стилизованными примитивами». А наиболее интересные и значительные среди них те, что развивают одну из главных в его творчестве тем — «киргизскую».

А. Сорокин хорошо знал жизнь и быт казахов (а почти все среднеазиатские народы в царской России назывались одним словом — «кыргызы»), их язык, культуру, фольклор. И это объяснимо, ибо он и родился на казахской земле, в городе Павлодаре, в богатой семье староверов-беспоповцев. Из Павлодара семья переехала в Омск. Здесь, после шести лет обучения, А. Сорокин был исключен из гимназии с «волчьим» билетом за незнание, как писал он сам в автобиографии, молитвы «Отче наш». Сорокин поступил счетоводом в управление железной дороги, где и прослужил много лет.

Крупных вещей у А. Сорокина на «киргизскую» тему нет, но в многочисленных рассказах, сказках, легендах и притчах, очень образных и красочных, он затронул многие со-

циальные и духовные проблемы степного народа. Их героями часто выступают народные певцы, сказители-акыны; в тексты его «киргизских» произведений то и дело врывается народная песня, что, кстати, во многом отразилось и в названиях новелл: «Печальные песни Ачара», «Песня Джеменея», «Не пойте песен своих»... Поражает в «киргизских» рассказах А. Сорокина его способность вживаться в духовный мир чужого народа, умение его глазами видеть глубинный смысл явления.

Другой большой и важной темой в творчестве А. Сорокина стала антивоенная. Она проходит в ряде рассказов писателя. Антивоенным пафосом проникнута и одна из самых крупных вещей А. Сорокина — повесть **«Хохот Желтого дьявола»**, опубликованная как раз в канун Первой мировой войны.

«Это мой шедевр», — говорил о повести автор. (Именно ее А. Сорокин сам выдвигал на соискание Нобелевской премии). Произведение действительно весьма впечатляет. Но нетрудно заметить, на что оно опирается. Кроме Библии, это два известных произведения русской литературы, появившихся несколько раньше сорокинского, — «Красный смех» Л. Андреева и «Город Желтого дьявола» А. Горького.

Как и в названных вещах, в повести А. Сорокина нет сквозного сюжета. Это тоже повесть-памфлет, направленная против войны. А. Сорокин видит в войне планетарный ужас и всеобщее сумасшествие. В художественном плане повесть «Хохот Желтого дьявола» с первых и до последних страниц являет собой громадную разветвленную метафору-перевертыш: автор превращает переносный смысл словосочетания «театр военных действий» в реальное, прямо-таки буквальное явление, чем еще резче высвечивает трагедию войны и еще больше подчеркивает «ее великий ужас».

В то же время А. Сорокин не только изобличает преступления войны, но и показывает ту социальную силу, благодаря которой возникает и развивается «золотопалый микроб» войны. И здесь А. Сорокин явно отталкивается от горьковского Желтого дьявола. Правда, его (Сорокина) «дьявол» — не традиционный золотой телец и угнетающая власть денег, а страшная космическая сила, подчинившая мир злой воле, сила, которая и является главной причиной кровопролитных войн между народами.

Зловещий золотой звон слышен и со страниц рассказов А. Сорокина об искусстве и роли художника в обществе. Звон чаще всего погребальный, ибо смертью или помешательством писателя, художника, актера они обычно заканчиваются. Трагедия художника, по мысли А. Сорокина, заключается в том, что, создавая шедевры, обогащающие души людей, он раздает все, чем владеет, и остается нищим. А. Сорокин хорошо понимал социальный смысл этой трагедии. Он видел, как денежный мешок становится хозяином мысли и вкуса, как начинает диктовать свою волю (очень современна мысль эта и сегодня!).

Есть у А. Сорокина очень поучительный рассказ «Свободное слово». Его герой — писатель — страдает оттого, что никто не публикует им написанное, где он говорит правду, одну только правду. Хозяева газет и журналов требуют лжи. Чтобы заработать на хлеб, герой рассказа начинает сочинять в состоянии опьянения, поскольку вино приглушало голос совести и позволяло ему отступить от правды. Его «пьяные» рассказы начинают охотно печатать. Приходит богатство, слава. Постепенно герой привыкает кривить душой, и ложь из-под его пера выходит даже тогда, когда он трезв. С приходом желанной свободы и исчезновением обстоятельств, заставлявших писателя лгать, душа его оказывается уже настолько растленной, что он уже вообще не в состоянии сказать слова правды.

Удивительно прозорливый рассказ! Многим писателям в разное время пришлось пройти через нечто подобное. И очень немногие сохранили в себе свою правду.

Мотив честности художника перекликается в творчестве А. Сорокина еще с одним — мотивом нецененного по достоинству таланта, мотивом для самого этого писателя очень личным и болезненным, ибо он остро ощущал собственную недооцененность. В работе «Записки Врубеля» А. Сорокин создает образ гениального живописца (его, кстати, земляка-омича), которого не признает мещанское общество, от которого отворачивается любимая женщина, и слава к которому приходит уже тогда, когда он попадает в сумасшедший

дом. И то, что печальная участь Врубеля, вынужденного «за двадцать пять копеек таскать на толкучку свои картины»¹¹, — не исключение, А. Сорокин подтверждает и в ряде других своих публицистических выступлений. Так, с горечью пишет он о страшной судьбе поэта-самородка И. Тачалова. Напоминает А. Сорокин и о жалком существовании в условиях российского капитализма многих отечественных писателей. Вс. Иванова, к примеру, вынужденного три года проработать клоуном в балагане. А. Сорокин очень любил Сибирь, но тем трагичней его вывод: «В Сибири могут развиваться таланты, даже гении, для того, чтобы страдать...»¹². Увы, и в этом, как показало время, «король писателей» оказался прозорлив.

Представление об А. Сорокине окажется неполным без уяснения его отношения к революции. Революцию он ждал. Развенчивая в своих произведениях капитализм, он был готов к ней, и ее, революцию, объявившую мир народам, право наций на самоопределение, решительно взявшуюся за уничтожение власти золота (то есть все то, против чего так активно всегда выступал А. Сорокин), поначалу радостно принял. Однако жестокость революционного террора и трагедия начавшейся Гражданской войны развеяли его радужные идиллии, и в одном из рассказов писатель восклицает: «И я, десять лет писавший против капитализма, веривший в торжество социализма, не знаю, какими словами кричать мне!» Во многих рассказах-притчах послереволюционных лет А. Сорокин настойчиво проводит мысль о том, что всякая революция способна заменить лишь одну форму рабства другой. Писателю кажется, что революционный переворот может перевести только к анархии и неуправляемости. С приходом к власти Колчака и оказавшись в центре его жесточайшего режима, А. Сорокин снова меняет взгляд на революцию, поскольку колчаковщина оказалась еще страшнее диктатуры пролетариата.

А. Сорокин советского периода (а это восемь лет его жизни) мало похож на прежнего бурного и эксцентричного «короля писателей», «гения Сибири» и «рекламиста». Теперь он «становится просто писателем Антоном Сорокиным, скромно, в меру своего дарования, участвующим в деле создания новой литературы»¹³. А изменился он так потому, что в новых условиях изображать «шута Бенеццо» сделалось бессмысленно, ибо «исчезла литературная конкуренция, и каждое подлинно талантливое слово принималось с благодарностью, если оно выражало близкие народу идеалы»¹⁴.

Проще же говоря, А. Сорокин приходит, в конце концов, к идее сознательного служения революции, а тем, кто обвинял его в альянсе с советской властью, он откровенно заявлял: «Писатель должен быть агитатором. И я, Антон Сорокин, продался. Продался... за большую цену, и цена эта — лучшая жизнь для новой страны...»¹⁵.

То ли действительно отсутствие конкуренции сказалось, то ли просто загнав себя в прокрустово ложе «сознательного служения революции», но в середине 1920-х годов А. Сорокин фактически перестает быть самим собой. От прежнего, оригинального и яркого художника в последние годы его жизни мало что осталось. Нравственно-философскую направленность в его творчестве потеснила идеологическая тенденциозность, а сам он иной раз напоминал героя своего рассказа «Свободное слово». И только иногда, как неожиданное солнце в редкие просветы свинцовых туч, прорывался к читателям хорошо знакомый, независимый и самобытный А. Сорокин, для которого литература — это в первую очередь средство «сказать то, что хочешь». Именно таким предстает он в своеобразном исповедальном лирическом эссе «Человек, который еще не умер», где писатель итожит жизнь, признаваясь в сокровенных думах и крахе многих своих иллюзий.

¹¹ Таланты Сибири и золото. — Омск, 1917, с. 4.

¹² Газета для курящих». 1919, 4 февраля, №1. (Редактором ее единственного номера был А. Сорокин).

¹³ Беленький Ефим. Антон Сорокин. // Послесловие к кн. Антон Сорокин. Запах родины. — Омск, 1984, с. 256.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Сибирские огни», 1928, №4, с. 210.

Последние свои годы А. Сорокин провел в Москве. Солнце «короля писателей» неудержимо закатывалось...

Но, как говорится: «Король умер и — да здравствует король!» Ничто талантливое не исчезает бесследно. И новые поколения читателей еще сумеют по достоинству оценить неповторимое творчество А. Сорокина.

ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье «Литературная пушнина», посвященной пятилетию журнала «Сибирские огни», В. Зазубрин писал: «Тематически до последнего времени на первом месте у сибирского писателя стояла Гражданская война... К темам послевоенным писатель повернул в 1926 году»¹.

И действительно, в двадцатых годах прошлого столетия именно Гражданская война была ведущей в творчестве писателей-сибиряков — как уже известных с довоенных лет, так и тех, кто становился писателем в ее горниле. И тем, и другим, испытавшим, как говорится, на собственной шкуре «прелести» кровавой междоусобицы, было **что** сказать читателям. Но в литературе, хорошо известно, не менее важно еще и **как** сказать. А подход к теме Гражданской войны и ее изображению у писателей-сибиряков был разный.

«Репортер времени»

Павел Николаевич Дорохов (1885 — 1942), например, считал себя «репортером времени», задача которого собрать, зафиксировать драгоценный материал эпохи, пока он не рассыпался. «Мы — чернорабочие. Те, кто придут после нас, будут творить. Но без кирпичей здание не построишь, а кирпичи наносим мы», — писал он в автобиографии². А «собирать» и «фиксировать» ему было что.

Родился П. Дорохов в Самарской губернии, в крестьянской семье. Служил в Омске в Земельном комитете. Активно участвовал в революционных событиях. Был первым председателем Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году, потом — председателем исполкома крестьянских депутатов в Петрограде. Годы Гражданской войны провел на Урале и в Сибири, ведя общественно-политическую деятельность. В 1938 году П. Дорохов был репрессирован и погиб в одном из лагерей ГУЛАГа.

«Репортерский» подход предопределил и художественную специфику самого крупного и успешного (за 10 лет выдержало 10 изданий) произведения П. Дорохова — романа **«Колчаковщина»** (1923), представляющего собой хроникально-последовательную цепь эпизодов из истории Гражданской войны в Сибири. Не случайно современник П. Дорохова критик В. Правдухин назвал эту вещь «очень хорошим литературным репортажем»³. И в этом, и в другом своем романе о Гражданской войне «Земная радость» (1928) П. Дорохов выступил на редкость добросовестным и правдивым летописцем, сумевшим увидеть сложное социальное явление в характерных чертах и деталях. И в этом, быть может, была его, как писателя, главная заслуга.

Через страдания человеческого сердца

Исаак Григорьевич Гольдберг (1884 — 1939) к изображению Гражданской войны подходил с иных позиций, как бы полемизируя уже с другой распространенной тенденцией — передавать грандиозность революционных событий через движение многомиллионной массы, как это делали в своих произведениях, скажем, А. Серафимович («Железный поток»), или В. Зазубрин («Два мира»). Ис. Гольдберг, напротив, стремился

¹ Статья-фельетон впервые опубликована в ж. «Сибирские огни» (1927, №1). Цит. по кн. Литературное наследство Сибири. — Новосибирск 1972, с. 215.

² Дорохов П.Н. Автобиография. // В кн. Счастье. — Харьков, 1926, с. 23.

³ «Красная новь», 1923, №7, с. 293.

как можно глубже проникнуть в мир отдельного человека, чтобы через него, через эту человеческую каплю постичь процессы общественного океана. И такой подход не случаен.

В литературу советской Сибири Ис. Гольдберг входил уже сложившимся писателем, воспитанным на общедемократических традициях критического реализма с его пристальным вниманием к отдельной личности.

Родился Ис. Гольдберг в Иркутске, в семье кузнеца. После окончания реального училища собирался поступить в Петербургский университет, но был арестован за принадлежность к группе «Братство», издававшей нелегальный журнал. С этого времени будущий писатель всецело отдается политической борьбе. Он вступает в партию социалистов-революционеров (эсеров), активно участвует в революционных событиях 1905 года в Иркутске. После разгрома революции попадает сначала в Братский острог, потом его ссылают на Нижнюю Тунгуску, где он пробыл вплоть до 1912 года.

Творческим итогом этой ссылки стала первая книга Ис. Гольдберга **«Тунгусские рассказы»** (1914), посвященная тяжелой судьбе эвенков. И хотя писать и печататься он начал значительно раньше, известность ему принесли именно «Тунгусские рассказы», ставшие для него своеобразным аттестатом на творческую зрелость.

Однако подлинный расцвет таланта Ис. Гольдберга начался в 1920-х годах. К этому времени писатель пересмотрел свои политические взгляды, порвав с эсерами, а потом и вовсе отошел от политики, полностью переключившись на литературу.

Рассказ «Человек с ружьем» открыл новый этап в творческой деятельности Ис. Гольдберга. Писателя надолго захватывает героика Гражданской войны, борьба против колчаковщины. Кроме названного выше, они находят отражение в рассказах «Бабыя печаль», «Попутчик», «Цветы на снегу», «Сладкая полынь» и, конечно же, в большом новеллистическом цикле **«Путь, не отмеченный на карте»**.

Цикл пронизан сквозной мыслью о неизбежной гибели колчаковщины. Причин «неизбежности» две: могучий натиск восставшего населения Сибири и разложение внутри самого белогвардейского воинства. Обе причины под пером Ис. Гольдберга получают убедительное художественное обоснование. В таких, прежде всего, новеллах как «Гроб подполковника Недочётова» и «Путь, не отмеченный на карте».

В центре последней, давшей название всему циклу, — уходящий от преследования сибирских партизан белогвардейский отряд. Здесь так боятся народного возмездия за содеянное, что, забыв о всякой морали и чести, озабочены только спасением собственной шкуры. «Никаких товарищей, никаких начальников!.. Спасайся, кто может!» — вот единственный волчий посыл, которым они сейчас руководствуются, чем дальше, тем больше уподобляясь стае хищников.

Ис. Гольдберг умеет держать читателей в постоянном напряжении: и упругой пружиной интриги, и острыми неожиданными ситуациями, и динамичностью повествования. Вместе с тем автору удается написать психологически точные и глубокие портреты персонажей. Что особенно наглядно продемонстрировано им в рассказе «Гроб подполковника Недочётова». Чтобы надежнее спрятать добытые несправедным путем ценности, полковник с адъютантом сговариваются выбросить из гроба тело убитого подполковника Недочётова и сложить туда награбленное. Для большей маскировки заказывается панихида по усопшему. Умело используя кощунство ситуации, писатель проявляет подлинную сущность каждого из персонажей.

Большая часть произведений Ис. Гольдберга о Гражданской войне написана в приключенческо-романтическом ключе, отомкнувшем сердца миллионов читателей, о чем свидетельствуют многочисленные советские переиздания его книг.

Но Гражданская война — не единственная тема Ис. Гольдберга. Немало писал он и о социалистическом строительстве первых советских пятилеток. Его перу принадлежат романы об индустриализации в Сибири «Поэма о фарфоровой чашке» (1930) и «Главный штрек» (1932), а так же роман о колхозном движении «Жизнь начинается сегодня» (1934), которые тоже имели определенный читательский успех. И все-таки в историю сибирской

литературы Ис. Гольдберг вошел, прежде всего, как автор произведений о Гражданской войне.

Кондратий Никифорович Урманов (1894 — 1976) — участник борьбы за освобождение Сибири от белогвардейцев — тоже немало страниц своего творчества посвятил Гражданской войне, ставшей и для этого писателя своего рода «визитной карточкой». Хотя начинал он, как и Ис. Гольдберг, с темы от войны далекой...

Родился К. Урманов в Кокчетавском уезде Акмолинской области, в многодетной и бедной семье сельского столяра. Учился в сельскохозяйственном училище, но был исключен как главный зачинщик жалобы губернатору на творящиеся здесь беспорядки. Началась кочевая жизнь. «Я исходил много дорог, бывал во многих городах... мои руки знали всякую работу, — вспоминал впоследствии писатель. — У меня не было постоянной работы, постоянного куска хлеба...»⁴. Работать ему приходилось и маляром, и грузчиком на пристани, и рассыльным, и писарем в переселенческом управлении... Усиленно занимался самообразованием. Экстерном сдал экзамен на звание народного учителя. Но учительствовать не пришлось: помешали революционные события. К. Урманов был связан с революционным подпольем, в числе организаторов выступления против Временного правительства арестовывался. С началом Гражданской войны ушел к партизанам... Так что не случайно борьба с колчаковщиной становится впоследствии магистральной темой его творчества.

Но, повторимся, не с нее начинал К. Урманов свой литературный путь за пятнадцать лет до Гражданской войны, а с «киргизской» темы. И это для него, родившегося и выросшего среди степей Северного Казахстана, в верховьях Ишима, где русское население мешалось с казахскими кочевниками-степняками, было совершенно естественно. Тем более что и вообще тема «инородцев» для русских писателей многонациональной Сибири была близкой и традиционной. К ней не раз обращались А. Новоселов, А. Сорокин, Вс. Иванов и другие современные К. Урманову писатели-земляки.

В его творческом багаже более десятка «киргизских» рассказов. Все они отмечены ярко выраженным национальным колоритом, притчевостью, аллегоричностью, с помощью которых, следуя А. Сорокину, К. Урманов старался затронуть многие социальные, духовные и нравственные проблемы степного народа, увидеть окружающий мир их глазами.

А к теме борьбы за освобождение от колчаковщины К. Урманов обратился по окончании Гражданской войны, уже пройдя ее горнило. Впервые она зазвучала в рассказе «Жень-шень» (1922). А в 1924 году в Новониколаевске выходит посвященный этой теме сборник «Половодье».

Рассказы, его составляющие, некоторыми сторонами близки произведениям Ис. Гольдберга. Через душу своих героев, через страдания человеческого сердца К. Урманов также стремится показать рожденные революционной эпохой глубокие жизненные противоречия — и прежде всего непримиримый конфликт «двух миров». Рассказы К. Урманова пронизаны острейшими драматическими коллизиями и высоким эмоциональным накалом.

Однако, в отличие от того же Ис. Гольдберга и ряда других писателей, поднимавших в 1920-х годах тему Гражданской войны, рассказы К. Урманова лишены ярко выраженной романтической окраски. Они более приземлены и бытописательны. Сибирская деревня «на великом переломе» показана К. Урмановым обнажено реалистично, подчас даже натуралистично. Читатель видит, как непросто идет на сближение с новой жизнью сибирский крестьянин. Став своеобразным катализатором, Гражданская война и колчаковщина резко ускорили этот процесс.

⁴ Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 226 — 227.

Вместе с тем К. Урманов тоже стремится передать созидательный характер революции, только делает это не через романтические условности, а с помощью тех или иных красноречивых житейских ситуаций или человеческих типов и характеров. Взять образы белогвардейских жертв. Казням, пыткам, поркам, издевательствам над людьми, кажется, нет конца. Одни погибают за советскую власть, другие расстреляны карателями за сочувствие большевикам, третьи замучены для острастки... Но гибель ни тех, ни других, ни третьих не напрасна — убеждает автор. Смерть одних утверждает жизнь других. В этом, собственно, и есть источник оптимистического начала в рассказах о колчаковщине К. Урманова.

Две стороны партизанской медали

Принципиальной особенностью Гражданской войны в Сибири стала ее ярко выраженная партизанская окраска. Именно мощное партизанское движение, которого не знала Центральная Россия, подготовило и обеспечило последующее успешное наступление и победу Красной Армии над колчаковщиной и белочехами.

В то же время оно не было единым и монолитным. С одной стороны, хорошо организованные и дисциплинированные отряды, соединения (к примеру, армия Ефима Мамонтова на Алтае), и даже целые партизанские республики (вспомним Тасеевскую в Красноярском крае). С другой — разгульная стихийная вольница, прозванная «партизанщиной».

Вот она-то, «партизанщина», и стала предметом ожесточенных идейно-художественных споров в прозе Сибири 1920-х годов. Главным образом потому, что не укладывалась в прокрустово ложе безраздельного большевистского влияния на восставшие народные массы.

Это идеологическое «несовпадение» особенно отчетливо проявилось в произведениях о Гражданской войне таких писателей, как Вяч. Шишков и Вс. Иванов.

Всеволод Вячеславович Иванов (1895 — 1963) родился в поселке Лебяжье Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, в семье учителя. С четырнадцати лет странствовал по Казахстану, Уралу, Сибири, зарабатывая на жизнь грузчиком, матросом, наборщиком и метранпажем в типографии, цирковым артистом... Занимался журналистикой. С 1915 года в сибирской периодике стали появляться его рассказы. А в 1919-м Вс. Иванов выпустил в Омске первую книжку рассказов «Рогульки».

Однако широко известным его имя стало после появления цикла повестей о сибирских партизанах — «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветры» (все — 1921), «Голубые пески» (1922). Повесть «Партизаны», кстати, открывала самый первый номер первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь».

Автор партизанских повестей принес с собой в литературу прекрасное знание жизни сибирского крестьянства, на которой лежит до поры тень дикости и невежества, проявляющихся порой то в бессмысленной жестокости и бессердечии, то в неосознанном, «внутреннем» национализме по отношению к малым сибирским народностям, то еще каких-то характерных для старой «кондовой» Сибири признаках. Но живописно показать их — для Вс. Иванова отнюдь не конечная цель. Обращаясь к конкретному историческому моменту существования сибирской деревни — к начальному, «митинговому» этапу развертывания партизанской войны, когда еще сильны стихийные тенденции и, пожалуй, наиболее остры в крестьянской среде противоречия, писатель с пристальным вниманием всматривается, как меняется под влиянием «цветных» революционных ветров и сам сибирский крестьянин, и его привычный уклад. И, наверное, главное в этом процессе то, что бунтующие

крестьяне, показанные Вс. Ивановым, начинают осознавать себя творцами собственной судьбы.

Нельзя не отметить и сильного романтического начала в партизанских повестях Вс. Иванова. Революция в его изображении — буйный разлив крестьянской «вольницы», всколыхнувшей Сибирь.

Ярким примером такого рода стихийного романтизма стал один из главных героев «Бронепоезда» Никита Вершинин, выступающий в повести не столько партизанским командиром, сколько таким же «стихийным человеком», как и те, кем он командует. Он словно растворяется в крестьянской массе.

Стихийные силы революции, по мысли Вс. Иванова, которую проводит он в партизанских повестях, пробуждают в человеке его собственные природные силы и опираются на них. Отсюда — романтизация «голого стихийного человека», живущего первородными — социальными и биологическими инстинктами, по законам естественной человеческой природы, смутно осознающего мотивы своего поведения. Такие люди, убежден писатель, очень цельны и обладают жизненной «могучестью». Те же, у кого «стихийность» проявлена слабее, они и как личности много мельче, бледнее. Что автор и иллюстрирует образом коммуниста Пеклеванова, возглавляющего подпольный ревком. У него нет тех физических и духовных сил, которыми сполна наделены партизаны. В результате же, нет между ним и партизанами взаимопонимания, и он не в состоянии влиять на партизанское движение.

Таким ущербным у Вс. Иванова вышел не только Пеклеванов. Люди не крестьянского происхождения у него вообще, словно из другого теста слеплены.

За «недостаточно глубокое раскрытие организующей роли коммунистов, их влияния на народное движение» Вс. Иванова в свое время на самых разных партийно-идеологических уровнях сурово отчитывали не раз.

Однако «недостатки», связанные с «недопроявленностью» роли большевиков в партизанском движении с лихвой перекрываются в партизанских повестях Вс. Иванова поэтизацией революционного полководца в Сибири, символом которого становится могучая и прекрасная сибирская природа. «Стихийный» человек Вс. Иванова весь во власти земли, тайги, питающих его жизненными соками.

В живописных картинах природы, нарисованных Вс. Ивановым, особо примечателен романтический образ ветра. Он — тоже символ, символ освобождения, разбужденных революционных сил, устремленности к новой жизни. Образ этот в том или ином виде возникает во всех партизанских повестях, а «Цветные ветры» буквально пронизаны им.

«Каждый из нас хотел непременно найти свою манеру»⁵, — вспоминал Вс. Иванов позднее о времени вхождения в литературу своего писательского поколения. Характерной же особенностью его собственной манеры и стиля была многоцветность и многокрасочность словесного узора, яркая образность и эмоциональная насыщенность, украшавшие реалистическую канву повествования. Партизанские повести Вс. Иванова при своем появлении этим, прежде всего, а так же разнообразием звуков, запахов, экзотичностью сибирской природы читателей поразили, а сам их автор несколькими читательскими поколениями тем и запомнился.

Долгое время имя Вс. Иванова прочно ассоциировалось с партизанскими повестями, хотя выступал писатель в разных жанрах и проявил себя в разных литературных ипостасях. Он написал ряд автобиографических произведений, наиболее известные из которых «История моих книг» и «Похождение факира», сборник рассказов и повестей «Тайное тайных», работал в жанре фантастики, где наиболее крупным его произведением стал роман-антиутопия «У». В качестве публициста и документалиста Вс. Иванов был одним из авторов книги о Беломор-Балтийском канале. А Великую Отечественную войну он про-

⁵ Иванов Вс. Избранные произведения. Т. 1. — М., 1954, с. 396.

шел до Берлина военным корреспондентом. Но на фоне успеха партизанских повестей все остальное многообразие творческой деятельности Вс. Иванова незаслуженно осталось в тени.

Вячеслав Яковлевич Шишков (1873 — 1945) — выдающийся русский писатель — тоже не обошел тему Гражданской войны в Сибири. Да и, наверное, не мог обойти.

Он родился в городе Бежецке Тверской губернии, в купеческой семье. После окончания технического училища трудился на инженерно-строительных работах в Новгородской, Вологодской и Архангельской губерниях.

В 1894 году Вяч. Шишков был направлен в Томск для прохождения службы в Управлении округа путей сообщения. Сначала в качестве техника, а потом инженера-строителя занимался изысканиями и исследованиями многих сибирских рек и дорожных трасс. За двадцать лет работы в Сибири Вяч. Шишков побывал с экспедициями на Иртыше, Оби, Бии, Катунь, Ангаре, Лене, Нижней Тунгуске и других реках, где знакомился с бытом, образом жизни и нравами местного населения, накапливая ценнейший материал для будущего творчества. Два последних года жизни в Сибири Вяч. Шишков был начальником партии по исследованию трассы Чуйского тракта. (Впоследствии, в советское время, тракт по его же проекту перестроили). В общем, по собственному признанию Вяч. Шишкова, в Сибири он прожил двадцать лучших лет жизни.

Здесь, в Сибири, ступил он на литературный путь и прошел значительную его часть. А дебютировал Вяч. Шишков в 1908 году с символично-аллегорической сказкой «Кедр» в газете «Сибирская жизнь». Всего же в досоветское время Вяч. Шишков опубликовал более полусотни рассказов и очерков о Сибири (в их числе путевые очерки «Чуйские были»), а так же повесть «Тайга» (1916), составившие все вместе своеобразный «сибирский цикл», где уже намечены многие сцены, эпизоды и характеры будущей знаменитой его эпопеи «Угрюм-река» (1928). Первая книга Вяч. Шишкова с говорящим за себя названием «Сибирский сказ» (1916), вышедшая уже в Петербурге, куда писатель переехал на постоянное место жительства, чтобы полностью заняться литературной работой, тоже всецело посвящена Сибири. Да и вообще практически все лучшее, что создано Вяч. Шишковым, так или иначе связано с ней.

Вяч. Шишков внимательно следил за разворачивающимися событиями Гражданской войны по другую сторону Уральского хребта. В романе «Ватага» (1923) и повести «Пейпус-озеро» (1924) писатель отобразил особенности партизанского движения в Сибири с его стихийностью, принимавшей подчас уродливые формы. Особенно хорошо это видно в романе «Ватага».

Надо сказать, что после своего появления он вызвал яростный огонь критики, которая объявила роман при всех очевидных художественных достоинствах крупной неудачей автора.

Причины же «неудачи» оказывались на поверку чисто идеологическими. Вяч. Шишкова обвинили в предвзятости художественного замысла, в том, что автор увлекся внешней живописной стороной «партизанщины» и стал романтизировать ее как наивысшее проявление народной крестьянской революционности, а главное — он четко не отделил «действия отрядов с сильным кулацко-анархистским и эсеровским влиянием от подлинно революционного партизанского движения» (т. е. возглавляемого большевиками).

Нечто подобное, только в значительно меньших масштабах, вспомнил, вменялось в вину и Вс. Иванову.

Несколько слов об истории создания этого произведения в изложении критика Н. Яновского, долгое время занимавшегося исследованием творчества Вяч. Шишкова. Основа романа сугубо документальная. В

письме своему другу профессору П.С. Богословскому, датированным 21 августа 1925 года, писатель сообщает: «Место действия — г. Кузнецк, Томской губ., на реке Томи, маленький городок в предгорьях Алтая (Кузнецкий Алатау). В этом месте в год падения Колчака и при советской власти оперировала ватага партизан — местных (алтайских) молодцов Рогова и Новоселова. В Кузнецке зимой в 1920 г. дня четыре гулял с ватагой Рогов. Об этой гульбе мне передавал живший в то время один видный коммунист...»⁶

Вяч. Шишкова поразила жестокость Рогова, но как художника заинтересовала его личность, и в процессе написания рассказа (а изначально писатель нацеливался именно на рассказ) ему «захотелось вскрыть душу руководителя ватаги... А для этого потребовалось широкое полотно, взять полусказочную (в некоторых местах) форму и усложнить фигуру вождя. Вместо Рогова получился мой сказочный чугунный Зыков, вместо рассказа — роман»⁷.

Он и в самом деле при первом с ним знакомстве выглядит этаким сказочно-эпическим Ерусланом. «На возвышенном балконе стоял в черной поддевке, в красном кушаке, рыжей шапке, чернобородый, саженого роста великан».

Фольклорного в «Ватаге» и без фигуры Зыкова немало. Не случайно автор романа говорил, что в романе «дана сказочная пронизь, уводящая «Ватагу» из бытового плана в сферу эпического вымысла». Правда, поняли эту «пронизь» критики Вяч. Шишкова своеобразно. Они в голос заявили, что писатель возвеличивает, идеализирует и поэтизирует Зыкова, забывая о том, что в сказках не только воспевается и возвышается добро, но обличается и осуждается зло. Так что «сказочная пронизь» по Шишкову — это скорее увеличительное стекло, необходимое автору, чтобы крупно и выпукло показать зыковщину во всем ее отвратительном виде.

Что касается непосредственно Зыкова, то он лишь поначалу заставляет собой любоваться. Но чем дальше, тем больше и сильнее развенчивает его автор, тем все явней выпирает из него стихийно-бунтарская, разбойничья натура. «Нам кого ни бить, так бить», — заявляет он. И еще: «Никакой власти знать не хочу: ни советской, ни колчаковской. Я сам себе власть». Вот здесь — весь он, как есть, натуральный Зыков. Без шелухи слов о «настоящем деле» и о том, что борется он «за простой люд, за обиженных».

Последовательно, но отнюдь не прямолинейно обнажает Вяч. Шишков истинную суть Зыкова. Как отмечает Н. Яновский, «писатель действительно углубляется в духовный мир Зыкова, в различные обстоятельства его жизни со всей доступной ему художественной убедительностью, с авторской злостью и... с авторской болью за погубленную понапрасну жизнь сильного и незаурядного человека»⁸.

Немало обвиняли Вяч. Шишкова и в отождествлении им «зыковщины» со всем партизанским движением в Сибири. И с этим писатель был категорически не согласен. В 1926 году при подготовке «Ватаги» для собрания сочинений Вяч. Шишков, объясняя замысел романа и свою художественную задачу, в специальном предисловии счел необходимым обратить читательское внимание на ряд важных по его, авторскому, мнению моментов.

Во-первых, писал Вяч. Шишков, «было бы несправедливо не только по отношению к партизанскому движению сибирского крестьянства, но по отношению к автору искать в романе «Ватага» отражения этого великого движения во всей его многогранности». Во-вторых, утверждал писатель, «она была эта зыковщина, она имела своих вожаков, но в ее жестоком разгуле и неизбежной ее гибели не следует искать типичных черт для всей сибирской партизанщины». В-третьих, объяснял автор произведения, при исследовании этого явления его захватила сложнейшая задача — «поставить в центре романа психологию масс, лишенных идейного руководства». «И в романе «Ватага», — подчеркивал Вяч. Шишков, — показан лишь определенный слой восставшего крестьянства, разбавленного

⁶ Шишков В.Я. Неопубликованные произведения. Воспоминания. Письма. — Л., 1956, с. 258.

⁷ Там же.

⁸ Яновский Н. Писатели Сибири. — М., 1988, с. 112.

бежавшей из тюрем уголовщиной, и притом — в моменты наибольшего разгула необузданных инстинктов». Счел нужным писатель отметить и то, что «зыковское бунтарство» заинтересовало его как стихийное явление отрицательного порядка, а «герой романа Зыков и та ватага, которая поднялась за ним, характерны именно как стихийный бунт медвежачьего крестьянского царства»⁹.

Но несокрушимых стражей идеологического порядка ни эти объяснения, ни тот факт, что художественное исследование писателя, желающего считаться с самой жизнью, а не удобными политическими догмами и стереотипами, есть его законное право, — устроить, конечно, не могли.

Позже, в статье «Кое-что о труде писателя» Вяч. Шишков попытался вновь разъяснить свое понимание природы «зыковщины»:

«В процессе же работы мне пришла мысль, что «зыковщина» и «пугачевщина» — родные сестры, что мужик — каким был при Иване Грозном, царе Петре, Екатерине, таким в своей массе и остался до последнего времени, что царизм за многие сотни лет не пожелал вытащить класс крестьян из полускотской жизни. Словом, мне захотелось обе эпохи — «пугачевщину» и «зыковщину» сблизить, сопоставить, дать читателю сделать соответствующие выводы»¹⁰.

Новая попытка обосновать свою художественную правоту лишь подлила масла в огонь. Некоторым защитникам «революционных идеалов» того времени показалась кощунственной даже сама мысль сопоставления двух таких далеких и разных эпох. Им мнилось, что в революционных условиях да при наличии железной диктатуры пролетариата ни «пугачевщина», ни вообще какой-либо «русский бунт — бессмысленный и беспощадный» невозможны в принципе. Однако на основе действительных фактов и собственной художественной прозорливости и интуиции, глубоко вникнув в природу русского крестьянина, в истоки его души и поведения, Вяч. Шишков сумел доказать обратное.

Взявшись за выявление темных сторон партизанского движения — «партизанщины» — и лишив произведение светлого революционно-романтического пафоса, Вяч. Шишков невероятно осложнил не только свою художественную задачу, но и собственную творческую судьбу. Настолько осложнил, что роман «Ватага» более полувека не переиздавался и надолго выпал из контекста русской литературы советского периода.

Хотя сам автор, вопреки упрекам в неудаче романа, продолжал считать его одним из лучших своих произведений. По воспоминаниям его жены, Вяч. Шишков уже на склоне лет, работая над последними главами эпопеи «Емельян Пугачев», перечитывая их, вдруг воскликнул: «Нет, так и не дотянул я до «Ватаги!»»¹¹.

«Со страстью, гневом и болью»

Говоря о писателях, создававших по горячим следам событий Гражданской войны и партизанского движения в Сибири художественную летопись великой трагедии народной, никак нельзя не вспомнить В. Зазубрина. Ибо именно он стал зачинателем этой самой летописи.

Владимир Яковлевич Зазубрин (настоящая фамилия Зубцов) — (1895 — 1937) — родился в Тамбовской губернии, в семье железнодорожного служащего. Детство и юность прошли в Пензе и Сызрани. Отец писателя, Яков Николаевич Зубцов, активно уча-

⁹ Шишков Вяч. Полн. собр. соч. В 12 т. — М., Л., 1927. Т. 5, с. 5-6

¹⁰ Сб. Как мы пишем. — Л., 1930, с. 200.

¹¹ Из воспоминаний К.М. Шишковой. Рукопись из личного архива. Цит. по кн. Яновский Н. Писатели Сибири. — М., 1988, с. 96.

ствовал в событиях первой русской революции, а в 1907 году был выслан из Пензы в Сызрань под гласный надзор полиции. Так что Владимиру было, с кого брать пример. Не удивительно, что и он в конце 1912 года, будучи учащимся Сызранского реального училища, тоже ступает на революционный путь: устанавливает связь с сызранскими социал-демократами, а вскоре становится одним из руководителей сызранских большевиков. В 1915 году Зубцова-младшего исключают из училища и арестовывают. Но после трех месяцев тюрьмы он снова возвращается к революционной деятельности. Одновременно активно сотрудничает в поволжских газетах. В конце 1916-го по заданию Сызранского комитета РСДРП(б) В. Зубцов внедряется в царскую охранку, чтобы предотвратить участвовавшие аресты товарищей. В жандармском отделении пришлось ему прослужить до марта 1917 года. В апреле его снова арестовали — за большевистскую пропаганду, а в августе мобилизовали и определили в Павловское военное (юнкерское) училище. Октябрьскую революцию В. Зубцов встретил в Петрограде, что, конечно же, не могло не оказать на него глубокого воздействия.

Начиная с 1914 года, В. Зубцов активно сотрудничал в поволжских газетах и даже вынашивал планы романа о большевистском подполье. Им, однако, осуществиться было не суждено. Начался мятеж белочехов, которые захватили Сызрань (а с февраля 1918 года Зубцов снова здесь), и его как бывшего юнкера в августе 1918-го опять мобилизуют и посылают «для прохождения службы» уже в Оренбургское военное училище, которое вскоре эвакуируют в Иркутск. После окончания училища в июне 1919 года В. Зубцова назначают командиром взвода 15-го Михайловского добровольческого стрелкового полка, состоявшего из... рабочих пермских заводов. Опыт большевика-агитатора в данной ситуации как нельзя лучше пригодился подпоручику Зубцову: он сумел убедить солдат и офицеров своего и соседнего взводов перейти на сторону красных. Прихватив с собой артиллерийское орудие, они прорвались через сторожевое ограждение и присоединились к тасеевским партизанам. С ними В. Зубцов входит в сибирский городок Канск, только что освобожденный от колчаковцев. Здесь с головой окунается в работу. В канской уездной газете «Красная звезда» он и корректор, и метранпаж, и автор многочисленных журналистских материалов. Кроме того, читает лекции в местной партшколе и даже... помогает советским органам «раскрыть белогвардейскую организацию в Канском уезде»... Даже в предельно сжатом пересказе биография В. Зубцова-Зазубрина (сам он в одном из писем Горькому называл ее «страшной») похожа на приключенческий роман. Однако за увлекательностью фабулы — острый драматизм судьбы человека, оказавшегося в бушующем политическом водовороте. Будущему писателю довелось увидеть революцию не глазами стороннего наблюдателя, а из самой ее глубины, со всеми трагическими противоречиями, кровью и жестокостью.

Увиденное и пережитое переполняло впечатлительного, остро реагировавшего на социальные перемены молодого человека, и тогда же, в Канске, в нем начинает зреть и оформляться замысел произведения, которое очень скоро сделает его знаменитым, — романа «Два мира».

«Я помню: зимний вечер, комната освещена только светом топящейся печки, — вспоминала впоследствии его жена, Варвара Прокопьевна Зазубрина-Теряева. — Мы с Владимиром Яковлевичем сидим перед ней, и он рассказывает, говорит, как одержимый, со страстью, гневом и болью о том, что ему удалось увидеть и пережить. И так — вечер за вечером — было рассказано то, что позже легло в основу книги «Два мира»¹².

Дописывался роман уже в Иркутске (его автор в это время редактировал армейскую газету «Красный стрелок»), и здесь же, в типографии политуправления Пятой Армии, в начале ноября 1921 года «Два мира» выходят отдельной книгой. Автором ее значится Владимир Зазубрин. С этого момента Зубцов превращается в Зазубрина. Это литературное имя останется с ним навсегда.

¹² Литературное наследство Сибири в 2 т. — Новосибирск, 1972. Т 2, с. 401.

Уже в самом названии романа выразились и суть, и главная идея, и его центральный конфликт. С первых же страниц читатель становится свидетелем смертельной схватки непримиримых социальных сил. Ну а композиционно «Два мира» представляют собой цепь глав-новелл, каждая из которых рассказывает о каком-то отдельном эпизоде Гражданской войны. Вместе же они составляют грандиозную картину разгрома и разложения колчаковщины. В единое целое главы связаны двумя основными сюжетными линиями: одна касается молодых белогвардейских офицеров Мотовилова и Барановского, прошедших с колчаковской армией весь ее кровавый и бесславный путь, другая — сибирских партизан.

Резко контрастно противопоставлены в романе противоборствующие миры. Есть в этом определенная заданность, в ущерб художественной стороне произведения. Хотя были тому и свои причины, о которых писатель скажет в предисловии ко второму изданию «Двух миров»:

«Начиная работать над книгой и работая над ней, я ставил себе определенные задачи — дать красноармейской массе просто и внятно написанную вещь о борьбе двух миров и использовать агитационную мощь художественного слова. Политработник и художник не всегда были в ладу. Часто политработник брал верх — художественная сторона от этого страдала».

Тем не менее как честный и объективный художник В. Зазубрин рисует в романе каждый из миров многослойным и многообразным. Неоднородно белогвардейское воинство, которое делится на приверженцев «белой идеи» и тех, кто воюет «без всякой злобы на большевиков», или же тех, кто вообще равнодушен к происходящему. Не так просто, как кажется, на первый взгляд, и сибирское крестьянство. И, пожалуй, первым из советских писателей В. Зазубрин показал процесс превращения стихийного протеста разношерстной народной массы в целенаправленную борьбу крепкой, сплоченной крестьянской армии.

Народ, поднявшийся на борьбу с колчаковщиной, и становится главным героем романа «Два мира». Образ народной массы — многоликой, многоголосой, текуче-изменчивой, подвижной — выписан автором с большой художественной силой. Она, масса, у В. Зазубрина слышима, зрима, осязаема, заряжена могучей энергией. И особенно ощутима гневная мощь восставшего народа в батальных сценах романа, в которых мастерски передано горячее

дыхание боев.

В «Двух мирах» В. Зазубрин представил читателям, помимо того, целую галерею типажей разных социальных слоев, тех, чью жизнь круто и трагично изменила революционная ломка, людей, ищущих свой берег в бушующем потоке Гражданской войны.

Вот два товарища, два подпоручика, два основных типа русского офицерства, ставших волею судьбы активными участниками гражданской междоусобицы.

Мотовилов — убежденный монархист, видит в красных «разрушителей государства» и борется «за воссоединение великой единой России во главе с самодержавным монархом». Его «правда жизни» держится прежде всего на культе силы — «где сила, там и всякая ваша правда». Мотовилов изображен автором как личность цельная, сильная. Но и в ней, по мере разложения колчаковской армии, происходит глубокий душевный надлом, который приводит, в итоге, молодого офицера к самоубийству.

Барановский мало похож на товарища. Нет в нем его силы и определенности. А по духу, несмотря на то, что выходец из генеральской семьи, он и вовсе человек не военный. Барановский долго не может поверить в реальность происходящего и найти место в новых реалиях. Но это и помогает ему быстрее понять, что в «белых не осталось ничего человеческого что «ихнее дело черное». Однако просто понять — мало. Надо сделать выбор. Но сил Барановскому — мягкотелому интеллигенту без твердого внутреннего стержня, чтобы решительно порвать со старым, стремительно деградирующим миром, не хватает. Вместе

с отступающим под натиском Красной Армии колчаковским воинством он проходит весь его трагический путь деградации и разложения и бесславно умирает от тифа в концлагере для бывших белогвардейских офицеров — давно уже чужой среди своих, но так и не ставший своим для людей нового мира.

Есть в романе еще одна очень примечательная фигура — комиссар Молов, с которым Барановский знакомится в лагерном лазарете. Из уст большевика звучит страстная проповедь идей коммунизма в сильно упрощенном, правда, «рабоче-крестьянском» варианте, отражающем и примитивный уровень мышления самого комиссара, и тот агитационно-пропагандистский стиль с его напористым начетничеством, который отличал малограмотных «политруков» первых лет революции. В. Зазубрина, воспитанного на гуманистических традициях Ф. Достоевского, не мог не настораживать слепой революционный фанатизм таких Моловых, считавших, что во имя великой цели можно, если потребуется, уничтожить целый класс. Поэтому и не чувствуется со стороны писателя к нему симпатии и уж тем более не стал он, как пытались утверждать некоторые критики, «типичным рупором идей автора».

В полемике Молова и Барановского отчетливо проступает еще одна проблема времени, которую А. Блок определил как «интеллигенция и революция» и которая станет в дальнейшем одной из главных в советской литературе. Ведь драма Барановского как раз и была драмой интеллигента, не нашедшего берега в революционной стремнине.

Несколько особняком стоит в романе «Два мира» образ адмирала Колчака. Впервые в советской литературе он также возникает у В. Зазубрина. Фигура Верховного Правителя дана как бы в двойном отражении. Сначала, на первых страницах появляется символический образ Колчака и его власти в виде хищного росчерка начальной буквы фамилии диктатора под его воззванием к населению России, призывающем бороться с большевиками. Образ «черного адмиральского когтя» задает настрой и тональность всему произведению. Появляется, однако, в романе и Колчак реальный. В. Зазубрину приходилось видеть и слышать Колчака лично, и в одной из глав он показал его именно таким, каким запомнил. Еще раз читатель встречается с Верховным Правителем в момент, когда его армия разбита, а сам он стал заложником белочехов, обменной для них валютой в торге с большевиками. Писатель показал трагедию сильного, незаурядного, недюжинного человека, преданного бывшими сподвижниками. Он пошел против русского народа и им же, в итоге, был раздавлен.

Характерны «Два мира» особой своей стилистикой. События в романе организуются по принципу кинематографического монтажа. Писатель охотно вводит в роман подлинные документы гражданской войны (воззвания, листовки и т. д.), что сообщает произведению неопровержимую достоверность и яростный накал классовой борьбы. А динамичный ритм повествования и энергичная, мускулистая рубленая фраза еще больше способствуют этому.

Конечно, не все в романе В. Зазубрину удалось. Надо учитывать, что это был все-таки пробный шар, эксперимент. Но многое из того, что в дальнейшем получит прописку в советской прозе, в частности, посвященной Гражданской войне, В. Зазубрин в этой своей первой крупной вещи интуитивно нащупал и предугадал.

«Два мира» были первым советским романом, и успех имели оглушительный. Только при жизни писателя это произведение переиздавалось двенадцать раз! Высокую оценку книга получила у таких выдающихся деятелей советского государства, как В. Ленин, А. Луначарский, А. Горький. И совершенно заслужено. Написанный «со страстью, гневом и болью» по свежим следам Гражданской войны ее участником и очевидцем, роман этот, талантливо воссоздавая кровоточившие эпизоды жестокой борьбы восставшего против колчаковщины народа Сибири, стал поистине уникальным художественным документом эпохи...

У СИБИРСКОГО КОСТРА

После окончания Гражданской войны, в первой половине 1920-х годов литературная жизнь в Сибири заметно оживилась.

Возникали многочисленные кружки и объединения. Наиболее значительным из них стало появившееся весной 1920 года **Иркутское литературно-художественное объединение** (ИЛХО), больше известное как «**Барка поэтов**», названное так его участниками потому, что собирались они на квартире Анчарова (Артура Куле) который жил на барке, стоявшей у ангарской пристани. Объединение просуществовало три года. К началу 1923 года «Барка» распалась. На смену ей пришло новое ИЛХО — кружок пролетарских поэтов при иркутском литературно-художественном и общественно-политическом еженедельнике «**Красные зори**». Но и сами «Красные зори», выходявшие с января 1923 года, из-за отсутствия необходимой материальной базы на пятом номере прекратили свое существование.

В 1924 году по инициативе председателя правления Сибкрайиздата М. Басова был создан еще один связанный с литературой журнал — «Книжная полка». Выходил он в 1924 — 1926 и 1928 — 1929 годах сначала в Новониколаевске, потом в Иркутске.

Вообще в 1920-е годы в разных сибирских городах появлялось немало разных сборников, альманахов и журналов: «Сноп» и «Рабочие зори» — на Алтае; «Отзвуки» и «Красные зори» — в Иркутске; «Огни Севера» — в Якутске; «Камены» и «Печаль полей» — в Чите; «Арпоэпис», «Таежные зори», и «Пролетарские побеги» — в Новониколаевске. Однако все они были мотыльками-однодневками и жизнь их обычно ограничивалась несколькими номерами. И уж тем более ни одно из них не могло претендовать на роль стержня, стенового, так сказать, хребта всей литературы Сибири.

Участь сия была уготована другому литературному изданию — журналу «Сибирские огни».

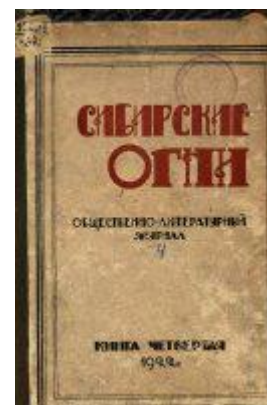
Надежный «приют» сибирской литературы

«**Сибирские огни**» по времени возникновения стали вторым в советской России литературно-художественным и общественно-политическим журналом. Чуть раньше, в 1921 году появилась в Москве «Красная новь».

Но идея создания в Сибири «толстого» литературного журнала витала давно. Еще в 1912 году А. Горький предлагал сибирякам взяться за его издание. «Чудесное было бы дело», — говорил он. Однако четкие очертания идея эта обрела лишь в ноябре 1921 года, когда в Новониколаевске появился сибирский отдел государственного издательства — Сибгосиздат. И, — как вспоминала Л. Сейфуллина, — «с первого же заседания редколлегии Сибгосиздат, в своем людском составе, стал жить мечтой об издании «толстого» художественно-литературного и научно-публицистического журнала»¹.

Обосновывая эту мечту, В. Правдухин утверждал, что такого рода издание «будет притягивающим со всей Сибири центром литературно-научных сил, а так же школой для начинающих писателей»². И, время покажет, он оказался прозорлив.

Уже сама мысль разжечь жаркий костер сибирской литературы в небольшом городе с населением в 60 тысяч жителей, разоренном еще не завершившейся Гражданской войной, была вызывающе сме-

¹ Сейфуллина Л. Рождение журнала. — «Сибирские огни», 1947, с. 133.

² ГАНО. Ф. 1033, Оп. 1. Д. 616. Л. 1 об.

лой. И, на первый взгляд, просто невыполнимой. Но окрылённость большой мечтой и невиданный энтузиазм тогдашних членов редколлегии Сибгосиздата — В. Правдухина, М. Басова, Ф. Березовского, Д. Тумаркина, Л. Сейфуллиной во главе с Е. Ярославским — сделали свое дело: 22 марта 1922 года первый номер журнала под названием «Сибирские огни» вышел из печати.

Журнал сразу же заметили как в Сибири, так и в столице. «Этот журнал приходится признать лучшим из провинциальных», — отзывался о нем нарком просвещения А. Луначарский³. А пятилетие спустя А. Горький в письме В. Зазубрину писал: «Из «Искры» разгорелись, — как вы знаете, — довольно яркие костры во всем нашем мире, — это дает мне право думать, что отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири»⁴.

В чем же причины быстрого и прочного признания «Сибирских огней»? Наверное, в том, прежде всего, что создатели журнала четко определили его главные цели и задачи. В самом первом номере в извещении «от редакции», в частности, говорилось о том, что на журнальных страницах «найдет себе место все, что художественно воспроизводит эпоху социальной революции и ее своеобразное отражение в Сибири, что созвучно этой эпохе...». И действительно, лучшие произведения, публиковавшиеся на страницах журнала в первые годы его существования, тем и волновали читателей, что пытались ответить на жгучие вопросы современности. Революция, Гражданская война, крутая ломка общественной жизни и сознания людей, строительство новой экономики — вот что, прежде всего, было в поле творческого зрения авторов «Сибирских огней» тех лет.

Но время шло. Гражданская война отодвигалась все дальше. На первый план выходили сначала восстановление разрушенного войнами хозяйства страны, потом нэп, индустриализация, коллективизация...И все это тоже находило отражение в «Сибирских огнях». И в прозе с поэзией, и, особенно, в очерке с публицистикой как самых оперативных жанрах.

Не было, наверное, в 1920-х годах в стране литературного журнала, где бы им уделяли столько внимания, как в «Сибирских огнях». Журнал с первых же дней существования стремился к тому, чтобы с читателем говорила вся необъятная Сибирь. А потому ав-

³ «Советская Сибирь», 22 апреля 1922 г.

⁴ Горький и Сибирь. — Новосибирск, 1961, с. 156.

торов журнала можно было встретить во всех ее уголках и, казалось, не существовало места, которое не нашло отражения в их произведениях.

Вместе с тем, соответствие тому или иному социально-политическому моменту и четкое следование генеральному идеологическому курсу не было единственной заботой редакции журнала. (Хотя и преуменьшать важности такой заботы как условия существования литературы в строящемся социалистическом обществе тоже не следует). Не забывалось и о художественном уровне публикаций, планка которого в журнале была поднята высоко. Результат не заставил себя ждать. К журналу потянулись писатели как уже известные (Вяч. Шишков, А. Сорокин, Г. Вяткин, Ис. Гольдберг, П. Драверт и др.), так и талантливые молодые (Л. Мартынов, П. Васильев, И. Мухачев, В. Итин, К. Урманов, А. Коптелов и др.).

Но «Сибирские огни» не были просто механическими собирателями. В редакции велась постоянная кропотливая работа с авторами, прежде всего, конечно же, молодыми, творческому росту которых уделялось повышенное внимание. По свидетельству одного из верных «огнелюбов» А. Караваевой, «особенно важно было бытие журнала для нас, молодых литераторов. Журнал был для нас ближайшей творческой перспективой, которая побуждала каждого надеяться, проверять себя и работать»⁵.

Такая трогательная забота о «литературном подросте» объяснялась не в последнюю очередь и практической необходимостью выращивания и воспроизводства литературных кадров. Советская Россия строила новую социалистическую культуру, и очень многое, в том числе и в литературе Сибири, приходилось начинать заново. Что и отметил с присущей ему образностью В. Зазубрин: «... «Сибирские огни» есть огни, костер, разложенный в тайге в то время, когда хлестал свинцовый дождь Гражданской войны. Костер был разложен в чрезвычайно трудных условиях, на снегу, тут же, у пустых окопов»⁶.

Литературные «окопы» пустовали недолго. Тот же В. Зазубрин после пяти лет работы «Сибирских огней» скажет, что на страницах журнала «нашла приют вся сибирская литература»⁷. И в числе первых были сами его зачинатели, которые «разложили» костер «Сибирских огней» и задали журналу необходимые звучание и тональность. С другой стороны, их собственное литературное становление было тесно связано со своим детством. И в первую очередь тому подтверждением может служить творческая судьба Л. Сейфуллиной и В. Правдухина.

Зачинатели

Осенью 1921 года эта супружеская пара переехала из Челябинска в Новониколаевск, где В. Правдухин был назначен заведующим Сибгосиздата. Вместе с ним работает в этом учреждении и его жена **Лидия Николаевна Сейфуллина** (1889 — 1954). А когда чуть позже возникает идея создания первого за Уралом «толстого» литературного журнала, Л. Сейфуллина принимает в ее реализации самое деятельное участие и становится первым ответственным секретарем «Сибирских огней» и одновременно активным автором.

В марте 1922 года вышел первый номер журнала, в котором писательница дебютировала с повестью «**Четыре главы**». Повесть рассказывает о жизни сибирской деревни накануне Октябрьской революции, увиденной глазами главной ее героини — сельской учи-

⁵ Караваева А. Странички воспоминаний. // «Сибирские огни», 1947, №1, с. 147.

⁶ Зазубрин В. Проза «Сибирских огней» за пять лет. // В. Зазубрин. Бледная правда. (Сост. А. Горшенин). — М., 1992, с. 408.

⁷ Художественная литература в Сибири. — Новосибирск, 1927, с. 13.

тельницы Анны. Тяжела, уныла, часто беспросветна эта жизнь, но под напором свежих социальных ветров все сильнее накаляются страсти, все обнаженнее противостояние добра и зла, все яростнее новое борется со старым, заставляя каждого, кто оказался в эпицентре борьбы, самоопределяться.

Повесть «Четыре главы» явилась живым откликом Л. Сейфуллиной на горячие предреволюционные события. Для современного читателя это произведение преимущественно историческое и познавательное. Но, безусловно, и высоко художественное, отличающееся большой плотностью событий, емкими красочными образами, глубокими психологическими характеристиками и своей особой стилистикой. Произведения Л. Сейфуллиной вообще подчас напоминают сочные и афористичные тезисы к будущим романам. Тем не менее, перед нами вещи художественно вполне законченные и состоявшиеся.

Да и не было нужды писательнице растекаться в многословных описаниях, ковыряться в незначительных деталях и подробностях. Успеть бы схватить, запечатлеть самую суть, квинтэссенцию увиденного, пережитого, перечувствованного...

А рассказать Л. Сейфуллиной своему читателю было о чем. В литературу пришла она уже достаточно зрелым (тридцати двух лет от роду) и немало повидавшим человеком.

Родилась Л. Сейфуллина в поселке Варламово Оренбургской губернии, в семье сельского священника, много сделавшего для ее духовного становления. Училась она сначала в церковно-приходской школе, потом в епархиальном училище и гимназии.

Будущей писательнице пришлось рано начинать самостоятельную трудовую жизнь. Работала она в городских и сельских школах учительницей, преподавала в воскресной школе для рабочих. Одновременно сотрудничала в газетах, участвовала в любительских спектаклях и даже в качестве профессиональной актрисы несколько сезонов ездила по России с гастрольями. Потом снова учительствовала в деревне, где и встретила обе революции 1917 года.

После Октябрьского переворота Л. Сейфуллина много занималась культурно-просветительской деятельностью в советских учреждениях, ликвидацией детской беспризорности. Но не бросала и журналистику.

И вот в 1922 году, имея за плечами богатый и разнообразный жизненный опыт, Л. Сейфуллина становится профессиональным литератором. Вслед за первой повестью она в том же году на одном дыхании пишет в очередной номер «Сибирских огней» новую — **«Правонарушители»**, в центре которой беспризорные дети, жертвы Гражданской войны.

Для России 1920-х годов беспризорничество было подлинным бедствием. Естественно, что тема эта волновала и многих писателей тех лет. Нашла она свое отражение в произведениях А. Макаренко, А. Неверова, Л. Пантелеева, Г. Белых, Вяч. Шишкова и др. Но одной из первых обратилась к ней именно Л. Сейфуллина. А поскольку писательница сама в свое время немало проработала с беспризорными (есть документальные свидетельства реального существования изображенной в повести детской колонии и прототипов персонажей), то и проблему знала, что называется, изнутри.

Повесть «Правонарушители» ценна, однако, не только правдивостью, достоверностью, но и ярко выраженным гуманистическим пафосом. В «Правонарушителях» Л. Сейфуллиной выступила не просто талантливым бытописателем, но и человеком, глубоко переживавшим трагедию беспризорничества, чувствующим себя лично ответственным за судьбы попавших в беду детей, чем вызывала у читателя ответную тревогу за будущее подрастающего поколения.

Повесть «Правонарушители» вызвала громадный интерес. И не только чисто литературный. Сразу после выхода в журнале она была издана отдельной книжкой небывалым по тем временам тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров и рассылалась по школам Сибири в качестве методического пособия.

Глубочайшая причастность к тому, о чем она пишет, стала характернейшей чертой всего творчества Л. Сейфуллиной. В том числе и таких известных ее повестей, как «Перегной» и «Виринея».

В отличие от других сейфуллинских вещей, «**Перегной**», несмотря на небольшой объем, — произведение эпическое и о событиях эпических. Пристальное внимание автора устремлено уже не столько к отдельной человеческой личности, сколько к многолюдной массе, через которую писательница стремится постичь суть происходящей в российской деревне революционной ломки. Повествование и начинается с массовой сцены сельского схода, на котором решается, быть ли земле «ничьей», отберут ли ее у богатых и передадут ли бедным. Но эпичность не исключает у Л. Сейфуллиной тонкого психологического анализа и точных глубоких характеристик отдельных персонажей, среди которых особенно ярко выписаны вожак бедноты Софрон и его антипод, кулак-начетчик Кочеров. В повести «Перегной» Л. Сейфуллина убедительно показала, в каких тяжелых борениях обрела деревня новую, несвойственную ей жизнь.

«Перегной» увидел свет в «Сибирских огнях» в том же урожайном для Л. Сейфуллиной 1922 году. А в 1923-м писательница вместе с В. Правдухиным переехала в Москву, и повесть «Виринея» появилось уже в столичном журнале «Красная новь».

В «**Виринее**» Л. Сейфуллина опять возвращается к теме, намеченной еще в «Четырех главах» и всегда волновавшей ее, — пути простой русской женщины в революцию. На этот раз писательница сосредоточивает внимание уже не на массе, а на личности красивой, и гордой кержачки Виринеи. Это самостоятельная, цельная и сильная натура. И хотя руководствуется она больше эмоциями, наитием, Виринея не так проста, как сначала кажется. За свою недолгую жизнь эта молодая женщина много насмотрелась, о многом передумала, и пусть мало у нее было хорошего, она не опускает руки, не пасует, а протестует, открыто бунтует против сложившихся в деревне нравов. Правда, бунт ее стихийен, прямолинеен, на революционерку она мало похожа, однако активное отношение к жизни, неприятие лжи, фальши, свободолюбие и самостоятельность резко выделяют Виринею из круга односельчан. Этой незаурядной натуре по-настоящему не дано было раскрыться и развернуться — она погибает от рук врагов революции, но уже самим фактом своего существования еще раз доказывает, что «есть женщины в русских селеньях», способные на большие дела.

Образ Виринеи стал подлинным художественным открытием Л. Сейфуллиной, что, кстати, и отметил в свое время Д. Фурманов в статье «О Виринее»⁸, где, по существу, пропел гимн во славу этой женщине-бунтарке.

После «Четырех глав», «Перегной» и «Виринеи», принесших писательнице не только всероссийскую, но и европейскую славу, Л. Сейфуллина пишет еще две крупные вещи: повесть «Каин-кабак» (1926) и роман «Путники», так и оставшийся незаконченным⁹.

В повести «Каин-кабак» речь идет о человеке, принимавшем активное участие в качестве партизанского командира в революционных событиях, но, как и многие твердокаменные большевики, совершенно не понявшем смысла новой экономической политики России. Являясь председателем волостного совета, главный герой повести Григорий Алибаев продолжает действовать партизанско-анархическими методами, устанавливая свои порядки. «Мне Москва — не указ, — заявляет он. — Власть на местах. За что боролись? Пускай там господам потакают, а мы буржуям не потатчики. Заново брюхо отрастить не дадим, шалишь!...»

Подобный тип уездного диктатора выведен Л. Сейфуллиной и в романе «Путники» в образе бывшего фронтовика Катошихина, который, не доверяя «городским интеллигентам», стратегию классовых боев сводит к простой формуле: «Зря валандаемся... Прибрать и все!...».

⁸ «На литературном посту», 1926, №2.

⁹ Частично опубликован в журнале «Сибирские огни» (1923, №3).

Правда, не на нем заострено в романе главное внимание, а на двух интеллигентах: учителя Александре Литовцеве — «честно заблудившемся эсере», и его друге Лебедеве. Умный, искренне желающий служить народу Литовцев не смог встать в один строй с массами, вышедшими на арену социальных битв. Раньше он «передавал им прекрасные мысли, святые мысли», а когда потребовалось подтвердить их действиями, ему помешало «отвлечение к культуре грубой материальной силы, которая дается винтовкой, дубиной, здоровым кулаком, властью». И Литовцев, и примкнувший к большевикам Лебедев — они и есть «путники», которым никогда не дойти до «земли обетованной». Писательница попыталась противопоставить им «настоящего» коммуниста Степана Типунова, но образ его вышел куда менее убедительным.

В романе «Путники» Л. Сейфуллина взялась за новую для себя и всей молодой советской литературы тему «интеллигенция и революция», но точного художественного решения в силу многих причин не нашла. Возможно, потому роман так и остался не завершенным...

Творческий багаж Л. Сейфуллиной, в общем-то, невелик. Наверное, она могла бы написать значительно больше. Даже А. Горький поругивал ее за это. Главная же причина этой «скудости» заключалась в том, что Л. Сейфуллина, как и В. Зазубрин, никогда не писала и не желала писать «в угоду тенденции».

«Самое главное — быть в своем творчестве искренней и правдивой, тогда тебе поверят, и будут читать твою книгу», — говорила Л. Сейфуллина, и эти ее слова можно считать творческим и нравственным кредо писательницы, которому она неукоснительно следовала.

Более тридцати лет отдала Л. Сейфуллина литературе. Судьба людей на революционном переломе стала главной темой ее произведений. Но сложности и драматические противоречия первых десятилетий советской истории отразились не только в творчестве, но и в собственной жизни Л. Сейфуллиной. Однако, несмотря ни на что, до конца дней своих она осталась верна тем гуманистическим идеалам, которые нашли яркое художественное воплощение в лучших ее произведениях.

Валериан Павлович Правдухин (1892 — 1939), как и его супруга, был уроженцем Оренбургской губернии. И тоже родился в семье священника. У них с Лидией Николаевной вообще в биографиях и творческих судьбах имелось много общего.

Учился В. Правдухин сначала в духовной семинарии, откуда был исключен за приверженность революционным идеям, а окончил Оренбургскую гимназию, где получил диплом народного учителя. Работая учителем, В. Правдухин включился в революционную борьбу, вступил в партию эсеров. Но достаточно быстро его взгляды разошлись с ее программой, и в 1917 году он порывает с эсерами. В том же 1917-м В. Правдухин окончил историко-филологический факультет Народного университета имени Шанявского и надолго связал свою жизнь с педагогической и культурно-просветительской деятельностью.

Будучи на службе в Челябинском губернском отделе народного образования, В. Правдухин активно боролся с беспорядочностью, участвовал в создании детских домов и трудовых колоний, читал лекции по литературе, а позже, уже с женой Л. Сейфуллиной создал один из первых в России детских театров и сам писал для него пьесы.

Но занимался В. Правдухин не только драматургией. Ко времени появления в Новониколаевске, был он уже сложившимся критиком и теоретиком литературы со своим взглядом на литературу и процессы в ней происходящие. Поэтому естественно, что он возглавил критический раздел новорожденного журнала и сам стал его ведущим автором.

В своих, статьях, во многом определивших направленность критики в «Сибирских огнях» и во всей послереволюционной литературной Сибири, В. Правдухин требовал от писателей глубокого проникновения в сущность общественных явлений, освещения осо-

бенностей жизни своего времени. Он умел поставить важнейшие вопросы литературного движения тех лет.

«Сибирские огни» стали для В. Правдухина творческой трибуной, с которой он в статьях «В борьбе за новое искусство», «Литература о революции и революционная литература», «Литературные течения современности», «Сибирские поэты современности» и др. отстаивал идейность и социальную значимость искусства, видел в литературе «сильное революционное оружие» и «агитационную мощь».

Вместе с тем высоко оценивал В. Правдухин реалистические и гуманистические традиции русской классики как фундамент нового искусства и горячо их отстаивал, а литературный процесс представлял в контексте общенационального и мирового художественного опыта.

В. Правдухин был в 1920-х годах одним из немногих критиков, у кого знание эстетических законов сочеталось с пониманием исторических закономерностей и тенденций общественного развития. При отражении самых важных и злободневных социальных проблем литература, по его мнению, должна оставаться в рамках необходимой художественности. Отсюда закономерно, что, развивая традиции революционно-демократической критики, В. Правдухин настаивал на необходимости критики синтетической.

В. Правдухин верил в расцвет литературы, рожденной революцией, верил, что новые писатели «нарисуют... истинное лицо Сибири». Но был противником схематизма, прямолинейной агитационности и пустого словесного пафоса. Не допускал он и эстетических скидок на «передовую идею», «верное направление», «революционное содержание» и т. п. Говоря о социальности литературы, ее неразрывной связи с современной действительностью, В. Правдухин искал в творчестве писателей-современников «живых капель будущего», умения «сочетать временное с вечным». Резко выступал он и против натуралистических тенденций.

Размышляя о задачах и принципах новой критики как неотъемлемой части молодой советской литературы, В. Правдухин приходил к выводу, что ее «в наших журналах нет». Однако его собственная литературно-критическая практика и работа возглавляемого им критического отдела «Сибирских огней» это утверждение опровергает. Критические статьи и рецензии, публиковавшиеся на страницах журнала в начале 1920-х, проникнуты духом заинтересованности в судьбе литературы Сибири. Однако далеко не каждое произведение о Сибири или созданное сибирскими авторами вызывало одобрение у критиков «Сибирских огней».

Критический раздел журнала отличало жанровое многообразие: обзоры литературы, проблемные статьи, литературные портреты, рецензии, отзывы, аннотации, объявления о новых книгах и даже критика на критику. Регулярно обзоредали «Сибирские огни» текущую литературную периодику: журналы и альманахи. Журнал очень быстро реагировал на многочисленную литературную продукцию, выходящую в центральных и периферийных издательствах, демонстрируя сочетание почти газетной оперативности и основательной журнальной содержательности. Оперативность отклика не снижала его концептуальности, живой соотнесенности с текущим литературным процессом. Важно и то, что «Сибирские огни» с первых же шагов не замыкались в узко-региональных рамках. Необходимость сочетания сибирского, специфического с общезначимым стала одним из основных принципов работы журнала. Поэтому вполне закономерно появление на его страницах материалов о В. Белинском, А. Островском, В. Короленко, Ф. Достоевском, Р. Ролане и других классиках русской и мировой литературы, что станет традицией.

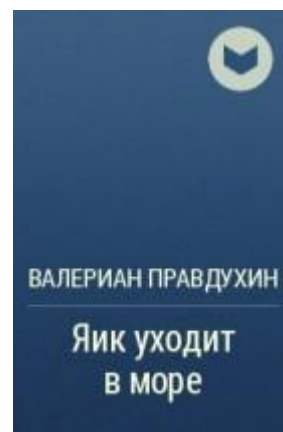
Все это, заложенное В. Правдухиным на заре существования «Сибирских огней», стало прочной основой литературно-критического раздела журнала.

Расставшись в 1923 году с Новониколаевском, В. Правдухин не терял связи с журналом, продолжая публиковать на его страницах литературно-критические материалы.

В. Правдухин был не только талантливым критиком и литературоведом, но и прозаиком. В этом качестве он дебютировал в четвертом номере журнала «Сибирские огни»

за 1922 год с рассказом «Паутина» под псевдонимом В. Шанявец. В 1930-х годах в Москве, Ленинграде и Свердловске выходят очерковые книги В. Правдухина «Горы, тропы, ружье» (1930), «По излучинам Урала и в лесной степи» (1931), «В степи и горной тайге» (1933). Они проникнуты чувством восхищения перед красотой, богатством и многообразием мира природы. А в 1937 году появляется роман из истории уральского казачества «Яик уходит в море» (1937), где В. Правдухин раскрывается уже как художник эпического размаха.

Вероятно, со временем В. Правдухин мог бы вырасти в крупного прозаика. Но судьба не дала ему такой возможности. В конце тридцатых писатель был репрессирован, а в 1939 году расстрелян...

«Высокий путь» «искателя чудес»

Одним из первых «костровых» «Сибирских огней» был **Вивиан Азарьевич Итин** (1893 — 1938) — поэт, прозаик, публицист, критик, видный литературный и общественный деятель, прошедшего путь от рядового сотрудника редакции журнала до его главного редактора.

Он не был сибиряком, в будущую столицу Сибири его занесли революционные ветры. А родился В. Итин в Уфе, в семье успешного адвоката, у которого было четверо детей: два сына и две дочери. Вивиан шел вторым за братом Валерием. Возможно, и назвали его так потому, что в православных святцах имя Вивиан (в честь Святой Вивианы) шло сразу же за именем Валерия.

В 1912 году Вивиан с отличием окончил реальное училище и отправился в Петербург для учебы в Психоневрологическом институте. Годом позже он перевелся на юридический факультет Петербургского университета. После Октябрьской революции 1917 года В. Итин поступил на работу в Наркомат юстиции, который вскоре перебазировался в Москву. А летом 1918 года, прибыв в отпуск в Уфу к родным, он из-за восстания белочехов уже не смог вернуться назад.

В. Итин устроился переводчиком в американскую миссию Красного Креста и отправился с ней через Сибирь и Японию в США. Но, оказавшись в местах боевых действий, бросил миссию и перешел в Красную Армию. С частями Пятой Армии В. Итин прошел с боями всю Сибирь. Благодаря юридическому образованию, он стал членом революционного трибунала армии. А в 1920 году вступил в партию большевиков и был назначен заведовать отделом юстиции в Красноярске. Одновременно в газете «Красноярский рабочий» редактировал «Бюллетень распоряжений» и литературный уголок «Цветы в тайге». Здесь В. Итин опубликовал и первые свои стихи, хотя пробовать себя в слове начал еще в студенческую пору.

В 1921 году В. Итина переводят на работу в исполком уездного городка Канска. Поскольку оказался он здесь единственным человеком с университетским образованием, то и круг его обязанностей оказался весьма широк: В. Итин совмещал должности заведующих отделами агитации и пропаганды, политического просвещения, местного отдела РОС-Та, редактора газеты и даже председателя товарищеского дисциплинарного суда.

При всем этом успевал много писать и активно печататься. В том числе и в «Сибирских огнях». Журнал публикует его пьесу «Власть», стихи, рецензии. А в 1922 году в том же Канске выходит и первая книга В. Итина — «Страна Гонгури».

Изначальный ее вариант под названием «Открытие Риэля» В. Итиным (тогда еще студентом) был написан в 1916 году. Его студенческая подруга, Лариса Рейснер (та самая, что стала впоследствии прототипом главной героини «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского) передала эту небольшую повесть-утопию в горьковскую «Летопись». Горький отнесся благосклонно, принял в печать, но журнал в 1917 году закрылся, а повесть так и осталась не опубликованной. Позже кто-то переслал чудом сохранившуюся рукопись в Канск. В. Итин несколько переработал ее, назвал «романом» и напечатал небольшую книжечку, но уже под названием «Страна Гонгури».

Сюжет переработанного произведения достаточно прост. В колчаковской тюрьме ожидают казни юный партизан Гелий и старый врач Митч, участник революции 1905 года. Они — представители двух революционных поколений. Но если Митч уже ничего не ждет от будущего, то Гелий страстно желает хоть на чуть-чуть оказаться в «стране счастливых», за которую он сознательно пойдет на смерть. В чем и признается старому врачу и просит усыпить его, чтобы хоть во сне побывать «в мире более совершенном». Врач обращает Гелия в гипнотический сон, где тот перевоплощается в жителя далекой планеты — ученого Риэля. Взорам Гелия-Риэля предстают картины прекрасного справедливого мира без неравенства, насилия и войн — такого непохожего на земную реальность. Здесь герой встречает «свою Гонгури» — красавицу и поэтессу, девушку с «рубиновым» сердцем, свою мечту. Как ученый Риэль делает открытие, позволяющее наблюдать за происходящим на далекой несчастной планете Земля. Увиденное (кровавая бойня, в которой одни народы уничтожают другие) его потрясает. И в первую очередь тем, что «это была скорей не война, а коллективно задуманное самоубийство, так спокойно, медленно и чудовищно совершалось массовое истребление жестоких крошечных существ».

Невольно вспоминается столь близкая итинской по антивоенному пафосу повесть-метафора Антона Сорокина «Хохот желтого дьявола». Да и цель создания этих произведений — способствовать тому, «чтобы армии бросили оружие» — общая. Риэль из фантастической страны будущего не выдерживает увиденного на Земле и приходит к мысли о самоубийстве. Реального же красного партизана Геля на рассвете расстреливают колчаковцы. Но погибает он с мыслью о Гонгури, с верой в счастливое будущее человечества. Повесть «Страна Гонгури» не прошла незамеченной. В рецензиях недостатка не было. Но радости эти отклики автору явно не принесли. Оценивали рецензенты произведение весьма сурово. Однако при всех ее недостатках у «Страны Гонгури» оказалась долгая жизнь. Она была неоднократно переиздана у нас в стране и за рубежом, вошла во многие сборники и антологии фантастики. А ее автор стал пионером этого жанра в СССР, ибо знаменитая «Аэлита» А. Толстого появилась на свет почти годом позже.

Антивоенным пафосом проникнута и повесть В. Итина «**Урамбо**», впервые напечатанная в журнале «Сибирские огни». Названа она по имени слона, которого «англичанин из Ливерпуля» везет для передвижного зверинца в Петербург. Попутно мистер Грэнди переправляет в Россию партию германских пулеметов. В Петербурге слон вырывается на волю и погибает, застреленный полицейскими и добитый (чтоб не мучился) студентом Шеломиным. Поступок последнего вызывает бурю обывательского негодования. Но те же самые обыватели, клеймившие студента, на званых обедах произносят пламенные речи, приветствуя начавшуюся большую войну и мобилизацию, фактически поощряя кровопролития куда более грандиозные и жестокие, нежели убийство взбесившегося Урамбо.

Персонажи повести четко разделены: по одну сторону те, кому война выгодна, а сами они благополучно отсиживаются в тылу, по другую — те, кому приходится проливать кровь на полях сражений. Позиция автора, его симпатии и антипатии при этом также предельно обнажены и недвусмысленны.

В конце 1922 года В. Итин переезжает в Новониколаевск и на долгие годы связывает свою судьбу с этим городом и «Сибирскими огнями», куда поступает сначала заведующим отделом поэзии, потом занимает должность ответственного секретаря редакции, а в 1928 — 1929-м и 1933 — 1934-м годах возглавляет журнал. В 1923 году появляется в Новониколаевске и его первая и единственная прижизненная поэтическая книжка — «Солнце сердца».

С этого времени В. Итин становится по-настоящему профессиональным писателем.

Начинал же В. Итин свой литературный путь как поэт-романтик. «Я был искателем чудес, невероятных и прекрасных», — писал он в поэме «Солнце сердца», определяя наиболее, пожалуй, характерную особенность собственного творчества. И не только поэтического. Печать романтизма лежит на большинстве его произведений. Но романтизм его постепенно менял свою суть и направление, двигаясь от романтики «книжной», которой было проникнуто раннее творчество В. Итина, к романтике современных реалий — тех великих перемен, какие несла полная грандиозных событий российская послереволюционная жизнь. И своего рода точкой на этом пути стала для В. Итина поэма «Солнце сердца», в которой поэт прославляет подвиг борцов за революцию, мечтающих сделать явью грезы о лучшей жизни.

Романтическое начало творческого существа В. Итина отчетливо проявилось и в очерковой прозе писателя, которой он занимался практически всю свою литературную жизнь. В. Итин жадно следил за бурным развитием науки и техники и живо откликался на сколь-нибудь значимые в этой сфере события. А когда в Сибири появился первый гражданский самолет «Сибревком», приобретенный в Германии для «Сибавиахима», В. Итин вместе с пилотом Иеске в 1925 году отправился на нем в агитационный полет по Алтаю и Ойротии. Из-за неисправности им пришлось совершить вынужденную посадку в тайге. Алтайцы называли этот самолет «Каан-Кэрэдэ» — по имени волшебной птицы алтайского эпоса. Впечатления о том полете, окрашенные восторженным отношением В. Итина к покорителям воздушного океана, легли в основу очерковой повести об авиаторах «Каан-Кэрэдэ», стержнем которой как раз и стала романтическо-символическая встреча прошлого и настоящего. Повесть появилась в «Сибирских огнях» в 1926 году, а в 1928-м году по авторскому сценарию на ту же тему был снят фильм.

Романтика двигала и увлечением В. Итина Севером. Он страстно отстаивал идею освоения Северного морского пути, сотрудничал с организацией «Комсевморпуть». Летом 1926 года участвовал в гидрографической экспедиции по обследованию Гыданской губы неподалеку от устья Енисея, а в 1929-м — на борту ледокола «Красин» (впервые в истории судоходства) дошел Северным морским путем до Ленинграда. В 1931 году на Первом восточносибирском научно-исследовательском съезде В. Итин выступил с докладом «Северный морской путь» и получил приглашение в новую экспедицию. В 1934 году на судне «Лейтенант Шмидт» он принял участие в так называемом «колымском» рейсе — захватывающем путешествии по дальневосточным морям, омывающим Курилы, Камчатку, Чукотку... до устья реки Колымы. Корабль там зазимовал, а В. Итин возвращался в Новосибирск на собаках и оленях.

Документально-художественные повествования В. Итина насыщены фактами, отличаются глубоким знанием материала, аргументированностью и в то же время яркой эмоциональной окрашенностью, поэтичностью. И не удивительно, что В. Итин за очерки об

освоении сибирского Севера стал лауреатом двух литературных премий имени А.М Горького Западно-Сибирского края.

Поэт, прозаик, драматург, очеркист, публицист, В. Итин был еще и литературным критиком, немало сделавшим для утверждения этого жанра в Сибири. Писал он рецензии, обзоры, обобщающие и проблемные статьи. Редко какой номер «Сибирских огней» тех лет обходился без критических материалов В. Итина. В них он отличался независимостью взгляда, экспрессивностью и неизменно отстаивал мысль, что писатель обязан не просто правдоподобно отражать действительность, а пропускать картины жизни через свое сердце.

Но, о чем бы и в каком жанре В. Итин ни работал, он всегда оставался поэтом. И здесь невозможно не согласиться с Л. Мартыновым, отмечавшим, что «Вивиан Итин прежде всего поэт, и даже вся его проза — это проза талантливого поэта, будь это даже полемические статьи по вопросам художественного творчества или по вопросам кораблеводства в полярных морях...»¹⁰. Не случайно и сам В. Итин ту же, скажем, повесть «Каан Кэрэдэ» называл «поэмой в прозе».

Вел В. Итин и большую общественную, организаторскую работу, в первую очередь по собиранию литературных сил Сибири. Вместе с В. Зазубриным руководил литературными кружками для начинающих писателей. Под его редакцией в 1925 году в Новониколаевске вышел поэтический сборник «Вьюжные дни», где в числе других сибирских поэтов были помещены стихи молодого тогда Л. Мартынова. Активное участие принял В. Итин и в организации Союза сибирских писателей. В 1926 году он был избран секретарем его правления.

В 1928 году после ухода из журнала В. Зазубрина Итин возглавил «Сибирские огни». Со стороны партийных органов, назначавших его на должность, это был вполне логичный шаг. Лучшей кандидатуры тогда просто и не было.

Новый главный редактор продолжил традиции журнала, заложенные Е. Ярославским и В. Зазубриным. Правда, развернуться ему не дали: как и его предшественник, он оказался в жерновах жесточайшей групповой литературной борьбы. В ее итоге «Сибирские огни» стали органом Сибирской ассоциации пролетарских писателей, а журнал возглавил А. Высоцкий. Однако когда постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» групповщине был положен конец и начался процесс объединения литераторов «в единый Союз советских писателей», В. Итин в 1933 году вновь возвратился к руководству «Сибирскими огнями». В этом возвращении А. Горький усмотрел добрый знак. И действительно, со вторым «пришествием» В. Итина в журнал политика издания вновь возвратилась в русло сплочения писателей и собирания лучших литературных сил Сибири.

Второй и последний редакторский отрезок жизненного пути В. Итина тоже оказался недолог. В 1935 году он практически отходит от активной организаторской и общественной деятельности и сосредоточивается на литературной работе. Продолжает работать в документально-художественном жанре. Не оставляет поэзию. Пишет начатый еще в середине 1920-х годов роман «Конец страха» (он так и остался незаконченным), еще раз обращается к драматургии (в 1937 году новосибирский театр «Красный факел» принял к постановке его пьесу «Козел», но зритель ее так и не увидел — не пропустила цензура).

Уже не донимали его служебные и общественные заботы, но спокойно и безмятежно отдаваться творчеству В. Итину все равно не удавалось. Вернее — не давали. Доставали В. Итина ядовитые стрелы недоброжелательных критиков, злее становились нападки. В. Итин был независимым и гордым человеком, что выводило из себя недругов еще больше. И тучи над головой В. Итина сгущались с каждым днем сильнее...

В апреле 1938 года по абсурдному обвинению в связях с японской разведкой и шпионаже в пользу этой страны его репрессировали и в октябре того же года он погиб.

¹⁰ Мартынов Л. Час воскресения Вивиана Итина. // «День поэзии»-63». — М., 1963.

Лишь в сентябре 1956 года В. Итин был посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления. А «высокий путь» отважного «искателя чудес» и преданного рыцаря сибирской литературы Вивиана Итина продолжился и за пределами его земного существования.

Схватка «двух миров» продолжается

Те же революционные ветры, только чуть позже «занесли» в «Сибирские огни» В. Зазубрина. И даже из того же, что и В. Итин, населенного пункта.

Успех «Двух миров» воодушевил автора романа и стал мощным трамплином его дальнейшей литературной деятельности. В феврале 1922 года В. Зазубрин демобилизуется из рядов Красной Армии и переезжает из Иркутска сначала обратно в Канск, потом в Новониколаевск, где по решению Сиббюро РКП(б) с октября 1923 года он — работник Сибкрайиздата, а точнее (как записано в его учетной карточке) — «председатель и секретарь «Сиб. огней».

Пять лет В. Зазубрин будет теснейшим образом связан с журналом, и годы эти окажутся в его творческой жизни едва ли не лучшими и самыми плодотворными. Он проводит огромную работу по сплочению литературных сил Сибири. И создает новые произведения. На горячие, большие и острозлободневные темы.

В 1922 — 1923 годах В. Зазубрин пишет три небольшие повести — «Щепка», «Бледная правда» и «Общежитие», составившие в идейно-художественном отношении как бы единый блок, где автор мучительно размышляет над дальнейшими судьбами победившей революции, над проблемами и противоречиями, встающими на пути строительства нового общества.

Повесть «Щепка» рассказывает о ЧК в первые после Гражданской войны годы, о кровавом терроре, развязанном «Чрезвычайной комиссией». Но это лишь видимая часть айсберга. В его же глубинном основании — мысль о несоответствии романтически-идеализированного образа революции ее реальному облику и содержанию. Не случайно главный герой повести, интеллигент-коммунист, поставленный партией во главе Губчека, Андрей Срубов видит революцию «в лохмотьях двух цветов — красных и серых».

В том, как раз, и состоит трагедия Срубова, что, чем дальше, тем сильнее ощущает он вопиющее противоречие между благородными революционными декларациями и жесточайшими подчас методами и средствами их реализации. Несоответствие это приводит Срубова к душевному разладу и потере рассудка.

Много места в повести «Щепка» уделено размышлениям о революционном терроре — его политическом, моральном и нравственном аспектах. В. Зазубрин был одним из тех, кто задумался над «проклятым вопросом»: может ли быть оправдана кровь, проливаемая во имя добра и справедливости? Он прозорливо предостерег страшную опасность надвигающегося вала репрессий, маскируемых звонкой революционной фразой.

В размышлениях о революционном терроре В. Зазубрин задумывается и о том, что значит для революции отдельная человеческая личность: винтик в гигантской машине, щепка в социальном водовороте? Собственно, такой вот щепкой в бушующем революционном потоке и чувствует себя Срубов.

Как художник чрезвычайно чуткий В. Зазубрин не мог не понимать, что в прокрустово ложе классовой схемы личность, индивидуальность не вписывалась. Она подавлялась, нивелировалась, низводилась до послушного «винтика» и «щепки». Ценность же человеческой личности В. Зазубрин всегда ставил очень высоко и был убежден, что народ — понятие личностное, а не отвлеченно-безличное. Мысль эту писатель с успехом дока-

зывал в романе «Два мира». На ином уже жизненном материале художественно подтверждает он ее и в повести «Щепка».

Борьба «двух миров», начатая революцией и Гражданской войной, продолжилась и в ходе мирного строительства новой жизни, об одном из эпизодов которого рассказывает повесть «Бледная правда». Бывший кузнец и командир партизанского отряда Аверьянов, направленный партией на ответственную хозяйственную работу, из-за своей некомпетентности и политической близорукости попался в сети окопавшихся в его конторе жуликов и мздоимцев и угодил на скамью подсудимых. Но в том и трагический парадокс, зорко подмеченный В. Зазубриным, что пострадавшего от собственной некомпетентности человека судят такие же некомпетентные люди, ставшие судьями и обвинителями так же, как и он, «в порядке партийной дисциплины».

Пожалуй, ни одно из произведений В. Зазубрина не вызывало при своем появлении столь бурной полемики, как повесть «Общежитие». По воспоминаниям А. Коптелова, одни осуждали ее, усматривая в ней «карикатуру на советский быт», «клевету на коммунистическую верхушку города»¹¹, другие видели здесь своего рода предупреждение — «вот что может произойти с нашим обществом, если мы не построим нашу жизнь разумно»¹². Негативной была и оценка А. Горького.

Сам же В. Зазубрин, выступая перед читателями, утверждал, что его «главная задача — ударить по опошленному быту»¹³. И автор ее, в принципе, решил, нарисовав зримую картину физически и нравственно нечистоплотного быта живущих в коммунальной тесноте общежития совпартслужащих.

В повести «Общежитие» показана далеко не худшая часть общества. Все «живущие в общежитии... делают большое и нужное дело, — подчеркивает писатель. — ...Все они на хорошем счету». А вот в быту совсем другие. В. Зазубрин очень точно уловил признаки двойной морали у части современной ему руководящей элиты и забил по этому поводу тревогу. (Мог ли он предположить, что и двойная мораль, и двойные стандарты для номенклатурной верхушки через три-четыре десятилетия станут чуть ли не нормой их существования!). Мрачен финал повести. Обитатели общежития через заведующую областным загсом, неразборчивую в своих связях, заражены сифилисом. И это вовсе не ловкий сюжетный ход, рассчитанный на падкого на «клубничку» обывателя, а скорее своего рода зловещий знак беды на пути начинающейся духовной проказы.

Повесть «Общежитие» откровенно напугала многих тогдашних чиновников (как партийно-государственных, так и литературных), увидевших в ее обнаженной правдивости вызов себе. На судьбе произведения это сказалось самым непосредственным образом: после появления в журнале «Сибирские огни» в 1923 году повесть «Общежитие» до конца 1980-х годов ни разу больше не печаталась.

После литературно насыщенного 1923 года у В. Зазубрина наступил некоторый творческий спад. В середине двадцатых выступал он преимущественно как автор литературно-критических и публицистических материалов. Связано это было с интенсивной работой на посту главного редактора «Сибирских огней», которые при нем прочно встали на ноги, созданием Союза сибирских писателей. И разгоревшейся в это время групповой борьбой, спровоцированной Ассоциацией пролетарских писателей, которая отнимала у В. Зазубрина много времени и сил, очень мешала творчеству.

¹¹ Коптелов А. Огнелюбы. «Сибирские огни». // 1972, №3, с. 104.

¹² «Советская Сибирь», 1924, №12.

¹³ Там же.

Особенно драматично сложился для него 1928 год. В марте на литературном небосклоне Новосибирска появилась группа «Настоящее» с ее лидером А. Курсом, который опубликовал в «Советской Сибири» разгромный фельетон «Кровяная колбаса», где, по сути, перечеркивает все творчество Зазубрина. «Настоящцы» печатают еще ряд статей и рецензий такого же пошиба о «Сибирских огнях» и произведениях их главного редактора. Травля писателя принимает разнузданные формы. И уже в июле 1928 года бюро Сибкрайкома ВКП(б) выносит резолюцию о журнале «Сибирские огни», в которой руководство издания обвиняется в целом букете идеологических грехов, после чего В. Зазубрин немедленно освобождается от работы в редакции и Союзе сибирских писателей.

Отлученный от литературной жизни Сибири, В. Зазубрин уезжает в Москву, где работает сначала в Госиздате, затем в журнале «Колхозник», основанном А. Горьким. Но связей с Сибирью не прерывает: появляется в Новосибирске, путешествует по Алтаю. У писателя возникает замысел большого эпического полотна (трилогии) о сибирском крестьянстве. Но создать и опубликовать писателю удалось только одну книгу под названием «Горы» (1933).

Основные ее события происходят на пороге коллективизации, однако жизнь Горного Алтая, а через нее и всей многонациональной Сибири, изображена В. Зазубриным в нескольких исторических измерениях, в совокупности многих социальных и духовных проблем. Перед читателем проходят люди разных эпох, социальных слоев, народностей, вероисповеданий. Насыщена книга и богатым справочно-историческим материалом, благодаря которому лучше понимается особый драматизм колхозного движения в Сибири. Органично входит в плоть романа алтайский фольклор, придающий произведению неповторимый колорит, а так же символический образ гор, возникающий едва ли не в каждом эпизоде и подчеркивающий неразрывную связь всего живущего и произрастающего на земле.

А в центре романа — непростые взаимоотношения уполномоченного по хлебозаготовкам коммуниста Безуглого и местного богача Морева. По большевистской логике между ними может быть только классовая ненависть, но тем всегда был силен и интересен В. Зазубрин как художник, что никогда не стремился писать, по его же словам, «в угоду тенденции», сложившейся схеме, никогда не принимал прямолинейной логики. Вот почему характеры героев романа и их взаимоотношения сложны и неоднозначны. Правда, на фоне колоритного кулака-кержака Морева, сконцентрировавшего в себе многие характерные черты зажиточного сибирского мужика, коммунист Безуглый выглядит заметно бледнее своего «оппонента». Особенно когда дело доходит до диалога с крестьянством по поводу необходимости коллективизации, где главный герой романа, большевик, должен быть особенно убедительным.

Были тому свои причины, причем отнюдь не литературного свойства. К моменту написания первой книги эпопеи результаты коллективизации были в основном известны: реальные победы и поражения колхозного движения явно не совпадали с трагической реальностью этого процесса. И В. Зазубрина, знавшего о тотальном и во многом насильственном обобществлении крестьянства не понаслышке, обуреваемые, по всей видимости, противоречивые чувства. Искренне веря в идею коллективизации, писатель, при своем обостренном чувстве справедливости, вряд ли мог принять действовавшие методы ее осуществления. Поэтому и возникает в романе «Горы» между установкой на положительного героя-коммуниста и объективной реальностью (а отображена она ярко и достоверно), в которой приходится действовать созданному по этой установке коммунисту Безуглому, своего рода зазор, который преодолеть автору в первой части эпопеи так и не удалось.

Мы не знаем, как развивались бы события и образы героев (прежде всего Безуглова) в романе дальше, к каким бы выводам и наблюдениям пришел В. Зазубрин в следующих книгах трилогии. Произведение осталось незаконченным, судьба черновиков неизвестна. Но и то, что В. Зазубрин успел сделать в разработке темы коллективизации, имеет серьез-

ное значение. Роман «Горы» стал одной из первых запоминающихся страниц художественной летописи колхозного движения.

В. Зазубрин был прозорливым человеком. Тем не менее, создавая повесть «Щепка», задумываясь о революционном терроре, о том, чем он может обернуться для народа в целом и отдельной личности, в частности, писатель вряд ли мог предугадать, что чаша сия не минует и его. Но так именно и случилось: в 1937-м как «враг народа» В. Зазубрин был арестован и осенью того же года расстрелян.

Волна репрессий унесла его жизнь, но не память об этом замечательном писателе и человеке, всего себя посвятившем созданию нового общества и новой литературы.

«Огнелюбы» «первого призыва»

«Сибирские огни» располагали обширным и постоянно расширяющимся кругом «огнелюбов». А некоторые, связав с журналом с первых его шагов свою творческую судьбу, остались верны ему на всю оставшуюся жизнь. И в первую очередь это М. Кравков и И. Ерошин.

Максимилиан Алексеевич Кравков (1887 — 1937) в двадцатых-тридцатых годах минувшего столетия был достаточно известным разноплановым писателем. Его знали как прозаика и очеркиста, автора произведений для детей и писателя-краеведа. Но, пожалуй, наибольшую популярность приобрел он как мастер приключенческого жанра.

В. Зазубрин в свое время окрестил его сибирским Джеком Лондоном. Скорее всего, потому, что, как и у знаменитого американца, излюбленными героями романтических поэм в прозе М. Кравкова были люди сильные и цельные, с авантюристической жилкой в характере: охотники и золотоискатели, бродяги-каторжники и горняки-рудознатцы, ссыльные политзаключенные и аборигены сибирской тайги...

М. Кравкова всегда интересовала психология сильной личности, героя-одиночки. По этому поводу, касаясь его произведений, тот же В. Зазубрин писал: «В своих рассказах он берет сильного человека-одиночку, выходящего на борьбу со зверем, себе подобным или целым коллективом. Пусть коллектив, в конце концов, своей тысяченогой пяткой раздавит смелого одиночку. Одиночка даже вынужденный пустить себе пулю в лоб или проколоть себе сердце ржавым гвоздем, все же чувствует себя победителем. Он сам уходит из жизни, он никогда не дастся в руки врагу. Он свободен...»¹⁴

К характеристике этой уместно добавить, что героя своего М. Кравков испытывает не только жестокими обстоятельствами, но и сибирской природой, отчего изломы его судьбы часто непредсказуемы. Да и сюжеты произведений в неожиданных своих поворотах и стремительном беге нередко похожи на таежные речки в весеннее половодье.

М. Кравков умеет держать читателя в напряжении. В каждой его вещи — будь то детектив «Ассирийская рукопись», приключенческая повесть «Зашифрованный план» или остросюжетный новеллистический цикл «Рассказы о золоте» — есть все необходимое для любителей острых ощущений: тайна, поиск, погони, внезапные ситуации...

Тем не менее, главное внимание М. Кравков сосредоточивает не на

¹⁴ Зазубрин. В. «Проза «Сибирских огней» за пять лет». // См. сб. В. Зазубрин. Бледная правда. — М., 1992, с. 397.

внешних событиях, какими бы занимательными и остро драматичными они ни были, а на внутреннем состоянии человека в самые критические моменты его жизни.

И вот еще какая важная деталь. Герои М. Кравкова — люди, как правило, не только смелые, отважные, душевно красивые. Они, помимо прочего, упорно стремятся познать мудрую целесообразность природы и определить свое место в окружающем мире. Наверное, поэтому, кроме сюжетной увлекательности, динамичности, психологизма, проза М. Кравкова еще и очень живописна, поэтична, насыщена неповторимым сибирским колоритом. Чувствуется, что автор и его герои влюблены в природу, в Сибирь, которые для них — воплощение того, «от чего не хочет оторваться сердце». Подтверждение этому найдем мы в рассказах, повестях и очерках М. Кравкова «Таежными тропами», «Большая вода», «Два конца», «Самородок» и др. Собственно говоря, именно горячая любовь к сибирскому краю, увлеченность тайгой, охотой, путешествиями и обусловили поэтичность и романтическую большинство повествований М. Кравкова.

Хотя появился на свет и вырос он далеко от Сибири. Родился М. Кравков в Рязани, в семье действительного статского советника. Родители умерли рано, воспитывали его тетки. После окончания гимназии он поступил в Петербургский университет, избрав специальность геолога-минералога. В 1908 году М. Кравков вступил в члены партии социалистов-революционеров — «максималистов», требовавших «решительных действий». А вскоре двадцатилетний студент был арестован по обвинению в покушении на рязанского генерал-губернатора. М. Кравкова признали «виновным в хранении взрывчатых веществ» и осудили на шесть лет каторги, замененных затем тремя с половиной годами одиночной тюрьмы. Много позже М. Кравков опишет в рассказе «Два конца» ощущения человека, несколько лет просидевшего в каменном мешке одиночной камеры.

В 1913 году М. Кравков был выслан на поселение в Тайшет, и с тех пор уже не расставался с Сибирью. Он много путешествовал, присматривался к жизни малых сибирских народностей. Это хорошо отражено в его лирическом очерке «Из саянских скитаний» и ранних рассказах. И не случайно В. Правдухин называл М. Кравкова «географом и любителем нехоженых дорог, неожиданных приключений». По разным свидетельствам он действительно был неистощим по части придумывания и проведения интереснейших путешествий и поездок.

После Февральской революции 1917 года М. Кравков избирался гласным Нижнеудинского уезда Иркутской губернии, был членом губернской комиссии по земским делам, а потом и управляющим Нижнеудинского уезда, где и проработал до конца 1919 года. В 1920-м М. Кравков стал заведующим Иркутского краеведческого музея. Но вскоре был арестован ЧК по обвинению в принадлежности к «максималистам». Правда, после подачи им заявления о выходе из партии дело было прекращено. Освободившись, М. Кравков уехал в Омск. Здесь заведовал подотделом музеев Сибирского отдела народного образования. Кстати, и первая его книжка — «Что такое музей и как его устроить в деревне» (1921) — была посвящена музейному делу. В начале 1922 года в связи с переездом советских учреждений из Омска в Новониколаевск М. Кравков очутился в новоявленной столице Сибирского края, где возглавил Сибкино и активно занимался организацией Новониколаевского краеведческого музея, директором которого он же и стал.

«Музейный» период своей жизни М. Кравков частично отразил в повести «**Ассирийская рукопись**» (1925), в которой запечатлел живую атмосферу, быт и нравы первых послереволюционных лет сибирского города. Сюжет повести детективно-приключенческий. Некий авантюрист настойчиво и изобретательно разыскивает в музейных коллекциях редкую «ассирийскую рукопись», которую Британский музей готов купить за большие деньги. Работники краевого краеведческого музея противостоят замыслам преступника, о чем и рассказывает автор, раскручивая хитроумную интригу. «Ассирийская рукопись» стала едва ли не первым сибирским детективом советской поры.

В 1922 году, сразу по приезде в Новониколаевск, М. Кравков знакомится с Л. Сейфуллиной и В. Правдухиным и активно участвует вместе с ними в работе над первыми

номера журнала «Сибирские огни». С этим изданием, где он регулярно выступал с повестями, рассказами, очерками, публицистическими и краеведческими материалами, у М. Кравкова будет связана большая часть его творческой жизни.

М. Кравков был удивительно разносторонней личностью. Кроме музейного дела, краеведения, кино, литературы, он занимался наукой, собирал геологические коллекции. Его волновало будущее природных сибирских кладовых, что подтверждают его документальная книга «Естественные богатства Сибири» (1928), очерки «Тельбес» и «Тельбесские зарисовки», написанные под впечатлением поездки на место возведения Кузнецкого металлургического комбината и рассказывающие о перспективах развития Сибири в связи с развернувшимся на ее просторах гигантским строительством первых советских пятилеток. Не удивительно, что М. Кравков оказался в числе организаторов и активных участников возникшего в конце 1920-х годов в Новосибирске «Общества по изучению Сибири и ее производительных сил», которое стало, по существу, первым научным объединением за Уралом.

В 1923 — 1934 годах, в составе геологоразведочных и географических экспедиций, М. Кравков побывал в Саянах, в Горной Шории, в низовьях Енисея. То, что довелось ему увидеть, узнать, ощутить и понять в этих путешествиях легло потом в основу большого прозаического цикла «Рассказы о золоте», а также ряда очерков, рассказов, повестей, посвященных разведчикам земных недр и горнякам.

В своем творчестве М. Кравков всегда стремился избегать политической и идеологической тенденциозности. Герои его произведений в этом плане обычно нейтральны. Отчего и сам М. Кравков в истории сибирской литературы стоит несколько особняком. Своеобразный «нейтралитет» писателя с приоритетом общечеловеческого над классовым и узкопартийным раздражал в те времена многих, а больше всего печально известных в советской литературе идеологов и критиков РАППа, которые обвиняли М. Кравкова в аполитичности, а то и прямо называли его «самым реакционным писателем Сибири».

В 1933 году последовал очередной арест М. Кравкова. В отличие от рапповского, выдвинутое в его адрес чекистами обвинение было очень даже политическим — писателя на сей раз заподозрили в принадлежности к контрреволюционной организации бывшего белого генерала В.Г. Болдырева. Но и это были пока лишь отголоски приближавшейся настоящей грозы, которая грянет четыре года спустя...

Последний раз М. Кравкова арестовали в мае 1937 года как члена некоей мифической «японско-эссеровской террористической диверсионно-шпионской организации» и приговорили к расстрелу. В октябре того же года он погиб.

Творческое наследие М. Кравкова не так уж велико и не все в нем равноценно. Но лучшие его произведения и сегодня читаются с захватывающим интересом и подлинно эстетическим наслаждением, как, впрочем, и должно быть, когда дело имеешь с настоящим мастером.

Ивана Евдокимовича Ерошина (1894 — 1965) можно смело назвать литературным воспитанником «Сибирских огней». Он был активнейшим автором журнала, и все лучшее в его творчестве напечатано здесь. Хотя по месту рождения и первоначальной поре жизни сибиряком не являлся.

Родился И. Ерошин в селе Ново-Александровка Рязанской губернии, в крестьянской семье. Детство и юность его прошли в Москве и Петербурге.

Пробовать силы в литературе И. Ерошин начал еще в 1913 году в газете «Правда», где публиковал незамысловатые «стихопесни» и рифмованные агитки. Одним из первых российских поэтов приветствовал он Октябрьскую революцию 1917 года. Работал в большевистской газете «Социал-демократ».

В Сибири И. Ерошин (сначала в Омске) оказался в 1919 году с Политотделом Пятой Армии. В 1920 году начал сотрудничать в газете «Советская Сибирь», а спустя два года вместе с ее редакцией переехал в Новониколаевск. Но задержался здесь ненадолго. Как следует из признания самого поэта, «по страстной привычке к путешествиям» он отправился на Алтай, который надолго сделал его своим пленником. Зачарованный природой, фольклором и людьми этой горной страны, поэт выразил свой лирический восторг в книгах «Синяя юрта» (1929) и «Песни Алтая» (1937).

Видное место в поэзии И. Ерошина занимает любовная лирика. Герои его поэзии — люди, как правило, сильного чувства, чистые и цельные, верные в дружбе и любви, сердечные в отношениях с близкими. В лирических стихах И. Ерошина обычно отсутствует социальная окраска, зато умел он показать тончайшие оттенки человеческого чувства и, если более конкретно, — жителей Горного Алтая. Мотив дружбы народов — алтайского и русского — вообще силен в его стихах.

Ну а о художественном мастерстве И. Ерошина говорит хотя бы тот факт, что знаменитый французский писатель Ромен Ролан принял его стихи за подлинные песни самого алтайского народа.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ

С появлением журнала «Сибирские огни» начался процесс объединения разрозненных литературных сил Сибири.

К середине 1920-х годов маломощные литературные кружки существовали лишь в Иркутске, Омске, Томске и Усть-Каменогорске. Подчас даже литераторы, живущие в одном городе, не знали о существовании друг друга.

Процесс проходил болезненно и драматично, о чем свидетельствуют, например, взаимоотношения крупнейших во второй половине 1920-х годов писательских организаций региона: Сибирского союза писателей (ССП) и Сибирской ассоциации пролетарских писателей (СибАПП).

От первого сибирского к первому всесоюзному

Сибирская предтеча

Ровно через четыре года после возникновения «Сибирских огней» был образован **Сибирский союз писателей**. Какая тут связь с журналом? Да самая непосредственная.

Мысль о создании единой сибирской литературной организации зародилась среди писателей, группировавшихся вокруг «Сибирских огней». В октябре 1925 года была создана инициативная группа, а в конце ноября общее собрание писателей Новосибирска единогласно постановило «признать необходимым созыв писательского съезда»¹ и избрало оргбюро под председательством В. Зазубрина для проведения подготовительной работы. Проведена она была успешно, и в марте (с 21 по 24) 1926 года **I Съезд сибирских писателей** состоялся.

На съезде присутствовали 44 делегата от большинства крупных сибирских городов: Омска, Новосибирска, Барнаула, Бийска, Кемерово, Кузнецка, Томска, Ачинска, Красноярска, Иркутска.

Съезд открылся в обстановке обостренной литературной борьбы, происходившей в стране. Некоторые из существовавших тогда школ и направлений — РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), ЛЕФ (Левый фронт искусства), ЛКЦ (Литературный центр конструктивистов), группы «Перевал», «На посту» — агрессивно претендовали на роль безоговорочного лидера, а несогласных всячески поносили. Борьба шла не только в столицах, но и в провинции, и переходила она нередко в откровенную грызню и свару. Но именно в ее ходе выкристаллизовывалась идея объединения писателей на общей идейно-эстетической платформе.

С основными докладами «Писатель, литература и революция» и «Сибирская литература послереволюционного периода» на съезде выступил В. Зазубрин. Его содокладчиками были иркутский писатель Ис. Гольдберг, сделавший сообщение о сибирской литературе дореволюционного периода и заведующий Сибкрайиздатом М. Басов, рассказавший об издательской деятельности в Сибири.

В основу всей своей деятельности I Съезд сибирских писателей положил резолюцию ЦК ВКП(б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». На съезде были приняты Платформа и Устав Союза сибирских писателей, в которых одним из главных стало требование «классовой искренности и верности революции». В то же время в решениях съезда было записано: поскольку в Сибири еще мало культурных сил, новый Союз станет содействовать «всякому советскому писателю — рабочему,

¹ «Сибирские огни», 1926, №3, с. 203.

кре-

стьянину, интеллигенту»². Обращалось внимание и на первоочередную необходимость разработки сибирских тем, изображения жизни нерусских народностей. Но ССП не ограничивал своих членов сибирской тематикой. Одной из основных задач он провозгласил создание литературы «для широких низовых читательских масс». Съезд разрешил вступать в союз членам других писательских организаций, если они «формально и фактически руководствуются в своей работе с указанным постановлением ЦК ВКП (б)».

В состав правления ССП вошли В. Зазубрин, В. Итин, Г. Кронгауз, Г. Пушкарев, К. Урманов, Н. Изонги (Новосибирск), Ис. Гольдберг (Иркутск), М. Никитин (Омск), А. Сенч (Барнаул), председателем правления ССП был единогласно избран В. Зазубрин.

После съезда к ССП потянулись новые литературные силы. В правление ССП приходили просьбы о принятии в члены ССП от отдельных писателей и целых литературных групп из Челябинска, Кургана, Петропавловска, Владивостока. Такие же заявления поступали от некоторых литераторов, когда-то начинавших в «Сибирских огнях», но по разным причинам покинувших Сибирь (А. Караваева, Р. Фраерман и др.). Через два года в десяти отделениях ССП на учете состояло 126 членов и вставал вопрос об объединении всех литераторов от Урала до Тихого океана. В конце 1927 года ССП вступил в Федерацию советских писателей (ФСП). С появлением ССП Новосибирск становился не только административной, но и литературной столицей сибирского края. Сам же Союз сибирских писателей в определенной степени явился предтечей будущего Союза писателей СССР, также созданного на общей идейно-художественной платформе.

Союз сибирских писателей быстро завоевывал литературный авторитет и влияние. Но это как раз и не давало спокойно спать некоторым его «оппонентам», претендовавшим на роль абсолютного литературного лидера в Сибири.

Претенденты на абсолютное литературное лидерство

И в первую очередь таким лидером видела себя **Ассоциация пролетарских писателей (АПП)**.

Первые кружки пролетарских писателей в различных городах Сибири возникли еще в начале 1920-х годов. Все они, как правило, были малочисленными, творчески беспо-

² Художественная литература в Сибири (1922 — 1927). — Новосибирск, 1927, с. 18.

мощными, не имевшими квалифицированного руководства и не удивительно, что с образованием ССП большинство из них прекратило самостоятельное существование.

Особую роль в развитии пролетарского литературного движения сыграл кружок молодых писателей, возникший в 1926 году при редакции новосибирской газеты «Молодая деревня». На его основе в 1927 году была образована группа ВАПП в Новосибирске (СибАПП). Ее возглавил некто С. Родов, прибывший в Сибирь из Москвы, где был исключен из правления ВАПП за групповщину и попытку превратить ассоциацию в «своеобразную литературную партию».

Не оставил он своих попыток и в Новосибирске. С. Родов оказался наиболее радикальным и яростным противником Сибирского союза писателей. Под руководством С. Родова местное отделение АПП сразу же повело себя враждебно по отношению к ССП и его органу «Сибирским огням». Без всяких на то оснований посыпались обвинения в замкнутости и академичности, невнимании к молодым литераторам и т. д. И если ССП призывал СибАПП к сотрудничеству, то С. Родову и его сторонникам необходим был раскол. Для этого они избрали путь систематической компрометации деятельности ССП и «Сибирских огней»: их успехи замалчивались, зато малейшие промахи раздувались до невероятных размеров. Вражда дошла до такой степени, что на состоявшемся в ноябре 1927 года собрании новосибирской группы АПП началась прямая политическая дискредитация ССП и журнала «Сибирские огни». С. Родов и А. Курс призвали собравшихся к «борьбе против литературной реакции» во главе с В. Зазубриным и выдвинули нелепый лозунг «взорвать академию сибирской словесности».³ Раскольническая деятельность С. Родова становилась все опаснее, поскольку начинала существенно тормозить развитие литературы в Сибири, и в конце 1927 года Сибкрайком отстранил его от литературного руководства.

Новое руководство новосибирской группы АПП, обсуждая план работы, постановило: «Изжить всякие литературные склоки и наладить совместную работу с Сибирским союзом писателей».⁴ И действительно, в феврале-марте новосибирская группа АПП и отделение ССП совместно провели в массовых аудиториях несколько литературных вечеров. А в конце апреля 1928 года в Новосибирске состоялось краевое совещание представителей АПП, главным итогом которого стало провозглашение Сибирской ассоциации пролетарских писателей как единой организации с центром в Новосибирске. С образованием СибАПП стало возможным создание в мае 1928 года Сибирского отделения Федерации объединений советских писателей (ФОСП), куда также вошел и ССП.

На некоторое время страсти улеглись, но затишье длилось недолго. Возмутителем спокойствия оказалась группа «Настоящее». Она возникла в Новосибирске в конце 1927 года под явным влиянием того же С. Родова и очень быстро стяжала себе скандальную славу. С января 1928 года эта группа стала издавать одноименный журнал. В группу «Настоящее» входило десятка полтора человек, которые называли себя «представителями пролетарской общественности, активно участвующими в борьбе на литературном фронте»⁵. Лидер этой группы А. Курс являлся одновременно редактором журнала «Настоящее» (с июня 1929 года и газеты «Советская Сибирь»), а также заведующим отделом печати Сибкрайкома ВКП(б). Будучи сподвижником и преемником С. Родова, он продолжал его линию.

³ «Настоящее», 1929, №5-7, с. 2.

⁴ ПАНУ, ф. 2, оп. 1, д. 3369, л. 619.

⁵ «Настоящее», 1929, №4, с. 27.

Основу взглядов «Настоящего» составляла теория «литературы факта», которую проповедовал ЛЕФ. «Настоященцы» считали, что художественной литературе необходимо непосредственное участие в решении «текущих боевых задач пролетариата», т. е. служить конкретным делам дня, а для этого она должна «пойти в жизнь и стать литературой факта». «Литература факта, — утверждали «лефовцы», а вслед за ними и «настоященцы», — не «создает» героев нашего времени, а берет их прямо из жизни вместе с их именем, отчеством, фамилией, точным адресом, местом работы». Такая литература «волевая, действенная», она «отказывается от выдумки», «оставляет психологию дворянам и буржуазии» и «познает жизнь методом точного наблюдения»⁶. Всю литературу «настоященцы» сводили к газетным жанрам (репортажу, фельетону, очерку, памфлету) и стремились доказать, что «противопоставление литературы журналистике реакционно»⁷. Великую русскую литературу они называли литературой «вранья» и считали вредной для пролетариата.

Критическая практика «настоященцев» вполне соответствовала их теоретическим воззрениям. Она отличалась грубым произволом, крайним субъективизмом оценок, стремлением к политической дискредитации писателей. На страницах своего журнала «настоященцы» учиняли разносы как писателям-сибирякам, так и всей советской литературе. Показательным в этом отношении был состоявшийся в декабре 1928 года в Новосибирске литературный диспут под красноречивым названием «Нужна ли нам художественная литература?» Выступая на нем от имени группы «Настоящее», А. Курс призывал развивать литературу факта и утверждал, что современная художественная литература оторвалась от жизни и «переживает болезнь: любовь к классикам, любовь к мертвецам»⁸.

Продолжая линию С. Родова, группа «Настоящее» также заняла откровенно враждебную позицию по отношению к ССП. А в апреле-мае 1928 года под лозунгом борьбы «с литературной реакцией в Сибири» она развернула кампанию против редколлегии «Сибирских огней». А. Курс назвал роман В. Зазубрина «Два мира» в одноименном фельетоне в «Советской Сибири» от 22 апреля 1928 года «кровавой колбасой», а в фельетоне «Кирпичом по скворешне»⁹ откровенно глумился над всей русской литературой. В газетной подборке под общим заголовком «Кому светят «Сибирские огни»¹⁰ «настоященцы» обвинили журнал в том, что он скатился на враждебные пролетариату позиции. В результате этой клеветнической кампании, в июне 1928 года Сибкрайком освободил В. Зазубрина от руководства ССП и «Сибирскими огнями» и полностью сменил редколлегию.

Жар литературных сражений между тем накалялся все больше. В бой, взяв себе в союзники «Настоящее», вступило руководство СибАПП. Оно не скрывало своей истинной цели. «Сибирские огни» должны стать органом СибАПП», — не раз заявляло оно и не прекращало попыток дискредитировать журнал любыми способами, одним из которых было навешивание политических ярлыков: «правооппортунистический», «кулацко-народнический», «реакционный» и т. д.

Да и «настоященцы» не успокоились. «Съев» Зазубрина, они принялись за других известных деятелей литературы и культуры. Вяч. Шишков и Вс. Иванов были объявлены кулацкими писателями. А. Луначарского они обвинили в правом уклоне. Досталось и А. Горькому, который сурово осудил «Настоящее», организовавшее, по его выражению, «гонение на художественную литературу». На оскорбительные выступления в адрес выдающегося пролетарского писателя ЦК ВКП(б) отреагировало 25 декабря 1929 года специальным постановлением «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького», которым положил конец разгулу «настоященцев». А. Курс был освобожден от всех должностей и исключен из партии. Журнал «Настоящее» в

⁶ «Настоящее», 1928, №11-12, с. 27.

⁷ «Настоящее», 1929, №2, с. 11.

⁸ «Настоящее», 1929, №2, с. 8-9.

⁹ «Советская Сибирь», 1928, 17 апреля.

¹⁰ Там же, 26 апреля.

январе 1930 года прекратил существование, а группа распалась. Большинство ее участников и авторов журнала впоследствии были репрессированы.

Конец литературной групповщины

Вскоре после ликвидации группы «Настоящее» Союз сибирских писателей и Сибирская ассоциация пролетарских писателей провели свои очередные съезды.

С 22 по 25 января 1930 года в Новосибирске проходил краевой съезд СибАПП. Он осудил левые перегибы, но в то же время потребовал «еще более решительно разоблачать и срывать маски с классового врага на литературном фронте» и порекомендовал содействовать «классовой дифференциации писателей». Отмечались и слабые творческие успехи. Краевой съезд СибАПП не оказал должного влияния на работу этой литературной организации, что объяснялось прежде всего творческой слабостью большинства входящих в ассоциацию писателей.

А 26 — 29 января 1930 года в Новосибирске прошел **II съезд ССП**. Основными докладчиками были А. Селивановский и В. Итин. На этом съезде ССП был реорганизован в Сибирское отделение Всероссийского союза советских писателей (ВССП) на правах автономного филиала.

Поворотным моментом в судьбе ССП, СибАПП и других литературных организаций Сибири и всей страны стало Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. «О перестройке литературно-художественных организаций», где говорилось об объединении «в единый Союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Все прежние литературные организации в центре и на местах в связи с этим распускались.

А через два года, в августе 1934-го на Первом Всесоюзном съезде писателей СССР будет официально объявлено о создании единого Союза Советских писателей. Сибирь на

Группа сибирских литераторов с А.М. Горьким на I Съезде Союза советских писателей

главном писательском форуме была представлена одним из самых крупных отрядов в советской литературе.

«В ногу с тревожным веком»

Разрушительная деятельность группы «Настоящее» и сомнительная политика руководства СибАПП, увлеченного групповой борьбой, на какое-то время затормозили, и довольно ощутимо, развитие литературы в Сибири, но остановить они его, конечно, были не в состоянии. Еще и потому во многом, что шла в это время полным ходом смена литературных поколений: появлялись все новые молодые талантливые поэты, прозаики, представители других жанров, воспитанные уже иной, советской действительностью и энергично создающие ее художественный образ. На образе этом, особенно в произведениях поэтических, лежала заметная печать революционного романтизма. В этом легко убедиться, обратившись к стихам молодых сибирских поэтов первых пятилеток.

Монолог «безусого энтузиаста»

Джек (настоящее имя Яков Моисеевич) Алтаузен (1907 — 1942) родился в пос. Бодайбо Якутской области, в семье старателя. Детство его прошло в Китае (Харбин, Шанхай). Зарабатывал на хлеб продажей газет. Устроившись пароходным кочегаром, вернулся в Россию. В Чите познакомился с И. Уткиным, который помог ему в 1922 году перебраться в Иркутск. Здесь Д. Алтаузен работал на лесосплаве, кожевенном заводе, учился, посещал литературный кружок (ИЛХО). В Иркутске вступил в комсомол.

Здесь же начался и его творческий путь. В 1923 году редакция иркутской газеты «Власть труда» отправила Д. Алтаузена на учебу в Москву.

В столице молодой поэт активно участвовал в литературной жизни, был членом группы «Перевал». В 1931 году, чтобы лучше узнать жизнь, пошел работать на московский завод «Красный пролетарий». Одновременно успевал проявлять себя и на поэтическом поприще. Его охотно публикуют журналы «Красные зори», «Кузнецы грядущего», «Красная новь», «Перевал», «Прожектор». В 1929 году выходит дебютная книга Д. Алтаузена «Безусый энтузиаст». За ней — «Первое поколение» (1933), «Комсомольские поэмы» (1934), «Ода молодости» (1935) и др.

Первое же крупное произведение Д. Алтаузена — поэма-монолог «Безусый энтузиаст» — вызвало бурный читательский отклик. Поэт сумел выразить настроения, типичные для значительной части молодежи 1920-х годов: с одной стороны, досада на то, что «опоздал родиться» и не участвовал в боях за революцию, а с другой — стремление быть достойным подвига тех, кто сражался за нее.

В дальнейшем образ молодого современника, комсомольца, строителя пятилетки, энтузиаста становится центральным в творчестве Д. Алтаузена. Тему революции он осмысливает как поэт-романтик. Революция и Гражданская война представляются ему как неповторимая и недостижимая в своем величии эпоха. Отсюда условность времени и места действия, своеобразная экзотика революции, некоторая отвлеченность образов и т. д.

И эту романтическую устремленность Д. Алтаузен пронес через всю жизнь, до срока оборвавшуюся в Великую Отечественную войну 1942 году бою под Харьковом.

«Шла к бессмертью наша молодежь...»

Иосиф Павлович Уткин (1903 — 1944) по духу был близок своему младшему поэтическому собрату Д. Алтаузену — он тоже шагал «в ногу с

тревожным веком».

И. Уткин родился на станции Хинган Китайско-Восточной железной дороги, в семье железнодорожного служащего. Детство прошло в Иркутске. Из высшеначального училища он был исключен за плохое поведение и «вольномыслие». С этих пор началась для него, говоря словами самого И. Уткина, «почти блатная биография» подростка-бродяги. Работал на кожзаводе, разнощиком газет, маркером в бильярдной...

Революция круто изменила его жизнь. В декабре 1919 года И. Уткин вступил в рабочую дружину и участвовал в восстании против колчаковцев, а в мае 1920-го отправился в числе комсомольцев-добровольцев на Дальневосточный фронт, где был командиром маршевых рот, походных ремонтных мастерских.

После окончания Гражданской войны И. Уткин работал репортером в иркутской газете «Власть труда», в губернском комитете комсомола. Активно участвовал в создании в Иркутске молодежной газеты.

В 1924 году по решению Иркутского губернского комитета партии И. Уткин был направлен в Москву на учебу в Коммунистический институт журналистики. Годом позже он становится заведующим литературного отдела только что организованной «Комсомольской правды». Стихи И. Уткин начал печатать в 1922 году, когда работал во «Власти труда». Публиковался затем в журналах «Красные зори», «Сибирские огни», «Сибирь» и др.

Поэтика ранних произведений И. Уткина (а наибольший успех в эту пору выпал на его поэму «Повесть о рыжем Мотыле», увидевшую свет в 1925 году) представляет собой сложный и весьма противоречивый сплав возвышенной романтики, героического пафоса, былинной образности, библейской мифологии и попыток реалистичного изображения человека на пороге новой жизни. Однако настоящие поэтические удачи ожидали И. Уткина тогда, когда он пытался с возможной глубиной постичь внутренний мир живого, реального человека. Прекрасным помощником в этом случае становился и собственный опыт И. Уткина участника Гражданской войны. Лирические произведения тогда обретали не только яркую эмоциональную окрашенность, но и подлинность «художественного документа» времени.

*Вот они стоят передо мною,
Юноши в семнадцать — двадцать лет,
Неприступной и живой стеною
Ныне воспеваемых побед.
Босые, нечесаны, небриты...
Но щетиной этих юных лиц
Были, как штыками, перерыты
Все обозначения границ.
Без сапог, в задрипанных обмотках,
Сквозь огромный азиатский дождь,
С песней, с матом, с кровью в сердце...
Вот как
Шла к бессмертью наша молодежь!*

«Я, — писал И. Уткин, — принадлежу к той счастливой части молодежи, которая делала революцию. Поэтому я говорю не о влиянии Октября на мое творчество, а о рождении моего творчества из Октября».

И его поэзия, в которой поэт в ярких песенно-народных образах запечатлел драматические, нередко и трагические перипетии Гражданской войны, приведенное выше высказывание подтверждают.

В годы Великой Отечественной войны И. Уткин служил сначала во фронтовой газете, потом военным корреспондентом Совинформбюро, газет «Правда», «Известия». И

продолжал писать стихи, в которых признавался в горячей любви к Родине, в духовной слитности с ней:

*А мы споем о Родине,
С которой столько связано.
С которой столько пройдено
Хорошего и разного!
Тяжелое — забудется,
Хорошее — останется.
Что с Родиною случится.
То и с народом станется...*

До победы И. Уткину дожить не удалось. Возвращаясь с фронта после одного из редакционных заданий, он трагически погиб в авиакатастрофе. Но безвременная смерть поэта не похоронила его поэзию. Многие стихи И. Уткина и сегодня читаются с немалым интересом и волнением.

Поэт жизнерадостного настроения

Одним из создателей литературного кружка молодых иркутских поэтов (ИЛХО) вместе с поэтами И. Уткиным, Д. Алтаузенем, М. Скуратовым и близким им по духу и романтическому восприятию жизни был И. Молчанов-Сибирский.

Родился **Иван Иванович Молчанов** (1903 — 1958), прибавивший впоследствии к своей фамилии литературный псевдоним «**Сибирский**», во Владивостоке, в семье военного моряка. В 1905 году семья переехала в Иркутск, где прошла вся остальная жизнь поэта. Работал он в иркутском железнодорожном депо помощником слесаря. Учился в железнодорожном техникуме. А в 1930-м окончил факультет советского строительства и права Иркутского государственного университета. Литературную деятельность начал в 1923 году. Публиковался в журналах «Красные зори», «Сибирь», «Сибирские огни». В Иркутске и Москве издал ряд поэтических книг. Впоследствии руководил Иркутской писательской организацией.

И. Молчанов-Сибирский писал для взрослых и детей. Но по преимуществу он — поэт-публицист. Все его поэтическое творчество проникнуто жизнерадостным настроением, оптимистическим гражданским пафосом, окрашено в светлые солнечные краски. В произведениях И. Молчанова-Сибирского нашли отражение комсомольская юность и решающие этапы социалистического строительства (индустриализация, коллективизация, освоение и преобразование Сибири), защита Родины от врагов, борьба за мир. Герои его произведений — дорогие сердцу поэта сибиряки — деятельные, пытливые, смелые, отважные люди разных профессий, разведчики природных богатств, строители, воины, ученые, врачи... Ко всему этому стихи И. Молчанова-Сибирского полны любви к сибирской природе.

Имя поэта носит иркутская областная библиотека и одна из улиц Иркутска.

Певец Заполярья

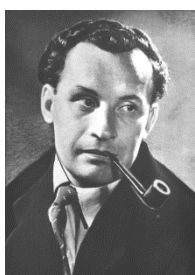
Оптимистическим мироощущением творца новой жизни отличались и стихи певца Заполярья **Игнатия Дмитриевича Рождественского** (1910 — 1969). Появился он на свет в Москве, в семье служащих, но семья сразу же переехала в Красноярск, где и осталась навсегда. Трудовую деятельность И. Рождественский начинал в экспедиции переселенческой партии. Участвовал в ликвидации неграмотности. Вел борьбу с кулачеством. В

1930-м уехал на Север (в Туруханск, потом в Игарку), где более десяти лет учительствовал.

Там, на Севере, началась литературная деятельность И. Рождественского. В первых поэтических книгах, созданных в Игарке и Туруханске, он сполна отдает дань северной романтике. Его стихи полны величавыми северными пейзажами и населены представителями романтических профессий: радистами, оленеводами, пилотами — и вообще людьми, осваивающими суровый край. Автор полон любви к своим героям. Он возвеличивает и поэтизирует энтузиазм «победителей снежных широт», со «стахановским упорством» преодолевающих трудности и не щадящих сил во имя Родины. Сама природа дивится их героизму.

Успешно развивал И. Рождественский в 1930-е годы и военно-патриотическую тему, прославляя доблестную службу советских моряков.

Романтика дальних дорог и жажда открытий

В годы первых советских пятилеток заявил о себе и известный сибирский поэт **Александр Иванович Смердов** (1910 — 1986).

По его собственному признанию, «ощущение и сознание своей неотрывной причастности к тому великому, всеобъемлющему, общенародному устремлению в будущее, что свершалось в стране», не покидало его даже в самых, казалось бы, личных стихах той поры. Что, в общем-то, и не удивительно, ибо рождению такого мироощущения способствовала и атмосфера вокруг, и сама беспокойная жизнь молодого поэта.

А. Смердов родился в поселке Теплая Гора Пермской области, в семье рабочего-металлурга. В голодном 1920 году умер отец, а в 1921-м в надежде на лучшую жизнь семья переезжает в Сибирь и живет в селе Каргат нынешней Новосибирской области. Среднюю школу Александр заканчивает в Новосибирске. После чего... снова попадает в деревню, но уже в качестве практиканта-землемера. В самый разгар коллективизации молодой землемер работает в Ачинском округе Красноярского края. Потом опять Новосибирск, строительство «Сибкомбайна» (будущий «Сибсельмаш»). Рабочий коллектив дает юноше комсомольскую путевку на учебу в Московский плановый институт. После четырех курсов А. Смердов перешел на газетную работу. Но и учебу продолжал. Правда, теперь уже в Литературном институте имени А.М. Горького, который позже окончил заочно.

Со стихами он дебютировал в 1930 году в журнале «Сибирские огни». Характерной чертой раннего А. Смердова стала романтика поиска, дальних дорог, жажда открытий. Не случайно и первую свою поэтическую книгу он назвал «Письма с дороги», а любимыми его героями долгое время были геологоразведчики, изыскатели новых трасс и стройплощадок, землепроходцы, труд которых поэт воспринимал как «повесть странствий» и «поэму походов».

Романтической устремленности как нельзя лучше соответствовало гордое сознание принадлежности к Сибири, необъятному вольному краю, где он, молодой поэт, пускает прочные корни и начинает ощущать себя полноценной личностью. Зародившийся в стихах раннего А. Смердова образ Сибири с ее необозримыми пространствами и перспективами пройдет через все творчество поэта, станет лейтмотивом многих и многих его произведений.

Могучий самобытный талант

К той же блистательной плеяде молодых поэтов, чье творческое созревание было тесно связано со становлением советского государства, относится и едва ли не самый выдающийся из них П. Васильев.

Павел Николаевич Васильев (1910 — 1937) родился в Прииртыше — поселке Зайан Восточно-Казахстанской области, в семье учителя. После окончания в Павлодаре средней школы П. Васильев отправился на Дальний Восток. Учился на факультете восточных языков в Дальневосточном университете (Владивосток), но образования не завершил. Выиграл «дух бродяжий», и с 1927 по 1929 год жизнь П. Васильева проходила, по его признанию, под «звездой скитальчества».

Он изъездил всю Сибирь, сменил немало занятий. Работал в 1928 году инструктором физкультуры в детском доме Новосибирска. Был старателем на реке Витим в Якутии, экспедитором на Зейских золотых приисках, каюром в тундре, культработником в поселке Сучан (Приморье). Плавал на пароходах и баржах по Оби, Енисею, Лене, ходил матросом-рулевым на каботажном судне...

Впечатления об этих скитаниях составили основу двух его очерковых книг — «В золотой разведке» (1930) и «Люди в тайге» (1931). Как поэт П. Васильев дебютировал в журнале «Сибирские огни» двумя стихотворными подборками в 1927 и 1928 годах. Публиковался здесь и позже.

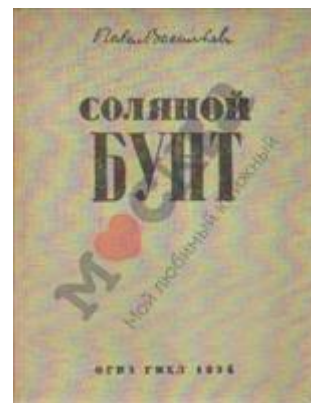
Осенью 1929 года П. Васильев приехал в Москву и поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. С этого времени постоянно жил в Москве, выезжая с творческими командировками в различные города СССР. В столице П. Васильев окончательно сформировался и как поэт. Его охотно публикуют московские журналы «Красная новь», «Новый мир», «Октябрь» и др. Однако из поэтического творчества при жизни П. Васильева отдельным изданием вышла только его поэма «Соляной бунт».

В 1932 году П. Васильев был арестован вместе с Л. Мартыновым, С. Марковым, Е. Забелиным и другими сибирскими литераторами по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке «Сибирская бригада». А в 1935-м после письма группы советских литераторов был осужден за «злостное хулиганство». Весной 1936 года его освободили, но в феврале 1937-го вновь арестовали, а в июле приговорили к смертной казни по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина, и расстреляли в Лефортовской тюрьме.

П. Васильев был человеком могучего, хотя и противоречивого таланта. Большинство его стихотворных произведений настолько своеобразны по рисунку и звучанию, что узнаются буквально по нескольким строчкам. Оригинальность васильевской поэзии связана с близостью к сибирскому народному слову и устному творчеству прииртышских казаков и казахов, которые поэт, выросший в многонациональном Прииртыше, впитал с детства. Стихи и поэмы П. Васильева пронизаны фольклорно-сказочными образами и мотивами. Отчетлив во многих его произведениях и романтический пафос разворачивающихся в стране социальных преобразований, одной из главных арен которых была в то время Сибирь. В конце 1920-х годов П. Васильев писал:

*Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?
Я уж давно и навсегда бродяга.
Но верю крепко — повернется жизнь,
И среди тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.*

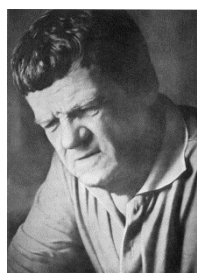
Поэзии П. Васильева свойственна большая эмоциональная энергия, оригинальная образность, контрасты, сложные ритмические рисунки. Глубокое влияние на него оказала поэзия Н. Гумилева, С. Есенина.

При всем этом П. Васильев — поэт прежде всего эпического склада, наиболее ярко раскрывшийся в десяти своих поэмах, отличающихся тематическим и жанровым разнообразием и новым поворотом художественной мысли. Лучшая из поэм — «Соляной бунт» (1933), рассказывающая о жестоком усмирении бунта киргизов, возмущенных каторжными условиями труда на соляном прииске, — стала крупным событием в литературе 1930-х и заставила говорить о П. Васильеве как о художнике огромного дарования и потенциала. Но П. Васильеву не суждено было до конца раскрыться и реализоваться. Лишь после посмертной реабилитации в 1950-х его стали издавать и переиздавать.

Его поэтическое Лукоморье

А вот еще к одному российскому стихотворцу той же плеяды, чье поэтическое рождение совпало с возникновением и первыми шагами советского государства, — Л. Мартынову, судьба была более благосклонна, позволив ему сполна проявить себя в слове.

Леонид Николаевич Мартынов (1905 — 1980) был удивительным поэтом! Обнаруживаясь каждый раз неожиданной гранью, и себе прежнему вроде бы противореча, он оставался цельным поэтическим существом, возводившим уникальное во всех отношениях литературное здание. Для лучших произведений Д. Мартынова характерна метафорическая сгущенность, причудливая образность и какая-то особенная художественная плотность.

При этом по своему внутреннему складу и характеру дарования Л. Мартынов был поэтом-исследователем, поэтом-ученым и философом. Его мало просто читать — надо еще и напряженно вникать в истинную суть им сказанного. Это не значило, что писал Л. Мартынов чересчур сложно или заумно. По свидетельству С. Маркова, «он брал обычно самые, что ни на есть прозаические слова, но сочетал их так, что они становились поэтической речью, только ему одному присущей»¹¹. А неуемная страсть Л. Мартынова к познанию вольно или невольно вела к мыслительной и интеллектуальной насыщенности стиха, которая становилась примечательной особенностью его поэтики.

Свое истинное поэтическое лицо Л. Мартынов обрел не сразу. В творческой его жизни было немало метаморфоз.

Ступив на поэтическую стезю, Л. Мартынов заявил поначалу о себе как футурист и романтик, что, в общем-то, не удивительно, если вспомнить некоторые факты его биографии.

Родился он в Омске, а детство провел на Транссибирской магистрали, в служебном вагоне отца — техника путей сообщения и гидротехника. Десятилетним мальчиком Л. Мартынов прочел стихи, которые во многом определили его будущее. То был В. Маяковский — футурист в «желтой кофте». А шестнадцатилетним подростком Л. Мартынов решил жить литературным трудом.

Поэтический дебют юного стихотворца состоялся в 1921 году в омском журнале «Искусство». В тех юношеских стихах начинающий футурист писал, что «пахнут землей и тулупами девушки наших дней».

Время было бурное, зовущее в дорогу, в неизведанные просторы, да и наследственность, наверное, сказала, поэтому 1920-е годы молодой поэт провел в странствиях. География их разнообразна. Сначала Л. Мартынов отправился в Москву с мечтой об образовании. Только вот какого — литературного или художественного (обладал он и несомненным дарованием живописца) — сразу решить не мог. Но вскоре неожиданно для себя оказался в Балхашской экспедиции Уводстроя. А дальше — пошло-поехало: Алтай, Барабинская степь, строящийся Турксиб, таежные урманы Прииртышья... И занятия самые разные и неожиданные: сборщик лекарственных трав, искатель археологических древностей,

¹¹ Марков С. В городе Сартламе. // Воспоминания о Леониде Мартынове. — М., 1989, с. 14.

пропагандист на агитсамолете, сельский книгоноша, рабочий гидротехнической экспедиции, журналист...

Писал в эти годы Л. Мартынов много и хаотично: корреспонденции, очерки и, конечно же, стихи, в которых на футуристических дрожжах поднималась его поэтическая опара. Но как непросто зрелый Л. Мартынов, так не однозначна и его ранняя поэзия. С одной стороны, плывущие высоко над городом романтически-фантастические корабли в стихотворении «Воздушные фрегаты», а с другой — реалистичное и конкретно точное — «сахар был сладок и соль солон» в зарисовке о портовых грузчиках. Но противоречие тут кажущееся. Разные по стилевой окраске стихи держатся, опять же, на глубоком и емком метафорическом подтексте, в котором находит отражение поэтический взгляд Л. Мартынова, характерный именно соединением фантастического и реального, сказочного и обыденного.

Особенность эта лучше и отчетливее всего, пожалуй, проявилась в разработке любимой им темы Лукоморья. В стихотворных рассказах Л. Мартынова о волшебной стране действительность перемешана с вымыслом, а реальные очертания жизни невозможно, как правило, отделить от прозрений и дерзких фантазий поэта.

Стихотворение «Лукоморье», написанное в 1937 году после таких его замечательных стихов, как «Река Тишина» и «Подсолнух» и ставшее началом одноименного цикла, в определенной мере можно считать в творчестве Л. Мартынова этапным. Как и «воздушные фрегаты», Лукоморье стало сквозным образом всей мартыновской поэзии.

Лукоморье Л. Мартынова тесно связано с другой яркой страницей его творчества — историческими поэмами («Правдивая история об Увенькае», «Искатель рая», «Домотканная Венера», «Тобольский летописец»), а так же тематически родственными прозаическими произведениями — «Повесть о Тобольском воеводстве» и «Крепость на Оми».

Столь крутая метаморфоза — из футуриста и романтика, певца современности в историка и эпика — может показаться неожиданной. Но лишь на первый взгляд, поскольку многое из того, что переполняло поэта, в форму малоформатных стихотворных жанров уже не укладывалось, да и сама атмосфера предвоенного десятилетия, все сильнее наполнявшаяся грозным электричеством, заставляла многих художников обращаться к героическому прошлому страны.

Чувство истории, также овладевшее и Л. Мартыновым, предельно обострилось, когда попал он на русский Север, где поэт, по собственному признанию, «особенно ощутил эту взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего»¹².

На Севере Л. Мартынов оказался не по своей воле. В 1932 году его арестовали по так называемому делу «сибирских поэтов». Вместе с П. Васильевым, Н. Ановым, Е. Забелиным, С. Марковым и Л. Черноморцевым он был обвинен в антисоветских настроениях и выслан. Несколько лет провел сначала в Ярославле, потом в Архангельске и Вологде. В конце 1935 года Л. Мартынов вернулся в Омск и взялся за цикл исторических поэм.

В этих больших, богатых выдумкой стихотворных повестях соединились прозорливость историка с прозрениями поэта. Л. Мартынов совершенно по-новому показал прошлое Сибири. Сибирь у него не только дикая безрадостная глухомань. Здесь живут смелые, честные и пытливые люди, в которых зреет дух бунтарства. Такие, например, как юноша-толмач Увенькай, офеня-лотошник Мартын Лоцилин, или доморощенный летописец ямщик Илья Черепанов, создающий правдивую летопись Сибири...

Л. Мартынов не стремится отображать крупные исторические события и личности. Не они сами по себе интересовали Л. Мартынова, а их истоки и психология простых людей — подлинных творцов истории.

В исторических поэмах Л. Мартынов проявился еще и как блестящий мастер стихотворного повествования, владеющий этим редким качеством с исключительной неприну-

¹² Л. Мартынов. Мой путь. // Воспоминания о Леониде Мартынове. — М., с. 7.

жденностью. Любопытно, что печатал он свои поэмы специально как прозу — от поля до поля, тем не менее, в этих длинных строках сразу же улавливался стихотворный размер.

Исторические поэмы Л. Мартынова стали крупным явлением в нашей литературе. Выплеснувшись в них как-то разом, взвихрившись одним мощным протуберанцем, Л. Мартынов к жанру этому после 1940 года, когда в Омске и Москве одна за другой вышли книги с его поэмами, не возвращался, чем очередной раз удивил критиков и почитателей своего таланта. И, как покажет будущее, — не в последний раз...

ЛЕТОПИСЦЫ БОЛЬШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Окончательное объединение мастеров слова после I Съезда писателей СССР серьезно сказалось на дальнейшем развитии как всей советской, так и сибирской литературы. Был положен конец изматывающей групповой борьбе, и писатели могли теперь активно и плодотворно заниматься творчеством. Правда, на единых для всех основаниях, заложенных с этой поры главным литературным регулятором страны Советов — соцреализмом. Этот «творческий метод» устанавливал жесткие идеологические параметры, расписывал правила игры писательского сообщества, чем, конечно же, весьма ощутимо ограничивал творческую свободу и возможности самовыражения каждого его индивидуума. Хотя, с другой стороны, за полтора десятилетия советской власти большинство деятелей литературы и искусства были к этому морально уже вполне готовы.

Да и соцреализм при всей своей политизированности и идеологизированности нацеливал мастеров слова прежде всего на отражение развернувшихся в стране в годы первых пятилеток грандиозных экономических и социальных преобразований, значительная часть которых находила свое воплощение в Сибири и на Дальнем Востоке. Здесь возводились гиганты индустрии, вырастали целые города, прокладывались новые железные дороги, на предприятиях ставились рекорды производительности.... А во след индустриализации шла не менее масштабная и впечатляющая (только куда более драматичная) коллективизация. Большие изменения происходили в культуре, национальном вопросе...

Социально-экономические подвижки такой силы и размаха не могли оставить равнодушными художников слова и мастеров искусств; они остро волновали творческих людей и внушали им чувство необычайного оптимизма.

Характеризуя основные тенденции развития литературы Сибири конца 20-х и в 30-е годы прошлого века, В. Итин в статье «Внимание качеству культуры» констатировал: «Тема превращения отсталой страны — в страну крупной индустрии, вооруженной самой передовой современной техникой, в страну крупнейшего в мире социалистического земледелия, превращения мелкого собственника в колхозника, кочевника, — в строителя социализма, малограмотного парня — в научного работника и т. п. — является и становится главной темой советской литературы в Сибири»¹.

Главная тема. «Разведка боем»

Эта «главная тема» разрабатывалась сибирскими писателями в разных жанрах. Ну а производили «разведку боем» специалисты оперативного отклика — публицисты и очеркисты. Их можно было увидеть на заводах и стройках пятилетки, в колхозах, на дальних стойбищах... Благодаря такой оперативности, смелости вторжения в различные области жизни, очерк стал ведущим жанром в первой половине 1930-х годов. Произошло это еще и потому, что очерк был художественной формой, которая наиболее адекватно отвечала духу новой действительности.

По своему характеру очерк тридцатых был в основном агитационным, воспитательным, просветительским (прекрасной иллюстрацией тому могут служить путевые очерки В. Итина), а не проблемным и аналитическим, каким станет в 1950 — 1960-х годах. Но таковы были общественно-политические потребности того времени, а в качестве одной из важнейших перед очерком и публицистикой 1920 — 1930-х годов, стояла задача живыми примерами из практики социалистического строительства вдохновлять массы на новые трудовые свершения. И в лучших сибирских документально-художественных произведе-

¹ Итин В. «Сибирские огни», 1934, №1, с. 196.

ниях тех лет воссоздан образ времени и эпохи, нарисована впечатляющая картина сотворения нового социального мира на огромных просторах Сибири.

Информационно-агитационная сущность очерка 1930-х имела, однако, и негативную сторону: она мешала изображению отдельного человека-созидателя. В центре обычно оказывался коллективный образ бригады, стройки, завода, колхоза и т. д. Люди очерчены пока скупой, лаконичной, деловитой манерой. А посвященные конкретно тому или иному человеку произведения были и вовсе крайне редки.

Одним из первых попытку более пристально взглянуть в отдельного человека, строящего социализм, предпринял Петр Стрижков (1903 — 1933) в очерковом цикле **«Рассказы о горном заводе»**.

Чертами очеркизма в 1920 — 1930-е годы были отмечены и другие литературные жанры. С другой стороны, в очерке нередко проходило первоначальную «обкатку» то, что впоследствии занимало достойное место в прозе, драматургии или поэзии. И примеров тому немало.

Взять М. Кравкова. Следствием его геологических экспедиций по Горной Шории стали сначала очерки, а потом и большой прозаический цикл **«Рассказы о золоте»**, в котором писатель увлекательно рассказал о людях, поднимающих разрушенную Гражданской войной золотодобывающую промышленность на юге Сибири. А вот роман А. Коптелова **«Светлая кровь»** (1931) целиком вышел из опубликованного им годом раньше очерка **«Дорога на Турксиб»**. Оба они — об освоении казахских степей и начале строительства Туркестано-Сибирской железной дороги.

Если вернуться к поэтам, то можно напомнить, что П. Васильев и Л. Мартынов начинали свой творческий путь именно с очерковой прозы. И каждому в этом жанре удалось сказать свое запоминающееся слово. Особенно Л. Мартынову, внесшему заметный вклад в развитие сибирского очерка. Мартыновский очерк — довольно сложное жанровое образование, включающее в себя и экспрессивную поэтическую образность, и жанровые сценки, и исторические и этнографические картинки, и конкретную информацию... Все это подчинено единой публицистической мысли, скреплено в органическое целое точной найденной интонацией.

Поэт А. Смердов с книгой **«В стране Темира»** тоже дебютировал в середине 1930-х как очеркист. С большой отдачей работали в очерковом жанре и маститые поэты. Не говоря уже о В. Итине, ставшем об эту пору настоящим локомотивом сибирской очеркистики, регулярно выступал с очерками и Г. Вяткин.

Ведущие позиции очерка в литературе Сибири середины 1930-х годов, однако, не являлись безусловным свидетельством того, что остальные жанры оставались в его тени. Как раз нет. Другие рода сибирских «литературных войск» тоже давали о себе знать. И чем дальше, тем уверенней. Как и в очерке, социалистические преобразования становятся основным объектом сибирских прозаиков.

А в связи с начавшейся в стране индустриализацией особое значение обретает производственная тематика. Ей посвящены многие произведения сибирских прозаиков. В романах **«Поэма о фарфоровой чашке»**, **«Главный штрек»** Ис. Гольдберга, **«Светлая кровь»** А. Коптелова, **«Борель»**, **«Шайтан-поле»**, **«Золото»** П. Петрова, в повестях **«Огнеупор»** Н. Чертовой, **«Трубоуклады»** Н. Кудрявцева, **«Стан»** М. Никитина и ряде других прозаических полотнах их авторами воссоздавалось живое ощущение бурной эпохи первых советских пятилеток с их небывалым размахом, энтузиазмом масс, социальным оптимизмом, высочайшим напряжением созидательного труда.

В «производственной» прозе 1930-х годов просматривается, пожалуй, наиболее глубокая связь с очерковой литературой, и прежде всего с такими ее жанровыми особенностями, как публицистичность, документальность, информационность, уход от жесткой композиции. При этом на второй план отходили аналитичность и психологизм, уступая место событиям и конфликтам, которые чаще имели не нравственный и даже не социаль-

ный, а классовый характер. Конечно, авторы «производственной» прозы старались не обходить вниманием психологию тех, чьими усилиями в борьбе со старым строился новый мир. Однако создание художественного образа «труда-битвы», «работы-сражения», кипучей трудовой массы удавалось им пока лучше внутреннего мира отдельного «бойца трудового фронта». Наверное, поэтому и настоящих художественных удач у тогдашних «производственников» было гораздо меньше, чем хотелось бы.

Примечателен с точки зрения углубленного внимания автора к психологии и внутреннему миру личности рабочего человека рассказ А. Мисюрёва «Четвертый горновой», с которым он дебютировал в 1934 году в журнале «Сибирские огни». Писатель показывает, как отношения товарищества, искреннего доверия пробивают себе дорогу в жизнь, как в результате напряженной борьбы человека с самим собой происходит коренная перестройка его внутреннего мира. В основе рассказа психологический конфликт. У бригадира доменной бригады Чубича вызывает неприязнь безразличное отношение к работе одного из рабочих — четвертого горнового Петра. Чубич пытается понять, что скрывается за таким отношением. И прослеживает с помощью автора жизненный путь бывшего беспризорника, познавшего ужас голодного и бесприютного скитальчества, безысходную тоску одиночества, звериный страх перед теми, кто сильнее его. И оказывается, что внимание Чубича — сильного, уверенного в себе, твердо стоящего на земле человека — пугает Петьку, привыкшего ждать о силы только худого. Пройдет еще немало времени, прежде чем Чубич откроет для себя «тайну» Петьки, а четвертый горновой не без помощи бригадира поймет, что сила — не только зло, что она может быть доброй.

Впрочем, А. Мисюрёв прославился и след свой в литературе оставил не этим рассказом...

Александр Александрович Мисюрёв (1909 — 1973) родился в Казани. Рано лишившись родителей, беспризорничал. В начале 1920-х годов он попал в Сибирь. Воспитывался в одном из детдомов Томска. Шестнадцатилетним юношей начал самостоятельную трудовую жизнь. Был рассыльным, разнорабочим, сверловщиком, служил в армии. Позже окончил Литературный институт им. А.М. Горького. С очерками и публицистикой выступал в новосибирских газетах и радио. А в 1934 году появился первый сборник рассказов А. Мисюрёва «**Четвертый горновой**».

От «производственной» прозы А. Мисюрёв в дальнейшем отошел, но рабочую тему не оставил. Только взялся осваивать ее в другом жанре.

В 1935 году редакцией «Сибирских огней» писатель был командирован на Рудный Алтай для поиска и сбора рабочего фольклора и старинных преданий. А. Мисюрёв активно включился в эту работу и много лет подряд ездил на Алтай. Результатом стали его знаменитые ныне сказы, составившие книги «Бергалы» (1937), «Легенды и были» (1938), о которых высоко отозвался крупнейший знаток сибирского фольклора М. Азадовский.

Позднее, помимо горнозаводского фольклора, А. Мисюрёв собирал легенды и сказы ямщиков Сибирского тракта, фольклор революции и Гражданской войны, что нашло отражение в его книгах «Предания и сказы Западной Сибири» (1954), «Сибирские сказы, предания и легенды» (1959) и др., прочно утвердивших за ним славу крупнейшего собирателя фольклора. И не только собирателя. Сказы и предания А. Мисюрёва — еще и очень самобытное художественное явление. Они превосходно передают суть и характер народа, сумевшего, несмотря ни на что, сохранить живую душу. В них раскрывается целый поэтический мир, разворачивается живописная мифология старинной сибирской мастерщины и ямщины. И совершенно справедливо произведения А. Мисюрёва встали в один ряд со сказами П. Бажова, Б. Шергина, С. Писахова.

Индустриализация, героика первых пятилеток, развернувшееся социалистическое строительство нашли отражение и в драматургии тех лет. Вслед за ведущими драматурга-

ми страны сибиряки стремились воплотить в пьесах главные проблемы времени. В 1930-е годы появляется целый ряд драматических произведений, где авторы пытались передать пафос создания нового общества. Широко освещалась тема индустриализации и в пьесах Г. Павлова «Мартын и Жонас» (1932), Г. Пушкарева «Машина инженера Шацкого» (1934) и др. Быт и нравы сибирской деревни периода коллективизации также находили свое отражение в сибирской драматургии.

Но авторам не хватало мастерства в передаче исторических сдвигов в жизни страны. Конфликты пьес обычно замыкались в производственной сфере, обнаруживалось неумение показать столкновение человеческих страстей и характеров. Пьесы сибирских авторов не сыграли сколь-нибудь заметной роли в развитии советской драматургии. Единственной по-настоящему видной фигурой этого жанра в Сибири тридцатых годов был П. Маляревский

Сибирская литература 1930-х годов имела преимущественно «производственное» лицо. Но поскольку социальная ломка вторглась и в прочно сложившийся уклад сибирской деревни, не могли обойти писатели и проблемы, связанные с развернувшейся коллективизацией.

Процесс установления новых социальных отношений на селе отражен в целом ряде произведений писателей-сибиряков: повестях А. Коптелова «Новые поля» и Г. Пушкарева «Земля кричит» (обе — 1929), романах И. Шухова «Горькая линия» (1931) и «Ненависть» (1934), В. Зазубрина «Горы» (1933), Ис. Гольдберга «Жизнь начинается сегодня» (1934) и др.

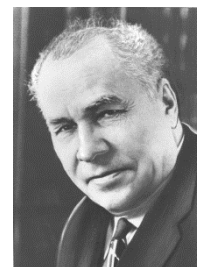
Ну а едва ли не первым, кто взялся за тему коллективизации в сибирской прозе, был Е. Пермитин со своим романом «Капкан» (1928), положившем начало большому эпическому циклу под общим названием «Горные орлы».

Ефим Николаевич Пермитин (1896 — 1971) родился в Усть-Каменогорске, в семье столяра-краснодеревщика. Работал в кондитерском заведении. Окончил учительскую семинарию. Был учителем в сельских школах. Участвовал в Первой мировой войне, в Гражданскую добровольно вступил в Красную Армию. Демобилизовавшись после разгрома колчаковцев, Е. Пермитин принял деятельное участие в ликвидации неграмотности, учительствовал, был профессиональным охотником. Все это впоследствии нашло яркое отражение в его книгах.

Любопытно, что рождение Пермитина-писателя тоже связано с охотничьим промыслом. В 1923 году он создает журнал «Охотник Алтая», переименованный позже в «Охотник и пушник Сибири», затем «Охотник и рыбак Сибири», который редактирует до 1931 года. Здесь были опубликованы и некоторые художественные вещи самого Е. Пермитина.

А первым крупным его произведением был роман «**Капкан**» (1930). Материал его — чисто сибирский. Действие происходит в таежных деревнях, среди кержаков-старообрядцев, вековой дремучий уклад которых входит в острое противоречие с новыми веяниями. Социальный конфликт в романе тесно переплетается с религиозно-нравственным. На пике обострения классовой борьбы кулаки-старообрядцы пытаются воскресить легенду о Беловодье — стране обетованной. Но при этом стремятся приспособить ее к своим целям. Для них Беловодье — это земля, где нет, и не может быть большевиков.

Один из героев «Капкана», старый охотников Агафон Евтеич, проживший честную трудовую жизнь, тоже ищет в легенде о Беловодье опору. Нравственную. Его желание уйти в леса вызвано искренней привязанностью к кержацкому укладу жизни, в который он врос корнями. Свои дни охотник заканчивает трагически: попадает в капкан, поставленный им самим на медведя. Охотничьим ножом он отсекает ступню, чтобы освободиться, но вскоре умирает от заражения крови. И финал этот, и название романа глубоко симво-

личны. В капкан цепкого старо-кержацкого бытия, по мысли автора, кулаки готовы были загнать все новое, что несла в сибирскую деревню революция.

Роман «**Когти**» (1931) стал своего рода продолжением «Капкана». В центре его — борьба за крестьянскую артель с теми, кто ее совершенно не приемлет (а «коммуния» не нужна прежде всего кулакам). В этой ожесточенной борьбе проявляются взгляды и позиции героев, находящихся на разных социальных полюсах, их характеры.

Произведения Е. Пермитина примечательны одной особенностью: своих любимых героев писатель как бы погружает в мир природы, что позволяет читателям лучше разглядеть и почувствовать неотделимость персонажей от таежного мира, впитанного ими с молоком матери.

Романы «Капкан» и «Когти» не касались всех сложностей коллективизации. Написанные по горячим следам событий, они были лишь подступами к одной из важнейших тем советской (в том числе и сибирской) литературы довоенного периода.

Преобразовательские процессы в сибирской деревне волновали Е. Пермитина на протяжении всей его творческой судьбы. Навязанные ими темы и сюжеты, типажи и характеры носили зачастую сквозной характер, переходя из одного произведения в другое. Хорошо это видно на примере эпопеи «Горные орлы», (в законченном виде увидела свет в 1951 году), куда отдельными, существенно переработанными частями вошли ранее изданные «Капкан», «Когти» «Враг», «Любовь».

С другой же стороны, с «Горными орлами» перекликается трилогия «Жизнь Алексея Рокотова» («Раннее утро», «Первая любовь», «Поэма о лесах»), удостоенная Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького (1970), рассказывающая о жизни и духовном становлении сельского интеллигента.

Многие страницы трилогии автобиографичны. Весьма подробно, в частности, прослеживается писательское становление самого Е. Пермитина, а так же воссоздана и выразительно передана литературная среда и атмосфера Новосибирска 1930-х годов.

В 1931 году Е. Пермитин переехал в Москву. Но в 1938-м по злому навету попал «в места не столь отдаленные» и до 1944 года провел в тюрьме и казахстанской ссылке, из которой его помог выволить М. Шолохов.

Расставшись в начале тридцатых с Сибирью и Алтаем, Е. Пермитин в душе и сердце никогда не порывал с ними. Они оставались его живительным жизненным истоком и неиссякаемым творческим источником, и писатель всем существом и помыслами рвался в объятия малой родины. А в 1954 году с началом целинной эпопеи, бросив все дела, Е. Пермитин с эшелонном первоцелинников отправился к степным алтайским просторам. Результатом этой поездки стала повесть о целинниках «Ручьи весенние» (1955).

И до последних дней своих Е. Пермитин не забывал Алтай. В письмах родственникам и землякам он каждый раз передавал «земной поклон родному Алтаюшке-батюшке», писал, что этому краю и его изумительным людям он посвятил все свое творчество.

Художник яркого и самобытного дарования, Е. Пермитин вписал запоминающуюся страницу в историю литературы Сибири.

Преданным сыном Алтая и его певцом был и поэт **Илья Андреевич Мухачёв** (1896 — 1958).

Родился он в Бийске, в семье лесоруба-плотогона. В литературу пришел довольно поздно: первый сборник стихов «Чуйский тракт» (1926) выпустил уже в тридцатилетнем возрасте. К этому времени за плечами поэта была уже большая жизненная школа. Работал лесорубом, землекопом,

плотником, печником, кожевником; прошел окопы Первой мировой войны, красноармейцем-добровольцем в составе Пятой Армии участвовал в разгроме белогвардейцев на Алтае.

Однако ранняя лирика И. Мухачёва довольно далека от фактов его собственной биографии. Во всяком случае, они почти не проявляются в его стихах. Поэтическое творчество И. Мухачёва этого периода пронизано мотивами трогательной сыновней близости к природе родного Алтая:

*С давних пор, как вешние цветы,
Полюбил Алтай я беззаветно.
Дорогая, полюби и ты
Этот край, таежный и рассветный.*

С природой у И. Мухачёва были связаны и поиски ответов на многие вопросы человеческого бытия. Отдав поначалу дань традиционной сибирской романтике бродяжничества, таежной экзотике, когда лирического героя тянет «пить медвежьей розовую кровь» и т. п., поэт со временем приходит к осмыслению глобальной лирико-философской темы — Человек и Природа.

В конце 1920-х годов вслед за некоторыми другими алтайскими литераторами (Е. Пермитиным, Г. Пушкаревым, А. Коптеловым, И. Ерошиным) И. Мухачёв переехал жить в Новосибирск, где сразу же влился в объединение «крестьянских» писателей.

Работает И. Мухачёв в тридцатые годы весьма успешно и плодотворно. Пишет много и далеко не только о природе. Как представитель беднейшего крестьянства, прошедший путь революционной борьбы, И. Мухачёв решительно поддержал линию партии на коллективизацию и даже выступил с трибуны Первого съезда сибирских колхозников (1934) с поэтическим призывом вступать в колхозы. Это стихотворное обращение, в печатном варианте называвшееся «Слово к единоличникам, беднякам и середнякам», широко использовалось в партийной пропаганде тех дней.

Первое свое крупное произведение И. Мухачёв тоже посвятил теме колхозного движения. В поэме с красноречивым названием «Путем коллектива» (1932) автор рассказал о жизни алтайской деревни на переходе от патриархально-собственнического уклада к коллективному хозяйствованию и образу жизни.

Мотивы преобразования родного края все уверенней звучат в поэзии И. Мухачёва 1930-х годов. Теперь уже и в стихах о природе человек выступает у него уже не как покорный сын ее, а как хозяин, властный преобразователь. Что вполне согласовывалось с наступательным пафосом первых советских пятилеток, когда знаменитое мичуринское «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача», — казалось аксиомой.

Алтайская тема стала «пожизненной» поэтической привязанностью И. Мухачёва. Она проходит через все его творчество, начиная от стихов «Чуйского тракта» и кончая самым крупным произведением поэта — «Повестью о Демжае-алтайце» (1939 — 1950).

В этом большом поэтическом повествовании в эпических картинах и образах запечатлен крутой революционный поворот в судьбе алтайского народа. Яркие и колоритные детали быта и нравов коренных жителей Горного Алтая, глубокое проникновение в их психологию и оригинальный, красочный фольклор сочетаются здесь с выразительными характеристиками героев, в которых поэт подчеркивает свобододолюбивый дух алтайцев и их жажду перемен.

В «Повести о Демжае-алтайце» отчетливей, чем в каком-либо другом произведении И. Мухачёва, показана тесная связь русского поэта с культурой и исторической судьбой маленького народа гор и тайги.

Начав певцом родной природы и «крестьянским» поэтом, И. Мухачёв в процессе творческой эволюции становится поэтом широкого социального диапазона и эпического

звучания. Но рядовому ценителю поэзии он и сегодня близок прежде всего своими прекрасными стихотворными пейзажами и задушевной теплой лирикой.

«Великое кочевье» сибирских аборигенов

С особой силой зазвучала в 1930-х годах традиционная для сибирской литературы национальная тема — жизни и судьбы коренных народностей. Вот только существенно изменилось ее содержание и характер. Мощная волна социальных преобразований, поднявшаяся в начале XX века, захватила все народы, населяющие Сибирь. Поэтому и старая тема, сместив традиционный вектор, обрела новое звучание. «Отныне главный идейно-художественный пафос произведений составляло не сострадание к угнетенным, а утверждение того нового, что дала Октябрьская революция коренным народам Сибири, описание тех социальных перемен, которые вели их к возрождению. Изображение «великого кочевья» сибирских народов к счастливому будущему стало на многие годы одной из магистральных линий развития русской литературы Сибири»². Редко кто из писателей-сибиряков в той или иной степени не отдал дань этой теме.

Творчество же М. Ошарова насквозь пронизано ею.

Михаил Иванович Ошаров (1894 — 1937) родился селе Лебяжье Минусинского уезда Енисейской губернии, в семье сибирского казака. Рано начал трудовую жизнь. Работал учеником столяра, молотобойцем, батраком. Окончил Канское реальное училище. После службы в царской армии и учебы в Народном университете им. Шанявского М. Ошаров вернулся в родные места. В 1919 году он принимал активное участие в освобождении Красноярска от колчаковцев, а затем до 1932 года работал инструктором потребкооперации на Енисейском Севере. Разъезды по сибирской тайге и тундре, умение завязывать дружеские контакты с местным населением сделали М. Ошарова большим знатоком эвенкской и

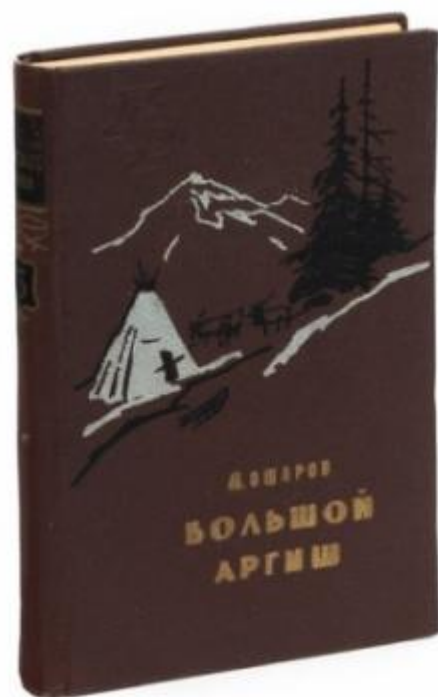

ненецкой культуры. Отсюда глубокая достоверность его произведений, посвященных людям и природе Сибирского Севера.

Первые рассказы М. Ошарова были напечатаны в 1925 году в журнале «Сибирь» (Новониколаевск). Публиковался в журналах «Охотник и пушник Сибири», «Сибирские огни», «Будущая Сибирь».

Самым крупным и известным произведением М. Ошарова, принесшим ему признание, стал роман «Большой аргиш».

Основу его составляет внешне незамысловатый рассказ о повседневной жизни нескольких эвенкских семей, объединившихся в одно кочевье. Писатель раскрывает мир забот и интересов, радостей и огорчений эвенков. Описывает их семейные отношения, национальные обычаи, игры, забавы, способы добычи средств к существованию и т. д. Роман плотно насыщен этнографическими подробностями, что придает ему особые правдивость и колорит. В «Большом аргише» писателю удалось передать особый внутренний ритм бытия эвенков, естественную целесообразность их существования, идущую от неразрывной связи с

² Очерки русской литературы Сибири. В 2-х томах. — Новосибирск, 1982, т. 2, с.242.

природой, но главное — показать характер и психологию человека национальной среды.

М. Ошаров изобразил маленький народ на пороге неизбежного распада его общинно-родового строя. Логика развития событий в романе такова, что понятие «большой аргиш» включает в себя и расставание его героев-кочевников со многими прежними иллюзиями, и их социальное прозрение, и стремление к иному существованию. Поэтому и «аргиш» здесь — не просто перегон оленей, обычная кочевка, а поиск новых путей в жизни.

«Большой аргиш» задумывался автором как трилогия («Звено могил», «Бали», «Сауд»). «Звено могил» была издана в Новосибирске отдельной книгой в 1928 году. В 1933 году М. Ошаров переехал на постоянное место жительства в Новосибирск, где завершил вторую часть — «Бали». Она была опубликована в «Сибирских огнях» в начале 1934-го и в том же году под названием «Большой аргиш» вышла в Новосибирске отдельным изданием и в дальнейшем многократно переиздавалась. В 1935 году первые две книги романа «Большой аргиш» были удостоены литературной премии Западно-Сибирского края им. А.М. Горького. А вот выхода последней части трилогии автору и читателям увидеть было не суждено...

М. Ошаров был не только писателем-прозаиком, но и этнографом, фольклористом, многие годы собиравшим устное творчество народов сибирского Севера. Одним из важных результатов этой работы стала вышедшая в 1935 году в Новосибирске книга «Северные сказки». В сборник М. Ошаров включил более сотни эвенкских, долганских, остяцких и юрацких сказок.

Собранного материала М. Ошарову хватило бы еще не на одну фольклорную книгу, но, как и в случае с трилогией, безжалостная и несправедливая судьба не оставила ему на это никаких шансов. В декабре 1937 года М. Ошаров по ложному доносу был арестован, обвинен в причастности к мифической «контрреволюционной кадетско-монархической организации» и через несколько дней расстрелян. Вместе с писателем в застенках погибло много фольклорных записей, а рукопись практически завершенной последней части трилогии бесследно исчезла.

Но поставить крест на всем творчестве М. Ошарова было уже невозможно. Оно стало заметной страницей советской литературы, посвященной национальной теме.

Полвека спустя после гибели писателя, предваряя очередное переиздание прозы М. Ошарова, критик Н. Яновский отмечал, что роман «Большой аргиш» не «единственное произведение на интернациональную тему, но первое в советское время крупное и значительное полотно о малых народностях Сибири»³.

Первое и, как окажется, далеко не последнее. К числу первопроходцев этой темы в советской литературе можно отнести и другого писателя-сибиряка — А. Коптелова, который практически одновременно с М. Ошаровым обнародовал свой «аргиш» — роман «Великое кочевье», который публиковался в 1934-35 годах в «Сибирских огнях» буквально вслед ошаровскому, но рассказывавшему о судьбе уже другого народа Сибири — алтайского.

Афанасий Лазаревич Коптелов (1903 — 1990) родился в селе Шатуново Томской губернии, в семье крестьян-староверов. Поскольку в школу родители не пускали, самостоятельно освоил грамоту. Порвав с семьей, он продолжил самообразование. Окончил курсы «красных учителей». Был книгоношей, занимался ликвидацией неграмотности, заведовал волостным земельным отделом, работал в уездном земельном управлении. В 1921 году А. Коптелов организовал и возглавил коммуну «Красный пахарь». Сотрудничал с алтайскими газе-

³ Яновский Н. Михаил Ошаров. // Ошаров М.И. Большой аргиш. (Литературные памятники Сибири) — Иркутск, 1989.

тами.

В 1924 году в журнале «Сибирская деревня» были опубликованы первые рассказы А. Коптелова, а с 1925-го он становится постоянным автором «Сибирских огней», с которыми будет тесно связан всю жизнь.

В творческом багаже А. Коптелова множество тематически и жанрово различных произведений — очерков, рассказов, повестей, романов. Но едва ли не самой его социально, идейно и художественно значимой вещью стал роман **«Великое кочевье»** (1935).

Произведение это не создавалось спонтанно, а было определенным этапом творческого существования А. Коптелова. Особый интерес к Горному Алтаю, его людям, природе, культуре, жизненному укладу и проблемам проявился у писателя рано. Он много путешествовал по горному краю, общался с его людьми, в том числе и с известными алтайскими художниками Г. Гуркиным и Н. Чевалковым, от которых много узнал и почерпнул, изучал литературу об Ойротии (исконное название Горного Алтая)... Так что к созданию «Великого кочевья» А. Коптелов шел долго, неторопливо и упорно. И начинал он эту тему с очерков и рассказов об аборигенах-алтайцах, на основе которых позже складывался роман.

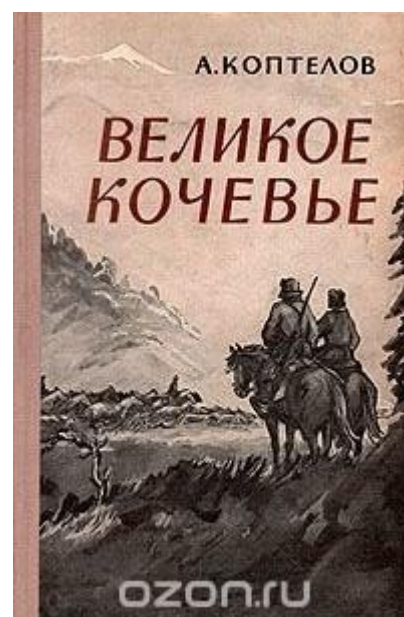
Очень символично его название. Оно, как и в романе М. Ошарова, четко очерчивает главную социальную задачу произведения — показать начавшиеся поистине «тектонические» подвижки векового общинно-родового уклада алтайцев. Но если эвенки М. Ошарова еще только в поиске новых путей и форм бытия, а «аргиш» главного героя Сауда под лозунгом «не топтать больше троп в сторону русских» (купцов-грабителей и колонизаторов — *А.Г.*) больше похож на бегство от трагической действительности, то в романе А. Коптелова путь этот уже совершенно очевиден. «Великое кочевье», о котором рассказывает автор, как раз и есть начавшийся на рубеже тридцатых годов переход алтайского народа от традиционного единоличного кочевья к оседлой жизни, к колхозу. «Теперь Алтай бедный человек последний раз кочует, — говорит один из персонажей и добавляет: — Великое кочевье».

Ощущение масштабности происходящих событий не в последнюю очередь возникает оттого, что автору романа удалось создать коллективный образ алтайского народа, кочующего в свой завтрашний день. Не случайно в романе так много массовых сцен: кочевки скотоводов, свадебный той, очень поэтичная картина народного гулянья айына, охотничьи сцены, эпизоды заготовки леса, народные собрания...

Но и отдельные персонажи, в первую очередь главный герой романа Бардой Токушев, не менее зримо и художественно убедительны.

«Великое кочевье» было отмечено в 1935 году литературной премией Западно-Сибирского края. Но известность романа вышла далеко за пределы Сибири. Как и «Большой аргиш», он признан одним из лучших произведений русской словесности XX века на национальную тему, вошел в «золотой фонд» советской литературы и стал неотъемлемой частью духовной культуры алтайского народа.

М. Ошаров и А. Коптелов были одними из пионеров темы сибирских аборигенов, расстающихся со своим прошлым и устремленным в будущее. Но имели они немало число литературных единомышленников и последователей. В том числе и среди писателей, которые разрабатывали эту тему еще до революции и коренным образом переосмысливали ее в 1930-х годах.

Так, Р. Фраерман в повести «Огневка» (1924) отразил участие представителей малых народностей Сибири в Гражданской войне. Дальнейшее развитие эта тема получила у него в повестях «Васька-гиляк» (1930) и «Афанасий Олешек» (1933).

Темой книги известного писателя В. Богораза-Тана «Воскресшее племя» (1935) стало, по определению автора, — «возрождение после революции самого несчастного из северных племен, забитого, разоренного, полуистребленного народа юкагиров»⁴.

Давний приверженец интернациональной темы Ис. Гольдберг в 1932 году написал один из лучших своих рассказов «Как Юхарца пошел по новым тропам», где создал образ бедняка-эвенка, ступившего на доселе неизведанную для него тропу борьбы за свободу и новую жизнь. Образ «новой тропы» проходит и через цикл рассказов Ис. Гольдберга в его книге «Простая жизнь»⁵.

Тема «великого кочевья» в творчестве русских писателей 1930-х годов предстает перед читателями в самых разных аспектах. Так, сюжетную основу романа Т. Семушкина «Чукотка» (1938) составил приезд на эту далекую окраину страны группы советских учителей и создание ими первой национальной школы. В составе этого педагогического «десанта» был и выпускник педагогического факультета Московского университета Тихон Захарович Семушкин (1900 — 1970).

Приняв участие еще в нескольких экспедициях на Чукотку, Т. Семушкин организовал здесь первую школу-интернат. Под руководством В. Богораза-Тана работал он и над созданием чукотской письменности. Занимался Т. Семушкин впоследствии в Наркомпроме вопросами культурного строительства на Крайнем Севере. Прожив бок о бок с чукотским народом без малого десять лет, Т. Семушкин накопил богатейший и уникальный материал для своей книги, над которой он работал практически все тридцатые годы, и главная цель которой состояла в художественном показе успехов социалистического строительства на Чукотке и проводимой здесь национальной политики советского государства.

О многообразии путей, которыми шли русские писатели в разработке национальной темы свидетельствовали и повести 1930-х годов Геннадия Самойловича Гора (1907 — 1981) «Ланжеро» (1937), «Неси меня, река» (1938), «Синее озеро» (1939), «Большие пихтовые леса» (1940). В отличие от других авторов национальной темы, обычно изображавших представителей малых народностей в своей среде и стихии, Г. Гор показывает их в отрыве от нее, но в атмосфере масштабного социалистического строительства и среди братского русского народа, что способствовало более успешной адаптации к новой жизни.

«Великое кочевье», совершали не только народы национальных окраин Сибири, отображенные в произведениях писателей тридцатых годов. В своем литературном «аргише», переходе от традиционных художественных форм постижения круто меняющейся действительности в поисках новых находилась и вся русская, в том числе, конечно, и сибирская литература. Соцреалистический путь, в принципе, был намечен, но куда точно он приведет и будет ли успешным — певцам первых советских пятилеток знать было не дано...

В тени, но не в забвении

Гигантское социально-экономическое строительство первых советских пятилеток с их индустриализацией и коллективизацией, «великое кочевье» к социалистическому будущему малых народностей Сибири отодвинули на задний план главную тему двадцатых годов — революции и Гражданской войны. Она осталась в тени, однако не исчезла, не потерялась. Героика Гражданской войны продолжала находить свое воплощение и в произ-

⁴ Тан [Богораз] В. Воскресшее племя. Роман. — М., 1935, с. 11.

⁵ Гольдберг Ис. Простая жизнь. Рассказы об эвенках. — М. — Иркутск, 1936.

ведениях писателей-сибиряков 1930-х годов. Правда, с годами тема эта все больше приобретает характер исторический.

Так, снова обращается к событиям Гражданской войны К. Урманов. Существенно доработав прежние и дополнив их новыми рассказами о колчаковщине, он издает сборники «Гневные годы» (1932) и «Гнев» (1934). А в конце тридцатых публикует цикл документальных очерков о легендарных партизанских командирах Западной Сибири Ефиме Мамонтове, Петре Сухове, Франце Суховерхове и др., который позже войдет в его книгу «Путь славных» (1948).

Тема революции и Гражданской войны нашла в 1930-е годы многогранное отображение и в разнообразном творчестве П. Петрова.

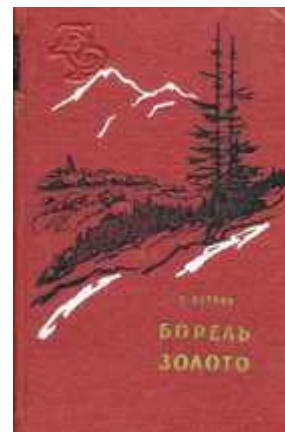
Писатель пишет своей биографией — говорил когда-то А. Фадеев, и эти слова целиком и полностью можно отнести к П. Петрову, собственная биография которого была поистине героической.

Петр Поликарпович Петров (1892 — 1941) родился в селе Перовское (ныне Партизанское) Канского уезда Енисейской губернии, в крестьянской семье. В 1915 году его призвали на военную службу, которую он проходил здесь же, в Канске до 1917 года сначала рядовым, потом писарем в полковой канцелярии.

В революционные годы П. Петров избирался в Канский совет народных депутатов, был делегатом двух Всесибирских съездов Советов. Он помогал в организации отрядов Красной Армии в Сибири и сам являлся активным участником многих драматических событий Гражданской войны. Был председателем Объединенного совета Степно-Баджейской и членом армейского совета Минусинской партизанских республик, заведовал агитационным отделом партизанской армии, редактировал в Минусинске газету «Соха и молот»... А после окончания в 1924 году Красноярского института народного образования П. Петров становится профессиональным писателем.

Героика борьбы за советскую власть и послереволюционные социально-экономические преобразования — в этих двух направлениях протекала творческая деятельность П. Петрова. Известность и литературное признание пришло к нему с романом «Борель», первая публикация которого состоялась в журнале «Сибирские огни» в 1928 — 1929 годах. А Горький относил эту книгу к числу лучших произведений, отражавших пафос социалистического строительства.

Освоение же темы революции и Гражданской войны П. Петров начинал с публицистических статей и очерков, в которых делился воспоминаниями о сибирских партизанах и тех событиях, что пережил лично. В 1926 году в «Сибирских огнях» (№6) появилось и первое художественное произведение П. Петрова — поэма «Партизаны». А в 1930-х он создает прозаический цикл, посвященный подвигам борцов за новую жизнь: повести «Саяны шумят» (1932), «Крутые перевалы» (1933), «Кровь на мостовых» (1935), «Памятная скала» (1936), роман «Половодье» (1936).

Произведения цикла имеют точную фактическую основу, отличаются реалистичной достоверностью в воссоздании событий, исторической конкретностью их изображения⁶. Все это становится у П. Петрова и особенностью писательской манеры, и его творческим кредо. П. Петров считал, что «трудно дать хорошую вещь без личного наблюдения, что автор «может и должен писать только о том, что созрело в его сознании, что внутренне он вырастил, о чем счел необходимым сказать»⁷.

⁶ Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 209.

⁷ Петров П. Беглые заметки. // «Будущая Сибирь», 1933, №5, с. 54.

Любопытно, что открывающая цикл повесть «**Саяны шумят**», описывающая зарождение и развитие партизанского движения в Красноярском крае (и прежде всего доподлинно воспроизводящая картины знаменитого Саянского похода армии А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина), задумывалась как детская книга. И это было первое в советской литературе произведение, где борьба сибирских партизан против белогвардейцев показана через восприятие подростков, являющихся очевидцами и участниками происходящего в повествовании. Несмотря на ориентацию на детскую аудиторию, повесть «Саяны шумят» вызвала огромный интерес у читателей разных возрастов. Она выдержала девять изданий, о ней высоко отозвался А. Горький.

Действие повести «**Кровь на мостовых**» происходит сразу после Октябрьской революции, в декабре 1917 года в Иркутске. Старинный купеческий город встревожен происходящими в столицах событиями. В центре повести — уже традиционная для советской литературы борьба «двух миров». Ее здесь олицетворяют братья Потылицины, находящиеся по разные стороны баррикад. Один, Николай, ищет свое место в революции и становится ее верным защитником. Другой, Ганька, мечтает об офицерском чине, убежденный, что офицеры нужны любой власти. Их жизненные пути расходятся, но скорее по социально-этическим причинам, нежели политическим. И если Николай во имя высоких идеалов готов служить революции честно и бескомпромиссно, то брат его стремится использовать горячие события в своих корыстных целях.

Повесть «**Крутые перевалы**» сюжетно связана с предыдущей, как бы продолжает ее. Проходит несколько лет после декабрьских событий 1917 года. И автор подводит своеобразный исторический итог идейному и нравственному спору братьев Потылициных. Николай внутренне окончательно определился, стал командиром прославленного партизанского отряда. А Ганьку постигло справедливое возмездие: за свои кровавые деяния он был уничтожен разъяренными партизанами.

Фактически те же, что и в повести «Кровь на мостовых», события легли в основу романа-хроники «**Половодье**». Произведение это, по существу, мемуарно-биографическое. В нем показана деятельность Центросибири, в состав которой входил когда-то и сам автор романа, яростная борьба белых с красными, отстаивавшими занятый ими после революции губернаторский дворец, вошедший потом в историю как символ начала Гражданской войны в Сибири. Автор подробно рассказывает о тех революционных событиях, осмысливает успехи и неудачи советской власти в Сибири. Значительное внимание писатель уделяет развитию характеров и психологии людей, творящих историю. Сами же факты революционной истории в Сибири воспринимаются героями романа как «половодье» чувств и переживаний, что, в свою очередь, помогает и читателям лучше ощутить особенность того сложного, неоднозначного времени.

В произведениях П. Петрова о Гражданской войне очень большую роль играет личность автора, который выступает и в качестве незримого, но полноправного героя, и комментатора, осмысливающего исторические события, и эмоционального свидетеля изображаемых событий, которого вновь и вновь возвращает к тем героическим дням память сердца.

Как вновь возвращает она писателя в повести «**Памятная скала**», завершающей цикл, к тому легендарному переходу партизан через саянскую тайгу, о котором П. Петров уже писал в повести «Саяны шумят». Но теперь уже знакомые читателю события осмысливаются автором в несколько ином ракурсе, с расширением исторического диапазона и углублением авторского видения минувших событий, а так же более высоким уровнем обобщения.

«Партизанские» произведения П. Петрова стали заметной страницей сибирской (и всей советской) литературы о Гражданской войне.

Вместе с тем, творчество П. Петрова далеко не ограничивалось только одной этой, пусть и чрезвычайно важной для него темой. Он много писал о начале социалистического строительства в Сибири, раскрывая сложность социальных и психологических конфликтов, которые рождали трудности переходного времени, когда эпоха и люди находились на «крутом переломе». Творчество П. Петрова жанрово и тематически вообще было очень разнообразно.

Но при всем этом его исследователи отмечали «удивительную цельность писательского восприятия жизни, тяготение его к героическому в произведениях не только о Гражданской войне, но и современности, о том самом времени, когда успехи первых пятилеток воспринимались как итоги победы в революции и Гражданской войне»⁸.

Писателем и общественным деятелем П. Петровым было много сделано в обеих этих ипостасях. Но многое из задуманного завершить не удалось. Как и сполна реализоваться. По очень распространенной во второй половине 1930-х годов причине, калечившей судьбы и уносящей жизни многих талантливых людей. В 1937 году П. Петров по обвинению в контрреволюционной деятельности был арестован и в октябре 1941 года скончался в одном из лагерей на Колыме. Зловещая традиция той эпохи, когда недавние герои борьбы за советскую власть заканчивали свой жизненный путь ее «врагами» продолжилась.

Но заметный след в истории становления сибирской советской литературы Петр Поликарпович Петров творчеством своим оставил...

Литературная жизнь Сибири в 1930-х годах

Была она весьма насыщенной, активной и вполне соответствовала развернувшемуся на территории края социально-экономическим преобразованиям. Ушла в прошлое групповая литературная борьба, творчество советских писателей развивалось теперь на общей идейной платформе, в русле единого художественного метода. Это не значило, что у мастеров слова не осталось никаких проблем и текущих задач. Но теперь они в основном стали частью повседневной работы по обеспечению необходимых условий для дальнейшего развития и движения литературного процесса.

После выхода апрельского постановления ЦК ВКП(б) 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» в крупнейших городах Сибири состоялись мероприятия, на которых были подняты вопросы дальнейшего существования сибирской литературы, в том числе и организационные⁹.

В июне 1934 года в Новосибирске прошел **Съезд писателей Западно-Сибирского края**. В выступлениях В. Итина, А. Коптелова, А. Высоцкого и др. были проанализированы разные стороны деятельности сибирских писателей. Съезд также отметил, что литературная групповщина разгромлена и ликвидирована, что к всесоюзному писательскому форуму литераторы Западной Сибири подходят единым сплоченным отрядом.

Несколько позже такого же рода литературный «сбор» под названием **«Первая Восточно-Сибирская краевая конференция советских писателей»** прошел в феврале 1935 года в Иркутске. Открывал конференцию М. Басов. Состоялся заинтересованный обмен мнениями по проблемам литературного творчества. На конференции было избрано Правление Союза писателей Восточной Сибири под председательством М. Басова. Конференция эта положила начало Иркутской писательской организации.

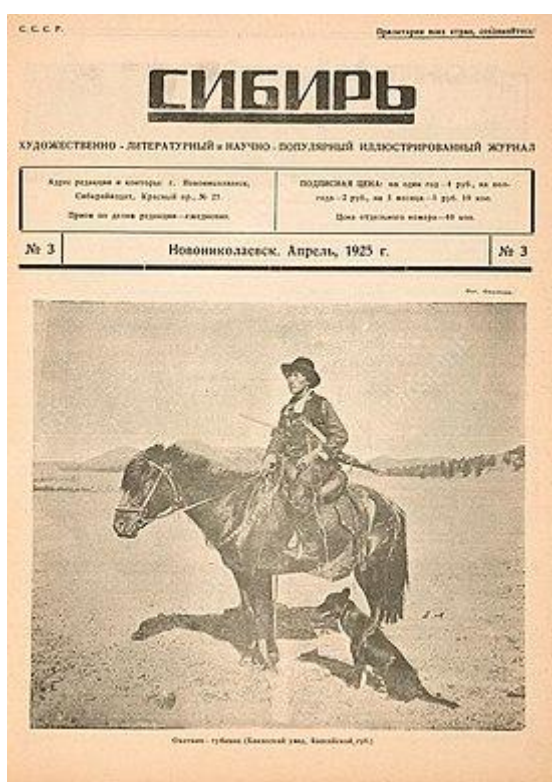
А в мае 1936 года в Новосибирске состоялась **Краевая литературная конференция**, созданная по инициативе первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. Эйхе. Почти все выступавшие на ней отмечали огромный интерес читателей к художест-

⁸ Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 215.

⁹ Сибирский край к этому времени был разделен на два: Западно-Сибирский с центром в Новосибирске и Восточно-Сибирский с центром в Иркутске.

венной литературе и отставание писателей Западной Сибири от высоких идейно-художественных требований, предъявляемых советской литературе. Особенностью конференции было то, что участвовали в ней не только люди пишущие. Из трехсот присутствовавших делегатов профессиональных писателей набиралось не более двух десятков. Конференция была широко представлена различными социальными группами. Были и рабочие, и колхозники, и политработники, и библиотекари, и журналисты, и актеры, и художники, и военные. В работе конференции в качестве гостей принимали участие писатели из Москвы, Украины, Грузии.

Эти весьма представительные литературные форумы (да и не только они) проходили под крылом и бдительным партийным оком. Не всем писателям такая «опека» была по душе. Еще в 1928 году в Новосибирске по инициативе Н. Анова возникла в противовес группе «Настоящее» литературная группа «**Памир**». Ее ядро составили Н. Анов, Л. Мартынов, И. Ерошин, С. Марков. Главной задачей была борьба с засильем «партийного руководства литературной Сибирью» (Н. Анов). Название группе предложил Л. Мартынов, видевший в «крыше мира» перевал на пути развития Сибири на Восток.

Поскольку многие члены группы к 1929 году перебрались на место жительства в Москву, свою деятельность группа продолжила уже в столице. Группа сразу же подверглась нападкам руководством РАППа за областнические тенденции. В 1929 году политическая обстановка в стране в связи с коллективизацией обострилась и, опасаясь официального преследования, группа самораспустилась.

Однако осенью 1930-го все московские сибиряки снова собрались, чтобы организовать новую группу, которую решили назвать «Сибирская бригада». В центре ее политической программы стоял теперь вопрос о судьбе русского крестьянства после коллективизации.

А в марте 1932 года начались аресты по делу «Сибирской бригады». ОГПУ квалифицировала группу как нелегальную контрреволюционную и антисоветскую организацию, которая «ставила своей задачей широкую антисоветскую агитацию... через художественные литературные произведения, обработку и антисоветское

воспитание молодежи из враждебных соцслоев». Меру ответственности членам группы определили разную. Меньше других повезло Н. Анову, Л. Мартынову, С. Маркову и Е. Забелину, которых выслали на три года в Архангельскую область.

В творческой жизни каждого писателя ключевым моментом становится факт обнаружения созданного им произведения, выхода его к читателю. Поэтому так важно наличие площадок, на которых это может произойти. А их на огромных просторах Сибири всегда явно (порой просто катастрофически) не хватало. В первые советские десятилетия — тоже. Так что «Сибирские огни» часто и подолгу оставались для сибирских писателей единственным пристанищем.

Появлялись, конечно, и другие периодические издания, но были они чаще всего недолговечными. Вспомним некоторые из них.

В сентябре 1925-го в Новониколаевске вышел первый номер двухнедельного литературно-художественного иллюстрированного журнала (по типу «Огонька») «**Сибирь**». Рассчитан он был на массового читателя и был первым изданием такого рода в Сибири.

Здесь публиковались практически все известные сибирские литераторы тех лет: Вяч. Шишков, Г. Вяткин, А. Сорокин, В. Итин, Ис. Гольдберг, К. Урманов, Л. Мартынов, И. Уткин и др. Журнал пользовался большой популярностью. Но, переданный через год своего существования из «Сибкрайиздата» в партийное издательство «Советская Сибирь», он стал испытывать значительные затруднения в выпуске, и в марте 1926 года был закрыт.

Несколько дольше продержался появившийся в Новосибирске в феврале 1928 года журнал для детей и юношества «Товарищ» (первый его номер вышел под заголовком «Сибирский детский журнал»). В декабре 1931 года журнал, лишенный материальной поддержки, также прекратил существование.

Но в том же, 1931-м, в Иркутске стал выходить журнал под названием «Будущая Сибирь». Его основателем и бессменным главным редактором был опять же неутомимый М. Басов. Новый журнал горячо поддержал А. Горький, писавший М. Басову, что «это совершенно необходимое и своевременное дело». Главное направление деятельности журнала сформулировано в предисловии к его первому номеру: «...помогать работе, раскрывающей перспективы будущего, дающей возможность культурно-политического роста и совершенствования». А свою цель редакция видела в том, чтобы «организовать читателя... на включение в дело стройки социалистической Сибири» и щедро отдавала журнальные страницы для всестороннего освещения современности. При этом журнал настойчиво стремился к объединению лучших литературных и культурных сил Восточной Сибири. В нем были широко представлены авторы из Иркутска, Читы, Бурятии, Красноярска, других сибирских регионов. «Будущая Сибирь» стала стартовой площадкой для целого ряда впоследствии известных авторов: К. Седых, М. Ошарова, И. Рождественского... В 1935 году журнал переименовали в «Новую Сибирь», но к началу 1936-го он прекратил существование, успев сыграть значительную роль в развитии литературного движения Восточной Сибири.

Впрочем, в 1920 — 1930-х годах сибирские писатели имели возможность обнародовать свои произведения не только в изданиях художественных. Литературные разделы были и в ряде отраслевых журналов — таких, например, как «Просвещение Сибири», «Охотник и пушник Сибири», «Красная Сибирячка» и др.»

Но пульс литературной жизни Сибири бился не только на журнальных страницах.

В 1928 году выходило литературное приложение к «Советской Сибири» «Неделя», где публиковались очерки, стихи, рецензии на новые книги. Преемницей приложения стала «Литературная страница», достаточно регулярно появлявшаяся в краевой газете. Имели свои литературные разделы и многие другие сибирские газеты.

В сентябре 1933 года в Новосибирске вышли из печати первые номера еженедельника «Литературная Сибирь». Это был орган Западно-Сибирского оргкомитета Союза советских писателей, оперативно откликавшийся как на литературные события своего края, так и всей страны, видя в качестве одной из главных задач создание «массового литературного движения в Сибири». Просуществовал еженедельник, сделав свое дело, связанное с образованием ССП, до мая 1934 года.

Одновременно периодические издания того же назначения выходили и в Омске. В 1932 — 1934 годах Омское оргбюро по подготовке к I съезду советских писателей выпустило несколько номеров газеты «Призыв» и «Омской литературной газеты». Обе достаточно полно отражали литературную жизнь Омска тех лет и содержали большой материал о деятельности омской писательской группы в период подготовки к всесоюзному писательскому форуму. Оба издания серьезное внимание уделяли вопросам литературной учебы и профессионального мастерства.

А в конце 1930-х у омских писателей появилось собственное литературно-художественное издание — «Омский альманах». Первые два его выпуска вышли в 1939 и 1940 годах. Альманах предоставлял свои страницы представителям разных жанров.

Публиковались здесь Л. Мартынов, С. Марков, П. Драверт, С. Залыгин и другие впоследствии хорошо известные авторы.

Оглядываясь в прошлое, на первые десятилетия существования литературы советской Сибири, нельзя не отметить и ту весомую роль, какую сыграл в ее жизни Сибкрайиздат.

Сибирское краевое издательство (1924 — 1930) — единственное тогда на сибирских просторах издательско-книготорговое объединение — было правопреемником Сибгосиздата. Его деятельность позволила значительно улучшить положение книжного дела в Сибири. Совокупный тираж книг издательства к 1930 году увеличился вдвое и достиг более полумиллиона экземпляров. Сибкрайиздат специализировался преимущественно на книжной продукции универсального содержания, но выпускал и ряд журналов, включая «Сибирские огни».

Немало в Сибкрайиздате выходило и художественной литературы. Здесь увидело свет несколько десятков книг сибирских авторов: сборники стихов И. Ерошина, Г. Вяткина, В. Итина и др., прозаические книги Л. Сейфуллиной, К. Урманова, П. Петрова и др. Наиболее крупным и значительным издательским проектом Сибкрайиздата стала Сибирская советская энциклопедия.

Работу Сибкрайиздата невозможно себе представить без его виднейшего деятеля — М. Басова, который на посту председателя правления объединения проявил себя прекрасным организатором, прозорливым экономистом, настоящим знатоком книжного дела. Под руководством М. Басова Сибкрайиздат смело смотрел в будущее. Но очередные социально-экономические перемены в стране по-своему распорядились судьбой крупнейшего за Уралом издательства.

Рыночная экономика нэпа сворачивалась, решительно вытеснялась социалистической плановой. Произошли перемены и в территориально-административном делении. Постановлением ВЦИК 30 июля 1930 года Сибирский край был разделен на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. В тот же день Сибкрайиздат был ликвидирован, а на его основе осенью того же года создали Западно-Сибирское (Новосибирск) и Восточно-Сибирское (Иркутск) краевые отделения Объединения государственных издательств РСФСР (ОГИЗа). Восточно-Сибирское отделение возглавил М. Басов.

Хорошим творческим и материальным стимулом для сибирских писателей были местные литературные премии. Западносибирский крайисполком, например, в 1933 году учредил сразу две: ежегодную краевую литературную премию имени **А.М. Горького** и премию имени рано ушедшего из жизни яркого талантливый очеркиста **П.Н. Стрижкова**, которой отмечались лучшие произведения, посвященные индустриализации или коллективизации края.

Обе премии присуждались дважды (в 1934 и 1935 годах), пока Западно-Сибирский край не разделили на отдельные области. Лауреатами их становились представители разных жанров: прозаики, поэты, очеркисты.

* * *

1930-е годы, особенно их вторая половина, были для советских писателей не только временем сплочения и большого творческого подъема, но и многих тяжелых непоправимых утрат. Страна вступала в черную полосу репрессий, которые больно ударили по всему обществу, включая, конечно, и литературу.

Значительный урон понесли и сибирские писатели, не досчитавшиеся в своих рядах к концу тридцатых многих талантливых собратьев. В. Зазубрин и М. Басов, В. Правдухин и Г. Вяткин, М. Кравков и В. Итин, А. Ансон и П. Васильев, П. Петров и Я. Озолин... А страна тем временем стояла на пороге еще больших испытаний...

ШТЫКОМ И ПЕРОМ

Великая Отечественная война — особая страница в русской словесности. Эти пропахшие порохом, густо пропитанные кровью годы отозвались в литературе нашей долгим-долгим эхом. Свое весомое, выстраданное, талантливое слово о страшнейшей и жесточайшей из всех войн сумели сказать и сибирские писатели.

Уже на второй день войны, 23 июня 1941 года, в обращении, напечатанном в газете «Советская Сибирь», они заявили: «Будем бить врага и штыком и пером». Что и делали подчас в самом буквальном смысле. И прежде всего — писатели-фронтовики, воевавшие в составе сибирских дивизий. Многие пали смертью храбрых. Их героическая судьба впоследствии нашла свое отражение в памятниках и мемориальных досках, названиях улиц, библиотек, школ и даже становилась основой художественных произведений.

Венок героям

«Начало песни, звучавшей слишком недолго...»

Едва ли не раньше всех из сибирских литераторов в первые же дни войны ушел добровольцем на фронт новосибирский поэт и прозаик **Евгений Николаевич Березницкий**. (1909 — 1941).

Родился он в Киеве, в семье врача. В 1911 году его семья переехала в Томск. В 1928-м после окончания школы Евгений уехал сначала в Новосибирск, потом в Кузбасс. На возведении Кемеровского металлургического комбината рабочим-строителем Е. Березницкий начинал свой трудовой путь. В 1929 — 1930 годах он работал в геологоразведочной партии Приполярной экспедиции. Некоторое время учился в Томском геологоразведочном техникуме, но в связи с тяжелой болезнью матери вынужден был оставить учебное заведение. В 1933 — 1935 годы Е. Березницкий сначала литературный сотрудник газеты «Борьба за уголь» в Анжеро-Судженске, потом — новосибирской газеты «Большевистский натиск». А с 1935-го и все предвоенные годы он работает в газетах «Советская Сибирь» и «Кузбасс».

В марте 1929 года в журнале «Сибирские огни» появляется первое стихотворение Е. Березницкого «Будни» о труде строителей. С этого времени его произведения печатаются в газетах Новосибирска и Кузбасса, в «Сибирских огнях». Выходят книги для детей. А в 1940 году в Новосибирске был издан единственный прижизненный лирический сборник Е. Березницкого «На Оби». Помимо собственного творчества, занимался он еще и переводами горно-алтайского фольклора.

Так что отправлялся на фронт 25 июня 1941 года Е. Березницкий уже вполне сложившимся литератором.

О его стихах предвоенной поры Е. Стюарт писала:

«Все в творчестве Евгения Березницкого наполнено глубокой и взволнованной любовью к жизни. С каким-то радостным удивлением он следил и за первым ростком весны, и за ростками того нового, что все более властно пробивалось в жизнь, за любовью, зреющей в душе человека, и за детской веселой игрой... Безгранично любя родную сибирскую природу, он, охотник и поэт, писал о ней с зоркостью и тонкостью настоящего художника. Солнце словно не уходило из его стихов, наполненных живой страстью большо-

го горячего сердца. Мир предстал в его стихах как бы увиденный впервые, — такой свежестью дышали строки, написанные поэтом...»¹.

А вот стихов непосредственно войне у Е. Березницкого осталось очень мало. Не в последнюю очередь потому, что с самого начала войны и до последних дней поэт находился на передовой рядовым бойцом в тяжелейших боях. В тех же стихотворениях, которые успел написать он во время коротких передышек, слышна жгучая ненависть к врагу и жажда священной мести за поругание родной земли:

*За каждый колос опавший
С твоих, отчизна, полей,
За каждый волос упавший
С головок наших детей,
За стон от боли жестокой,
Слетающий с братских губ,
Оплатим мы око за око,
Оплатим мы зуб за зуб...*

Насколько властно вошла война в поэтическое сознание Е. Березницкого, говорит одно из его писем, датированное 22 сентября 1941 года, в котором он, в частности, пишет: «Нельзя рассказать и малую долю виденного и пережитого мною за эти месяцы. Я видел потрясающие ненаписанные книги. Очень хочется работать, работать много...»

Зародившиеся в душе «потрясающие книги» так и остались ненаписанными. Через неделю с небольшим поэта не станет: в первых числах октября 1941 года в бою под Ельней он погибнет... И, как скажет та же Е. Стюарт, «все созданное Евгением Березницким» останется «лишь началом песни, звучавшей слишком недолго...»².

Сыны великого народа

Георгий Антонович Доронин (1904 — 1943) пошел на Великую Отечественную войну жизненно и творчески еще более зрелым, чем Е. Березницкий, человеком.

Родился он в 1904 году в деревне Ново-Загвоздинская неподалеку от Тобольска, в крестьянской семье. Шестнадцати лет был избран секретарем волостного отдела народного образования, а через два года — членом Тобольского уездного совета. В 1924 году по комсомольской путевке Г. Доронин становится журналистом газеты «Северянин» (Тобольск). Здесь же появляются и первые его стихи.

В 1925 году Г. Доронина направляют в Новосибирск для работы в краевой газете «Сельская правда». Сначала он занимает должность заведующего отделом, а позже — заместителя главного редактора. Ведя интенсивную журналистскую работу, он продолжает писать стихи и поэмы. В 1927 году Г. Доронин принял участие в работе I Всероссийского съезда крестьянских писателей, где встречался с А. Горьким. А в 1928-м журнал «Сибирские огни» публикует его первое крупное произведение — поэму «Земля подшефная» о преобразованиях в советской деревне.

Великую Отечественную войну Г. Доронин встречает в Сталинске (Новокузнецк) на посту редактора городской газеты «Большевицкая сталь». У него «бронь», но Г. Доронин рвется на фронт, и когда летом 1942 года в Новосибирской области начинает формироваться Сибирская добровольческая Сталинская стрелковая дивизия №150, он сразу же подает заявление о принятии в ее ряды. Его просьбу удовлетворяют и назначают в звании капитана заместителем редактора дивизионной газеты «Боевая красноармейская». Ратный труд Г. Доронина был отмечен медалью «За боевые заслуги».

¹ Е. Стюарт. Евгений Березницкий. // В боевом строю. — Новосибирск, 1954, с. 9-10.

² Там же, с. 10.

Несмотря на то, что со стихами Г. Доронин начал выступать в печати задолго до Великой Отечественной, свой истинный поэтический облик обрел он уже на фронте. Ну, а желание Е Березницкого — «работать, работать много» — сделалось для Г. Доронина правилом. Каждый день вел он от имени выдуманного им Саши Сибирякова поэтическую летопись своей дивизии. Стихи эти и назывались соответственно: «Саша у огонька», «Саша идет в атаку», «Саша Сибиряков в бою за высоту» и т. д. На Калининском фронте, где сражалась дивизия капитана Доронина, стихи его нередко печатались как листовки и передавались по цепи из рук в руки. Подлинный автор их известен был немногим, зато очень многие знали Сашу Сибирякова.

Здесь же, в дивизионной походной типографии была издана в 1943 году единственная прижизненная книжка Г. Доронина. Называлась она «Сыны великого народа». В ней всего пятнадцать страниц, но, поистине, каждая пахнет порохом!

Жизненный и творческий путь Саши Сибирякова и его создателя в августе 1943 года оборвала вражеская мина. Сидя на пеньке у опушки леса поэт сочинял очередную страницу стихотворной летописи, когда началась минометный обстрел. Г. Доронин погиб, но остался после него «венки героям» (так сам автор называл собранные в его книжке стихотворения), сплетенный из взволнованно-патетических строк, зовущих к победе:

*За честь страны и за свободу,
За вольный труд и край родной
Сыны великого народа
Ведут с врагами смертный бой...*

С надеждой на скорую встречу

Константин Гаврилович Брянский (1909 — 1942) несколько младше Г. Доронина, но жизненные пути их в чем-то схожи.

Родился К. Брянский в Бурятии, в крестьянской семье. Рано лишившись родителей, с детских лет познал нужду, лишения, нелегкий труд ради куска хлеба: пастишил, нянчил чужих детей, батрачил. Самоучкой освоил грамоту. Работал счетоводом, бухгалтером и плановиком райпотребсоюза. В 1930 году после окончания редакторских курсов редактировал районную газету. Позднее работал редактором «Бурят-монгольского комсомольца» и корреспондентом ТАСС. Одновременно занимался поэтическим творчеством и даже успел вступить в Союз писателей СССР.

С началом войны К. Брянский в составе бурят-монгольского формирования ушел на фронт. Служил политруком и военным журналистом. Кроме репортажей, статей, заметок, напечатал в армейских газетах немалое количество стихов.

Во время наступления наших частей на Центральном фронте зимой 1942 года К. Брянский погиб. А в память о нем осталась чистая, светлая, несмотря на дым военных пожаров, лирика, каждая строка которой дышит любовью к родной земле, к дорогим и близким людям, надеждой на скорую с ними встречу:

*Ты ждешь меня,
Ты ждешь издалека
В дому родном,
Где все мне так знакомо.
Из окон виден
Розовый закат,
В углу кровать,
Ковер с рисунком дома.
Проходят дни,
Проходят вечера.
И где бы ни был я,*

*За той войною,
Когда-нибудь
Вот так же, как теперь,
Ты будешь ждать,
Надеясь терпеливо,
А в этот миг
Тихонько скрипнет дверь.
И я войду
Усталый и счастливый.
И радость тихая
Вернется в дом опять...*

«Здесь очень просто умереть...»

Владимир Михайлович Чугунов (1911 — 1943) уходил воевать тоже не новичком в литературе.

Родился он на станции Иланской недалеко от Канска Красноярского края, в семье железнодорожного врача. Шести лет остался без отца. Поэтому еще подростком пошел работать на одну из шахт Анжеро-Судженска. Был коногонном, забойщиком, а после окончания Анжерского горнопромышленного училища — машинистом врубовой машины. Учился в Томском геологоразведочном институте. В 1936 — 1937 годах жил и работал в Новосибирске. И некоторое время — в Казахстане.

В 1942 году он добровольцем ушел на фронт. Воевал лейтенант В. Чугунов в составе 585-го стрелкового полка 213-й стрелковой дивизии 7-й Гвардейской армии на Воронежском фронте. Командовал стрелковым отделением, взводом. В минуты затишья продолжал писать стихи о подвигах фронта и тыла. Погиб В. Чугунов 5 июля 1943 года, поднимая взвод в атаку, в сражении на Курской дуге.

Писать стихи В. Чугунов начал еще в детстве. Его поэтические опыты можно было встретить на страницах ряда сибирских газет и в журнале «Сибирские огни». А в 1939 году в Новосибирске вышел его поэтический сборник «Горючий камень». Писал он так же очерки, рассказы. Есть даже повесть (правда, неоконченная) «Клад на Алчадате». Многое так и осталось в рукописях.

Ну, а в произведениях военной поры В. Чугунов рассказывал как о подвигах воюющего фронта, так и о «гвардейцах тыла», которые своим самоотверженным трудом подготавливали разгром врага. И художественным словом убедительно доказывал, что это — неразрывные звенья одной цепи, ведущей к победе и миру, к солдатской славе.

У писателей фронтового призыва чрезвычайно развито было предчувствие близкой, на каждом шагу подкарауливающей их смерти. В. Чугунов не являлся исключением. «С судьбой теперь плохие шутки. // Здесь очень просто умереть», — писал он в одном из стихотворений месяца за полтора до гибели. Вместе с тем, был убежден, выражая, пожалуй, общее самочувствие фронтовых поэтов, простота и легкость смерти на войне не должны рождать настроений безысходности и обреченности: «Так закон диктует в деле ратном: // Умирая, все-таки, не трусь!» И здесь не напускное презрение к смерти, а глубокая вера в конечное торжество жизни над смертью, добра над злом:

*А завтра в бой!
Быть может, смерть
Свершит над кем-нибудь расправу.
Он упадет на землю в травы,
Но жаворонки будут петь,
Цвети ромашки, незабудки*

И многошумный лес шуметь...

«В сердца ударил звонкой песни ток»

Самым молодым из писателей-сибиряков, отправившимся добровольцем на фронт, был Б. Богатков.

Борис Андреевич Богатков (1922 — 1943) родился в селе Балахта Красноярского края (под Ачинском), в семье учителей. Мать Б. Богаткова умерла, когда ему было 10 лет, и воспитывался он потом у тетки в Новосибирске. Здесь же и школу окончил. В 1940 году Б. Богатков переехал в Москву. Работал проходчиком на строительстве метрополитена и одновременно учился на вечернем отделении Литературного института им. А.М. Горького. Осенью 1941 года Б. Богатков добровольцем ушел на фронт. Было ему всего девятнадцать лет.

В 1942-м после тяжелой контузии он вернулся к тетке в Новосибирск. Писал сатирические стихи для «Окон ТАСС», печатался в местной прессе и упорно добивался возвращения на передовую. В декабре 1942 года Б. Богатков был зачислен в состав 150 Сталинской (позже 22-й Гвардейской Сибирской добровольческой) дивизии. В звании старшего сержанта командовал взводом автоматчиков. В бою за Гнездиловские высоты (у деревни Шилово Смоленской области) Б. Богатков, подняв 11 августа 1943 года под шквальным огнем песней собственного сочинения взвод в атаку, погиб.

Посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Имя Б. Богаткова навечно занесено в списки 22-й Гвардейской сибирской дивизии. Его именем названа одна из крупнейших улиц, районная библиотека и средняя школа в Новосибирске; на улице его имени установлен памятник герою-поэту. А в Омске, на Аллее литераторов (Бульвар Леонида Мартынова) установлен памятный камень шестерым павшим смертью храбрых сибирским поэтам, в числе которых и Б. Богатков.

Стихи Б. Богатков писал со школьных лет. С 1938 года они стали появляться в печати. В том числе и во фронтовой (дивизионная газета «Боевая красноармейская»). Публиковался также в журнале «Сибирские огни». Но ни одной книги при жизни издать он не успел. Лишь спустя три десятка лет после гибели, в 1973 году в Новосибирске вышел сборник стихов и писем Б. Богаткова, воспоминаний о нем под названием **«Единственная книга»**.

На юношеских опытах Б. Богаткова еще лежит отпечаток книжной романтики, наивности, но проступает уже и предчувствие надвигающейся войны, а с ним начинает вызревать у молодого поэта мотив готовности защищать Родину. А с тех же пор, когда Б. Богаткова призвали в армию, Родина и война стали главной и единственной темой его поэзии.

И то была не просто тема, а скорее заполнившее молодого стихотворца без остатка чувство, в котором поэт и гражданин, беззаветно любящий свою страну, сливались воедино. Чувство это как нельзя лучше выражало цельную натуру самого Б. Богаткова, ощущающего себя сыном великой родины и братом воюющих за нее бойцов:

*Посмотрю на друзей-гвардейцев:
Брови сдвинули, помрачнев.
Как и мне, им сжимает сердце
Справедливый священный гнев.*

Наверное, именно это чувство кровной сопричастности помогло Б. Богаткову в критический момент, презирая «ливень пуль», поднять в бой свой поредевший взвод в атаку песней собственного сочинения, которую уже успели полюбить в дивизии:

*Все, гвардеец, в боях изведай:
Холод, голод, смертельный риск,
И героем вернись с победой
В славный город Новосибирск.*

Вот как этот переломный и трагический момент изобразил в поэме «Пушкинские горы» А. Смердов:

*Взлетела песня и, казалось, стихли
На взрытом поле огненные вихри...
Взлетела птица и затрепетала
И обожгла солдатские сердца...*

*И тем, кто страхом был к земле
прикован
И даже тем, кто встать уже не мог —
В сердца ударил
песни звонкий ток.
И подхватили песню на лету...*

Тот же А. Смердов, вспоминая, как создавалась поэма, писал: «...И вижу его самого (Б. Богаткова — А.Г.) уже в образе Сергея Снежкова, каким он вошел в мою жизнь и поэзию, каким и поныне живет не только во мне, а может, и во многих других сердцах, особенно молодых моих земляков и современников»³.

В своей трагической, но и героической судьбе Б. Богатков, однако, не исключение. Он принадлежал к плеяде тех «лобастых мальчиков невиданной революции», до срока внесенных «в смертные реляции», о которых поэт Николай Майоров сказал:

*Мы были высоки, русоволосы,
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.*

«Свой добрый век мы прожили как люди...»

Из той же плеяды родившийся тремя годами раньше Б. Богаткова был поэт **Георгий Кузьмич Суворов** (1919 — 1944). И даже строчка «Мы были высоки, русоволосы...»

словно бы непосредственно про него. По описанию журналиста А. Шадрина, «он был высоким и белокурым. Под волнистой шапкой волос синели глаза с прищуром. Загорелое округлое лицо украшали щеголеватые усики»⁴. А по впечатлению известного советского поэта Н. Тихонова, «он был из тех ладных молодцов, в которых чувствуется что-то богатырски молодое, и застенчивое, и дерзкое вместе»⁵.

Родился Г. Суворов в селе Краснотуранск Хакасии, в крестьянской семье. Рано потерял родителей, рос в детдомах. Окончил педучилище в

³ Александр Смердов. У истоков Сибирианы. — Новосибирск. 1987, с.178.

⁴ Цит. по кн. Георгий Суворов. Звезда, сгоревшая в ночи. — Новосибирск, 1970, с. 7.

⁵ Там же, с 8.

Абакане. Работал учителем начальных классов в хакасском селе Иудино (ныне — Бондарево). Учился на факультете русского языка и литературы Красноярского пединститута. Но в августе 1939 года со второго курса был призван в армию.

С первых дней Великой Отечественной войны Г. Суворов находился в составе прославленной Панфиловской дивизии. В бою под Ельней был ранен. После госпиталя, весной 1942 года Г. Суворов попал на Ленинградский фронт, где был сначала химинструктором, потом литературным сотрудником дивизионной газеты, а с конца 1943 года — командиром взвода бронейщиков.

В феврале 1944 года гвардии лейтенант Г. Суворов при форсировании реки Наровы осколками разорвавшегося немецкого снаряда был тяжело ранен, а на следующий день в госпитале умер от ран.

В городе Сланцы Ленинградской области, на обелиске над братской могилой, где был похоронен поэт, высечены строки одного из последних его стихотворений: «Свой добрый век мы прожили, как люди. И для людей...»

Сегодня имя Г. Суворова носит одна из улиц Абакана.

Как и Б. Богатков, стихи Г. Суворов начал писать за несколько лет до войны — еще в педучилище. Публиковался в красноярских газетах. Но как поэт он сформировался в военные годы.

Осенью 1942 года Г. Суворов писал своей сестре: «Побывал, повидал, испытал и научился за это время я очень многому... Писать стихи я не бросал ни на минуту. Писал в окопах. Писал в поезде, отправляющемся на фронт. Писал в госпитале. Писал о бомбежках под ожесточенными бомбежками. Везде писал. Обо всем писал. И сейчас пишу. Война — это почва, по которой я сейчас хожу. Стихи — это мои вздохи»⁶. По убеждению омского критика Э. Шика, «не писать стихов он просто не мог. Бесхитростные солдатские радости и горечи утрат, светлые думы о родном сибирском крае и печальные раздумья о смерти — все это находило свое выражение в поэзии Г. Суворова...»⁷. Его родившиеся на фронте стихи печатались в журналах «Звезда», «Сибирские огни», «Ленинград». Вынашивал Г. Суворов и поэтическую книгу. Под названием «Слово солдата» вышла она в Ленинграде в 1944 году уже после его смерти.

При чтении стихов Г. Суворова обращаешь внимание на удивительную целостность мировосприятия поэта и его внутреннюю цельность. Долг, мужество, верность — главные мотивы своеобразных стихотворных исповедей Г. Суворова. И вот что еще характерно для его поэзии: трагизм жестокой войны не мешал ему быть оптимистом. Многие его стихотворения полны светлых надежд.

*Еще война. Но мы упорно верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна,
Широкий мир нам вновь открывает двери,
С рассветом новым встанет тишина.*

*Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро
Как быстро наше время протекло.*

*В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди.*

⁶ Цит. по кн. Георгий Суворов. Звезда, сгоревшая в ночи. — Новосибирск, 1970, с. 112 — 114.

⁷ Шик Э. В холодной Сибири не так уж холодно. — Омск, 1983, с. 123.

И для людей.

Поэт, в полной мере хлебнувший ужасов войны, в последних строках этого стихотворения произносит нечто, на первый взгляд, парадоксальное: «Свой добрый век...». Однако если задуматься, то для поколения Богаткова и Суворова век действительно «добрый», ибо «лобастые мальчики» отдавали себя до последней капли крови, без всякого сомнения, доброму и благородному делу — очищению родной земли от зла и скверны фашизма.

Процитированное выше стихотворение «Еще на зорях черный дым клубится...» написано Г. Суворовым всего за несколько дней до его гибели и оказалось, по сути, эпитафией себе и своему поколению. По мнению же другого поэта-фронтовика Л. Решетникова, строки эти «предельно точно, емко и эмоционально выразили всю суть прожитой им жизни и свершенного подвига. Оставаясь лучшими стихами поэта, они переросли значение стихов как явления чисто литературного и стали выражением физического и нравственно-го подвига поколения. Эти слова были написаны не только Воином, но и Поэтом!»⁸

Влюбленный в жизнь мечтатель

А вот **Иосиф Моисеевич Ливертовский** (1918 — 1943) встретил войну влюбленным в жизнь мечтателем.

Родился он в Херсонской губернии. В 1921 году вместе с родителями переехал в Омск. В 1935-м И. Ливертовский поступил в Ленинградский институт водного транспорта, но через год перешел на факультет русского языка и литературы Омского педагогического института. Учебу И. Ливертовский совмещал с работой в редакции омской газеты «Ленинские внучата».

Стихи И. Ливертовский начал писать в 16 лет. В студенческие годы публиковал их в омской газете «Молодой Сибиряк», в «Омском альманахе». Занимался переводами. В 1940 году, сразу после завершения пединститута И. Ливертовского призвали в армию. Служил он в Новосибирске. Окончил полковую артиллерийскую школу. В мае 1943 года И. Ливертовского отправили на фронт. Он командует артиллерийским расчетом, потом стрелковым отделением. И не перестает писать стихи, которые печатаются в дивизионной газете «Патриот Родины».

10 августа 1943 года младший сержант 137 Гвардейского артиллерийского полка 70-й Гвардейской стрелковой дивизии 60-й армии Центрального фронта И. Ливертовский погиб под Орлом.

Когда разразилась война, он был фактически еще только в начале литературного пути. «Лирический герой стихотворений Ливертовского, — по наблюдению омского литературоведа В. Вайнермана, — молодой человек, влюбленный в жизнь, мечтатель. Увлеченность поэзией в ее собственном смысле и поэзией природы, радость от встреч с друзьями, от полноты жизни характеризуют мироощущение Ливертовского предвоенных лет»⁹.

А вот «военных» стихов И. Ливертовского не сохранилось (или пока не найдено). Кроме одного под названием «Гвардейское знамя», опубликованного 1 мая 1943 года в «Патриоте Родины», где «поэт словно готовит себя к суровым испытаниям, дает клятву не отступать»¹⁰.

...Не только поэты

⁸ Решетников Л. К портрету моего ровесника. // Л. Решетников. Встречи. — Новосибирск, 1986, с. 324.

⁹ Вайнерман В. Слово о поэте. // Литературное наследство Сибири. — Новосибирск, 1988. Т. 8, с. 366.

¹⁰ Там же, с. 368.

В жестоких сражениях «за советскую родину, за родной огонек» не жалели «жизнот своего» не только поэты. Красноречивым тому примером может служить трагическая судьба прозаика **Николая Александровича Кудрявцева** (1901 — 1944).

Родился он в селе Лисково Нижегородской губернии. Учился в Московском плановом институте. Трудился на заводах и стройках Сибири. Долгое время работал сначала заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни», затем редактором краевой газеты «Сельская правда». Избирался делегатом I Съезда писателей СССР.

Прежде чем стать писателем Н. Кудрявцев прошел серьезную жизненную школу, исходил и объездил Западную Сибирь от Горного Алтая и Кузбасса до Среднего Приобья. Все это потом отразилось в его очерках и рассказах о рабочих-строителях, буднях Красной Армии, в которой Н. Кудрявцеву довелось служить еще до Великой Отечественной войны и даже участвовать в отражении японцев на знаменитом Халхин-Голе. Вынашивал писатель и план романа о социалистическом преобразовании Сибири и Кузбасса. Война помешала осуществлению этого замысла.

Практически вся литературная деятельность Н. Кудрявцева была связана с журналом «Сибирские огни». Здесь увидело свет большинство его произведений. А в 1934 году в Новосибирске вышла первая книга Н. Кудрявцева «Тяга времени», куда вошли «производственные» произведения писателя. В Новосибирске же в 1938 году появилась и другая прижизненная книга Н. Кудрявцева — «Как село Маромыш с царем воевало». Н. Кудрявцев был известен, прежде всего, как автор «производственной» прозы, но достаточно успешно выступал он и как детский писатель.

В Великую Отечественную войну Н. Кудрявцев ушел на фронт добровольцем. Попал в плен, бежал, снова вернулся в часть. Успел написать по горячим следам собственных испытаний и опубликовать в 1943 году в «Сибирских огнях» очерк «Из фашистского плена», ставший одним из первых в сибирской литературе свидетельств подобного рода¹¹.

А в феврале 1944 года старший политрук Н. Кудрявцев погиб...

«Боевой товарищ» Пушкин

А. Смердову посчастливилось уцелеть в той войне. Более того, его творческий расцвет пришелся как раз на период Великой Отечественной. С 1941 по 1945 год он служит военным журналистом: сначала в газете СибВО «Красноармейская звезда», а с зимы 1943 года — в дивизионной и армейских газетах 22-й гвардейской сибирской добровольческой дивизии 2-го Прибалтийского фронта. Пишет А. Смердов не только журналистские материалы, но и поэтические «письма с передовой», где глубоко личные, вроде бы, переживания становятся источником душевной силы и оптимизма для читателей на фронте и в тылу:

*И не нас — врага пусть давит
смертная доска.
Пусть его завьют заставит
черная тоска.
Пусть уж он боится смерти
на пути своем...
Мы, родная, все на свете,
все переживем.*

Военная лирика А. Смердова в традициях советской поэзии тех лет являлась сплавом гражданских, патриотических, интимных и других мотивов. Но с особой силой во фрон-

¹¹ Помимо Н. Кудрявцева об ужасах фашистского плена в военные годы писали в очерках «Три дня» Д. Поляновский, «Шестьдесят два дня» Н. Мейсак, «В плену» Н. Вигилянский и др. сибирские писатели.

товых стихах А. Смердова звучит любовь к Сибири, к многонациональному краю, все народы которого бьются с общим врагом. Поэт гордится мужеством и стойкостью сибиряков, одно упоминание о которых «леденит врага». Создает он и обобщенный образ такого солдата — смелого, находчивого удачливого, никогда не унывающего, умеющего с честью выйти из любых передраг — этакого сибирского Теркина с говорящим за себя именем Тарас Клинков.

Свои «книги про бойца» создавали под огнем врага и другие сибирские поэты. У Г. Доронина, напомним, это Саша Сибиряков, у алтайца М. Юдалевича — Ивана Боёк... В такой поэтично-публицистической форме их авторы откликались на события фронтовой жизни. И, надо сказать, в существование этих литературных героев многие солдаты на передовой искренне верили, писали им письма со словами благодарности, просьбами, пожеланиями, обращались за советами.

Вершиной военной лирики А. Смердова (да, пожалуй, и всей его поэзии) стало поэтическое повествование «Пушкинские Горы», впервые увидевшее свет в 1946 году.

Толчком к созданию этого произведения послужил подвиг земляка и друга А. Смердова поэта Б. Богаткова. Но то была лишь отправная точка, а посвящена поэма, как это следует из высказывания об ее замысле самого автора, «Пушкину, войне, русской солдатской отваге и беззаветности во имя жизни и любви»¹². Естественно, что и содержанием произведения является война со всеми ее батальными и бытовыми подробностями. А. Смердову удалось прекрасно передать и грандиозность событий, и их трагизм, и красоту подвига. Страстным, напряженным лиризмом дышит каждая строка поэмы:

*Который день... Нет, мы не дни считали, —
В дыму кремешном, в тяжком лязге стали
Который день мы шли вперед
И только верстам знали точный счет.
Мы шли вослед грозе артиллерийской,
То отдаленной, то паляще близкой, —
Она и днем и ночью бушевала,
Катясь на запад многоверстным валом...
Вослед за танками — по опаленным травам,
В лесных завалах, по болотам ржавым,
Сквозь чад и жар горящих деревень —
Мы шли вперед, вперед который день...*

Этот размеренный, несколько монотонный торжественный ритм как нельзя лучше соответствует неумолчному гулу военной техники, необратимому движению наступающих воинских колонн.

И вот Михайловское, Пушкинские Горы, святые для каждого русского человека места. Сейчас они изрыты немецкими окопами, окружены дотами. Но решение у комбата одно — «русский ни один снаряд на Пушкинские Горы не падет». И зловещим контрастом звучит сообщение о том, что фашисты готовятся взорвать могилу Пушкина. Резкое это противопоставление и становится двигателем художественного развития поэмы. В неприимимом столкновении двух враждебных миров русские солдаты борются не только за свободу и независимость своего народа, но и за сохранение духовных идеалов. А для русского человека Пушкин — не просто поэт, он — душа нации. Вот почему с такой отвагой и самоотверженностью рвется в бой за Пушкинские Горы главный герой поэмы Сергей Снежков.

Образ этот вобрал в себя лучшие черты молодежи сороковых годов прошлого столетия. Но он во многом созвучен и личному авторскому мироощущению. Снежков — тоже

¹² Смердов Александров. У истоков Сибириады. — Новосибирск, 1987, с. 177.

поэт, а потому Пушкин в тяжелом наступлении становится для него сокровенным другом и «боевым товарищем». Томик Пушкина у бойца всегда при себе. Узнав о готовящемся надругательстве над святым местом, Снежков спешит пресечь его. Выполняя свой солдатский долг, Снежков погибает, но порывом своим увлекает бойцов в атаку. Фашисты смяты, пушкинская могила спасена. Серезу Снежкова хоронят рядом с ней.

А наступление продолжается. И в этом походе к победе, к миру, к будущей жизни без войны как равный среди равных принимает участие Пушкин — «В сердцах солдат, горячих и простых, //Звенит, поёт поэта грозный стих...».

«Пушкинские Горы» — поэма не только о днях минувших. Она вся устремлена в будущее, на «дорогу завтрашних атак». И в этом ее особенная притягательная сила, важнейшее духовное и эстетическое значение.

Символичен финал поэмы. Всегда, в любую эпоху, подчеркивает автор, источником вдохновения и руководством к действию на всеобщее благо будут бессмертные пушкинские строки: «Мой друг, Отчизне посвятим // Души прекрасные порывы!...»

Этому завету великого поэта неукоснительно следовал в недолгой жизни своей главный герой поэмы Сергей Снежков и сам его создатель А. Смердов.

Ну, а «Пушкинские горы» по праву вошли в золотой фонд литературы о Великой Отечественной войне.

* * *

Особое место в литературе Сибири «сороковых-боевых» принадлежит тем молодым фронтовым поэтам и прозаикам, кто, по выражению И. Ветлугина, «с боями прошел пол-Европы», выжил и вернулся домой с Победой. В отличие от погибших творческих собратьев, судьба предоставила им возможность не только «с пылу, с жару» рассказать о пережитом и пережитом, но и художественно осмыслить и подытожить «то, что прожито», понять истинную цену и величие подвига народного. Понять и донести до следующих поколений. Но для этого им самим будет необходимо отодвинуться, дистанцироваться. Поэтому их время, когда они заявят о себе во весь голос, придет позже...

«Дыханье глубокого тыла!»

Горячее, отмеченное высоким поэтическим искусством, участие в создании героической летописи великой «войны народной», «священной войны» приняли не только те, кто непосредственно на себе испытал всю жестокость ее сражений. И. Мухачёв, Л. Мартынов, П. Драверт, И. Рождественский, Е. Стюарт, В. Федоров и ряд других сибирских поэтов не были на фронте, но без них летопись эту представить едва ли возможно.

Вообще, надо заметить, в военные годы слаженно, в унисон звучали голоса писателей разных поколений и дарований. Да и война на творчество каждого из них накладывала свой заметный отпечаток. А некоторые обретали поистине второе дыхание.

Так, ученый и писатель П. Драверт, в предвоенные годы почти отошедший от литературы, в первые же дни фашистского нашествия снова берется за перо и создает стихотворение с говорящим за себя названием «Разбить врага», каждая строчка которого — страстный призыв-обращение к своему народу.

С удивительной энергией работает в Великую Отечественную И. Рождественский. У него выходят три поэтические книги — «В боевом строю» (1942), «Ангара-Северянка» (1943) и «Сердце Сибири» (1944), посвященные подвигам земляков-красноярцев на фронтах и в трудовом тылу.

Новыми, подчас совершенно неожиданными гранями открывается в Великую Отечественную войну Л. Мартынов. В эти годы поэт много сил отдавал оперативной газетной работе и деятельно участвовал в выходивших в Омске «Окнах ТАСС». Не оставил Л.

Мартынов в забвении и свой любимый образ — «лукоморье». Правда, теперь он становится больше поэтично-публицистическим, нежели лирическим. Л. Мартынов публикует очерк «Лукоморье», который вызывает большой читательский резонанс. А несколько позже появляется брошюра «Вперед, за наше Лукоморье!», где очерк дополнен откликами фронтовиков.

Продолжал Л. Мартынов и работу над стихами, о чем свидетельствуют поэтические книги «За Родину» (1941), «Мы придем» (1942), «Жар-цвет» (1943). По словам критика В. Уткова, «в стихотворениях, сказках, балладах, сказах, вошедших в эти сборники, отчетливо видишь стремление поэта к наиболее яркому, сильному и доходчивому выражению мыслей и чувств, владевших людьми в те трудные годы, ощутим недюжинный темперамент поэта, его искренность в передаче чувства ненависти к врагу и уверенности в силах нашего народа, идущего к победе»¹³. А как писал сам Л. Мартынов в автобиографии, «тема о потерянном и вновь обретенном Лукоморье стала основной темой моих стихов в дни Великой Отечественной войны... Я повествовал, как умел, о борьбе народа за свое Лукоморье, за свое счастье»¹⁴.

Предвоенный Л. Мартынов был известен читателю в значительной мере как автор исторических поэм. Не исчезает у него тема прошлого земли русской и в военные годы. Только звучит она теперь в тесном соотношении с днем настоящим. Показательно в этом отношении его стихотворение «Сыны Сибири». Прослеживая основные этапы русской истории, автор показывает, как велика была всегда роль Сибири в борьбе за независимость России. Не уменьшилась она и перед лицом нового врага:

*...Вот вновь ты шлешь свои полки
На запад. И сыны Сибири
Известны всюду, как стрелки
Искуснейшие в целом мире,
Здесь, под Полярною звездой,
Владеем вольным мы простором.
Мы бились в Азии с ордой,
Мы под Москвой сражались с Вором.
Идем мы снова на врага,
Чтоб ни один тевтон не спасся.
Пусть знает «северная раса»,
Каков бывает жар Кузбасса,
Каких сынов родит тайга!*

Тема многострадального нашего прошлого и значения Сибири в исторической судьбе России в сибирской поэзии военных лет переживает второе рождение. Очень точно, лаконично емко и образно высказался по этому поводу в коротком стихотворении «Сибирь» совсем еще молодой тогда Вас. Федоров:

*Учитель через много лет
Вопрос прочтет на детских лицах:
Как обновлялся Старый свет
В своих изломанных границах?*

*Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
И где тогда Сибирь была —
Все там же, за хребтом Урала?*

¹³ Утков Виктор. «Как этот самый мир возник...». // Воспоминания о Леониде Мартынове. — М., 1989, с. 298.

¹⁴ Мартынов Л. Мой путь. // Воспоминания о Леониде Мартынове. — М., 1989, с. 7.

*И давней битвы рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою.*

Среди произведений, посвященных прошлому, но обращенных к настоящему, была и поэма И. Рождественского «Стражи Мангазеи» об отважных русских первопроходцах, основавших на сибирском Севере легендарный город — торговый и пограничный форпост России. Замысел произведения подчеркнут эпитафией, взятым из царского указа 1619 года, в котором, в частности, говорится: «...велели учинить заказ крепкий, чтоб немецких людей на Енисей и в Мангазею некоторыми мерами не пропускали».

Под «немецкими людьми» подразумевались охочие до сибирских богатств иностранцы. Однако в годы Великой Отечественной войны словосочетание это ассоциировалось уже непосредственно с теми, кто пришел с мечом на землю русскую. А потому и героические фигуры казаков и стрельцов в поэме, защищавших Мангазею от иноземных посягательств, в атмосфере освободительной войны более четырехсот лет спустя тоже воспринимались соответствующим образом.

«Не царями отечество держится — нами», — говорит главный герой поэмы стрелец Гурьян, но под словами его могли подписаться и миллионы россиян, отстаивавших Родину от фашистской нечисти в середине двадцатого столетия.

И не только на полях сражений, но и в тылу. Поэтому не случайно в произведениях писателей-сибиряков, в том числе и поэтов, одной из ведущих стала тема единства фронта и тыла.

И. Мухачёв в «Письмах к другу» пишет:

*И, может быть, те самые снаряды,
Что выпускаешь ты сейчас в бандитов,
У нас же на заводе и отлиты
Из той руды, которая добыта
Вот здесь...*

И даже снарядные ящики, продолжает лирический герой этого стихотворения, «быть может, пахнут смолью темнокорых и зеленохвойных наших сосен».

С И. Мухачёвым переключается Л. Мартынов в стихотворении «Глубокий тыл», где еще резче, контрастней в уничижительном сравнении с немецким, подчеркивает значение нашего сибирского тыла:

*Глубокого тыла
Могучая тишь —
Лес, горы и ясные воды,
И всюду, куда только ни поглядишь, —
Заводы, заводы, заводы!
У немца нет тыла —
У немца есть зад,
Загривок и зверское рыло.
Лети же в то рыло, тяжелый снаряд,
Отсюда, из дальнего тыла.
Сибирь в тот снаряд смертоносный заряд
Рукою могучей вложила.
Пушкой, издыхая, почувствует, гад,
Дыханье глубокого тыла!*

Связь фронта и тыла художники слова видели не столько экономической, сколько духовной. Народ, одинаково грозный на поле боя и в тылу, нельзя победить. А сибирские писатели ощущали себя неотъемлемой его частью. Правда, выражали это по-разному. Одни — с эпической широтой и размахом, другие — с графической резкостью, третьи считали, что «о войне говорить шепотом нельзя»... Но были и те, кому как раз негромким голо-сом своим прекрасно удавалось донести до читателей всю раскалено-трагическую атмосферу Великой Отечественной войны.

К ним, несомненно, относилась и **Елизавета Константиновна Стюарт** (1906 — 1984).

Родилась она в Томске, в семье железнодорожного служащего. Учиться начинала в гимназии, а свидетельство об окончании семилетки получила уже в советской школе. К этому времени ее образование фактически завершилось. Она мечтала о филологическом факультете, но к тому времени его в Томском университете закрыли. Да и материальное положение их семьи было сложное, пришла пора и ей зарабатывать на жизнь. Поэтому, окончив после семилетки трехмесячные курсы машинописи, Е. Стюарт пошла в машинистки.

В 1932 году она переезжает в Новосибирск и устраивается в радиокомитет: сначала опять же машинисткой, а позже ее переводят в литературную редакцию. К той же поре относится ее вхождение в литературу. Дебютировала Е. Стюарт в 1929 году в детском журнале «Товарищ», а с 1936-го стали выходить и ее книжки.

Начинала Е. Стюарт как детская поэтесса. Но проклевывался в ней и самобытный лирический талант. Особенно весомо заявит он о себе в большом цикле стихов, посвященных Великой Отечественной войне.

Е. Стюарт не была непосредственным участником или свидетелем боевых действий. Но это не помешало создать ей ряд подлинных поэтических шедевров военной лирики, проникнутых одновременно и скорбно-трагической и сдержанно-патетической интонацией. В самые жаркие дни 1942 года Е. Стюарт писала:

*Все испытай — лишенья и страданья.
Запомни все, чем эти дни полны.
Пойми, что значит — ожидать свиданья,
Отложенного до конца войны.*

*Пойми, что значит, если небо рухнет
От взрывов над твоею головой.
Узнай, что значит, если печь потухнет
В пустом доме, где ты один живой.*

*Почувствуй тяжесть вымокшей шинели
И жар в глазах на третью ночь без сна,
Когда бойцы щепоть махорки делят
И с ног, как пуля, валит тишина.*

*Пройди по развороченным дорогам,
Чужое горе, как свое, измерь
И руки друга навшего потрогай,
Чтоб вновь и вновь возненавидеть смерть...*

В прекрасных стихах военного цикла Е. Стюарт блестяще запечатлела для нас и «обильно политые кровью» скалы северного полуострова Рыбачий, и «ход танков, врезан-

ный в асфальт», и то, как «ползли орудия ночами по потрясенной мостовой», и дверь военкомата, отмеченную «толпою молчаливых жен»...

Как признавалась Е. Стюарт, вообще «тех дней мельчайшая подробность запоминалась навсегда». И — добавим от себя — переплавлялась ею огнем высокого поэтического чувства в строки, которые и по прошествии многих десятилетий не оставляют равнодушными. Что уж тогда говорить о ее современниках, для которых стихи Е. Стюарт еще не стали художественным документом эпохи, а оставались пока живыми поэтическими свидетельствами, в которых сквозь дым военных пожаров и застывшее сердце и душу пронзительное горе пробивалась неистребимая воля к жизни и вера в несокрушимую волю своего народа:

*Как нелегко молчать заставить память.
А возвратясь,
На пепле и золе
Вновь заложить тот самый первый камень,
Что всех прочнее ляжет на земле.
Как нелегко, все сосчитав могилы,
Не умереть от горя самому.
Как нелегко?..
Но это все под силу
Прекрасному народу моему.*

* * *

На камертон этой всепобеждающей веры была настроена вся советская литература военной поры.

А это была, разумеется, не одна лишь поэзия. Более того, в силу своей традиционной мобильности и оперативности очерк с публицистикой и в годы Великой Отечественной войны оставались жанрами переднего края.

Правда, на первых порах сибирская очеркистика и публицистика были насквозь пронизаны военно-патриотической риторикой с громкими агитационно-пропагандистскими призывами идти «на смертный бой» с ненавистным врагом, за барабанной дробью которой не всегда можно было расслышать подлинные звуки самой войны, увидеть воочию ее действующих лиц. Немало появлялось произведений, где победы нашим бойцам давались легко, а враг изображался шаржировано глупым. Но с преодолением этих «грехов» и более пристальном внимании к психологии защитников Отечества, у писателей-сибиряков начинают появляться не приукрашенные, а реальные картины войны, складываться не идеализированный, не ходульный, а правдивый, жизни соответствующий образ «человека на войне».

Заметно усложняется и жанровая структура очерково-публицистической литературы. Наблюдается взаимопроникновение прозы и публицистики, а то и органическое их смешение. Как происходит это, например, в статье С. Кожевникова «Сибиряки на фронте» или в уже упоминавшемся очерке Л. Мартынова «Лукоморье». Публицистический запал прекрасно уживается в них с лиричностью, прошлое с настоящим, сказочные элементы — с реальными фактами жизни фронта и тыла. Строились же очерки военной поры, как правило, по законам сюжетного повествования, что приближало их к художественной прозе. А она, в свою очередь, испытывала тяготение к документальности и публицистичности.

Что касается самой прозы военной поры, то ее произведения стали появляться из-под пера сибирских писателей ближе к концу войны. Представлена она была в основном рассказами С. Кожевникова, С. Сартакова, Г. Маркова, Н. Емельяновой, Б. Костюковско-го, М. Кубышкина, А. Мисюрёва, Г. Кунгурова. Самым крупным (по объему, но не художественной значимости) прозаическим произведением тех лет был роман А. Коптелова «Когда ковалась победа», посвященный жизни военного тыла. Бесспорная сама по себе

главная мысль произведения о том, что Великую Отечественную войну вела вся страна — и на передовой и в глубоком тылу, не нашла здесь достойного художественного подтверждения. А потому и роман успеха не имел.

В целом же в сибирской (и не только сибирской) прозе, рожденной в годы Великой Отечественной войны, ничего сколь-нибудь значимого фактически не появилось, и заметного следа в нашей литературе она не оставила.

Впрочем, звездный час военной прозы еще не пробил. До него оставалось лет десять-пятнадцать, когда во весь голос заявит о себе поколение тех, кто постигал жуткую сущность войны изнутри окопов и блиндажей глазами солдат и молодых лейтенантов — «Ванек-взводных», и которое поведаст уже свою — «окопную» и «лейтенантскую» — правду...

* * *

Война нарушила привычную мирную жизнь во всех ее сферах. В литературной, разумеется, тоже.

В начале войны резко была сокращена в Сибири издательская деятельность. Прекратили выходить многие довоенные периодические издания, предоставлявшие свои страницы сибирским писателям. Приостановлен был даже выпуск «Сибирских огней».

Зато теперь сибирские прозаики, поэты, публицисты получили возможность широко печататься в армейской прессе, где они призывали соотечественников на ратные подвиги и героический труд.

Но затишье длилось недолго. В 1942 году издательская деятельность снова оживляется. В Новосибирске, Омске, Красноярске, Иркутске выходят книги местных авторов: Л. Мартынова, И. Мухачева, А. Коптелова, К. Урманова, С. Кожевникова, И. Рождественского, Е. Стюарт, И. Молчанова-Сибирского, П. Маляревского, и др.

Но главное возобновляется выпуск «Сибирских огней». Пусть и в иных, чем ранее, видах и формах.

В 1942 году на базе журнала появились две книжки альманаха под названием «Огневые дали». А с 1943 по 1945 год вышло еще четыре номера альманаха, но уже под прежним («Сибирские огни») названием.

Правда, само издание вряд ли можно было назвать прежним. От каждого выпуска исходило опаляющее дыхание войны. Главным же героем публикующихся здесь произведений был сражающийся с фашизмом на фронте и в тылу советский народ.

Многие писатели-сибиряки воевали в составе различных воинских частей, и «Сибирские огни» старались использовать малейшие возможности для публикации их произведений, а уж тем более, чтобы представить новых авторов. Именно благодаря «Сибирским огням» читатель впервые узнал о поэте Б. Богаткове, «сибирском Маресьеве», публицисте Н. Мейсаке.

Существовала и «обратная связь» журнала с фронтом. В годы войны было подготовлено несколько выпусков, специально предназначенных для «читателей-фронтовиков». Представляли они собой восьмистраничные газетки-брошюры с рассказами, стихами, очерками, статьями, хроникой культурной жизни Сибири. Спецвыпуски, вдобавок, иллюстрировались сибирскими художниками, что делало их особенно выразительными. А на фронт они попадали обычно с делегациями, которые везли бойцам подарки от населения.

Фронтвые выпуски «Сибирских огней» на передовой встречали очень тепло и сердечно. Их хранили как драгоценные реликвии. Они возбуждали патриотическое чувство, поднимали боевой дух воинов, о чем свидетельствовали многочисленные благодарственные письма в адрес редакции.

«С волнением прочел я строки стихов, рассказов и очерков о моей родной Сибири», — читаем в одном из них. «Весть о получении выпуска «Сибирских огней» облетает всех, и на чтение его устанавливается очередь», — сообщается в другом. Или такое вот, очень

характерное признание: «После чтения этой газеты еще больше поднялся в нас воинский дух, и мы ринулись в бой с большей яростью...».

В годы Великой Отечественной были воскрешены многие формы агитационно-пропагандистской работы. В том числе и такая действенная, как «Окна (только теперь уже не РОСТА, как в революционную пору) ТАСС».

«Окна» появлялись практически во всех крупных городах Сибири. Они выходили с патриотическими плакатами, звучными лозунгами и призывами, песнями, частушками, злой сатирой и карикатурами на врага и имели большую популярность у населения.

Этому во многом способствовало участие в их выпуске сибирских писателей: Л. Мартынова — в Омске; И. Мухачёва, А. Смердова, С. Кожевникова, Е. Стюарт, Б. Богаткова — в Новосибирске; И. Рождественского, К. Лисовского — в Красноярске; К. Седых, А. Ольхона — в Иркутске...

Сибирские писатели, не принимавшие по разным причинам (возраст, болезни, «бронь») непосредственного участия в боевых действиях, тем не менее, время от времени получали возможность хоть ненадолго окунуться в атмосферу фронтовых будней, когда в составе творческих бригад выезжали на фронт, где встречались с бойцами, знакомились с боевыми условиями их жизни. Очень много давали эти поездки и самим писателям. Впечатления от них легли, например, в основу романа А. Коптелова «Как ковалась победа», книги Г. Кунгурова «С подарками на фронт», военного цикла стихов Е. Стюарт.

В завершение рассказа о жизни литературной Сибири в годы Великой Отечественной войны можно отметить, что писатели-сибиряки, обещая «бить врага и штыком, и пером», самоотверженно делали это на протяжении всех военных лет, приближая «как могли» долгожданный День Победы.

НА МИРНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Сибирь литературная послевоенного десятилетия

Великая Отечественная война закончилась. Долгое ее эхо будет слышно еще и через многие годы. Но страна возвращалась к мирной жизни. Поворачивалась к ней и наша литература. Правда, ряды ее заметно поредели. Одних писателей вырвали репрессии, другие остались лежать на полях сражений. А выжившие спешили в родные «пенаты», чтобы начать свою жизнь в литературе заново.

Значительную помощь оказывали им в этом заметно оживившиеся после войны литературные объединения. Они возникали в крупных сибирских городах, как правило, при редакциях областных газет, привлекая на свой творческий огонек начинающих (и не только) прозаиков и поэтов. Так, например, на основе литературного кружка при кемеровской газете «Кузбасс» в 1948 году возникло одноименное литобъединение.

А вот литературное объединение «Молодость» родилось в январе того же 1948 года в стенах дворца культуры имени Клары Цеткин новосибирского завода «Сибсельмаш». Тон на первых порах задавали здесь поэт-фронтовик Н. Перевалов и молодой мастер авиазавода имени Чкалова, а в будущем знаменитый российский поэт В. Федоров. За свою более чем семидесятилетнюю историю «Молодость» воспитала немало известных в Сибири и за ее пределами писателей: поэтов Л. Завальнюка, И. Киселева, прозаиков В. Лихоносова, Г. Михасенко... Нередкими гостями «Молодости» были именитые литераторы из других регионов страны. Здесь можно было увидеть и услышать Р. Рождественского, Ф. Чуева, С. Залыгина, А. Иванова...Высоко отзывался о работе «Молодости» побывавший в Новосибирске в начале 1960-х годов знаменитый советский композитор Д. Шостакович.

Забегая вперед, скажем еще об одном литобъединении, организованном в том же Новосибирске десять лет спустя, в 1958 году, при редакции областной комсомольской газеты «Молодость Сибири». Его возглавил молодой журналист и поэт из Ленинграда Илья Фояков (1935 — 2011), приехавший в Новосибирск по распределению после окончания ЛГУ. Талантливый, высоко эрудированный, влюбленный в поэзию, он быстро завоевал популярность, а само объединение сделалось мощным центром притяжения литературной молодежи. За годы своего существования (1958 — 1974) литобъединение И. Фоякова стало «альма-матер» для многих впоследствии известных сибирских литераторов (Г. Карпунин, В. Балачан, А. Плитченко, Н. Грехова, Н. Закусина, Н. Садур и др.) и оставило о себе память поистине легендарную.

Большое значение для сибирской литературы первых послевоенных лет имела проходившая с 27 ноября по 2 декабря 1947 года в Новосибирске **Конференция писателей Сибири**, на которой были подведены итоги литературной жизни 1940-х годов. Помимо пленарных заседаний на конференции работали секции прозы и поэзии, где обсуждались произведения молодых авторов. Конференция призвала сибирских писателей мобилизовать силы на выполнение грандиозных задач послевоенного строительства. О значимости этого мероприятия говорит факт, что в работе конференции принимала участие большая писательская бригада из Москвы в составе известных советских писателей Л. Сейфуллиной, А. Караваевой, Я. Смелякова, М. Никитина и др.

Мобилизации сил, к которой призывала конференция, во многом способствовало послевоенное оживление издательской деятельности. С 1946 по 1955 годы в сибирских издательствах почти удвоился выпуск художественной литературы. К примеру, в Новосибирском книжном издательстве уже в 1948 году художественные произведения занимали четверть всех выпущенных здесь книг. И ориентировались издательства Сибири главным образом на местных авторов. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 1950 году Новосибирск

ское государственное издательство начало выпуск серии «Малая библиотека сибирских писателей».

Кроме того, в послевоенные годы шло создание новых и восстановление имевшихся ранее печатных «плацдармов». В ряде сибирских городов появились свои литературно-художественные альманахи: «Енисей» (1944) — в Красноярске, «Томск» (1945), «Бийск» и «Алтай» (оба — 1947) — в Алтайском крае, «Забайкалье» (1947) — в Чите, «Литературный Кузбасс» (1949) — в Кемерово. С января 1946 года под названием «Дальний Восток» в Хабаровске возобновляется выпуск журнала «На рубеже». Появились в послевоенные годы в дальневосточном регионе еще несколько новых альманахов и литературных сборников в Магадане, Благовещенске, на Сахалине.

Но главное — в том же 1946 году снова начал регулярно выходить журнал «Сибирские огни», по-прежнему объединявший основные литературные силы Сибири.

И сразу столкнулся с серьезной проблемой...

Впрочем, обозначилась она раньше. Еще в 1940 году только что ставший главным редактором журнала С. Кожевников обнаружил, готовя очередной номер, что редакционный портфель пуст. Выбыли из строя многие талантливые, опытные литераторы. (Война в будущем только усугубила эту проблему). Тогда и возникла мысль пригласить к сотрудничеству бывалых людей, которым есть что и о чем рассказать. В редакцию журнала пришли геологи, геодезисты изыскатели, охотники... Готовых рукописей, увы, ни у кого не оказалось. Гостей попросили вести дневники, делать записи о встречах, о работе, о своих впечатлениях.

На той, теперь уже можно сказать, исторической встрече присутствовали и два человека, которым суждено будет навечно войти литературную историю Сибири, чьими именами впоследствии назовут улицы городов, горные перевалы в Саянах, железнодорожные станции. Это инженер-изыскатель железных дорог А. Кошурников и начальник геодезической экспедиции Г. Федосеев.

Александр Михайлович Кошурников (1905 — 1942) — человек трагической судьбы.

Родился в селе Харабали Астраханской губернии, в семье строителя железных дорог. Окончил инженерно-строительный факультет Томского технологического факультета. С 1930 года работал начальником группы в партии технических изысканий железных дорог новосибирского проектного института Сибжелдортранс. А в 1939-м стал там же, в Новосибирске, проектировщиком-изыскателем Сибтранспроекта (ныне — Сибгипротранс).

Поздней осенью 1942 года группа А. Кошурникова (кроме него, инженеры А. Журавлев и К. Стофато) по заданию Сибгипротранса отправилась на изыскание будущей железнодорожной линии Абакан — Тайшет. А в начале ноября 1943-го отряд погиб. Только через год местный охотник случайно наткнулся на труп А. Кошурникова. В его полевой сумке лежал экспедиционный дневник...

В самом начале 1946 года, когда готовился первый номер возрожденных после войны «Сибирских огней», член редколлегии А. Коптелов, которому передали дневник, принес этот огромной силы человеческий документ в редакцию.

«Я иду пешком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и пищи. Вероятно, сегодня замерзну», — заканчивались записи инженера А. Кошурникова.

В первом номере журнала за 1946 год дневник был опубликован. А через два года там же, в «Сибирских огнях», появилась на его основе повесть А. Коптелова «Навстречу жизни».

Григорий Анисимович Федосеев (1899 — 1968) родился в станице Каргинской Ставропольского края, в крестьянской семье. Работал на сыроваренном заводе, телефонистом. Окончил в 1926 году Кубанский политехнический институт по специальности инженера-геодезиста, а в 1948-м — Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Большую часть жизни Г. Федосеев связал с геодезией. Работал в институте Сибгипротранс. Участвовал в работе многочисленных экспедиций по изучению неисследованных мест Сибири и нанесению их на карту. Вел полную опасностей и приключений жизнь, наблюдал первозданную природу. И вел изо дня в

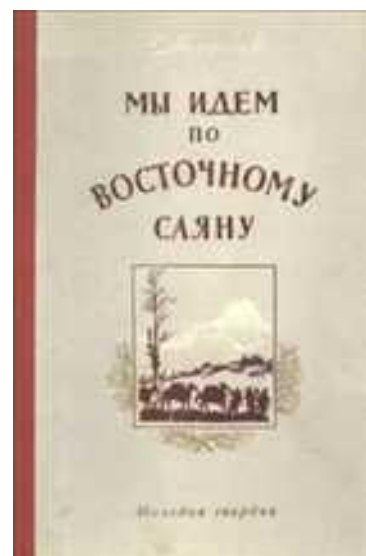
день дневники.

Но в редакцию «Сибирских огней» Г. Федосеев принес не полевой дневник, а почти готовую рукопись, рассказывающую об одной из экспедиций, где был начальником. Называлась она **«Мы идем по Восточному Саяну. (Как Сибирь наносится на карту)»**. И она, и последовавшие за ней повести («В теснинах Джугдыра», «В тисках Джугдыра» и др.) в 1949 — 1959 годах в журнале «Сибирские огни» были напечатаны, вышли отдельными книгами миллионными тиражами, переведены на иностранные языки и прославили имя их автора, ставшего известным советским писателем.

Сегодня имя Григория Федосеева носит одна из улиц Новосибирска, одна из горных вершин и перевал в Саянах и еще один перевал на Памире.

Поскольку в основе большинства произведений Г. Федосеева лежат его экспедиционные дневники, у него практически нет вымышленных персонажей. Личности геодезистов-разведчиков и сибирских аборигенов-таежников воспроизведены писателем с документальной точностью.

Книги Г. Федосеева полны драматизма. Они рисуют героические характеры первопроходцев-геодезистов, таежных следопытов, ярко воплотившихся в таких, например, образах, как топографы Михаил Закусин, Трофим Королев, или «живая летопись эвенков» легендарный охотник Улукиткан, и поэтически отображают суровую, но в то же время удивительно прекрасную природу Сибири. И через все произведения писателя проходит тема нравственной силы человека, которая является основой подлинного героизма.

К когорте «бывалых людей» без всяких оговорок можно было отнести и самого **Савву Елизаровича Кожевникова** (1903 — 1962), прошедшего труднейшую жизненную школу.

Родился С. Кожевников в селе Кривинское Алтайского края. В годы Гражданской войны участвовал в партизанском движении на Алтае. Занимался комсомольской работой, После окончания Свердловского коммунистического университета работал в сибирских окружных и краевых газетах, редактором Новосибирского книжного издательства. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом армейских газет. А с 1940 по 1941 и с 1946 по 1953 годы возглавлял «Сибирские огни». Позже (1953 — 1955) был собственным корреспондентом «Литературной газеты» в Китае.

С. Кожевников обратил на себя внимание сначала литературоведческими работами: писал рецензии, литературные портреты, выступал со статьями по вопросам текущих литературных событий. Но в литературу он прочно вошел как талантливый очеркист, прокладывающий в этом жанре новые пути.

Расцвет его писательской работы совпал с интенсивным развитием очерковой литературы, в которую он внес весомый вклад. В послевоенные годы одна за другой выходят его очерковые книги «Белая тайга» (1948), «Выше 66-й параллели» (1948), «О чем шумят сосны» (1950), «На земле Сибирской» (1953), «Ради этого стоит жить» (1958), «Мы собираем янтарные зерна» (1965) и др.

Поскольку вся жизнь С. Кожевникова была связана с Сибирью, она и стала главным предметом его многообразного творчества. В его произведениях можно встретить и описание увлекательных путешествий по Сибири, и рассказы о героизме советских людей в Великую Отечественную войну, и о революционном прошлом края, и воспоминания о замечательных людях, живших и живущих здесь. Но каких бы тем ни касался С. Кожевников, он всегда стремился рассказать о «подвиге народа в освоении огромного края, показать исключительную, ни с чем не сравнимую мощь и красоту Сибири, проникнуть в характеры ее людей» (Н. Яновский).

Питая к родному краю неизбывную любовь, писатель согревал ею свои произведения, в которых Сибирь предстает самыми разными гранями. Не случайно Л. Сейфуллина по поводу очерков С. Кожевникова сказала, что они «заражают внутренним огнем писательского волнения, живым чувством современности»¹.

Очень много делал С. Кожевников для поиска и последующей огранки литературных самородков, а также как собиратель и организатор литературных сил Сибири. Будучи редактором «Сибирских огней» он вел неустанный поиск молодых талантов. Благодаря ему в полной мере раскрылось дарование многих впоследствии широко известных писателей. И в первую очередь Г. Федосеева.

Проблема редакционного «портфеля» продолжала стоять достаточно остро и в послевоенные годы. Но для журнала она была тогда не единственной, о чем свидетельствует проходившее во второй половине сентября 1949 года в Новосибирске **совещание актива писателей Сибири**, созванное по решению секретариата Союза советских писателей в целях улучшения работы журнала «Сибирские огни». Оно шло под лозунгом «Сибирские огни» должны гореть ярче!» В его работе участвовали писатели из Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула, Кемерово, Сталинска (Новокузнецка), Иркутска и Читы, секретари Новосибирского обкома партии, а также столичный «десант»: заместитель председателя комиссии по русской литературе краев и областей Александр Карцев, лауреаты Сталинской премии прозаики Михаил Бубеннов и Борис Горбатов, который руководил совещанием.

Отмечая, что в последнее время в «Сибирских огнях» появились значительные произведения, выступавшие говорили о том, что журнал еще «отстает от жизни», что даже в лучших его вещах содержатся «существенные недостатки»... Замечания были высказаны весьма серьезные. Вместе с тем подчеркивалось, что критика в адрес журнала вызвана не упадком его, а повышением требовательности и желанием видеть главный сибирский журнал лучше.

Вопросы подъема литературы в Сибири явились предметом обсуждения также и на областных совещаниях писательского актива в Иркутске и Чите, прошедших вслед за совещанием в Новосибирске.

Особенно урожайным на разного рода семинары и совещания оказался 1952 год. В январе прошел в Новосибирске областной семинар молодых писателей, организованный Союзом писателей, «Сибирскими огнями» и Новосибирским книжным издательством. На нем впервые прозвучали имена впоследствии хорошо известных прозаиков М. Михеева и Н. Осинина.

Еще более представительный семинар молодых прошел в конце декабря 1952 года. В нем участвовали не только отдельные авторы из Новосибирска, районов области и сосед-

¹ Яновский Н. Савва Кожевников. // С. Кожевников. Янтарные зерна. — Новосибирск., 1983, с. 10.

них городов Кемерово, Тюмени, Барнаула, но и целые коллективы литературной молодежи — литобъединения при «Сибирских огнях», «Молодость», объединение при газете «Сталинское племя». Семинар этот стал стартовой площадкой для сибирских поэтов и прозаиков Л. Чикина, А. Кухно, Е. Коронатовой, П. Воронина.

Драматургам ставят задачу

В мае 1952 года состоялось в Новосибирске еще одно литературное совещание. Посвящено было оно вопросам драматургии. Созвал его Новосибирский горком ВКП(б) в связи с публикацией в «Правде» редакционной статьи «Преодолеть отставание драматургии». Местные деятели литературы и искусства вслед за авторами статьи тоже ратовали за появление «полноценных высокохудожественных произведений», за тесную связь театра и драматургов, «за создание хороших спектаклей на материале пьес сибирских драматургов».

И такой материал, в принципе был. А с ним и предпосылки для того, чтобы, ориентируясь на лучших сибирских драматургов, «преодолеть отставание» и вывести сибирскую драматургию на соответствующий идейно-художественный уровень. Правда, с другой стороны, сибирская драматургия послевоенного десятилетия при немалом количестве авторов за некоторым исключением, не дала произведений высокого художественного уровня.

Одной из серьезных причин исследователи считают негативное воздействие модной тогда «теории бесконфликтности». Меньше всего затронула она историческую драму. Представленная пьесами историко-биографического и историко-революционного характера, историческая драма Сибири обращается как раз к крупным конфликтам, обусловленным необычайно острой политической ситуацией; события берутся тоже не мелкие и буднично-спокойные, а насыщенные драматической борьбой, столкновением характеров. Наверное, потому и достижений здесь больше. За это говорят, в частности, пьесы иркутянина А. Ольхона «Вилуйский узник» (1948) о сибирской ссылке Н. Чернышевского, омича М. Максимова «Навсегда» (1950), барнаульца М. Юдалевича «Ползунов».

В пьесах о современности, созданных сибирскими драматургами в первое послевоенное десятилетие, значительное место занимала проблема личности и коллектива. Она поднималась как в произведениях с производственным конфликтом — например, в пьесе забайкальских драматургов Б. Костюковского и Б. Левантовской «Судьба товарища» (1950), так и в тех, где конфликты лежали в бытовой плоскости. Скажем, вопросы воспитания личности в пьесах новосибирских авторов Л. Гераськиной «Аттестат зрелости» (1948) и Ю. Сальникова «Твоя семья» (1955) решались на материале школьной жизни. Кстати, используя бытовую основу, драматурги добивались больших успехов. Пьесы тех же и Ю. Сальникова Л. И Гераськиной входили в репертуар многих советских театров, а пьеса последней в 1954-м была экранизирована.

Но были в сибирской драматургии послевоенного времени и по-настоящему яркие таланты. Во всяком случае 1952-й год был примечателен для литературы и театра еще и тем, что именно в этом году в полный голос зазвучало имя драматурга В. Лаврентьева.

Виктор Владимирович Лаврентьев (1914 — 1986) родился в Томске, в семье служащих. Учился на юридическом факультете Томского университета. В 1940 году В. Лаврентьев переехал в Новосибирск, где работал судебным приставом Запсибкрайсуда, юрисконсультантом, художественным руководителем в доме культуры Октябрьской революции, а с началом Великой Отечественной ушел добровольцем на фронт. Был тяжело ранен. После демобилизации в 1945 году В. Лаврентьев вернулся в Новосибирск. Работал литсотрудником

газеты «Советская Сибирь». А с 1958 по 1964 год — главным редактором журнала «Сибирские огни». В конце 1960-х годов В. Лаврентьев переехал в Москву. С 1969 по 1972 год возглавлял журнал «Театр».

Литературную деятельность В. Лаврентьев начинал со стихов во фронтовых газетах. Писал также очерки и рассказы. Но как драматург родился в 1952 году с пьесой «На просторах», поставленной впервые на сцене Новосибирского областного драматического театра. Публиковался В. Лаврентьев в журналах «Театр», «Современная драматургия», «Сибирские огни». Автор сборников «Пьесы» (1960), «Суровые годы» (1964), «Человек и глобус» (1971), изданных в Москве и Новосибирске. Выступал В. Лаврентьев и как теоретик театрального искусства.

В 1950 — 1960-х годах пьесы В. Лаврентьева занимали видное место в репертуаре многих театров СССР, начиная с МХАТа, имени Вахтангова и кончая сценами ряда зарубежных стран.

Активно участвовал В. Лаврентьев и в литературной жизни страны. Был делегатом I учредительного съезда Союза писателей РСФСР, III и IV съездов писателей СССР, много лет состоял членом правления Союза писателей СССР, а так же избирался делегатом XXII съезда КПСС. Плодотворная творческая и общественная деятельность В. Лаврентьева отмечена многими орденами и медалями.

Пьесы В. Лаврентьева отличаются разнообразием сюжетов, яркие неординарные характеры, жгучие проблемы времени, сочный язык персонажей. А для его творческой манеры характерно сочетание традиций горьковской и чеховской драматургий, пафос нравственного поиска, необычные композиционные решения. К отличительным чертам драматургии В. Лаврентьева относятся также гражданский пафос и публицистическая страстность.

Ведущей же идеей в творчестве В. Лаврентьева стало утверждение бескорыстного, самоотверженного служения обществу. Ею, в частности, пронизаны пьесы «Светлая» (1954), «Иван Буданцев» (1955). Рассказ о людях послевоенного села, начатый здесь, В. Лаврентьев продолжил в пьесах «Успех» (1957), «Ради своих ближних» (1960), «Где-то совсем рядом». Не обошел драматург в своих пьесах и тему Великой Отечественной войны. Она зазвучала в пьесах «Суровые годы» и «Человек и глобус». Проблеме брака, семьи, нравственного воспитания детей посвящены его комедии «Последняя легенда» и семейно-бытовая драма «Чти отца своего» (1964). Есть в творческом багаже В. Лаврентьева и лирически взволнованная пьеса «Горная баллада» (1958) о влюбленной в путешествия, но прикованной к постели девушке-инвалиде.

Пьесы В. Лаврентьева густо населены хорошими людьми — со своими разными судьбами, но близкими друг другу честностью, трудовой гордостью, нетерпимостью к эгоизму и подлости. Показанные в повседневных житейских обстоятельствах, герои лаврентьевских пьес преломляют в своих судьбах характерные тенденции эпохи. Их отличают сильные характеры и романтическая устремленность. Они прочно стоят на земле, но при этом всегда в пути, в конфликте с со всем пошлым, мещанским, отживающим свой век.

Автор чужд приземленного бытописательства. Действующие лица его пьес, как правило, захвачены в напряженные моменты социального и нравственного самоопределения, в те минуты жизни, когда столкновение характеров достигает высокого накала. Как происходит это, например, в лучшей и наиболее известной пьесе В. Лаврентьева — «Кряжевы» (1952), где прослеживается история распада и возрождения семьи сибирского мастерового Михея Кряжева с начала XX века и до первой советской пятилетки.

Пьесы В. Лаврентьева — своего рода эпопея жизни советского государства военной поры и первых послевоенных десятилетий: герои одного произведения как бы подхватывают недосказанное в предыдущем.

Временем творческого расцвета послевоенное десятилетие стало и для одного из виднейших драматургов Сибири П. Маляревского, начинавшего свою литературную деятельность еще в тридцатые годы.

Павел Григорьевич Маляревский (1904 — 1961) родился в Тобольске, в семье инспектора народных училищ. После школы работал библиотекарем, а в 1923 году приехал в Иркутск, где окончил юридический факультет Иркутского университета. Работал в РКИ (рабоче-крестьянской инспекции), преподавал, сотрудничал в иркутской газете «Власть труда», заведовал литературной частью иркутского областного драмтеатра.

Свой путь в литературу П. Маляревский начинал как поэт, но уже в стихах угадывался его драматургический талант. А в 1935 году он дебютировал с пьесой «Доржи Банзаров» о трагической судьбе первого бурятского ученого.

П. Маляревский писал пьесы для детей и взрослых. Много экспериментировал в поисках разных стилистических средств. В итоге излюбленным жанром становится сказка как наиболее отвечающая его творческому существу. В своих сказочных пьесах П. Маляревский просто и доходчиво говорил с юными читателями и зрителями о больших социальных и нравственно-этических проблемах, ставил перед ними извечные вопросы мировой культуры, касающиеся добра и зла, правды и лжи. Сказка была для П. Маляревского удобной художественной формой, чтобы сказать правду о жизни и людях. Сценические сказки П. Маляревского воспитывали в детях мужество, честность, бесстрашие, учили их стойкости, верности, стремлению к правде и справедливости.

Первым крупным драматическим «взрослым» произведением П. Маляревского стала пьеса «Костер» (1946) об освоении природных богатств Сибири. Большим успехом у современников П. Маляревского пользовалась его историко-революционная драма «**Канун грозы**» (1949), посвященная событиям 1912 года (расстрел восставших рабочих на Ленских золотых приисках). За эту работу П. Маляревский был удостоен в 1951 году Сталинской (впоследствии — Государственная) премии.

В 1961 году П. Маляревский ушел из жизни, но его творчество прочно легло в основание советской сибирской драматургии.

Нелишне напомнить еще об одном талантливом прозаике и драматурге, родившемся и начинавшем свой творческий путь в Сибири, — И. Дворецком.

Игнатий (Израиль) Моисеевич Дворецкий (1919 — 1987) родился на станции Слюдянка Иркутской области, в семье служащих. Его отец в 1938 году был репрессирован и погиб в лагере.

Окончив школу, И. Дворецкий работал строительным рабочим, токарем на заводе. Учился в Московском институте права и государственного управления. В 1940 году был осужден на восемь лет по уголовной статье. Срок отбывал на Колыме, где был землекопом, трактористом, рыбаком, грузчиком и даже руководителем лагерной агитбригады.

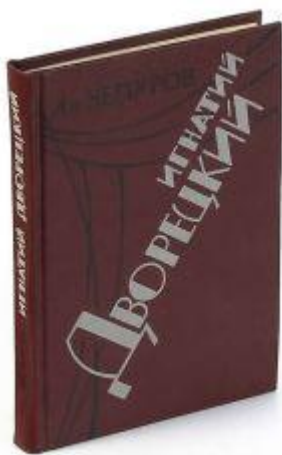
В 1947 году после освобождения работал в Иркутске в промышленной кооперации, корреспондентом военной окружной газеты «Советский боец». Заочно учился на филологическом факультете Иркутского государственного университета. Нередко бывал в творческих командировках в леспромхозах, на крупных сибирских стройках, что давало ему материал для прозаических драматургических произведений. Так, после командировки на сооружение линии электропередачи Иркутск — Братск родилась одна из известных его пьес «**Трасса**».

В 1955 году И. Дворецкий переехал в Москву. Окончил Всесоюзные литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. А в 1959 году состоялся театральный дебют И. Дворецкого: пьеса «Трасса» почти одновременно была поставлена в театре им. Пушкина в Москве и в Большом драматическом театре Ленинграда.

В 1964 году И. Дворецкий переехал в Ленинград, где создал студию молодых драматургов. По ее примеру позднее подобные студии стали появляться в Сибири.

Начало литературной деятельности И. Дворецкого относится к 1948 году. Повести и рассказы И. Дворецкого появляются на страницах «Огонька», «Смены», «Молодой гвардии», «Нового мира», «Знамени» и других литературных изданий, а его пьесы в журналах «Театр» и «Советская драматургия». Первая книга И. Дворецкого — повесть «Тайга весенняя» — выходит в Иркутске в 1952 году. Автор еще нескольких книг, в числе которых и сборники пьес «Человек со стороны» (1972), «Трасса» (1978).

Большая часть рассказов, повестей и пьес И. Дворецкого посвящена участникам послевоенных сибирских строек. Герои И. Дворецкого живут и работают в тяжелейших условиях.

И по сути своей они — настоящие герои. Но жизнь их под пером автора лишена героического ореола — она подчеркнута будничная. В пьесах «Взрыв», «Трасса», «Мост и скрипка», а особенно в пьесе «Человек со стороны», которые с успехом шли в крупнейших театрах СССР и за рубежом в 1960 — 1970-х годах и принесли И. Дворецкому всесоюзную известность, нет парадного благополучия, сусальной героики, велеречивой патетики, присущих многим драматургическим произведениям 1950-х, посвященным современным первопроходцам. И. Дворецкий, напротив, старался всячески избегать и этой, как тогда говорили, «лакировки действительности», и всяких шаблонов, стереотипов, и облегченных решений, и готовых рецептов. Потому и лучшие его произведения оказались неподвластны времени.

В широком формате

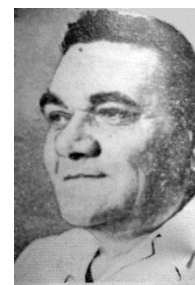
Но, все-таки, тон в литературе Сибири послевоенного десятилетия задавала не драматургия, а проза и поэзия. И примечательно было то, что на передовые позиции вышли вещи крупноформатные: поэма, поэтическое повествование — в поэзии и роман — в прозе. Повышенный к ним интерес объяснялся необходимостью более глубокого и многогранного осмысления прошлого и настоящего, а крупноформатные жанры давали для этого большие возможности, поскольку синтезировали в себе и эпос, и лирику, и драму.

Что касается тематической направленности, то переход страны на мирные рельсы ориентировал советских литераторов, прежде всего, на отображение послевоенной действительности и в первую очередь той ее части, которая связана была с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства, промышленного и сельскохозяйственного производства. Поэтому ничего удивительного, что в послевоенные годы широкое распространение получили романы «производственные» и «колхозные».

Однако общая беда таких произведений была в том, что жизненный материал в них подавался, как правило, упрощенно, поверхностно, без серьезного художественного осмысления. В силу подобного облегченного подхода к действительности авторы «производственно-колхозных» романов пытались любой, даже самый неблагодарный труд представить как праздник, хотя реальная жизнь чаще всего свидетельствовала обратное. Недаром критики более позднего времени такое литературное приукрашивание метко окрестили «лакировкой действительности». Разного рода штампы, иллюстративность, избыточность «технологических» описаний, схематичность в изображении характеров героев тоже были отличительными чертами этой прозы.

Ее образчики имелись и в литературе послевоенной Сибири. И едва ли не самым показательным из них был роман А. Волошина «Земля Кузнецкая» (1949).

Александр Никитич Волошин (1912 — 1978) родился в Петербурге, в рабочей семье. Девятнадцатилетним юношей приехал на строительство Кузнецкого металлургического комбината. Работал грузчиком, землекопом, бетонщиком. Позже — запальщиком, отбойщиком на шахтах Кузбасса. Участвовал в Великой Отечественной войне. После демобилизации был корреспондентом областной газеты «Кузбасс». В 1948 году стал профессиональным писателем. Писал очерки, рассказы, романы, пьесы, главной темой которых был труд шахтеров.

Самое известное произведение А. Волошина — роман «**Земля Кузнецкая**». В нем писатель поднимает важные проблемы послевоенной жизни горняков. Но хорошо зная ее, подходил облегченно к художественному отображению. Отчего в романе много скучных описаний производственного процесса и мало запоминающихся образов и характеров. Налицо и психологическая обедненность персонажей. Да и показаны они весьма прямолинейно и одноцветно. Как, впрочем, и лежащий в основе произведения производственный конфликт между главными героями: инженером-новатором Роговым и начальником-консерватором Дроботом.

К несомненным литературным удачам роман «Земля Кузнецкая» отнести трудно. Тем не менее, он переиздавался 15 раз, переведен на ряд иностранных языков, и был удостоен в 1951 году Сталинской премии.

Более значительных успехов в послевоенное время в литературе Сибири достигли авторы, обращавшиеся к далекой и близкой сибирской истории. И в первую очередь — к историко-революционной теме. К лучшим произведениям здесь можно отнести романы Г. Маркова «Строговы», К. Седых «Даурия», С. Сартакова, «Хребты Саянские», все вместе воспроизводящие общую картину развития революционного движения в среде сибирского крестьянства и пролетариата. По форме романы эти представляют собой семейные хроники, охватывающие события нескольких десятилетий, а потому каждый из них вернее, наверное, было бы назвать «романом поколений». Историческое «общее» и единый пафос изображаемых явлений не мешает произведениям Г. Маркова, К. Седых и С. Сартакова отличаться яркой неповторимой индивидуальностью и самобытностью, идущие, в том числе, и от личности и судьбы их авторов.

Создатели послевоенных исторических романов, в отличие от предшественников активно использовали не только архивные материалы, документы и мемуары, но и собственные воспоминания и лично пережитое.

Как писал Г. Марков о своей работе над «Строговыми», «раздумывая над будущей книгой, я вспоминал людей, среди которых рос, трудился, воспитывался»². Более того, в его романе выведены и реально существовавшие люди. А некоторые персонажи даже и названы их настоящими именами, как, например, дед Фишка. Вместе с тем сама история семьи Строговых дана писателем почти с документальной точностью: «Я изучал статистические сборники, ... волостные архивы»³, — свидетельствует автор романа.

Георгий Мокеевич Марков (1911 — 1991) родился в селе Ново-Кусково Томской губернии, в семье сибирского охотника. После учебы в Томском университете работал в райкоме комсомола, был редактором ряда газет и журналов Западной Сибири, сам активно занимался журналистикой: писал очерки, корреспонденции, статьи. К этому же времени относится и начало работы Г. Маркова над романом

² Марков Г. Слово к моим читателям. // Г. Марков. Строговы. — М., 1968, с. 6.

³ Марков Г. Истоки творчества. // «Молодая гвардия», 1956, №3, с. 177.

«Строговы», ставшим его литературным дебютом. Первая книга романа вышла в Иркутске 1939 году. Но дальнейшую работу над ним прервала Великая Отечественная война.

Службу Г. Марков проходил на Дальнем Востоке. В качестве специального корреспондента газеты Забайкальского фронта «На боевом посту» он участвовал в разгроме японской Квантунской армии в августе 1945 года. Позднее Г. Марков напишет об этом повесть «Солдат пехоты» (1947), которая в переизданиях будет называться «Орлы над Хинганом».

После войны Г. Марков возвращается к «Строговым» и в 1946 году там же, в Иркутске, выходит вторая книга романа. Впоследствии «Строговы» многократно переиздавались в различных издательствах страны, переводились на многие иностранные языки, а в 1952 году были удостоены Сталинской премии СССР.

В романе Г. Маркова перед читателем проходят три поколения коренных сибиряков-таежников Строговых, образуя единую неразрывную цепь, в которой каждое новое поколение вступает в жизнь, уже обогащенное опытом отцов. Через изображение личной судьбы персонажей романа — отцов, сыновей, внуков семьи Строговых и всего их социального окружения писатель стремится передать смысл общественно-политических изменений и сущность исторического развития Сибири на революционном переломе. При этом герои Г. Маркова выделяются ярким своеобразием характеров, каждый своей «изюминкой».

Жизнь нескольких поколений одной семьи на протяжении почти полувека показана и в романе К. Седых «Даурия». Но представлен здесь уже иной социальный слой — забайкальское казачество, что вполне закономерно, поскольку и сам автор был его выходцем.

Константин Федорович Седых (1908 — 1979) родился в поселке Поперечный Зерентуй Нерчинско-Заводского района Читинской области, в казачьей семье. После окончания Читинского педагогического техникума работал в газетах Забайкалья. В начале 1930-х годов переехал в Иркутск. Великую Отечественную войну прошел корреспондентом армейских газет.

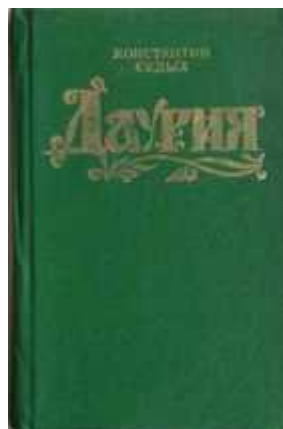

Творческий путь К. Седых начинал как поэт. В 1933 году в Иркутске вышел его первый сборник стихов «Забайкалье». Он автор еще нескольких поэтических книжек.

Еще в предвоенные годы К. Седых взялся за роман «Даурия», рассказывающий о судьбах жителей забайкальского казачьего поселка на революционном переломе. С первых же страниц читатель окунается в своеобразный быт казаков, социальные процессы и отношения в их среде, в мир природы Забайкалья. Центральным конфликтом романа становится противостояние казачьих семей Улыбиных, за которыми — беднота, и Чепаловых — врагами новой жизни.

Роман насыщен историческими событиями, эпизодами и лицами, среди которых немало реальных фигур, таких, например, как легендарный С. Лазо. Исторические события у К. Седых тоже тесно переплетены с личными судьбами героев произведения, а сама история становится как бы еще одним действующим лицом романа. Отсюда и характеры героев определяются не просто окружающими обстоятельствами, а формируются и меняются именно под непосредственным воздействием действительности.

Критики в свое время отмечали, что в этом отношении «Даурия» близка к «Тихому Дону». Близок роман К. Седых к шолохов-

ской эпопее и стремлением показать сложность взаимоотношений среди казаков, а также трагическую противоречивость Гражданской войны, «когда воевали прежде всего русские с русскими», хотя «сплошь и рядом были они земляками, однополчанами по прежней службе, соседями, друзьями детских и юношеских лет и даже самой близкой родней».

Первые главы «Даурии» опубликовал в 1939 году альманах «Новая Сибирь». Отдельной книгой роман был издан в 1948 году в Чите. И сразу же завоевал огромную читательскую популярность. Он многократно переиздавался у себя на родине и за рубежом (всего выдержал сто изданий!), переведен на многие языки мира. А в 1950 году роман «Даурия» был удостоен Сталинской премии.

В 1958 году последовало продолжение «Даурии» — роман «Отчий край».

Почти одновременно с романами Г. Маркова и К Седых в послевоенной прозе Сибири появляется еще одно эпическое произведение на историко-революционную тему — роман С. Сартакова «Хребты Саянские».

Сергей Венедиктович Сартаков (1908 — 2005) — тоже коренной сибиряк. Родился он в Омске, в семье железнодорожного служащего. В 1919 году после белочешского мятежа Сартаковы переселились к родственникам в Восточную Сибирь. В таежном поселке Кирей они прожили восемь лет. Здесь прошли детство и юность С. Сартакова. Рано начав трудовую жизнь, занимался он лесосплавом, кузнечными и слесарными работами, промысловой охотой, гнал деготь и смолу. Переехав в 1928 году в Минусинск, С. Сартаков работал столяром-краснодеревщиком. Заочно окончил бухгалтерские курсы. В 1931 году был призван в ряды Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии, где служил начальником счетно-финансового сектора на участке военно-строительных работ. Демобилизовавшись в 1933-м, работал главным бухгалтером лесозэкспортного треста Севполярлес, чья контора находилась сначала в Енисейске, потом в Красноярске, с которым С. Сартаков будет связан четверть века, пока в 1957 году не переедет в Москву.

В 1938 году С. Сартаков опубликовал свой первый рассказ. А в 1945-м дебютировал с книгой «Алексей Худоногов».

Литературное наследство С. Сартакова огромно. Но особенно сильно и ярко проявился талант этого писателя в историко-революционных эпопеях, начало которым положила трилогия «Хребты Саянские» — «Гольцы» (1948), «Горит восток» (1954), «Пробитое пулями знамя» (1957).

Эту трилогию С. Сартаков начал писать, как свидетельствует он в предисловии к одному из переизданий книги, по впечатлениям юности, которые были еще настолько свежи и переполняли его, что в работе над «Хребтами...» он «не столько писал, сколько жил в этом романе». Не случайно так зримо и достоверно показана в нем жизнь и природа Сибири, люди ее населяющие, так хорошо понимает и чутко ощущает их автор.

«Хребты Саянские» — крупное по охвату жизнеописание Сибири. Действие романа начинается с конца XIX века — времени интенсивной, часто просто хищнической капитализации Сибири — и завершается картинами разгрома первой русской революции. С. Сартаков использовал подлинные факты революционного движения 1905 — 1906 года в Иркутске, Красноярске, Нижнеудинске. Роман насыщен историческим материалом. А события, связанные с развитием капитализма в Сибири и ростом пролетариата, Русско-японской войной, Первой русской революцией, переданы С. Сартаковым особенно дотошно и скрупулезно.

Большое внимание писатель уделяет истории революционного движения Сибири, возникновению и становлению здесь рабочего класса. Наблюдая жизнь двух поколений сибиряков накануне революционных событий 1905 — 1906 года, автор показывает, как включаются в революционную борьбу герои романа. Само же революционное движение писатель изображает с учетом своеобразия сибирских условий (строительство Транссиба, например), способствовавших его ускоренному и более бурному развитию.

«Хребты Саянские» — роман многонаселенный. Среди его персонажей представители разных социальных слоев: крестьяне, рабочие, охотники, принадлежащие к разным партиям интеллигенты, профессиональные революционеры... Но в центре произведения — несколько рабочих семей, которые, по мысли С. Сартакова, и создали «хребет Сибири».

Впрочем, в поле зрения автора (в отличие от романов Г. Маркова и К. Седых) попадают и семьи других социальных слоев, что дает ему «возможность показать не только узловые исторические конфликты, но и позиции участвующих в них классовых сил, вскрыть психологию враждующих сторон, судьбы которых оказываются тесно переплетенными. С. Сартаков строит действие романа таким образом, чтобы охватить быт, взаимоотношения всех основных социальных сил Сибири начала века, определивших ее развитие в канун и во время Первой русской революции. Частные судьбы оказываются при этом тесно связанными с эпохальными событиями века»⁴.

Помимо всего прочего, С. Сартакову в «Хребтах Саянских» удалось высветить самотыпные характеры сибиряков, поднять огромные пласты народной жизни. Еще и поэтому трилогия, имевшая в свое время большой успех, представляет несомненный интерес и для современного читателя.

Достаточно актуальной в послевоенное десятилетие оставалась в сибирской прозе и тема Гражданской войны, тесно связанная с историко-революционной. Появляются крупные произведения об установлении советской власти в Сибири, борьбе с колчаковщиной и интервенцией, о партизанском движении. В романах Н. Колбина «Партизаны» (1946), Е. Пермитина «Друзья» (1947), Д. Нагишкина «Сердце Бонивура» (1947), Ю. Бессонова «Восстание» (1955) находят свое закономерное продолжение основные тенденции в развитии военно-патриотического жанра на материале Гражданской войны, сложившиеся еще в 1930-е годы.

Пополнялась в послевоенное десятилетие новыми произведениями и проза, посвященная подвигам русских первопроходцев. Увидел, в частности, свет роман С. Маркова «Юконский ворон» (1946) о первом исследователе Аляски Л. Загоскине. Появилось два цикла исторических романов Н. Задорнова: «Амур-батюшка» (1941 — 1946) и «Далекий край» (1946 — 1949) об освоении русскими Дальнего Востока. Произведения этих авторов давно стали классикой советской исторической прозы.

Новое дыхание в послевоенное десятилетие обретает национальная тема. Растет в произведениях, ей посвященных, масштабность социально-исторических и морально-этических проблем, внимание авторов к психологическому рисунку характеров, глубже становится изображение жизни народов Сибири. На новом витке своего развития находит она отражение в романах Т. Семушкина «Алитет уходит в горы» (1948), Г. Гора «Юноша с далекой реки» (1948), А. Кожевникова «Живая вода» (1950), Н. Максимова «Поиски счастья» (1952), Н. Шундика «Быстроногий олень» (1953).

Каждое из этих произведений отличается собственным авторским подходом в раскрытии национальной темы. Если «Алитет уходит в горы» — произведение остросоци-

⁴ Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. — Новосибирск, 1982, т. 2, с. 356 — 357.

альное и психологическое, то «Юноша с далекой реки» — уже скорей лирико-исповедальное.

«Живая вода» Алексея Кожевникова (1891 — 1980) по ряду признаков близка к послевоенной производственной прозе. В романе рассказывается о деятельности одного из конных заводов Хакасии, занятого выведением новой породы лошадей для Советской Армии. Главным же конфликтом произведения становится традиционное для «производственной» прозы столкновение отживших форм хозяйствования с передовыми, которые стремится внедрить новый директор конезавода. А. Кожевникова всегда отличал живой интерес к социалистическому преобразованию восточных районов страны, о чем свидетельствуют его прежние романы «Здравствуй, путь!» (1936), о строительстве Турксиба, и «Брат океана» (1939) — о сооружении на Енисее порта Игарка. «Живая вода» как бы завершает эту своего рода трилогию об освоении далеких национальных окраин. В 1951 году она была удостоена Сталинской премии.

В романе Николая Шундика (1920 — 1995) внимание автора также заострено на становлении новых производственных и общественных отношений, на формировании трудового коллектива. Не случайно сюжетную основу этого произведения составляют перипетии социалистического соревнования между двумя чукотскими колхозами.

А вот роман Николая Максимова (1911 — 1993) — многоплановое историческое произведение о чукотском народе, оказавшемся в начале XX века между двумя цивилизациями и перед необходимостью социального выбора (и в этом плане оно ближе к романам А. Коптелова и М. Ошарова). С судьбой аборигенов в романе Н. Максимова тесно переплетаются судьбы «искателей счастья» разных национальностей, по разным причинам оказавшимся среди чукчей.

«Полынь и солнце» сибирской поэзии

Поэтическая Сибирь послевоенного десятилетия объединяла творчество стихотворцев разных поколений. Различаясь «лица необщим выраженьем», они близки были в самом главном — любви к своему краю, которая становилась лейтмотивом и прочным стержнем их творчества. И одним из ярких тому примеров может служить творческая судьба К. Лисовского.

Поэт Сибири — именно так называли **Казимира Леонидовича Лисовского**. (1919 — 1980) современники. И совершенно справедливо. Сибирь он прекрасно знал, бесконечно любил и воспевал в своих стихах, поэмах и прозе почти полвека.

*Как только начну о Сибири,
Волнуясь, писать допоздна, —
Тотчас исчезают в квартире
Спокойствие и тишина.*

*И в комнате свежестью кедра
Повеет... И станут слышны
И гул енисейского ветра,
И рокот байкальской волны.*

*Ударит морозом с Таймыра,
Жарою — с хакасских степей...
И я покидаю квартиру,
Спешу за мечтою моей...*

И действительно — за каждой строкой К. Лисовского тысячи верст сибирских просторов. Поэта можно было встретить на Байкале, Енисее, Лене, Таймыре, Диксоне, Новосибирских островах, в Якутии, Туве, Горном Алтае, Хакасии... Не было, наверное, такого уголка в Сибири, где бы ни оставил своего следа К. Лисовский. По его стихам можно изучать географию родного края. Не случайно одна из его книг названа «Всегда в пути».

Но странствия К. Лисовского не были самоцелью, романтической блажью. Они являлись способом поэтического существования, источником, питавшим его поэзию.

*Противопоказано поэту,
Если он не хочет устареть,
Жить в тиши уютной кабинета
И на мир из форточки смотреть.
И, томясь, высасывать из пальца,
Строки, не согретые душой...
Нет, судьба газетчика-скитальца
Во сто крат дороже мне иной.*

Прямо и откровенно К. Лисовский выразил здесь свое авторское кредо: ему — поэту с характером «газетчика-скитальца» нужны не отвлеченные рассуждения, а живые конкретные наблюдения над жизнью и людьми. Вот почему многие его стихи — это своеобразные поэтические репортажи со строек, полевых станов, из таежных и рыбацких поселков, заполярных факторий... К. Лисовский чувствовал себя органически связанным со всем, чем жила его Сибирь. Многоликая эта жизнь и становится истинной ценой каждой строки поэта.

Ценой тем более высокой, если учесть, что сам К. Лисовский физическим здоровьем не отличался и в каждом новом путешествии преодолевал не только трудности пути, но и самого себя, собственные недуги — ради новых поэтических строк совершал незримый для окружающих подвиг. Впрочем, преодоление это едва ли не с рождения было для него «нормой» жизни.

Родился К. Лисовский на Украине, в селе Ободовка Винницкой области. В 1930 году семья переехала в Сибирь: сначала в Иркутск, потом в Красноярск. Тяжелая мучительная болезнь (костный туберкулез) отняла у К. Лисовского почти все годы детства, да и в дальнейшем постоянно преследовала его, приковав в последние годы жизни к постели окончательно.

Писать К. Лисовский начал очень рано: в 14 лет опубликовал первое стихотворение, а в двадцать два полностью перешел на литературную работу, успев до этого потрудиться в газетах красноярского края «Сталинские внучата», «Большевик Енисея».

По состоянию здоровья в армию К. Лисовского не взяли, и, чтобы внести хоть какую-то лепту в дело победы над врагом, он выступает со стихами на радио и в газетах, на заводах и в госпиталях, участвует в выпуске агитплакатов «Окна ТАСС» в Красноярске.

Писал К. Лисовский, которому не довелось участвовать в сражениях, в основном о тружениках военного тыла, во глубине Сибири ковавших орудие Победы, но, ведь, как справедливо заметил поэт-фронтовик Недогонов, «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд», так что и К. Лисовского по праву можно отнести к поэтам военного призыва. В 1958 году К. Лисовский переехал в Новосибирск, с которым связал дальнейшую свою жизнь.

К. Лисовский исколесил всю Сибирь, но самыми дорогими в ней местами были для него Енисей и Сибирский Север. И действительно, в творческом багаже Лисовского не один десяток стихотворений о «вечном труженике» «славном старике», «умельце и друге», «брате полярных морей» Енисее, который для него «песни начало» и даже «любви... первой сильней!». Ну а Енисей, разумеется, немыслим без Красноярска — города юности

К. Лисовского. Большой цикл стихов о Красноярске так и называется «Город моей юности».

Не мог обойти К. Лисовский и тему Севера. Еще в 1943 году побывал он впервые в Эвенкии и с тех пор «заболел» Севером. Длительная эта «болезнь» выливалась в стихотворные зарисовки северной природы, в поэтические репортажи о путешествиях по тундре и тайге, в рассказы о людях Севера: охотниках, оленеводах, полярных летчиках, капитанах пароходов, просто гостеприимных и добрых людях.

Чрезвычайно важной для К. Лисовского темой станет тема интернационализма, дружбы народов, которая будет звучать во многих его произведениях. А поэма К. Лисовского «Бежал бродяга с Сахалина» и вовсе целиком ей посвящена.

В центре поэмы — каторжник, попавший на Сахалин за то, что, доведенный до отчаяния, «усадыбу барскую поджег». Иван Непомнящих бежит с каторги и после долгих скитаний оказывается в Эвенкии, где прочно оседает, благодаря дружелюбно настроенным тунгусам. Иван женится на эвенкийской девушке, строит дом... Так было положено начало роду Непомнящих, давшего впоследствии имя большому эвенкийско-русскому селу.

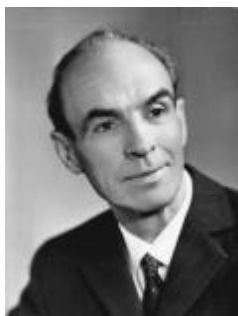
Интернациональный мотив становится сквозным и в другом крупном поэтическом произведении К. Лисовского — поэме «русский человек Бегичев». Первопроходец боцман Бегичев «везде в тундре гостем был желанным», здесь нашел он «дружбы бескорыстное счастье», ибо сам отличался дружелюбием, отзывчивостью, искренностью.

Поэму о Бегичеве К. Лисовский написал в 1947 году и назвал повестью в стихах. Это и в самом деле связанное сюжетное повествование, а точнее — поэтическое жизнеописание известного полярного путешественника. К образу Бегичева поэт обращался не раз: в том числе и в очерковых книгах «Следопыт Севера Никифор Бегичев», «Тайна мыса Входного» и «По следам Улахана Анцифора», где не только рассказал на документальной основе о судьбе легендарного моряка, но и поведал, как отыскал в тундре его могилу. Что касается самого Бегичева, то он показан писателем натурой сильной, цельной, человеком пытливого ума, смелым, самоотверженным, отдавшим всего себя России-родине.

Вообще, следует заметить, обращение к той или иной реальной исторической личности — одна из характерных черт творчества К. Лисовского. И тянуло его к натурам сильным, волевым, талантливым, очень самобытным (помимо Бегичева, это и Ленин, и Колчак).

Далеко не все созданное К. Лисовским выдержало испытание временем. Что-то сегодня кажется архаичным, наивным, газетно-сиюминутным, что-то слишком идеологизированным, а кое-что — даже и конъюнктурным. Что делать — К. Лисовский был человеком своего времени и писал о своем времени, к которому мы, нынешние, часто подходим уже совсем с другими мерками. И все-таки немало в его произведениях оказалось неподвластным времени и продолжает волновать нас и сегодня.

Василий Михайлович Пухначев (1910 — 1982) также принадлежал к числу тех самозабвенных «певцов Сибири» XX столетия (от И. Ерошина и И. Мухачёва до А. Смердова и К. Лисовского), усилиями которых формировался ее поэтический облик, а сама она становилась национальным культурным достоянием.

В. Пухначев родился в старинном кержацком селе Волчно-Бурлинское на Алтае, в семье сельского учителя.

Сын учителя, он и сам на первых порах шел по стопам отца. После окончания школы с педагогическим уклоном учительствовал в сельских школах Алтая, работал инспектором политпросвета, а когда началось колхозное

строительство, восемнадцатилетний комсомолец В. Пухначев стал еще и уполномоченным по коллективизации. В 1930 году В. Пухначев был назначен заведующим районо.

В сентябре 1932 года А. Пухначев приезжает в Новосибирск, где начинается новый этап его жизни, связанный уже с искусством. В предвоенные годы В. Пухначев руководил целым рядом учреждений культуры, пока в конце 1939 года не стал начальником ансамбля песни и пляски Сибирского военного округа.

Великую Отечественную войну В. Пухначев прошел старшим инструктором политуправления 2-го Прибалтийского фронта, удостоившись нескольких боевых наград.

В памяти народной В. Пухначев остался как поэт-песенник. На его слова написаны широко известные песни «Над широкой Обью», «Сибирский вальс», «Стоит березка» и др. К стихам В. Пухначева обращались композиторы В. Левашов, В. Мурадели, Т. Хренников, А. Долуханян. Долгие годы В. Пухначева соединяла совместная работа с Сибирским русским народным хором, репертуарную основу которого составляли песни на слова В. Пухначева, и его художественным руководителем композитором А. Новиковым.

Однако начинал В. Пухначев свою литературную деятельность как очеркист. И первые его книги — «Лесорубы» (1947), «Большая дорога» (1948) — тоже были очерковыми. В. Пухначев был прекрасным знатоком сибирского фольклора и собирателем устного народного творчества. Много лет он записывал сказки северных сибирских народностей хантов и селькупов, живущих на берегах таежной реки Тым. Результатом стала прекрасная книга «Сказки старого Тыма» (1950).

А уже в 1950-х годах настанет и песенная пора В. Пухначева. Песни на его слова звучат на самых различных концертных площадках, в эфире, в кинофильмах. А тексты песен начнут появляться на страницах журналов «Сибирские огни», «Огонек», «Смена», а потом и в поэтических сборниках В. Пухначева «Песни» (1954), «Пою Сибирь» (1962) и др.

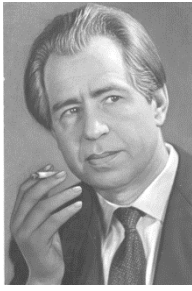
Но вот что примечательно. Имея народно-фольклорные корни и истоки, тексты песен В. Пухначева наполнены, как правило, социально значимым, актуальным, а то и просто острозлободневным для своего времени содержанием. В этом плане В. Пухначев продолжал линию в советской поэзии, идущую от Д. Бедного, А. Жарова, В. Лебедева-Кумача. Линию популярную, неумирающую, «потому что она всегда отражала и отражает какие-то важные стороны общего духа эпохи» (А. Никульков).

Оттого и песни В. Пухначева в большинстве своем были оперативно «остановленными мгновениями» истории советского общества, а с другой стороны — конкретным творческим результатом определенного «социального заказа». Но вряд ли при этом можно было говорить о какой-то конъюнктуре. В. Пухначев всегда жил в ногу со своим временем, чувствовал его потребности и искренне, честно, с большим эмоциональным накалом пытался время это выразить.

Подвластны были перу В. Пухначева и большие поэтические полотна. В поэме «Ермак» и поэтической трилогия «Сказ о Васюганье», обращаясь к истории родного края, к теме народного подвига, автор стремится создать пронизанные идеями могущества России, глубоко патриотические образы. Центральным же героем, объединяющим судьбы разных персонажей, становится у него во всей необъятной своей шири мощи Сибирь.

«Про Сибирь мою // Я везде пою. // Про сибирский край // Вся земля узнай», — писал В. Пухначев в одном из своих стихотворений. Этим и занимался он всю свою творческую жизнь.

Успешно стартовав в годы Великой Отечественной войны, продолжил набирать высоту и за ее пределами Вас. Федоров.

Василий Дмитриевич Федоров (1918 — 1984) родился в Кемерово, в рабочей семье. Детство и юность его прошли в кузбасской деревне Марьевка. Окончив в 1936 году Новосибирский авиационный техникум, Вас. Федоров работал мастером, старшим мастером, технологом-экспериментатором на авиазаводе в Иркутске. Во время Великой Отечественной войны был переведен на Новосибирский авиационный завод имени В. Чкалова.

ими В. Чкалова.

В многотиражке этого предприятия печатались и первые стихи Вас. Федорова. А в 1943 году он дебютировал в журнале «Сибирские огни». Публиковался впоследствии во многих советских литературных журналах. Там же, в Новосибирске, вышла в 1947 году и первая книжка Вас. Федорова «Лирическая трилогия». За ней последовали поэтические сборники, изданные в Новосибирске и Москве: «Лесные родники», «Марьевские звезды» (обе — 1955), «Дикий Мед» (1958) и др. А в 1956 году поэт попробовал силы в создании крупного поэтического полотна, написав поэму «Проданная Венера».

В ней В. Федоров как бы сталкивает две вроде бы и несопоставимые судьбы — титанической Венеры, картины великого итальянского художника, которую в разгар советской индустриализации продали за океан для получения средства на завершение промышленного гиганта, и деревенской красавицы Наташи Граевой, быстро и безвозвратно утратившей свою красоту в непосильном труде военных лет. В этом столкновении-сопоставлении и «высекается» главная мысль «Проданной Венеры», выраженная поэтом в афористических строках: «За красоту людей живущих, за красоту времен грядущих мы заплатили красотой». Здесь, конечно и гордость за великий подвиг, совершенный нашим народом, слышится, но не менее, если не более звучна трагическая нота. А трагедия героини поэмы в том, что она вынуждена, пусть и во имя высоких целей, была отказаться от самого главного в жизни — ее сути и начала начал — любви. И возникает следом мотив глубокой нравственной вины за сломанные поколенные судьбы...

«Проданная Венера» станет началом большого цикла поэм, которые Вас. Федоров будет создавать на протяжении всей своей жизни.

В полной мере в послевоенные десятилетия раскрылся лирический талант еще одного замечательного сибирского поэта — **Елизаветы Стюарт**.

Она не любила, когда ее называли «поэтессой». Считала, что стихотворец существует только в одном роде. Она и была Поэтом. Именно так — с большой буквы. И навсегда осталась на поэтическом небосклоне Сибири одной из звезд первой величины.

Право быть Поэтом Е. Стюарт, говоря ее же словами, «всю жизнь добывала себе» замечательными стихами для детей и взрослых, пьесами, переводами. Переводила она поэтов Горного Алтая, чувашских авторов, Т. Шевченко. Собственные ее вещи тоже переведены на многие языки.

У нее нет произведений эпического размаха и ярко выраженной социальности, зато бездонны глубины ее лирики. А высокое духовное напряжение и эмоциональный накал ее поэзии «чувств» способны были даже небольшому лирическому стихотворению придать масштаб и звучание подлинно эпическое.

Е. Стюарт создала свой особенный и неповторимый поэтический мир, который наверняка останется в памяти каждого, кто с ним соприкоснется. Мир этот негромок, но многоцветен и многозвучен. Бывает он и резко контрастным, но никогда — дисгармоничным.

В одном из стихов Е. Стюарт встречаем такое парадоксальное, вроде бы, словосочетание — «попынь и солнце». Но в нем, как ни трудно совместимыми они кажутся, соединились в единое целое два шедших в жизни Е. Стюарт бок о бок начала: горечи и боли с радостью бытия и светом надежд. И оба они в поэзии Е. Стюарт сшиты прочной нитью — чувством Родины. Оно для Е. Стюарт — стержневое. Естественно, что и судьба родной земли, народа своего «стала неотвратимой судьбой» самой поэтессы, источником ее духовного и творческого самочувствия. Ну а путеводной звездой в поэтическом мире Е. Стюарт были память сердца и опыт души («За каждым словом опыт мой встает...»), которые находили свое отображение в ее лирике.

Практически всё в жизненном круговороте привлекало внимание Е. Стюарт. И «веселый ямб кукушки», и юркий бурундучок на заброшенном татарском кладбище, и «сосульки — органы весны»... Любая, в общем, в существовании природы и человека черточка, деталь. Во всем этом Е. Стюарт умудрялась находить что-то неожиданное, доброе и прекрасное, чему-то непременно удивиться и восхититься — «чуду воды // И чуду крыла, // Ростку, что весной из-под снега стремится, // Крику, с которым дитя рождается, // Сотам, которые строит пчела, // Хрустальному звону осенней синицы... // Человечьему сердцу, // Красоте и добру...».

Особое место в стихах Е. Стюарт занимает природа. Она для нее «как очищение, как отпущение грехов». Однако по отношению к ней поэтесса чужда отстраненной созерцательности. Мы не найдем у Е. Стюарт самоцельных пейзажных зарисовок, бездумного любования природой. Она не просто изображает деревья, травы, какие-то природные явления — грозу, ветер и т. д., или времена года, а стремится доказать с помощью поэтических аргументов собственную неотделимость от всего, что входит в понятие природы, и что питает ее самое, человека и художника, особой жизненной и творческой силой. При этом природа для Е. Стюарт — всегда что-то конкретное, а для нее подчас и очень личное, близкое и дорогое.

Впрочем, природа для Е. Стюарт — не только источник новых впечатлений, наблюдений и вдохновения, но и школа высокого мастерства, потому что, «когда за дело примется Природа, // В ней сразу точность мастера видна», а еще потому, что «Природа — просто мастер на детали, // И в этом совершенство мастерства».

Ощущая себя частью природы, Е. Стюарт хорошо видела проблемы, связанные с наступлением технического прогресса, и была всерьез озабочена ее судьбой в эпоху безудержного техницизма и прагматизма. Поэтому совсем не случайно возникает у Е. Стюарт тема ответственности современного человека перед природой, а с ней и гармонии их взаимного сосуществования, когда «энергия и красота рядом уживаются, не ссорясь», не оставляя после себя таких вопиющих знаков человеческого бездушия, как искаленная ножом бульдозера лиственница, поднимающая «израненное тело к помыслам людским».

О человеческом жестокосердии и бездушии Е. Стюарт не раз высказывалась в своих стихах. И не только экологических. Да и экология для нее не ограничивалась одной природой. Е. Стюарт была уверена, что равновесие в природе невозможно без экологии человеческой души, нарушение которой ведет к самым печальным последствиям, способным разрушить и природу, и человека.

Остро волновали Е. Стюарт взаимоотношения читателя и писателя. Она сполна отдавала себе отчет, как не просто донести до читателя то, что переполняет душу и сердце поэта. Но как добиться, чтобы читатель услышал, проникся твоими чувствами, настроениями, болью? У каждого пишущего на сей счет свой рецепт. Е. Стюарт просто верила в своего читателя — умного, тонкого и чуткого («Имеющий уши — да слышит, имеющий душу — да чувствует...»).

Однако вера эта, если она, конечно, не есть всего лишь самоуверенность и самонадеянность, должна чем-то очень весомым подкрепляться. Е. Стюарт обеспечивала ее своим высочайшим поэтическим мастерством, предельной честностью и искренностью каждого сказанного ею слова («Но если уж строку сложить сумею, // Ей можно верить — та строка не лжет») и еще тем неослабевающим творческим накалом, которым до последних дней была освещена вся ее жизнь.

«Цель творчества — самоотдача», — говорил Б. Пастернак.

«Я работаю на старомодном сырье: // На сгоранье души, на утрате покоя», — по-своему истолковала, интерпретировала и продолжила его мысль Е. Стюарт.

Но только ли читателю были предназначены ее «горение» и «самоотдача»? Думается, что при всей важности смычки «поэт — читатель» для самой Е. Стюарт на первом месте стояло все-таки нечто более существенное. И прежде всего то, наверное, что она чувствовала себя в неоплатном долгу у жизни, которая по большому счету одна и дарует всю красоту и прелесть мира, всю полноту ощущений и впечатлений.

*Влажный ветер летит над деревней,
На рассвете кричит воронье,
Чистым золотом платят деревья
За прошедшее лето свое.*

*Чудо жизни все длится и длится...
Но смогу ли, всему вопреки,
Я за лето свое расплатиться
Чистым золотом каждой строки?*

Е. Стюарт за свою большую и плодотворную жизнь смогла расплатиться сполна. А потому жива и будет жить ее прозрачно чистая, ясная и мудрая поэзия.

В послевоенное десятилетие все уверенней начинают заявлять о себе крещенные огнем Великой Отечественной войны сибирские поэты-фронтовики (Л. Решетников, М. Юдалевич, Н. Перевалов, И. Ветлугин, М. Небогатов, В. Пухначев, Е. Буравлев, Ю. Гордиенко, Ю. Левитанский и др.). В своеобразных поэтических репортажах, исповедях и рассказах о фронтовых буднях они пытаются донести до читателей свой взгляд на войну, осмыслить выпавшие им и Родине испытания, создать честный и правдивый — без фальши и ретуши приукрашивания — образ воина-победителя. Всех их, столь отличных друг от друга творческой индивидуальностью поэтов, объединяет горькая память сердца о самой страшной из войн, память, которая, надеются они, должна стать связующей нитью со следующими поколениями. Наверное, именно это и имел в виду поэт И. Краснов, призывая от имени своего фронтового поколения: «Любите жизнь, войну не забывайте, // Не забывайте, милые, о нас!»

Надо сказать, что среди тех, для кого послевоенная Сибирь стала поэтической крестной матерью, коренных сибиряков было немного. Один из них — М. Юдалевич.

Марк Иосифович Юдалевич (1918 — 2014) родился в городе Боготол Красноярского края. В 1940 году окончил Омский пединститут. Здесь же и преподавал, пока не был мобилизован в действующую армию. Принимал непосредственное участие в боях. А когда наступало затишье, писал стихи. В военной газете своего подразделения М. Юдалевич вел поэтический раздел «Говорит Иван Боёк». Стихи военных лет и составили первый сборник М. Юдалевича «Друзьям», вышедший в Барнауле в 1948 году, за которым последовали и другие книги (всего более полусотни), в которых он выступал автором поэтических, прозаических и драматургических произведений.

После войны М. Юдалевич переехал в Барнаул. Работал в алтайских газетах, возглавлял альманах «Алтай» и Алтайскую писательскую организацию.

В 1952 году в журнале «Сибирские огни» была опубликована историческая поэма «Алтайский горный инженер», в которой М. Юдалевич воссоздал последние годы жизни великого горного механика и изобретателя Ивана Ползунова. Пронизанная мотивами сибирского фольклора и сказовыми интонациями, поэма была тепло встречена читателями и критикой. По ее мотивам позже М. Юдалевич напишет пьесу.

Уроженцем Сибири был и другой поэт фронтового поколения **Иван Матвеевич Ветлугин** — настоящая фамилия **Иост** (1921 — 1999).

Родился он в селе Омутское Алтайского края, в рабочей семье. Детство и юность прошли в алтайском городке Камень-на-Оби. После окончания десятилетки И. Ветлугин преподавал русский язык и литературу в сельской школе. Потом занялся журналистикой. Сотрудничал с газетами «Алтайская правда», «Красноярский комсомолец», «Красноярский рабочий». В Великую Отечественную войну командовал отделением в строительном батальоне. В 1946 году после демобилизации И. Ветлугин приехал в Новосибирск, где и провел всю оставшуюся жизнь. Работал в газете «Советская Сибирь», заведовал отделом поэзии в журнале «Сибирские огни».

Стихи И. Ветлугин начал писать еще в ранней юности, а дебютировал с ними на страницах периодической печати в 1937 году. Публиковался в журналах «Октябрь», «Смена», «Огонек», «Сибирские огни». В 1950 и 1953 годах в Новосибирске вышли первые сборники стихов И. Ветлугина «В одном направлении» и «На переднем крае». Он автор и многих других поэтических книг, изданных в Новосибирске и Москве.

И. Ветлугин — из тех поэтов, для которых самой тяжелой, но и самой яркой главой биографии явилась Великая Отечественная война. Память о ней стала для И. Ветлугина своего рода камертоном, по которому он сверял чувства, дела и поступки идущих на смену поколений. Прочной преемственной связью-нитью прошиты многие стихи поэта. В этом отношении очень показательным его стихотворение «Два эшелона: 1945, 1954». «По тем же рельсам», по которым, свершив свой ратный подвиг, возвращались отцы-победители, через девять лет отправляются «на первый подвиг свой (целинный — А.Г.) сыновья».

Тяжелый груз военных воспоминаний и впечатлений не мешал И. Ветлугину видеть мирные созидательные будни страны, которые занимали очень важное место в его поэтическом мире. Как и минувшая война, победа в которой сделала мирную жизнь реальностью. И свое отношение к войне и миру И. Ветлугин четко сформулировал в одном из ранних своих стихотворений:

*Я простой человек.
Я с боями прошел пол-Европы
Не хотелось бы больше вовек
Уходить мне из дома в окопы, —
Не затем, что боюсь я огня
И штыков чужеземной пехоты,
А затем, что в стране у меня
Есть другие дела и заботы.*

С Сибирью, Новосибирском тесно связано творчество еще одного поэта-фронтовика — **Леонида Васильевича Решетникова** (1920 — 1990).

Родился он в селе Ноледур Уржумского уезда Вятской губернии, в крестьянской семье. После окончания Уржумского педучилища работал

литсотрудником в районной газете «Кировская искра» В 1939 году был призван в армию. Службу Л. Решетников начинал на Дальнем Востоке. В Великую Отечественную войну воевал на разных фронтах в качестве разведчика-наблюдателя, связиста, инструктора политотдела танковой бригады, сотрудника армейской газеты. Участвовал в боях под Москвой и Ржевом, на Курской дуге, во взятии Кенигсберга и Гданьска, в освобождении Румынии и Польши. Дважды был ранен. Боевые заслуги Л. Решетникова отмечены орденами и медалями.

Как поэт Л. Решетников дебютировал в 1942 году публикацией в журнале «Знамя» стихотворного цикла «Дневник войны». Молодого поэта-воина заметили, начали охотно печатать центральные издания, журнал «Сибирские огни». О его творчестве высоко отзывался мэтр советской поэзии А. Сурков. Но первый поэтический сборник Л. Решетникова «Походные костры» вышел в Новосибирске лишь в 1958 году. Всего же его перу принадлежат почти четыре десятка книг стихов, прозы, очерков, литературной критики, изданных в Новосибирске и Москве.

Л. Решетников входил в литературу вместе Б. Богатковым, Г. Суворовым, М. Кульчицким, М. Лукониным... — поколением, встретившим Великую Отечественную войну, как и он сам, осенью 1941 года на пороге своего двадцатилетия. «Я принадлежу к этому поколению. И все, что относится к нему, относится и ко мне, — писал Л. Решетников в очерке «К портрету моего ровесника». И отмечал: «Наши первые, довольно — корявые стихи имели то общее, роднящее их свойство, что были не столько продуктом наших поэтических поисков, сколько исповедью перед боем»⁵.

Может быть, поэтому для военной лирики раннего Л. Решетникова (как, пожалуй, и всей фронтовой лирики того времени) характерна некоторая репортажность, эскизность, «дневниковость» (не случайно же первый стихотворный цикл Л. Решетникова назван «Дневник войны»), а порой и почти буквальное следование за событием. Появляются позднее в стихах Л. Решетникова и углубленное осмысление, и философичность, но пристальное внимание к подробностям и деталям, идущее от традиций А. Твардовского, поэзия которого оказала на молодого вятича заметное влияние, осталось. Как остались приверженность к будничным краскам и отказ от какой бы то ни было романтизации.

Важное место в стихотворных исповедях Л. Решетникова принадлежит теме жизни и смерти. Лирический герой поэта, «неистово любя» жизнь, готов, тем не менее, умереть за Родину. Совмещение этих полярных крайностей как нельзя более точно в условиях сурового военного выбора соответствовало сути героического характера русского воина.

Патриотический пафос фронтовой лирики Л. Решетникова проявляется прямо и открыто, но без громогласной риторики, а героичность подается поэтом без всякой помпезности и даже без весьма традиционной для поэтов военного поколения приподнятости. Так, в стихотворении «Герой» поэт смотрит на монумент солдата-героя и в его памяти всплывает совсем иной образ, куда более обыденный, приземленный, но и реальный:

*И он мне видится иначе,
Нескладен, угловат и тих,
Он был не то чтобы невзрачен,
Но не отличен от других.*

Однако именно этот невидный солдат, который и «пуле кланялся, бывало», в решающую минуту был «отважен и велик». Именно он, вчерашний труженик, крестьянин пядь за пядью освобождал родную землю от врагов, выковывал великую Победу, не жалея своей жизни. И священной своей обязанностью Л. Решетников считал донести память о нем до миллионов тех, кто не видел и не знал войны. Поэтому и военной теме Л. Решетников оставался верным всю жизнь.

⁵ Решетников Леонид Встречи. — Новосибирск, 1986, с. 319.

Впрочем, истоки преданности военной теме на самом деле куда глубже и весомей. В стихотворении «Мой век» Л. Решетников пишет: «Три жизни сложилось во мне: до битвы. И после. И целая жизнь на войне» Эта вот «целая жизнь на войне» — особенная по своему трагизму и накалу — и стала основой творческой судьбы как самого Л. Решетникова, так и всей поэтической плеяды его поколения.

Творчество Л. Решетникова во многом автобиографично. Как не без иронии пишет он в одном из стихотворений: «А я тешу свою биографию // Как основу стихов тешу». Иначе (и уже серьезно) говоря, — через свою богатую событиями биографию поэт стремится постичь суть человеческого бытия. И прежде всего — суть человека на войне, истоки его подвига.

Суть же своего творчества в целом Л. Решетникова очерчивал двумя очень емкими понятиями — Родина и долг. «А долг перед Родиной, — полагал поэт, — в постоянном напоминании своим согражданам-читателям о том, как прекрасна наша Родина, наша земля, которая вырастила и воспитала нас». И выполнял он этот свой долг с полной творческой отдачей.

* * *

Послевоенное десятилетие в сибирской литературе было непростым, со своими трудностями воспроизводства, восстановления утерянного, но и дальнейшим ростом, сопровождавшимся немалыми порой художественными «издержками», которые, однако, не превращали этот период в некий «прочерк» в истории нашей словесности. Более того, «дальнейшее развитие литературы Сибири, как и всей русской советской литературы, говорит о том, что без определенных достижений 1946 — 1955 годов многие поздние литературные явления не только не могли быть исторически оценены, но и не могли появиться»⁷.

Вместе с тем, несмотря на «определенные достижения» и отдельные удачи, первое мирное десятилетие в сибирской (да и всей российской словесности) было временем накопления сил и предвесеннего ожидания. Заканчивалась ледяная «сталинская» зима. В обществе в целом, и в литературе, в частности, зрело предчувствие грядущего половодья...

⁷ Очерки русской литературы Сибири. В 2-х т. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 344.

БЛАГОДАТНОЕ ДЫХАНИЕ «ОТТЕПЕЛИ»

На острие новых перемен

Вторая половина XX века началась рядом серьезных событий, заметно повлиявших на жизнь страны фактически во всех ее сферах.

В начале марта 1953 года скончался И.В. Сталин. Преемника после себя оставить он не успел. А кремлевское окружение продолжать сверхжесткий курс «отца народов» не рискнуло. Даже наоборот — постаралось от него отмежеваться, переложив всю ответственность на недавнего кумира. Началось громкое осуждение так называемого культа личности И. Сталина, достигшее апогея в 1956 году, когда на XX съезде КПСС с разоблачительным докладом выступил тогдашний Первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев.

Шлюз гласности приоткрылся. Забрехала надежда на свободу слова и подлинную демократию. В общественном климате началось потепление. Весьма непродолжительную (лет десять всего) эту пору окрестили в народе «хрущевской оттепелью».

Несмотря на относительную кратковременность, она имела далеко идущие последствия. В том числе и для культуры. «Прокрустово ложе» дозволенного несколько расширилось, и ее деятели (писатели, художники, музыканты, работники кино и театров, представители других творческих профессий), пожалуй, впервые за десятилетия советской власти могли вздохнуть свободнее и сказать в своих произведениях кое-что из того, о чем раньше и думать было опасно.

Между тем свежие ветры коснулись не только политической и идеологической сфер. С середины 1950-х годов, заканчивая восстановление разрушенного войной хозяйства, СССР входил в новую полосу активных хозяйственных преобразований, необходимых для дальнейшего движения вперед, начало которым положила целинная эпопея, захватившая в первую очередь север Казахстана и юг Сибири.

Сибирь вскоре вообще оказалась на переднем крае экономического передела, стала плацдармом для воплощения многих грандиозных проектов. Геологические экспедиции вели на ее просторах разведку полезных ископаемых, шедшие за ними добытчики недр на шахтах и разрезах вгрызались в толщу угольных пластов и металлических руд, бурили скважины, ставили буровые вышки, тянули стальные нити нефте- и газопроводов. Гидростроители перегораживали циклопическими бетонными плотинами сибирские реки. Возводились среди тайги индустриальные гиганты, а рядом поселки и города. Прокладывались к ним линии электропередач. Строились новые железные дороги и автомагистрали, одни названия которых — Абакан — Тайшет, например, или Байкало-Амурская магистраль (БАМ) — приводили (и в первую очередь молодых людей на пороге самостоятельной жизни) в романтический трепет.

Огромные экономические и социальные перспективы Сибири, все возрастающая роль науки в ее дальнейшем освоении, обживании и изучении привели к созданию в конце 1950-х годов под Новосибирском уникального научного центра — ныне всемирно известного Академгородка (по его примеру впоследствии на сибирских просторах появилось еще несколько подобных точек сосредоточения научной мысли).

Все это вместе было бы, конечно, невозможно без соответствующих движущих сил. И они имелись. Сотни тысяч человек, в основном молодежи, одержимые мощным созидательным энтузиазмом, бросали насиженные места, пускались в путь, чтобы там, на окраинах России, так же, как когда-то их предшественники в тридцатые, «делать сказку былью», создавая свою рукотворную «землю обетованную» в ее социалистическом варианте.

История повторялась, но уже на новом витке. И не один в один. Преобразовательский бум 60 — 70-х годов в условиях заметного технического прогресса, некоторой социальной стабильности и относительной идеологической свободы рождал у большей части послевоенных энтузиастов радужную иллюзию красивого и безмятежного романтическо-

го полета в светлое будущее, в которое, как и в обещание Первого секретаря ЦК КПСС Н. Хрущева, что «наше поколение будет жить при коммунизме», как никогда, охотно верилось.

Естественно, что литература в качестве «зеркала жизни» живо отзывалась на происходящие в стране перемены и общественную реакцию на них. И прежде всего литература Сибири, которая, оказавшись волею исторической судьбы в самой гуще вершащихся преобразований, и сама переживала большой подъем.

«Пульс перемен» во времена «оттепели» ощущался в произведениях самых разных жанров и форм. Но, как и всегда, сильнее и отчетливее он бился в очерке с публицистикой — наиболее подвижных и оперативных, жанрах, первыми откликнувшимися на свежие веяния. Правда, в пятидесятые годы очерк заметно меняется. Из описательного, агитационного, воспевающего и пропагандирующего социалистические достижения, каким преимущественно был во времена первых советских пятилеток, в годы «оттепели» он все больше становится проблемным, аналитическим.

Касалось это, прежде всего, очерка «деревенского», тональность которому в начале 1950-х задал Валентин Овечкин своим знаменитым циклом «Районные будни» в «Новом мире». Его последователи, авторы «овечкинской школы» смело вторгались в сложнейшие экономические проблемы, глубоко исследовали состояние колхозной деревни, стремясь постичь причины отставания сельского хозяйства. В числе таких последователей были омские писатели С. Залыгин, Л. Иванов, П. Ребрин.

В 1954 году в журнале «Новый мир» (№8) появился получивший широкую известность очерковый цикл Сергея Залыгина «**Весной нынешнего года**», в котором автор продемонстрировал философское понимание характера земледельца, а также глубокое видение и осмысление коренных проблем деревни в их исторической перспективе.

Известность Леониду Иванову (1914 — 1999) принес очерк «**Сибирские встречи**» («Новый мир», 1957, №3). Сам в долитературном своем прошлом директор хозяйства и руководящий работник треста совхозов, Л. Иванов много размышляет о стиле руководства, о проблемах агрономии, экономики. Как и С. Залыгин, Л. Иванов на примере одного хозяйства вскрывает типичные явления и тенденции, выходящие далеко за рамки сибирской деревни. Этим очерком Л. Иванов начал большой и важный разговор о жизни сибирского села, которому посвятит всю свою творческую судьбу.

Обостренный интерес к проблемам управления сельским хозяйством, доверие и уважение к рядовому труженику проявляет и Петр Ребрин (1915 — 1987). Его очерки остро конфликтны. Но публицистический накал в них сочетается с тонким лиризмом, злая ирония, сарказм — с мягким добродушным юмором. Человек с натруженными, пахнущими хлебом руками — главный герой П. Ребрин. Символично название его первой книги — «Свет от людей» (1961).

В 1960 — 1970-х годах разработка темы сибирской деревни продолжилась. Она звучит в очерках П. Воронина, В. Зеленского, А. Баздырева и других писателей-сибиряков.

Вместе с тем очерк, проникнутый созидательным пафосом и романтикой героического труда, тоже не исчез с литературной карты Сибири. На гребне новой мощной волны социально-экономических преобразований края, на пороге 1960-х годов появляются многочисленные произведения очерковой прозы о делах и судьбах ее преобразователей Сибири той поры.

В отличие от авторов «овечкинской школы», у которых очерк граничит с рассказом или даже повестью, писатели этого направления тяготеют к документально-путевым заметкам, репортажу, очерковым портретам. Меньше ощущим в них критический настрой, больше позитива, социального оптимизма. Красноречивым тому примером может служить творчество С. Кожевникова.

Первопроходцам, создающим во второй половине XX века «сибирское чудо», посвящены произведения многих очеркистов, пришедших в литературу в послевоенные го-

ды. Это и книга «Енисейская тетрадь» (1962) красноярца А. Зябрева о строительстве «Красноярской ГЭС, и очерковые книги В. Распутина «Костровые новых городов» и «Край возле самого неба» (1966), рассказывающие о строительстве железной дороги Абакан — Тайшет, заполярном поселке Талнах, других сибирских строек. Несколько книг очерков делам и людям современной Сибири посвятил иркутский писатель Л. Шинкарев.

Очерк 1950 — 1960 годов, по мнению исследователей литературы, «стал разведчиком социально-нравственных сдвигов в обществе и коренных экономических перемен»¹, а так же явился благодатной почвой для развития других прозаических жанров и направлений — в частности, «деревенской» и «производственной» прозы, которым еще предстояло сказать свое слово о вершащихся в Сибири преобразовательских процессах.

События и открытия

Во второй половине 1950-х годов Сибирь все чаще становится местом крупных литературных мероприятий и акций.

В середине сентября 1957 года в Новосибирске было проведено **Всесибирское совещание писателей**. Проходило оно достаточно традиционно, словно и не было год назад «исторического» XX съезда. Незадолго до «совещания» было опубликовано выступление Н. Хрущева «За тесную связь искусства с жизнью народа», но оно знакомо декларировало повышение наступательного боевого духа в идеологической борьбе, чистоту принципов соцреализма, тесную связь с жизнью и партийность в литературе. Тем же «наступательным» духом были проникнуты доклады секретаря Союза писателей СССР С. Смирнова, главного редактора «Сибирских огней» А. Высоцкого, только что сменившего на этом посту С. Кожевникова, и выступления других писателей.

Кроме чисто творческих, совещание имело и идеологическую задачу: способствовать сплочению «на принципиальной партийной основе» литературных сил Сибири вокруг «Сибирских огней», в истории которых, кстати, наступал новый важный этап — с января 1958 года журнал переходил на ежемесячный выпуск со значительным увеличением тиража.

Но, как всегда, наиболее живой интересный разговор о текущей литературе шел на творческих семинарах. Всесоюзное совещание оказалось весьма урожайным на таланты.

Здесь впервые прозвучали имена иркутских поэтов М. Сергеева, А. Преловского, красноярца З. Яхнина. Наибольшее же внимание привлекли поэтические работы Н. Первалова.

Участников прозаического семинара особенно заинтересовал роман молодого писателя из Новосибирска А. Иванова «Повитель». Через год он был опубликован в журнале «Сибирские огни».

Но на литературном горизонте его автор появился несколько ранее...

Анатолий Степанович Иванов (1928 — 1999) родился в селе Шемонаиха Восточно-Казахстанской области, в крестьянской семье. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Служил в армии. После демобилизации попал в Новосибирскую область, где редактировал газету «Ленинское знамя» Мошковского района. Позже работал редактором Новосибирского книжного издательства, заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни». В начале 1960-х переехал в Москву, где четверть века возглавлял журнал «Молодая гвардия».

Как прозаик А. Иванов дебютировал в 1954 в журнале «Крестьянка», а в 1956-м «Сибирские огни» напечатали лирический рассказ «Алки-

¹ Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 442.

ны песни» о молодой колхознице и песенном самородке Алке Ураловой, с которым к его автору пришла известность. По рассказу была осуществлена имевшая большой успех радиопостановка, новосибирские театры юного зрителя и музыкальной комедии поставили по мотивам рассказа спектакли. Первая книга А. Иванова, выпущенная Новосибирским книжным издательством в том же 1956 году, тоже называлась «Алкины песни».

Ну а первыми крупными произведениями А. Иванова стали романы «Повитель» и «Тени исчезают в полдень», увидевшие свет также на страницах «Сибирских огней» соответственно в 1956 и 1963 годах.

В «Повители», рассказывая о жизни сибирской деревни в годы Гражданской войны и коллективизации, автор поднимал серьезные социальные и нравственные проблемы, касавшиеся, прежде всего, развенчания стяжательства, частнособственнической психологии и морали. Когда-то Григорий Бородин, главный герой романа, убил состоятельного цыгана, чтобы завладеть его богатством. Но революция помешала его корыстным планам, сделала ненавистником и лютым врагом советской власти. Бородин уходит во «внутреннее подполье», в котором ему удалось просуществовать несколько десятилетий, и мстит ей при каждом удобном случае. Но, в конце концов, односельчане избивают Бородина и вершат над ним справедливый суд. Изображая своего героя мрачными и даже зловещими красками, А. Иванов стремился доказать не только опасность оголтелого собственничества, замешанного на крайнем индивидуализме, но и историческую обреченность Бородиных.

Роман «Тени исчезают в полдень» во многом продолжает предыдущий. И здесь в центре повествования злобные враги советской власти. Но не один, как в «Повители». Их много, и они еще страшнее. Устин Морозов, Демид Меньшиков, Илья Юргин... — все бывшие богатеи и кулаки, на совести которых десятки убитых и замученных людей. Скрываясь под чужими именами, эти зловещие «тени» мрачного, если не сказать — мракобесного прошлого, замечают следы. И с ними, убежден автор, надо вести непримиримую всенародную борьбу.

В романах «Повитель» и «Тени исчезают в полдень» были заложены творческие основы будущего А. Иванова-эпика, наиболее полно и последовательно реализовавшиеся впоследствии в его знаменитом «Вечном зове».

О детях и для детей

Год 1958-й был отмечен еще одним крупным литературным мероприятием — **Всесибирским совещанием по детской литературе**. Созванное по инициативе Союза писателей РСФСР, проходило оно в конце мая в Новосибирске. В его работе принимали участие литераторы из Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Читинской областей, Алтайского и Красноярского краев. Активно работала на совещании и группа известных московских писателей — М. Прилежаева, В. Архангельский, К. Бадигин и др. Руководил совещанием председатель правления Союза писателей РСФСР Л. Соболев. Совещание проходило под знаком подготовки к I съезду писателей РСФСР (октябрь 1958).

Совещание открыл В. Архангельский. Доклад о состоянии детской литературы в Сибири сделал А. Никульков, который отметил, что «писатели-сибиряки вносят заметный вклад в общее дело создания большой литературы для маленьких читателей». Писатели Барнаула, Иркутска, Красноярска, Омска рассказали о творчестве детских писателей своих областей и краев.

За три дня секционных занятий было обсуждено несколько десятков произведений различных авторов — как профессиональных, так и начинающих. Уверенно заявили о себе на совещании дебютанты: омский поэт Т. Белозеров, новосибирец Ю. Магалиф, иркутянин А. Смирнов... Совещание отметило, что приток свежих литературных сил стал едва ли не самым характерным явлением в развитии детской литературы в Сибири за последнее время, что в нее пришли «люди разных самобытных голосов». Обнаружились и слабые стороны. Так, отмечалось, что писатели-сибиряки не создали пока ярких, красочных и увлекательных книг о родной Сибири, робко еще касаются тем гражданских и труда. Не было представлено на совещании ни одного научно-фантастического и приключенческого произведения. Все участники совещания горячо поддержали идею создания в Сибири детского журнала, необходимость которого обосновал Г. Пушкарев.

На заключительном пленарном заседании перед писателями выступил председатель Сибирского отделения Академии наук СССР академик М.А. Лаврентьев. Итоги совещания подвел Л. Соболев.

Местом проведения этого важного для дальнейшего развития детской литературы мероприятия был выбран Новосибирск, но зарождалась она совсем не здесь.

Родоначальником детской литературы в Сибири можно считать уроженца Тобольска, автора знаменитого «Конька-горбунка» П. Ершова. Однако как полноценная область художественной словесности она начинает формироваться только через столетие, уже на пороге 1930-х годов, когда появляются адресованные юным читателям произведения М. Кравкова, Г. Пушкарева, Р. Фрайермана, П. Маляревского и еще целого ряда других сибирских писателей.

Примечательными особенностями книг для детей М. Кравкова «За сокровищами реки Тунгуски» (1931), «Год во льдах» (1933), «Золотая гора» (1934) и др. были сюжетная увлекательность, живописность, насыщенность сибирским колоритом и познавательным материалом. А самой, наверное, яркой и поэтичной книгой М. Кравкова для детей, дышащей неподдельной любовью к сибирской природе, стала повесть «**Дети тайги**» (1929).

Лучшие произведения для детей Г. Пушкарева — повесть «В хребтах Алтая» (1930) и пьеса «Отряд партизана Ломова» (1934) — посвящены героике Гражданской войны.

Классикой российской детской литературы стала «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939) Р. Фрайермана. Наполненная лирико-романтической атмосферой, свежестью чистых чувств, грустью расставания с детством, повесть эта сохранила притягательность и для современного читателя. По словам литературоведа Л. Якимовой. Она «как бы передает нашему времени нравственную эстафету предвоенных лет»².

Пьесы-сказки П. Маляревского с их храбрыми, благородными, изобретательными, остроумными, добрыми и бескорыстными героями к концу 1950-х годов прочно вошли в репертуар многих театров страны, а лучшие из них — «Счастье» (1938), «Чудесный клад» (1947), «Не твое, не мое, а наше» (1950), написанные на основе бурят-монгольского фольклора, ставились и за рубежом.

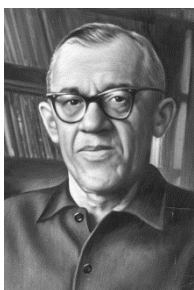
Развивалась в 1930-х годах и поэзия для детей. С нее начинала свой творческий путь Е. Стюарт. В ее стихах много теплого света, доброты, мягкого юмора. Не без успеха работали в этом направлении Е. Березницкий, перу которого принадлежит сборник «Приключения барабанщика» (1937), поэтические сказки «Похождения славного Ерша» и «Лиса-сваха» (обе — 1939), а так же Н. Кудрявцев, написавший веселую сказку «Как село Маромыш с царем воевало» (1938). Почти полтора десятка детских книг выпустил И. Молчанов-Сибирский.

² Якимова Л. Литература и литераторы Сибири. — Новосибирск, 1988, с. 91.

Сибирские писатели выступали не только как авторы, но и проводили большую работу среди детей. М. Кравков вел в музеях и школах Новосибирска краеведческие и геологические кружки. Несколько лет (с 1928 по 1931) в Новосибирске выходил детский журнал «Товарищ», созданный Г. Вяткиным. С журналом сотрудничали известные тогда писатели М. Кравков, Г. Пушкарев, А. Оленич-Гнененко и др. Свои первые произведения публиковали здесь И. Мухачёв и Е. Стюарт. Профессиональными литераторами стали впоследствии и его детские корреспонденты Г. Марков и Д. Иохимович. А пионерами литературного кружка одной из школ Иркутска под руководством И. Молчанова-Сибирского, был издан в 1934 году сборник их произведений «База курносых». Его приветствовал А. Горький; юные авторы книги были приглашены в Москву на I Съезд писателей СССР. Организовывал выпуски детских книг, редактировал издания для детей и Г. Пушкарев. Профессиональное литературное сообщество литературе для детей вообще уделяло большое внимание. Так, в середине 1930-х в Новосибирском отделении Союза писателей СССР работала секция детских писателей, державшая тесную связь с широкой сетью школьных литературных кружков.

Но, все-таки, настоящий расцвет литературы для детей в Сибири наступит во второй половине XX века, что косвенно подтверждает и Всесибирское совещание по детской литературе, отмечавшее появление целой плеяды талантливых авторов, пишущих для юной аудитории. Пятидесятые годы окажутся в этом плане, действительно, весьма урожайными.

В самом их начале дебютируют два замечательных писателя, чьими произведениями будет зачитываться не одно поколение ребятишек.

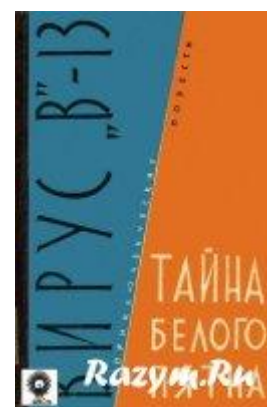

Один из них — **Михаил Петрович Михеев** (1911 — 1993). Родился он в Бийске Алтайского края. После окончания Бийской профтехшколы работал электриком на авторемонтном заводе.

А литературную свою деятельность М. Михеев начинал с веселой и поучительной стихотворной сказки «Лесная мастерская», вышедшей в Новосибирске в 1951 году и в дальнейшем многократно переиздававшейся. За ней последовали прозаические книги для детей и юношества: «Клуб ЮЭТ» (1953), «Московский состав» (1954), «Капитаны 8-а» (1957). Большой популярностью как у юных, так и взрослых читателей пользовались его приключенческие повести «**Вирус В-13**» (1956), «**Тайна белого пятна**» (1959)³. А несколько позже и фантастические произведения: повесть «Далекая от солнца» (1969), цикл о забавных приключениях умных кибернетических машин «Милые роботы» (1972).

Так что Всесибирское совещание по детской литературе М. Михеев встречал уже достаточно известным автором.

Как и Н. Осинин, дебютировавший в том же 1951 году, а к 1958-му ставший профессиональным писателем.

³ По заголовку этой повести назван одноименный литературный фестиваль, проходящий в Новосибирске с 1994 года.

Николай Петрович Осинин — настоящая фамилия Апсит (1918 — 1972) родился в деревне Шаталово Починковского района Смоленской области. Учился в Томском геологоразведочном техникуме и на литературном факультете Томского пединститута. В 1939 году Н. Апсит был призван в армию, получил специальность военного связиста. Великую Отечественную войну встретил в Литве, на западной границе СССР. Со своей частью отступал по дорогам Прибалтики, пока не ранили под Ригой. Вернувшись после госпиталя в строй, Н. Апсит воевал под Москвой, на Волховском фронте. В июне 1942 года, еще раз раненый, попал в плен. Пробыв за колючей проволокой два года, совершил с группой военнопленных побег... В послевоенные годы Н. Апсит преподавал русский язык и литературу в Черепановском и Болотнинском

педучилищах Новосибирской области.

Осенью 1951 года в Новосибирске вышла первая книга Н. Апсита, но уже под псевдонимом Николай Осинин⁴ — **«Через все преграды»**. Повесть рассказывает о том, как группа подростков — детей офицеров Красной Армии, которых война застала на западной границе и разлучила в первые же дни с родителями, пробирается к своим. Они, дети на войне, чью жизнь война расколола, бросила в свой жестокий пожар, и стали главными героями произведения. Много различных испытаний выпадает на их долю. Повесть насыщена событиями и неожиданными поворотами, рождаемыми стремительно меняющейся обстановкой. Но уже в первом своем произведении Н. Осинин проявляется не только как мастер остросюжетного повествования, но и как тонкий знаток детской души. Не все в той дебютной повести автору в полной мере удалось, но главную свою задачу — в увлекательной форме рассказать о героизме советских ребят, оказавшихся в тяжелейших обстоятельствах начала войны и формировании их характеров — он выполнил.

Повесть «Через все преграды» имела большой успех, многократно переиздавалась, звучала по радио. Критика отмечала, что в литературу пришел талантливый перспективный писатель. Это окрыляло, и Н. Осинин с воодушевлением взялся за новые вещи.

Логично было предположить, что, имея за плечами уникальный опыт, Н. Осинин продолжит разрабатывать тему «дети на войне». И он действительно к ней вернется... почти полтора десятка лет спустя — в середине шестидесятых, когда появятся его рассказы «Соль», «Бурей» и повесть «Журавлиный яр», юные герои которой на оккупированной врагом территории ведут свою борьбу с врагом. Вместе с тем Н. Осинин не захотел оставаться в плену одной темы и тогда, следом за повестью «Через все преграды» появляются его книги о детях послевоенного времени — «Борискины карпы» (1952), «Палочка-выручалочка» (1954), «Без имени» (1957), «Общественное поручение» (1957), «Солнечный дождик» (1958), «Земля мужества» (1961) и др.

Составляющие их произведения отличаются психологической достоверностью ребячьих характеров и правдивым воссозданием мира детства, который автор хорошо чувствует и понимает. Писатель стремится донести до юных читателей важнейшие понятия и правила общественного поведения, заложить здоровые моральные и нравственные основы, обрести лучшие человеческие качества. При этом произведения его все так же остросюжетны, динамичны, живописны.

Пройдя через тяжелейшие преграды в судьбе, Н. Осинин успел прожить чуть более полувека, оставив после себя умные, светлые, зовущие к добру, правде и справедливости произведения, большая часть которых была написана о детях и для детей.

⁴ Осинин — буквальный перевод латышской фамилии Апсит.

Весьма популярна и востребована в послевоенные десятилетия была школьная тема. Щедрую дань отдали ей не только М. Михеев и Н. Осинин.

Проблему формирования характера подростка ставил в своих книгах «Твоя семья» (1955), «Экзамен Гали Перфильевой» (1956), «Разговор о герое» (1957), «Шестиклассники» (1959) «Пусть не близка награда» (1964) и др. Юрий Сальников (1918 — 2001), начавший литературную деятельность в Новосибирске.

О школьниках и для них много писал алтайский прозаик и драматург Лев Квин (1922 — 1996). Его книги «Сколько осталось до звонка» (1967), «Мы, которые оболтусы» (1969) и др. отличает острый насыщенный сюжет, подкрепленный знанием детской психологии и умением воссоздать живые характеры ребят.

Большая часть произведений писателя из Братска Геннадия Михасенко (1936 — 1994) тоже посвящена школьной жизни. Как и иркутянки Агнии Кузнецовой (1911 — 1996), повести которой «Свет-трава» (1953), «Честное комсомольское» (1958), «Много на земле дорог» (1962) и др. поднимают острые проблемы морально-этического и нравственного воспитания подрастающего поколения.

Не прошли мимо внимания авторов, пишущих для детей, и начавшиеся в Сибири в середине пятидесятых годов масштабные преобразования. А юные герои созданных ими произведений и сами иной раз оказываются в эпицентре эпохальных событий. Как происходит это, например, в цикле повестей Николая Печерского (1915 — 1973) «Генка Пыжов — первый житель Братска» (1958), «У тебя все впереди, Валерка» (1959), «Красный вагон» (1960), «Кеша и хитрый бог» (1962), «Масштабные ребята» (1964), представляющего собой географическое и художественное единство. Волею различных обстоятельств персонажи Н. Печерского оказываются на крупнейших сибирских стройках Сибири, что позволяет автору развернуть рассказ об их приключениях и взаимоотношениях на широком социально-историческом фоне, а юных читателей окунуть в атмосферу большого трудового накала и высокой романтики. Герои повестей Н. Печерского — это, как правило, подростки переходного возраста с не сложившимися еще характерами, которые в непростых обстоятельствах начинают постигать «азбуку жизни».

Во второй половине XX века дальнейшее развитие в сибирской литературе получил жанр литературной сказки. К нему обращаются многие писатели Сибири. Не в последнюю очередь жанр этот связан с именем новосибирского писателя Ю. Магалифа.

Юрий Михайлович Магалиф (1918 — 2002) родился в Петрограде, в семье провизора и польской графини. Его детство и юность прошли в Ленинграде. Учился в Ленинградском театральном институте. В 1941 году был репрессирован и отправлен в лагерь под Новосибирском. После освобождения остался в Новосибирске. Сменил множество профессий. Был почтальоном, маляром, грузчиком, бетонщиком, тренером по плаванию... Около сорока лет проработал артистом-чтецом в Новосибирской и Кемеровской филармониях.

Ю. Магалиф писал для взрослых и детей рассказы, повести, стихи, пьесы. А литературную деятельность свою начинал с очерков и фельетонов. Но главным и самым любимым его жанром была сказка. Здесь Ю. Магалиф достиг наибольших успехов и популярности. В 1958 году появилась на свет его повесть-сказка «**Приключения Жако**», сделавшая ее автора невероятно популярным. За ней последовал целый ряд сказочных повестей: «Бибишка — Славный Дружок» (1960), «Внезапный дождь» (1965), «Тип-тик, или Необычайные приключения одного мальчика и говорящего ворона» (1968) и др.

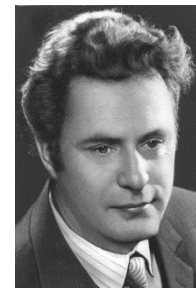
Сказочные повествования Ю. Магалифа отличают и ориги-

нальные сюжеты, и доверительная разговорная интонация, сближающая автора с юными читателями, и органичное сочетание реального и фантастического. В сказках Ю. Магалифа присутствуют и озорство, и грусть, и азарт, и добрая ненавязчивая назидательность.

Сказки Ю. Магалифа не оставляют равнодушными и юных читателей XXI века. А сказочное повествование «Приключение Жакони» навсегда сделалось визитной карточкой этого писателя.

В том же 1958 году появилась повесть-сказка **«Волшебная калаша»** иркутского писателя **Марка Давидовича Сергеева** (1926 — 1997). В ней причудливо переплелись традиционные сказочные мотивы (например, превращение человека в невидимку) с приметами нового — современных средств передвижения и т. п. Но вечной и непреходящей остается главная мысль произведения: нельзя в человеческом обществе жить не по-человечески; и даже невидимкой лучше творить добро, чем зло.

И это было не единственное произведение для детей одного из самых известных писателей Восточной Сибири. М. Сергеев фактически и начинал свой литературный путь в 1950 году с книги детских стихов «В чудесном доме». Были потом и другие книги, обращенные к юной аудитории: «Твои ровесники» (1952), «Спасибо вам, люди» (1958), «Капелька по капельке» (1965), «Забавные сказки» (1969)...

С детской литературой М. Сергеев был связан не только как автор. Долгие годы входил он во Всесоюзный совет по детской литературе и в правление Ассоциации детских писателей России. Имя «Почетного гражданина Иркутска» и «Заслуженного работника культуры РСФСР» М. Сергеева ныне носит Иркутская областная детская библиотека.

Впрочем, поэт, прозаик, сценарист, литературовед М. Сергеев писателем был очень разносторонним. Его творчество (а издал он за свою жизнь для детей и взрослых более 30 книг) отмечено романтической окрылённостью, пафосом труда и странствий, любовью к родной природе, поэтизацией красоты и величия человеческих деяний и пронизано гражданственной интонацией. Любимый герой М. Сергеева — мечтатель, жизнелюб и труженик, неутомимый человек, захваченный бурными событиями своего века, а сам писатель спешит откликнуться на те, или иные проявления многообразной сложной жизни. Герои М. Сергеева — не только современники, но и фигуры исторические. Органично вошли в его творчество пушкинская и декабристская темы, нашедшие, в частности, отражение в книге **«Души прекрасные порывы»** (1968). По сценариям М. Сергеева снято несколько документальных фильмов, посвященных преобразованию Сибири.

Со сказочной книги «Медведь-садовник» (1958) начинал свой путь в литературе и иркутянин Л. Кукуев. Немало сказок в стихах и прозе принадлежит перу читинского прозаика В. Никонова и алтайского поэта В. Нечунаева.

К жанру литературной сказки сибирские писатели обращались и в более поздние времена. Так, в 1970-е годы выходят сказочные повести новосибирца Г. Карпунина «Луговая суббота», братчанина Г. Михасенко «Тирлямы в подземном королевстве».

Во второй половине XX столетия еще более интенсивно продолжается начатая в тридцатых годах А. Мисюрёвым разработка «золотой жилы» сибирского сказа сказителями «новой волны» И. Ермаковым, М. Мельниковым, В. Галкиным, Т. Пьянковой, М. Анисимковой. При всей самобытности и творческой индивидуальности объединяет их тяготение к волшебнo-фантастическо-мифологическим сюжетам, стремление через далекие по времени события выходить на актуальные проблемы современности, густо пропитывающая сказы сибирская экзотика, а так же страсть к меткому, образному русскому, в том числе и диалектному слову. Продолжая традиции выдающихся сказителей прошлого, едины эти авторы и в главном — в стремлении сохранить и передать духовную культуру наших предков, запечатленную в самоцветном народном слове.

Не стояла на месте в послевоенные десятилетия и поэзия для детей. Продолжала создавать для маленьких читателей прекрасные стихи Е. Стюарт. Большое внимание уделяли им в своем творчестве и многие другие сибирские поэты: М. Сергеев, Г. Граубин, Г. Карпунин, Н. Закусина... А для омича Т. Белозерова и кемеровчанина А. Береснева стихи детям стали делом всей жизни.

Развитию детской литературы в значительной степени способствовало создание в начале 1950-х годов в крупнейших сибирских издательствах детских редакций, которые вели большую целенаправленную работу в поисках талантливых авторов и произведений этой весьма специфической области словесности, издавали книги и альманахи для детей.

Так, Новосибирское книжное издательство выпускало литературно-художественный сборник прозы и поэзии для детей и юношества «Золотые искорки» (1951 — 1959) и альманах для среднего школьного возраста «Тропинка» (1967 — 1970), где с прозой, стихами, публицистикой выступали известные писатели: В. Астафьев, А. Лиханов, Н. Осинин, Е. Стюарт, Н. Самсонов и др.

* * *

Литературный 1958 год завершился очень важным событием, положившим начало значительным структурным переменам в писательской среде. В декабре в Москве прошел I учредительный съезд писателей России, объявивший о создании Союза писателей РСФСР. Следом в российских регионах начали организовываться местные писательские организации. В том числе и в Сибири. Самые крупные из них по-прежнему находились в Новосибирске, Иркутске, Красноярске. Только с 1961 года были они отделениями уже не Союза писателей СССР, а РСФСР.

На «новой волне»

Вослед за литературными разведчиками и первопроходцами в лице очеркистов и публицистов на рубеже 1950 — 1960 годов на художественное отображение и освоение «континента будущего» (так романтически приподнято окрестили журналисты шестидесятых преобразующуюся Сибирь) оправились прозаики. И в первую очередь молодые. Начался мощный приток свежих литературных сил, продолжавшийся более двух десятилетий, благодаря которому читатели познакомились с интересными произведениями многих талантливых самобытных авторов.

Роман в это время, в отличие от первого послевоенного десятилетия, утрачивает лидирующие позиции (у молодых авторов шестидесятых-семидесятых годов куда больше в чести повесть и рассказ), но и говорить о безусловном преимуществе какого-то одного прозаического жанра тоже не приходится.

Прозу «новой волны» отличает стремление охватить самые разные стороны современной действительности. И портрет своего современника создают они соответственно многоликим и многообразным, в контексте охвативших Сибирь преобразований. Герои их произведений молодые люди разных профессий, представлений о жизни, но объединяет их прежде всего желание утвердить себя в большом нужном деле. А дело это находят они кто на больших сибирских стройках, кто на таежных заимках, кто в буднях меняющегося под натиском новых веяний сибирского села, а кто и в сфере научных открытий...

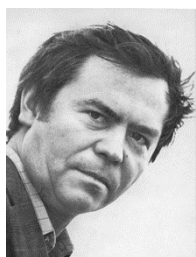
Приток, разбуженных «оттепелью» литературных талантов был настолько полным, что уже в скором времени потребовалось оценить масштабы и художественный спектр этого неординарного явления.

Первым за эту задачу взялся **Читинский зональный семинар-совещание молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока.**

Проходил он с 6 по 16 сентября 1965 года в Чите, проводился Союзом писателей РСФСР совместно с ЦК ВЛКСМ и собрал 80 начинающих прозаиков и поэтов. Возглавлял семинар Л. Соколов. В числе руководителей были В. Астафьев, А. Коптелов, Б. Костюковский и др. известные советские писатели.

Читинский зональный семинар-совещание перешагнул узко-региональные рамки и стал знаменательным событием в литературно-художественной жизни всей страны. По результатам семинара 14 его участников были приняты в члены Союза писателей СССР, половина из которых были представителями Иркутска. Выпавший на долю молодых иркутян наибольший в этом мероприятии успех, дал повод окрестить эту семерку (В. Распутин, А. Вампилов, Д. Сергеев, Г. Машкин, Г. Пакулов, Б. Лапин, В. Шугаев) **«Иркутской стенкой писателей».**

Творчество целого ряда молодых писателей из разных сибирских регионов получило на Читинском совещании высокую оценку. Но настоящими его открытиями стали иркутский прозаик В. Распутин и его земляк драматург А. Вампилов.

Валентин Григорьевич Распутин (1937 — 2015) — коренной сибиряк. Родился в поселке Усть-Уда Иркутской области. Детство провел в деревне Аталанка. После окончания историко-филологического факультета Иркутского государственного университета работал в газетах «Советская молодежь» (Иркутск) и «Красноярский рабочий», а так же редактором литературно-драматических передач Иркутской студии телевидения.

Как прозаик дебютировал в 1961 году в альманахе «Ангара» с рассказом «Я забыл спросить у Лешки». В 1964 году газета «Восточно-Сибирская правда» опубликовала рассказ «Человек с этого света». С этим невеликим творческим багажом В. Распутин и появился на Читинском семинаре. Что не помешало его руководителям, и в первую очередь В. Чивилихину, ставшим «крестным отцом» В. Распутина, уже в тех нескольких рассказах разглядеть недоюжинный талант и серьезные перспективы.

Ожидания В. Распутин оправдал с лихвой. В 1967 году в «Сибирских огнях» появляется первая его повесть «Деньги для Марии», а в 1970-м в журнале «Наш современник» публикуется «Последний срок», сделавшие его известным писателем.

Сюжет повести **«Деньги для Марии» прост.** В сельском магазине обнаружена недостача. И продавщица Мария должна в течение пяти дней ее возместить. Веря в человеческую доброту и справедливость, муж Марии Кузьма отправляется в «путешествие» по деревне просить помощи у односельчан. Это в традициях русского народа искать в горе и беде защиты за порогом своего дома. Ходя по дворам, Кузьма встречает разное отношение к постигнувшей его семью беде: где-то сочувствуют и помогают, а где-то натывается он на людскую черствость и даже враждебность. Ситуация с недостачей (а она весьма неоднозначна) помогает Кузьме лучше разглядеть односельчан, а автору — глубже проникнуть в их характеры и психологию, понять диалектику их души. В повести нет счастливой развязки. Но после чтения остается уверенность, что большинство жителей деревни на стороне Марии и Кузьмы и не дадут их семью в обиду.

Повесть **«Последний срок»** рассказывает о заключительных трех днях жизни восьмидесятилетней деревенской старухи Анны. Чувствуя близкий уход из жизни, она созывает своих детей, испытывая внутреннюю потребность благословить их на дальнейший по жизни

путь. Трагична не сама смерть старухи. Там, за последней чертой, ее ждут близкие, Бог. Она лишь звено в цепи поколений, протянувшейся из мира живых в мир ушедших. Ее трагедия в другом: Анна не смогла, продолжая традицию, передать детям своим чувство кровной и духовной близости с предками и родной землей, которое соединяло все звенья воедино. Собравшиеся вокруг смертного одра дети Анны стали чужими и ей, и этой земле.

Трагедия главной героини повести выходит далеко за рамки чисто семейной и бытовой. И «последний срок» наступает не только для самой Анны, но и ее детей, которым предоставляется возможность изменить жизнь, превратить свое бессмысленное существование на чужой для них земле в осмысленное движение по пути, проложенному их предками. Да, собственно, и для всего поколения «детей», не сумевших унаследовать духовного богатства предшественников. На этом поколении рвется «связь времен» и начинается безвременье.

Рассказывая о последних днях старой сибирской крестьянки, В. Распутин как бы предлагает читателям задуматься над тем, каким станет мир, из которого навсегда уйдут такие Анны и останутся только «не помнящие родства» и родной земли «дети». Сегодня, полвека спустя, мы уже видим — каким...

Основное место действие произведений В. Распутина — Сибирь, приангарские деревни и поселки. А главным предметом его художественного исследования становится «охромевшая» жизнь российской глубинки. Несмотря на различие в сюжетах и персонажах, в повестях «Деньги для Мари», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», а позже — «Живи и помни», «Пожар», составляющих костяк его творчества, речь ведется, в сущности, об одном, но чрезвычайно важном: о судьбе русской сибирской деревни в самые драматичные моменты ее бытия. Особенно остро и болезненно встает у В. Распутина вопрос о том, кто мы на своей земле — хозяева, или временщики, у которых нет ни прошлого, ни будущего?

Распутина-художника всегда отличала важная черта, которая начала проявляться уже тогда, на заре его литературной юности: отталкиваясь от частного, конкретного, он так или иначе выходил к вопросам и проблемам широкого социального диапазона, глубокого духовного, нравственно-этического и философского наполнения. И не случайно с течением времени В. Распутин будет оказывать все большее влияние на жизнь русской литературы и российского общества.

Менее чем за два десятка лет В. Распутин прошел путь от журналиста до выдающегося писателя, одного из столпов русской литературы второй половины XX века.

Еще одно яркое открытие Читинского семинара — **Александр Валентинович Вампилов** (1937 — 1972). Он был ровесником, однокашником (вместе учились в университете) и другом В. Распутина.

Родился А. Вампилов в городе Черемхово Иркутской области, в учительской семье. Окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета, позже — Всесоюзные литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Несколько лет работал в газете «Советская молодежь» литсотрудником, завотделом, ответственным секретарем, печатал очерки и рассказы в местной периодике. В 1961 году А. Вампилов дебютировал в Иркутске со сборником юмористических рассказов «Стечение обстоятельств». Первые (сначала одноактные) пьесы А. Вампилова стали появляться в начале 1960-х. В 1964 году молодым драматургом была написана и первая многоактная пьеса «Прощание в июне». За ней последовали другие: «Старший сын» (1968), «Утиная охота» и «Провинциальные анекдоты» (обе — 1970), «Прошлым летом в Чулимске» (1972).

После Читинского семинара А. Вампилова принимают в Союз писателей. Он расстаётся с газетой, и полностью переходит на литературную работу. Однако творческой сво-

бодой наслаждаться пришлось ему недолго. В 1972 году А. Вампилов трагически погиб, утонув во время бури на Байкале.

Одна из улиц Иркутска и Иркутский ТЮЗ носят теперь его имя. В поселке Кутулик открыт дом-музей А. Вампилова. Проводятся посвященные ему литературно-драматургические фестивали. В Москве и Иркутске издаются сборники пьес, хотя при жизни А. Вампилову посчастливилось выпустить только один — «**Старший сын**» (1970).

Далеко не все гладко было у А. Вампилова и со сценическим воплощением своих произведений. Время от времени появлялись они на провинциальных подмостках, но столичные театры при жизни драматурга были почти для всех его пьес недоступны. Лишь сценическая судьба «**Старшего сына**» оказалась счастливее. В 1969 году спектакль по этой пьесе поставил Иркутский драматический театр имени Н.П. Охлопкова, а в 1972 году «**Старший сын**» шел уже в 44 театрах страны.

Настоящая слава пришла к А. Вампилову лишь после смерти. Пьесы его ставились по всему СССР, в том числе и в столичных театрах, а так же за рубежом (Польша, Венгрия, Германия, США, Англия, Финляндия, Франция). Ряд произведений было экранизировано. А лучшие пьесы драматурга — «**Утиная охота**», «**Старший сын**», «**Прощание в июне**», «**Прошлым летом в Чулимске**» — получили мировую известность.

А. Вампилов пришел в литературу со своим героем — молодым современником,

вступающим в жизнь в драматичные времена, последовавшие за «хрущевской оттепелью». Герой этот непростой, неоднозначный, склонный к нравственному компромиссу, социальной мимикрии, и драматург очень точно и выразительно сумел передать его истинную физиономию и глубинную психологическую сущность. На этом собирательном герое, ставшем, по сути, лицом поколения 1960-х, и держится так называемый «**Театр Вампилова**».

Главные черты драматургии А. Вампилова, тяготеющего к жанру трагикомедии, — опора на анекдот, гротескный случай в построении сюжета, острый конфликт, психологическую сложность и социальную значимость персонажей. В своих пьесах А. Вампилов стремился быть верным многообразию жизни, ее мудрости. Вслед за А. Чеховым он считал, что в жизни не каждый день стреляются и вешаются, но в ней каждый день разбиваются чело-

веческие сердца.

Творчество А. Вампилова было совершенно лишено какой-либо идеологизации. Вместе с тем драматург активно боролся с проявлениями безответственности и бездуховности. Его нравственный максимализм решительно противостоял философии сытого благополучия и гражданской пассивности. Будучи во многом в высшей степени самобытными и оригинальными произведениями, пьесы А. Вампилова являлись и являются до сих пор предметом многочисленных споров и дискуссий.

«Театр Вампилова» оказал заметное влияние на российскую драматургию последней трети XX столетия.

Эстафету Читинского семинара приняло год спустя **Кемеровское зональное совещание-семинар молодых прозаиков, поэтов, драматургов и детских писателей Западной Сибири и Урала**. Проводилось оно с 31 мая по 7 июня 1966 года в Кемерово Союзом писателей РСФСР совместно с Центральным комитетом ВЛКСМ. В нем участвовало более шестидесяти молодых литераторов. Совещанием руководили такие признанные мастера слова, как Я. Смеляков, В. Астафьев, Вас. Федоров, С. Антонов, В. Чивилихин и др. во главе с Л. Соболевым.

Кемеровский семинар по своим результатам получился, возможно, не столь впечатляющим, нежели Читинский, но он также дал мощный творческий импульс молодой поросли сибирской литературы и стал заметным явлением в культурной жизни страны. Це-

лая плеяда талантливых молодых сибирских авторов получили на Кемеровском совещании путевку в большую литературу. А самые интересные и самобытные были рекомендованы для принятия в Союз писателей СССР.

В их числе и А. Якубовский, творчество которого особо отметили руководители семинара.

Аскольд Павлович Якубовский (1927 — 1983) родился в Новосибирске, в семье

художника и архитектора. По завершении средней школы он окончил курсы картографии и геодезии и более десятка лет работал топографом в аэрогеодезическом предприятии. С экспедициями объездил Сибирь и Дальний Восток. После Кемеровского семинара был принят в Союз писателей СССР и окончил Всесоюзные литературные курсы при литературном институте имени А.М. Горького. С конца 1970-х годов жил в Москве.

Литературная деятельность А. Якубовского началась в 1958 году с публикации рассказа «Дрозды» в газете «Вечерний Новосибирск». Печатался в журналах «Сибирские огни», «Сельская молодёжь», в сборнике «Охотничьи просторы». В 1965 году в Новосибирске вышла первая книга А. Якубовского «Чудаки». Было ему к этому времени 37 лет. Впоследствии стал он автором ещё более десятка прозаических книг, изданных в Новосибирске и Москве. Но литературная работа, по собственному признанию А. Якубовского, давалась ему нелегко: «Мой путь к профессии пишущего был тяжёл и долог»⁵. Не в последнюю очередь из-за обострённой совестливости и огромного чувства ответственности за каждое слово.

Умер А. Якубовский 54 лет от роду, сражённый вполне типичной для русских писателей разных поколений болезнью – туберкулезом.

А. Якубовский был художником яркого самобытного таланта и широкого творческого диапазона. Он осваивал разные темы, поднимал многие острозлободневные проблемы нашего бытия. Но ближе всего ему были взаимоотношения человека и природы.

Природу воспевал он красочно, увлекательно, даря читателям прекрасные рассказы и повести о рыбалке, охоте, «братьях наших меньших». В таких произведениях, как «Красный Таймень», «Багряный лес», «Четверо», «Возвращение Цезаря» и других выступал А. Якубовский не только блестящим писателем-анималистом и натуралистом, но и наблюдательным художником-психологом. Это дало основание В. Астафьеву — тоже большому знатоку жизни природы — предваряя книгу «Красный таймень», сказать: «Очень трогательны, до трепетности добры и одухотворены рассказы Якубовского о животных, особенно о собаках — тут уж прочтёшь, руками разведёшь и подумаешь: «Вот если бы иные наши писатели умели так о людях писать...»⁶

Но в том и особенность творчества А. Якубовского, что одинаково хорошо удавались ему как характеры представителей живой природы, так и людей. Тех, прежде всего, кто оказывался перед лицом этого природного мира.

Впрочем, человеческая сущность интересовала А. Якубовского в самых разных обстоятельствах и проявлениях. Иной раз даже весьма экзотических. Как, например, в повести «Мшавя», где два молодых топографа попадают в глухом таёжно-болотном краю к староверам. Одного они подло убивают, а другой после этой трагедии встаёт перед сложнейшим для него нравственным вопросом: а может ли человек убивать себе подобных, и где здесь грань дозволенного? Как отмечал критик Н. Яновский, «лирическому герою

⁵ Аскольд Якубовский. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 256 — 257.

⁶ Астафьев В. Доброе слово. // А. Якубовский «Красный таймень». — М., «Молодая гвардия», 1971.

пришлось решать двуединую задачу: можно ли жить в согласии с таким обществом и как добиться согласия с самой природой, несовместимой с посягательством на чужую жизнь?»⁷

Но и в обстоятельствах куда более прозаических и обыденных А. Якубовский находил немало поводов для серьёзных размышлений о жизни вокруг. Как происходит это в повести «Дом», посвящённой вечно злободневной теме безудержной жажды накопительства и стяжательства, ведущих к духовному распаду. Или в последнем произведении писателя — романе «Квазар», рассказывающем об уходящем из жизни больным туберкулёзом художнике, прощально всматривающемся в мир обострившимся зрением.

А. Якубовский с успехом выступал не только как прозаик-реалист, но и фантаст. Его повести «Аргус-12», «Прозрачник», «Нивлянский бык» пользовались у читателей шестидесятых годов большой популярностью. Человек будущего в них — главный предмет художественного исследования. И в этом плане произведения А. Якубовского, по замечанию Н. Яновского, «именно фантастические, далёкие от собственно научной фантастики классического типа»⁸. Не совпадал с нею и сам подход А. Якубовского к жанру. В его книгах на первом плане не научные открытия или гипотезы, а сопутствующие им события, перипетии, борьба идей и характеров.

Проза А. Якубовского стала заметным явлением в российской словесности второй половины двадцатого столетия. Она и ныне не утратила своей художественной ценности. Многие произведения и сегодня очень современны и своевременны, вызывают неподдельный интерес.

К представителям «новой волны» относился и такой, тесно связанный с Сибирью, прозаик, как В. Липатов. Правда, в знаменитых сибирских семинарах-совещаниях он не участвовал и в литературе шел своим путем.

Виль Владимирович Липатов (1927 — 1979) родился в 1927 году, в семье журналиста-ссылкопоселенца и учительницы. Учился в Новосибирском институте военных инженеров транспорта, Колпашевском учительском институте. Окончил исторический факультет Томского пединститута. С 1951 по 1964 работал в томских газетах «Причулымская правда», «Красное знамя», газете «На боевом посту» Забайкальского военного округа. В 1964 — 1966 годах был собственным корреспондентом газеты «Советская Россия» в Чите, затем собкором «Правды в Брянске. С 1967 года В. Липатов жил в Москве, работал корреспондентом «Известий», «Литературной газеты». Журналистская работа дала В. Липатову богатейший запас жизненных наблюдений, долгие годы питавших его творчество, и возможность познакомиться с прототипами многих будущих своих произведений: лесорубами, сплавщиками, речными капитанами, рыбаками, командирами производств... В последние годы жизни В. Липатов преподавал в Литературном институте имени А.М. Горького. Избирался секретарем правления СП РСФСР.

Литературный дебют В. Липатова состоялся в журнале «Юность» в 1956 году с публикации рассказов «Самолетный кочегар», «Двое в тельняшках». Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Молодая гвардия». В 1958 году в Чите вышла первая книга его прозы «Шестеро». В. Липатов также автор книг «Капитан «Смелого» (1959), «Глухая мята» (1960), «Стрежень» (1961), «Чужой» (1964), «Игорь Саввович» (1978) и др., вышедших в Чите, Новосибирске, Москве.

Литературный дебют В. Липатова состоялся в журнале «Юность» в 1956 году с публикации рассказов «Самолетный кочегар», «Двое в тельняшках». Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Юность», «Молодая гвардия». В 1958 году в Чите вышла первая книга его прозы «Шестеро». В. Липатов также автор книг «Капитан «Смелого» (1959), «Глухая мята» (1960), «Стрежень» (1961), «Чужой» (1964), «Игорь Саввович» (1978) и др., вышедших в Чите, Новосибирске, Москве.

⁷ Яновский Н. Аскольд Якубовский. // «Сибирские огни», 1990, №10, с. 151.

⁸ Там же, с. 155.

Наибольшую известность В. Липатов получил после появления повести о сельском участковом Аниськине «Деревенский детектив» (1968). Этот свой успех писатель закрепил в появившихся следом романах «Сказание о директоре Прончатове» (1969), посвященном молодом руководителе крупного предприятия, стремящемся работать по-новому, «И это все о нем» (1974), действие которого разворачивается вокруг загадочной смерти комсомольского вожака таежного леспромхоза, выступавшего против рвачества и очковтирательства.

Роман «И это все о нем» в 1974 году стал лауреатом первой премии Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского, а в 1978-и удостоился премии Ленинского комсомола.

Притягательность прозы В. Липатова объяснялась и актуальностью проблематики, и остротой конфликтов, и яркостью их воплощения. Люди труда, их внутренний мир, микроклимат рабочего коллектива всегда находились в центре внимания писателя. Человек и его дело, научно-техническая революция и личность, руководитель и коллектив — вот магистральные проблемы его прозы. Не случайно по многим своим признакам проза В. Липатова, как правило, близка к «производственной». Правда, заметно отличается от большинства ее произведений особой остротой проблем и конфликтов и в то же время психологической достоверностью.

В ранних повестях и рассказах В. Липатов обычно изображал столкновение людей внешне обыденных, малоприметных, но духовно глубоко наполненных, с людьми, на первый взгляд, поражающими своей силой, энергией, неординарностью, оказывающимися на поверку лишенными внутреннего стержня, пустыми. Помимо того, В. Липатов показал себя еще и знатоком сибирского быта и характера человека сибирской глубинки.

Для произведений В. Липатова 1960-х годов характерен приключенческий элемент, авантюрная фабула. Но в начале 1970-х в прозе В. Липатова наблюдается отход от внешней занимательности в сторону усиления психоанализа. В результате чего, его проза обращена уже не столько к социальным, сколько морально-этическим и нравственным проблемам. Главная из них — проблема нравственного неблагополучия общества. С особой остротой встает она со страниц романов «Игорь Саввович», «И это все о нем», «Повесть без названия, начала и конца». Психологически более углубленным и в то же время динамичным, напряженным, сочным и колоритным в языке и деталях, ироничным делается его повествование.

В произведениях 1970-х годов В. Липатов ведет поиск новой художественности: все активнее использует приемы условности, заранее установленные правила игры и даже прямые отступления от жизнеподобного реализма в сторону смоделированных ситуаций и характеристик. Все большую силу набирают в его прозе притчевый подтекст, и все отчетливее становится социальный анализ. В. Липатов охотно использует прием иронической гиперболы, пародируя официальный стиль эпохи. Липатовская ирония, однако, то и дело перетекает в горький сарказм. Не в последнюю очередь и по этой причине некоторые произведения В. Липатова при его жизни не увидели света. В частности, последний роман писателя «Лев на лужайке» о головокружительной карьере обаятельного журналиста-конформиста.

Насыщенная творческая деятельность В. Липатова была отмечена советским государством двумя орденами Трудового Красного Знамени. После смерти писателя имя его было увековечено в названиях улиц в городах Асино Томской области и Чите. А само творчество В. Липатова заняло достойное место в советской литературе второй половины XX века.

Наряду с темой преобразование современной Сибири очень популярной у прозаиков «новой волны» была и тема «поры первоначальной». И это вполне естественно. Автобиографическое начало литературного пути в мировой литературе столь же распространено, как и в шахматах дебютный ход королевской пешкой. Но то, что произошло на исходе 1960-х годов и долгим эхом отозвалось в последующих десятилетиях, иначе, чем

«взрывом», назвать трудно.

Роман Владимира Колыхалова «Дикие побеги», повести Геннадия Машкина «Синее море, белый пароход», Виктора Лихоносова «На долгую память», Геннадия Михасенко «Кандаурские мальчишки», Василия Коньякова «Не прячьте скрипки в футлярах», Александра Плетнева «Дивное дело», Николая Самохина «Где-то в городе, на окраине», Петра Дедова «Березовая елка» и еще многих произведений других сибирских прозаиков, начавших свой путь в шестидесятые-семидесятые годы, имели то общее, что посвящены они были военному или послевоенному детству.

Объяснение тому вполне очевидно: в литературу входило поколение литераторов, в судьбе которых одной из самых ярких и драматичных страниц было опаленное войной детство. И не вспомнить о нем начинающие писатели не могли. Не могли и по той еще важной причине, что именно там, в военном детстве, прошли суровую и строгую «начальную» школу жизни многие из тех, чьими усилиями велись сейчас в Сибири грандиозные преобразования.

Пересказывать содержание произведений о военном детстве нет особого смысла. Они в общих очертаниях схожи: голодное существование, горькие мытарства, тяжелейший, наравне со взрослыми, труд для фронта и победы и детская обида, что приходится воевать не на полях сражений, а в полях колхозных, да в заводских цехах. Разница лишь в конкретных картинах, эпизодах, типажах и деталях, которые у каждого из авторов, естественно, свои, не заёмные и неповторимые. Роднит эти произведения еще и задушевная лиричность, поэтичность повествования.

Так, автор повести «Дивное дело», рассказывающей о глухой барабинской деревеньке Доволенке, потрясенной до самых оснований войной, обращает читательское внимание на то, что даже в самые бедственные дни не покидала народные сердца поэтическая искра. И не «дивное» ли дело, что в моменты тяжелейших испытаний в душах людей не угасала способность восхищаться разлитой вокруг красотой? Постоянная близость к таким людям и рождает эстетическую обостренность мироощущения, какой отличается герой «Дивного дела» Сережа Журавлев. В то же время чувство прекрасного, владеющее юными персонажами произведений о военном детстве, неотделимо от любви к природе и доброты. Не случайно А. Плетнев подчеркивает следующую деталь: Сережа Журавлев, жалеющий, что душой своей не может, «как гигантской дохой, прикрыть, все живое в ней», родился «в прохладный полдень на жатве... с миром природы в глазах».

Читая эти строки, невольно думаешь: «Ах, если бы все люди рождались с таким вот «миром природы в глазах»! Жили б тогда, наверное, в полной с ним гармонии...»

Лучшие произведения участников Читинского и Кемеровского зональных совещаний-семинаров публиковались в различных литературных журналах и альманахах страны, выходили отдельными книгами.

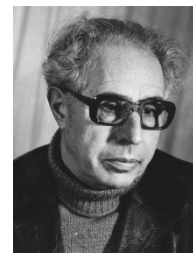
Огромную роль в практической поддержке молодых сибирских писателей, их непосредственной связи с читателями сыграло издание многотомной библиотеки **«Молодая проза Сибири»**.

В 1966 году ЦК ВЛКСМ и Комитет по печати при Совмине РСФСР приняли совместное постановление об издании библиотеки «Молодая проза Сибири». Ее основой послужили книги и рукописи, одобренные на зональных семинарах молодых писателей в

Чите и Кемерово. «Библиотека» началась с книги А. Кузнецова «Продолжение легенды» (1967). Всего было выпущено более 50 томов. Завершилась «библиотека» в 1976 году.

Автором идеи и первым главным редактором издания был новосибирский прозаик-очеркист и переводчик, а на то время и главный редактор Западно-Сибирского книжного издательства **Абрам Ушеревич Китайник** (1922 — 2001).

«Молодая проза Сибири» познакомила читателей со многими интересными прозаиками. Г. Немченко и А. Приставкин, В. Чивилихин и Вяч. Шугаев, В. Лихоносов и В. Распутин, О. Куваев и Е. Гуцин, А. Лиханов и В. Потанин, Г. Машкин и А. Якубовский... — имена этих и других авторов, дебютировавших в «библиотеке», сегодня широко известны.

Одной из главных ее целей было привлечение молодежи к Сибири, нуждающейся в свежих силах для освоения и ускоренного развития края. Поэтому вполне закономерно, что сибирские новостройки, гиганты металлургии и энергетики, нефтепромышленные комплексы, научные центры становятся местом действия многих произведений молодых авторов «библиотеки», которых они привлекали прежде всего тем, что именно здесь складывались новые отношения, возникали сложные нравственные проблемы. Человек и его дело, образ молодого современника — рабочего, инженера, ученого — занимали центральное место в прозе молодой литературной поросли Сибири. Произведения «Молодой прозы...» отличались не только тематическим разнообразием, но и острой и смелой постановкой многих актуальных проблем, связанных с экономической и хозяйственной жизнью сибирского края, в частности, проблемы взаимоотношений человека и природы, которая возникает в произведениях многих авторов.

Библиотека «Молодая проза Сибири» явилась своего рода коллективным собранием сочинений молодых писателей и стала беспрецедентным фактом в мировой книгоиздательской практике. В 1977 году она была отмечена премией Ленинского комсомола.

Издание «Молодой прозы Сибири» было поручено Западно-Сибирскому книжному издательству. И не случайно. На то время, после объединения в 1964 году областных издательств в более крупные региональные это было одно из крупнейших периферийных издательств страны и самое крупное в Сибири. Помимо того, у Западно-Сибирского книжного издательства уже имелся весьма значительный опыт серийных изданий.

Напомним, что в 1950 году Новосибирское государственное издательство взялось за выпуск «Малой библиотеки сибирских писателей».

В 1959 году теперь уже Западно-Сибирское книжное издательство положило начало еще одной серии, вбиравшей в себя все лучшее, создаваемое писателями-сибиряками в жанре романа, — «Библиотека сибирского романа». Сперва предполагалось выпустить 20 томов. Но в дальнейшем «Библиотеку...» потребовалось продолжить. Началась она романом Е. Пермитина «Горные орлы», а завершилась в 1989 году книгой В. Шалагинова «Кафа». В «Библиотеке» публиковались романы таких известных авторов, как Вяч. Шишков, А. Иванов, С. Залыгин, А. Коптелов, Г. Марков, С. Сартаков, Г. Федосеев, В. Шукшин, А. Черкасов и др. В 1960 — 1970-е годы «Библиотека сибирского романа» была единственным сибирским изданием, книги которого охотно закупали столичные книготорговые организации, и которые хорошо продавались на всей территории СССР. За нее издательство награждалось медалями ВДНХ, дипломами Госкомиздата. «Библиотека...» положила начало появлению подобных сериальных изданий в других сибирских регионах.

Не остались обделенными и стихотворцы. Для них в Новосибирске стала издаваться «Библиотека сибирской поэзии». Ее составила «избранная» поэзия авторов уже сложившихся, зрелых, определивших своеобразие своего творческого облика. За почти три-

дцатилетнее существование поэтическая «Библиотека...» представила читателям практически всех лучших поэтов Сибири: от И. Мухачева, открывшего ее своим сборником в 1963 году, А. Кухно, И. Фонякова... и до Г. Карпунина, чья книга стала в ней одной из последних. На рубеже 1990-х «Библиотека сибирской поэзии» прекратила свое существование.

Так что выпуск «Молодой прозы Сибири» был логическим и закономерным продолжением одного из самых заметных и значимых направлений издательской деятельности Западно-Сибирского (Новосибирского) книжного издательства, осуществляемого им на протяжении десятилетий.

«Святое чувство нужной работы»

Славным деяниям преобразователей современной Сибири, их самоотверженному труду и героизму в 1960 — 1970-х годах были посвящены произведения многих молодых авторов. Тема, по-нынешнему говоря, была «в тренде».

Поначалу произведения эти частенько напоминали знакомую «производственную» прозу 1930-х годов, наполненную, правда, новыми жизненными реалиями. Охотно использовались традиционные конфликты типа «новатор — консерватор» или «человек со стороны», одно появление которого в корне меняет дело к лучшему. Подобный схематизм прозаики «новой волны» пытались компенсировать либо элементами исповедальности, либо лирической или романтической окрашенностью. Вместе с тем достичь гармонического единства романтики и прозы первопроходческих будней при этом редко кому удавалось. Горячий конь и трепетная лань не хотели впрягаться в одну упряжку. А тем, кто пытался это сделать, не всегда хватало художественного мастерства. И не только...

Мешало и сложившееся еще в тридцатые годы убеждение, что «героический дух» человека-созидателя, строящего новую жизнь, лучше всего раскрывается в экстремальных ситуациях, то есть в разного рода ЧП и авралах. И действительно, во времена первых пятилеток данный стереотип имел под собой почву. Слабая техническая оснащенность приводила к большой доле ручного труда, отчего тачка, кирка да лопата становились едва ли не главными орудиями производства на тогдашних стройках социализма, что, в свою очередь, требовало предельного напряжения сил, а то и смертельного риска. Но в условиях мощного экономического подъема и научно-технической революции 1960 — 1970-х годов «авральные героизмы» выглядели уже лубочно, а то и просто фальшиво, и говорил скорее о неумении профессионально грамотно и толково работать.

И дело, разумеется, не в самих по себе героических поступках, а в чувстве меры и в том, с какой степенью достоверности они авторами изображались. В том-то и беда была многих писателей, что за самим фактом проявления героического они забывали о социальной и психологической его подоплеке. Красноречивым тому подтверждением могут служить, например, «сибирские повести» В. Поголяева — «Двенадцатая буровая», «Трасса» и др., целиком завязанные на таком вот «авральном героизме».

Имелись, к счастью и совсем другие примеры. Один из них связан с именем О. Куваева.

Олег Михайлович Куваев (1934 — 1975) был многогранно талантливым человеком. Прекрасный геолог, замечательный спортсмен и охотник... Однако главную память о себе он оставил как писатель, все свое творчество посвятивший Северу.

А родился О. Куваев далеко от полярных широт — на станции Поназырево Костромской области, в семье железнодорожника. После окончания Московского геологоразведочного института работал в геологических партиях на Сибирском Севере. Был коллектором, начальником отряда,

партии. Север властно входит в жизнь будущего писателя, становится второй родиной О. Куваева. Там, по собственному признанию, он сформировался как личность.

Естественно, что Север делается и главной темой творчества О. Куваева. Тем более, что в сложных изнурительных геологических маршрутах и отложилось большинство из тех впечатлений, которые легли потом в основу повестей и рассказов, составивших его книги «Зажгите огни в океане» (1964), «Чудаки живут на востоке» (1965), «Весенняя охота на гусей» (1967), «Тройной полярный сюжет» (1973) и, конечно же, самую значительную его книгу — романа «**Территория**» (1974).

Высказываясь о его замысле, О. Куваев писал своему другу магаданскому писателю А. Мифахутдинову: «Внешне — это история золотоносной провинции. Но сие сугубо внешне. С равным успехом можно было писать о каменном угле, участке леса для разработки и т. д. Внутренне же это история о людях, для которых работа стала религией. Со всеми вытекающими отсюда последствиями: кодексом порядочности, жестокостью, максимализмом и божьим светом в душе... Производственных романов много. Отличие моего в том, что герои его веруют еще в свой образ жизни как единственно правильный. Таким образом, Арктика, работа и личная жизнь образуют некий единый компот, в котором невозможно выделить составные части»⁹.

Работа и становится основой жизни куваевских героев, важнейшей координатой и движущей силой их устремлений. И пусть не смущает авторское отождествление работы с религией. Подразумевается здесь не слепой фанатизм и бездумное исполнительство, а подвижническая страсть к работе, неотделимая от понятий совести, долга, чести. Работа-религия — это своего рода идеология человека-труженика, включающая в себя целый комплекс нравственных и морально-этических правил.

Особое значение О. Куваев придает нравственному аспекту работы. На оселке нравственного отношения к работе писатель поверяет истинную ценность своих персонажей. Он убежден, что только человек безраздельно живущий работой может повторить вслед за одним из главных героев романа Сергеем Баклаковым: «Мы обречены на работу и это... есть лучшая в мире обреченность».

При этом «святое чувство нужной работы» у тех, кто пропитан им, рождает глубокое внутреннее удовлетворение и становится «крепостью, которая никогда не подведет».

Такие взаимоотношения с работой проявляются у многих персонажей «Территории». Каждый из них по-своему колоритен и художественно убедителен. Но особое место занимают в романе образы главного инженера геологического управления Чинкова и молодого геолога Баклакова.

Оба, по сути, разновидности одного типа, представленного в двух человеческих ипостасях. Ведь в самом существенном Баклаков повторяет и по-своему продолжает Чинкова, который, в свою очередь, оказывает сильнейшее воздействие на молодого специалиста. А роднит их главным образом то, что, несмотря на разницу в возрасте и жизненном опыте, оба — лидеры. Но лидеры не по должности и иерархическому положению, а состоянию души. Лидеры в силу богом данной «энергии страсти», позволяющей и самим преодолевать любые преграды, и вести на преодоление других.

Но вот на что еще обращает на себя внимание в большинстве героев О. Куваева. Несмотря на самозабвенную преданность работе, деловой прагматизм, производственную целеустремленность, они в то же время люди романтического склада. Причем романтика для них такое же естественное состояние, как и «ежечасная готовность к работе».

⁹ «Дальний Восток», 1984, №8, с 148.

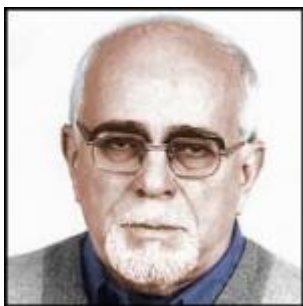
Парадокс? Возможно, если понимать романтику лишь как пустую восторженность или тягу к экзотике, а не как стремление испытать себя на самых высоких пределах и открыть в себе неведомые возможности.

Надо сказать, что к такому пониманию романтического О. Куваев пришел не сразу. В ранних произведениях ему тоже не всегда удавалось избегать «голубой» туристской романтики, с показной экзотикой, внешними эффектами, с прекрасно ее символизирующим картинно бородатым бодрячком-геологом. Но чем крепче становилось его литературное мастерство, тем дальше уходил О. Куваев от такой романтики. В «Территории» О. Куваев уже открыто выступает против ложноромантических тенденций в литературе.

Вот как, например, в романе оценивает только что пройденный им тяжелейший маршрут Сергей Баклаков: «Больше половины времени ушло на бессмысленную героику. Как ни крути, но это, по меньшей мере, нерациональное использование времени инженера-геолога. И еще глупее то, что их профессия прославлена именно за эту иррациональность: костры, переходы, палатки, бороды, песенки разные. А суть профессии вовсе в другом. Не в последней спичке или патроне. А в том, чтобы взглядом проникнуть в суть земли».

Суть эту О. Куваев и стремился передать в романе «Территория». Он отстаивал свое понимание романтики, где во главе угла черновая, неброская, но фундаментально-важная для будущего работа, через которую надо обязательно пройти. Пройти, чтобы доподлинно знать «грубость и красоту реального мира» и жить, «как положено мужчине и человеку».

О. Куваев любил сравнивать литературную работу с геологическими маршрутами. В литературе русской ему удалось проложить свой «маршрут».

Евгения Александровича Городецкого (1934 — 2005) — ровесника и коллегу по геологическому цеху — в литературу тоже привели геологические маршруты.

Родился Е. Городецкий в Днепрпетровске. Там же окончил горный институт, после которого по распределению попал в Сибирь, где много лет проработал в геологических партиях на севере Красноярского края. Будет он потом, по возвращении «на материк» и научным сотрудником одного из НИИ в Новосибирске, и редактором местного книжного издательства. Но именно геологическое прошлое стало прочным фундаментом литературного творчества Е. Городецкого, а жизнь и труд геологов — сквозной на долгое время темой.

Е. Городецкий входил в литературу в начале 1970-х годов, в период расцвета геологической псевдоромантики, о которой, вспомним, так нелестно отзывался О. Куваев. И для него тоже существовала немалая опасность свернуть на ее накатанный путь, далекий как от подлинной жизни Сибири, так и истинной сути труда геологов. Опасности этой Е. Городецкий сумел избежать, ибо имел к тому времени свой взгляд и на геологическую профессию, и на страну Сибирь.

Отчетливей всего, пожалуй, проявился взгляд этот в самом крупном и главном произведении Е. Городецкого — трилогии «**Академия Князева**» (1981, 1984). Геологию в ней автор показывает как бы в трех основных измерениях: полевые изыскания, камеральные работы и научно-техническая деятельность. Такое объемное изображение этой профессии в художественной литературе уже само по себе редкость, несмотря на всю популярность геологической темы. В трилогии нет каких-то из ряда вон событий и хитроумных коллизий. Основное внимание автора сосредоточено на будничной, «чернорабочей» стороне жизни геологов.

Поиск полезных ископаемых убеждает читателей Е. Городецкий, — сложное трудоемкое производство. Только, быть может, более специфическое. И возникающие внутри него конфликты тоже типично производственные.

Отряд геологов обнаруживает на своем поисковом участке признаки богатого рудного месторождения. Однако главный инженер экспедиции Арсентьев запрещает продолжать углубленную разведку, поскольку его больше волнует выполнение плана общих работ. И тогда начальник отряда Князев идет на хитрость: разбивает своих людей на две группы, одна из которых занимается тем, что предписало начальство, а другая продолжает обследовать рудное месторождение. Но обман раскрывается. Князеву за самоуправство грозит увольнение. И происходит один из тех нередких в производственной жизни случаев, когда инициатива становится наказуемой и человека, сделавшего нужное дело, карают только за то, что он отошел от сомнительной буквы инструкции.

Подобного рода конфликты в «производственной» прозе семидесятых имели широкое хождение. Тем не менее, под пером Е. Городецкого противоборство Князева и Арсентьева не выглядит ни схематичным, ни банальным, потому что за ним автору удалось увидеть и показать живых людей с их сильными и слабыми сторонами, взглядами на жизнь и профессию, реальные, а не надуманные взаимоотношения.

Принципиальной удачей Е. Городецкого стал образ геолога Князева — настоящего рыцаря своего дела. Князев влюблен в геологию, одержим работой, но он вовсе не «узкий специалист», зашоренный профессией, а человек, способный мыслить широко, масштабно, видеть перспективу, подходить к делу творчески, а главное нравственно. Не случайно те, кому посчастливилось пройти «академию Князева», получают не только уроки отточенного профессионализма, но и высокой нравственности. Образ Князева резко диссонировал с толпой литературных романтиков, ехавших «за туманом и за запахом тайги». А вот куваевские Чинков с Баклаковым были ему, несомненно, сродни.

Ну а что романтика? Сделалась в творчестве Е. Городецкого изгоем? Нет, конечно. Просто лишилась прежнего отвлеченно-возвышенного дымчатого флера. Любимые персонажи Е. Городецкого обретают способность видеть и чувствовать прекрасное в вещах и делах, опять-таки, самых обыкновенных и будничных. Как происходит это, например, с лучшим шурфовщиком экспедиции Федором из рассказа «Работа горная, работа черная», который от «черной» своей работы получает прямо-таки эстетическое наслаждение и праздник души.

О людях, осваивающих современную Сибирь, Е. Городецкий будет писать и дальше. Но и в новых произведениях — а это, прежде всего, большой цикл рассказов о первопроходцах нефтяной сибирской целины **«Крыша над головой»** (1988) — писатель останется верен себе, рассказывая о реальных, а не лакировано-лубочных трудностях и раскрывая характеры героев через их будничную жизнь.

Разные люди едут «покорять» Сибирь. Одним хочется в жизни перемен, «каких-то радостных значительных событий», других гонит призрак больших денег и легкой жизни, третьи едут, вообще толком себе не представляя, куда и зачем... Все они тоже по-своему романтики. Однако реальная Сибирь их быстро разочаровывает. К ней эти «романтики» совсем не готовы.

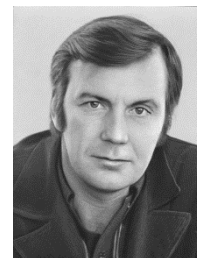
И Сибирь, переживающая новую мощную волну преобразований, держится, показывает в произведениях своих Е. Городецкий, не «пришельцами», не легкими, словно перекасти-поле, людишками, а такими, как герои триптиха **«Крыша над головой»**, цельными основательными людьми. По разным причинам оказались в Нефтяном Приобье. Буровой мастер Валентин Бурла, шофер Василий Тимофеев, сварщик Володя Белоус. Многое пришлось каждому пережить и преодолеть, прежде чем они прикипели к этим местам. Но это все как раз осталось «за кадром». Плещущего через край трудового героизма персонажей тоже не видно. Автор отходит от сложившегося в 1970-х годах стереотипа изображать развивающуюся Сибирь как сплошную «стройку века», купающуюся в кипучей пене трудового энтузиазма, и сосредоточивается на том, как его герои обустриваются, обрастают бытом, пускают корни...

Правомерно ли столь явное смещение акцентов в социально-бытовую сторону? Несомненно! Хотя бы потому, что решившие остаться в Сибири всерьез и надолго герои Е.

Городецкого творят пусть менее впечатляющее, но не менее важное дело — «поднимают крышу над головой», крышу, под которой предстоит жить не одному поколению новых сибиряков.

А вот омский прозаик **Валерий Николаевич Мурзаков** и вовсе рассматривает своих героев-производственников через призму обыденной жизни.

Младший современник О. Куваева и Е. Городецкого, он родился в 1940 году в Саратове, однако большая часть его жизни связана с Сибирью. Здесь он окончил Омский сельхозинститут и в качестве инженера-геодезиста проводил топографические съемки для геологов Якутии, строил гидротехнические тоннели в Казахстане.

Не удивительно, что и в центре большинства его произведений проходчики (именно так и называлась вышедшая в 1977 году в Москве первая книга В. Мурзакова), буровики, шоферы, строители, сельскохозяйственные рабочие.

При этом узко-производственные перипетии и страсти в них почти не присутствуют. Зато весомо заявлена бытовая сторона, личная жизнь трудового человека, которая тесно переплетена в произведениях В. Мурзакова с производственной. И работа, и быт для его героев — единая стихия бытия. Для самого же писателя такой едино-нераздельный взгляд стал принципиальной художественской позицией, выделявшей его из общего потока «производственной» прозы 1960 — 1970-х годов. В этом убеждают лучшие произведения В. Мурзакова.

У героя повести **«Мы уже ходим, мама»** Сергея Локтева — водителя экстра-класса, аса северных трасс все вроде бы есть: и любимая работа, и заработки, и ждущая его женщина... Нет вот только внутри прочной основы, стержня, а потому мотает и несет молодого, крепкого, в самой поре мужика по сибирским просторам перекаати-полем. От родительских корней оторвался, своих не пустил. Все как-то перепуталось в его судьбе. Мать умерла вдали от него, любимая женщина, которую держал «про запас», вышла замуж, устав его ждать... На этом житейском изломе и испытывает писатель своего героя. Оставшись у «разбитого корыта», Локтев мучительно ищет выход. Автор оставляет его на перепутье, но дает читателю понять, что нравственная переориентация и душевная перестройка в душе Локтева уже началась.

Тему человеческого счастья поднимает В. Мурзаков и в повести **«Ищи в себе»** — элегически грустной и взволнованной истории о любви двух немолодых людей. Председатель рабочкома Зубакин и доярка из его совхоза Маша едут по профсоюзным путевкам за границу. В пути проникаются взаимным чувством. Но... ничего «такого» (адюльтера, супружеских измен) не происходит. Оба в полной мере осознают ответственность за свои поступки. За плечами каждого семейный груз, долгий безупречный труд на одном месте, добрая репутация — то есть все, что нажито всей предыдущей добропорядочной жизнью и что легко, как рукавицу, не сбросишь. «Курортного романа», как можно было ожидать, не случилось, но это только укрепляет читательскую веру в чистоту и подлинность чувств героев этой повести. Следует заметить, что взаимоотношения Маши и Зубакина она не ограничивается. Как и всегда у В. Мурзакова, социально-бытовой контекст и здесь густ и плотен. Вместе с тем, даже не акцентируя внимания на каких-то хозяйственных делах и проблемах, писателю удается дать ясное представление о жизнедеятельности типичного советского совхоза семидесятых годов, с которым прочными узами связаны главные герои повести.

Проза В. Мурзакова интересна еще и тем, что, как прави-

ло, она насыщена драматическими событиями и судьбами, болезненными социальными и нравственно-этическими проблемами. Чего в достатке еще в одной повести В. Мурзакова «Голоса за стеной».

Главные ее герои — заводской рабочий Степан и маляр Людмила — не первой уже молодости сожители, которых сблизил одиночество и жизненная неустроенность. Однажды Людмила получает телеграмму о смерти своей младшей сестры, и они со Степаном летят в далекий северный поселок. На месте выясняется, что сестра убита. Людмила со Степаном встают перед проблемой: как быть с детьми убитой? Оба не против взять их на воспитание. Есть и желание, и нерастратенное душевное тепло. Но... Этих «но» много. Здесь и материальные факторы, и социальные (у обоих ничего, кроме казенного койко-места в общежитии, нет), и загвоздки юридические... Однако самая главная трудность заключалась в них самих. На образах Людмилы и Степана В. Мурзаков показал целый пласт людей, корни которых глубже места в общежитии не прорастают. И чаще не по их вине. А возникающие при этом нравственные деформации имеют далеко идущие последствия. Отсутствие корней и привязанностей лишают таких людей четких жизненных ориентиров и смысла существования. Вот почему за желанием Людмилы взять на воспитание чужих детей просматривается не только неустрашаемый материнский инстинкт (своих детей у нее никогда не было), но и отчаянная попытка зацепиться прочнее за жизнь, пустить в ней, наконец-то, глубокие корни.

* * *

Тема преобразования Сибири в послевоенные десятилетия находила свое отражение не только в произведениях молодых авторов, но и в прозе уже известных писателей — в романах А. Коптелова «Сад» (1956), Е. Пермтина «Ручьи весенние» (1956), Г. Маркова «Соль земли» (1954 — 1960), С. Сартакова «Ледяной клад» (1962), или в таком широком эпическом полотне, как тетралогия Ф. Таурина «Далеко в стране Иркутской».

Франц Николаевич Таурин (1911 — 1994) не был по происхождению сибиряком, но судьба тесно связала его с Сибирью. Родился он в селе Петровское Тульской губернии. После окончания Казанского индустриального политехникума трудился на кожевенно-обувном заводе в Сарапуле. В 1940 году был направлен в Якутию, где десять лет проработал сначала начальником цеха, потом директором Якутского кожевенного завода. Позже избирался председателем Якутского горсовета и секретарем Якутского горкома КПСС. В 1952 году переехал в Иркутск, где был редактором многотиражки иркутских гидростроителей, собкором «Литературной газеты»...

В литературу Ф. Таурин вошел как своеобразный летописец рабочего класса Сибири. В 1950 году он дебютировал с романом «К одной цели». Впоследствии создал большой прозаический цикл — «Гремящий порог» (1961), «Каторжный завод» (1963), «Партизанская богородица» (1963), «Байкальские крутые берега» (1969) — о судьбах нескольких поколений одной сибирской рабочей семьи под общим названием «Далеко в стране Иркутской». «Государевы преступники» XIX века, партизаны времен Гражданской войны и комсомольцы, строившие Братскую ГЭС, оказались в тетралогии связанными не только кровным родством, но и общностью исторических судеб.

Жизнь как чудо

В «оттепельные» годы резко возрастает внимание писателей к миру отдельной личности, к жизни человеческой души в тончайших ее переживаниях. Что особенно характерно

для лирической прозы. В русской литературе у нее давние традиции, восходящие к временам И. Тургенева. Лирическими мотивами пронизано творчество И. Бунина. Были прекрасные мастера лирической прозы и (К. Паустовский, М. Пришвин, В. Солоухин, Ю. Казаков и др.) и в советской литературе

В Сибири лирической прозы до второй половины XX века почти не существовало. Исключение составлял разве что К. Урманов. Обычно его проза ассоциировалась с Гражданской войной, хотя на самом деле творчество этого писателя шире и многообразней. К. Урманов современникам был известен и как автор замечательных произведений о «тайнах сибирской природы», и как мастер задушевной лирической прозы. Его перу принадлежит также немало произведений для детей, воспитывающих в них лучшие человеческие качества.

Заметные подвижки в этом направлении начались с появлением на литературном горизонте писателей «новой волны». Лирическая окрашенность характерна для большинства произведений о военном детстве. И не только. Произведения многих молодых прозаиков шестидесятых-семидесятых годов — а это и повести В. Лихоносова «На долгую память», «Люблю тебя светло», Вяч. Шугаева «Любовь в середине лета», С. Заплавного «Марейка», и др. — обретают уже явные приметы лирической прозы.

Ну, а ее первопроходцем в Сибири и преданным рыцарем можно считать новосибирского писателя И. Лаврова.

Илья Михайлович Лавров (1917 — 1982) — родился в Новосибирске, в семье водовоза. После окончания Новосибирского театрального техникума работал драматическим актером во многих театрах СССР.

Литературный путь И. Лаврова начался в 1953 году, когда в альманахах «Новая Волга» и «Забайкалье» (в Саратове и Чите) были напечатаны его первые рассказы. В 1955 году в Чите была издана и первая книга И. Лаврова «Ночные сторожа». Счастливым и поворотным в судьбе писателя оказался 1956 год. В Чите и Москве выходят его сборники рассказов «Синий колодец» и «Несмолкающая песня». В том же году И. Лавров становится участником III всесоюзного совещания молодых писателей, по рекомендации которого он был принят в Союз писателей СССР. Оставив сценические подмостки, И. Лавров переходит на литературную работу, которой посвящает всю дальнейшую жизнь.

Уже первые книги И. Лаврова задают тон всему его творчеству. Они светлы, полны неумолчного «шума жизни», неизбывной доброты, прозрачной грусти, нежности и любви ко всему сущему в нашем мире. Их персонажи, — ночные сторожа, парикмахеры, провинциальные актеры, учителя, речники, лесорубы, геологи, вырвавшиеся на простор большой жизни молодые люди, дети... — взяты писателем из самой гущи жизни такими, какими он увидел и почувствовал их — тонкими и сложными, способными на глубокие чувства природы.

И. Лавров всегда внутренне протестовал, когда некоторые критики называли его персонажей «маленькими людьми». «Нет, они не были такими, — не соглашался писатель. — Это были просто живые, обычные люди. Я не хотел делать из них героев, я лишь хотел, чтобы они жили и дышали на страницах книги. «Стальные», мертворожденные героини-схемы так опротивели, что я ринулся к самому обычному человеку, которого и считаю настоящим творцом и героем нашей жизни»¹⁰. И представленный читателю на страницах произведений И. Лаврова человек действительно живой, достоверный, узнаваемый. И очень далеких от тех ходульных «идеальных» героев, которыми кишела проза пятидесятых.

¹⁰ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

И. Лаврова в начале творческого пути нередко обвиняли в «мелкотемье», «приземленном бытовизме», в уходе от социалистической действительности и магистральных дорог советской литературы. По счастью, «уходил» И. Лавров не один, а в компании блистательных мастеров лирической прозы М. Пришвина, Г. Паустовского, Ю. Казакова, В. Солоухина, Ф. Искандера... «Уходил», продолжая и развивая добрые литературно-художественные традиции И. Тургенева, И. Бунина. Уходил от ложного пафоса, плакатного героизма и риторики официозного соцреализма к извечным и подлинным человеческим ценностям, которые чаще всего и обнаруживаются в обыденной жизни.

В этой, естественной для них среде, И. Лавров и показывает своих героев, которые любят, страдают, ищут ответы на духовные, нравственные, да и социальные — тоже, вопросы, касающиеся самых разных сторон бытия. И прежде всего — взаимоотношений человека с окружающим миром.

А камертоном, по которому настраиваются и поверяются эти отношения, становится у И. Лаврова любовь.

Любви у него не только «все возрасты», но и люди самого разного внутреннего содержания «покорны». Даже те, кто, казалось бы, надежно защищены от всепроникающего воздействия любовного излучения.

Как, например, главный герой рассказа «Ночные сторожа» Ефим. Дожив до седых волос без любви, он душевно обеднел, очерствел и ожесточился. Но любовь, в конце концов, настигает и его в лице такой же немолодой напарницы по ночным дежурствам в центральном городском парке, где оба работают. И происходит настоящее чудо. Ефим рядом с Варварой светлеет, добреет, отмякает душой, начинает видеть и ощущать разлитую вокруг красоту.

Способность глубоко чувствовать своих героев и с ювелирной точностью передавать состояние их души уже в начале литературного пути становится важной чертой художнического стиля И. Лаврова. Как и его пристальное внимание к мельчайшим деталям и подробностям окружающего бытия. «Жизнь волшебна в своих подробностях», — заявлял он в одной из миниатюр. И как очень немногие из писателей умел через крохотный штрих, нюанс, через самую, казалось бы, незначительную крупинку жизненной круговерти увидеть и запечатлеть в объеме и многомерности как мир вокруг, так и состояние человека в его контексте. При этом любая подробность у И. Лаврова остается индивидуальной, неповторимой и хорошо просматриваемой в едином потоке бытия.

Помимо того, под пером И. Лаврова картины окружающего мира полны красок, звуков, запахов. И каждая наводит на мысль, что написать их мог только талантливый живописец с душой поэта. И. Лавров и был им — поэтом и живописцем слова, тонким лириком и жизнелюбивым романтиком.

Чему красноречивым подтверждением может служить одно из лучших и самых известных произведений И. Лаврова — повесть «**Встреча с чудом**», рассказывающая о сестрах-близнецах Асе и Славке, грезящих морем и мечтающих стать штурманами дальнего плавания. Окончив школу, девушки устремляются в головокружительное для них путешествие к берегу Тихого океана, чтобы поступить в морское училище. Путь близняшек к мечте окажется неблизким и непростым, с неожиданными поворотами, приключениями, встречами, познанием огромного мира с его главной ценностью — добрыми красивыми людьми:

Повесть «Встреча с чудом» названа так не случайно. Говоря о себе и своем творчестве, И. Лавров признавался: «Я всегда воспринимал жизнь как чудо и верил, что наша обыкновенная жизнь и есть необыкновенное счастье. Вот это восприятие, эта поэзия ок-

ружающего и легли в основу всех моих книг»¹¹. Так что заголовок повести — не просто яркий метафорический образ. В нем отражено и собственное, Лавровское, восприятие жизни.

Восприятие это определило и жизнеутверждающий пафос творчества писателя, в том числе и повести «Встреча с чудом». Увидев свет на пороге 1960-х годов, она оказалась очень созвучной своему времени, отмеченном «хрущевской оттепелью» и всплеском романтических настроений у тогдашней молодежи. Наверное, поэтому история сестер-близнецов, вчерашних школьниц, отправившихся в самостоятельный путь по житейскому морю, легла на благодатную почву — насыщенная лиризмом, бурным жизнелюбием, богатством настроений и чувств, красочными образами, повесть эта

вызвала огромный читательский интерес. Она неоднократно переиздавалась, переводилась на иностранные языки, выходила в «Роман-газете» тиражом в несколько миллионов экземпляров. По ней был поставлен радиоспектакль, снят художественный фильм «Дорога к морю», а известный советский композитор Дмитрий Кабалевский по ее мотивам даже написал оперу «Сестры».

Романтизм и лирическая взволнованность, эмоциональная приподнятость и доверительность, живописность и музыкальность всегда отличали прозу И. Лаврова. Но все это опиралось у него на реальную, а не выдуманную, не эфемерную жизнь.

Много замечательных страниц в произведениях И. Лаврова посвящено природе. Она занимала в его жизни важное место. Именно от нее, природы, прежде всего, и шло восприятие И. Лавровым «жизни как чуда».

По страницам произведений И. Лаврова рассыпано множество картин природы самых разных уголков нашей страны. Но ярче, глубже, насыщенней, величественней всего изображена у И. Лаврова природа сибирская, которая становится в его творчестве этакой сквозной и связующей лирической героиней. А в повести «Печаль последней навигации», рассказах «Шумела, Обь, текла», «Дорога в Петушки» И. Лавров впервые в нашей литературе создал цельный и прекрасный образ великой сибирской реки-труженицы Оби.

Живописуя природу, И. Лавров проявлял себя замечательным мастером словесного пейзажа. Но запечатленные им картины полны не только красочного разноцветья, многообразия звуков, запахов. Они еще и, как правило, насыщены глубоким смыслом и подтекстом, а подчас и остро драматичны.

И. Лавров много и плодотворно работал в жанрах «малой прозы» — небольшой повести, рассказа, миниатюры, но осваивал и жанры более габаритные, в которых доказывал, что ему, лирику-спринтеру, хватало дыхания и на дальние прозаические дистанции. Самым убедительным тому примером может служить тетралогия «**Мои бессонные ночи**», где И. Лавров смог успешно соединить в себе лирика и летописца и продемонстрировать, что ему по плечу, в принципе, любые художественные задачи.

Писатель обозначил тетралогию как «роман-воспоминание». Многие годы она складывалась из автобиографических повествований, отображающих разные периоды жизни И. Лаврова. А вспомнить ему было что. Ведь на его, ровесника Октябрьской революции, глазах, проходили важнейшие события в жизни советского государства. Не случайно отблеск истории лежит почти на каждой странице романа.

Роман «Мои бессонные ночи» насыщен драматизмом. Драматична судьба героя-рассказчика, близких ему людей, драматична эпоха, в которой пришлось им жить. Отсюда логичен был бы и мрачно-пессимистичный финал произведения. Однако, вопреки всему, концовка эпопеи — это чуть ли не восторженное благодарение судьбе: «Я благодарю судьбу за встреченных людей, за все любви и дружбы, подаренные мне. За все измены, разлуки и радости, обогатившие мои чувства, за все мои зимы, весны и осени, за весь

¹¹ Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

трудный путь к задуманному, за то, что я родился в этой стране, за написанные книги, которые держатся на любви и восхищении...»

Парадокс? Скорее следствие все того же восприятия жизни как чуда, которое подвигает Лаврова-художника убеждать читателей, что, всем бедам и невзгодам назло, жизнь все-таки прекрасна.

«Нужно не просто описывать жизнь, а воспевать ее, — говорил И. Лавров, оглядываясь на свой творческий путь. — Тот не художник, который не может видеть поэзию жизни. А жизнь наша полна красоты, как береза соком»¹². И это уже осознанная, выношенная всей жизнью и судьбой, художническая позиция И. Лаврова.

До последних дней своей жизни И. Лавров много и самоотверженно трудился на литературной ниве. Но этим не ограничивалась его писательская жизнь. Много душевных и творческих сил отдавал он творческой молодежи, преподавая им бесценные уроки литературного мастерства и подвижничества. А главным в его науке было глубокое убеждение в том, что искусство «рождается из любви и ненависти, из горя и счастья, но только никогда не рождается из равнодушия».

¹² Лавров И. Об истоках книг. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 123.

УХОДЯЩЕЕ И НАСТАЮЩЕЕ

Процесс социально-экономических преобразований, развернувшихся в Сибири в 1960 — 1970-х годах, проходил далеко не так гладко, как сегодня может показаться. Хотя бы потому, что вольно ли нет, но он вторгался в сложившийся в сибирской глубинке уклад жизни, а то и вовсе ломал традиционные устои. Так, под натиском преобразований уходила в прошлое привычная сибирская деревня, хотя, с другой стороны, и новый ее облик еще не успел сформироваться. Что рождало немало проблем уже социального и нравственного порядка. Противоречивое это состояние сумели увидеть и отразить в своих произведениях некоторые прозаики тех лет.

«Возвращенцы» и «маргиналы»

Один из них был новосибирский писатель В. Коньяков.

Василий Михайлович Коньяков (1927 — 1999) родился в селе Уфимцево Кемеровской области, в крестьянской семье. Работал в колхозе, токарем на заводе, участвовал в боях против Японии в 1945 году. Окончил Ростовское художественное училище. Преподавал рисование в школе.

О молодых художниках была и первая его повесть «Цвет солнечных бликов» (1962). В следующей — «Не прячьте скрипки в футлярах» (1964) — В. Коньяков рассказал лирическую историю о пареньке с оборонного завода военных лет — тоже отчасти автобиографическую, вполне укладывавшуюся в тематику «военного детства». А в 1968-м году появилась

повесть «Снегири горят на снегу», действие которой происходит в деревне шестидесятых годов.

Главный герой произведения Андрей Уфимцев — тоже художник, только уже не студент, а профессионал. Переживая творческий кризис, он едет в родную деревню, смутно надеясь, что, «припав» к корням и истокам, обретет здесь желаемое вдохновение и уверенность в своих силах...

В. Коньяков подметил весьма распространенное в шестидесятых-семидесятых годах явление — возвращение (обычно временное) «под крышу дома своего», к родникам-истокам людей, когда-то оторвавшихся от них по разным причинам. Спасаясь от жизненных неурядиц или проблем, они мчались в родные пенаты, видя в них некую панацею. И только очень немногие пытались внимательней присмотреться и задуматься над тем, а тот ли это исток и та ли прозрачно-чистая по-прежнему в нем вода? Был в их числе и герой повести «Снегири горят на снегу».

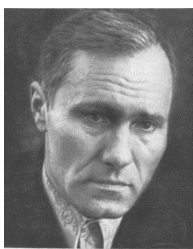
Надежды Уфимцева не сбылись: деревня его детства ушла в прошлое, а новой он пока не знает. Но даже и в знакомом с детства Андрей не может никак уловить чего-то самого важного. Мир не стоит на месте, а «время требует от живописца ответить, что я думаю по поводу» вот этого или того... Вместе со своим героем автор пристально всматривается в меняющуюся на глазах жизнь деревни, пытается постичь ее новые веяния и проблемы. И, что примечательно, их писатель рассматривает прежде всего с точки зрения той нравственной отдачи, какую несут в себе социально-экономические преобразования. Особенно тревожит В. Коньякова то, что с ростом материального благосостояния у людей ослабева-

ет потребность в красоте и духовности. (Полвека спустя это становится еще более актуальным — А.Г.).

Той же тревожной мыслью проникнута и появившаяся позже повесть В. Коньякова «Далекие ветры». Не сходятся характерами ее главные герои отец и сын Чесноковы. Узко-прагматичному, заикленному на хозяйственных заботах Семену не понять своего отца — столяра и плотника с душой художника, обладающего даром видеть прекрасное в самом обыденном. Каждый выстроенный Чесноковым-старшим дом (а их у него наберется полсела) — это светлое и радостное произведение деревянного зодчества. Потому что в каждом присутствует его душа. Иначе говоря, мало одного только профессионального умения. Оно обязательно должно быть одухотворено, чтобы стать настоящим Мастерством.

Глубоко тревожась по поводу дисгармонии между материальным и духовным, прагматизмом и красотой, В. Коньяков не ограничивается констатацией факта. Его герои ищут пути преодоления этого все усугубляющегося разрыва. И многое здесь, убежден писатель, зависит от людей, наделенных даром видеть и творить красоту, нести ее людям. Примечательная особенность любимых персонажей В. Коньякова в том и состоит, что все они в сути своей — художники, поскольку, как очень точно заметил Чесноков-старший, «художник тот, у кого сердце смотрит». Относится это в полной мере и к самому В. Коньякову.

О «веке нынешнем и веке минувшем» русской сибирской деревни много размышлял в своей прозе сверстник и современник В. Коньякова выдающийся русский писатель В. Шукшин.

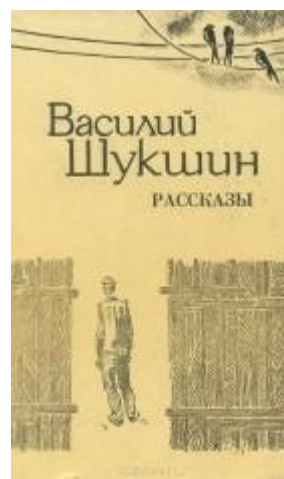

Василий Макарович Шукшин (1929 — 1974) родился в селе Сротки Алтайского края, в крестьянской семье. Учился в Бийском автотехникуме, работал на стройках Подмосковья, тракторном заводе во Владимире. Служил на Балтийском и Черноморском флотах. После демобилизации работал учителем и директором вечерней школы, инструктором райком КПСС. Окончил режиссерский факультет ВГИК. Снялся в двух десятках фильмов и снял несколько по собственным сценариям. Один из них — «Живет такой парень» — в 1964 году удостоился премии Венецианского международного кинофестиваля «Золотой лев», а фильм «Ваш сын и брат» в 1965-м получил Государственную премию РСФСР им. братьев Васильевых. За роль директора комбината в фильме С. Герасимова «У озера» удостоен Государственной премии СССР.

Как прозаик В. Шукшин начал выступать с 1958 года, публикуя рассказы в журналах «Смена», «Молодая гвардия», «Сибирские огни». Первый сборник рассказов «Сельские жители» вышел в Москве в 1963 году. Заложенные в нем темы, характеры, проблемы нашли свое продолжение и развитие в других книгах В. Шукшина — «Там, вдали» (1968), «Беседы при ясной луне» (1974), «Калина красная» (1980) и др., изданных в Москве и Красноярске. В 1976 году В. Шукшин посмертно был удостоен Ленинской премии.

Именем В. Шукшина названы улицы и площади в ряде российских городов: Новосибирске, Барнауле, Омске, Бийске, Воронеже, Ставрополе и др.

В литературу В. Шукшин входил с рассказами о своих земляках, рожденных и возвращенных сибирской деревней. Вместе с тем деревня для него — понятие не столько географическое, сколько социальное и нравственное, сложнейший узел человеческих отношений. Наверное, поэтому В. Шукшин так не любил, когда его называли «писателем-деревенщиком» или «почвенником». По собственному признанию, он «ни в коем случае не желал быть причисленным к числу таких «узких специалистов». В. Шукшин к ним и не относился, а был художником многогранным с широким творче-

ским диапазоном.

Перу В. Шукшина принадлежат многочисленные рассказы, сатирические повести («До третьих петухов», «Энергичные люди» и др.), киноповести, пьесы, сценарии, исторические романы («Любовины», «Я пришел дать вам волю»), публицистические выступления... Он создал целый художественный материк, свою неповторимую картину действительности, в которой отразил эпический взгляд на нравственное состояние человека и общества.

Своеобразный и цельный талант, он разработал в искусстве и литературе собственную нравственную программу и свое представление о человеке. Художнический взгляд В. Шукшина был обращен то к современности, то к прошлому. Но как в днях минувших, так и настоящих писателя больше всего волновал русский национальный характер, всестороннее художественное исследование которого в различных его вариантах и ипостасях В. Шукшин вел в своих произведениях всю творческую жизнь.

Разные человеческие типы представляет читательскому вниманию В. Шукшин. Некоторые из них стали настоящим художественным открытием. Так, в рассказах о современной ему деревне В. Шукшин вывел зорко подмеченный в жизни тип человека, занимавшего промежуточное положение между городом и деревней.

В социологической науке подобный тип определяется как «маргинальная личность», т. е. такая, «которая находится на границе двух и более социальных миров, но не принимается ни одним из них как его полноправный участник». Отсюда маргинализация — «состояние, когда люди не знают, кто они в этом обществе, они не идентифицируют себя ни с чем». Маргинализация, по мнению социологов, возникает при переходе общества от одной социально-экономической системы к другой, в результате чего люди выдавливаются из круга ранее существовавших социальных стереотипов, привычек, норм, представлений, традиционных ценностей и встраиваются в новые, не устоявшиеся.

Шукшинский «маргинал» как раз и был продуктом развернувшихся в стране в послевоенные десятилетия социально-экономических преобразований.

Глубокое же проникновение писателем в психологию «промежуточного» героя стало возможным не в последнюю очередь потому, что и сам В. Шукшин долгое время чувствовал себя примерно в таком положении. «Так у меня выпало к сорока годам, — признавался он, — что я ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение. Это даже не между стульев, а скорей так: одна нога на берегу, другая в лодке. И не плыть нельзя, и плыть вроде как страшновато...»

На то, что сельские жители по разным причинам все сильнее стремятся в города и что отток этот необратим, обращали внимание и другие современники В. Шукшина: В. Липатов, Ф. Абрамов, И. Евдокимов, Е. Носов... Однако В. Шукшин, обнажая самые разные (и драматические, и комические) стороны этого процесса, делал это, пожалуй, наиболее последовательно, художественно ярко и убедительно.

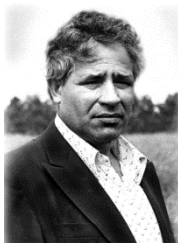
При всем том В. Шукшин не стремился, как его нередко пытались упрекать, противопоставлять «хорошую» деревню «плохому» городу, а старался понять и показать, что же потерял и что приобрел маргинальный человек в новом социальном качестве. Так что не «город» и «деревня» враждуют в художественном мире В. Шукшина, а «живая жизнь» и жизнь пустая, механическая, духовность борется с бездуховностью, совесть с хамством. Внутреннее недовольство собой — с самодовольством.

В. Шукшин не раз подчеркивал, что его авторская позиция заключается в том, чтобы вместе со своими героями найти и раскрыть вечные непреходящие духовные ценности, такие, как доброта, душевная щедрость, совесть.

Вместе с тем к современным реалиям В. Шукшин подходил трезво и диалектически. Он хорошо понимал, что «характер труда крестьянина будет меняться со временем», что от преобразований в деревне никуда не деться, что «в городе ли, в деревне одолевает нас

тьма нерешенных проблем...» Однако как художник-гуманист он задумываться о самом главном — о человеке, о душе человеческой? Для самого В. Шукшина человек и его душа были всегда самой главной заботой, которой посвятил он все свое творчество.

Свое, и довольно неожиданное, развитие тема «маргинализации» десятилетие спустя получила в творчестве омского прозаика А. Плетнева.

Александр Никитич Плетнев (1933 — 2012) родился в поселке Трудовое Куйбышевского района Новосибирской области, в многодетной крестьянской семье. К 1941 году семья Плетневых переехала в Новогутовский совхоз соседнего Барабинского района. А потом началась Великая Отечественная война, которая, по словам А. Плетнева, переломила его детство, «как гвоздь из доски клещами вырвала, без роста взрослеть заставила». О чем впоследствии и напишет он в рассказах своих и повестях «Дивное дело», отмеченной премией Н. Островского, и «Когда улетают журавли».

До призыва в армию А. Плетнев трудился в совхозе. А служить пришлось вдали от дома — в Приморье. После демобилизации там и остался. И двадцать лет проработал в одной из шахт приморского города Артем.

Военное детство и шахтерская биография стали прочным фундаментом всего творчества А. Плетнева. Автобиографические черты присутствуют во многих произведениях А. Плетнева, в том числе и самой крупной, значительной и известной его вещи — романе «Шахта», отмеченного первой премией во всесоюзном конкурсе Союза писателей СССР и ВЦСПС «За лучшее произведение художественной прозы о современном рабочем классе и крестьянстве».

Сразу после выхода «Шахта» удостоилась лестных оценок многих критиков. Как с удовлетворением отмечала Н. Подзорова в послесловии к изданию произведения в «Роман-газете» (1981, №2/912), «кажется, наконец, пришел к читателю роман, где многослойная жизнь современного рабочего воссоздана во всей сложности ее и неделимости». И действительно, в романе «Шахта» А. Плетнев смог сделать то, чего до него редко кому из литераторов, осваивавших производственную тему, удавалось — показать жизнь человека труда цельным пластом.

Пожалуй, убедительней всего цельность эту олицетворяет главный герой романа Михаил Свешнев. Он не делит жизнь свою на время, проведенное в шахте, и вне нее. Работа также естественно и органично входит в его бытие, как дом, семья, сад... Да и работа для него не средство для достижения каких-то целей. Она сама есть необходимость и цель его жизни. Более того, она — часть его души. Что, в свою очередь, предопределяет одухотворенное отношение к делу.

Впрочем, цельность Свешнева тоже достаточно условна. Отличительная особенность таких, как он, кадровых рабочих крестьянского корня, составлявших во времена экономических преобразований значительную часть рабочего класса, — в их двуединости. Родившись и выросши в деревне, лично и профессионально сформировались они уже в городе, на промышленном предприятии. При этом крепкая трудовая закалка и впитанное с молоком матери глубочайшее уважение к работе в сочетании с добрыми нравственными устоями сельского уклада сказались самым благотворным образом и в новой сфере приложения сил.

Такого «промежуточного» человека, до А. Плетнева, вспомним, показал в своих рассказах В. Шукшин. У автора «Шахты» его выходец из деревни уже достаточно прочно

стоит на городском берегу и уверенно занимает свое место в рабочем строю. И все-таки все дальше уплывающая родная деревенская лодка продолжает оставаться в сердце Свешнева, давая знать о себе время от времени приступами ностальгии и душевной раздвоенности.

Не выдержав, Свешнев едет на родину. Но увиденное там его обескураживает. «Он хоть и догадывался, но гнал от себя эту догадку, что мечтает о деревне *своей*, о прошлой, которую уже все позабыли, кинулись к новой, которую и деревней-то назвать язык не повернется...»

Не застав *своей* деревни, Свешнев ощущает, что новой, нынешней деревне он чужой. А чужой потому, что не строил ее, не рос, не менялся вместе с нею. И совсем как Андрей Уфимцев из повести В. Коньякова «Снегири горят на снегу» спрашивает себя: «С какой же душой я вернулся сюда? Кто я здесь?» И еще: как относиться к увиденным переменам и жить дальше?

Через год безуспешных попыток прижиться на родине Свешнев приходит к единственно верному решению: «Нет, не нужно раздваиваться. То, что имел на шахте, никогда не займю на родине, даже если бы жила-здоровствовала Чумаковка. Я уже весь в другом, и другое это проросло через мое сердце, только с сердцем и можно из меня вырвать».

В его окончательном решении-выборе Свешнева поддерживают те, кого он считает «величайшим поколением величайшей силы духа». «Раз пошел, не останавливайся. Иди в рабочие. И нас оттуда поддержишь», — когда-то напутствовал его отец. «Кто мы без дела кровного?» — говорит вернувшемуся на родину Михаилу старый пастух Лабуня и словно точку ставит его сомнениям.

Образ Свешнева — большая удача А. Плетнева. И не только потому, что перед нами мастерски изображенная судьба советского рабочего семидесятых годов. Автору удалось еще и увидеть и показать в недрах традиционного характера русского человека ростки героя нового времени, героя будущего.

Творчество А. Плетнева стало значительным художественным явлением в советской литературе, поставившим его в один ряд с такими выдающимися русскими писателями второй половины XX века, как В. Шукшин, В. Белов, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Е. Носов, В. Распутин (кстати, по рекомендации последних троих А. Плетнев был принят в Союз писателей СССР).

Перед лицом природы

Чем активнее шло в 1960 — 1970-х годах экономическое преобразование Сибири и освоение ее богатств, тем острее и беспощаднее становились проблемы сосуществования и взаимоотношений человека и природы. И кому, как не сибирским писателям, жившим в самой их гуще и воспринимавшим важной частью собственного бытия, было лучше других российских собратьев по перу знать и понимать эти проблемы. Вполне естественно, что тема «человек и природа» становится очень востребованной в творчестве писателей-сибиряков и находит, как правило, достойное художественное воплощение.

Одним из первых советских писателей кто заговорил об экологических проблемах, был С. Залыгин. И не случайно. Обратиться к этой теме его подвигнул предшествовавший литературному пути жизненный опыт.

Сергей Павлович Залыгин (1913 — 2000) родился в селе Дурасовка Уфимской губернии, в семье служащих. После завершения Барнаульского сельхозтехникума он работал инструктором по силосованию кормов и агрономом в Хакасии. В 1939 году С. Залыгин окончил гидромелиоративный факультет Омского сельскохозяйственного института. В годы Великой Отечественной войны был старшим гидрологом Гидрометеослужбы Сибирского военного округа в Салехарде, руководителем гидрографической экспедиции. С

1946 по 1955 год С. Залыгин заведовал кафедрой мелиорации Омского сельхозинститута, а в 1949-м стал кандидатом технических наук. В 1955 году он переехал в Новосибирск, где почти десять лет работал старшим научным сотрудником Западно-Сибирского филиала АН СССР.

Литературную деятельность С. Залыгин начал в предвоенные годы. Первая его книга «Рассказы» была издана в 1941 году в Омске. Выходили и другие, в которых писатель отдал немалую дань суровой романтике Севера: «Северные рассказы» (1947), «На большую землю» (1953), «В наши годы» (1956), «Красный клевер» (1961).

В 1962 году С. Залыгин обнародовал свой первый роман «Тропы Алтая», в котором поднимал проблемы человеческого бытия в мире природы.

Практически одновременно С. Залыгин опубликовал цикл острых публицистических статей («Леса, земли, воды», «Леса, земли, воды и ведомство», «Дело народное, а не ведомственное»¹), где выступил против плохо обоснованного проекта Нижне-Обской ГЭС. Вместе с романом эти статьи стали своего рода отправной точкой в разработке экологической темы сибирской (если даже не всей советской) литературой второй половины XX века.

В «Тропах Алтая» рассказывается о географической экспедиции ученых, составляющих карту растительных ресурсов Горного Алтая.

«Карту можно составить хуже или лучше, но сделать при этом научное открытие нельзя. Вот такую науку без открытий я и хотел показать. Черновую, повседневную»², — объясняет замысел автор. Во-первых, говорит он, незаметной повседневной наукой занимается множество людей, а во-вторых, распознать истинную сущность человека можно не только на каком-то экстремальном изломе или в ореоле великого дела. Испытание повседневностью таит в себе не меньшие возможности.

В романе «Тропы Алтая» его печать лежит буквально на всем, но главное — на отношении человека к природе. При этом природу С. Залыгин рассматривает как равноправного партнера человека, а где, как не в повседневности проверяется прочность и справедливость этого паритетного союза?

Размышляя о взаимоотношениях человека и природы, С. Залыгин рассматривает их в широком не только социально-экономическом (экологическом) но и нравственно-философском контексте, подчеркивая, что перед лицом природы человек глубже познает себя и свою причастность к роду человеческому.

Характерной особенностью романа «Тропы Алтая» является явное в нем авторское «присутствие». По признанию С. Залыгина, он хотел сделать «действующим лицом» романа и «свои размышления по поводу природы, географии как науки...»³.

И действительно, напряженно пульсирующая мысль автора, его активное «сосуществование» с персонажами (а за многими видится сам писатель со своими взглядами и позицией), его публицистическая энергия придают роману «Тропы Алтая» еще большую весомость и гражданственность.

Роман «Тропы Алтая» стал «забойным» произведением экологической темы в советской прозе «оттепельной» поры. «Почин» С. Залыгина подхватили многие, особенно мо-

¹ Первые две статьи опубликованы в «Литературной газете» соответственно 26 июня 1962 г. и 26 января 1963 г. Заключительная статья увидела свет в этой же газете 1 августа 1963 г.

² Залыгин С. Интервью у самого себя. // Сергей Залыгин. Критика, публицистика. — М., 1987, с. 13.

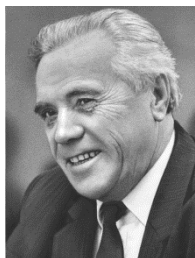
³ Там же, с. 13.

лодые, авторы. В повестях Ю. Сбитнева «Вне закона», В. Чивилихина «Елки-моталки», Е. Гущина «Правая сторона», А. Якубовского «Браконьеры» и ряда других прозаиков «новой волны» показаны разновидности «таежных пиратов».

А вот В. Сапожников попытался взглянуть на браконьерство уже как на явление, пагубно влияющее не только на природу, но и ее губителей. О том, до какого хищнического варварства могут прийти вполне вроде бы добропорядочные цивилизованные люди, когда срываются с нравственных тормозов, в документально-художественной «Повести о последней охоте» ведет автор наполненный болью и гневом разговор. Однажды ее автору довелось провести на охоте три дня среди людей, считавших себя любителями природы. Писатель рисует поистине леденящую картину того, как моторизированные, вооруженные до зубов охотники окружают полное дичи озеро и в считанные часы истребляют все, что «способно летать, плавать, ползать», оправдывая свои действия очень просто: не они, так другие сделают то же самое. Но поражает автора даже не столько сам процесс истребления дичи, сколько разительное преобразование этих людей, которые превращаются вдруг в настоящих оборотней, все больше звереющих с каждым новым выстрелом.

Не мог не сказать своего слова по поводу усугубляющегося разлада в отношениях человека и природы и В. Астафьев, в чьей жизни и судьбе природа всегда занимала очень важное место.

Виктор Петрович Астафьев (1924 — 2001) родился в селе Овсянка Дивногорского района Красноярского края — красивейшем месте на берегу Енисея, в крестьянской семье. Рано лишившись родителей, воспитывался в детдоме-интернате города Игарка. После окончания школы ФЗО работал помощником и составителем поездов.

В Великую Отечественную войну воевал солдатом-связистом, был тяжело ранен. Демобилизовавшись, работал в городе Чусовой Пермской области слесарем, грузчиком, плотником, рабочим на мясокомбинате, сотрудником местной газеты. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. С 1966 по 1980 год В. Астафьев жил и работал в Вологде. В 1981-м вернулся на родину в Красноярск.

Литературную деятельность В. Астафьев начинал на Урале. Первый сборник рассказов «До будущей весны» увидел свет в 1953 году в Перми. За ним последовали книги «Тают снега» (1957), «Перевал» (1959), «Звездопад» (1962), «Поросли окопы травой» (1965), «Пастух и пастушка» (1968), изданные в Перми, Свердловске, Новосибирске, Красноярске.

До середины 1970-х годов В. Астафьев писал преимущественно о детстве и войне, совпавшей с его юностью, создавая биографию целого поколения. Менялись темы и жанры. Герои В. Астафьева были то детьми, то взрослыми, то беспризорниками, то солдатами, то охотниками и рыбаками, но почти всегда писатель изображал одного, в сущности, «природного», «корневого» русского человека, с его собственной нравственной средой.

Особые чувства В. Астафьев питал к родной природе, которая была ему всегда чрезвычайно близка и дорога, и которой писатель, сам заядлый рыбак и охотник, посвятил немало прекрасных страниц. Для В. Астафьева природа — и эстетический критерий, и нравственный оселок, и высшая гармония. Именно перед лицом природы человек в творчестве В. Астафьева раскрывается наиболее полно и глубоко, о чем красноречивее всего свидетельствует его остросоциальный и одновременно лирико-философский роман «Царь-рыба», появившийся в 1976 году.

«Почему, — задается в романе вопросом писатель, — человек, высшее разумное существо, венец земной жизни, все чаще противостоит природе, превращаясь подчас в злейшего ее врага? Что толкает его на это: темные разгулявшиеся инстинкты, необуз-

данная корысть, слепой пагубный азарт? Или «страшная привычка хозяйничать в лесу, как в своем дворе»?

В «Царь-рыбе» В. Астафьев выводит целую галерею таких любителей «хозяйничать». Это и необузданный Командор, и до предела жадный Грохотало, и хитрый Игнатъич... Все они, вроде бы очень разные, едины гнилым своим нутром.

Очень символична одна из сцен произведения. Река как бы мстит отпетому браконьеру — насылает на него гигантского осетра, этакого мифического властелина речных глубин, который переворачивает лодку и утаскивает в пучину запутавшегося в собственных снастях Игнатъича. Матерый браконьер, всю жизнь мечтавший поймать «царь-рыбу», сам оказывается ее жертвой.

Показывает В. Астафьев в своем повествовании и губителей природы куда более современных и хищных, нежели традиционные и доморощенные браконьеры. Они отлично экипированы, не связаны никакими традициями, моральными и нравственными узами, а потому особенно наглы, алчны и опасны. Эти потрошат природу с жестокостью и хладнокровием гангстеров, не гнушаясь ничем ради лакомой добычи.

С другой стороны, обращает читательское внимание В. Астафьев, достается природе не только от браконьеров, но и от бесхозяйственности, головотяпства, оттого, что при проектировании крупных промышленных объектов не учитываются ее законы и факторы, ее естественная жизнь. Поэтому, по существу, самым крупным и опасным браконьером является само государство. И автор повествования совершенно справедливо полагает: для того, чтобы жить в ладу и согласии с природой, необходимо не только рациональное и рачительное, но и глубоко нравственное к ней отношение. Этой мыслью пронизана вся «Царь-рыба».

Повествование в рассказах «Царь-рыба» оказалось непохожим ни на что созданное о взаимоотношениях человека и природы до сих пор. Во-первых, человека перед лицом природы писатель увидел здесь в перекрестье сразу нескольких аспектов — социального, философского, эстетического, нравственно-этического, а во-вторых, повествование это явило собой поразительный симбиоз высочайшего художественного мастерства, острейшей публицистики и глубокого психологизма, сплавленных воедино пронзительной авторской болью за родную землю. Собственный же авторский голос В. Астафьева возвысился здесь до тревожно-набатных высот и был услышан и прочувствован миллионами читателей, став для многих из них истинным откровением и потрясением.

В 1978 году В. Астафьев за повествование в рассказах «Царь-рыба» был удостоен Государственной премии СССР.

Проблема гармонического единства человека и природы так настойчиво звучала в художественной прозе и публицистике 1960 — 1970-х годов не по прихоти писателей или журналистов. Ее перед обществом ставила с резкой остротой сама жизнь. О чем свидетельствует и вышедшая в том же, что и «Царь-рыба», 1976 году повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой».

В основе ее сюжета история с затоплением попавшей в ложе искусственного водохранилища ГЭС деревни. Рассказывая о последних днях Матёры, автор подводит читателя к принципиально важной мысли о том, что необдуманные скороспелые преобразования, слепой натиск технического прогресса режут по живому не только природу, но и вековой уклад тех людей, в жизнь которых они непрошено вторгаются. А это чревато многими бедами. Как сибирский крестьянин по происхождению и человек, сердцем и душой болеющий за нее, В. Распутин не мог обойти своим вниманием писателя и гражданина трагедию деревеньки, попавшей под безжалостное колесо технического прогресса, трагедию, которая в том или ином варианте разыгрывалась в местах грандиозных сибирских

строек.

Замысел этого произведения начал зреть еще во времена работы В. Распутина журналистом в газетах Иркутска и Красноярска, когда с редакционными заданиями он ездил по местам новостроек. Результатом поездок стали две очерковые книги — «Край возле самого неба» (1966) и «Вверх и вниз по течению» (1967).

Последняя явилась предтечей «Прощания с Матёрой», на что указывает и сюжетное сходство, и общий мотив расставания с родной землей. Только из скорбно-элегического в очерковой книге он в «Прощании с Матёрой» становится поистине трагическим. Вернувшись несколько лет спустя к тем же затопленным землям, В. Распутин, заново пережив увиденное, отталкиваясь от запечатленных им в очерке горьких фактов и ощущений, перешел к их глубокому осмыслению — к тому, чтобы понять логику и психологию людей, так грубо и безоглядно вторгшихся в мир природы и вековой жизненный уклад. И сделал неутешительные выводы, что обыкновенные люди, во имя и ради которых вроде бы все и вершится, перестали понимать смысл и назначение грандиозных преобразований. Отсюда и рассказ о судьбе Матёры перерастает у В. Распутина в острую полемику: стоило или нет ликвидировать деревню, чего в этой акции больше — пользы или ущерба...

Но дело, в конце концов, не в практической целесообразности, а в нравственных последствиях этого шага. Ведь затрагивается самое главное — корень крестьянского бытия, основная, *матёрая*, его часть. Неслучайно поэтому и название речного острова и одноименного села на нем. Идеино-образно Матёра связана с такими родовыми понятиями, как мать (мать-Земля, Родина-мать, материк, т. е. земля, окруженная океаном), ну и, наконец, с еще более глобальной ассоциацией — с образом нашей планеты как «малого острова» в Великом космическом океане.

Потому и встает ребром вопрос: кто мы на этой земле — хозяева, или временщики, которым на прошлое наплевать, но и будущего для них нет? А в конфликте Матёры со строителями проявляются те и другие. И не о судьбе «уходящей деревни», как полагали после появления повести многие критики, скорбит В. Распутин. Не только о ней. В «Прощании с Матёрой» писатель, говоря словами Ф. Достоевского, попытался показать «будущие итоги настоящих событий».

Во многом, это ему удастся с помощью системы символично-аллегорических образов. Таких, как не поддающийся ни пиле, ни огню «царский листвень, корнем которого будто бы прикреплен к речному дну, к общей земле остров, охраняющий его зверек-домовой — Хозяин Матёры, или прямо-таки мистический, как у Стивена Кинга, туман, не позволивший эвакуировать последних матёринцев с острова... В повести вообще немало фольклорно-сказочного, а реальное и мифологически-условное то и дело переплетаются.

Что касается реальных событий, то они в «Прощании с Матёрой» пропущены через взгляды и поступки героев двух противоположных полюсов. С одной стороны, это ревнительница традиционного крестьянского уклада и народной нравственности старуха Дарья с сыном-правдолюбом Павлом и единомышленниками, а с другой — такие, например, как ответственный за переселение из зоны затопления чиновник Воронцов, пьянчужка-выродок Петруха или Богодул с пожогщиками.

Между этими полюсами в основном и разворачивается острейшая полемика. Не только, разумеется, словесная. Самый отчаянный и бескомпромиссный в ней шаг за Дарьей. Собрав единомышленников, она остается с ними на затапливаемом острове. И здесь не просто акция протеста. Люди эти настолько крепко вросли корнями в свою землю и связаны со своей родовой, что прожить без нее не в состоянии. Чего, увы, не захотели понять те, кто проектировал и строил ГЭС.

«Прощание с Матёрой» — произведение острокритическое по отношению ко всякому своеволию, эгоизму, равнодушию, к любым проявлениям казенщины и черствости. Писатель сконцентрировал все это вокруг Матёры и заставил читателей не только возмущаться происходящим, вознегодовать, но и задуматься над тем, что формирует взгляды людей, вершащих зло.

В одном из интервью после публикации повести В. Распутин сказал: «На Матёру уже вернуться нельзя — остров затопило, придется вместе с жителями деревни, которые мне дороги, перебираться в новый поселок и посмотреть, что стало с ними там».

Пройдет около десяти лет, и писатель действительно расскажет в новой повести «**Пожар**» (1985), как живут на новом месте согнанные с насиженных мест люди.

Картина под пером В. Распутина вырисовывается безрадостная. Мы видим «неуютный и неопрятный, и не деревенского и не городского, а барачного типа» поселок с его сборным и сбродным населением, где буквально на всем видна печать временности, сиротской заброшенности. А ведь, отмечает автор, из старых своих деревень люди переселялись с надеждой, что «там было хорошо, а здесь с годами должно быть лучше».

Но особенный трагизм положения даже не в этом. Снеся старые деревни с их вековыми традициями, неписаными законами, ретивые экспериментаторы не позаботились о главном — о том, чтобы извлеченные из привычной почвы для пересадки в другое место корни не засохли на пронизывающем ветру далеко не всегда благотворных перемен, чтобы прошлое прочно было связано с настоящим.

О том просто не думали, хотя, напоминает В. Распутин, «не ими ли, не этими ли законами, не этой ли грудью единой спасались и спаслись в старой деревне в войну и в лихие годы?.. Забыли, не учили, не придали значения, в результате — разобщение, отчуждение друг от друга и от единого общего». Хуже того — началось смешение нравственных и морально-этических норм и понятий, «и то, за что держались совсем недавно всем миром, что было... твердью земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность...».

Сказано более трех десятилетий назад, но удивительно актуально звучит и сегодня!..

Возникает, однако, вопрос: почему так случилось?

«Четыре подпорки у человека в жизни, — размышляет главный герой «Пожара» шофер Сосновского леспромхоза Иван Петрович Егоров, — дом с семьей, работа, люди, с кем вместе правишь праздники и будни, и земля, на которой стоит твой дом. И все четыре одна важнее другой. Захромает какая — весь свет внаклон!» Вот эта самая «захромавшая» на все четыре ноги жизнь и становится в повести предметом художественного исследования.

А началось, убеждает читателя В. Распутин, с круто изменившегося отношения к работе, которая из дела жизни и внутренней потребности превратилась для многих лишь в средство существования. Как следствие все больше людей легких, беззаботных, бездушных и безответственных, которым, как говорится, где бы ни работать, лишь бы не работать.

Совсем по-иному на работу смотрит Егоров. Она для него — «движение, ритм и празднество». И важная жизненная подпорка, позволяющая прочно стоять на земле. Беда только в том, что безнравственная социальная политика все сильнее расшатывает ее. А вместе с ней и другую опору — чувство собственного дома.

«Чтобы человеку чувствовать себя в жизни сносно, нужно быть дома». Дом в понимании Егорова не только жилье, но и родная земля, Родина, вне кровных связей с которыми герой повести себя не мыслит. И в этом Иван Петрович очень близок старухе Дарье и Павлу из «Прощания с Матёрой».

Егоров — центральная фигура повести. Его глазами мы видим все происходящее в Сосновке. Но он еще и активный носитель добра и справедливости. Однако его совесть и честь вынуждены постоянно находиться в столкновении с ложью и злом. А бороться с ними Егорову все труднее, потому что слишком много вокруг людей притерпевшихся. Их примиренчество способствует размыванию вековых границ между добром и злом, когда, по выражению автора «Пожара», «движение через черту сделалось двусторонним», а «добро и зло перемешались».

«Охромевшая» жизнь в Сосновке заставляет Егорова искать ответы и на целый ряд вопросов уже нравственно-философского порядка. Что есть подлинная и мнимая правда?

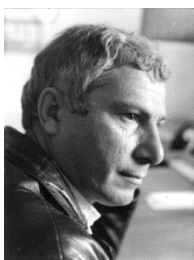
Как достичь гармонии между правдой и совестью? Как быть душе, если совесть и правда скособочены?.. И безумно трудно их отыскать...

Как правило, сюжет у В. Распутина держится на экстремальной ситуации. «Пожар» — не исключение. Но, как и всегда у него — будь то история с недостатчей в «Деньгах для Марии», смерть старухи Анны в «Последнем сроке» или затопление деревни в «Прощании с Матёрой» — крутой жизненный излом нужен писателю не для банальной занимательности, а для предельного обнажения жизненных язв. Пожар в Сосновке высветил самые темные углы, показал, кто на самом деле есть кто. Он явился зловещим символом «охромевшего» общества.

Повесть «Пожар» увидела свет в год начала так называемой горбачевской «перестройки». «Прощание с Матёрой» — во времена «развитого социализма». Но, пожалуй, только сегодня, когда мы оказались в хищных джунглях нынешнего общества-мутанта, в котором витает смрадный дух разложения, становится особенно очевидно, каким горьким провидцем в своих давних заботах и тревогах оказался В. Распутин.

В 1987 году повесть «Пожар» была удостоена Государственной премии СССР.

К теме природы, ее сосуществования с человеком, обращались многие сибирские писатели. Но почти никто не посвящал этому все свое творчество. К числу этого редчайшего «почти» можно отнести красноярского писателя Н. Волокитина, для которого тема «природа и человек» стала главной и практически единственной. Не в последнюю очередь потому, что сибирская природа и связанные с ней люди были значительной частью его собственной жизни и судьбы.

Николай Иванович Волокитин родился в 1937 году в селе Новиково Парабельского района Томской области, в семье сосланных в Нарымский край репрессированных алтайских крестьян. Здесь, среди суровой, но прекрасной сибирской природы и прошло детство Н. Волокитина. После окончания Томского индустриального техникума работал бригадиром золотопромывочного прибора в Магаданской области. Этот период своей жизни писатель отразил впоследствии в повести «Россыпи». После армии Н. Волокитин окончил Енисейский пединститут и долгое время жил в селе Казачинском Красноярского края. Работал в леспромхозе, избирался первым секретарем райкома комсомола, был редактором районной газеты. С 1972 по 1976 год возглавлял Томскую писательскую организацию. В 1976-м переехал в Красноярск. Работал главным редактором альманаха «Енисей». Руководил Красноярской писательской организацией. Заслуженный работник культуры.

В начале 1960-х годов в газетах и журналах стали появляться первые очерки и рассказы Н. Волокитина. Они публикуются в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Юный натуралист», «Природа и человек», «Сельская новь» и др. А в 1969 году в Красноярске выходит первая книга рассказов Н. Волокитина «Казачий луг».

Но настоящую известность ему принесла повесть **«На реке да на Кети»**, первоначально увидевшая свет в журнале «Сибирские огни» (1970, №1).

В этой непритязательной по содержанию вещи (два молодых парня-друга гостюют у коренной чалдонки, загорают, купаются, рыбачат, слушают ее сказы) автору удается изобразить естественную и самобытную жизнь природы Нарымского края, передать сибирский таежный колорит. Но главное — показать, замечательных людей, его населяющих, олицетворенных в центральном персонаже повести — рыбачке Ольге Тижиной, в которой органически сочетаются смелость, решительность, мужество с душевной красотой, добротой, отзывчивостью и мудростью. Полноправным действующим лицом повести становится и река Кеть, малая родина лирического героя.

В повести «На реке да на Кети» обозначилось все то, о чем не раз еще будет писать Н. Волокитин в своих произведениях: о честных, добрых, живущих в ладу с окружающим миром работающих людях — лесозаготовителях, сплавщиках, речниках, рыбаках, деревенских мальчишках и, конечно же, о природе, к которой он всегда испытывал самое трепетное чувство. Произведение это высоко оценил В. Астафьев. «Повесть Вы написали славную, непринужденную», — отметил он в личном письме автору. А 15 апреля 1970 года в «Литературной газете» была опубликована его рецензия на эту книгу «И в поселке Тогул тоже».

А дальше пошли книги «В пору грибных туманов» (1976), «Демидов кедр» (1981), «Дорога домой» (1986), «Заветная елань» (1988) и др., уже сами названия которых говорят о близости автора к родной природе. И действительно, в центре каждой из них взаимоотношения природы и человека, который, по убеждению Н. Волокитина, должен быть на своей земле настоящим хозяином, рачительным и бережливым, а не бездушным холодным временщиком. Поэтому и любимые герои произведений Н. Волокитина — люди большой доброты, широкой души и бескорыстия, которыми, уверен писатель, и должен держаться мир.

Но если первые книги Н. Волокитина еще полны света, тепла, взволнованного лирического чувства, то со временем тональность меняется, становится все тревожнее. Хорошо это видно на примере одного из самых злободневных и социальных произведений Н. Волокитина повести «Демидов кедр».

Та же здесь сквозная и столь близкая и дорогая Н. Волокитину тема гармонического единства природы и человека как «хозяина на своей земле». Но звучание ее резко обостряется и тесно соприкасается с другой большой проблемой середины 1980-х годов — проблемой «неперспективных» деревень, исчезающих в результате «укрупнения» или, по-нынешнему, «оптимизации», и «индустриализации» сельхозотрасли, ведущих к запустению целых сельских регионов с их вековым укладом.

Как ко всему этому относиться: как к некому благу, прогрессу, или беде, уничтожающей все лучшее, существовавшее до сих пор в деревне? Этим, поставленным ребром перед сотнями тысяч крестьян неперспективных деревень вопросом, мучается и главный герой повести Евсей Кузьмич, который и есть настоящий «на земле хозяин», живший с нею до сих пор душа в душу...

Он не льет ностальгических слез о былом, но и многого происходящего понять и принять тоже не может и не хочет, ибо идет оно против складывавшейся веками народной хозяйственной практики и неписаного морального и нравственного устава. Все это подменяется сиюминутной выгодой, циничным аморальным прагматизмом, игнорирующими традиции, обычаи и, главное, природу как основу основ бытия. Но самое страшное для Евсея Кузьмича то, что идет все это далеко не только от пресловутого «человека со стороны», далекого во всех смыслах от здешних мест, но теперь уже нередко и от тех, кто кровно с этой землей связан.

Таких, например, как сын первого председателя местного совхоза Феофана Фомича Коровина, всю жизнь отдавшего становлению родного хозяйства. В образе Коровина-младшего Н. Волокитина показал зорко увиденный в жизни села 1970-х годов тип крестьянина-перерожденца, у которого от бескорыстной любви к земле-кормилице остался только эгоизм, стремление взять от нее как можно больше и выгодней с минимальными затратами. «Откуда они такие?» — задается вопросом Евсей Кузьмич и в качестве ответа выдвигает предположение, что корни их оказались слабыми.

У автора же повести своя версия. Смысл ее в том, что неразумное, безразличное, основанное на голом прагматизме, хозяйствование развращает и на свой лад «воспитывает»

таких горе-руководителей, делая из них не истинных хозяев, а «хозяйчиков», которые сначала бездумно рушат, потом бездумно восстанавливают, и так без конца.

На поставленный Н. Волокитиным вопрос «перерожденцах», корнями связанных с родной землей, однозначного ответа в повести не прозвучало, да, наверное, и не могло прозвучать тогда, в середине 1970-х годов, когда была написана эта вещь. Трагедия «неперспективных» деревень еще ждала своего художественного осмысления.

Через тридцать без малого лет после появления «Демидова кедра» — уже на новом витке социального развития — Н. Волокитин в повести «Последний чалдон» («Сибирские огни», 2002, №5) снова вернется к теме настоящего хозяина на своей земле и проблеме «перерожденчества».

Действие этой повести разворачивается также в сибирской глубинке на крутом социальном переломе, но уже 1990-х годов. И главный ее герой, поселковый врач Анатолий Петрович Турпанов, — из того же ряда цельных, «натуральных», «настоящих людей», что и Евсей Кузмич из «Демидова кедра», которых под натиском меркантильного, алчного, озабоченного наживой любой ценой племени все меньше становится на земле русской.

Главная же особенность Турпанова в его органичном единстве с родной природой, среди которой он, потомок сибирских чалдонов, родился, вырос, живет и работает. Анатолий Петрович, по собственному признанию, «привык ощущать природу так же, как свое тело» и относиться к ней уважительно и рачительно, как и надобно настоящему чалдону, поддерживающему «когда-то созданный Богом порядок»: «Ведь чалдон — это не звание, не квалификация, не профессия. Чалдон — это социальное происхождение и положение, это склад души, образ мыслей и чувств, — говорит Турпанов герою-рассказчику и своему школьному другу. — Чалдон — это прежде всего дитя и хозяин природы, а потом уже рыбак, охотник...»

Именно таким показан автором и сам Турпанов, всегда живший в ладу с природой, а теперь с болью взирающий на то, как беззастенчиво грабят и губят ее новоявленные «хозяева жизни». И не только пришлые, но и «местная элита». Когда-то они учились с Турпановым в одной школе, а потом стали кто местной властью, а кто бизнесменами, у которых все «связано между собой, все схвачено тугим узлом» общими корыстными интересами. И эта доморощенная коррупция, которая стала с невиданным размахом и жестокостью губить природу вокруг поселка, всего и страшнее, ибо, ослепленная блеском золотого тельца, она попирает все мыслимые моральные и нравственные пределы.

О масштабе ее разрушительной деятельности можно судить по изображению автором одного и того же места в разные периоды его существования. Повесть начинается с великолепной картины, которая является каждый раз герою-рассказчику, когда он вспоминает о годах своего детства и юности:

«Лишь закрою глаза, лишь подумаю — вырастают передо мной эти благословенные острова на великой Оби и в низовьях ее притока Кети. С вечной бахромой курчавых тальников, что в знойной истоме опускают ветви прямо в клокочущий стрежень; со сверкающими песками на косах, где любят отдыхать белобокие чайки; с мощными свечами тополей чуть подальше от воды; с тучными луговинами за этими тополями; с густо-зелеными куртинами черемухи по обочинам сенокосных чистин ... И пронзает меня сразу тысячью запахов... И начинаю слышать я сразу и шмелиный гул над пронизанной солнцем сиреновой метелкой кипрея, и вкрадчивый всплеск ондатры в туманистом дальнем заливе, и усталый рокот буксирного катера за поворотом, и тоненький звон веселой трясогузки у самого речного уреза, и кажется, даже шорох звезд в черном небе над стогом, в котором я, утомившись за день, медленно засыпаю...»

А много лет спустя после социальных передряг на переломе веков те же благословенные когда-то места предстают взору героя-рассказчика уже совсем иными. Прекрасные заливные луга завалены горами мусора. На причале день и ночь работавшего лесозавода полное запустение и тишина. На мысу, где «поблескивали веселыми окнами деревянные домики Рейда», сейчас, «как после жесточайшей войны, торчали из бурьяна только белые

печи да полуразобранные срубы. Да и сами реки, Кеть и великая Обь, тоже как-то скорбно ужались, усохли, словно растерянно сомлели от неуютности...»

Контраст между мажорным вступлением повести и этой картиной жуткой разрухи и запустения, как видим, разительный. И речь не просто о неразумном хозяйствовании, бездушном прагматизме, а уже о совершенно осознанном целенаправленном хищничестве, которым занимаются как сторонние, так и местные любители погреть руки на природных богатствах, а с ними не упускающие возможности урвать свой кусок чиновники вместе с нею, с этой коррупционной сворой, отстаивая родную землю и природу, и борется практически в одиночку Турпанов. Борется до последнего вздоха и погибает, сраженный коварством врагов, которые доводят Анатолия Петровича в мстительной злобе подлыми наветами и клеветой до губительного инфаркта.

Турпанов умирает, но для героя-рассказчика он становится одним из тех «благословенных островов на великой Оби», которые чудятся ему, «стоит лишь закрыть глаза»: «Толян сам был как прекрасный Остров в многоликом человеческом океане».

Дай-то бог, чтобы таким же притягательным Островом-символом настоящего человека, своего рода нравственным ориентиром главный герой этой повести оставался и для читателей.

Антикультовская тема в сибирской прозе

Несмотря на то, что художественное отображение Сибири, движущейся по пути технического прогресса и социально-экономического преобразования, являлось для сибирской литературы 1960 — 1970-х годов приоритетным, жила она не только кипучим настоящим, но и далеким и недавним прошлым, заглядывала в будущее.

«Оттепель», как помним, началась с развенчания культа личности Сталина. Событие это резонанс, в том числе и литературный, получило немалый. Появлялись свои антикультовские, или, как они тогда более обтекаемо назывались, «о последствиях, вызванных отступлением от ленинских норм в государственной и общественной жизни», произведения и в сибирской прозе.

Едва ли не первым из писателей-сибиряков взялся за эту тему А. Никульков.

Анатолий Васильевич Никульков (1922 — 2001) родился в Воронеже, в семье партработников. Детство и юность его прошли в Новосибирске. Отсюда в 1940 году он был призван в армию. В 1945 году участвовал в боях против Японии. После окончания в 1952 году исторического факультета Новосибирского пединститута работал в Новосибирском горкоме ВЛКСМ, областной комсомольской газете «Сталинское племя». Несколько лет возглавлял Новосибирское отделение СП РСФСР. Значительная часть творческой жизни связана у А. Никулькова с журналом «Сибирские огни», где он заведовал отделами прозы, поэзии, очерка, а с 1975 по 1987 год был главным редактором.

Литературная деятельность А. Никулькова начиналась в конце 1940-х годов. А в 1952-м вышла его первая книга «Достойные счастья». А. Никульков автор еще нескольких книг, но широкую известность он получил после публикации романа «В буче» (1963).

В центре его фигура первого секретаря горкома партии. Сын бедняка, Иван Москалев уверенно шагает по служебной партийной лестнице. Но чем выше поднимается по ней, тем дальше отходит от народа и демократических принципов партийного руководства, тем сильнее перерождается. Вот суть основного конфликта романа и его идейно-художественный стержень.

Глубоко драматичны образы главного героя романа и его жены Лиды Москалевой, как бы оттеняющей негативные стороны мужа. К тому же она — еще и своего рода «доверенное лицо» автора, через восприятие которого осмысливаются и комментируются многие события и поступки персонажей. Лида свято верит в «прозрачную ясность» человеческих отношений. Поэтому ей больно, когда появляются в них подозрительность и отчужденность. На этой почве возникает в романе еще и нравственный семейный конфликт, который, собственно, и становится пружиной сюжетного действия.

В романе немало автобиографичного, личного и личностного, пропущенного через сердце и восприятие очевидца тех трагических лет, каковым был сам автор. И это, несомненно, делает роман еще более достоверным и правдивым, повышает к нему интерес.

Роман «В буче» был тепло принят читателем. Положительно оценивала его и критика, отмечая, правда, в первую очередь высокую гражданственность и публицистичность произведения, исторический оптимизм⁴, и ставила романа А. Никулькова в один ряд с «Открытой книгой» В. Каверина и «Горькими травами» П. Проскурина, появившимися несколько позже, в середине шестидесятых годов.

Человек на войне

Тогда же, в середине 1960-х начнется и расцвет «военной прозы». Бывшие фронтовики возьмутся за перо, чтобы рассказать о пережитом правду. Ту, которую узнал из первых рук каждый на своем боевом месте: команду взводом, орудием, батареей, или отражая атаки врагов в окопах.

Были еще и авторы-монументалисты вроде К. Симонова с его «Живыми и мертвыми», но они с недавними молодыми лейтенантами рядовыми солдатами в изображении Великой Отечественной войны шли разными дорогами.

Впрочем, монументалистов симоновского толка и масштаба в сибирской прозе и не нашлось. Правда, свои «Живые и мертвые» все же имелись. Роман с аналогичным названием принадлежал перу иркутского писателя Л. Кукуева. Рассказывалось в нем о событиях Великой Отечественной войны, участником и свидетелем которых был сам автор, и посвящался он товарищам по оружию. Роман увидел свет в 1958 году, на год раньше симоновского, однако, получился вялым, невысокого художественного уровня и читательского успеха не снискал.

Но свои достижения у писателей-сибиряков в военной тематике тоже были. В этой связи можно вспомнить целый ряд имен: Н. Осинина, П. Карякина, Л. Квина, В. Никонова, В. Астафьева...

⁴ Фоменко Л. Вечно имя доброе живет. // «Звезда», 1964, №3; Яновский Н. Романы Сибири. // «Литературная Россия», 1964, 14 августа; Трушкин В. Сквозь призму времени. // «Ангара», 1965, №2.

А начинается эта шеренга сибирских авторов фронтового призыва, сказавших свое слово о Великой Отечественной войне, с новосибирского прозаика **Владимира Константиновича Сапожникова** (1922 — 1998).

За сорок лет творческой деятельности у В. Сапожникова вышло почти четыре десятка книг, он переведен на многие европейские языки. Однако главное, все-таки, не в том, что практически все им написанное успешно издавалось, а в том, что всегда находило заинтересованного неравнодушного читателя, в душе которого непременно оставляло заметный след.

Если задаться вопросом, о чем стремился в своих рассказах, повестях и романах поведать нам В. Сапожников, то можно ответить его же словами — «о жизни, как она есть», чтобы «в меру сил написать правдивый портрет Времени». А для этого у него было все необходимое: и яркий, сильный талант, и нелегкая судьба, уготовившая писателю немало испытаний, но позволившая увидеть жизнь с самых разных ее сторон.

В. Сапожников родился в селе Клочки Алтайского края. Во время коллективизации его родителей раскулачили и выслали, и в возрасте шести с небольшим лет будущий писатель вынужден был расстаться с родной деревней навсегда.

Большая часть детства и юность В. Сапожникова прошли на окраине Сталинска (нынешнего Новокузнецка). Здесь он получил первые жизненные уроки. Жестокие, надо сказать. Чуть не умер от тифа. После ареста матери на три года остался совершенно один. Но с ее возвращением сумел окончить школу и поступить в Тюменский пединститут.

Учился он примерно. Отличался, правда, некоторым «вольномудством». (Мог позволить себе самостоятельные суждения о прочитанных книгах). За что не без «помощи» преподавательницы русской литературы XIX века, «схлопотал», по его воспоминаниям, «десять лет лишения свободы» и пять «поражения в правах».

Но В. Сапожникову крупно повезло: началась Великая Отечественная война, и ему «выпала великая честь смыть позор своего преступления кровью». Везло и на фронте: сначала в штрафбате, когда в жестоких боях от целой роты иной раз оставалось лишь отделение, потом — когда служил в одном из эскадронов 4 Кубанского кавалерийского корпуса, с которым прошел до конца войны, заслужив за ратный труд ордена и медали.

Сменив армейскую гимнастерку на штатский костюм, В. Сапожников писателем стал не сразу. Работал в Саянах в геологической партии, ходил мотористом-рулевым по Енисею, за штурвалом комбайна убирал хлеб в Хакасии, ловил омуля с байкальскими рыбаками, с журналистским блокнотом побывал во многих уголках Сибири, учительствовал... Все это так или иначе отразится потом в его многогранной прозе, где найдется место самым разным событиям и персонажам, и прежде всего — по признанию писателя, «добрым и сильным людям».

Но начинался литературный путь В. Сапожникова, все-таки, с военной темы. В 1950 году «Сибирские огни» опубликовали цикл его рассказов «Рассказы старшины Арбузова». Два года спустя в Новосибирске издали одноименную книгу. Война в ней увидена глазами рядового ее участника — солдата «теркинского» склада. Герои рассказов — кавалеристы, бойцы весьма экзотичного во времена Великой Отечественной рода войск. Но привлекают новеллы не столько этим. Богаты они интересными житейскими историями и человеческими судьбами. Есть в них и высокий трагизм, и серьезные раздумья, и поэзия, и добрый юмор... Герои В. Сапожникова храбро воюют, но сохраняют в себе, несмотря на кровь и грязь войны, главное — человечность. Война и смерть мчатся в них бок о бок с

«белыми конями любви» и мечтами о счастливой мирной жизни. Едва ли не первым в советской литературе В. Сапожников взялся показать войну не с батальной, а с бытовой, житейской стороны.

«Рассказы старшины Арбузова» были хорошо встречены читателями и критикой, выдержали впоследствии массу переизданий и пережили уже не одно читательское поколение.

«Рассказы старшины Арбузова» стали первым, но не последним словом В. Сапожникова о войне. Ее отзвуки слышны и в более поздней прозе писателя. В новелле «Тень капитана Беллинга», например, построенной на незримом противостоянии советского и фашистского сапера. Судьба распорядилась так, что герой рассказа капитан Чернов на дорогах войны все время шел по следам минера-аса Беллинга, обезвреживая его коварные взрывные ловушки. И вот новая встреча — в мирное уже время. Правда, не с самим Беллингом, давно уже погибшим, а как бы его призраком, нашедшим свое воплощение в обнаруженной чуть ли не в центре города бомбе, сохранившейся с времен войны. Есть в этом нечто мистическое. Своего рода бой с тенью, за которой, правда, стоит конкретная и очень реальная смертельная опасность, угрожающая тысячам мирных жителей. Жертвуя собой, капитан Чернов спасает город и своих солдат-подчиненных. Пусть ценой собственной жизни, но и последний бой с Беллингом им выигран.

В этом небольшом по объему произведении В. Сапожникову удалось передать и страшный лик войны, и то, какой умный и коварный враг нам противостоял. Хотя как таковой войны в рассказе не показано.

Не увидим мы боевых действий и в повести В. Астафьева «Пастух и пастушка» (1967), хотя она тоже о войне. Об этом произведении в литературной критике было немало разных и противоречивых суждений. Но, пожалуй, наиболее точно ее идейно-художественную суть выразил Н. Яновский:

«В. Астафьев писал о войне. Но так не писал никогда. Дело в том, что здесь он выразил во многом неожиданную концепцию войны... состоящей из двух аспектов: войны-необходимости, оправдываемой защитой или освобождением Отечества, и войны-состояния, всегда противоестественного, примириться с которым невозможно. Особенность позиции В. Астафьева еще и в том, что он убежден: трагедия народа, пережившего такую войну, как Великая Отечественная, не только в том, что погибло двадцать миллионов человек, но и в том, что она, кроме того, десятки никем не учтенных миллионов искалечила, обездолила, надломилась и сократила им жизнь, наполнив ее болезнями, страданиями, муками физическими и духовными»⁵.

В число этих «неучтенных» миллионов входит и герой повести «Пастух и пастушка», юный комвзвода Борис Костяев, прошедший мясорубку жестоких боев, но умерший в госпитале от пуляковой раны. Впрочем, нет, не от раны, как справедливо отмечает тот же Н. Яновский — от «перегрузки чистой и нежной человеческой души, не успевшей закалиться в создавшихся условиях, огрубеть. Черные будни войны с кровью, трупами, бессмысленной подчас жестокостью, нечеловеческой усталостью испепелили душу Костяеву настолько, что даже внезапно возникшая любовь, взаимная и прекрасная, не смогла вылечить Бориса и оказалась бессильной вернуть ему естественную жажду жизни», не смогла преодолеть смерть»⁶.

⁵ Яновский Н. Писатели Сибири. — М., 1988, с. 441.

⁶ Там же, с. 445.

Еще одну искалеченную войной душу показал в повести «**Живи и помни**» (1974) В. Распутин — человек, хоть и не воевавший, но сумевший удивительно точно и тонко уловить некоторые особенности психологии «человека на войне».

Главный герой повести Андрей Гуськов после трех лет войны, заканчивая лечение в госпитале, мечтает об отпуске. Но его снова отправляют на фронт. По пути он решается на самовольную отлучку. Но чем дальше, тем больше отлучка эта превращается в дезертирство. У Гуськова было время одуматься, повернуть назад или прийти с повинной, но ничего этого он не делает. Андрей прячется от всех в бане собственного дома и с каждым днем все сильнее деградирует. Страдая от одиночества и ожидая неизбежной расплаты, он наливается злобой, звереет...

В. Распутин показывает не только внешнее одичание своего героя, но и глубоко проникает в его душу, в самые глухие ее закоулки. Мы видим человека, зараженного «микробом индивидуализма», человека, который жаждал, говоря словами Ф. Достоевского, одного — «самостоятельного хотения», чего бы оно ни стоило. Война способствовала пробуждению и быстрому размножению этого микроба. Эгоизм, крайний индивидуализм Андрея Гуськова обернулся подлостью, трусостью, предательством и распадом личности.

В. Распутин сумел придать этой истории подлинно трагическое звучание, поскольку дал понять, что пострадал в ней не один Гуськов. Он потащил за собой свою жену Настёну — человека чистого и цельного, не способного на сделку с совестью. Как истинно русская женщина она поначалу безоговорочно берет на себя грех мужа, но, не вынеся тяжести морального груза, кончает с собой.

В том и непреодолимая пропасть между этими формально родными людьми, что один (Андрей), преступив раз, соскользнул по пути «самостоятельного хотения» до самого дна душевного опустошения, а другой (Настёна), взвалив на себя непосильный груз чужой вины, помня о вечных нравственных заветах, благодаря которым человек остается человеком, не смог дальше жить.

Повести «Пастух и пастушка» и «Живи и помни» стали одними из самых впечатляющих страниц «военной прозы» второй половины XX века. Обе заслуженно удостоены государственных премий: «Пастух и пастушка» в 1975 году Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького, а «Живи и помни» в 1977-м — Государственной премии СССР.

Великая Отечественная война находила свое отображение не только в произведениях прозаических или поэтических, но и драматургических. Об этом напоминают нам пьесы В. Лаврентьева «Светлая», «Суровые годы», «Человек и глобус», посвященные военной поре. Несколько в тени классика сибирской драматургии осталось творчество еще одного талантливой сибиряка — Н. Анкилова.

Николай Пантелеевич Анкилов (1923 — 1983) родился в селе Лярово Башкирской АССР, в семье кузнеца. Окончил Канское авиационное училище. Участник Великой Отечественной войны. Освобождал Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Участвовал в войне с Японией. Кавалер нескольких боевых орденов. В мирное время служил в Уссурийске, на Чукотке. Уволившись в запас, работал секретарем парткома в одном из совхозов Омской области.

С 1957 года началась журналистская и литературная деятельность Н. Анкилова. Был газетчиком, корреспондентом Омского радио и телевидения. Писал рассказы, повести. Как драматург начинал с телесценариев. В 1964 году по его пьесе был поставлен на Омском телевидении первый телеспектакль «Букварь». За ним последовали «Цена совести», «Годы далекие» и др., пользовавшиеся немалым успехом у телезрителей.

Первой театральной пьесой Н. Анкилова стала «Солдатская вдова», написанная в 1971 году и поставленная в сезон 1971 — 1972 годов в Омском академическом театре драмы. Она имела оглушительный успех, прошла впоследствии более чем в ста театрах СССР и за рубежом, удостоена Государственной премии РСФСР имени К.С. Станиславского и стала заметным явлением в драматургии и театральной жизни Сибири.

Чем же так брала за душу пьеса Н. Анкилова? Да именно образом этой самой «солдатской вдовы» — простой сибирской крестьянки, сумевшей преодолеть все тяготы военного лихолетья, трудом своим и крепкой верой в Победу, ее приближавшей, и брала. Центральный и стержневой в пьесе образ этот стал своеобразным драматургическим воплощением другого, великого символического образа — «Родины-матери».

Н. Анкилов и после «Солдатской вдовы» продолжал писать пьесы («Всего три дня», «Танки уходят в ночь», «Таежная легенда» «Не хочу рая», «Всего три дня», «Тревога», «Хлеб насущный и др.), вызывавшие устойчивый зрительский интерес, но «Солдатская вдова» так и осталась вершиной его драматургического творчества.

Новое слово в освоении историко-революционной темы

Писатели в 1960 — 1970-е годах не теряли интереса и к темам, волновавшим их коллег в довоенную пору. К той же, скажем, коллективизации. Правда, подход к ним и ракурс с течением времени становился иным.

В 1964 году выходит повесть С. Залыгина «**На Иртыше**», посвященная одному из драматичных моментов коллективизации в Сибири. Ее уроки и результаты рассматриваются и осмысливаются здесь в гораздо более критическом, но и объективно-аналитическом свете.

В центре повести только что вступивший в колхоз середняк Степан Чаузов. Его жена приютила детей бежавшего из села кулака, подпалившего амбар с колхозным зерном. Когда встает вопрос о дополнительной по этой причине сдаче зерна, Степан категорически отказывается, мотивируя тем, что зерно у него последнее, а ртов прибавилось. Чаузова объявляют кулаком и высылают из села.

Ситуация не уникальная, а скорей типичная. Но С. Залыгин увидел ее иным взглядом, нежели его предшественники.

Коллективизация, в понимании С. Залыгина, — это серьезнейшее испытание для жизни российского крестьянства. Коренной ломке подвергался весь тысячелетний уклад — ломке, происходящей, к тому же, в невиданно короткие исторические сроки. И одним из необходимейших условий успешного завершения такого испытания, полагает автор, было наличие точной, необходимо меры, касалась ли она изъятия хлебных излишков или классового размежевания. Не случайно вопрос о мерах и границах допустимого — один из принципиальнейших для героев повести «На Иртыше».

Небольшая по объему, она оказалась одним из самых социально значимых, художественно емких и глубоких произведений советской литературы о становлении колхозного строя.

Истоки драмы Чаузова лежат еще в первых послереволюционных годах, когда перед сибирским земледельцем с необычайной остротой встал вопрос о дальнейшем самоопределении — как личном, так и общественном. Но если в повести «На Иртыше» вопрос этот обрел уже вполне конкретные очертания: как жить в коллективной жизни? — то в последовавших за нею романах С. Залыгина «Соленая Падь» (1967) и «Комиссия» (1975) он пока стоит в принципе: как жить дальше, если рухнуло, казалось бы, незыблемое, державшееся веками?

В «Соленой Пади» показано сибирское крестьянство, уже сделавшее в Гражданской войне свой выбор, дружно и решительно восставшее против колчаковщины во главе с командиром партизанской армии Ефремом Мещеряковым — героем подлинно народным, отличавшимся, помимо храбрости, мужества, еще и военно-стратегическим талантом, способностью мыслить масштабно и в то же время философски глубоко и емко.

Прообразом Мещерякова стал легендарный в Гражданскую войну командир сибирских партизан Ефим Мамонтов. Но, хотя многие его черты в образе Мещерякова, занимающего в романе центральное место, действительно угадываются, «Соленую Падь» едва ли можно отнести к жанру сугубо биографического произведения. Тема становления крестьянского самосознания, превращения разума народного в разум государственный преломляется в судьбах и характерах многих других персонажей романа.

Автор изобразил сложную атмосферу партизанской республики в колчаковском тылу. У нее общий враг и единые цели в борьбе с ним, но нет монолитности внутри себя. Защитники революции ведут борьбу не только с внешним врагом, но и с революционерами крайнего толка. В «Соленой Пади» С. Залыгин отказался от традиционного для историко-революционной темы изображения противостояния «красных» и «белых», а сосредоточил внимание на конфликте внутри одного лагеря — партизанского (командарм Мещеряков против начальника главного штаба партизан Брусенкова), что углубляло представление о сложности гражданской войны.

Первые же страницы романа вовлекают читателя в водоворот все расширяющегося, как круги на воде, спора-диспута на жгучую для сибирского крестьянина тему: как жить на этой земле? как начинать? Писатель не стремится к сюжетной насыщенности и динамичности, его больше интересует «интрига» самой полемики, в ходе которой начинают проясняться объективный взгляд на проблему и характеры представителей конфликтующих сторон — прежде всего главных фигур романа Мещерякова и Брусенкова.

Оба они — яркие, самобытные личности, противостояние которых диктует и ход событий в произведении, и развитие его основной идеи. Призванные делать одно общее дело, оба по-разному понимают свою задачу. Брусенков жаждет власти любой ценой и в революции видит только себя. Кровопролитную жестокость в революционной борьбе он только приветствует. И даже возводит ее в «правильный принцип». Ему в противовес, Мещеряков жизнь для народа хочет построить с наименьшими жертвами. В этом столкновении позиций, как видим, человечность выступает против бесчеловечности. Вместе с тем образы Мещерякова и Брусенкова многогранны, неоднозначно сложны и противоречивы.

Скажем, в том же Мещерякове лихость и некоторое ребячество соседствуют с рассудительностью, даже мудростью, безошибочным социальным чутьем, сближая его с Чапаевым, Пархоменко, рядом других героев Гражданской войны, запечатленных литературой, кинематографом и театром 1930-х годов. Однако главный герой «Соленой Пади» отличается от них более тонкой душевной организацией, способностью мыслить диалектически, проследить взаимосвязь явлений, их истоки и причины.

Не остался вне авторского внимания еще один важнейший герой Гражданской войны — народ, поднявшийся на войну с колчаковщиной. В «Соленой пади» он — активный

участник происходящего, его зримое и незримое присутствие постоянно ощущается. Да и главных героев романа вне этой текучей, изменчивой, многоликой и многоголосой массы мы фактически не видим. Народная масса и в разрешении конфликта между Мещеряковым и Брусенковым принимает самое деятельное участие.

С. Залыгин далеко не первым взялся за изображение народной массы в революционной борьбе. Были до него и В. Зазубрин с романом «Два мира», и А. Серафимович с «Железным потоком», и Вс. Иванов с «Партизанскими повестями», и другие прозаики, немало сил положившие на изображение сложного процесса перехода народных масс от стихийных к сознательным действиям. Но С. Залыгин показывает уже тот период народной борьбы, когда масса вполне осознала необходимость революции, оформилась идейно и политически, организовалась в могучую сплоченную силу.

Разница между произведениями историко-революционной тематики, написанными в 1930-е годы, и романом «Соленая Падь» еще и в том, что сам этот период в жизни нашего государства С. Залыгин, рассматривая его в исторической ретроспективе, осмысливает уже с высоты пройденных советским обществом десятилетий.

В этом плане «Соленая Падь» ближе к произведениям историко-революционной тематики, созданным в те же, что и она, 1960-е годы. Но, сближаясь с ними в позиции историко-философского осмысления, С. Залыгин строит «Соленую Падь» уже на несколько иных художественных принципах. В романе нет, например, истории поколений, как у Г. Маркова или С. Сартакова, нет практически и эволюции характеров под влиянием ожесточенной классово-партийной борьбы. Как правило, герои С. Залыгина — люди уже сложившиеся, и автора больше занимают моральные и нравственные проблемы становления нового человека. И потому С. Залыгин в «Соленой Пади», переносит центр тяжести романа с поля битвы (хотя и здесь немало достаточно ярко выписанных сцен военных сражений) в нравственно-идеологическую сферу, освещает и осмысливает конфликты, происходящие, прежде всего, внутри партизанской республики.

Поднимаясь вверх по реке времени, С. Залыгин в следующем своем романе «Комиссия» (1975) стремится достичь самых истоков народного крестьянского самосознания на новом историческом пути России.

Действие романа происходит осенью 1918-го (на год раньше, чем в «Соленой пади») в сибирском селе Лебяжка. Низложено самодержавие. Неотвратно накатывается на Сибирь волна Гражданской войны. А пока — безвластие, безвременье, и вдруг... «Лебяжинский сход выбрал Комиссию». Цель ее поначалу сугубо практическая — сохранить от вырубок Лебяжинскую лесную дачу. «Природный резон» — вот на чем, по мнению Комиссии, должна быть основана крестьянская жизнь.

Но обстановка вокруг требовала большего. И прежде всего — твердой политической власти. Однако Комиссия с самого начала своего существования от политики попыталась самоустраниться. Но со временем ей все равно приходится поворачиваться к политической жизни.

С. Залыгин хорошо показал в романе, насколько запутан и противоречив был путь самоопределения сибирского крестьянина, не знавшего ни крепостничества, ни земельной нехватки, ни крупной промышленности под боком.

Что касается Комиссии как органа коллективного самоуправления, — то на страницах романа она предстает коллективным образом лучшей части сибирского крестьянства той поры. Вместе с тем каждый из ее членов — ярко индивидуальная личность. Такое соединение конкретных персонажей с коллективным героем позволило автору, с одной стороны, объективно представить читателям сложную картину жизни сибирской глубинки, а с другой — показать ее как бы изнутри, глазами наиболее типичных представителей кре-

стьянской массы. Тем более что Комиссия становится перекрестием многих судеб, мировоззрений и жизненных позиций. Вместе с тем, говоря о Комиссии как некоем символе народовластия, С. Залыгин показывает трагическую обреченность этой, по существу, правовой утопии, которая вскоре уничтожается жестоким ходом истории.

А духовным и нравственным центром романа «Комиссия» становится лебяжинский середняк Николай Устинов. «Он был грамотный, смекалистый. Он был мужик перво-классный», — подчеркивает в нем автор. «Первоклассность» же эту С. Залыгин видит в сочетании устиновского таланта крестьянина с врожденной «мужицкой интеллигентностью». Последнее, заметим, роднит его с такими залыгинскими героями, как раскулаченный середняк Чаузов из повести «На Иртыше» и партизанский командарм Мещеряков из «Соленой Пади». Впрочем, прочная внутренняя связь этих произведений с «Комиссией», явившейся как бы завершающей частью своеобразной трилогии, чувствуется во всем.

Ну а по остроте постановки злободневных политических, социально-философских и нравственных проблем, по художественно-психологической углубленности в характеры героев, по эмоционально-изобразительной силе романы С. Залыгина «Соленая Падь» и «Комиссия» стали новым словом в освоении историко-революционной темы.

В обращении к ней в 1960 — 1970-е годы С. Залыгин среди сибирских прозаиков был не одинок.

Романом «Отчий край» продолжил свою «Даурию» К. Седых. А «Философским камнем» «Хребты Саянские» — С. Сартаков. Появляются новые звенья «сибирской эпопеи» (романы «Отец и сын», «Сибирь») Г. Маркова. Ф. Таурин в повествовании «Партизанская богородица» воссоздает обстоятельную и документально точную картину партизанской борьбы в Пиангарье». Такого же рода эпическое полотно, только о партизанах-казаках Забайкалья, в трилогии «Забайкальцы» представил читателям В. Балябин. Еще одна трилогия — о В. Ленине («Большой зачин», «Возгорится пламя», «Точка опоры») — выходит из-под пера А. Коптелова. Увидел свет роман В. Шукшина «Любавины», посвященный ожесточенной классово-политической борьбе в сибирской деревне 1920-х годов...

Работы С. Сартаков и А. Коптелова были отмечены Государственными премиями СССР, а роман Г. Марков «Сибирь» — Ленинской премией (1976).

Романом «Сибирь» Г. Марков фактически завершил свою «сибирскую эпопею». Но, поскольку в художественном отношении вещь эта заметно уступает другим звеньям его «сибирианы», столь высокую оценку можно отнести скорее ко всему творчеству Г. Маркова в целом.

С подвижнической целеустремленностью писатель разрабатывал в своих произведениях сибирскую тематику, внимательно всматриваясь как в историю родного края, так и его настоящее. В эпическом массиве, созданном Г. Марковым, нашла художественное воплощение ломоносовская мысль об особой исторической роли Сибири. И мысль эта стала для писателя своего рода путеводной звездой. Романы Г. Маркова имеют единый корень, вращаются вокруг общих и магистральных проблем жизни Сибири. Развитие и движение «сибирской эпопеи» идет одновременно и вширь и вглубь. Поэтому современность в романах Г. Маркова постоянно поверяется прошлым, без которого, убежден их автор, нет и будущего. Глубоко осознанный историзм предопределяет также и художественную структуру творчества Г. Маркова: его эпическую широту и объемность, многоплановую сложность и т. д. «Сибириана» Г. Маркова полна драматизма и напряженного динамизма и в то же время пронизана социальным оптимизмом.

И хотя Г. Марков создавал не только масштабные полотна (достаточно вспомнить небольшие его пронизанные лиризмом повести «Завещание» и «Гростинка на ветру»), тем не менее, по природе своего дарования он был эпическим писателем.

И все-таки, как подтвердило время, в художественном отношении наиболее значимыми произведениями историко-революционной темы, увидевшими свет в 1960 — 1970-х годах, оказались романы С. Залыгина «Комиссия» и «Соленая Падь», которая в 1968 году была отмечена Государственной премией СССР.

* * *

Жанр сугубо исторической прозы в 1960 — 1970-х годах также заявил о себе рядом крупных произведений о далеком прошлом России и Сибири. Таких, как романы Е. Федорова «Ермак», А. Чмыхало «Дикая кровь», В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» (Степан Разин), В. Иванова «Черные люди», цикл романов Н. Задорнова — об открытиях капитана Невельского. А объединяет их то, что связаны они главным образом с судьбами русских первопроходцев и народных героев.

Появлялись в тот период и масштабные полотна несколько иного рода, в которых история и современность тесно переплетались. Примером тому могут служить две популярнейшие в русской советской литературе второй половины XX века эпопеи — «Вечный зов» А. Иванова и «Сказание о людях тайги» А. Черкасова.

«**Вечный зов**» (1 книга романа появилась в 1970 году, 2-я — в 1976-м) — самое крупное произведение А. Иванова, отличающееся многоплановостью, многослойной структурой и широчайшим охватом жизни. Важнейшие события семи десятилетий XX века, насыщенные острейшими социальными конфликтами, определяют в повествовании судьбы трех поколений одной сибирской семьи. Начинается действие романа на пороге XX века и доходит до послевоенных десятилетий. Через события в селах Шантара и Михайловка как в капле воды просматривается и преломляется история нашей страны, ощущается трагическое и героическое ее дыхание. Помимо предреволюционного подполья, революции, Гражданской войны, строительства первых пятилеток, многие действующие лица эпопеи проходят тяжелейшее испытание Великой Отечественной войной и восстановлением послевоенной разрухи.

Размышляя о своей эпопее, А. Иванов писал: «Социальные катаклизмы, пережитые нашими народами, породили и характеры неисчислимых оттенков и необозримых диапазонов — от эпически легендарных до отвратительно мерзких...»⁷ И многочисленные персонажи «Вечного зова» это достаточно красноречиво подтверждают.

Судьбы большинства героев А. Иванова географически и духовно связаны с Сибирью. Здесь они родились, росли, трудились, защищали эту землю и в нее же уходили навечно. Да и вообще Сибирь с ее величественной природой, героическим прошлым и настоящим, становится прочной основой эпопеи

Герои «Вечного зова», как правило, выписаны с немалой художественной силой. Они узнаваемы, правдивы, отражают наиболее существенные черты русского народа. Подкупает и эпическая обстоятельность романа, пристальное внимание к подробностям жизни и быта.

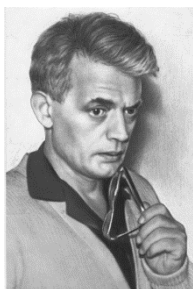
Особенность стилевой манеры, заключающуюся в том, чтобы через скрупулезное исследование характеров, обстоятельств и деталей передать и показать столкновение противоположных социальных миров, которую А. Иванов демонстрировал в своих предыдущих романах, с особенной яркостью проявилась и в «Вечном зове».

Эпопея имела огромный читательский успех. В СССР и во многих зарубежных странах она была переиздана многомиллионными тиражами. По ней снят телесериал. «Вечный

⁷ «Литературная Россия, 7 января 1972 г.

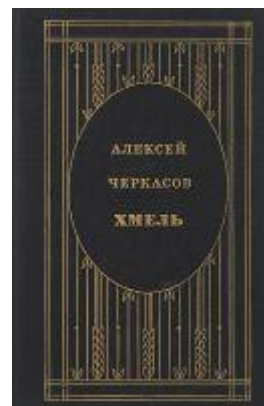
зов» был удостоен двух высоких литературных премий: в 1971 году — Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького, а в 1979-м — Государственной премии СССР.

По манере изображения жизненных явлений и стремлению восстановить связь времен близок к А. Иванову красноярский прозаик А. Черкасов.

Алексей Тимофеевич Черкасов (1915 — 1973) родился в селе Потапово Даурской волости Енисейской губернии, в крестьянской семье. Рано потеряв родителей, воспитывался в детдомах Минусинска и Курагинской коммуне «Серп и молот». Учился в Красноярском агропедагогическом институте. В 1931 году по призыву комсомола добровольцем уехал в деревню. Был уполномоченным по проведению коллективизации, а потом агрономом в совхозах Красноярского края и Северного Казахстана. Там, в Казахстане, А. Черкасова арестовали как «турецкого шпиона». После трех лет тюрем и лагерей в 1940 году он был освобожден. Но в 1942-м — арестован вновь. А. Черкасову грозил расстрел, но его признали невменяемым и отправили в психиатрическую больницу. Год спустя А. Черкасова из лечебницы выпустили и отправили в Минусинск. Здесь А. Черкасов женился на П.Д. Москвитиной, бывшем цензоре НКВД, и прожил с ней до конца своих дней. Она была ему и женой, и другом, и помощником в литературной работе, и соавтором.

Как прозаик А. Черкасов дебютировал в альманахе «Енисей» в 1939 году с повестью «Лика». Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни». Первая книга А. Черкасова «В стороне сибирской» была издана в 1949 году в Москве. Автор еще нескольких книг, вышедших на рубеже 50-60-х годов.

Первые книги не сыграли заметной роли в творческой биографии А. Черкасова. А широкую известность ему принесла тетралогия «Сказание о людях тайги» — «Хмель» (1961), «Черный тополь» (1969), «Конь рыжий» (1972).

Любопытна ее предыстория. В 1941 году А. Черкасов познакомился со старухой-староверкой Ефимией, родившейся на пороге XIX века и прожившей к этому времени уже 136 лет. Со слов Ефимии А. Черкасов записал историю ее жизни, которая и легла в основу эпопеи, и прежде всего романа «Хмель». Прообразом каторжанина Лопарева, возлюбленного Ефимии, стал прапрадед А. Черкасова.

Сюжетное действие трилогии начинается с 1830 года и доходит до 1955-го. При этом роман «Хмель», беря начало со времени разгрома декабристов, завершается событиями, последовавшими за Октябрьской революцией 1917 года. «Конь рыжий» рассказывает уже о Гражданской войне в Енисейской губернии. А роман «Черный тополь» охватывает период, в котором отразились и разгром колчаковщины, и становление советского государства, и Великая Отечественная война, и послевоенные годы. Само же действие эпопеи разворачивается в глухой Приенисейской тайге, Красноярске и Минусинске.

Связывая воедино цепь времен судьбами конкретных персонажей — опального декабриста Александра Лопарева, раскольницы Ефимии, большевика Тимофея Боровикова — А. Черкасов прослеживает, как из поколения в поколение углубляется представление человека о смысле жизни и правде, о свободе.

Интересная по замыслу, широчайшая по размаху, неповторимая по колориту, эпопея вызвала огромный читательский интерес и неоднозначное отношение критики. Одни роман восхваляли, другие его ниспровергали. Апологеты называли «Сказание» «социальной эпопеей» и относили к историческим романам. Хотя сам автор не претендовал на это. Несмотря на то, что исторического материала в «Сказании» немало, считать его «социальной эпопеей» вряд ли правомерно. История привлекает А. Черкасова больше «возможностью проверить опытом прошлого те или иные социальные и нравственные ценности, прослу-

шать их голосом Времени. Поэтому писатель передает лишь общий дух эпохи, вовсе не стремясь к исторически точному ее воспроизведению. И свое произведение он не случайно называет «сказанием», подчеркивая тем самым особое значение в нем творческой фантазии»⁸.

В зеркале рассказа

Говоря о прозе Сибири 1960 — 1970-х годов, до сих пор мы все больше апеллировали к формам объемным — крупногабаритной повести, роману, эпопее и забывали о малых: рассказе, новелле, миниатюре... А это не дает достаточно объективной картины литературного процесса той поры, характерного как раз подъемом и расцветом «малой прозы», которая становится неотъемлемой частью творчества многих писателей-сибиряков.

Так, с «Рассказами старшины Арбузова» пришел в литературу В. Сапожников и не расставался с рассказом до конца своих дней. Творческой основой и визитной карточкой стал для И. Лаврова лирический рассказ. Щедрую дань рассказу отдали В. Астафьев, В. Распутин, А. Якубовский. С рассказом в первую очередь ассоциируется имя В. Шукшина. Как и творчество близкого ему по духу новосибирского прозаика Н. Самохина...

Николай Яковлевич Самохин (1934 — 1989) родился в селе Утянка Алтайского края. Его детство и ранняя юность прошли на окраине Новокузнецка. Окончил Новосибирский институт инженеров водного транспорта. Работал прорабом на строительстве новосибирского Академгородка. Был корреспондентом газет «Вечерний Новосибирск» и «Советский воин», ответственным секретарем журнала «Сибирские огни», собкором «Литературной газеты».

Как прозаик Н. Самохин начал выступать с 1959 года. Публиковал юмористические рассказы в журналах «Крокодил», «Смена», «Сибирские огни». В 1962 году в Новосибирске увидела свет первая книга Н. Самохина «Прекрасная несправедливость». За ней последовали еще несколько сборников юмористических и лирических рассказов: «Странные люди» (1966), «Блондинка на букву Л» (1967), «Три прекрасных витязя» (1972), «Бескорыстный Гена» (1976) и др., изданных в Новосибирске, Кемерово, Москве.

В литературу Н. Самохин входил в самый разгар «оттепели», и это, безусловно, отразилось на той внутренней свободе, с какой написаны его рассказы. Для большей части литературного поколения, к которому принадлежал Н. Самохин, стартовой площадкой и одновременно начальной школой литературного мастерства стали Читинский и Кемеровский семинары молодых писателей, а так же ряд других мероприятий подобного рода, организуемые Союзом писателей для литературного «молодняка». Н. Самохин в них не участвовал. И вообще литературных «академиев» он не заканчивал, а писательскую науку постигал самоучкой. И в первую очередь с помощью классиков, пройдя у них великолепную школу литературного мастерства, которая помогла вырасти ему в ярко-самобытного и многогранного художника.

Н. Самохин был и блестящим юмористом-сатириком, и тонким лириком, и мастером психологической прозы, и острозлободневным публицистом. Но о чем бы и в какой форме ни вел с читателем Н. Самохин разговор, он всегда стремился быть предельно искренним и писать «правду, одну только правду». В произведениях Н. Самохина переплелось доброе и злое, веселое и печальное, радостное и горькое. Цементированное словесным искусством автора, все это стало прочной кладкой сотворенного писателем литературного здания. В нем нет усложненных сюжетных конструкций, стилистической затейливости. И

⁸ Очерки русской литературы Сибири в 2-х т. — Новосибирск, 1982. Т.2, с. 459.

хотя в произведениях Н. Самохина немало неожиданного, даже подчас и парадоксального, он не изобретал особых коллизий и ситуаций, полагая, что лучший выдумщик — сама жизнь в ее непредсказуемой изменчивости. А потому и большинство его рассказов шло от окружающей жизни.

Благодаря же острому социальному зрению и отменному художническому чутью, Н. Самохину удавалось за незначительными штрихами текущей обыденности разглядеть подчас нечто очень важное. И выразительно это показать, используя самые различные формы и приемы: от простеньких юморесок до объемных повествований, от вещей совершенно реалистичных до произведений с фантастическими мотивами. Все это в его художественном мироздании сплеталось порой самым причудливым образом, но сочеталось очень цельно и органично.

В. Шукшин однажды сказал, что «рассказчик всю жизнь пишет один большой роман, и оценивают его потом, когда роман дописан и автор умер». Н. Самохину чрезвычайно близка была эта мысль. Ведь и он тоже, по сути, создавал один большой, разножанровый, объединенный его авторской личностью, роман — роман, которому тогда, в семидесятых, в пору расцвета самохинского таланта рассказчика, еще не было видно конца...

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

На пороге 1960-х годов в российской поэзии начинается мощное лирическое наступление, «спровоцированное» «хрущевской оттепелью», в котором, по образному выражению поэта Е. Буравлёва, шла «перековка людских сердец». Особое значение обретают «вечные» темы любви и природы, сопряженные с корневыми ценностями бытия. Резко возрастает интерес к «мелочам» жизни и «простым истинам». Поэты стремятся «без утайки увидеть мир, каким он есть» (Л. Мартынов). Вместе с тем характерной приметой поэзии той поры становится глубокая социальная насыщенность традиционных лирических мотивов. Заметно меняется и окраска самих мотивов. Уходят риторика и декларативность, уступая место подлинным чувствам и настроениям. Более естественной, открытой, задушевной и доверительной становится поэтическая интонация.

В бой идут «старики»

Сибирская поэзия не осталась в стороне от этих перемен. Они ощущаются в творчестве многих ее стихотворцев. В том числе, а, может быть, и в первую очередь тех, чей творческий путь начинался в предвоенное и военное время. Для некоторых же «оттепель» и вовсе стала началом поэтического возрождения. Как в переносном, так и в буквальном смысле.

Переживая второе рождение

По «некоторыми» подразумевается прежде всего **Леонид Мартынов**. Послевоенные годы складывались для него тяжело. Окончание войны он встретил изданием поэтических сборников — «Лукоморье» (1945) и «Эрцинский лес» (1946). Вошедшие туда стихи отличались ясным пониманием процессов истории, глубиной мысли и высоким поэтическим мастерством. Тем не менее, у ряда критиков и коллег по цеху вызвали они бурю негодования. Особенно сборник «Эрцинский лес». Вера Инбер, в частности, в разгромной рецензии «Уход от действительности» писала, что у Л. Мартынова «неприятие современности превращается уже в неприкрытую злобу» и что, «видимо, Леониду Мартынову с нами не по пути. И если он не пересмотрит своих сегодняшних позиций, то наши пути могут разойтись навсегда...»¹.

Все это было прямой реакцией на опубликованное в августе 1946 года Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», после которого началось жесткое закручивание «идеологических гаек», больно аукнувшееся и на судьбе Л. Мартынове. После 1946 года стихи его перестали публиковать.

Л. Мартынов к этому времени переехал в Москву. Жил переводами. Благодаря его усилиям на русском языке появились стихи и поэмы Адама Мицкевича, Десанки Максимович, Юлиана Тувима, Артура Рембо, Пабло Неруды...

Переводы переводами, а вот солнце поэта Л. Мартынова, казалось, уже закатывалось. К счастью, не закатилось. Его лишь на время закрыла черная туча. Л. Мартынов не оставлял стихов. Писал, пока, правда, «в стол». Но, как признают потом критики, «это были годы расцвета его творчества».

Первым шагом к возвращению поэта из забвения стала статья И. Сельвинского «Наболевший вопрос», где в разговоре о советской поэзии он упомянул и Л. Мартынова как «человека, постигшего тайну скрипичного волшебства»².

¹ «Литературная газета», 7 декабря 1946 г.

² Там же, 19 октября 1954 г.

В 1955 году, когда Л. Мартынову исполнилось пятьдесят, стараниями молодых поэтов состоялся его вечер в Центральном доме литераторов, а несколько месяцев спустя в издательстве «Молодая гвардия» вышла после десятилетнего перерыва книжка Л. Мартынова. Называлась она просто — «Стихи», и мгновенно разошлась. О полузабытом поэте заговорили. После нее Л. Мартынов, без преувеличения, «проснулся знаменитым». Чему искренне удивлялся сам:

*Что такое случилось со мною?
 Говорю я с тобою одною,
 а слова мои почему-то
 повторяются за стеною,
 и звучат они в ту же минуту
 в ближних рощах и дальних пущах,
 в близлежащих людских жилищах
 и на всяческих пепелищах,
 и повсюду среди живущих.
 Знаешь, в сущности, это неплохо!
 Расстояние не помеха
 ни для смеха и ни для вздоха.
 Удивительно мощное эхо!
 Очевидно, такая эпоха.*

Эпоха действительно, наступала для поэзии благоприятная. Поэзия становилась властителем дум и сердец, выливалась в пространства зрительных залов, стадионов и площадей, в огромные книжные тиражи. Поэтический Геркулес Л. Мартынова, окунувшись в живую воду этой эпохи, воскресал, переживал второе рождение...

Л. Мартынов много и напряженно работал. И писал о современности. Причем сам он считал эти стихи «более значительными в своем творчестве, чем писал раньше»³. Одна за другой выходят у него поэтические книги. В 1966 году сборник Л. Мартынова «Первородство» был удостоен Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького, а в 1974-м книга «Гиперболы» — Государственной премии СССР.

Современность действительно занимает главное место в поэзии Л. Мартынова 1950 — 1970-х годов. Но это не значит, что прошлое навсегда ушло из его творчества. Как и будущее, оно продолжало постоянно присутствовать в нем, поскольку, по признанию поэта, писал он «о сегодняшнем дне, преображающемся в день грядущий»⁴. С другой стороны, о чем бы ни говорил Л. Мартынов в своих стихах, — о Лукоморье ли, раскопках Помпеи, о XXI веке, — они всегда очень современны по духу, ибо постоянно вовлекают читателя в сферу напряженных поисков истины.

Хотя и современность, надо сказать, Л. Мартынов тоже понимал своеобразно. До последних дней своих жил поэт как бы на грани прошлого с грядущим, воспринимая настоящее как некий миг перехода в будущее.

«Всем мы о будущем помним. // К революции духа зовем», — писал в 1923 году семнадцатилетний Л. Мартынов, отправляя в дальний путь свои «Воздушные фрегаты» на поиски духовного Лукоморья, которым отдал, по существу, всю жизнь. Давно уже нет поэта в живых, но величавые его поэтические корабли продолжают свой вечный путь...

³ Мартынов Л. Мой путь. // Воспоминания о Леониде Мартынове. — М., 1989, с. 7.

⁴ Там же.

И вызывают пристальный интерес как у неискушенных читателей, так и у серьезных исследователей, о чем свидетельствовали проводившиеся в 1983 и 1985 годах на родине поэта в Омске «**Мартыновские чтения**» — научная конференция, посвященная творчеству Л. Мартынова, где с докладами и сообщениями выступали ученые и писатели из разных уголков СССР.

«По главной сути...»

Большой творческий подъем с начала 1960-х испытывал **Василий Федоров**. Одна за другой выходят его новые поэтические книги «Не левее сердца» (1960), «Седьмое небо» (1962), «Второй огонь» (1965), «Третьи петухи» (1966), «Как цветы на заре» (1974)... Творчество В. Федорова покоряет миллионы читательских сердец. Получает оно и официальное признание. За книгу стихов «**Третьи петухи**» и поэму «**Седьмое небо**» Вас. Федоров удостоивается Государственной премии РСФСР имени А.М. Горького (1968), а за поэму «**Женитьба Дон Жуана**» вместе с книгой «**Как цветы на заре**» — Государственной премии СССР (1979).

В. Федоров — автор более десятка поэм. Но едва ли не самой романтической (не случайно и подзаголовки у нее «романтическая поэма») и глубоко личной из них стала поэма «Седьмое небо». Она автобиографична. Главный ее герой Василий Горин — во многом сам автор, рассказывающий «о времени и о себе».

Как отмечал В. Федоров, «Седьмое небо» — это произведение о моем поколении с его довоенной романтикой и суровой реальностью войны. Это поэма о годах нашей юности с их взлетами и социальными издержками. Я писал ее в ту пору, когда новое поколение открыло космическую эру, и Гагарин совершил свой первый звездный полет... — В «Седьмом небе» мне, на мой взгляд, в какой-то мере удалось реализовать свою мечту о своей многоплановой поэме, поэме с эпическими героями»⁵.

Именно такого рода эпическим героем, сильной духом личностью, выдержавшей испытания войной, любовью, дружбой, предстает перед читателем центральный персонаж поэмы.

Вообще же «эпический герой» в понимании и представлении В. Федорова как человека рожденного и взлелеянного Сибирью неотделим от той стержневой черты сибиряка, которую называют «сибирским характером». И в своем творчестве В. Федоров сумел высветить и поднять «сибирский характер» до всенародной значимости. Поэт представил и отобразил его как органичный сплав черт сибирского крестьянина и рабочего. Поэт остро ощущал свою кровную связь с предками-сибиряками — крестьянами, золотоискателями, строителями Транссиба. Оттого так сильно в его произведениях обостренное чувство Родины. Но оно для В. Федорова не было чем-то абстрактно-символическим, отвлеченным. Напротив, иной раз он себя с ней, Родиной-Россией, прямо и недвусмысленно отождествляет: «Мое имя Василий // И должна понимать, — // Мое имя с Россией // Хорошо рифмовать».

Человек «земной» и прочно связанный с родной землей, В. Федоров красоту и величие ее видел и чувствовал отнюдь не с вершины, упирающейся в заоблачное поднебесье.

«У каждого поэта, — писал он, — должен быть некий фокус красоты. То есть место, откуда красота видится наиболее ярко. Для меня это Назаркина гора около Марьевки. С нее я часто смотрю и не могу насмотреться на знакомые с детства картины природы. Они для меня как простой хлеб, не сдобренный лишними пряностями... Марьевка с ее людьми и природой мне никогда не надоедает. Она возвращает мне чувство первичности».

⁵ Федоров В. От автора. // В. Федоров. Поэмы. — М., 1983, с. 6-7.

Чувство первичности постоянно возвращало В. Федорова к вечным темам, из которых самая для него постоянная и дорогая была — любовь. Отсюда вполне естественно, что один из лучших своих поэтических сборников он назвал «Книга любви». Именно в естественных отношениях мужчины и женщины поэт видел начало всех начал, главную суть и движущую силу бытия.

*По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...
Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.
Весь смысл ее
И мудр, и прост,
Как стебелька
Весенний рост.
А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куце облаков?
То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения веков.
А жизни суть
Она проста:
Ее уста...
Его уста...*

Так же внешне предельно проста, но вместе с тем проникающее глубока истинная суть лирики В. Федорова.

О любви в мировой поэзии сложены гигантские стихотворные массивы. И добавить что-то новое, вроде бы, уже и невозможно. Тем не менее, находятся у В. Федорова в его поэтическом разговоре о любви и новые ракурсы, и свежие краски, и неожиданные чувства. Лирику В. Федорова невозможно спутать ни с какой другой, хотя стих его не обременен какими-то изысками и наворотами. Он прозрачно ясен, лаконично точен и по рисунку изысканно прост. Но, наверное, благодаря именно этой классической «разборчивости» почерка В. Федоров достигает поразительной точности в передаче поэтической мысли и находит кратчайшие пути к сердцам читателей.

Творческий диапазон В. Федорова очень широк. Работал он в самых разных жанрах. В том числе и прозаических. Несколько очерковых книг и даже две повести имеется в его творческом багаже. Как с усмешкой писал он о себе: «Я и эпик, я и лирик, я могу и на трубе...». Но главным и любимым жанром все равно оставалась у него поэзия, в русле которой он действительно был и «эпиком», и «лириком», и мастером-виртуозом на все руки. И в какую бы поэтическую форму ни облачался В. Федоров, он все равно оставался лириком. Лирическим началом пронизано все его поэтическое творчество, а лирическая душа поэта ощущается практически во всех произведениях. И магией лиризма В. Федорова было сражено не одно читательское поколение.

Неожиданный Лисовский

«Хрущевская оттепель», давшая хоть ненадолго представителям различных творческих профессий относительную свободу самовыражения, открывала некоторых поэтов подчас с неожиданной стороны. Как произошло это, например, с **Казимиром Лисовским** 1966 году в журнале «Сибирские огни» была опубликована его поэма «Сумасшедший поезд» о последних днях печально известного адмирала Колчака.

В советской литературе давно сложилась традиция изображать идейных врагов грубо-тенденциозно, одноцветно: если уж враг революции, то либо озверевший бандит, потерявший человеческий облик, либо беспросветный мерзавец и негодяй, либо марионетка, лишённая воли и ума. Что же касается адмирала Колчака, то с точки зрения официальной советской истории — это и вообще фигура исключительно зловещая и одиозная. А вот К. Лисовский своего Колчака, при негативной в целом оценке его поступков, увидел другим. Поэт отказался от какого-либо оглушения, очернения или шаржирования своего персонажа и нарисовал его личностью сложной, многогранной и трагической. Колчак предстает в его поэме как человек недюжинного ума, интеллекта, творческих и организаторских способностей. Известный полярный исследователь и ученый, чьим именем назван один из островов в Карском море, он вместе с бароном Толлем и боцманом Бегичевым «страстно искал легендарную землю Санникова», а в русско-японскую войну воевал под командованием адмирала Макарова, забыв, «что такое страх». Но с приходом революции «романтическая сказка северных морей» кончилась. Поклонник Кипплинга, «воин» и «конквистадор», много сделавший для того, чтобы «владычествовала Россия от теплых до холодных вод», адмирал Колчак принять революцию не смог и стал «рыцарем белой идеи», которая, в итоге, обернулась для него трагедией.

В поэме «Сумасшедший поезд» показано не только полное банкротство политического деятеля, но и то, как политические амбиции способны погубить яркую личность, опустошить душу. Едва ли не первым из советских литераторов К. Лисовский изображает матерого врага революции живым полнокровным человеком. Колчак в его поэме много размышляет о себе и своей роли в свершающихся трагических событиях, испытывает тяжелые душевные мучения и ужасается тому страшному, что сотворено его именем... Прекрасно передана в поэме и атмосфера последних дней Колчака, который в своем «сумасшедшем поезде» «мчится, словно ведьма, в космах дыма, в пустоту. В небытие. В ничто...».

Мечи на орала

В большом лирическом наступлении шестидесятых активно участвовали и поэты фронтового поколения, заявившие о себе в первое послевоенное десятилетие. Кто-то из них продолжал вести разговор о войне, другие обращались уже больше к мирным темам.

Как **Иван Ветлугин**, например. Тематические его пристрастия были разнообразными. Отдавая щедрую дань деревенской теме, поэт с не меньшим вдохновением воспевал город. Так, в «лирическом репортаже» «В моем городе» И. Ветлугин запечатлевает поэтически страстный и волнующий образ «столицы Сибири» Новосибирска. Характерной особенностью поэзии И. Ветлугина шестидесятых годов стала ее социальная направленность. Он был одним из тех поэтов, которые, по словам критика В. Коржева, «сознательно подчиняют свое творчество требованиям и задачам быстротекущего дня».

Как и другой поэт фронтового поколения **Николай Илларионович Перевалов**. (1918 — 1984).

Настоящая фамилия его **Колесников**. А родился он в деревне Большая Шабанка Малмыжского района Вятской губернии, в крестьянской семье. После окончания Малмыжского педагогического техникума Н. Перевалов работал учителем в сельской начальной школе. В 1939 году был призван в ряды Красной Армии. Служил на Дальнем Востоке. Великую Отечественную войну начал на берегах Волги. Командовал понтонным взводом. Был тяжело ранен при форсировании Днепра. Награждался боевыми медалями и орденами. После демобилизации жил некоторое время в городе Петровске-Забайкальском, а в 1947 году переехал в Новосибирск. Здесь окончил учительский институт. Позже — Литературный институт имени А.М. Горького. Преподавал в школах русский язык и литературу.

Пробовать себя в поэзии Н. Перевалов начал еще в техникуме, а первое его стихотворение напечатала районная газета «Малмыжский колхозник». Публиковался в журналах «Звезда», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Смена», «Сибирские огни». В 1951 году в Новосибирске вышел первый сборник стихов Н. Перевалова «Светлые дали». Автор еще более двух десятков поэтических книг, изданных в Новосибирске и Москве.

Н. Перевалов был ярко выраженным лириком, и вся его поэзия — это своеобразная лирическая хроника о пережитом и пережитом. Главной же темой поэта, составлявшей содержательную основу творчества и определявшей его своеобразие и колорит, была Сибирь с ее неповторимой природой и людьми, преобразующими своим самоотверженным трудом родной край. Не случайно многие стихи Н. Перевалова проникнуты искренним восхищением людьми труда.

Как фронтовик не мог Н. Перевалов обойти и тему Великой Отечественной войны. Поэт осмысливал великий подвиг народный с высоты современных ему общественных задач. Лирика Н. Перевалова была подчас драматична, как драматично время, в котором он жил и о котором писал; мир виделся ему не только в радужных тонах; и о неизжитом еще зле Н. Перевалов говорил открыто, страстно, с болью. Тем не менее, у поэта доминирует радостное, оптимистическое восприятие жизни, а «светлый и душевный лиризм, стремящийся выразить идейную и психологическую правду современности» (В. Коржев), стал его поэтической «стихией».

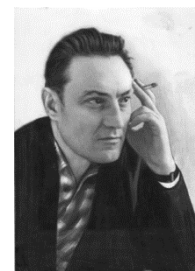
Из фронтовой когорты был и кузбасский поэт **Евгений Сергеевич Буравлёв** (1921 — 1974).

Родился он в селе Гридино Калужской области, в семье строителей-железнодорожников. С родителями побывал на многих новостройках страны. На станции Промышленная Кемеровской области окончил школу, в Иркутске — авиационно-техническое училище.

В Великую Отечественную войну с первых и до последних дней Е. Буравлев находился в рядах действующей армии: служил в военно-воздушных силах авиамехаником, авиастрелком, горел в сбитом самолете. Ближе к ее завершению был сапером, взрывником. Не миновал, так уж случилось, и штрафного батальона. Имел ранения и боевые награды. А в июне 1945 года удостоился большой чести в составе сводного батальона 3-го Белорусского фронта стать участником Парада Победы.

После войны Е. Буравлев работал в полярной авиации Главсевморпути, строил железные дороги: сначала Салехард — Игарка в Заполярье, потом Сталинск — Абакан в Кузбассе. В этом уголке Сибири и осел.

Война для Е. Буравлёва стала академией мужества, горнилом закалки характера. Она же заставила взяться его за поэтическое перо и, казалось, должна была стать неиссякаемым творческим источником, но... Как ни удивительно при такой впечатляющей фронтовой биографии, стихов о войне Е. Буравлев почти не писал. Всего не более десятка их у

него наберется. Как признавался сам поэт в одном из стихотворений, мешала этому тяжелая о ней память: «Я не пишу о войне, // трудно писать о войне».

Практически все творчество Е. Буравлева посвящено Сибири и прежде всего Кузбассу, о котором он пишет с большой теплотой и романтическим восторгом. Да и как тут не стать романтиком, говорит поэт, «...когда живу твоей судьбою, твоим дыханием, Кузбасс. // Когда бок о бок с земляками // Шел, одержим одной мечтой, // Ворочал бревна, землю, камень, // Чтоб ожил край необжитой...». Героический труд сибиряков в поэзии Е. Буравлева на первом плане. Его справедливо считали певцом рабочего класса. Причем о человеке-труженике он умел сказать и с высокой патетикой, и с лирической взволнованностью.

Примером тому может служить одна из лучших поэм Е. Буравлева «**Первая плавка**», посвященная возведению Западно-Сибирского металлургического комбината, строившим его комсомольцам. По мнению критика В. Перцовского, «в поэме автор стремится связать героическую историю возникновения и развития металлургического гиганта Сибири со всей историей советской страны, с историей многих поколений русских людей... Рождение нового комбината, строительство мощных мартенов для выплавки стали — это еще и борьба за нового человека, за его духовный рост. Вот почему рефреном поэмы проходят слова: «Идет переплавка людских сердец»⁶.

Поэтические произведения Е. Буравлёва на страницах сибирской периодики начали появляться с 1953 года. А в 1956-м в Кемерово был издан первый стихотворный сборник Е. Буравлёва «Кладоискатели». Он также автор поэтических книг «Родник у дороги» (1960), «Красная горка» (1961), «Моя работа — моя любовь» (1964), «Первая плавка» (1965) и др.

Е. Буравлёв был разносторонним литератором. Кроме стихов и поэм, писал повести, пьесы для детей, очерки о современниках, занимался переводами.

Известен он и как видный организатор литературных сил в Кузбассе, один из создателей и первый руководитель Кемеровского отделения Союза писателей РСФСР.

Рожденные «оттепелью»

В лирическое наступление шли не одни «старики». В 1960-е годы литературный небосклон Сибири расцвел фейерверком новых поэтических дарований. Новосибирцы Александр Романов, Александр Кухно, Геннадий Карпунин, Александр Плитченко, Нинель Созинова, Нина Грехова, Илья Фоняков, Виктор Крещик, омичи Владимир Балачан, Владимир Макаров, Вильям Озолин, томич Василий Казанцев, алтаец Леонид Мерзликин, кемеровчанин Виктор Баянов, красноярцы Роман Солнцев, Владлен Белкин, Зорий Яхнин, Вячеслав Назаров, норильчанка Лира Абдуллина, читинец Ростислав Филиппов, иркутянин Анатолий Преловский... — вот далеко не полный их перечень, разных по мировосприятию, манере поэтического письма, но единых в стремлении идти «с веком наравне».

На романтической волне, но не только

Александр Романов (1930 — 2006) сполна отдал в своем творчестве дань мощи и красоте северной природы, романтике трудных дорог с ее походными кострами, самоотверженным трудом геодезистов-первопроходцев. И это вполне закономерно, если учесть некоторые факты биографии поэта и время его вхождения в литературу.

⁶ Цит. по кн. Очерки русской литературы Сибири. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 555.

Родился и вырос А. Романов в Ленинграде, в семье научных сотрудников, занимавшихся изучением Крайнего Севера, а потому с ранних лет понятия «Сибирь» и «Север» не были для него отвлеченными. Рано потеряв родителей, будущий поэт так же рано начал самостоятельную жизнь, с экспедициями топографов-геодезистов исходив весь Сибирский Север. «Мой Север подарил мне годы, — признается он потом в поэме «Северная трилогия» и добавит: — ...и оглушен им до сих пор». И подтверждение тому можно найти не только в «трилогии», но и в других произведениях А. Романова, в которых поэт «не пожалел для Севера души». Сыграло роль и то обстоятельство, что в пору, когда А. Романов осваивал поэтическое поприще, романтика была знаковым явлением.

Однако ею одной творчество А. Романова не ограничивалось. Тем более что в судьбе поэта были не только таежные тропы, но и «изувеченное войной» детство в блокадном Ленинграде, где «огромный голод до самых крыш дома заполонил». Не случайно война стала одной из важных тем поэтического творчества А. Романова.

Впрочем, поэтическая строка А. Романова и мирную жизнь страны не обошла стороной, что подтверждают его более поздние хорошо известные поэмы «Сердце весны» и «Завод», полные здорового оптимизма и созидательного пафоса.

Но при всем при этом А. Романов всегда оставался самобытным художником и задушевым лириком со своим голосом и поэтическими красками.

«Я не спешу мгновения любить...» — говорит А. Романов в одном из стихотворений. И действительно, он никогда не гнался за конъюнктурной сиюминутностью, за поэтической модой, справедливо полагая, что во все времена «стихи — душа и сердце наши» и задача поэта — как можно ярче и глубже их высветить.

В этом смысле А. Романов, конечно, традиционалист, но за этой традиционностью стоит великая традиция русской поэзии «сеять разумное, доброе, вечное», которой А. Романов всегда был верен.

Лирические герои **Зория Яхнина** (1930 — 1997), приехавшего когда-то в Красноярск по комсомольской путевке и связавшего с этим краем свою жизнь, — люди разных профессий: шахтеры, геологи, конструкторы, ученые... Но всем им, по убеждению автора, недостаточны «скорости прежние» и вот они уже сами «создают ускорение», меняя лицо земли сибирской. Стихи З. Яхнина зачастую напоминают лирические репортажи с места событий, передающие стремительный темп происходящего.

Поэтом комсомольского призыва можно назвать и **Владлена Белкина** (род. 1931), который после окончания Ярославского пединститута, поработав некоторое время учителем, поднимал в Казахстане целину, а потом приехал комсомольцем-добровольцем строить Красноярскую ГЭС и более десятка лет проработал в бригаде каменщиков. Не случайно большая часть творчества В. Белкина посвящена Сибири, Красноярскому краю. Стержневой же в его поэзии становится рабочая тема. А главным лирическим героем — рабочий-строитель, ощущающий себя в трудовых буднях «творцом в истории живой». При этом труд, творчество, красота в лирике В. Белкина — понятия единосущные и нераздельные, поскольку труд — самый важный предмет поэтического вдохновения и сфера проявления подлинной красоты.

Мир строительной романтики в разных ее проявлениях воссоздает в своем поэтическом (особенно раннем) творчестве и **Анатолий Преловский** (1934 — 2008). Романтика повседневной работы становится доминирующим состоянием лирического героя многих его поэтических книг. По словам иркутского литературоведа В. Трушкина, «А. Преловский

стремится запечатлеть современность и современников в их трудовом бытии, в той «черной работе», в которой закаляются характеры и просветляется природа человека»⁷. И запечатлевает, добавим, художественно ярко, достоверно и убедительно. Что, собственно, не удивительно, поскольку отталкивается коренной сибиряк А. Преловский (родился в Иркутске, окончил историко-филологический факультет Иркутского университета) от фактов собственной биографии, во многом связанных с сибирскими стройками. В соответствии с биографией жизненной, выстраивалась у А. Преловского биография поэтическая. Впечатления от строительства трассы Абакан — Тайшет легли в основу его поэмы «Стальная колея», сооружение Братской ГЭС, свидетелем которого он тоже был, нашло поэтическое отображение в поэме «Великая стройка». Дальше — больше. Человек на сибирской стройке на десятилетия становится главной темой поэтического и драматического творчества А. Преловского. Великие экономические преобразования Сибири рождают такой же грандиозный замысел. До начала 1980-х годов А. Преловский создает «свод поэм» «Вековая дорога» («Насыпь»), «Станция», «Заповедник», «Выстрел», «Борозда»), посвященный строителям Байкало-Амурской магистрали. За этот большой поэтический труд автор удостоивается Государственной премии СССР (1984).

С романтики комсомольскихстроек начинал свой литературный путь и **Илья Фоняков**. В целом же его творчество — это отражение современной поэту быстротекущей жизни. При этом И. Фоняков не оставался отстраненным созерцателем. «Нужно жить, нужно участвовать в жизни, нужно иметь обязанности, иметь судьбу», — говорил он и постоянно подтверждал эти слова практикой собственной жизни. Потому, наверное, и поэзия его наполнена мощной созидательной энергией, высокой гражданственностью, страстной публицистичностью и отличается социальной остротой и напряженностью. Вместе с тем она очень оптимистична. Однако оптимизм сей, по признанию поэта, ему внушали «не с трибун по конспектам ораторы», а его современники своими делами, своей жизнью. При всем при том есть в лирике И. Фонякова место и выражению самых сокровенных человеческих чувств, что убедительно подтверждают эти, например, давно ставшие чуть ли не хрестоматийными строки:

*Говорите о любви любимым!
Говорите чаще. Каждый день.
Не сдаваясь мелочным обидам
Отрываясь от важнейших дел».*

Вильям Озолин (1931 — 1997) прежде, чем стать поэтом, был матросом на Иртыше, занимался рыбным промыслом у берегов Аляски, работал журналистом на Ямале. Не удивительно, что и воспевать он любил сильных и мужественных людей, которых «горькой солью умывало», «ненавидящих мель», умеющих крепко трудиться, дружить и любить. Им, морякам, летчикам, рыбакам, рабочим северныхстроек, с которыми поэт постоянно ощущал сопричастность, а так же величественным и прекрасным северным пейзажам В. Озолин посвятил немало ярких стихов, дышащих полярной романтикой. О людях северных широт писал он и в своих рассказах и повестях.

⁷ Цит. по статье В. Трушкин. «Услышавший музыку камня». // «Сибирские огни», 2007, №5.

Сибирскими поэтами, стартовавшими на рубеже пятидесятих-шестидесятих годов, двигала не только романтика больших строек и трудных дорог. Ведь обновление Сибири шло по всем фронтам: в промышленности и науке, в городе и селе, на социально экономическом и бытовом уровне. Все это так или иначе тоже находило отражение в их творчестве.

Впрочем, полагать, что поэзия той поры сводилась лишь к восторгам и воспеванию творимых перемен, тоже было бы ошибкой. Стремясь быть сопричастными к решению сложнейших задач, встававших перед страной, молодые сибирские поэты все чаще задумывались об истинной цене преобразований, о том, как дела их современников отзовутся в будущем. Не случайно в числе главных в лирике того времени становятся темы сохранения природных, историко-культурных и духовных ценностей перед лицом стремительных, а порой просто необратимых изменений, которые несет с собой научно-техническая революция.

Именно этой обеспокоенностью проникнута поэзия раннего **Романа Солнцева** — настоящее имя **Ринат Харисович Суфиев** (1939 — 2007) — физика по образованию, приехавшего в Красноярск по распределению после окончания Казанского университета и до конца жизни связавшего с ним свою судьбу.

Поэтическое творчество Р. Солнцева вообще воспринимается как напряженная полемика с обывательским строем мыслей, чувств, представлений. Поэт обеспокоен тем, как бы культ разума не подавил нравственные эмоции, не уничтожил бы тягу человеческой души к прекрасному. В лирическом герое Р. Солнцева привлекает прежде всего душевная щедрость и его потребность в добром поступке.

Вот моя деревня...

Новый импульс в своем развитии получила в шестидесятих годах традиционная для поэтов Сибири «деревенская» тема. Новый всплеск ее популярности, как и у прозаиков, был связан со стремительной урбанизацией сибирского села. «Безвозвратно уходящая в прошлое старая деревня с ее устоявшимся укладом и нравственными принципами как бы олицетворяет собой некую непрерывность жизни народа, живой мост, переброшенный в прошлое. Возвращение молодых поэтов-горожан к «стране» их детства есть приобщение к этим историческим традициям: деревня...открывается для этих авторов как нравственный идеал, источник духовной жизни, творчества»⁸.

Отсюда и лирический герой **Виктора Баянова** (1934 — 2011), например, имеет ярко выраженный национальный характер, личная судьба которого слита с судьбой родины. Он чуток к неброской красоте родных мест. Оттого и в пейзажах В. Баянова можно найти «очень близкое что-то, очень местное». Сама же природа в его стихах выступает как нравственный образец, учит красоте и доброте, достоинству и открытости.

Ну, а основой нравственного кредо В. Баянова становятся народные нравственно-этические представления. В силу чего в его поэзии весьма ощутимо следование фольклорной и есенинской традициям, что обнаруживается в песенном ладе многих стихов, их стилистической, ритмической и композиционной структуре. Именно за песенность и естественность его стиха В. Баянова выделял среди других поэтов Сибири В. Федоров.

Достаточно явно фольклорное начало выражено и в творчестве **Леонида Мерзликина** (1935 — 1995). Жанровый источник большинства его стихов — песня, сказка, народная баллада. Поэзия Л. Мерзликина полна тревоги за судьбу старой уходящей деревни — этого естественного природного и нравственного начала, хранительницы исторической

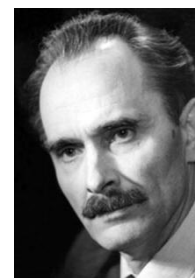
⁸ Очерки русской литературы Сибири в 2 т. — Новосибирск, 1982. Т. 2, с. 569.

памяти. В своих стихах и поэмах Л. Мерзликин страстно защищает все то, чем жил и должен жить духовно здоровый человек.

Поэтом негромкого голоса, но большой эмоциональной силы, в творчестве которого живет и дышит душа русского человека, с первых же шагов заявил о себе **Владимир Балачан**. Он в лучшем смысле этого слова традиционен. В березовых колках хлебные поля, труд крестьянина-кормильца, их возделывающего, родной деревенский дом, а если шире — весь мир сибирской деревни, — вот основа поэзии В. Балачана, уроженца степной Барабы (родился в 1939 году в деревне Старо-Ярково Барабинского района Новосибирской области, в крестьянской семье). В качестве же знакового образа-символа выступает у В. Балачана *хлеб* как краеугольный камень бытия хлебопашца. Его, хлеб, поэт не устает прославлять в своих стихах и поэмах. Ему поет настоящий гимн в «Балладе о хлебе». Переложенная композитором Н. Кудриным на музыку, она стала всенародно любимой песней, больше известной под названием «**Хлеб — всему голова!**». Эта и другие песни на слова В. Балачана прочно вошли в репертуар ряда известных музыкальных коллективов (Кубанский казачий хор, Сибирский народный хор и др.). Хорошо известен В. Балачан и как автор стихов для детей, а так же текста гимна Омской области, где поэт живет с 1981 года.

Если В. Баянов и Л. Мерзликин, ностальгируя по уходящей деревне, вольно или нет, противопоставляют ее современному городу, то **Василий Казанцев** (1935) поэт одновременно «городской» и «деревенский». Деревня для его лирического героя, ставшего жителем современного города, — «исток», «исходный момент мироздания», нравственно-образующее начало. И эта почти шукшинская «промежуточность» лирического героя берет начало в собственной биографии В. Казанцева.

Родившись в таежной деревне Таскино Томской области, в крестьянской семье, он, особо подчеркивает критик В. Кожин в статье «Поэзия Василия Казанцева», «до семнадцати лет поэт был крестьянином, земледельцем в самом прямом смысле». И только после окончания историко-филологического факультета Томского университета он становится по формальной принадлежности (но не внутреннему состоянию) городским жителем.

Поэтический мир В. Казанцева — образование сложное, многозвенное. Главным же соединительным звеном в его лирике становится жажда познания. Познание мира человеческой души и мира природы, поиск непреходящих ценностей в жизни, природе, труде, искусстве — вот, по определению критиков, магистральное направление поэтической работы В. Казанцева.

В психологических этюдах и лирико-философских раздумьях, наиболее распространенных в его поэзии, он пристально вглядывается в «интерьер человеческого сознания» (А. Михайлов), наблюдает диалектику человеческих отношений. В свою очередь, в широкой, разнообразной и сложной гамме лирических переживаний поэта читатель узнает своего современника.

В этой своей «двуединности» (и «городской», и «деревенский» поэт) В. Казанцев был не одинок. Нечто подобное можно сказать и о целом ряде сибирских стихотворцев его литературного поколения. Но здесь надо сделать оговорку. Названная «двуединность» предполагала смысл не только социальный, статусный, но и литературно-жанровый.

Советская критика второй половины 1950 — и 1960-х годов по инерции продолжала противопоставлять гражданскую и философскую лирику интимной. Но твердой почвы под собой оно уже не имело, поскольку в это время шел активнейший процесс органического слияния обоих лирических направлений. Что наглядно демонстрировали в своем

творчестве Вас. Федоров, Л. Мартынов, А. Смердов, Е. Стюарт и другие поэты старшего поколения. По этому пути шли вместе с В. Казанцевым и некоторые стихотворцы «новой волны»: В. Крещик, Г. Карпунин, А. Плитченко...

Все пронизано связью сквозной...

Имя **Виктора Александровича Крещика** (1937 — 2009) на поэтическом небосклоне засветилось в середине 1960-х, когда из «молодых сильных талантов», открытых на Кемеровском зональном семинаре молодых писателей в 1966 году, Я. Смеляков особо выделил его, подчеркнув в первую очередь гражданский пафос творчества.

Им действительно окрашены многие стихи В. Крещика, значительная часть которых посвящена Сибири, ощущаемой им органичной частью великой Руси. Потому и не видит поэт для себя выше предназначения, чем «поминутно в самом частном» жить заботами и болью великой своей страны. Пафос В. Крещика был не показным, не наигранным, а глубоко личным и естественным самочувствием молодого стихотворца, истоки которого — в сибирской деревне, взрастившей и наставивший его на путь истинный.

Правда, родился В. Крещик на украинской Черниговщине, но, поскольку с глубокого малолетства и до последних дней жил в Сибири, то с полным основанием малой своей родиной считал именно ее. В сибирской деревне прошло военное детство В. Крещика. С ней была связана и значительная часть взрослой жизни, когда, получив специальность инженера-механика в Новосибирском сельхозинституте, он преподавал в училище механизации сельского хозяйства, трудился инженером районного управления сельского хозяйства в Новосибирской области, был журналистом районной газеты... Пришлось по служебной надобности побывать во множестве деревнях и селах Барабы и Кулунды, увидеть и почувствовать их жизнь, стать свидетелем и участником хлебных битв, впечатления от которых отложатся потом во многих стихах В. Крещика и в одной из самых ярких и эмоциональных его поэм «Баллада о Кулунде».

Как поэту В. Крещику присущ взгляд свежий, зоркий, цепко выхватывающий из жизненного круговорота неповторимые «детали, черточки, приметы». В то же время, он поэт углубленного философического мышления, стремящийся передать и приблизить читателю дыхание большого, сложного и многообразного, мира, в котором «синь пронзительной высоты не отторжима от глубины» и «пронизано связью сквозной все, что с жизнью меня породило». И такая целостность мироощущения, проявившаяся уже в первых книгах — «Старт» (1965), «Красная трава» (1968), «Стезя» (1972) — становится характерной чертой поэтического облика В. Крещика.

«А я пристрастен к селам русским...» — признавался он. И эта «пристрастность» естественным образом вытекала из собственной судьбы поэта, а с другой стороны — была следствием того особого духовного и нравственного самочувствия, какое в русских селах в человека искони и закладывалось.

Однако, несмотря на заявленную «пристрастность», В. Крещика едва ли можно отнести к ортодоксальным поэтам-деревенщикам, безутешно ностальгирующим по деревне минувших дней. Современный город как форпост прогресса лирическому герою В. Крещика тоже не чужд. Да и, храня светлую память о деревне своего детства, он прекрасно сознает, что современная далеко ушла от прежней, а жизни ее уже тесно в старых «одеждах». Как не без иронии замечает поэт в стихотворении «А я пристрастен к селам русским», «поют все те же перепелки среди пригорков и лощин», однако ж давно «стали узкими проселки для современнейших машин».

Впрочем, с живым интересом вглядываясь в обновляющееся село, поэт все больше убеждается, что не техникой единой живо оно, а одинаково нуждается и в техническом

прогрессе, и в «лирике и красоте». И в этом органическом единстве он видит будущее села. А потому и заканчивается упомянутое выше стихотворение такой вот с глубоким подтекстом картиной: «И за полночь горящим оком // Смотрит // Воспетое давно, // На работающую дорогу // «С резными ставнями окно».

О красоте как о важнейшей составляющей духовности В. Крещик не раз еще скажет в своих стихах, обнаруживая свою «пристрастность» и к этой сфере человеческого бытия. Поэт мыслитель и философ органично уживается в нем с поэтом-лириком. Такова природа его поэтического таланта.

«С милым краем дышу заодно»

«Пристрастностью» и привязанностью к сибирским селам, а с ними и сибирской природе отмечена и поэзия **Александра Ивановича Плитченко** (1943 — 1997). Сам же поэт в выражении этого своего к ним отношения был очень последователен и постоянен. Что касается непосредственно «пристрастности», то уже в поэзии раннего А. Плитченко она начинает обретать черты художественно-философской концептуальности.

Главным поэтическим предметом едва ли не с первых литературных шагов становится у А. Плитченко «родительский дом». Так поэт назвал одну из своих книг. Назвал глубоко продуманно, ибо понятие «родительский дом» значило для него чрезвычайно много. Прежде всего, конечно, — это «дом, в котором мы рождаемся», который «полнится запахом хлеба, березовым свежим теплом». И в стихотворных картинах А. Плитченко он хорошо зрим, почти осязаем. Как, впрочем, и чудные пейзажи золотой «матерь Барабы», где «над травой, над птицею витают сказки теплого летнего детства».

С той же проникновенной лиричностью и любовью поэт рассказывал и о дорогих его сердцу людях «родительской земли» — будь то вечно живые в памяти отец и мать, «уличный пастух» Гриша Стрельников, старик из села Волчья Грива или же механизатор, который на своем тракторе «у березняка черную борозду тянет».

Поэт среди них тоже не чужой. В Барабе, в селе Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области, А. Плитченко родился. (Школу окончил уже в Кургате). В этой суровой, но духовно благодатной среде «прорастал» он в лихую военную и послевоенную годину, о чем не раз впоследствии вспоминал в своих произведениях. Здесь получал первые трудовые и житейские уроки, познавал, «как рубль советский достается». Короче говоря, отсюда брало начало его жизненное русло.

С годами все дальше уводило оно поэта от истоков, но раз за разом он упорно возвращался к ним памятью. И не случайно так настойчиво (и так естественно) звучит в поэзии А. Плитченко мотив благодарной сыновней любви к «родительской земле», где «каждая рожица — мать, каждое поле — отец».

Но не в благодарности одной дело. Как и все его литературное поколение, А. Плитченко не мыслил себя без постоянной подпитки чистыми живительными родниками малой своей родины, с которой боялся потерять прочную связь.

*Река моя, лишённая полета,
От руслу вековечного вдали
Ужель заглохнет в суете болота,
Лишённая родительской земли! —*

писал А. Плитченко. И был в этой заботе о сохранении коренного, вековечного жизненного русла неустанен. Тем более что хорошо представлял, как эту заявленную заботу ему, поэту, осуществить:

*Это свечение нежности,
Радостный оклик высот,
Это движение свежести,
Этот звучащий полет
Я сохраню, если вечное
Слово оставить смогу...*

Что, собственно, и стало главной целью и смыслом поэтической работы А. Плитченко, определило его творческие ориентиры.

Реальный «родительский дом», оставшийся в прошлом, обретает в стихах поэта как бы новую субстанцию: уже не материальную, а духовную и эстетическую. И в чем-то философскую. Ведь в сознании поэта он нечто большее, нежели просто родовое гнездо, откуда, оперившись и «расправив крылья помыслов», человек улетает в жизненные просторы. (И самого А. Плитченко, кстати, по этим просторам тоже помотало немало: был он и пастухом, и рабочим в совхозе; служил на Тихоокеанском флоте; объездил Сибирь и Среднюю Азию; учился в Новосибирском пединституте, и Литературном институте им. А. Горького, прежде чем стать профессиональным литератором). Из «деревянного, утлого, маленького» «родительский дом» растет, вырастает до неба и «миром становится дом». И этот «дом-мир» вбирает в себя уже и Россию, заставляя «все пространство милой Родины домом чувствовать своим».

Символический образ «дома-мира» рождает у поэта и другую, не менее глобальную метафорическую ассоциацию, в которой великая сибирская река Обь предстает в виде эдакого фольклорно-фантастического (в духе национальных героических эпосов) родового дерева Сибири:

*Обь —
Великое дерево Азии,
Корни твои на Алтае,
Где небо сошло на землю,
Земля поднялась до неба,
Где встретились две стихии,
Чтоб породить тебя.
Таково наше дерево родовое.*

Сопряжение малого и большого, локального и глобального, личного и общечеловеческого, что придает лирике философское звучание, есть важная черта поэтического почерка А. Плитченков, чем он в своей поэтической генерации близок к В. Казанцеву, В. Крещику и Г. Карпунину. При этом сложные ветвистые метафоры, подобно вышеприведенной, у него были скорее исключением, чем правилом. А образами-символами становились подчас самые простые и обыденные понятия. Например, «матушка-рожь». Как и «родительский дом», в поэзии А. Плитченко сделалась она одним из ключевых и символизировала исконную хлебопашескую Россию с ее духовными и нравственными ценностями.

Пожалуй, с особой отчетливостью философичность и глубина лирики А. Плитченко проявлялась в стихотворениях о природе. В них поэту удавалось не только передать ее краски, состояние, но и живую душу, заставить читателя острее почувствовать ту боль, которую часто бездумно причиняет

природе человек («кто не считает, что уже и не живой»).

Подобная постановка вопроса сколько природа и есть тот прочный «дом-мир». Не случайно в картине ят у него в одном ряду «вечность лет-просто соглашался с тем, что в мире все взаимосвязано и должно находиться в равноправ-

для А. Плитченко закономерна, по-фундамент, на котором держится его летней ночи («Летняя вечность») стояния... Родина... мать...». И поэт не

ных отношениях («у всех сознания сосуд из одного ковша наполнен»), но идет в развитии данной мысли еще дальше:

*Лучшее людям дано
Нерукотворной природой —
Солнечный свет и тепло,
Воздух, вода и земля,
Живность, какая ни есть,
Птицы, растения, звери —
Это и есть существо
Нашей бессмертной души.*

Концепцию единой бессмертной души А. Плитченко последовательно проводил в своем творчестве. Не в последнюю очередь в отчаянной надежде художника-гуманиста на то, что блудное дитя природы — человек, вдруг возомнивший себя Творцом и Властелином — все-таки вернется «к матери своей», с которой подчас говорил «только грозно», с которой «был бетонный, был стальной», и начнет, наконец, жить с ней в ладу и согласии. Но, предупреждал поэт, для этого недостаточно лишь умозрительного рассудочного понимания; мир природы надо прочувствовать душой и сердцем. «Ты от цветка до солнца всем этим миром будь...», — призывал А. Плитченко. И в определенной степени это было пожелание самому себе. Пожелание, которому он как художник, чувствовавший нерасторжимую с родной природой связь, старался неукоснительно следовать...

«Песенка о том, как мы живем на свете»

К числу поэтов, в творчестве которых «деревенское» и «городское», социальное, гражданское и интимно личное тесно переплетены и устремлены к читателю единым потоком, относится и **Геннадий Федорович Карпунин** (1939 — 1998).

Родился он в селе Березовка Новосибирской области, в семье тракторного механика. Но через год Карпунины переехали в пристанционный поселок Ояш на Транссибирской магистрали, где и прошло детство Геннадия. Окончив школу, он расстался с родной «сельщиной» и поступил на радиотехнический факультет Томского политехнического института, а через пять лет дипломированным специалистом приехал в Новосибирск, где и прошла остальная часть его городской жизни. Трудился сначала радиоинженером, потом специалистом патентной службы. Были неплохие в этом направлении перспективы, но... поэтический бес уже попутал молодого технаря.

Первые стихи Г. Карпунина были опубликованы в томской газете «Молодой ленинец» в 1962 году. А в 1966-м в Новосибирске появился первый сборник его стихов «Благодарю за эту встречу». (Всего их у Г. Карпунина вышло четыре, причем последние три назывались одинаково скупой и строго — «Стихотворения»). Судьбоносным для молодого поэта стал 1969 год. Г. Карпунин участвует в Пятом Всесоюзном совещании молодых литераторов, по рекомендации которого был принят в Союз писателей СССР. Читатель самобытного стихотворца заметил, критика отметила его как поэта незаурядного дарования с большим творческим потенциалом.

Если попытаться очень кратко определить суть поэзии Г. Карпунина, то ее можно назвать поэзией будней. Впрочем, у Ст. Куняева существует на сей счет и более образная, хотя, в принципе, близкая по смыслу формулировка — это «страстное созерцание жизни»,

вследствие которого «стихи Карпунина есть как бы естественное, безо всяких усилий преодоление прозы жизни, ее перетекание в поэзию».⁹

*Утро надвинулось летнего дня,
И замерцали колосья,
И, загудев, полетела бадня,
В темную вечность колодца...
Звон колокольцев.
Мычанье коров.
Дюди. Колодец. Телега.
Мир поднимается,
 бодр и здоров,
Крепок и весел с ночлега...*

И в самом деле, приметы и детали быта — главным образом поселково-деревенского, выписанные Г. Карпуниным чуть ли не с документальной точностью, складываются в картины подлинно поэтические.

Подкупает и жизнелюбивое мироощущение поэта. Но оно далеко от бодряческого оптимизма и восходит скорей к логике живущего не одним днем крестьянина: помирать собрался — а рожь сей! К логике, на которой по существу извечность человеческого бытия и держится:

*...Быть может, завтра полетишь
К чертям со всеми потрохами.
А люди заняты, глядишь,
И музыкою, и стихами...
А для чего, зачем?
Бог весть!
Но так всегда:
Сегодня, завтра.
Пожалуй, в этом-то
 и есть она,
Единственная правда.*

Есть у этой правды-логики и свой выразитель, для которого у Г. Карпунина находится вполне согласное с его мажорным мировосприятием определение — «какой хороший человек». Он, этот «хороший человек», — русский провинциал и крестьянин по существу и корням своим, работающий, умелый и красивый в насущных житейских делах — и стал сквозным героем стихов Г. Карпунина. Ну а лейтмотивом их — «песенка о том, как мы живем на свете».

Близкая и понятная песенка эта Г. Карпунина пусть и проста, но не примитивна; жизнь, при всей достоверности и узнаваемости, в его стихах не отражается зеркально, а поэтически отображается, хотя поэт и не прибегал к изощренной образности, сложной метафоричности, хитроумным способам стихосложения и прочим художественным спецэффектам. Отображается, подводя читателей, несмотря на сквозившую в стихах Г. Карпунина мягкую ироничность, к очень серьезным подчас выводам. О единстве мироздания, например, где «и древний мох», и «ящерица юркая, и жук, и даже камень...» — «то все моя бессчетная родня». С позиции равнозначности каждой частички мироздания поэт Г. Карпунин и осмысливал мир. Возможно, оттого грань между чем-то конкретно зримым и беспредельно космическим в некоторых его стихах почти неуловима, и лирическому герою

⁹ Ст. Куняев. Мир Геннадия Карпунина. // Геннадий Карпунин. Стихотворения. «Библиотека сибирской поэзии». — Новосибирское кн. изд-во, 1988, с. 6-7.

иной раз даже кажется, что достаточно «лишь шаг шагнуть из сенок», чтобы его «подхватило течение Млечного Пути».

Была в поэтическом мироздании Г. Карпунина еще одна важная проекция — мир истоков, вскормивший поэта чистыми своими родниками, заложивший крепкие духовные основы и выведший на жизненную и поэтическую орбиты. И в какие бы дали и выси ни уносился потом человек, он не в силах одолеть тяготенья родной земли, о чем напоминает Г. Карпунин в стихотворении «Старт космического корабля» («чем больше вперед уношусь в серебристой ракете, тем сильнее обратно влечет к голубой и зеленой планете»).

Однако это уже несколько иная тема в поэзии Г. Карпунина, своим возникновением обязанная самой, пожалуй, романтической странице в его биографии.

Жизнь советского общества в середине 1960-х годов, когда Г. Карпунин входил в литературу, ознаменовалась тремя мощными всплесками: космическим, романтическим и поэтическим. Космические корабли вышли на просторы вселенной, толпы романтически настроенных молодых людей устремились в земли неизведанные, а мощная поэтическая волна захлестнула площади, стадионы, залы. Все это никак не могло миновать тогдашнего выпускника Томского политеха. Светлая тоска по межзвездным просторам, тяга к сочинительству и трудным романтическим дорогам привели начинающего поэта во второй половине 1960-х годов на «тропу Кулика», которая шла к месту падения легендарного Тунгусского метеорита. Несколько тунгусских экспедиций, участником которых был Г. Карпунин, оказались для него не напрасными. Там, на «тропе Кулика» родился у него цикл романтических стихов и среди них «Синильга».

Да они, наверное, и не могли не родиться в особой атмосфере тех удивительных путешествий. По признанию участников экспедиций, шутливо именовавших себя «космодранцами», уже в первых походах «был подмечен странный космофизический феномен: как только человек попадал в район Тунгусского метеорита, он начинал писать стихи и сносно играть на гитаре». Объясняли они это таинственным влиянием места падения Метеорита. «Откуда взялись эти стихи? Мы не знаем, — говорили они, — может быть, они жили здесь, в лесу, всегда, и, услышав голоса, выходили на тропу, как маленькие дети садились нам на плечи и что-то горячо шептали на ухо. А может быть, стихи составляли содержимое контейнеров звездолета, погибшего над тунгусской тайгой, и тонкой кристаллической пылью распространялись на просторах Евразии»¹⁰.

Кто и почему «нашептывает» поэту то, что затем превращается в стихи, — вопрос всегда открытый. Но, возможно, «космодранцы» и правы, и Г. Карпунину действительно встретился однажды в рассветной эвенкийской тайге чудный и добрый поэтический эльф, «нашептавший» ему несколько романтических стихов. И особенно среди них запомнилось и полюбилось, стало песней и пошло в народ стихотворение под названием «Синильга» (то ли это гора в окрестностях таежной речки Чамбы, то ли красавица из тунгусской легенды?).

Чем же так взяла и продолжает брать за душу новые поколения, кроме романтического флера полувековой давности (ныне уже архаичного) та быстро потерявшая автора, но уже много лет передающаяся из уст в уста песня? Да тем же, наверное, чем берет и вся поэзия Г. Карпунина — тем, если воспользоваться его же собственными строчками, «что стих мой был живой, что было жизни в нем свеченье». А это ведь, пожалуй, для любого поэта главное...

Оголенный нерв ранимости

¹⁰ «Гимн торжествующей любви». Из текстов Тунгусского метеорита. // «Сибирские огни», 1994, №3-6, с. 65.

Примером замечательного симбиоза, органичного сплава двух лирических направлений (гражданской и интимной лирики) может служить творчество еще одного поэта-сибиряка, рожденного «оттепелью», — А. Кухно.

Александр Антонович Кухно (1932 — 1978) родился в селе Ключи Славгородские Алтайского края. Рано оставшись без матери, он с отцом переехал жить в Новосибирск. Здесь окончил пединститут, а позже заочно и Литературный институт им. А. Горького. Работал учителем, редактором в сибирском отделении издательства «Наука», заведующим редакцией в журнале «Сибирские огни». Публиковался в журналах «Огонек», «Смена», «Сибирские огни». В 1958 году в Новосибирске вышла первая книга А. Кухно «Незабудок брызги синие». При жизни поэта было издано еще три поэтических сборника: «Ранимость» (1965), «Березовые колки» (1967) и «Зимушка» (1974).

«Я принимал чужую жалость, и боль, и радость принимал...» писал в одном из программных стихотворений А. Кухно. Существовал, иначе говоря, не холодным расчетливым умом, а «жил душой», отличавшейся чрезвычайной чуткостью и ранимостью. Она, ранимость, и стала своеобразным нервом поэзии А. Кухно. И чем сильнее обстоятельства бытия задевались этот нерв, тем крепче становился поэт («чем ранимей — тем сильней»).

Такого рода мироощущение диктовало А. Кухно и соответствующее отношение к делу своей жизни, суть которого он образно сформулировал в стихотворении «Творчество», ставшим его поэтическим манифестом. Творчество А. Кухно воспринимал не как просто профессию, ремесло, а скорее как духовное самосожжение во имя того, «чтобы мысли подлинной, глубокой пробиться к свету», «чтоб чувства к людям не иссякли», а в итоге, во имя самой высокой цели — «весь мир очеловечить». И такое понимание своего поэтического предназначения, когда поэт — больше, чем поэт, т. е. много больше, нежели просто версификатор и «чистый художник» — вполне в духе русской поэтической традиции.

Традиции традициями, но и в привычном их круге А. Кухно был художником очень самобытным. Образно-красочная эмоциональная кисть его зорко, точно, но в то же время с проникновенной лиричностью запечатлевала едва уловимые движения жизни и природы, делая их фактами высокой поэзии. Из тончайшей лирической ткани, оттеняющей поэтическую мысль, придающей изображаемым картинам особенное очарование и чувственный настрой, соткано большинство стихов А. Кухно. Например, его поэтические пейзажи, где то и дело останавливают внимание «незабудок брызги синие», «березы в апреле — как свечки на блюдах», или «чудо из чудес — лунным светом залитый лес», в котором поэту чудится «безрассудная юная Керн»...

Или взять одно из самых задушевных и любимых читателями стихотворений А. Кухно «Рукавички». Вроде бы о давно знакомом и даже заурядном оно: о любимой женщине — жене и матери двух мальчишек-малышей, которые тянутся за нею «по привычке, // за подол ручонками лоя, // маленькие, словно рукавички, // с белыми губами сыновья». Но из этого обыденного штриха частной жизни под пером поэта вырастает запоминающийся образ-символ семейного тепла, родного домашнего очага.

*Вот и полночь — время сновидений.
Спят в кроватках двое малышей.
Им, конечно, снится продолженье
сказки недосказанной твоей.
Вижу я, как ты стоишь над ними.*

*Знаю я, коль будет тяжело,
все печали, как рукою снимет
рукавичек кровное тепло.
И, склонясь над ними по привычке,
ты, наверно, думаешь сама:
«Милые
 родные... рукавички!
 Как без вас, когда придет зима?..»*

А. Кухно вообще отличало умение находить и точный, емкий сквозной образ, и нужную интонацию. Как происходит это в другом его известном стихотворении «Река Молчания»:

*Я все забыл...
 но временами
я помню тот далекий час,
когда внезапно между нами
Река Молчанья пролилась.

Безумством, радостью,
 отчаяньем —
как хочешь это назови.
Она текла —
 Река Молчанья —
признание первое любви...*

Заявленный уже в самом названии образ становится стержневым и связующим, проявляющим в то же время поэтическую мысль: Река Молчанья, топя в своих водах «слова неверные, случайные, обиды тяжкие», течет, не разделяя, а соединяя влюбленных.

А вот стихотворение «Ах, какие у нас метели!..» держится целиком на образном сравнении январских метелей с белыми лебедями. Образ красив и поэтичен уже сам по себе. Но он несет еще и немалую эмоциональную нагрузку. Через него передано и мироощущение, и настроение поэта — одновременно и радостно-восторженное, и грустно-тревожное от бытовой неустроенности и душевных невзгод:

*Видишь, на воду стая падает
и, взлетая, крылами бьет?..
Захмелевшую душу радует
лебедей бесконечный взлет.

Хоть на все на четыре стороны
я пошел бы с тобой вдвоем.
Птицы-лебеди, а не вороны
вечно жили в сердце моем!

Только нету со мной приятеля,
и подружка не дружит со мной.
Только лебеди, словно спятили,
забуранили шар земной...*

Лирик по своей природе, А. Кухно был поэтом глубоко личностным. Но при этом — не сторонним наблюдателем и созерцателем, а заинтересованным соучастником всего в жизни происходящего. Оттого и лиризм его часто социально конкретен.

Подростком А. Кухно пережил Великую Отечественную войну, а потому закономерны и картины военного детства в его творчестве:

*В тринадцать лет мы крепко знали,
что значит проводить отца
туда, где чаще погибали,
чем совершали чудеса.
Как долго длилось лихолетье,
Как пайка нам была горька!
Мы были дети...
И не дети,
когда вставляли у станка.*

Но облачал А. Кухно эпизоды своего военного детства в поэтические строки не из ностальгии. Они были для него еще и незамутненными истоками, чистая вода которых помогала ему находить единственно верные и нужные «слова, зовущие к добру». Да и собственный поэтический облик — тоже:

*Мы не сами стиль
 свой выбираем,
а в себя его вбираем,
 как наследство,
вместе с песнями
 и говором окраин
золотого — разъединственного! —
 детства.*

А. Кухно — поэт преимущественно светлого мироощущения, но как оборотная сторона возникает в его поэзии и напряженный, доходящий до трагедийного накала, драматизм.

Им, в частности, отмечено самое крупное и значительное произведение А. Кухно — поэма «**Море**», посвященная бывшим политзаключенным, прошедшим «чистилище» сталинского ГУЛАГа. Антикультовская, антитоталитарная по своему социальному пафосу, поэма эта впервые увидела свет в 1965 году. Но уже заканчивалась недолгая «хрущевская оттепель», сворачивалась тогдашняя «гласность», и поэме, как и многим другим близким ей по духу произведениям уготовано было на долгие годы, говоря языком кинематографистов, «лечь на полку». И только почти три десятилетия спустя, в посмертной книге «Вашей учусь любви» современный читатель вновь получил возможность встретиться с этой поэмой, ставшей когда-то одним из первых штрихов в только что начавшем создаваться литературно-художественном полотне о трагедиях сталинской эпохи¹¹.

«Верю, на оставшемся веку все равно я песней овладею — вычеркну неверную строку, проясню желанную идею...» — обещал в поэме «Море» своим читателям А. Кухно. Время подтвердило: свое обещание поэт выполнил, с задачей справился — стихи его не потускнели, не растеряли поэтической силы.

«Моя душа болей осуждена...»

Лириков чистой воды в рядах поэтов «новой волны», начинавших свой разбег в 1960-е годы, оставалось тоже немало. И это понятно. Вечная песнь о любви неподвластна времени, пространству, любым катаклизмам. Поэтому всегда находят те, кто песню эту подхватывают и привносят в нее свое звучание и чувство. Красноречивым тому подтверждением может служить интимная лирика сибирской поэтессы Нины Греховой.

¹¹ Подробнее о поэме «Море» см. в кн. А. Горшенина «Большое сердце поэта». — Новосибирск, 2007, с. 62 — 78.

Нина Митрофановна Грехова родилась в 1941 году в селе Барышево под Новосибирском, в учительской семье. Окончила Новосибирский пединститут.

Поэт проявился в ней рано. Печатать стихи начала с пятнадцати лет. А в семнадцать в журнале «Смена» появилась первая крупная подборка Н. Греховой, принесшая юной поэтессе российскую известность. Творчество Н. Греховой получило высокую оценку на Кемеровском зональном совещании молодых писателей Сибири. В шестидесятых годах в Новосибирске вышли и первые поэтические сборники Н. Греховой «Старт» (1964) и «Стихи» (1968).

Что-то колдовское, русалочье есть в ее поэзии. Е. Стюарт в одном из интервью говорила: «Очень талантлива Нина Грехова, голос ее завораживает, как флейта, гипнотизирует, как Белла Ахмадулина, хотя природа таланта другая». Какая же?

Есть у Н. Греховой весьма симптоматичные для нее строки: «Вопреки всему, // а не вместе с тем...». Так воспринимает мир ее лирическая героиня, которой (вот парадокс!) хорошо бывает даже «над пропастью во ржи». И причиной тому скорее не пресловутый дух противоречия, а особый внутренний склад и душевный опыт (преимущественно печальный, драматичный), обостренное видение и чувство, далеко не всегда согласующееся с традиционной житейской моралью и даже подчас со здравым смыслом.

«Описывать бессонницу смешно...» — читаем у Н. Греховой. Несколько переиначив эту мысль, скажем, что ее собственные стихи, полные зыбко-тревожных предощущений и нередко напоминающие причудливые бессонные бдения, столь же трудны для толкования. Иногда кажется, что не поэтесса управляет словом, а оно, преломляясь в сплоче очередного видения, увлекает автора за собой. Будто берется поэтесса за кончик словесной ниточки и сматывает ее в клубок стихотворения.

*Уже рассвета
острожный признак
остановился,
замер у дверей.
Не надо плакать —
это только призрак,
а не знаменье
гибели моей...*

Стараясь ничему не доверяться априори и все пробовать на собственный поэтический зуб, только с одним, пожалуй, Н. Грехова согласна безоговорочно: «А любовь? // Она вечно невинна... // Повторять ли нам истину эту?»

Вместе с тем любовь в поэзии Н. Греховой (а как у всякого лирика, эта тематика в ее творчестве доминирует) — дама очень капризная, своенравная, и у лирической героини с ней непростые отношения. Именно в них отчетливой всего и проявляется парадоксальная логика чувств — «вопреки всему, а не вместе с тем»:

*Ломай меня,
как хворост для костра.
Мне хорошо
гореть в твоём огне,
Который ты забыл задуть вчера.*

Образ всепожирающего огня любви очень близок Н. Греховой. Языки его пламени возникают то в одном, то в другом ее стихотворении, некоторые из них огненной этой метафорой пронизаны насквозь, отчего драматическое напряжение достигает прямо-таки взрывоопасного накала:

*Все пожирай огонь!
Стану твоей тенью.
дьявольская ладонь,
нищее привидение.
Сгорю ли в нем,
потону?
Огню не хватает пищи.
Ведь именно потому
живет мое пепелище.*

Но «любовный недуг», снедающий лирическую героиню, предстает у Н. Греховой не только в образе испепеляющего душу огня. Проявления его могут быть самыми разными, иной раз очень неожиданными. Так, неприкаянная женская душа в лирическом монологе «Ночь» предстает в образе ночи-женщины.

Тяготея к развернутым метафорическим образам. Н. Грехова нередко за их основу берет времена года или же явления и состояния природы, беседует с ветром, дождем и т. д. В то же время стихов о природе в традиционном их понимании, когда созерцающий поэт описывает облака, деревья, травы, у Н. Греховой практически нет. Она не созерцает, а вовлекает природу центробежными силами своей души в сферу чувств и переживаний, делая ее как бы подругой и наперсницей, которой поверяются сердечные тайны, боли и тревоги. Не всегда такого рода отношения доходят у поэтессы до полной гармонии, зато постоянно в той или иной образной форме подчеркивается мысль о нераздельной связи всего сущего в мире:

*По великой,
по вечной спирали
до земной,
до последней юдоли
сколько раз
мы с тобой умирали,
возрождались в любимой ладони.
Облаками,
цветами,
корнями
миллионы веков мы кружили...*

Как видим, несмотря на кажущуюся камерность, на самом деле поэтический мир Н. Греховой не замыкается в локальном пространстве собственного «я», а обретает в лучших стихах поэтессы поистине философские емкость, масштабность и глубину осмысления.

* * *

Лирическое наступление 1960 — 1970-х шло в атмосфере мощного всплеска читательского интереса к поэзии. Он был повсеместен. «От Москвы до самых до окраин...» поэзия собирала огромные аудитории своих почитателей. В крупных сибирских городах проводились различные поэтические фестивали и праздники, «дни поэзии», в которых принимали активное участие как местные, так и приезжие стихотворцы. К числу самых первых таких мероприятий в Сибири относится «День поэзии», проведенный в новосибирском Академгородке в апреле 1966 года. Вообще же стихи сибирских поэтов звучали в концертных залах, на театральных подмостках, в заводских цехах, школах и вузах, в сельских клубах и на полевых станах... Поэты шли в народ в самом буквальном смысле слова.

Большое внимание поэтам, рожденным «оттепелью», оказывали пресса и СМИ. Газеты и журналы (и не только литературные) охотно публиковали на своих страницах стихотворные подборки, а радио и телевидение не скупилось поэтам на эфир.

Много сделал для поддержания новых поэтических талантов журнал «Сибирские огни», не упустивший мимо своего внимания ни одного, пожалуй, способного стихотворца.

В 1956 году в Москве появился первый выпуск альманаха «День поэзии», а с начала 1960-х сборники с тем же названием стали выходить и в крупных сибирских городах: Новосибирске, Красноярске, Кемерово.

Значительно увеличили выпуск коллективных и индивидуальных поэтических сборников (молодых, в первую очередь, авторов) сибирские книжные издательства...

Естественно, что такое отношение к поэзии только благоприятствовало ее развитию. И не случайно поэтическое поколение, дебютировавшее в 1960-х, три десятка лет в дальнейшем определяло лицо и состояние сибирской поэзии, было ее стержнем и «законодателем».

* * *

Как покажет будущее, шестидесятые-семидесятые годы для русской литературы Сибири, несмотря на некоторые известные негативные идеологические «тени», стали периодом ее взлета и расцвета. А заканчивался он рядом крупных литературных всесоюзных и общероссийских мероприятий, проводившихся в конце семидесятых в разных сибирских городах.

В июле 1976 года по инициативе барнаульского прозаика Ивана Кудинова и при поддержке местных партийных властей прошел первый всероссийский фестиваль, посвященный памяти Василия Шукшина «**Шукшинские дни на Алтае**» («**Шукшинские чтения**»). Фестиваль стал ежегодным, приурочивается ко дню рождения писателя (25 июля) и проводится на его родине в селе Сростки, Барнауле и Бийске Алтайского края. С 1999 года фестиваль получает статус федерального. На него съезжаются писатели и деятели культуры со всей страны. В рамках фестиваля проходят встречи с писателями и актерами, концерты творческих коллективов, проводятся выставки художников, Шукшинский зрительский кинофестиваль, вручаются литературные премии.

В июле 1977 года в Новосибирске прошли **Дни советской литературы**. В гости к сибирякам приехала группа столичных писателей (А. Иванов, Л. Татьяничева, В. Боков и др.) во главе с главным редактором журнала «Знамя» В. Кожевниковым.

В январе 1978 года в Тюмени состоялось **Всесоюзная творческая конференция писателей и критиков** на тему «Герой великих строек нашего времени и советская литература».

А в марте того же года в Новосибирске прошло **Выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР**, посвященное теме «Личность, НТР, литература», которое вел председатель правления СП РСФСР С. Михалков.

НА ИСХОДЕ СОВЕТСКОГО БЫТИЯ

1980-е годы стали последним десятилетием существования СССР, а с ним и советской литературы. Однако начинались они достаточно спокойно, и, казалось бы, ничто не предвещало скорых, а уж тем более кардинальных перемен. Литература (сибирская, в том числе) все так же двигалась в заданном почти полвека назад соцреалистическом русле и направлении, неторопливо «обгладывая» знакомые по предыдущим десятилетиям темы и проблемы.

Правда, у самого соцреализма возникали проблем. Он уже не смотрелся прежним монолитом. Копились к нему вопросы, все больше находилось сомневающихся в универсальности и без альтернативности этого творческого метода.

Но пока теоретики вязли в спорах о том, какой должна быть современная литература и что ждет ее в будущем, практики продолжали в силу своих возможностей писать «о жизни, как она есть» и создавать «портрет Времени» на основе лично увиденного, пережитого и пережитого. Как делала это, например, Е. Коронатова которой было чем поделиться с читателем.

Женщина в интерьере эпохи

Елена Ивановна Коронатова (1911 — 1994) родилась в Приморском крае, в семье царского офицера, погибшего в Первую мировую войну. Детство и юность будущей писательницы прошли в Томске. После окончания школы с педагогическим уклоном работала ликвидатором неграмотности в деревнях Томской области, учительствовала в Хакасии, сотрудничала в газетах «Советская Хакасия» и «Сталинское племя» (Новосибирск).

Первая книга Е. Коронатовой «На берегу Черемушки» вышла в 1953 году. А в 1954-м писательница полностью сосредоточилась на литературной работе, издав в Новосибирске, Москве и Львове еще целый ряд книг: «Бабье лето» (1961), «По ту сторону рва» (1964), «Жизнь Нины Камышиной» (1970, 1984), «Берега, которые уходят» (1978). «Изба под рябинами» (1989) и др.

В прозе Н. Коронатовой весьма ощутимо автобиографическое начало. Так, главная героиня самого крупного ее произведения романа «Жизнь Нины Камышиной» во многом повторяет судьбу писательницы, для которой военное и послевоенное лихолетье стало порой тяжелых испытаний, а с другой стороны — гражданского и духовного созревания, началом литературного становления. Вместе с тем, несмотря на некоторую камерность, роман этот — произведение подлинно эпического звучания.

Перед нами роман-судьба, широко распространенный в русской литературе. Следуя его традициям, автор через призму судьбы главной героини показывает жизнь эпохи, отмеченной масштабными для всей страны событиями и социальными потрясениями, главным среди которых была Великая Отечественная война (жизнь военного тыла занимает значительное место в романе). Война перекроила судьбы миллионов россиян, в том числе и дворянки по происхождению Нины Камышиной, которая волею обстоятельств оказалась далеко от больших городов в поселке приискателей и лесорубов, в совершенно незнакомой для нее среде и обстановке.

Не сразу она здесь адаптируется, не вдруг и местные жители принимают ее, «интеллигентную дамочку». Помогает то, что она остро осознает — в пору тяжких для всей страны испытаний нельзя жить только собой и для себя, отдельно от совместных забот и общего людского горя. Вместе с другими женщинами поселка Нина окунается в необходимую для фронта работу: собирает для солдат теплые вещи, размещает эвакуированных

из блокадного Ленинграда, работает на лесоповале... В череде этих насущных дел Нина сближается с жителями поселка, в полной мере ощущает свою сопричастность с судьбой страны. Здесь, в глухом углу Сибири, происходит самоутверждение главной героини романа как гражданина, личности, женщины, наконец.

Писательница обнажает в романе многопластовый социальный срез. Произведение густо населено. За каждым персонажем стоит определенный человеческий и общественный тип или характер, за каждым — свое отношение к жизни. И вне тесной взаимосвязи с каждым из них, подводит автор романа читателей к мысли, едва ли б смогла полноценно сформироваться сама Камышина.

Еще более автобиографичен роман **«По ту сторону рва»**.

«Я не могла не написать этого романа, — вспоминала Е. Коронатова. — обстоятельства моей жизни сложились так, что многие годы я кочевала из больницы в санаторий, из санатория в больницу. Мне не часто удавалось вырваться из тягостного замкнутого круга больных; их сложные, а порою трагические судьбы не могли не волновать меня»¹.

А рассказывает роман «По ту сторону рва», с одной стороны, о тех, кто страдает от тяжелых недугов, а с другой — о тех, кто лечит. Но, показывает автор, оба этих больничных круга неоднородны. Одни больные с большим мужеством и достоинством вели борьбу за возвращение к нормальной жизни, а другие, «уходили в болезнь, и ничто — кроме собственного самочувствия — их не интересовало»². Не одинаковы были и врачи. На фоне самоотверженного подвижнического труда одних особенно заметны безразличие и безответственность других. Последствия их деятельности, подчеркивает автор, бывают особенно страшны, ибо ценой может стать человеческая жизнь.

Но не одними лишь биографическими источниками питалось творчество Е. Коронатовой. Так, для того, чтобы написать повесть «Берега, которые уходят», писательнице пришлось как следует изучить ткацкую фабрику, ее людей, в основном женщин. В результате Е. Коронатова продемонстрировала в повести отличное знание жизни современного (и весьма специфического) предприятия, его производственных проблем, а с другой стороны — бытовую сторону существования своих персонажей, справедливо полагая, что это звенья одной цепи.

В центре повести — начальник цеха Мария Гордеева. Она хороший специалист, организатор. При этом прекрасный психолог, дипломат, воспитатель — в общем, грамотный, как говорится, руководитель. Но вот на что обращает внимание автор. Ее героиня душой болеет за все, что происходит на фабрике, хочет видеть ее технически и технологически более современной и оснащенной. В то же время она убеждена, что командовать производством на женском предприятии должны мужчины. Гордеева и от очередного повышения отказывается по «женским» мотивам. «Я не могу все силы отдавать фабрике, — объясняет она. — Понимаю, я должна служить обществу, но мои дети — тоже будущие члены общества, а я за них в ответе». И это позиция самой Е. Коронатовой, явно не совпадавшая с официальным мнением о роли советской женщины в обществе.

Женские образы этой повести вообще далеки от утвердившегося ко времени ее появления типа «деловой» женщины — сугубо прагматичной, эмансипированной, почти лишенной признаков пола. Е. Коронатова, напротив, создавая образы своих героинь, стремилась реабилитировать и отстоять в женщине женское, напомнить, что и в век технического прогресса главная человеческая функция и призвание женщины, чем бы сверх важным она ни занималась, — быть в первую очередь матерью, растить поколение, которое будет «лучше нас».

Повесть «Берега, которые уходят» «производственную прозу», к которой по формальным признакам она принадлежит, обогатила и свежим взглядом, и нестандартным

¹ Коронатова Е. Мои родники. // Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 106.

² Там же, с. 106-107.

подходом к людям труда. Но и талант самой писательницы открылся здесь с новой стороны...

Е. Коронатова прожила большую литературную жизнь, в которой ей удавалось главное — затрагивать сокровенные струны человеческой души, вызывая у читателей добрые чувства и сострадание. А удавалось, поскольку о виденном и пережитом она рассказывала всегда с той высочайшей мерой правды и искренности, с какой дано высказываться лишь настоящему художнику.

Стартовавшие в семидесятых

В первой половине 1980-х годов окончательно оформилась творческая «физиономия» ряда сибирских писателей, начинавших литературный путь в минувшее десятилетие.

Еще в 1970 году с книгой лирических рассказов «**К солнцу незакатному**» дебютировал **Петр Павлович Дедов** (1930 — 2013).

Родился он в селе Новоключи Купинского района Новосибирской области, в крестьянской семье. Подростком встретил Великую Отечественную войну. Работал в колхозе погонщиком быков, помощником бригадира, плотником, грузчиком. Окончил факультет

русского языка и литературы Новосибирского пединститута и факультет журналистики Центральной комсомольской школы в Москве. Был учителем, журналистом областных сибирских и центральных газет, комсомольским работником.

По-настоящему известен читателям П. Дедов стал после появления его повести о военном детстве «Березовая елка» (1977), составившая впоследствии вместе с продолжившими ее повествованиями «Страда» и «На заре туманной юности» трилогию под общим названием «**Светозары**», изданную в полном объеме в Москве в 1987 году. Отличительная особенность ее главного героя Сережи Проковского — острое чувство прекрасного, с каким воспринимает он окружающий мир:

«За стогами видны молоденькие тонконогие березовые колки. Они так высветлены луной, что напоминают низкие тучки, из которых сплошным потоком льются серебряные струи дождя. Я гляжу на этот голубой огромный мир, слушаю тишину, которая тоже кажется голубой, и мысли приходят такие же светлые, будто должно случиться что-то вот-вот хорошее, необычное, единственное, вечное... Не в такие ли вот мгновения мы начинаем осознавать себя?..»

За трилогию «Светозары» П. Дедов был удостоен первой премии во всесоюзном конкурсе Союза писателей СССР и ВЦСПС «За лучшее произведение художественной прозы о современном рабочем классе и крестьянстве».

Другой магистральной темой творчества П. Дедова была сибирская природа. Проза П. Дедова отличается живописностью, поэтичностью, лиризмом. Его произведения переведены в Германии, Болгарии, Венгрии, Китае.

Временем творческого становления и утверждения стали восьмидесятые годы и для сибирского прозаика, поэта, переводчика **Геннадия Мартовича Прашкевича**.

Родился он в 1941 году в селе Пировское Енисейского района Красноярского края, в семье служащих. Детство и школьные годы прошли на станции Тайга. Учился в Томском государственном университете. Работал лаборантом в Институте геологии и геофизики СО АН СССР, в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного НИИ. Участвовал в экспедициях геологов по Горной Шории и Салаиру, вулканологов на Сахалине, Камчатке, Курильских островах. Эти экзотические места стали его первой большой любовью, которая выплеснулась впоследствии в романтическую поэзию и прозу.

Дебютировал Г. Прашкевич с изданной в 1968 году в Южно-Сахалинске книгой «Такое долгое возвращение». А дальше пошли книги «Люди огненного кольца» (1977), «Разворованное чудо» (1978), «Курильские повести» (1980). Написанные изящно-легко, непринужденно, сочно и остроумно, они свидетельствовали о том, что в сибирскую литературу пришел интересный одаренный писатель.

Остров Симушир, мыс с женским именем Анна и прочие экзотические местечки, где оставил он в молодости свои следы, Г. Прашкевич вспомнит и значительно позже, когда напишет повесть «Черные альпинисты, или Путешествие Тропинина на Курильские острова». Такую же, как те, первые, раскованную, ироничную, ассоциативную (под позднего Катаева) с затейливо переплетающейся вязью настоящего и прошлого, но теперь уже и грустно-мудрую от прожитого и пережитого.

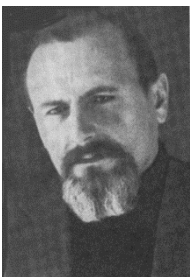
На выигрышном дальневосточном материале можно было построить всю свою творческую биографию, однако гул «огненного кольца» не заглушил Г. Прашкевичу негромкий, но властный зов «малой родины», который возвращал его памятью в детство, к дорогим и близким людям. И появляются из-под его пера повести «Трое из Тайги» (1981), «Огород, или Урок географии» (1982), «Апрель жизни» (1985), где на первый план выходит тема корней и истоков. С большой любовью и признательностью рассказывая о милых сердцу уголках сибирской глубинки, взрастившей и отправившей его в большую жизнь, Г. Прашкевич лишним раз убеждает читателей, что провинция — понятие не столько географическое, сколько духовное и нравственное.

Примет собственной биографии и судьбы в произведениях Г. Прашкевича немало, тем не менее, творчество его никогда не было жестко привязано только к своему жизненному опыту. Тем более что Г. Прашкевич рано заявил себя писателем разнообразным и многогранным, пробуя перо в разных темах, жанрах и формах. В восьмидесятых годах он уже был известен не только как писатель-реалист, но и автор остросюжетных приключенческих и фантастических вещей. Однако и в сугубо реалистических произведениях нет-нет да и возникают вдруг у него некие загадочные фантазмагорические туманности, причем фантастический вымысел кажется настолько реальным, что ему веришь как чистой правде.

Достаточно интересно заявлял себя в 1980-х Г. Прашкевич и в поэтической ипостаси: писал оригинальные, звучные, как голос океана, стихи. А еще делал он поэтические переводы с польского, болгарского, немецкого, корейского языков.

В самом начале 1970-х зазвучало имя поэта с Алтая **Владимира Мефодьевича Башунова** (1946 — 2005).

Родился он в Горном Алтае, в поселке Знаменка Турочакского района. После окончания филологического факультета Барнаульского пединститута работал в районной газете «Звезда Алтая». Был главным редактором Алтайского книжного издательства, возглавлял альманах «Алтай».

Уже первая книга В. Башунова «Поляна», изданная в 1970 году в Барнауле, вызвала немалый читательский интерес. Следовавшие за ней поэтические сборники «Васильковая вода» (1975), «Живица» (1983), «Возвращение росы» (1986), «Звезда утренняя, звезда вечерняя» (1987), «Жаль моя» (1988) и др. интерес этот только усиливали.

В одном из стихотворений, очерчивая пространство своего поэтического обитания, В. Башунов пишет: «Не тикая, идут часы мои // в кругу природы, // родины, // семьи». Хорошо знакомые темы русской поэзии. Но за их традиционностью виден поэт с собственным мироощущением и отношением к жизни, несущий читателю глубоко искреннее чувство любви к большой и малой родине, к людям. При этом В. Башунову удается оставаться самобытным и неповторимым даже тогда, когда его

поэтическая кисть касается тысячи раз, казалось бы, запечатленного и воспетого. Картин природы, например.

Его этюды о природе предметно зрими, полны свежих живых красок. И, что особенно привлекает к ним, в повседневной жизни природы поэту удается почувствовать нечто созвучное самым сокровенным движениям человеческой души. Как происходит это, например, в стихотворении «Августовская усталость». В тишине августовской ночи падают с небосклона звезды, а в саду яблоки. Все вроде бы, как всегда: привычно, закономерно, согласно заведенному природному круговороту. Но в этой извечной тишине, в знакомом до мелочей «кругу природы, родины, семьи» вдруг возникает у поэта интуитивно-подсознательное предощущение некой нарождающейся новизны.

И, подобно опытному лоцману, оно помогает поэту избегать рифов банальностей, подводных камней штампов, а еще дает счастливую возможность находить поэзию и в «небрежно брошенных пятнах деревенских изб», и в черной парящей воде полыни, и в «сорочьей вышивке крестом» следов на снегу...

Вообще же поэзия В. Башунова держится на двух отправных эстетических моментах — как будто бы и противоположных, но на самом деле тесно взаимосвязанных. С одной стороны, поэт постоянно подчеркивает, что «красота проста», а с другой — убежден, что в ней, простой, знакомой и привычной красоте есть обязательно своя неизведанность и неразгаданная тайна, которая и делает ее вечно живой, неувядающей и всегда желанной. Мысль о двуединой (простой, но таинственной) сущности земной красоты звучит тем более убедительно, что поэт ее не просто декларирует, а раз за разом находит все новые художественные подтверждения.

Помогают ему в этом и отточенная поэтическая техника, и высокое изобразительное мастерство. Лирическая ткань стихов В. Башунова отличается тонкой выделкой, насыщенным, хорошо запоминающимся образным рисунком.

Живописуя родную природу, В. Башунов ненавязчиво выходит к еще одной краеугольной теме своего творчества — корней и истоков. Воспоминания об отчем доме, деревенском детстве, близких людях звучат во многих стихотворениях В. Башунова. Они — своего рода поэтические отзвуки той связующей поколения родовой памяти, которой всегда был крепок русский человек, и соками которой искони питалось его сыновнее чувство к Родине.

*Будет возле отца
подниматься сынок.
Будет возле крыльца
завиваться вьюнок.
Свет родного жилья,
дух родного жнивья —
все отрада твоя
и держава твоя.*

А от него, «света родного жилья», зажигается и гордое патриотическое чувство, восходящее к ратной славе предков.

Лирический герой В. Башунова — современный человек, живущий в современном мире. Но, думая о веке нынешнем и минувшем, безусловное предпочтение, все-таки, отдает он веку минувшему, «человеческому и конному» в убеждении, что, в отличие от нынешнего, техногенного и прагматичного, — это век истинно природный, естественный и духовный. Символом его, осиянного добром, любовью и красотой, мог бы стать скромной «мальвы да шар золотой» в провинциальном палисаднике.

Именно в нем, «веке человеческом и конном», его лирический герой и сам поэт В. Башунов накануне разрушительных перемен продолжал черпать духовные силы, помогавшие ему «не изувеститься, рук до срока не сложить».

На рубеже шестидесятых-семидесятых годов начала восходить и разгораться поэтическая звезда **Нелли Михайловны Закусиной**, которая к концу восьмидесятых достигнет своего апогея.

Родилась Н. Закузина в 1942 году на станции Могоча Читинской области, в семье геодезиста-изыскателя. После окончания архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института работала архитектором в проектных институтах Улан-Удэ и Новосибирска, литературным редактором в журнале «Байкал», в Западно-Сибирском книжном издательстве, заведовала отделами прозы и поэзии в журнале «Сибирские огни», была редактором новосибирского издательства «Мангазея», преподавала в школах.

Писать стихи Н. Закузина начала еще в детстве. Первые публикации в районной газете появились когда она училась в десятом классе. Однако настоящий поэтический дебют Н. Закусиной состоялся в 1966 году в журнале «Сибирские огни», напечатавшем ее подборку «Этот добрый человек». А в 1972-м в Новосибирске вышел первый сборник стихов Н. Закусиной «Мой светлый день». После книжки «У сентября знакомое лицо» (1976) Н. Закусину примут в Союз писателей СССР. А книги «Свет любви» (1979), «Звезды в колодце» (1981), «Белый снег, зеленая трава» (1984), а так же «Избранные стихи» в серии «Библиотека сибирской поэзии» (1987), окончательно утвердят ее в ряду самых заметных сибирских поэтесс, таких, как Е. Стюарт, или Н. Грехова.

Поэзия Н. Закусиной многогранна, находит свое выражение в различных жанрах и формах. Но при этом ее можно, пожалуй, обозначить одним емким понятием — любовь. Именно любовь является основным содержанием, источником духовной энергии и нервом поэтического творчества Н. Закусиной.

Став в начале литературного пути на древнейшую в мировой поэзии «тропу любви», Н. Закузина сильно рисковала. Мучил вопрос: а не все ли уже сказано и спето о любви? Но возникало и спасительное сомнение: нет, видимо, если все новые потомки Вергилия отважно продолжают «как вечный двигатель, любовь изобретать». Потому, что, резонно замечает Н. Закузина, «сколько б ни писали о любви, все будет каждый раз неповторимо». А «неповторимо», по ее же мнению, оттого, что «душа в движении», и задача поэта — запечатлеть это движение в тот или иной его момент. Задача при чрезвычайной избитости любовной темы очень непростая, но именно такими вот остановленными мгновениями бесконечного и причудливого движения души стихи Н. Закусиной и предстают перед читателем.

Но «остановить мгновенье» — полдела. Надо дать почувствовать, что оно действительно неповторимо. И это Н. Закусиной тоже вполне удастся. С обнаженной искренностью и высоким драматическим накалом пишет она о «сожженной боли», о том, что «сердцу женскому не скрыть любовь и муку», или же о том, как тяжело «любить в другом тебя, в тебе любить другого», а, значит, «не разойтись в любви, с любовью разойдись»...

У Н. Закусиной собственный, хорошо поставленный поэтический голос, своя характерная лирическая интонация, которую невозможно спутать с чьей-то другой. Ее лирические акварели отличаются тончайшими чувственными оттенками. Слух поэтессы настолько обострен, что способен улавливать даже «тень звука». Все это помогает ей лучше, глубже, полнее раскрывать главный предмет ее поэзии — женщину.

Женское начало безраздельно властвует в поэзии Н. Закусиной. Более того, поэтесса гордо подчеркивает истинно женскую сущность своей лирической героини: «Я — женщина. // И мой полет так прост: // от тихого гнезда // до дальних звезд». И не просто женщина, дает понять поэтесса, а женщина в ореоле любви. Поэтому и все пространство мира пропущено в стихах Н. Закусиной через взгляд любящей женщины.

Но любовь у Н. Закусиной не сводится только к взаимоотношениям двоих. Это всеобъемлющее и поистине космогоническое чувство. Во всяком случае, без его животворящего теплого доброго света немислима и сама жизнь «от тихого гнезда до дальних звезд»:

*Останься в доме моем,
свет любви!
Останься,
раз ты посетил мой дом.
И я поделюсь с другими людьми
свою щедростью и теплом...*

*Останься ради детей моих!
Останься ради моей земли!
Останься, чтоб до миров иных
лучи твои трепетные дошли.*

*Ведь только тогда будет домом — дом.
И Жизнью жизнь.
И люди — Людьюми.
Останься в доме и сердце моем,
и в мире моем, свет любви!*

Светом любви пронизана у Н. Закусиной не только стихотворная лирика. В этом мощном энергетическом поле находятся и ее поэмы. Жанр, который поэтесса активно осваивала во второй половине семидесятых и восьмидесятых годах.

Тон задала появившаяся в 1975 году поэма «**У сентября спокойное лицо**», рассказывающая о трудном постижении лирической героиней высокого любовного чувства.

Любовный кровоток пульсирует и в плоти поэмы «**Стены**» (1976). Но уже в несколько ином направлении. Автор задумывается над тем, как соотносятся в нашей жизни любовь и творческий труд, любовь и красота, как совмещается все это с собственным профессиональным предназначением. Главная героиня поэмы, молодая женщина-архитектор, пытается постичь секрет настоящего мастерства. Она обращает взор в далекое прошлое, чтобы понять, почему творения древних мастеров переживают эпохи, и приходит к неожиданному для себя выводу: на поверку нет никакого особого секрета и все очень просто, если горит в душе огонь любви к делу своему, родине и людям, во благо которых мастер созидает.

Поэма «**Багульник**» (1978) посвящена становлению и духовному созреванию молодой женщины. Преодолевая ошибки, разочарования, падения, она ищет свое место в жизни и любовь. В процессе этих поисков к лирической героине приходит осознание того, «что в жизни — // высший дар — любить, // дарить любовь, // другим ее нести...» Но «Багульник» — еще и поэма о том, как важно понимать друг друга, ибо только полное взаимопонимание, душевное «соучастие» открывает путь к настоящей любви.

Поэма «**Верни себя**» (1982) — тоже о молодых современниках. Вглядываясь в них, поэтесса стремится разглядеть их подлинную сущность без масок и мишуры. Она отмечает инфантилизм («по сорок вам, а все еще — ребята»), преждевременную усталость, жизненную апатию. И все больше вместо полноценного человека лирическая героиня видит лишь его отражение, которое страшит ее своей бескрылостью и пустотой. И невольно сравнивает свое поколение, неспособное к подвигам, с героическим поколением отцов, которые в огне кровавой войны ценою собственной жизни прокладывали путь к спокойной стабильной жизни детям и внукам. За каждым из поколений остался такой разный след: «Твой легкий след. // И вечный след его». Для героини поэмы поколение отцов — духовный ориентир и высочайшая нравственная планка, до которой не дотянуться ее молодым современникам. Поэтому, выбирая достойного возлюбленного, «в мужчинах поколения моего» интуитивно искала она лучшие черты и качества мужчин того, «другого поколения».

Несколько особняком стоит у Н. Закусиной поэма «**Липа вековая**». Хотя и звучит в ней знакомый, вроде бы, любовный мотив. Однако лежащая в основе произведения вполне реалистичная история женщины, до конца дней своих ждущей не вернувшегося с войны возлюбленного, превращается здесь в трагическую притчу о верной, но не успевшей расцвести и дать плоды любви. Ну а сама поэма обретает глубоко символический и философский смысл. Великая любовь верно любящей женщины «светлым факелом» проходит сквозь века и эпохи, через поля самых страшных сражений. И делает всех павших за первое дело непобедимыми и бессмертными. Гимном этой великой и «вечной» любви и стала поэма. Но почему названа она «Липа вековая»? Да потому, что увидела поэтесса в липе — «Дерево России» — «символ одиночества и силы // женской неразгаданной души».

Поэтическое формирование ровесника и однокурсника Н. Закусиной (оба учились в одном вузе) С. Донбая приходится также на 1970-е годы.

Сергей Лаврентьевич Донбай родился в 1942 году в Кемерово, в семье архитекторов. Окончил архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института. Работал архитектором в проектном институте.

Писать С. Донбай пробовал еще в школе, но заниматься стихотворчеством всерьез стал уже в вузовских стенах. Первые поэтические уроки получал он в легендарном «лите» И. Фонякова вместе с такими известными в будущем поэтами, как А. Плитченко, Г. Карпунин, Н. Грехова, Н. Закусина, В. Крещик.

Здесь же, в Новосибирске, в газете «Советская Сибирь» в апреле 1961 года состоялся поэтический дебют С. Донбая. Далее пошли публикации в журналах «Сибирские огни», «Наш современник», «Москва». А в 1970 году в Кемерово увидела свет первая книга стихов С. Донбая «Утренняя дорога». Ее основой, как, впрочем, и следующего сборника «Прелесть смысла» (1977), стали поэтические зарисовки, передающие душевное состояние человека в тот или иной конкретный момент бытия — этакая «лирика настроения». В них автор стремится поэтически пересоздать окружающий мир, пропуская его через собственное мироощущение неопита. Что было вполне естественно для молодого человека, еще не обремененного житейским опытом, с нерастраченным эмоциональным запасом.

Одним из любимейших предметов поэзии раннего С. Донбая становится природа с ее меняющимися состояниями и пейзажами. Как и в любовной теме, здесь очень трудно избежать повторенья, не впасть в банальность, а то и скатиться к эпигонству. С. Донбаю удается избежать этого. Каждый раз находятся у него и свежие краски, и неожиданные ракурсы, и оригинальные образы, и ассоциации...

Вот осень. В ее золотой синеве осени поэт видит нечто куда более значительное просто времени года:

*И над промыслом живого
Высь безмолвно глубока,
Будто ищущая слово —
Дума, музыка, строка.*

Свою изюминку С. Донбай умеет найти в буднях любого времени года. А увидеть землю со всеми ее обыденными приметам, красками, звуками, запахами, во всех ее пространственных и временных проекциях становится для него необходимостью, заставляющей «полюбить наш шар земной // Безумной первою любовью».

Истоки же самой этой любви — в «поре первоначальной». И не случайно в одном из стихотворений С. Донбай, переиначив известное «все мы родом из детства», скажет: «Мы путники из детства, из природы», подчеркнув тем самым важность как багажа детских ощущений, так и близости к природе.

Послевоенному детству у С. Донбая посвящено немало стихов. Эти поэтические воспоминания окрашены не только сердечной болью, но и светлой ностальгической грустью. В первую очередь потому, что «кончилась война, // Но молоды еще сполна // Отец, и мама, и страна, // И сладки детства времена».

Тема военного детства органично сочетается у С. Донбая с темой Великой Отечественной войны, образуя единое целое. За их освоение поэт взялся уже в достаточно зрелом возрасте, когда искать здесь удачу не попытался только ленивый. Однако же С. Донбаю удалось и ракурс свой найти, и незамысленность взора обнаружить, и знаковые образы-символы обозначить. Что достаточно красноречиво подтверждает такое, например, его пронзительное стихотворение, как «Кадры хроники». Пересматривая старую кинохронику, запечатлевшую встречу возвращающихся домой фронтовиков, поэт вдруг натывается взглядом на самый сокровенный, самый «говорящий» кадр:

*И на плече у родимой,
Старый — не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран...*

И преждевременно постаревший этот «непобедимый мальчик» говорит о великой войне куда больше многих красочных описаний.

Не менее символично поэтическое отображение великой трагедии народной в стихотворении С. Донбая «Военное детство». От детства более поздних поколений оно отличается тем, что в него когда-то вторглась, «вошла — до сих пор видна — как общее наше отечество Отечественная война». И много лет спустя «глядит сквозь военную прорезь — как целится — детство в нас». Под этим «прицелом» даже через многие мирные годы, признается поэт, «мы все еще эвакуированные // *Сиротственники* (курсив мой — А.Г.) войны».

В этом стихотворении останавливает внимание метафорическое сравнение «как общее наше отечество Отечественная война». В неразделимости этих двух понятий, надо полагать, и следует искать истоки того мощного патриотизма, который помог одолеть лютого врага и который навсегда остался в душе прошедших горнило военных испытаний.

Еще одним трагическим символом «той войны, в которую зарыты // Дни и судьбы Родины моей» становятся у С. Донбая братские могилы. В одноименном стихотворении поэт подчеркивает поистине генетическую связь с теми, кто лежит под стелами и плитами этих захоронений: «Растворяюсь до последней капли, // И уже неразличим я как бы...». Ну, а финальные строки стихотворения («А война все дальше, // Все видней») помогают понять, почему о войне и военном детстве С. Донбай взялся говорить, имея за плечами уже без малого четыре прожитых десятилетия. Как говорил другой русский стихотворец — «лицом к лицу лица не увидеть...».

В своем творчестве С. Донбай успешно демонстрирует, что предметом его поэзии могут быть любые самые обычные и обыденные вещи и явления. Не погрешив против истины, его и самого окрестить можно «поэтом обыденности». Вот и Ст. Куняев говорит: «Поистине Сергей Донбай поэт «от мира сего»³. То есть от мира обыденной человеческой жизни. Только не стоит думать, что обращать обыденность в поэзию легко и просто. На самом деле занятие это очень трудное. Но С. Донбаю оно по силам. Наверное, еще и потому, что у него развит дар видения большого в самом малом, способность сопряжения атома быта с космосом бытия.

Так аппетитная мамина глазунья, отложившаяся в детской памяти, становится у С. Донбая своеобразной меткой далекого детства. Запах жареной картошки будит ностальгические воспоминания о полуголодной, но счастливой студенческой юности, когда это

³ Куняев Ст. От мира с его. // Сергей Донбай. Посредине России. — М., 2011, с. 5.

классическое блюдо советской эпохи был одним из ее символов. А иной раз катализатором рождения поэтических символов и обобщений становятся вещи и вовсе неожиданные — вроде речного песка на пляже. Зачерпнув его пригоршню и «наслаждаясь солнечною ленью», лирический герой предается философическим размышлениям о связи времен («Держать в горсти просыпанное время // Других, нам уступивших эту жизнь»).

Но чаще связь времен и поколений у С. Донбая происходит не в историко-философском контексте, а в сугубо житейском. Чуть ли не на генетическом порою уровне.

*Был наказан. Выплакался. Сплю.
Это я. Бессилен, счастлив, маленький...
Счастлив, что прощен, любим, люблю.
Что укрыт шаленкой маминной.*

*Сын наказан. Выплакался. Спит.
Тишина. Посапывает. К вечеру.
Счастлив ли?.. Отец пред ним стоит —
Это я же — с одеяльцем в клеточку.*

То, что история диалектически повторяется на новых витках житейской спирали, автор стихотворения с помощью удачно найденного поэтического приема (эпизод с наказанным мальчиком становится связующим поколения звеном) как раз и иллюстрирует.

1980-е годы стали плодотворным периодом в поэтической жизни С. Донбая. Запечатлевая окружающий мир в движении и развитии, он стремился во всем, как в самом малом, так и в грандиозном, отыскать поэтическую «прелесть смысла». А она состояла, наверное, еще и в том, что, говоря словами другого уроженца Кузбасса, В. Крещика, «все пронизано связью сквозной — все, что с жизнью меня породило». И эту тотальную взаимопроницающую связь С. Донбай подчеркивал в стихах постоянно.

Не раз возникает у С. Донбая и образ Сибири, что для поэта, родившегося, выросшего в самой ее сердцевине и горячо любящего свой край, совершенно логично.

В стихотворении «Поездка на БАМ» лицо современной Сибири, устремленной в будущее, поэт увидел через призму «стройки века». А поскольку вторая половина XX столетия была еще и эпохой активного освоения космоса, возникновение в стихе космических ассоциаций тоже вполне закономерно:

*А взглядом в прошлое прицелиться,
И мысль взойдет из глубины:
Почти столетие пришельцем
Тунгусским мы освещены.
На свет и звук — огонь и голос —
Мысль оглянулась, навсегда,
Сибирь, развернутая в космос, —
Ракета, Родина, Звезда.*

Поэтическим же символом Сибири становится у С. Донбая «живой небоскреб» сибирского кедра «на обрыве крутом», который «все души лесные в объятия сгреб».

Но, как у настоящего русского патриота, любовь к малой родине неотделима у С. Донбая от любви к великой России. Прямые или косвенные подтверждения тому есть во многих его стихах. Находит С. Донбай для нее и свое оригинальное художественное выражение:

*Дверь открой посредине России
И лицом к быстрине прикоснись;
Сколько там мужики искурили —
В тамбурах, размышляя про жизнь.*

.....
*Свежий ветер, простор неоглядный...
Через слезы предстанет страна —
Наши волосы треплет и гладит
На восток и на запад она.*

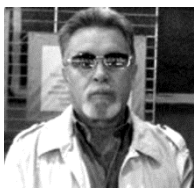
Как всякий лирический поэт С. Донбай не мог обойти стороной вечную любовную тему. При этом поэт сразу без обиняков заявляет, что ему ближе и милей не те яркие, броские, притягивающие к себе взоры особы, а «женщины, которых при свете дня не видим мы», зато «с наступлением первой тьмы» и до утра «они так явственно подсвечены, как бы лампадой изнутри». Именно при взгляде на них лирическому герою приходит понимание, что ничего нет «священной, непостижимей до конца, чем тайна милого лица», осязаемого «робким свечением, так согревающим нас». Внутренним духовным светом пронизана и вся интимная лирика С. Донбая, в которой любовное чувство зиждется не на каких-то внешних проявлениях или признательных декларациях, а на вещах интуитивных, подсознательных, позволяющих людям любящим понимать друг друга без лишних слов и признаний.

Последнее десятилетие уходящего XX века С. Донбай встречал уже прочно сложившемся стихотворцем с собственным поэтическим обликом, голосом, интонацией, признанием как в профессиональной, так и читательской среде. Его стихи печатают провинциальные и столичные литературные издания, переводятся на иностранные языки. Одна за другой выходят поэтические книги: «День» (1986), «Смута» (1991), «Проснись у меня на плече» (1992), «Стихотворения» (1996). Все большую известность обретает С. Донбай не только как поэт, но и литературный деятель. Оставив в 1976 году проектный институт, где проработал более десятка лет, он всю дальнейшую свою судьбу связывает с журналом «Огни Кузбасса» и областным литературным объединением «Притомье», которым руководит многие годы.

Так что у С. Донбая до поры были основания чувствовать себя счастливым человеком и заявлять, «что в жизни мне везло». Однако прежняя жизнь на пороге девяностых уже начинает трещать по швам и, как признается поэт в одном из стихов, написанном уже за их гранью, «чего-то уже не хватает», и «время другое тебя достает, достает...».

В середине 1970-х годов читатели узнали еще об одном сибирском поэте — Н. Шамсутдинове.

Николай Меркамалович Шамсутдинов родился в 1949 году на пушной фактории

Яр-Сале Ямало-Ненецкого округа, в семье торговых работников. Детство и юность его проходили в Березове, Омске, Павлодаре, Ханты-Мансийске, Сургуте. В Нефтеюганске будущий поэт окончил школу и начал трудовой путь. Работал геодезистом. Служил в ВВС. Демобилизовавшись, вернулся на Тюменский Север. Трудился монтажником, оператором на нефтепромыслах, художником-оформителем, тележурналистом. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. В первой половине 1980-х был заведующим литературным постом журнала «Сибирские огни» «На Нефтяном Приобье». Позже — генеральным директором книготорговой фирмы «Автохтон».

Первый выход Н. Шамсутдинова в большой поэтический «свет» состоялся в 1976 году, когда еженедельник «Литературная Россия» напечатала его стихотворный цикл «Широкие ветры». Следом пошли многочисленные публикации в самых разных литературных изданиях СССР: «Литературной газете», журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Молодая гвардия», «Аврора», «Юность», «Смена», «Сибирские огни», «Урал»... Частым гостем Н. Шамсутдинов был и на страницах альманахов «Поэзия» и «День поэзии». А в 1980 году в Свердловске вышла и первая поэтическая книжка Н. Шамсутдинова «выучиться ждать». За ним последовали «Прощание с юностью» (1982), «Лун-

ная важенка» (1985), «Скуластые музы Ямала» (1988), «Лицо пространства» (1989) и др., изданных в Свердловске и Москве.

В 1979 году Н. Шамсутдинов участвовал в работе VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, по рекомендации которого в 1982 году стал членом Союза писателей СССР — первым в Нефтяном Приобье.

В начале творческого пути Н. Шамсутдинов свой поэтический мир создает из хорошо знакомых и близких ему реалий северного бытия. А сам Север, что совершенно естественно, становится для него магистральной темой. Н. Шамсутдинов много пишет о своеобразной красоте северной природы, о людях, осваивающих ее богатства, о трудовых буднях родного края. Сын и певец Сибири, Н. Шамсутдинов являет ее читателю во всех измерениях, захватывающем объеме и просторе. Стихи его отличаются живописностью и мощью образов, что роднит молодого тюменского поэта с П. Васильевым (впоследствии Н. Шамсутдинов посвятит ему лирический цикл «Клятва на книге»).

Ранние стихи Н. Шамсутдинова, помимо того, полны преобразовательского пафоса, мажорного мироощущения, «светлой музыки бытия в труде среди тайги и тундры, насыщенной восторгом озарений, свершений и открытий»⁴. Поэт любит молодую созидательную силу своих ровесников, приехавших осваивать таежные просторы. В них видит он настоящих героев своего времени.

Но со временем комсомольско-молодежный пыл и оптимизм шамсутдиновской поэзии становится тише, умеренней, начинают прорезаться в ней тревожные ноты. Тем более что действительность открывалась поэту далеко не только жизнеутверждающими сторонами. В 1980-х Н. Шамсутдинов все острее «ощущал и все жестче излагал в стихах гибельность бездумного разрушения природы индустриальной агрессией. Это разрушение представало в его строках невыносимыми бедами души человеческой, а то и ее распадом»⁵.

*Но злей и воспаленней — смута,
и пуще помыслы болят:
душа — как птица из мазута —
выпрасывает нищий взгляд...*

В 1988 году все усиливающаяся тревога Н. Шамсутдинова за судьбу и будущее сибирской природы находит свое художественное выражение в поэме «Покорители». Она — о покорителях Ямала. Самое масштабное, значительное и острое в творчестве Н. Шамсутдинова той поры произведение. С непростой судьбой.

Автор еще в рукописи послал поэму В. Астафьеву, а тот, в свою очередь, предварив своим небольшим вступлением, рекомендовал ее для публикации журналу «Новый мир», в редколлегии которого состоял. Шел уже третий год горбачевской «перестройки», экологические проблемы все чаще и острее поднимались советскими писателями. Но, видимо, настолько острой и болевой оказалась поэма Н. Шамсутдинова, что даже в «Новом мире», самом передовом по тем временам «толстом» журнале и с рекомендацией В. Астафьева ее остереглись печатать. На десять лет легла она «в стол», а в периодике и вовсе появилась лишь двадцать лет спустя в журнале «День и ночь» (2009, №4). К счастью, с астафьевским вступлением.

«Гимном сибирской природе и воплем изболевшейся души», — назвал В. Астафьев поэму «Покорители», автор которой был свидетелем «освоения нефтяной целины». И, как признается в одном из писем знаменитому писателю Н. Шамсутдинов, он сам с упоением писал о покорителях тайги и тундры. «Но прошли годы, и наступило горькое прозрение всех жителей Сибири, в том числе и северных ее окраин, потому что освоение «незаметно» переросло в покорение, а затем и избивание сибирских, казалось бы, необъятных и недоступных пространств». И далее В. Астафьев пишет: «Если бы поэма касалась проблем

⁴ Золотцев Ст. «Глухонемая звезда глухонемых времен...». // «Сибирские огни», 2002, №1, с. 211 — 212.

⁵ Там же, с. 212.

местных, была проникнута тревогой только о своей малой родине, она и тогда имела бы острое публицистическое звучание и обвинение всем ныне странствующим по тайге и тундре «покорителям» природы... Нет, поэма «Покорители», написанная уверенной рукой, восходит от экологических к общечеловеческим проблемам...» И не просто «восходит». Она, итожит В. Астафьев, — «поэма-боль, поэма-крик, поэма — смятение нашего разума».

Близок к астафьевской оценке «Покорителей» и Ст. Золотцев, убежденный, что под пером Н. Шамсутдинова родилось «мощное и страстное произведение протеста против надругательства над Землей»⁶. Причем еще более актуальное через десяток с лишним лет, чем в пору своего рождения. «Написанная на едином дыхании, она ныне позволяет читателю гораздо более явственно увидеть в ее тексте как социальную правду эпохи идущей, так и образцы чеканно созданных, мастерских обращений к современникам»⁷:

*...Ну, так хватит проектов и толков,
если в небытие упирается путь!
Время, время настало — глазами потомков
на свои же деянья взглянуть.*

Поэма «Покорители» насыщена не только остросоциальным содержанием, но и глубоко личностным осознанием и ощущением ответственности поэта за происходящее на родной земле. В силу чего перед нами (и время, прошедшее с момента написания поэмы, это подтверждает) уже не очередной образчик поэтической публицистики на экологическую тематику, коих немало было в 1980-х годах, а настоящий факт русской поэзии.

Значительное место в поэзии Н. Шамсутдинова всегда занимала интимная лирика с ее центральной фигурой — Женщиной. «Служу двум стихиям: истине и Женщине», — признавался поэт. И служение это будет продолжаться у него всю творческую жизнь, находя свое поэтическое выражение в лирических стихах и поэмах, из которых потом будут складываться проникновенные книги лирики «Лунная важенка» (1985), «Скуластые музы Ямала» (1988), «Любовь без утоления» (1997), «Женщина читает сердцем» (2000) и др.

Лирику Н. Шамсутдинова, особенно его первоначальной поэтической поры, не назовешь светлой. Скорее наоборот: ее пронизывают мотивы женского горя и одиночества. Поэта волнуют незадавшиеся судьбы сибирских красавиц — жительниц тайги и тундры, речных и морских берегов, дочерей вдов-солдаток Великой Отечественной войны, словно бы перенявших горькую бабью долю от своих матерей. Щедро одарила природа этих сибирячек и красотой, и здоровьем. Поэт изображает их «в буйстве чувственных красок, в... одухотворенной пластике трепетной плоти»⁸ («Круты ресницы, губы алы, // и ситчик, влажный от ведра, // прильнул к ленивому овалу // ее тяжелого бедра»), которые так резко контрастируют с нескладной участью одиночества. Но, любуясь ими, поэт верит — ничто их не сможет сломить и, наперекор всему, найдут они свое женское счастье.

1990-е годы Н. Шамсутдинов встречал сложившимся стихотворцем, которого уже никак невозможно было спутать с кем-либо из поэтических сотоварищей. Н. Шамсутдинов участвует в различных писательских формах, как в России, так и за рубежом. Его приглашают читать лекции студентам Королевских университетов в Дании, Лионском и Варшавском университетах, Пражского института восточных языков и культур. Его стихи переводятся на языки бывших советских республик и народов России, также на английский, датский, немецкий, словацкий и другие зарубежные языки.

Н. Шамсутдинов все прочнее утверждался в поэзии Сибири.

⁶ Золотцев Ст. «Глухонемая звезда глухонемых времен...». // «Сибирские огни», 2002, №1, с. 213.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 211.

Смотрите, кто пришел...

На переломе семидесятых-восьмидесятых годов в Сибири началась новая смена литературных поколений. Подтверждением тому стал прошедший в 1982 году в Новосибирске **Всесибирский семинар молодых писателей**, организованный Союзом писателей РСФСР и ЦК ВЛКСМ. Это было первое такого рода и масштаба после Читинского и Кемеровского совещаний мероприятие. На него съехались молодые поэты и прозаики со всей Сибири. Особенностью и отличием новосибирского семинара от других ему подобных было то, что среди руководителей, помимо писателей маститых, известных, оказались и молодые литературные критики, сами недавние семинаристы.

Возможно, так громко, как его знаменитые предшественники, семинар 1982 года и не прозвучал, и такого обширного урожая ярких дарований, как Читинский и Кемеровский, не собрал, но лицо нового литературного поколения хотя бы в общих чертах проявил. И дал путевку в большую литературу некоторым действительно талантливым молодым литераторам. Так, весьма высоко была оценена проза Н. Шипилова и Т. Набатниковой.

Татьяна Алексеевна Набатникова родилась в 1948 году в селе Воеводское Алтайского края. Окончила Новосибирский электротехнический институт. Работала инженером-электротехником, редактором Западно-Сибирского книжного издательства и Центрального телевидения.

Литературную деятельность Т. Набатникова начинала с публикаций в журнале «Сибирские огни». Книги ее прозы — «На золотом крыльце сидели» (1986) и др. — выходили в Новосибирске и Москве. Произведения Т. Набатниковой можно встретить в различных антологиях, изданных в США, Японии, Германии, Финляндии, Индии. Она — лауреат различных российских литературных премий. Но все это будет позже. А тогда, в 1982-м, Т. Набатникова к обсуждению на семинаре представила свой первый сборник «Рассказы».

Чем же так привлекли они внимание руководителей семинара? Тем, наверное, что старая, как мир, семейно-бытовая тема (а именно, она, как покажет время, станет центральной в творчестве Т. Набатниковой), предстала в ином, не привычном свете. Молодая писательница всматривается в современную семью она пронизывающе-жестким, как рентген, взглядом. Уже в одном из первых своих рассказов «Тебя от ранней зари» без всяких околичностей, с полной мерой нелюбимой правды писательница показывает, что в семьях, где родители сосуществуют по привычке, либо тягостной необходимости, за коростой фальшивых приличий кроется взаимное отчуждение. Больше всего сказывается оно на детях, получающих наглядные уроки двойной морали и нравственного лицедейства. Вслед за родителями они тоже становятся неспособными к цельной, нравственно здоровой жизни. Им не на кого опереться, потому что самые близкие люди не в состоянии заложить прочный фундамент их будущей судьбы.

Правомерность подобного взгляда на проблему взаимоотношений в современной семье Т. Набатникова отстаивает и в других своих произведениях — таких, как повести «Дочь», «Дар Изоры», или роман «Каждый охотник».

Еще большим открытием Всесибирского семинара 1982 года стал Н. Шипилов.

Николай Александрович Шипилов (1946 — 2006) родился в Южно-Сахалинске, в семье офицера. С 1956 года жил в Новосибирске. Учился в авиационном техникуме, Новосибирском пединституте. Работал плотником-бетонщиком, штукатуром, слесарем, электромонтером монтером связи, артистом хора в театре оперетты, корреспондентом

том газеты «Советский воин», областного радио, помощником режиссера на студии телевидения. Вскоре после Всесибирского семинара 1982-го Н. Шипилов переехал в Москву. Был участником VII Всесоюзного совещания молодых литераторов (1984). Окончил Всесоюзные литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Заведовал отделом прозы в журнале «Литературная учеба» и отделом поэзии в газете «Литературная Россия».

Литературную деятельность Н. Шипилов начинал с поэзии. Еще в 1965 году газета «Молодость Сибири» напечатала его первые стихи. Прозаический же дебют Н. Шипилова состоялся в 1983 году, когда «Литературная учеба» опубликовала цикл его рассказов, тепло встреченный читателями и критикой. В 1986 году в Москве вышел первый сборник рассказов Н. Шипилова «Ночное зрение». Следом — книга рассказов и повести «Шаробан» (1987).

Н. Шипилов — писатель многогранный. Но прежде всего он — талантливый прозаик, автор рассказов, повестей, романов о жизни провинциальной России. Главная тема его прозы — непростой и нелегкий, нередко драматичный, а подчас и просто трагичный мир повседневности.

По словам одного из руководителей Всесибирского семинара В. Шугаева, который этого автора, собственно, и «открыл», «герои Шипилова приходят в жизнь, кажется, лишь для того, чтобы испив, так сказать, чашу страданий, перенеся множество опустошающих душу испытаний, доказать: несмотря ни на что, в сердце осталась доброта, и значит, жив человек, не пропал, не сник под осушающими ветрами»³.

В правоте его слов легко убедиться, заглянув хотя бы в рассказ, давший название первой книжке Н. Шипилова, «Ночное зрение». В центре его десятилетний мальчик с уличной кличкой Санька Облезлый. Он болен лейкозием. Санька знает, что обречен, остро ощущает трагизм своего положения. Он собирает на свалках утиль — оставшиеся с войны медные гильзы, и копит на... собственные похороны. Блажь, чудачество? Скорей мужественная подготовка рано повзрослевшего человека к неизбежному. Трагизм Санькиной жизни приобретает особенно резкие очертания на фоне здорового и безмятежного детства его сверстников. Но контраст этот нужен автору совсем не для того, чтобы ярче высветить немощность Облезлого. Им, напротив, подчеркивается недюжинная духовная сила мальчика, недетская зрелость его души.

Н. Шипилов восьмидесятых годов в творчестве своем тяготеет к сказовой манере повествования, а его проза, притчевая и философская в своей основе, во многом перекликается с прозой В. Шукшина.

Большую популярность обрел Н. Шипилов в 1980-е годы и как автор-исполнитель песен на собственные стихи. Музыкальные композиции на его тексты («После бала» и др.) исполняли многие известные певцы.

* * *

Всесибирский семинар молодых писателей смог отследить лишь некоторую (далеко не самую большую) часть талантливой молодой литературной поросли. Много делалось в этом направлении на семинарах начинающих, регулярно проводимых краевыми и областными писательскими организациями, на которых также шел усиленный и целенаправленный поиск способной перспективной молодежи. Именно через областные семинары пришли к широкому читателю ныне хорошо известные писатели Н. Шамсутдинов, В. Берязев, Н. Садур, М. Шукин, А. Кирилин, В. Хайрюзов, А. Буйлов, С. Задереев, О. Корабельников, А. Байбородин... Были и такие, кто в большую литературу попадал «самостийно», минуя всякие отборочные «сита», благодаря своей творческой неординарности.

³ Шугаев Вячеслав. Предисловие. // Николай Шипилов. Ночное зрение. Рассказы. — М., 1986, 3 с. обложки.

Но в целом приток свежих литературных сил в 1980-х годах не был столь мощным, как два десятка лет назад. Не в количественном отношении. Число пробующих себя в слове увеличивалось с каждым годом. Только вот золотые самородки в этом потоке попадались значительно реже. Да и тех, кто, сделав первые шаги на пороге восьмидесятых, прочно утвердился к началу следующего десятилетия, было немного.

Перестройка, перестройка...

А между тем в середине восьмидесятых годов произошло еще одно знаковое для советского государства событие. Со смертью генерального секретаря КПСС Л.И. Брежнева (1982) «канула в лету» эпоха не то «застоя», не то «развитого социализма». А пришедший ему на смену генсек-«реформатор» М.С. Горбачев объявил в 1985 году «перестройку». Велась она поначалу почему-то под знаменем борьбы с алкоголизмом. Впрочем, чудес и странностей у объявленной сверху «перестройки» хватало и без этого. А главное — туманны были ее цели и задачи. Туманны настолько, что и до сих пор остается загадкой, куда же все-таки и зачем тогда, в середине восьмидесятых свернуло наше общество.

Поначалу «перестройка» вызвала в среде творческой интеллигенции большой энтузиазм. Кому-то даже казалось, что это значительно круче и горячее «хрущевской оттепели». Еще бы! Гласность, свобода слова, да еще серьезное ослабление цензурных пут!.. Как одно из замечательных следствий этого — возвращение некогда запрещенной цензурой литературы. Журналы, забывая порой о существовании остальных авторов, бросились наперегонки печатать «возвращёнку»...

Кое-что было «возвращено» и у писателей-сибиряков, угодивших в свое время в идеологическую немилость. Так, в 1989 году журнал «Сибирские огни» первым в СССР опубликовал повесть В. Зазубрина «Щепка», которая при жизни автора не смогла увидеть свет, и его не переиздававшиеся с 1920-х годов рассказы «Общежитие» и «Бледная правда». В том же 1989 году «Сибирские огни» опубликовали несколько коротких новелл Варлама Шаламова из его «Колымских рассказов». Там же, в «Сибирских огнях», появились и большие стихотворные подборки поэтов Арсения Несмелова и Алексея Ачаира⁴.

Полные драматизма судьбы и творчество этих едва ли не самых ярких и талантливых стихотворцев Русского Зарубежья, во многом связанных с Сибирью, несомненно, стоят того, чтобы о них рассказать немного подробнее.

«Путь к дому»⁵

Арсений Иванович Несмелов — настоящая фамилия **Митропольский** (1889 — 1945) — родился в Москве, в семье статского советника, писателя-толстовца. Окончил кадетский корпус в Лефортово под Петербургом. Прошел Первую мировую войну от прапорщика до поручика. По впечатлениям того времени у А. Митропольского сложился сборник «Военные странички», вышедший в 1915 году в Москве и ставший его поэтическим дебютом.

Русский националист по убеждениям, революцию А. Митропольский не принял. В октябрьских событиях 1917 года в Москве он участвовал на стороне юнкеров. А в 1918 году уехал в Омск, где примкнул к Белому движению. С остатками разгромленной колчаковской армии оказался во Владивостоке, где с 1919 по

⁴ Несмелов А. Неостывший пепел строк... // «Сибирские огни», 1988, №8. Ачаир А. Ладья Хроноса. // «Сибирские огни», 1989, №11.

⁵ Название одного из стихотворений А. Ачаира. У каждого из поэтов-эмигрантов был свой «путь к дому», но у всех был он труден и драматичен.

1924 год переживал разруху и междувластие Гражданской войны, интервенцию. Здесь А. Митропольский познакомился с поэтом Н. Асеевым и прозаиком В. Арсеньевым. Свои стихи печатал в местных газетах. Во Владивостоке А. Митропольский издал и новые поэтические сборники «Стихи» (1921) и «Уступы» (1924). После установления в 1922 году советской власти на Дальнем Востоке поэт попадает под надзор ГПУ. Спасаясь от репрессий, в 1924 году он эмигрирует в Харбин, надеясь там получить полную свободу творчества.

Около двадцати лет А. Митропольский проработал в харбинской газете «Рупор». Сотрудничал и с другими местными изданиями, печатая в них под разными псевдонимами стихи, фельетоны, очерки, рассказы. Ради куска хлеба приходилось много заниматься поденщиной. Но наиболее зрелые свои вещи, публиковавшиеся в журналах «Сибирские огни», «Нива», «Рубеж», «Вольная Сибирь» (Прага), «Современные записки» (Париж), А. Митропольский неизменно подписывал псевдонимом А. Несмелов, взятым в память о друге, убитом в бою под Тюменью.

Под тем же псевдонимом в Харбине выходят книги его стихов «Кровавый отблеск» (1928), «Без России» (1931), «Полустанок» (1938), «Белая флотилия» (1942) и поэма «Протопопица» (1939). А. Несмелов становится признанным мастером и одним из лучших поэтов русского Харбина.

Большая часть творчества А. Несмелова посвящено трагической судьбе русской эмиграции. С одной стороны, поэт осознает ее как носительницу подлинно русской культуры, утраченной на исторической Родине, а с другой — видит и переживает, что старшее поколение вымирает, а молодое теряет русские корни. Гражданские мотивы в поэзии А. Несмелова звучат с особой страстностью и печалью, а пронзительная боль и безысходность в связи с утратой Родины выражена с большой художественной силой.

Творчество А. Несмелова, однако, шире и разнообразнее. Оно вмещает и эпизоды Харбинской жизни, и античные образы и мотивы, и любовную лирику... И все это отмечено поэтической самобытностью, своеобразием мировосприятия, яркой художественностью. Будучи сам человеком духовно цельным и сильным, он эти черты характера вносил и в свою поэзию, продолжая традиции любимого им Н. Гумилева. От Гумилева же и приверженность А. Несмелова к сюжетным стихам, интерес к звукописи, красочным образам, чеканным ритмам. В стихах позднего А. Несмелова усиливается религиозное звучание.

Выступал А. Несмелов и как автор коротких колоритных рассказов на темы войны и эмигрантской жизни.

В связи с захватом Маньчжурии японскими милитаристами положение в Харбине резко ухудшилось. О свободе творчества приходится забыть, а истинные свои мысли выражать языком аллегорий. Пишет А. Несмелов теперь главным образом лирические стихи, исторические поэмы и детские сказки.

После освобождения Харбина в августе 1945 года Советской Армией А. Несмелов в числе первых групп бывших белоэмигрантов возвратился на родину. В пересылочном лагере в поселке Грово Приморского края А. Несмелов скоропостижно скончался от внезапного кровоизлияния в мозг.

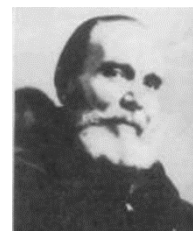
После смерти поэта его литературное наследство оказалось разбросанным по многим изданиям и практически не изученным. Литературное возвращение А. Несмелова началось в конце 1980-х годов, когда в журналах «Знамя», «Отчизна», «Сибирские огни», «Октябрь», «Юность» стали появляться подборки его стихов.

Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грызлов) — (1896 — 1960) родился в станице Ачаир под Омском, в семье полковника Сибирского казачьего войска. С золотой медалью окончил Омский кадетский корпус, но по военной стезе жизнь А. Грызова пошла не сразу.

Решив продолжить образование, поступил на инженерный факультет Петровско-Разумовской земледельческой академии (будущая «Тимирязевка»). Завершить ее на четвертом году обучения помешали революционные события. А. Грызов возвращается в Омск. В апреле 1917 года газета «Деловая жизнь» печатает его первое стихотворение за подписью Алексей Ачаир, и с этих пор название малой родины становится его постоянным поэтическим псевдонимом.

К этому времени А. Ачаир — сложившийся областник по внутреннему убеждению. Он вливается в Белое движение в Сибири. А с мая 1918 года, вступив рядовым-добровольцем в пулеметную команду атамана Красильникова, А. Грызов становится активным участником Гражданской войны.

Военного лиха А. Грызову пришлось хлебнуть сполна. Был контужен на уральской реке Белой при взрыве моста, тяжело переболел тифом. С июня 1919 года служил в штабе 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участвовал в легендарном Великом Сибирском Ледяном походе, который начинался в ноябре 1919 года от Новониколаевска и Барнаула и завершился в марте 1920 года в Забайкалье. На станции Тайга А. Грызов отморозил правую ступню и чуть не лишился ноги. Во время похода при отступлении дивизии из-под Красноярска (деревня Минино) старший урядник А. Грызов вынес дивизионное знамя, за что был удостоен Георгиевского креста. А после окончания Ледяного похода и разгрома колчаковцев в сентябре 1920 года он, к этому времени уже в чине вахмистра, через забайкальскую тайгу в одиночку пробирался к войскам атамана Семенова. Насколько тяжел и труден был этот путь, можно судить из собственного признания Грызова, которое он делает в письме от 4 июня 1927 года Г. Гребенщикова: «Вы не знаете, что семь лет тому назад я один бродил в оленьей шкуре, полубосой, голодный, дикий — по Якутской тайге моей любимой Сибири. Я слеп в тайге, я шел... ступая окровавленными ступнями на острые сухие стебли прошлогодних трав ...»⁶.

До Семенова А. Ачаир добрался и по его приказу был произведен в хорунжие. Военную службу А. Ачаир заканчивал в Приморье. В феврале 1922 года по заключению врачей он был уволен из армии по состоянию здоровья.

До октября А. Ачаир редактировал во Владивостоке газету «Последние известия», но с приходом Красной Армии и освобождением Приморья от белогвардейцев и интервентов вынужден был бежать. В конце 1922 года он попадает в Харбин, столицу русской эмиграции на Дальнем Востоке, где начинается новый, едва ли не самый значительный период его жизни.

А. Ачаир быстро вписался в харбинскую интеллектуальную атмосферу. Поначалу работал в местных газетах, а с 1924 года занимал должность «секретаря-заведующего» отдела образования ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) — организации миссионерского толка, которая вела большую культурно-воспитательную работу среди русской эмигрантской молодежи Харбина, а также преподавал в гимназии и колледже при ней. По инициативе А. Ачаира в ноябре 1925 года в стенах ХСЛМ образовался юношеский «кружок русской культуры», объединявший около двух десятков молодых людей. Назывался он поначалу «Зеленая лампа», но в 1927 году был переименован в «Молодую Чураевку» по ассоциации с «Чураевкой» Г. Гребенщикова, горячим поклонником которого был А. Ачаир. Несколько лет «Молодая Чураевка» существовала как литературная студия. Три года под редакцией А. Ачаира она выпускала свой ежемесячный «ХСМЛ-журнал». Вокруг А. Ачаира объединяется талантливая харбинская молодежь. «Молодая Чураевка» обретает все большую популярность. За восемь лет существования через нее прошла практически вся харбинская молодая литературная поросль. Маньчжурская «Чураевка» стала заметным явлением в культурной жизни русского зарубежья.

⁶ Новый журнал (Нью-Йорк), 2009, №256.

Служба на ответственном посту в крупной международной организации, преподавание, активная общественная деятельность (а был он еще и председателем Общества сибирских казаков, председателем издательской комиссии общества кадетов) отнимали у А. Ачаира, очень много времени и сил в ущерб собственному творчеству. Тем не менее, ни при каких обстоятельствах А. Ачаир литературного творчества не оставлял. Много публиковался он и в эмигрантской прессе Харбина, Шанхая, Пекина. Издал в Харбине поэтические книжки: «Первая» (1925), «Лаконизмы» (1937), «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939) «Под золотым небом» (1943).

Стихи сочинять А. Ачаир начал еще в детстве. Поэтическое его формирование происходило под влиянием разных литературно-художественных тенденций. Активно пользуется он мотивами, жанровыми формами и словарем поэзии «серебряного» века. Многие стихи А. Ачаира навеяны образностью Северянина, Блока, Вертинского, Городецкого. Значительное влияние на А. Ачаира оказал особо близкий ему по духу Н. Гумилев. Не случайно для них обоих стержневой и связующей становится «идея пути».

Географический диапазон странствий А. Ачаира не менее впечатляющ, чем у Н. Гумилева. Путь, дорога для А. Ачаира — тоже благодатная стихия, где ему вольно дышится. Но если гумилёвская «охота к перемене мест» основывалась на романтическом авантюризме и космополитизме, а сам он предстал перед читателем «гражданином мира», то «идея пути» А. Ачаира питалась другими истоками, где были и казацкие походы, и боевой опыт Гражданской войны, и скитания в таежных дебрях родной Сибири. Иной был и сам характер его пути, по которому шел он одержимый не романтической страстью, а волею трагической судьбы, вырвавшей его из родной почвы и сделавшей перекасти-полем. Вместе с тем, оторванный от родных корней лирический герой А. Ачаира остается патриотом России. Несмотря на все обиды, несет он по планете ее материнской образ («а за то, что нас Родина выгнала, мы по свету ее разнесли»).

Тема родной земли, пронизанная мотивом неизбывной любви к ней, и стала сердцевинной поэтического мироздания А. Ачаира. Сама же Россия ассоциируется у поэта, прежде всего, с взрастившей его «малой родиной» — Сибирью. Более того, обе они находятся у него в единой неразрывной «связке»: «Святая Русь — Суровая Сибирь». Сибири хранил он верность, ей посвящал в разные годы проникновенные стихи. Через ее призму смотрит он и на покинутую Россию. Именно природа Сибири отодвигает на задний план все остальные экзотические красоты мира.

В целом же Сибирь для А. Ачаира — не тема и не какой-то выигрышный для поэтической эксплуатации предмет. Сибирь для него — «отцовское наследство», которое он призван свято беречь, а с другой стороны — некая константа, устойчивое внутреннее самочувствие, противостоящее жизненным тайфунам. Даже вдали от родной Сибири А. Ачаир продолжал жить и дышать ею. Не случайно в письме Г. Гребенщикову от 28 марта 1927 года он признается: «Мне не о чем думать, кроме Сибири»⁷.

Вторая половина 1930-х — начало 1940-х годов было временем наивысшей творческой активности А. Ачаира. Его известность выходит за границы харбинского литературного круга, а с публикацией стихов в Праге, Париже, Нью-Йорке становится международной.

Многие современники А. Ачаира отмечали музыкальность его поэзии. Шла она от его собственной врожденной музыкальности. А профессиональное знание законов композиции помогло ему сполна реализоваться в жанре поэтической мелодекламации. Здесь А. Ачаир следовал очень модному тогда А. Вертинскому, поэтический мир которого и своим глубоким романтизмом и восторженной сентиментальностью был А. Ачаиру очень бли-

⁷ Новый журнал (Нью-Йорк), 2009, №256.

зок. Мелодекламации А. Ачаира пользовались у харбинской публики неизменным успехом.

В 1943 году А. Ачаир издал свой последний поэтический сборник «Под золотым небом». К этому времени в жизни русского Харбина и самого А. Грызова-Ачаира многое переменилось. В 1931 году Харбин был оккупирован японцами, и многие поэты уехали в Шанхай, Пекин и другие города Юго-Восточной Азии. А. Ачаир остался в Харбине и продолжал возглавлять «Молодую Чураевку». Правда, недолго. В 1932 году он уступил бразды своим молодым коллегам. А еще через год ее не стало.

В 1945 году Советская Армия в ходе освобождения Маньчжурии от японских оккупантов вошла в Харбин. Но А. Ачаиру, так жаждавшему встречи с Родиной, это облегчения не принесло. Как бывшего белогвардейца органы НКВД его арестовали и насильно депортировали в СССР.

Для него началась полоса новых тяжелых испытаний. Более десяти лет провел А. Ачаир сначала в гулаговских лагерях, затем на спецпоселении в поселке Байкит на севере Красноярского края, где работал учителем пения и английского языка в местной школе. Он вел большую учебно-воспитательную работу, организовывал художественную самодеятельность в школе и местном доме культуры, занимался музыкальным образованием учащихся. Коллеги-учителя и ребяташки его обожали, а когда он уехал, слали любимому учителю вослед теплые письма.

Со стихами — хуже. Писать он не перестает, но его почти не печатают. А. Ачаир переживает душевный кризис. С одной стороны, он, наконец-то, на Родине, а с другой — творчество его не востребовано.

В конце 1959 года А. Ачаир расстается с Байкитом и переезжает в Новосибирск, к бывшей своей харбинской ученице, поклоннице и любящей его женщине Валентине Белоусовой. В 1956 году В. Белоусова уехала из Харбина и обосновалась в Новосибирске. Между нею и А. Ачаиром, жившем тогда в Байките, завязывается интимная переписка. Белоусова настойчиво звала его к себе, и новый, 1960 год они встречают уже в Новосибирске мужем и женой.

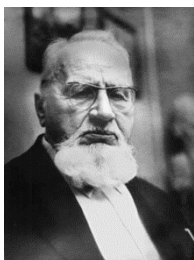
А. Ачаир поступил работать учителем пения в школу №29 и сразу же ушел с головой в музыкально-педагогическую деятельность. Кроме уроков, вел кружок эстетического воспитания, создал большой детский хор, быстро получивший широкую известность даже за пределами Новосибирской области. По воспоминаниям В. Белоусовой, «школу Ачаир любил, школой жил и ходил в школу, как на праздник».

Но все сильнее давало знать о себе небогатейское здоровье, подорванное, к тому же, лагерями, ссылкой и многими другими перипетиями его драматической судьбы. И 16 декабря 1960 года А. Ачаир, придя утром на работу, рухнул замертво от сердечного приступа прямо на пороге школы.

Похоронили Алексея Алексеевича Грызова-Ачаира на Заельцовском кладбище Новосибирска. Эпитафией поэту стали строки из его собственного стихотворения: «...На этом кособоре // Оставлен друг, чтоб вечно не забыть...».

Вспомнили «Сибирские огни» и еще об одном эмигранте-«возвращенце», опубликовав в первом номере журнала за 1990 год повесть А. Хейдока «Грешница».

Альфред Петрович Хейдок (1892 — 1990) родился на хуторе Долес в Латвии, в семье владельца мастерской по ремонту машин и сельхозоборудования. Работал на лесопильных заводах своего дяди. В Первую мировую войну служил помощником начальника военно-санитарного поезда. В 1917 году был контужен и уволен в запас. Но через год мобилизован в армию Колчака. А. Хейдок комплектует в Омске госпиталь на колесах, который под натиском Красной Армии вместе со всем колчаковским воинством отступает на восток.

Считая революцию «великим безумием», А. Хейдок в 1919 — 1920 годах выступает на стороне японских интервентов. А в 1929-м в составе

белого штаба Амурской области эмигрировал в Харбин. Там учил китайцев русскому языку. В 1940 году А. Хейдок переехал в Шанхай, где преподавал уже английский.

В 1947 году А. Хейдок вернулся в СССР. Жил в Североуральске. Работал преподавателем английского языка, юрисконсультom. В 1950 году за «письмо шпиону английской разведки С. Рериху в Индию» был арестован и репрессирован. Освободившись в 1956 году, работал в Казахстане и на Урале. С 1981 года жил в городе Змеиногорске Алтайского края.

Начало литературной деятельности А. Хейдока относится к 1929 году, когда журнал «Рубеж» напечатал первый его рассказ «Человек с собакой». А. Хейдок также автор книги «Звезды Маньчжурии» (1934) с предисловием Н.К. Рериха, философские взгляды которого в значительной мере повлияли на его творчество.

Произведения А. Хейдока привлекают внимание интригующими сюжетами, навеянными религиозными мотивами, философией, реалиями и экзотикой Востока, судьбами людей, оторванными от родного дома. Действие рассказов и повестей А. Хейдока происходит обычно где-то в «необъятном и непостижимом» Китае и во многих случаях на грани фантастики и реальности, а над героями А. Хейдока, по выражению А. Несмелова, нависало всегда «вевание крыл некой тайны»⁸.

Советскому читателю А. Хейдок до публикации в «Сибирских огнях» (а повесть «Грешница» (1988) — его последнее крупное произведение) был практически неизвестен.

Поэт вне «обоймы»

Перестройка помогала возвращать читателям не только эмигрантов или репрессированных писателей, но и некоторых литераторов уже более поздних поколений, бросивших вызов советской системе и поплатившихся за это. Одним из них был А. Кутилов.

В середине 1980-х годов, как раз на старте «перестройки» ушел из жизни один из самобытнейших русских поэтов Сибири второй половины XX века **Аркадий (Адий) Павлович Кутилов** (1940 — 1985).

Родился он в деревне Рысья Иркутской области. После смерти отца в конце Великой Отечественной войны семья Кутиловых перебирается на жительство в Омскую область. Здесь прошли детство и юность Аркадия. В Смоленске проходил он армейскую службу. Здесь случилось событие, которое резко повлияло на его судьбу. Вместе с несколькими солдатами-сослуживцами А. Кутилов устроил в расположении части выпивку. За неимением ничего иного пили антифриз. В результате отравления в живых остался только А. Кутилов. В тяжелейшем депрессивном состоянии его демобилизовали, и он вернулся в родную деревню.

Вот как об этом периоде своей службы рассказал сам поэт в автобиографических набросках: «На третьем году службы со мной приключился интоксикационный психоз, и я был комиссован. В подавленном состоянии потерял интерес ко всему, я жил в деревне, считая, что жизнь прошла мимо... Работал корреспондентом районной газеты⁹, неумеренно пил, распутничал и даже не пытался исправить положение».

В конце 1960-х, после смерти матери и брата А. Кутилов вернулся в Омск, где оказался никому не нужным. Не имея ни жилья, ни родственников, он до самой своей кончины бродяжничал. Умер при невыясненных обстоятельствах. Труп бродяги, в котором признали А. Кутилова, нашли летом 1985 года в одном из скверов Омска.

Писать стихи А. Кутилов начал в семнадцать лет. Служа в армии, ходил в местное литобъединение, участвовал в областном семинаре молодых литераторов, где его творчество заметили и высоко оценили А. Твардовский и Н. Рыленков. Стихи А. Кутилова печат-

⁸ «Врата». — Шанхай, 1935, №2.

⁹ Сначала в Омской, потом в Иркутской областях.

тают местные газеты. Он даже становится автором слов гимна Смоленска. А в 1965 году с его поэтическим творчеством знакомит своих читателей омская газета «Молодой Сибиряк». Но при жизни поэта книг его издано не было. Первая — «Провинциальная при-стань» (1990) — появилась лишь пять лет спустя после смерти А. Кутилова. Еще одним его посмертным изданием стал появившийся там же, в Омске, сборник стихов и прозы «Скелет звезды» (1998).

Начинал А. Кутилов свою литературную деятельность с прекрасных стихов о природе, с «таежной» и любовной лирики, поражавших богатством эмоций, красок, свежестью чувств, неповторимой интонацией, неожиданностью поэтических находок. И, наверное, многого мог бы он достичь (уже на пороге творческого пути ему пророчили большое будущее), если б захотел и сумел приспособиться к советской действительности.

Со временем поэзия А. Кутилова становилась все более хлесткой, разящей, беспощадно сатирической. А. Кутилов, по сути, бросил вызов советской системе, и она отреагировала на него как на злейшего врага. А. Кутилова стали привлекать за бродяжничество, за «литературные и политические скандалы», которые он время от времени устраивал, к административной и уголовной ответственности. А. Кутилов прошел советские лагеря и «психушки». Стихи его были объявлены антисоветскими, их перестали печатать, а на само имя А. Кутилова наложили категорический запрет. С середины 1970-х и до самой смерти поэт писал без всякой надежды увидеть свои стихи и рассказы опубликованными.

Ныне творчество А. Кутилова — уникальнейшего явления русской поэзии, по духу близкого П. Васильеву и Н. Рубцову — возвращается литературе и читателям.

* * *

В целом же, говоря о «возвращенной» литературе, следует отметить, что запрещенного и по этой причине неопубликованного, написанного «в стол» у сибирских писателей оказалось на поверку гораздо меньше, чем ожидалось.

«В зоне неизведанных глубин»

Горбачевская «перестройка» не особо повлияла на творчество большинства сибирских писателей. Во всяком случае, не стала для них мощным катализатором. Даже для очеркистов, которые, обычно, первыми производят «разведку боем». Им и без смутной «перестройки» хватало актуальных тем для своих произведений.

В 1980-е годы преобразовательные процессы в Сибири продолжают. Здесь по-прежнему передний край экономики. Осваиваются новые нефтегазовые месторождения, прокладываются к ним дороги и линии электропередач, возводятся такие гиганты индустрии, как Братско-Усть-Илимский территориальный производственный комплекс, КАТЭК (Канско-Ачинский энергетический комплекс) и др., появляются новые методы организации производства, научно-технический прогресс активно внедряется не только в промышленное, но и сельскохозяйственное производство, по-прежнему остро стоят экологические проблемы...

Все это находит отражение в документальной прозе как уже известных сибирских мастеров этого жанра — Г. Падерина, А. Зябрева, Л. Иванова, Л. Шинкарева, А. Приставкина, Е. Лучинецкого, А. Ананьева-Шермана, так и тех, кто еще только заявлял о себе — Н. Смирнова, В. Острога, Вен. Колыхалова, Т. Саблиной, Е. Соломенко, В. Михановского, С. Вторушина, Л. Заворотчевой, Т. Макариной...

Дальнейшее развитие в Сибири научных центров повысило и обострило внимание очеркистов и публицистов к деятельности ученых, специфике их труда. Появляется все больше произведений, посвященных научному поиску, людям, его осуществляющим. При этом материал авторами подается в различных жанровых разновидностях: это и хроники из жизни научных подразделений, и творческие портреты ученых, и репортажи из лабора-

торий, научных экспедиций, испытательных полигонов. Немалым разнообразием отличаются и художественные приемы. О буднях сибирской науки пишут в 1980-е годы многие представители художественно-документальной прозы: Р. Нотман, З. Ибрагимова и др. А в творчестве новосибирского писателя Г. Падерина тема современного научного мира становится основной.

Геннадий Никитович Падерин (1921 — 2012) родился в бурятском селе Кудара, в семье служащих. В 1939 году поступил в Новосибирский институт военных инженеров транспорта. Учебу прервала Великая Отечественная война. Поздней осенью 1941 года с

третьего курса в составе студенческой группы лыжников-добровольцев Г. Падерин был отправлен на Карельский фронт. А В 1942 году в боях под Сталинградом разрывная пуля немецкого снайпера прострелила ему бедро. Почти год Г. Падерин провел с тяжелым ранением в госпиталях. Демобилизовавшись, занялся журналистикой. Работал сначала в газете «Железнодорожник Кузбасса», затем стал специальным корреспондентом газеты «Гудок». После войны Г. Падерин окончил факультет журналистики МГУ. Заведовал отделом очерка и публицистики в журнале «Сибирские огни», возглавлял Новосибирскую писательскую организацию.

Первая книга очерков Г. Падерина «Беспокойное счастье» вышла в 1956 году в Иркутске. Всего же его перу принадлежит около тридцати книг очерков, публицистики и прозы. Большая их часть посвящена сибирской науке. Вместе с тем, писатель старался постоянно держать руку на пульсе современной ему жизни и запечатлеть разные ее стороны. Любимыми героями Г. Падерина были ученые, строители-первопроходцы, неординарные личности. Но все же главным предметом его документальной прозы оставалась наука.

Наибольшей основательности и глубины в разработке научной темы Г. Падерин достиг в документальных повествованиях «На крутизне поиска» (1978), «В зоне неизведанных глубин» (1981), «Вверх по реке времени» (1982), «К тайнам скрытой силы» (1983). О научном поиске Г. Падерин пишет как о захватывающих приключениях или детективных расследованиях. Писатель и сам ведет своеобразный поиск, открывая и представляя читателям науку в том или ином ракурсе и ее творцов. Очерки Г. Падерина информационно очень насыщены подчас просто уникальными фактами и сведениями. Но при этом они легко читаются.

Одна из сильнейших сторон очерков Г. Падерина доступность их восприятия. Рассказывая о науке и ее людях, писателю удается избегать наукообразия. Более того, его строго документальные в своей основе повествования по-настоящему художественны: есть в них и своя образность, и поэтичность. Что вполне в традиции русской научной школы, когда лучшие ее представители уже одним своим ярким стилем изложения способны были привлечь к предмету научного исследования. Очерки Г. Падерина, кроме того, сдобрены мягким юмором, который становится дополнительным художественным средством для привлечения читательского внимания.

Не чужд был Г. Падерин и художественной прозы. Здесь, правда, он не достиг высот своих очерков, но его повести и рассказы тоже интересны и увлекательны. Особенно о Великой Отечественной войне. Что совсем не удивительно, учитывая личный уникальный опыт военной жизни Г. Падерина.

* * *

Однако авторов документального жанра интересовало не только экономическое освоение Сибири, добыча ее полезных ископаемых, проблемы экологии, науки и научно-технической революции. Не обходили они вниманием историю, образование, искусство, медицину и другие сферы жизни региона. Ну а сам очерк в 1980-е годы окончательно утвердился в прозе Сибири как полноправный жанр. Он переживал пору зрелости и стабильности, имея в своем активе немало талантливых литераторов, выбравших для себя документальную прозу, активно и целеустремленно в ней работавших.

Но к очерку с публицистикой в восьмидесятые по традиции охотно обращаются как представители смежных жанров — художественной прозы, поэзии (В. Распутин, В. Сапожников, К. Лагунов, Н. Самохин, В. Коньяков и др.) — с одной стороны, так и крупные ученые (академики М.А. Лаврентьев, А.Г. Аганбегян и др.) — с другой. И это делает документальную прозу еще более полнокровной и привлекательной.

Что касается «чистой» прозы, то на творчестве ее представителей «перестройка» тоже не особо отразилась. Хотя бы потому, что лучшие писатели Сибири о гармонизации отношений человека и природы в эпоху больших экономических преобразований на сибирских просторах, о необходимости оздоровления общественного климата, о других важных социальных и морально-нравственных проблемах, связанных с преобразовательской деятельностью человека, с негативными изменениями в социальном климате заговорили еще до «перестройки».

До «перестроечной» гласности

Взять, скажем, Н. Самохина, для которого гласность задолго до «высочайшего» соизволения, стала нормой, и на многие язвы и общественные пороки он не раз обращал читательское внимание в своих произведениях образца еще семидесятых годов. В повести о дачниках **«Так близко, так далеко»** (1979), например.

«И что такое наше дачное окружение? — задается писатель вопросом. — Щупальца прогресса, наступающего на природу, или, наоборот, зеленый экран, заслоняющий природу от щупальцев прогресса? Полигон, где тренируется угрюмая собственность, или лаборатория по восстановлению утраченной любви к земле?»

Дочитывая повесть до конца, приходишь к выводу, что все вместе это оно и есть. Судя по заголовку, автор рассматривает «дачное окружение» еще и с разных степеней приближения. Вглядываясь «так близко» в колоритные фигуры дачников, представляющих различные типажи-характеры, он пытается через них увидеть «так далеко» — социальную и нравственную перспективу взаимоотношений человека и природы. И, зная, не слишком радостна эта перспектива, если заканчивается повесть таким вот криком души, но и надежды: «Поверьте нам, птицы, рыбы, зверье! Нам нельзя без вас. Ведь не зря же мы — загипнотизированные телевизорами, поработанные машинами — бежим и бежим из каменных наших джунглей посмотретья в зеркало природы: в цветы ее и деревья, в травы и воды, в трогательные комочки теплой земли...»

В 1980-е годы Н. Самохин добавлял все новые главы рассказов и повестей в свой большой разножанровый и многоплановый «роман». Одна из его «линий» посвящена дням минувшим. Начал эту линию Н. Самохин еще в семидесятые **«Рассказами о прежней жизни»** (1972) — трагикомической повестью, в которой, заглядывая в предвоенное время, показал, откуда, из каких «палестин» вышли великие рядовые Великой Отечественной войны с их верными матерями и женами. В лирико-исповедальной повести **«Где-то в городе, на окраине»** (1975) Н. Самохин рассказал уже о собственном военном детстве. А в начале восьмидесятых линия была продолжена повестями об отце-солдате **«Сходить на войну»** (1981) и матери-труженице **«Наследство»** (1982).

Взявшись за повесть «Сходить на войну» Н. Самохин сильно рисковал. Конец 1970-х, когда писалась эта вещь, был временем расцвета советской военной прозы, и создавали ее в основном люди, прошедшие фронтовыми дорогами. И, все-таки, не нюхавший пороха Н. Самохин рискнул. Во-первых, потому что задался целью написать «не о войне — о человеке на войне», что само по себе уже не менее ценно, ибо «росла цена не только тому большому, что совершил народ, но и тому малому, что сделал каждый». Во-вторых, потому что у писателя был свой солдат, о котором никто, кроме самого автора повести, не смог бы рассказать.

Каким же увидел Н. Самохин своего солдата? Очень обыкновенным, даже каким-то заурыдным. Он и на войне пробыл всего шесть дней (как раз о них и ведется рассказ), пока не ранило, и не совершил ничего особенного. Однако рисовать его более впечатляющим, геройским автор не стал. Потому что бойца своего он видел именно таким вот «чернорабочим войны». Не случайно она и началась для него так же обыденно, «как работа — как уборка, допустим, сев или тот же покос», да и вообще войну понимает самохинский солдат как тяжелый изнурительный труд. И вынужденный. В связи с чем, кстати, проясняется и глубинный смысл названия повести.

В самом деле, почему именно «сходить» на войну, а не «пойти», как, вроде бы, гораздо логичнее? Уместно ли употребление глагола, обозначающего разовое, эпизодическое действие применительно к такому глобальному событию, как величайшая в мировой истории война? Ближе знакомясь с героем повести, приходишь к выводу, что не только уместно, но по отношению к таким, как он, пожалуй, и единственно верно, поскольку для них война — нечто временное, серьезному мужику навязанное, и уж вовсе бесполезное в сравнении с главным мужицким делом — добытием хлеба насущного. Недаром же самохинского солдата — потомка крестьян и заводского рабочего — в войне поражает, прежде всего, ее разорительность и бесхозяйственность. И в наивном этом удивлении как нельзя лучше выразилась миролюбивая суть русского воина-труженика.

Надо сказать, что название «Сходить на войну» смутило многих литературных деятелей того времени. Оно резало слух и как бы приносило образ солдата-победителя. Но автор увидел его именно таким, не героичным, вопреки сложившимся стереотипам. При этом избрал предельно зримым, конкретным, достоверным. И не побоялся показать временами смешным, нелепым, даже и трусоватым, отчего его герой стал только живее и убедительнее.

Но вот что примечательно. При всей своей индивидуальности, он не имеет имени собственного. «Отец», «батя», «солдат» — называют его в повести те, кто с ним соприкасается. И не от авторской забывчивости эта анонимность. За безымянностью героя повести «Сходить на войну» — тысячи малозаметных безымянных героев Великой Отечественной, о которых еще предстоит рассказать. И нельзя не присоединиться к словам писателя, которыми он заканчивает повесть: «И разве не заслуживают они бессмертия? Разве не заслужил его каждый человек, честно проживший свою жизнь, честно выполнявший свой долг перед нею? Перед нами?»

Слова эти в полной мере относятся и к Клавдии Артамоновой из повести «Наследство». Как ледокол в тяжелых льдах, обдираясь о невзгоды и лишения (и батрачила, и голодовала, и умирала от болезней), вела она свой семейный караван к лучшим, счастливым дням. И «всю себя отдала другим, всю свою жизнь — словно в землю высеяла». Жизнь Клавдии Артамоновой тоже можно назвать подвигом во имя тех честных и чистых людей, которых она растила в детях своих. И без таких вот материнских подвигов едва ли возможны все остальные: ратные, трудовые...

«Что посеешь, то и пожнут...» — так заканчивается повесть «Наследство». Истина, вроде бы, и банальная, но доказывать ее всякий раз каждому приходится заново. Рассказав

о мальчишке с заводской окраины, немолодом солдате и матери, всю себя отдавшей детям, Н. Самохин сумел заново и по-своему эту истину доказать. И не для себя одного. Для новых и новых читателей.

Н. Самохин честно заседал свою литературную полосу. Он стремился писать так, чтобы люди, прочтя его произведения, становились добрее, чище, нежнее друг к другу. Чтобы человека даже тогда, когда прочтет он о чем-то печальном, горьком, даже трагическом, не оставляли, как поется в песне Окуджавы, три сестры милосердия — Вера, Надежда, Любовь. В этом видел Н. Самохин свое писательское предназначение. И исполнял его, пока билось сердце (в январе 1989 года писателя не стало), свято, истово...

И снова о том, «что с нами происходит»

Не пытались открывать каких-то новых «Америк» после объявленной «перестройки» и многие другие писатели-сибиряки. В первую очередь правофланговые советской прозы В. Астафьев и В. Распутин, оказавшиеся, как показала та же «перестройка», провидцами, ибо проблемы, поставленные ими в «Царь-рыбе» и «Прощании с Матёрой» за десять лет до нее в 1980-х, не только не потеряли своей актуальности, но еще сильнее обострились. А болезненный шукшинский вопрос «что с нами происходит?» зазвучал в перестроечные годы с особой тревогой и горечью. И не случайно оба писателя спустя десятилетие возвращаются к начатому ими в тех произведениях разговору.

О повести В. Распутина «Пожар» выше уже упоминалось. О романе В. Астафьева «Печальный детектив», появившемся практически через полгода, в январе 1986 года, напомним. А заодно вспомним роман еще одного сибирского прозаика, на то время гораздо менее известный, — «Имя для сына» М. Щукина.

Все три произведения близки по своему социальному пафосу и нравственным мотивам. Объединяет и то обстоятельство, что их герои живут в провинциальной России. Через преломление глубокой российской жизни авторы и пытаются увидеть и понять, что происходит в обществе. И здесь не просто угол зрения, ракурс, а позиция, суть которой в том, что, по словам М. Щукина, «прямо и честно надо было смотреть на свою родную землю. И видеть ее такой, какая она есть, не приукрашенную, но и не охаянную». Такой и рисует ее на своем полотне М. Щукин, а с ним В. Распутин и В. Астафьев — непросто, болезненно освобождаясь от уходящего, отживающего и трудно идущую навстречу новому, наступающему.

Конфликт уходящего с наступающим лежит в основе всех трех произведений. Он движет поступками героев романа М. Щукина, и в первую очередь молодого журналиста Андрея Агарина, разоблачающего матерого делягу и взяточника, председателя райпо Козырина и его пособников. Аналогичный конфликт диктует поведение персонажей распутинского «Пожара». На пороге неясной пока ему жизни стоит и главное действующее лицо романа «Печальный детектив», бывший оперуполномоченный Леонид Сошнин, вынужденный по инвалидности оставить службу в милиции. И перед каждым из них остро встают традиционные, в общем-то, но непреходяще злободневные для русской литературы вопросы «чем живем?» и «как на свете жить?»

Продиктованы они не только наличием своего рода «пограничной ситуации», в которой оказываются герои этих произведений, вынужденные прокладывать себе новый курс в житейском море. Задаются они всей окружающей действительностью, поскольку и то хорошее, и то плохое и даже то странное, что сумели разглядеть в текущей жизни авто-

ры «Пожара», «Печального детектива» и «Имени для сына» к восьмидесятым годам все более приобретало характер общенациональных проблем. Тех, прежде всего, которые касались разложения и перерождения определенной части обитателей российской глубинки, чему немало подтверждений мы найдем во всех трех произведениях, но, пожалуй, больше всего в «Печальном детективе».

Однако эти «подтверждения» так бы, наверное, и остались иллюстрациями на тему «чем живем», не задумайся авторы о причинно-следственных связях возникновения и гипертрофированного разрастания грибка опасной общественной плесени, не попытайся осмыслить происходящее не только социологически, но и философски, и не наполнить собственными болью, гневом, сомнениями плоть и дух своих произведений.

А размышляют они прежде всего о природе добра и зла — извечных противоположающихся началах человеческого существования, о причинах и истоках их возникновения, о взаимодействии в современном мире, ибо вне всего этого до конца понять, «что с нами происходит» едва ли возможно, тем более получить хотя бы приблизительный ответ на вопрос: «Как на свете жить?»

Но вот какую чрезвычайно опасную особенность нынешнего сосуществования добра и зла отмечает В. Распутин в «Пожаре»: вековые границы между ними стали размываться, «а добро и зло перемешались». В результате чего «не естественная склонность к добру стала мерилom хорошего человека, а избранное удобное положение между добром и злом, постоянная и уравновешенная температура души».

Это больше всего и тревожит поборников добра и справедливости, таких, как Егоров, Сошнин или Агарин. Ведь они по большому счету выступают не просто против отдельных недостатков, каких-то злоупотреблений, не только и не столько против неприемлемых методов руководства. Борьбы идет, прежде всего, за душу человека, за чистоту и прочность его нравственных устоев. В том и состоит главная художественная задача авторов «Печального детектива», «Пожара», «Имени для сына», которую М. Щукин выразил уже в эпиграфе, взяв стихи В. Федорова: «Сердца! Да это же высоты, которых отдавать нельзя». В том и суть тревоги: «Ведь души, как и земля, не могут быть в запустении».

А это значит, что, думая о пользе дела, материальной и экономической выгоде, о научно-техническом прогрессе, о разного рода преобразованиях и перестройках в городе и деревне, ни на мгновение нельзя забывать, что за всем этим стоят люди, и от того, какими они будут, зависит, во что превратятся их деяния. Мысль хоть и не новая, но, увы, слишком часто и повсеместно в преобразовательском пылу и рвении игнорируемая. И пока процесс технический будет опережать прогресс духовный, в мире не уменьшится ни зла, ни лжи, ни подлости, ни других пороков человеческих. Поэтому, чтобы не дать расплодиться крапивному семени бездуховности, художник не может, не имеет права успокаиваться. Вот еще почему так высок накал повести «Пожар», романов «Печальный детектив», «Имя для сына».

Сила и особая их ценность не только в острокритическом пафосе, глубоком проникновении в суть негативных явлений, но не меньше и в том, что в них есть кому противостоять «безумию, дикости». Иван Егоров, Леонид Сошнин, Андрей Агарин... Их, людей разных поколений, объединяет цельность, совестливость, обостренная жажда справедливости. И каждый своим внутренним миром в той или иной мере, с той или иной степенью приближения отвечает на вопрос, каким должен быть «настоящий человек» и «герой нашего времени».

Близость «Пожара», «Печального детектива», «Имени для сына», особенно осязаемая в постановке социальных и нравственных проблем, антимещанской направленности, сходстве общечеловеческих мотивов, при всей оригинальности, самобытности каждого из этих произведений, обнаруживается и в ходе поисков художественных средств.

Верный себе, В. Распутин повесть «Пожар» строит на экстремальной ситуации. Пожар орсковского склада в Сосновке сделал явным то негативное, до поры отчетливое не

видимое, что долго копилось, готовясь прорваться наружу. Да и люди в безжалостном пламени этого пожара высвечены предельно ярко и контрастно.

Примечательной чертой романа М. Щукина является детективная основа его сюжетной канвы: одно расследование, журналистское, сменяется другим — уголовным. Это помогает автору лучше уяснить механизм преступления Козырина и почувствовать глубину его падения, способствует динамизму и напряженности повествования. Хотя, с другой стороны, «Имя для сына» вполне традиционный, многоплановый, многонаселенный роман, захватывающий многие человеческие судьбы и проблемы бытия советского общества семидесятых годов и вплоть до перестроечных времен.

А вот В. Астафьев в своем романе дает волю стихийности повествования, своего рода «поток сознания», стремясь, видимо, к максимальной свободе художественного выражения и изображения.

В середине восьмидесятых годов известный советский писатель В. Катаев писал: «...Задача каждого пишущего заключается в том, чтобы как можно быстрее вовлечь читателя в активное осмысливание всего того, что происходит в данное время в стране и в мире, что помогло бы скорейшему росту его общественно-политического сознания, укреплению его гражданской позиции, заставило бы тут же, немедленно включиться в борьбу с недостатками, преодолевать сложившиеся трудности, активно вмешиваться в производственную и социальную жизнь общества. В этом и состоит сила литературы»¹⁰.

И авторам «Пожара», «Печального детектива», «Имени для сына»¹¹ с этой задачей удалось справиться. О чем свидетельствуют, в том числе, и бурные дискуссии читателей и критиков, развернувшиеся после выхода их произведений. Но если полемика вокруг В. Астафьева и В. Распутина — дело обычное для этих признанных литературных мэтров (фактически каждое крупное их произведение не оставалось без оживленной реакции читателей и критиков), то молодой прозаик из Новосибирска М. Щукин был для читающей и критикующей публики пока еще «темной лошадкой», terra incognita.

Михаил Николаевич Щукин (1953) родился в селе Мереть Сузунского района Новосибирской области, в крестьянской семье. Учился в Новосибирском книготорговом техникуме, на факультете журналистики Уральского государственного университета. Работал в районной газете «Новая жизнь», был собкором газеты «Советская Сибирь», еженедельника «Литературная Россия», журнала «Огонек».

Точкой отсчета литературной жизни М. Щукина можно считать публикацию подборки рассказов в начале 1978 года в журнале «Литературная учеба». Свою прозу М. Щукин в дальнейшем печатал в журналах «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Наш современник». На VII Всесоюзном совещании молодых писателей сборник рассказов М. Щукина был одобрен и рекомендован для издания. И в 1980 году в Москве вышла первая книга молодого прозаика «Посидели, поговорили». Следом — еще несколько, изданных в Москве и Новосибирске и имевших немалый успех. В 1980-е годы произведения М. Щукина публиковались в Чехословакии, ГДР, Болгарии. А роман «Имя для сына», тираж которого в одной только «Роман-Газете» составлял 3,5 миллиона экземпляров, был отмечен премиями Ленинского комсомола и Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского.

С первых же шагов в литературе М. Щукин заявил о себе, как писатель злободневный, остросоциальный, стремящийся к беспощадной правде и глубокому осмыслению происходящего в нашей жизни. А это было в то время совсем не просто.

¹⁰ В. Катаев. Душа и слово. // Литературная газета. — 1986, 16 апреля, № 16.

¹¹ Более полно и подробно об этих произведениях можно узнать в статье А. Горшенина «Уходящее и наступающее. // «Сибирские огни», 1987, №6, с. 141 — 154. То же в кн. А. Горшенин. Чем живем. — Новосибирск, 1989, с. 48 — 85.

К середине 1980-х годов приток свежих сил в литературу нашу был уже достаточно силен, но мало кто из молодых говорил жизни предельно честно и правдиво, с высочайшей мерой ответственности за сказанное слово.

Не следует, однако, думать, что остальные не делали этого в силу своей трусости, конъюнктурности, либо по каким-то еще неприглядным мотивам. Все далеко не так однозначно просто. По признанию того же М. Щукина, «наше поколение, родившееся в пятидесятых, входило в самостоятельную жизнь с «расщепленным» сознанием: слышали мы одно, видели — другое...»¹². И это не могло не отразиться на творческом становлении молодых писателей, воспитанных в атмосфере полугласности, полуправды, на словах приобщенных, а на деле отлученных от решения важных социальных задач. В результате, подавляющее большинство их оказалась просто не готовыми к тяжкому бремени полной правды, которую следовало не только суметь донести, но и стоять за нее до конца.

М. Щукин был в числе немногих исключений, кому удалось вырваться из этого порочного круга. И в первую очередь благодаря, говоря его же словами, «честной литературе», которую из числа писателей-сибиряков представляли, прежде всего, В. Шукшин, В. Астафьев, В. Распутин. Наверное, поэтому и сам М. Щукин с романом «Имя для сына» смотрится в этой блистательной компании вполне логично и органично. И совсем не случайно. Что и стремился доказать молодой писатель в каждом следующем своем произведении.

Практически одновременно с «Именем для сына», с разницей всего в полгода увидела свет повесть М. Щукина «Оборони и сохрани»¹³. Посвященная сложным процессам, происходящим в жизни современного сибирского села, она во многом продолжает и развивает основные идеи и образы предыдущего романа. В центре ее молодой бригадир подрядного звена Иван Завьялов, осваивающий новые формы крестьянской работы. Но повесть «Оборони и сохрани» — не столько о прогрессивных методах хозяйствования, сколько о нечто гораздо более важном, без чего бессмысленны самые передовые способы работы, — об отношении земледельца к своему делу. Мысль о личной ответственности за общее дело и судьбу родной земли, на которой и ради которой оно это делается, проводится автором через все произведение, приобретая к финалу поистине символически-философское звучание.

«Оборони и сохрани» — это своего рода повесть-предупреждение. Оборони и сохрани от губительного безразличия и равнодушия землю свою, человек, оборони и сохрани от наплевательского отношения великое «хлебное дело», оборони и сохрани от корысти и цинизма, безверия и бездуховности самого себя, человек...

Как и Агарин, Завьялов получился у автора живым, полнокровным. Чувствуется, что люди этого склада вообще очень близки М. Щукину. Лучшие его герои — а это, помимо того, семейство хлеборобов Матушкиных и девушек-трактористок из «Журавлихинских повестей» (1982), егеря Степан Берестов из романа «Грань» (1990) — лидеры по духу своему, преобразователи и борцы за оздоровление общества, заряженные сильной созидательной энергией. На таких писатель и гражданин М. Щукин возлагал большие надежды.

Немало усилий в 1980-е годы М. Щукин приложил также к исследованию социального поведения и нравственного здоровья своего разноликого современника. Результатом чего стали его повести «Жестокий спрос» (1984), «Рядовой случай» (1988) и др.

Размышляя о том, что он как читатель, писатель и, наконец, издатель ждет от молодой литературы, Г. Бакланов, тогдашний главный редактор журнала «Знамя», в середине восьмидесятых писал: «Хотелось бы в числе книг, повлиявших на моральный, нравственный климат общества, видеть книги молодых. К сожалению, их пока еще нет»¹⁴.

Но уже появлялись предвестники. Киги М. Щукина тому подтверждение.

¹² «Молодая гвардия», 1987, №9, с 285.

¹³ «Сибирские огни», 1986, №8-9.

¹⁴ «Литературная Россия», 1986, 10 ноября, №41.

Сложившийся к 1980-м годам круг тем и проблем продолжали осваивать и другие сибирские прозаики.

Появляются новые повествования о военном детстве — «Чалдоны» А. Черноусова, «С неба звездочка упала» М. Шангина (оба — 1981) и Великой Отечественной войне — «Славяне» (1985) Вяч. Сукачёва, «Северное сияние» (1987) М. Мельникова. Освоение Нефтяного Приобья нашло отражение в романах В. Колыхалова «Кудринаская хроника» (1984) и «Урманы Нарыма» (1987). Человек перед лицом природы оставался главным объектом внимания в романе Е. Гущина «Храм спасения» (1985).

Продолжилось художественное освоение исторической тематики. Хотя и в количественном, и в качественном отношении менее заметное, нежели в предыдущие десятилетия. Здесь можно отметить романы И. Елегечева «Зима» (1983) о протопопе Аввакуме; С. Залыгина «После бури» (1986) о Сибири времен нэпа; К. Балкова «Байкал – море священное» (1989), рассказывающий о жизни бурятского народа в разные периоды его истории; И. Кудинова «Окраина» (1980), «Каракорум» (1986) и «Переворот» (1987) о зарождении сибирской интеллигенции в XIX веке.

«Где мы? Куда мы? Кто мы?..»

Из сибирских прозаиков заметнее всего, пожалуй, «перестройка» повлияла на творческий облик **Владимира Сапожникова**.

Первым откликом на нее стала у него небольшая, но горькая исповедальная повесть «Родительская суббота» (1985), где герой-рассказчик, возвращаясь в места своего детства, вспоминает родных ему людей, по судьбам которых прошла разрушительная коллективизация и репрессии.

Вообще же В. Сапожников восьмидесятых — больше историк, социолог и публицист, нежели художник. И к формам тяготеет более крупным.

Через год после «Родительской субботы» увидел свет роман В. Сапожникова «Сергей Никонов. (Предтечи)». (1986). И если «Родительская суббота» построена на переключке прошлого с настоящим, то в романе предметом художественного осмысления становится в определенной мере сама история.

В центре романа — профессиональный историк, ученый. И не просто ученый, а человек, дерзнувший в жестокие сталинские времена мыслить не по утвержденному идеологическому шаблону. С детства Сергея Никонова привлекала личность Петра Великого. Царь-реформатор и в собственной его судьбе сыграл решающую роль. Дело в том, что темой научной работы Никонов выбрал деятельность Петра, причем ту ее сторону, за которую царь был наречен «отцом отечества». Но, изучая документы, Никонов пришел к неожиданным выводам: не гуманистом, а деспотом и палачом, отправившим на эшафот тысячи невинных людей, был царь-преобразователь. И Никонов решается на неслыханную для своей эпохи (1940 — 1950-е годы) смелость — показать, что многие великие деяния Петра были по существу преступными. Попытка такой переоценки канонизированной советскими историками фигуры Петра стоила молодому ученому карьеры и аукнулась многими в дальнейшем жизненными невзгодами.

В. Сапожников всегда был не только художником большой изобразительной силы, но и писателем остросоциальным, чутко улавливающим общественные настроения. Не всегда, правда, и не обо всем удавалось ему с достаточной мерой правды и откровенности высказаться. Чаще всего не по вине своей и немочи, а по причине всеобщей недозволенности. Поэтому, видимо, самые откровенные произведения его появились уже когда писатель находился в «возрасте осени». И «несвоевременность» эта стала еще одной сердеч-

ной болью писателя В. Сапожникова. Ею пронизаны два крупных повествования, появившихся во второй половине 1980-х годов: «**Хождение по Енисею Великому в поисках того, сам не знаю чего, а так же экзотик и опасных приключений в лето второе от начала перестройки**» и «**Распятие с бриллиантами**», опубликованные в журнале «Сибирские огни» в 1989 и 1990 годах соответственно.

«Мы запаздываем, мы постоянно запаздываем, теряя поколения, и юные еще спросят с нас, какое мы имеем право молчать, говоря всю правду лишь у себя на кухне. Спросят, почему парадная ложь всегда звучала для народа оглушительно громко, а *правда* — лишь робким шепотом. Теперь-то я вижу, что все свои книжки я написал шепотом, и то, что я не один из страха и покорности стадной «наступал на горло собственной песне», — утешение слабое».

Кто же мешал говорить громко? Да «тот самый раб, которого классик призывал каждый день выдавливать по капле», — утверждает В. Сапожников в «Распятии с бриллиантами», а в более позднем рассказе «Свободен» находит очень точный образ рабского страха.

Однажды, гуляя в лесу, он увидел попавшего в капкан зайца. Обезумев от страха, зверек пытался вырваться на волю, и герой рассказа вдруг понял, что и он сам тоже всю жизнь прожил в капкане страха. И нет, пожалуй, ничего хуже того капкана, потому что «власть страха — самая страшная, самая постыдная». И, даже освободившись, не сразу обретаешь истинную свободу.

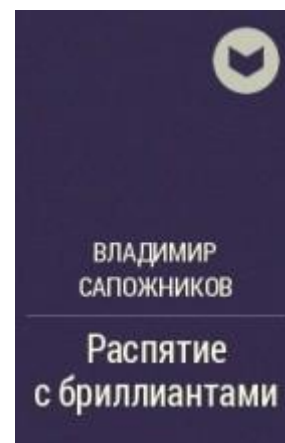
Не сразу обрел ее и В. Сапожников, но, безусловно, повествования «Хождения по Енисею Великому...» и «Распятие с бриллиантами» стали поворотными на этом нелегком пути. Писатель делится здесь множеством интересных жизненных наблюдений, знакомит читателей с колоритными фигурами, встреченных им в путешествии по Енисею, в поездке в Ленинград (они-то и послужили основой произведений), однако все-таки привлекают оба повествования больше постановкой острых больных вопросов, на которые автор пытается обратить наше внимание. «Где мы? Куда мы? Кто мы?..» — вот их главная суть. Но, признается В. Сапожников, «мне горько от этого незнания найти ответы на горькие свои вопросы».

Эти повествования вызвали бурный читательский резонанс. «Литературная газета» предоставила В. Сапожникову целую полосу для обзора читательской почты. А сам писатель на материале ее огромного потока написал еще одну (теперь уже документальную) повесть «**И все-таки кто виноват? И все-таки что делать?**», увидевшую свет в «Сибирских огнях» (1989 — 1990), где, как и в предыдущих, пытался разобраться, «куда, зачем и ради чего оторвались от оседлых берегов и пустились искать неведомо чего».

Драматургия как отражение «перестроечных» процессов. И не только

Заметное оживление в годы «перестройки» ощущалось в драматургии, которую волновали в это время те же, по сути, злободневные вопросы, на которые обращал внимание своего читателя В. Сапожников. Задаваемые «перестроечной» жизнью, острые и прямые, они требовали такого же адекватного ответа от драматургов. Вполне закономерно, что и пьесы 1980-х годов становятся все более гражданственными и публицистичными. Правда, для сибирской драматургии послевоенных десятилетий и то и другое скорее традиция, заложенная, прежде всего, пьесами В. Лаврентьева, нежели какая-то особенность, родившаяся под «перестроечными» ветрами. Хотя и их влияние в данном случае тоже очевидно.

Театровед Л. Баландин большинство произведений драматургов-сибиряков восьмидесятых годов отнес к разряду «социологической драмы». И к наиболее ярким ее явлениям причислил пьесы Р. Солнцева и А. Косенкова.

Красноярский поэт и прозаик **Роман Солнцев**, начинавший свой литературный путь еще во времена хрущевской «оттепели», в 1980-е годы в полной мере проявил себя еще и как талантливый драматург. К середине восьмидесятых он был автором более десятка пьес, которые шли во многих театрах страны и за рубежом. По ним создано несколько телефильмов и телесериал «Трое на красном ковре». А художественный фильм «Торможение в небесах» по сценарию Р. Солнцева получил Гран-при на международном кинофестивале в Страсбурге (1993).

Большинство драматургических произведений Р. Солнцева отличаются предельной заостренностью социально-нравственной проблематики и воспринимаются как откровенный разговор со зрителем о том, что происходит вокруг, о наблевшем. И как художник, и как гражданин Р. Солнцев не мог не вести такого разговора. Его творческая работа всегда шла бок о бок с активной общественной деятельностью, благодаря которой он находился в гуще и внутри происходящих перемен. В 1989 году Р. Солнцев был избран депутатом Верховного Совета СССР, где стал членом Комитета по вопросам борьбы с преступностью, и вместе с коллегами прикладывал немалые усилия для ее искоренения.

Все это в той или иной мере отражалось в поэзии, прозе, но в первую очередь в пьесах и сценариях Р. Солнцева. В чем легко убедиться, познакомившись с такими, например, характерными для него пьесами, как «Поверю и пойду» (1979), «Никакой Пылаев» (1983), «Статья» (1986), или «Жизнь страуса» (1989), посвященными теме демократизации страны, новый виток которой разворачивался как раз в 1980-е годы.

Пьесы Р. Солнцева этих лет, по мнению Л. Баландина, «говорят о воспитании ответственности каждого за судьбы прогресса, обращены к чувствам гражданственности и утверждают гражданственность как высшее мерило социальной ответственности», ну, а «сила и убедительность пьес Солнцева в том, что... драматург раскрывает свою мысль через конкретные характеры в исторически определенный отрезок времени» и создает свои публицистические пьесы «на основе арбузовского принципа ненавязчивой дидактичности, при которой откровенная тенденциозность автора включается в самую суть сценического конфликта, проходит через дела, помыслы, судьбы центральных героев»¹⁵.

И «совершенно иной подход к драматургическому действию у Александра Косенкова, отмечает Л. Баландин. — Его стихия — действие, выраженное через поступок»¹⁶.

Александр Федорович Косенков родился в 1940 году в городе Дмитриеве-Льговском Курской области, в семье военнослужащего. В 1953 году их семья навсегда переехала в Сибирь. После школы Косенков трудился на строительстве Братской ГЭС электрослесарем, монтажником. Окончил факультет журналистики Иркутского университета. Работал в иркутских газетах, в литературной редакции Иркутского телевидения, в киноредакции Братской студии телевидения. После окончания сценарного факультета ВГИКа был старшим и главным редактором «Новосибирсктеелефильма», главным редактором ГТРК «Новосибирск». В творческом багаже А. Косенкова десятки документальных и несколько телевизионных художественных фильмов. Косенков-кинодокументалист отмечен многими премиями, призами и дипломами всесоюзных, всероссийских и региональных фестивалей телефильмов, в том числе и Всесоюзной премией Киноакадемии (1976). А за фильм «Дни будущих Будд» он был удостоен Гран-при на Международном фестивале этнографических фильмов.

Так что свою первую пьесу «Степанов мост» А. Косенков написал в 1980 году будучи уже сложившимся сценаристом и режиссером. Его пьесы «Тепло для путника», «Берег

¹⁵ Баландин Л. Современная сибирская драматургия. // «Сибирские огни», 1988, №4, с. 157.

¹⁶ Там же.

розовых чаек», «Обсуждению подлежит», «День шестой», «Последний парад» и др. с успехом шли во многих театрах России, в том числе и Малом театре в Москве, в театрах ближнего и дальнего зарубежья. А по пьесе «Ночь на размышление» (1986) «Союзтелефильм» поставил в 1989 году двухсерийный художественный фильм.

А. Косенков одинаково уверенно чувствует себя как в драме, так и в комедии, а нередко в его пьесах происходит жанровое взаимопроникновение, рождая оригинальный драматургический симбиоз.

Творчество Косенкова-драматурга начиналось на закате брежневского «застоя» и набирало силу в годы «перестройки». И это наложило определенный отпечаток на тематику и проблематику, на выбор героев и конфликтов его первых пьес. В целом, они были рождены под знаком «производственной» прозы. Но уже и в них заметно все усиливающееся стремление драматурга к новому уровню художественного осмысления. И к концу 1980-х годов производственная тематика навсегда уходит из пьес А. Косенкова. Их действие происходит теперь где угодно — в тундре, в зоне военных действий, в дурдоме, больнице, доме престарелых, но только не на производстве.

Немало способствовала тому и сама жизнь, обостряя извечные и ставя новые вопросы, требующие ответа. И в первую очередь на животрепещущий в любые времена вопрос о том, как жить, чтобы, несмотря ни на что, оставаться человеком. Поиском ответа на него А. Косенков с конца восьмидесятых в своих пьесах, собственно, и занимался.

Пьесы А. Косенкова отличаются одной важной особенностью: будучи злободневно социальными, они поднимают одновременно и острее нравственно-этические проблемы. А некоторые из его драматических произведений и вообще представляют собой своеобразные социально-психологические метафоры больной российской действительности.

Что касается «подхода к драматургическому действию», то, как правило, А. Косенков берет экстремальную ситуацию и на ее изломе высвечивает героев пьесы, перед которыми сложившиеся обстоятельства ставят ребром серьезную нравственную дилемму.

В полной мере проявив свой драматургический талант переломе 1980 — 1990-х годов, А. Косенков и в дальнейшем оставался одним из интереснейших сибирских и российских драматургов.

Л. Баландин выделил лишь двух наиболее интересных, на его взгляд, сибирских драматургов нового литературного поколения, заявившего о себе в первой половине восьмидесятых. Но ими оно не ограничивалось. Что доказала на практике **Экспериментальная лаборатория драматургов и режиссеров Сибири и Дальнего Востока**. Начало ей положили директор Омского театра драмы Мигдат Ханджаров, режиссер театра Артур Хайкин и драматург Николай Анкилов. Это творческое объединение ставило своей целью облегчение драматургам сценической реализации их произведений. «Лаборатория» при Омском академическом театре драмы по постановлению Министерства культуры РСФСР приступила к работе в октябре 1983 года и просуществовала до 1991-го.

Занимаясь поиском талантливых авторов и постановщиков, а так же новых путей развития театрального искусства, «лаборатория» за сравнительно недолгий срок существования сумела «открыть» целую плеяду интересных сибирских драматургов — помимо Р. Солнцева и А. Косенкова, Ю. Мирощниченко, Ю. Князева, В. Солодова, С. Лобозерова, З. Ибрагимову, В. Шапошникова и др.

Говоря о сибирских драматургах, чье творческое становление происходило в 1980-е годы нельзя не вспомнить В. Гуркина — автора знаменитой пьесы «Любовь и голуби».

Владимир Павлович Гуркин (1951 — 2010) родился в деревне Васильево Верхне-Городковского района Пермской области, в семье

тракториста. В 1958 году семья Гуркиных переехала в город Черемхово Иркутской области. Здесь Владимир окончил школу, а в 1971 году — актерское отделение Иркутского театрального училища. Был актером в Иркутском ТЮЗе, Амурском областном театре драмы (Благовещенск), Омском драматическом театре, московском театре «Современник».

Пробовал себя и на режиссерском поприще. По приглашению О. Ефремова работал в МХАТе имени А.П. Чехова помощником главного режиссера. Много времени и сил отдавал театральной молодежи. В 1989 — 1991 годах был художественным руководителем Смоленского молодежного театра. А при МХАТе в помощь молодым драматургам, режиссерам и театральным критикам организовал творческую лабораторию, семинары которой проводил в разных городах России.

Последние годы жизни В. Гуркин жил и работал в Черемхово. В местном драматическом театре он поставил четыре спектакля, три из которых — по собственным произведениям. Самой успешной из них оказалась постановка по его «роману для сцены» «Плач в пригоршню», куда режиссер В. Гуркин привлекал даже местных жителей. Этот спектакль стал настоящим реквиемом черемховским шахтам и шахтерам, да и вообще всем шестидесятым годам, нашедших в нем свое сценическое воплощение.

Рождение Гуркина-драматурга произошло в Омске, в котором Владимир Павлович жил с 1976 года. Здесь в 1979 году он написал свою первую пьесу «Зажигаю днем свечу...» («Андрюша»), которая в 1980-м была поставлена в Омском драматическом театре. Годом позже там же, в Омске, была написана пьеса «**Любовь и голуби**». Именно она

сделала В. Гуркина знаменитым. Впервые пьеса увидела свет в 1981 году на сцене московского театра «Современник». Спектакль с успехом шел подряд 19 театральных сезонов (до 2001 года). Ставился он и во многих других театрах страны. А в 1984 году режиссером В. Меньшовым по пьесе был снят одноименный фильм, имевший колоссальный успех и ставший поистине культовым. На I международном фестивале кинокомедий в испанском городе Малага «Любовь и голуби» получили первую премию.

В. Меньшов называл пьесу «Любовь и голуби» шедевром русской драматургии. С. Юрский, сыгравший в фильме одну из самых заметных ролей, окрестил «Любовь и голуби» современной русской сказкой. Можно добавить, что пьеса эта стала без преувеличения своего рода народной песней в российской драматургии второй половины двадцатого столетия. Она не касалась социальных процессов и сиюминутной злободневности, зато проникала в самую глубину и суть исконной народной жизни и народного русского характера. Чем, прежде всего, была притягательна и ценна. Как и все творчество В. Гуркина.

В. Гуркиным создано за творческую жизнь около десятка пьес для взрослых и детей, драм и комедий и несколько киносценариев. Спектакли по его пьесам до сих пор имеют зрительский успех. В 1997 году в Иркутске вышел единственный прижизненный сборник пьес В. Гуркина «**Любовь и голуби**».

Прозаик и драматург Л. Петрушевская, имея в виду яркий неординарный талант В. Гуркина, называла его «драматургическим изумлением». «Изумлять» своим драматургическим искусством В. Гуркин продолжал до конца своих дней.

* * *

А в 1986 году советская (а вместе с ней и сибирская) драматургия понесла тяжелую утрату: ушел из жизни один из самых известных ее авторов В. Лаврентьев. Потеря, к счастью, не оказалась невозполнимой. Продолжить им проложенный драматургический путь, как показала работа молодых драматургов восьмидесятых годов, было кому.

«Перестройка» поэтических рядов

Ее также практически не наблюдалось. Во всяком случае, большинство известных сибирских поэтов после объявленной «перестройки» по-прежнему занимались в основном тем, что им было близко и дорого.

Леонид Решетников продолжал создавать стихи на военную тему. Они составили его новые книги «Противостояние» «Любовь и долг» (обе — 1988) и «Верность» (1990). Однако писал он теперь не только о Великой Отечественной войне, но и о современной Советской Армии, с которой не один год как журналист был связан в послевоенное время.

В 1951 году Л. Решетников окончил редакторский факультет Военно-политической академии имени В.И. Ленина и почти десять лет работал корреспондентом газеты «Красная звезда» в различных военных округах (Северном, Таврическом, Сибирском), в Центральной группе войск (Австрия и Венгрии), на Черноморском флоте.

«Армия для меня, для писателя и человека — не материал, не тема. Она — моя вторая школа, мой второй дом...»¹⁵, — признавался Л. Решетников, что и подтверждается той настойчивостью, с какой возвращался поэт всякий раз в стихах своих к армейским будням — как боевым, так и мирным.

В 1960 году, после увольнения из армии в звании подполковника Л. Решетников обосновался в Новосибирске. А через несколько лет он был избран председателем правления Новосибирской писательской организации и руководил ею почти два десятилетия. Входил также в состав руководящих органов Союзов писателей СССР и РСФСР. Был делегатом нескольких писательских съездов. За литературную и общественную деятельность Л. Решетников был награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета». За книгу «**Благодарение**» в 1979 году стал лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Стихотворения Л. Решетникова переводились на многие языки. Он и сам перевел целый ряд европейских поэтов.

Успешно пробовал силы Л. Решетников и в других жанрах. Его перу принадлежит множество очерков, публицистических и критических статей, литературных воспоминаний, размышлений о поэтическом ремесле, вошедших в две его большие книги — «Дороги» (1984) и «Встречи» (1986). Много делал Л. Решетников для издания стихов поэтов, погибших в Великую Отечественную войну.

Но для читателя Л. Решетников до последних его дней (умер в феврале 1990 года) по-прежнему оставался, прежде всего, поэтом в армейской шинели, воспевающим героизм русского солдата.

Не оставлял любимой темы — «родительского дома» и родной земли как основы основ бытия — и **Александр Плитченко**. Выходят у него сборники стихов «Земляничный холм» (1983), «Родительский дом» (1985), «Оклик» (1986), книга поэм «Волчья Грива».

Но если говорить о какой-либо «перестройке» в художественном мире А. Плитченко, то была она скорее не социально-политической или идеологической, а больше творческой — жанровой, прежде всего.

В 1980-х годах А. Плитченко активно пробует себя в прозе, эссеистике, драматургии, литературной критике, занимается литературными переводами. Его полшутя называют «многостаночником». Одна за другой появляются у А. Плитченко такие прозаические вещи, как сатирическая «Бочатская повесть» (1981), повести-эссе «След мамонта»

¹⁵ Л. Решетников. Родина и долг. // Писатели о себе. — Новосибирск — 1973, с. 193.

(1984). «Письмовник, или Страсть к каллиграфии» (1987), роман «ЗАГС» (1988). Несколько ранее — пьеса «Прощайте, Мария Ивановна». (1976). А еще А. Плитченко восьмидесятых — страстный публицист, охотно откликающийся на злобу дня. И здесь веяния общественно-политических ветров «перестройки» действительно весьма ощутимы.

А вот **Геннадий Карпунин** в восьмидесятых практически совсем отходит не только от поэзии, но и вообще от традиционных литературных жанров, переключившись на исследование и перевод «Слова о полку Игореве». И становится заметным специалистом в этой области, работы которого отмечают даже такие светила литературной науки, как академик Д. Лихачев.

И еще одним общим делом продолжали в перестроечные годы активно заниматься сибирские поэты — переводами.

1970 — 1980-е годы в литературе Сибири стали временем расцвета **искусства художественного перевода**. Немало сибирскими писателями переводится зарубежных авторов, но самая большая работа ведется по переводу на русский язык произведений литератур народов Сибири.

И это было продолжением традиции, заложенной еще в 1920-х годах. В Сибири всегда были сильны интернациональные связи, а в советское время большое внимание уделялось проблемам малых народностей. Активное содействие развитию национальной культуры и литературы являлось и важной частью журнальной политики «Сибирских огней», которые регулярно печатали переводы национального фольклора, поэтов и прозаиков народов Сибири. В разное время литературными переводами занимались такие известные сибирские писатели, как В. Зазубрин, И. Мухачёв, А. Коптелов...

Много сделал в этом направлении А. Смердов. Как собиратель и переводчик он не раз обращался к сибирским национальным эпосам, легендам сказкам. Им переведены алтайские и шорские сказки, народные героические поэмы Горной Шории, алтайский героический эпос «Полнолуние». С легкой руки А. Смердова в семидесятые годы, когда он возглавлял «Сибирские огни», при журнале сложилась хорошая переводческая школа, которая в следующем десятилетии достигла своего творческого апогея.

Благодаря русским писателям-переводчикам, широкую известность приобрели многие поэты и прозаики национальных сибирских литератур: алтайцы Аржан Адаров, Паслей Самык, Борис Укачин, якуты Леонид Попов, ненец Роман Ругин, бурят Барадий Мунгонов, тувинец Салчак Тока и др.

Но наиболее впечатляющей была деятельность переводчиков в области национального сибирского фольклора. Переложения на русский язык алтайского героического эпоса «Маадай-Кара» (А. Плитченко), якутского «Могучий Дьагарьма» (А. Романов), хакасского и ряда других героических сибирских эпосов, осуществленных А. Преловским, стали значительным социально-культурным явлением.

Развитие литературной критики в Сибири

Временем заметного подъема 1970 — 1980-е годы стали и для литературной критики Сибири, хотя история у нее давняя и начало свое берет еще в XVIII веке. А предтечей ее можно считать публикации в первых сибирских периодических изданиях («Иртыш, превращающийся в Ипокрену», «Исторический журнал...», «Библиотека ученая...»), пропагандировавшие эстетические и литературоведческие знания.

Ну а создателями и виднейшими представителями литературной критики в Сибири XIX века можно считать **Н. Ядринцева** и **Г. Потанина**, поскольку ход ее развития во многом определяли их воззрения на литературу Сибири. Они очертили весь круг ее проблем, выработали основные критерии художественных оценок и даже попытались создать

своего рода теорию сибирской литературы, поставив во главу угла ее общественную роль. Лидеры областничества видели сибирскую литературу в рамках «культурного сепаратизма», настаивали на ее саморазвитии, считали, что нужно быть готовым к скромной роли провинциального писателя, к тому, что его произведения будут иметь значение только в Сибири. Что касается путей художественного развития, то областническая критика видела сибирскую литературу на реалистическом пути. Большую роль в развитии литературно-критической мысли Сибири сыграло основанное Н. Ядринцевым «Восточное обозрение».

На рубеже XIX — и XX веков развернулась литературно-критическая деятельность **В. Короленко**, возглавившего в 1900 году журнал «Русское богатство». Журнал был тесно связан с Сибирью, способствовал ознакомлению широкого круга читателей с сибирской литературой и ее популяризации. В. Короленко внимательно относился ко всему, что писалось о Сибири, и сам активно участвовал в ее литературной жизни, оказывая плодотворное влияние на развитие литературного процесса края. Под его воздействием развивались многие сибирские писатели, для которых важнейшим ориентиром в литературной работе стала убежденность В. Короленко в том, что ни сибирская экзотика, ни драматичность ситуации, ни густой этнографизм не могут подменить художественного мастерства.

Развитие литературной критики в Сибири досоветского периода (до 1917) было связано, прежде всего, с возникшим после революции 1905 года движением «Молодая литература Сибири», в котором «имела руководящее направление» литературно-критическая деятельность **Порфирия Алексеевича Казанского** (1885 — 1942). Еще до того, как феномен этого движения был оценен в столичной прессе, критические статьи П. Казанского способствовали пониманию сибирскими писателями своей общественной значимости.

Как литературный критик П. Казанский одним из первых взялся за определение специфики сибирской литературы. Его эстетический идеал восходил к революционно-демократической традиции активного взаимодействия искусства и действительности, а творчество писателя он соотносил с общественными потребностями.

В сибирском литературном движении в Сибири досоветского периода значительна роль **Николая Федоровича Насимовича-Чужака** (1876 — 1942), сосланного в 1906 в Иркутскую губернию. В годы ссылки он пристально следил за сибирской литературой, бескомпромиссно выступал против областничества. Литературно-критическую работу Н. Насимович-Чужак вел и в послереволюционные годы. В статьях «Какое искусство ближе пролетариату?», «Пролетарская культура», «Осознание через искусство» и др. он стремился обосновать необходимость создания искусства победившего пролетариата. Но поиски эти в итоге привели его к футуризму.

С самого начала его существования и на долгие годы вперед развитие литературной критики в Сибири будет связано с журналом «**Сибирские огни**». В полемических, исследовательских, теоретических статьях сибирских критиков ставились проблемы новой литературы, которые соотносились с потребностями социалистической эпохи, обсуждались чрезвычайно важные концепции и художественно-эстетические взгляды нового общества. Критический раздел журнала в начале 1920-х годов вел В. Правдухин, который во многом определил направленность литературной критики Сибири тех лет.

В 1920-х годах отряд критиков в Сибири был немногочислен. Кроме В. Правдухина, — М. Азадовский, Г. Круссер, Я Браун, Б. Жеребцов, П. Комаров, П. Вегман... — вот немногие его профессиональные представители. Большое значение имел тот факт, что на критическом поприще зачастую выступали ведущие писатели Сибири: В. Зазубрин, Л. Сейфуллина, К. Урманов, Г. Павлов... Особенно часто и последовательно — Г. Вяткин и В. Итин. Это обеспечивало своевременность отзывов, более тесную связь с текущим литературным процессом и накладывало особый отпечаток на стиль и манеру работы критиков, на развитие профессиональной критики региона.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов советскую литературу, раздирала групповая борьба, которая отразилась и в литературной критике Сибири. Что особенно ярко выразилось в противостоянии Сибирской ассоциация пролетарских писателей, группы «Настоящее», с одной стороны, и Союза сибирских писателей, «Сибирских огней» — с другой. В результате этого противоборства ряд видных деятелей литературы вынуждены были покинуть Сибирь, а журнал «Сибирские огни» в конце 1920-х стал органом СибАПП и возглавил его рапповец **Анатолий Васильевич Высоцкий**. (1897 — 1970).

Он сыграл немалую роль в литературном движении Сибири. И далеко не всегда позитивную. В 1920-х годах своими литературно-критическими суждениями он поддерживал и лозунг о «разрушении эстетики», и утилитарно-прагматическую рапповскую установку «служения» литературы народу с требованием непосредственного решения производственных задач в самой литературе. Был А. Высоцкий и апологетом «ударничества» в литературе, которое преподносил как спасительную силу и беспроигрышный способ создания «большого искусства». Это привело к тому, что страницы руководимого им журнала заполнили серые, беспомощные литературные поделки.

Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 «О перестройке литературно-художественных организаций» положило конец литературным распрям. Состоявшийся в 1934 году I съезд Союза писателей СССР официально утвердил новый метод, дав ему название «социалистический реализм», который на многие десятилетия будет становым хребтом советской литературы.

Создание единой методологической основы сделало литературный процесс достаточно предсказуемым, управляемым и значительно упростило работу литературной критики. Вооруженная четко прописанными идейно-художественными параметрами, главное внимание она теперь сосредоточила на соответствии им литературной продукции и на том, как отражают писатели происходящие в стране социально-экономические преобразования. Эстетические функции критики отодвинулись на задний план. Что отчетливо просматривается и в публикациях отдела критики «Сибирских огней».

Литературоведение и критика Сибири в 1920 — 1930-х годах были тесно связаны с именем выдающегося советского ученого **Марка Константиновича Азадовского**, (1888 — 1954).

Родился он в Иркутске, в чиновничьей семье. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и аспирантуру при нем. Совершил несколько фольклорно-диалектологических экспедиций по Восточной Сибири. С 1918 года был доцентом кафедры русской литературы в Томском университете, с 1921-го — профессором в Читинском государственном институте образования, с 1922 года возглавлял кафедру русской литературы в Иркутском университете. Одновременно вместе с Г. Виноградовым редактировал журнал «Живая старина», выходивший в Иркутске с 1923 по 1929 год. С 1930 года М. Азадовский жил в Ленинграде (за исключением блокадных лет, которые он провел в Иркутске) и работал в Институте этнографии, Институте русской литературы, возглавляя параллельно журнал «Советский фольклор». В последние годы жизни, пришедшиеся на разгар «борьбы с космополитизмом», М. Азадовский был отстранен от дел, но продолжал интенсивно работать, пока не был сражен двумя тяжелыми инфарктами.

Перу М. Азадовского принадлежат многочисленные научные труды, в том числе и книги. Первая из них — «Ленские причитания» — появилась в 1922 году в Чите. Он также автор книг «Беседы собирателя» (1924), «Сказки Верхнеленского края» (1925), «Литература и фольклор» (1938), «Очерки литературы и культуры Сибири» (1947) и др., вышедших в Москве, Ленинграде, Иркутске.

М. Азадовский внес огромный вклад в изучение русской литературы Сибири. Он первым создал цельный очерк о ней и сформулировал само понятие «литература сибирская», определил этапы ее развития и поставил в широком плане вопрос об изучении литературы Сибири, включившись и сам в практическую разработку ее проблем.

Исследовательский стиль М. Азадовского характерен широтой охвата материала и комплексным подходом. Особенно ярко это проявилось в трудах по проблемам русской литературы Сибири и по истории декабризма (а тема «Декабристы и Сибирь» сквозная в его творчестве), где ученый выступил как литературовед, фольклорист, этнограф, архивист, историк, библиограф.

После Н. Ядринцева в Сибири не было, пожалуй, литературоведа значительнее М. Азадовского.

В послевоенное десятилетие сибирские писатели осваивали новый жизненный материал и активно вели жанровые поиски. Но характерно оно для писателей-сибиряков было и значительными подчас художественными издержками. Все это давало богатую пищу для критического осмысления. И литературный процесс в Сибири послевоенной поры, и творчество отдельных писателей края свое отражение в литературоведении и критике действительно находили. Хотя и не всегда было оно достаточно точным, глубоким и объективным, а порой и не всегда адекватным. Чрезмерное внимание уделялось социально-политическому кругозору писателя в ущерб его художественному мастерству, а критические замечания зачастую сводилось к репликам типа «автор не отразил», «не охватил», «упустил», «не разъяснил» и т. д. Впрочем, такой подход к оценке литературных явлений был вполне в русле общей тенденции советской критики того периода. Впрочем, было в работах сибирских критиков и немало верных наблюдений, касающихся литературного процесса, четких и объективных критических оценок.

В литературной критике Сибири послевоенной поры началась смена поколений. Еще работали такие критики старшего поколения, как А. Высоцкий или С. Кожевников, но уже все уверенней заявляли о себе А. Абрамович (Иркутск), Н. Бабушкин (Томск), Б. Рясенцев и Л. Баландин (Новосибирск), Еф. Беленький (Омск), А. Срывцев (Кемерово)...

Продолжилась традиция 1920-х годов широкого привлечения к литературно-критической деятельности работников вузов и научных учреждений. Научная среда стала серьезным поставщиком критических кадров. По-прежнему активно выступали в роли критиков писатели (А. Коптелов, Г. Марков, Г. Кунгуров, М. Сергеев и др.).

Послевоенные годы для литературной критики Сибири были характерны также заметным усилением ее «децентрализации». Оставаясь главным средоточием литературно-критических сил, «Сибирские огни» были теперь далеко не единственным местом их приложения, чему способствовало появление (или возрождение) в 1950-х годах целого ряда областных и региональных журналов и альманахов, активно печатавших местных авторов. Так, прочное ядро литературоведов и критиков сплотилось вокруг иркутского альманаха «Новая Сибирь». При этом местные издания не ограничивались публикацией материалов, посвященных лишь региональным авторам, а поощряли деятельность литературоведов и критиков широкого диапазона, с охватом теоретических проблем, с оценкой общих явлений литературы и искусства.

Дальнейшее развитие литературной критики Сибири было связано с большим подъемом, вызванным начавшейся в 1950 — 1960-х годах демократизацией общества, потеплением идеологического климата, которые совпали с новой фазой экономических преобразований в стране, затронувших, прежде всего, Сибирь. Здесь появился в это время и целый ряд писателей, чьи произведения вызвали самый широкий резонанс. О многом, особенно о грандиозных социально-экономических преобразованиях на востоке страны, им удалось сказать свое «первопроходческое» слово.

Заметные достижения сибирской литературы этой поры органично вписывались в сложные и многообразные искания общесоюзного литературного процесса. «Первичность творчества» и высокие горизонты «местной» литературы открывали широкий простор сибирским критикам и литературоведам для осмысления и актуального исследования. Активно начинают работать критики Ю. Мостков, В. Коржев (Новосибирск), Э. Шик (Омск), Е. Раппопорт (Барнаул).

Серьезным стимулятором стало вышедшее в январе 1972-го Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», которое резко повысило требования к выступлениям критиков и способствовало творческому росту критических кадров, наблюдавшемуся повсеместно. Едва ли не в каждом крупном сибирском городе появляются имена новых литературных критиков: Э. Бальбуров (Улан-Удэ), Б. Чмыхало (Красноярск), В. Шапошников, В. Перцовский, А. Горшенин (Новосибирск), В. Горн (Барнаул), Р. Палкина (Горно-Алтайск), Е. Цейтлин (Кемерово), А. Лейфер (Омск), И. Литвиненко (Владивосток)...

Во второй половине 1970-х годов к литературной критике обращаются и многие сибирские литературоведы: Н. Тендитник и Н. Антипов (Иркутск), А. Казаркин (Томск), Н. Торубоков (Якутск), А. Малютина (Лесосибирск), Г. Шленская (Красноярск), Г. Кондаков (Горно-Алтайск), Л. Якимова, Б. Юдалевич (Новосибирск), С. Крившенко (Владивосток) и др. По своему характеру критика этого периода преимущественно социологическая и проблемная, в числе главных задач которой выяснение того, насколько художественное отображение соответствует жизненным реалиям. Но не остается без внимания и эстетическая сторона.

Особенно плодотворными 1970 — 1980-е годы оказались для крупнейших сибирских критиков, литературоведов и историков литературы Н. Яновского и В. Трушкина

«Несторы» сибирской литературы¹⁶

Василий Прокопьевич Трушкин (1921 — 1996) родился в селе Подгоренка Саратовской области, в крестьянской семье. В 1933 году родители Василия, завербовавшись на лесозаготовки, переехали в Сибирь, которая стала для семьи Трушкиных второй родиной.

В 1945 году В. Трушкин окончил историко-филологический факультет Иркутского государственного университета. Здесь же впоследствии возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы. Доктор филологических наук, профессор, «Заслуженный деятель науки РСФСР», В. Трушкин много сил и энергии отдавал как педагогической, так и научно-исследовательской деятельности, а так же журналистике и литературной критике. В сибирской периодике он опубликовал множество работ, посвященных текущему литературному процессу. Сам непосредственный его участник, В. Трушкин помог многим сибирским писателям найти себя в художественном творчестве.

Однако главное место в творческих интересах В. Трушкина занимала история литературы Сибири, которой он посвятил ряд книг и монографий: «Писатели-сибиряки» (1961), «Сибирский партизан и писатель П.П. Петров» (1965), «Литературная Сибирь первых лет революции» (1967), «Из пламени и света» (1976), «Восхождение» (1978), «Литературный Иркутск» (1981) и др., в которых оживала история сибирской литературы и складывалась в сложную и яркую картину.

Но, говоря о Сибири, В. Трушкин всегда помнил о России. «Сибирский аспект» у В. Трушкина не сужает, а раздвигает, проясняет общие вопросы литературного движения.

¹⁶ «Нестором сибирской литературы» критик И. Золотусский называл Н. Яновского, но почетного звания этого достойны оба выдающихся сибириеведа.

Работы В. Трушкина, по замечанию Е. Беленького, «расширяют наши представления не только о сибирской, но и всей национальной литературе». Основным же исследовательским принципом В. Трушкина был «конкретный историзм», когда за частным просматривалась перспектива.

В. Трушкин — создатель критико-биобиблиографического словаря писателей «Литература Сибири», выдержавшего три издания. Он входил в составы редколлегии «Литературных памятников Сибири» и «Литературного наследия Сибири».

В своих статьях и книгах В. Трушкин стремился, говоря его же словами, показать, «что духовная жизнь Сибири всегда была насыщенной и по-своему разнообразной и богатой, что Сибирь, несмотря на свою отдаленность, никогда не оскудевала на таланты и что осознание ее культурного прошлого и настоящего — это, в сущности, познание самой России...»

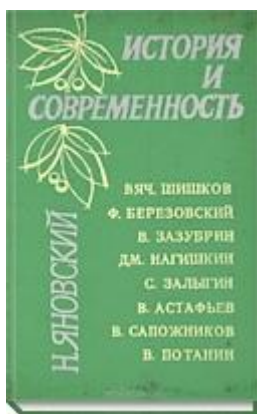
Николай Николаевич Яновский (1914 — 1990) родился в городе Камень-на-Оби Алтайского края, в крестьянской семье.

После школы-семилетки трудовую деятельность начинал в библиотеке. Работал впоследствии плотником, каменщиком, лесорубом, бухгалтером, шахтером, был репрессирован и строил Туломскую ГЭС в Карелии. После реабилитации Н. Яновский окончил факультет языка и литературы Ленинградского педагогического института имени М.Н. Покровского, учительствовал в сельских школах Ленинградской и Томской областей. Великую Отечественную войну Н. Яновский прошел стрелком танкового десанта, участвовал в боях под Орлом и Курском, где его контузило. При форсировании Днепра под Киевом был ранен. Демобилизовавшись в 1945 году, Н. Яновский сначала преподавал в школах и техникумах Новосибирска. Затем более двадцати лет работал заведующим отделом критики и заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни».

В 1944 году в армейской газете стали появляться первые библиографические заметки и очерки Н. Яновского. Систематически же стал печататься он с 1948 года в газетах Новосибирска. А началом профессиональной критической деятельности Н. Яновского надо считать появление в «Сибирских огнях» в 1949 году его первой рецензии.

Кроме «Сибирских огней», Н. Яновский публиковался во многих советских «толстых» журналах: «Октябрь», «Звезда», «Нева», «Москва», «Вопросы литературы» и др. В 1955 году в Тюмени вышла его первая (совместно с Б. Рясенцевым) книга «Литературные очерки». Н. Яновский также автор книг «Всеволод Иванов» (1955), «Лидия Сейфуллина» (1959), «Художник и время» (1962), «С веком наравне» (1965), «История и современность» (1974), «На переломе» (1978), «Виктор Астафьев» (1982), «Верность» (1984), «Писатели Сибири» (1988) и др., изданных в Новосибирске, Барнауле, Омске, Кемерово и Москве.

Литературу Сибири второй половины XX века невозможно представить без Н. Яновского. Сделанное им, поражает. И не только объемом и масштабом, для одного человека просто невероятными, но и той беззаветной любовью и верностью сибирской литературе, какими всегда отличалась его деятельность. (Не случайно одна из книг Н. Яновского называется «Верность»).

Круг литературно-критических и исторических интересов Н. Яновского был чрезвычайно обширен. В многочисленных статьях, рецензиях, монографиях, обзорах, книгах он рассказал читателям о нескольких поколениях сибирских литераторов. Героями его литературоведческих и критических произведений были Н. Ядринцев и Вс. Иванов, Вяч. Шишков и В. Шукшин, Г. Гребенщиков и В. Астафьев, Л. Сейфуллина и С. Залыгин, Ис. Гольдберг и И. Кудинов, А. Коптелов и В. Распутин, А. Новоселов и И. Лавров, М. Кравков и Н. Самохин...

С одинаковой увлеченностью и заинтересованностью Н. Яновский вел разговор как о писателях уже завершивших свой творческий путь, так и продолжающих его. Все написанное Н. Яновским является, по сути, главами истории русской советской литературы в Сибири. Н. Яновский неизменно прослеживал взаимосвязь, преемственность поколений писателей-сибиряков, их вклад в общероссийскую словесность. История и современность в понимании Н. Яновского были крыльями единого литературного процесса, поэтому, о чем бы ни писал критик, он везде поверял современность историей, а историю современностью.

Как истинный патриот и подвижник сибирской литературы огромную работу Н. Яновский проводил по изучению и популяризации творчества забытых и полузабытых сибирских писателей. Немало «белых пятен» удалось ему закрыть на литературной карте Сибири, немало незаслуженно забытых писательских имен восстановить. Благодаря Н. Яновскому современный читатель узнал о С. Исакове, А. Жилиякове, М. Кравкове, И. Тачалове, А. Новоселове... И узнал не просто чисто, так сказать, информативно, но и получил возможность ближе познакомиться с творчеством названных писателей.

Дело в том, что, помимо теоретического изучения жизни и творчества забытых и малоизвестных авторов, Н. Яновский вел большую работу в деле популяризации их произведений. Он, например, составил и прокомментировал книги М. Ошарова «Тяжелое счастье» и «Большой аргиш», Ф. Березовского «Под звон кандалный», Г. Гребенщикова «Чураевы» и «Егоркина жизнь», подготовил к публикации произведения ряда других писателей прошлого. Он же написал около сотни статей о литераторах-земляках в Краткую литературную энциклопедию (М., 1962 — 1968). И многие годы собирал материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века», издание которого было осуществлено в Новосибирске в 1997 году уже после смерти Н. Яновского.

Что же заставляло его «отвлекаться» от собственного творчества и прилагать немалые усилия, чтобы разыскивать, выверять, комментировать и, наконец, достойно представлять произведения литераторов давно минувших дней? Ответ на этот вопрос дает сам Н. Яновский:

«Чем руководствуюсь я, по многу лет работая над изданиями такого типа? Желанием поставить на службу народу все лучшее и ценное, что создано на русском языке, желанием глубже проникнуть в реальный ход литературной истории родного края, расширить наше представление о тех культурных богатствах, которые мы накопили и которые, чего греха таить, случается, забываем. Между тем эти богатства, безусловно, нужны нам сегодня, чтобы интенсивней, успешней развивать нашу культуру»¹⁷.

Именно это благородное желание и побудило Н. Яновского в свое время выступить инициатором воссоздания уникального издания «Литературное наследие Сибири».

Его история начинается в предвоенное время. В 1937 году Новосибирское книжное издательство взялось за выпуск серии книг по фольклору, истории литературы, произведений старых сибирских писателей под общей рубрикой «Литературное наследие Сибири» (ЛНС). Появилось два первых тома, куда вошли произведения Н. Наумова, И. Кушевского. Оба вышли в очень хорошем для того времени художественном оформлении и представляли собой образец полиграфической культуры. Но работа над серией вскоре прекратилась из-за начавшихся репрессий, затронувших, прежде всего, руководство издательства.

В конце шестидесятых теперь уже Западно-Сибирское книжное издательство совместно с Новосибирским отделением СП РСФСР вернулось к этому проекту и стало осуще-

¹⁷ Писатели о себе. — Новосибирск, 1973, с. 259 — 260.

ствлять выпуск книг под тем же общим названием. Первый том возрожденного ЛНС увидел свет в 1969 году. Восьмой (и последний) — в 1988-м.

Среди создателей послевоенного ЛНС были известные ученые и писатели Сибири: Еф. Беленький, Ю. Постнов, Н. Бабушкин. Самое активное участие в работе над ЛНС принимали В. Трушкин, Е. Петряев. Но своим послевоенным рождением и существованием на протяжении двух десятков лет ЛНС обязано было, прежде всего, ее бессменному составителю и главному редактору Н. Яновскому.

ЛНС содержит богатый и разнообразный материал по истории русской и советской литературы Сибири: от древнейших времен до современности. На его страницах можно найти публикации ранее не известных или затерявшихся в периодике прошлых лет художественных произведений, воспоминаний, эпистолярного наследия, исследования отдельных изданий, розысканий, сообщений о литературном прошлом Сибири. В частности, в ЛНС впервые была опубликована переписка А.М. Горького с рядом сибирских писателей, напечатаны не изданные или забытые произведения Ф. Бальдауфа, Н. Ядринцева, Г. Потанина, Ис. Гольдберга, В. Зазубрина, Ан. Сорокина, Вс. Иванова, А. Жиликова и др. И подано это в разнообразных формах, с подробными комментариями. Во вступительных статьях и комментариях к публикациям привлекаются и систематизируются фактические данные о литературной жизни Сибири, что позволяет лучше видеть как творчество отдельных писателей, так и литературный процесс Сибири в целом. ЛНС значительно обогащает наши представления о сибирской литературе, способствует сохранению духовных ценностей, созданных сибиряками.

Сейчас и поверить трудно, что вся эта колоссальная работа, под силу, казалось бы, лишь крупному научному подразделению, организовывалась и направлялась в основном и прежде всего усилиями, энергией, если не сказать, одержимостью одного человека. Но так и было! Не зря же в литературных кругах Новосибирска 1980-х годов Н. Яновского по-шуту называли «человеком-институтом». И как тут не присоединиться к автору одной из рецензий о «Литературном наследстве Сибири» А. Рубашкину, писавшему, что подвижническая работа Н. Яновского «по изучению литературного наследства Сибири, а так же современного литературного процесса, ставит его имя в один ряд с такими патриотами этого края, как Григорий Потанин и Николай Ядринцев»¹⁸.

Работа над «Литературным наследством Сибири» Н. Яновскому давалась нелегко и непросто. И часто по причинам отнюдь не литературно-исследовательского характера. Надо не забывать, что бал тогда правила коммунистическая идеология и за всем в творческо-издательской деятельности бдительно наблюдало цензорское око. Именно оно не позволило Н. Яновскому еще в 1970-х годах опубликовать в журнале «Сибирские огни» «крамольные» повести Владимира Зазубрина «Щепка» и «Общежитие» и заставило убрать их из второго тома ЛНС, полностью посвященного творчеству В. Зазубрина. Так что далеко небезопасным было это занятие.

* * *

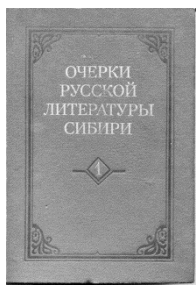
ЛНС стало достойным примером для появления и других созвучных ему литературных проектов. Таких, например, ныне хорошо известных, как выходящая в Иркутске с 1979 по 1993 год многотомная библиотека «Литературные памятники Сибири». Издавалась она по инициативе литературоведа и критика **Евгения Раппопорта** и включала лучшие произведения выдающихся писателей-сибиряков разных поколений. Первая книга этой серии — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» — появилась в 1979 году. Под маркой ЛПС из задуманных тридцати книг вышло 23: В. Зазубрина, А. Сорокина, А. Новоселова, Г. Гребенщикова, П. Ершова, В. Михеева, И.

¹⁸ Рубашкин А. Уникальный литературный труд. // «Сибирские огни», 1981, №8, с. 178.

Кущевского, Ф. Березовского и других сибирских авторов. Издание «библиотеки» осуществляло Восточно-Сибирское книжное издательство.

Работа большинства сибирских критиков в восьмидесятых годах с легкой руки Н. Яновского и В. Трушкина не ограничивалась собственным творчеством. Они активно вторгаются в издательскую деятельность: составляют, редактируют, комментируют книги других авторов, пишут к ним предисловия, участвуют в осуществлении ряда крупных издательских проектов (ЛНС, «Библиотека сибирского романа», «Литературные памятники Сибири» и др.).

Еще одним ярким подтверждением тому может служить издание Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР **«Очерки русской литературы Сибири в 2-х т.»**. Среди его авторов, помимо ученых, целый ряд известных сибирских критиков и писателей (Н. Яновский, В. Трушкин, Е. Беленький, А. Никульков, Э. Шик и др.).

«Очерки» стали первым в российском литературоведении и до последнего времени единственным фундаментальным обобщающим трудом, освещающим литературную жизнь Сибири от древних времен до современности. Первый том охватывает период с конца XVI века до предреволюционной поры 1917-года, рассматривая важнейшие этапы становления и развития в Сибири русской литературы и отражая ее направления, тематику, жанры. Особое внимание уделено творчеству выдающихся писателей-сибиряков. Представлена также журналистика и рукописная литература Сибири. Во втором томе прослеживается литературный процесс советского периода, систематизируется, подвергается идейно-эстетическому осмыслению материал, накопленный за шесть десятилетий (до начала 1980-х) развития русской литературы Сибири.

* * *

Но вернемся к безусловным лидерам сибирской критики и литературоведения второй половины XX века Н. Яновскому и В. Трушкину. В их литературной судьбе и творчестве было немало общего. Того, в первую очередь, что оба в единое органическое целое связывали историю и современность литературной Сибири, а своими исследованиями и критическими выступлениями стремились раскрыть ее идейно-эстетическое богатство, объемно и системно воссоздать литературный процесс огромного зауральского региона. Оба они, истинные подвижники сибирской литературы, являлись во многом еще и ориентирами для своих (особенно молодых) коллег. Под их благотворным влиянием в 1970 — 1980-х годах в Сибири сложилась хорошая «критическая школа», ставшая заметным явлением во всеююзной литературной критике той поры.

Незатихающая жизнь литературной Сибири

«Перестройка» «перестройкой», а литературная жизнь в Сибири продолжалась своим чередом, обрастая новыми событиями и формами.

Популярными в восьмидесятые были поэтические праздники, устраиваемые в разных сибирских регионах. Такие, например, как **«Весна в Притомье»** (Кузбасс), или **«Омская зима»**. Они проводились ежегодно с середины 1970-х годов и до начала девяностых. Кроме местных, приглашались поэты из столиц и различных сибирских регионов. Встречи с читателями проходили как в городах, так и в поселках и деревнях.

В 1985 году с целью увековечивания памяти известного русского писателя, имя которого было связано с появлением Новосибирска, и для поддержки творчества сибирских

литераторов горисполком «столицы Сибири» по инициативе писателя Г. Падерина учредил в 1985 году литературную премию **имени Н. Гарина-Михайловского**. Первым ее лауреатом сам Г. Падерин и стал. Поначалу она присуждалась раз в два года, а с 1986 го — ежегодно. В 1980-х годах это была едва ли не единственная в Сибири (кроме, разве что, премии **имени И. Уткина**, учрежденной в Иркутске еще в 1968 году) литературная премия.

В восьмидесятые годы появилось в Сибири несколько литературных музеев. Впрочем, возникать они начали еще в конце семидесятых. В 1978 году был образован историко-мемориальный **музей-заповедник В.М. Шукшина** в селе Сростки на Алтае. В 1980-м в Новокузнецке открылся литературно-мемориальный **музей Ф.М. Достоевского**. В январе 1983-го начал работать **Омский государственный литературный музей имени Ф.М. Достоевского**. В декабре 1984-го — литературно-мемориальный **музей В.Д. Федорова** в селе Марьевка Кемеровской области. Там же, в Кузбассе, в августе 1986 года появился еще один литературно-мемориальный дом-музей — **В.А. Чивилихина**. А в 1989-м — **Алтайский краевой музей истории литературы, искусства и культуры**. Все они вели большую литературно-краеведческую, научно-исследовательскую и просветительскую работу, организовывали литературные чтения (Шукшинские, Федоровские, Чивилихинские), а так же являлись популярными туристическими объектами.

В конце марта 1986 года в Новосибирске состоялись **Дни российской литературы**. Посвящены они были 60-летию Первого съезда писателей Сибири и проводились в старых добрых советских традициях. В гости к новосибирцам съехались писатели из Москвы и Ленинграда, Горно-Алтайска и Томска, Барнаула и Кемерова, Саратова и Кургана, Красноярска и УланУдэ... Писатели побывали с выступлениями у ученых Академгородка, в заводских цехах, селах области, у воинов Сибирского военного округа. В рамках «Дней литературы» был проведен также «круглый стол» на тему «Организационно-творческая работа в писательских организациях Сибири», где приняли участие руководители писательских организаций региона. Дни российской литературы 1986 года стали едва ли не последней демонстрацией сплоченности писательских рядов на прежней идеологической платформе. Через каких-нибудь пять-шесть лет платформы под ногами не окажется никакой, и демонстрировать будет фактически нечего.

В 1989 году в Новосибирск пожаловала бригада «**Литературной газеты**» для обсуждения работы «Сибирских огней». В истории журнала такого рода мероприятия и в Новосибирске, и в Москве проводились не раз. На региональном же уровне «разборы полетов» с привлечением писателей из сибирских областей давно стали ежегодными и традиционными. Проходили они всегда заинтересованно, конструктивно и доброжелательно. Особенностью же «круглого стола», устроенного литгазетовской бригадой, была ярко выраженная и малопонятная агрессивность и враждебность по отношению к «Сибирским огням». Журнал достиг к этому времени максимального в своей истории тиража — 123 тысяч экземпляров при 90 тысячах подписчиков и был крупнейшим провинциальным изданием литературной периодики в Советском Союзе. Имел он и свое литературное приложение — «Библиотеку «Сибирских огней», тома которой составляли произведения лучших писателей-сибиряков, увидевших свет на журнальных страницах. Характер же самого журнала принципиально не изменился. Он по-прежнему отражал в меру сил и возможностей происходящие в социальной, литературной и культурной жизни Сибири процессы. И не слишком спешил подставлять свои паруса под сырые перестроечные ветры. Возможно, потому и вызывал раздражение московских коллег...

Сибирские литераторы «перестроечной» поры вообще не очень-то оглядывались на столичных авторитетов. У них хватало своего креатива. В год памятного визита литгазетовцев в Красноярске был создан культурно-художественный центр «**Лукоморье**», соучредителями которого стали Красноярская писательская организация и Красноярский краевой комитет ВЛКСМ. Возглавлял «Центр» писатель-фантаст О. Корабельников. Главными целями «Центра» были издательская и выставочная деятельность, направленные на под-

держку литераторов и художников. Выступал «Центр» и в роли мецената. Им было учреждено пять ежегодных премий за лучшие публикации в альманахе «Енисей». Выпускал «Центр» и одноименную газету.

Как бы там ни было, но перестроечные процессы, пусть с некоторым запозданием, в Сибири все-таки шли, захватывая и сферу культуры с литературой.

Более заметными процессы эти были в издательской деятельности. Началось разукрупнение региональных издательских объединений. Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское книжные издательства с января 1986 года были преобразованы в ряд областных — Новосибирское и Иркутское, в частности. Они, с одной стороны, пытаясь сохранить то, что было наработано и обкатано, продолжали издавать хорошо зарекомендовавшие себя серии «Библиотека сибирского романа», «Библиотека сибирской поэзии», «Литературное наследие Сибири», «Сибирью связанные судьбы», «Сибирский рассказ» и др., но с другой — под натиском усиливающейся коммерциализации книжного рынка, искали новые способы привлечения читателей. Так, например, в кооперации с другими областными издательствами появилась — межрегиональная серия «Современная сибирская повесть».

В 1989 году в Новосибирске открылось **Сибирское отделение издательства «Детская литература»**. Оно работало в Новосибирске с 1989 по 2001 годы и выпускало стихи, приключенческую литературу для детей и юношества. С 1997 года перешло на выпуск книжных серий совместно с издательством «Мангазeya» и Новосибирским книжным издательством. В 1997 году, в частности, была возрождена популярная всероссийская серия «Библиотека приключений и фантастики» («золотая рамка»), выходящая в Москве с 1936 по 1989 годы.

И уж совсем «перестроечными» казались попытки создания в конце восьмидесятых параллельных государственным издательствам и изданиям. Таких, скажем, как экспериментальное кооперативное книгоиздательское товарищество «**Жарки**», созданное в июне 1987 года группой новосибирских писателей. Товарищество планировало выпускать детективы, фантастику, историческую и приключенческую прозу, произведения современной тематики. В числе главных целей декларировалось сокращение пути книги от рукописи до прилавка. В январе 1988 года в Новосибирске появилось хозрасчетное литературно-издательское агентство «**ЭХО**», а в декабре того же года — книжно-издательское производственное объединение «**Сибирь — XXI век**». Однако все три издательские фирмы по разным причинам оказались фактически однодневками.

Более удачливым и успешным стало **Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ)**, созданное в мае 1988 года в Новосибирске. Основой его послужил семинар молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока, организованный издательством «Молодая гвардия», Новосибирской писательской организацией, Новосибирским обкомом комсомола и редакцией журнала «Сибирские огни», который состоялся в июне 1987 года в Новосибирске. Семинар стал постоянно действующим и через год преобразовался в творческо-производственное объединение, возглавляемое быв-

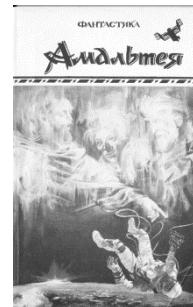

шим ответственным секретарем журнала «Сибирские огни» **Виктором Пищенко**. На встречах ВТО МПФ, проходивших несколько раз в год в различных городах страны, обсуждались новые рукописи молодых фантастов и лучшие из них отбирались для публикации. ВТО МПФ совместно с издательством «Молодая гвардия» выпускало коллективные сборники и отдельные книги начинающих фантастов и приключенцев. Название первого сборника «**Румбы фантастики**», выпущенного Новосибирским книжным издательством в 1988 году, в дальнейшем превратилось в издательскую марку большой серии фантастическо-приключенческой литературы, принадлежащей перу молодых авторов.

ВТО МПФ просуществовало до 1992 года, успев стать мощным творческо-издательским предприятием, по объемам выпуска книг сравнимым с крупнейшими издательствами СССР. Только развал Советского Союза подкосил этого удивительного творческо-издательского кентавра. Но именно ВТО МПФ явилось стартовой площадкой для многих и многих ныне хорошо известных мастеров приключенческого жанра: М. Успенского, А. Бушкова, В. Лукьяненко, В. Головачева, А. Лазарчука, А. Шалина...¹⁹

Любопытно, что изначально ядро ВТО МПФ составили члены новосибирского клуба фантастов «Амальтея», создателем которого в 1977 году и бессменным руководителем до последних дней жизни являлся М. Михеев. Кстати, это был первый в стране клуб любителей фантастики. Позже движение КЛФ станет массовым.

Счет фантастов, которым ВТО МПФ дал пропуск в литературу, шел на сотни. И уже одно это было феноменально! Но дело не только и не столько в количественном взрыве, сопутствовавшем появлению этой «фабрики» фантастов. Поражало само разнообразие молодой поросли. Так, если правоверный соцреализм из всего видового и жанрового многообразия фантастики признавал (и допускал до читателя) фактически только НФ, то к концу восьмидесятых ВТО МПФ являла читателям фантастику едва ли не всех имеющихся форм, направлений, жанровых разновидностей: от боевиков, космических опер, фэнтези и мистики до антиутопий и философских притч.

Надо отдать должное организаторам ВТО МПФ. Они чутко отреагировали на перестроечные процессы и сумели плодотворно использовать их в целях дальнейшего бурного развития российской фантастики.

С другой стороны, происходящие в обществе перемены, не могли не повлиять и на творчество фантастов новой волны. Поэтому не удивляет преобладание в произведениях многих из них социально-политических мотивов, звучащих зачастую сатирически, а то и вовсе саркастически. Да и фантастическая обертка — иной раз была всего лишь приемом и удобным способом поговорить о насущных делах нашей реальности.

Как происходит это в повестях Анатолия Шалина «Вакансия» и «Путешествие Тимофея Авоськина за пределы Солнечной системы». Несмотря на детективно-приключенческую канву и космический антураж, это ярко выраженные политические памфлеты, в сатирическом зеркале которых без труда просматриваются знакомые земные проблемы.

«Перестройка» пошатнула тоталитаризм, что также нашло отражение в творчестве молодых фантастов. В повести «В ночь с пятого на десятое» Михаил Успенский пытается создать этакий собирательный образ командно-бюрократической системы. Волею авторской фантазии читатель вместе с героем-рассказчиком оказывается в некой чиновничье-бюрократической Управе, расположенной в громадной башне-цитадели, и здесь знакомится с целой галереей типов, порожденных по меткому определению автора, «эпохой попустительства и развитого алкоголизма». Не будем утверждать, что М. Успенский создал что-то совершенно невиданное. Корни и истоки здесь очевидны — бессмертная сатира М. Салтыкова-Щедрина. Но, продолжая традиции классика, молодой фантаст небезуспешно наполняет старые мехи вином нового злободневного содержания, современного ощущения эпохи.

Дух великого русского сатирика витает и в цикле рассказов Александра Бушкова «Из жизни пугал». Это своеобразные политические сказки, герои которых (Сталин, Берия, Каганович, партработники «развитого социализма») живут в фантастической атмосфере, сатирически преломляющей реалии нашей жизни. Так, в рассказе «Как хорошо быть гене-

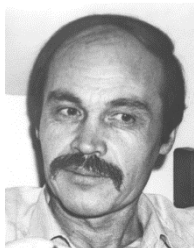
¹⁹ Полнее и подробнее о них и других фантастах ВТО МПФ можно узнать из обзора А. Горшенина «Воображение и отображение. (Заметки о молодой сибирской фантастике)». // «Век дракона». — М., 1991, с. 343 — 384.

ралом» некоего добросовестного полковника повысили в звании до генерал-майора и перевели служить в генштаб. И здесь новоиспеченный генерал сталкивается со столь же невероятным, сколь и очевидным — «разнузданной дедовщиной», о которой бывший полковник раньше только слышал, но «считал нетипичным явлением».

Конечно, не одни лишь социально-политические мотивы наполняли молодую сибирскую фантастику 1980-х. По-прежнему в чести у них были те или иные научные гипотезы (скажем, некоего космического Разума), которые становились стержнем произведений. Немалую популярность имели философские притчи с нетускнеющими «вечными» проблемами в основе. Но были среди молодых фантастов такие, кого интересовал самый обыкновенный человек, земляк и современник, с которым, однако, могли происходить необыкновенные вещи, как в книге Александра Рубана (1955 — 2015) из города Стрежевого «Чистая правда о том, чего не было». Его фантастика, помимо всего прочего, еще и очень лирична, чем близка манере другого известного сибирского фантаста — В. Колупаева.

Солнечный фантаст

Виктор Дмитриевич Колупаев (1936 — 2001) родился в городе Алдан Якутской АССР. После окончания в Красноярске средней школы продолжил образование на радиотехническом факультете Томского политехнического института. Работал на заводе математических машин «Контур», в лаборатории биокibernетики Сибирского физико-технического института, в различных НИИ и СКБ.

Фантастику начал писать еще в студенческие годы. Публиковался в журналах «Вокруг света», «Уральский следопыт», «Аврора», «Сибирские огни» и др. Первая книга В. Колупаева «Случится же с человеком такое» была издана в 1972 году в Москве. Затем выходили сборники повестей и рассказов «Качели отшельника» (1974), «Ошибка создателя» (1975), «Фирменный поезд «Фомич» (1979)... Но творческого зенита и всесоюзной известности В. Колупаев достиг уже в 1980-х годах после выхода книг «Зачем жил человек» (1982), «Седьмая модель» (1985) и публикации в журнале «Сибирские огни» повестей «Жизнь, как год» (1982), «Дзюпики» (1989), «Жилплощадь для фантаста» (1991). Произведения В. Колупаева переведены на английский, французский, немецкий, шведский, венгерский, чешский, китайский, японский, польский и другие иностранные языки. В. Колупаев — в числе первых лауреатов престижной Всероссийской литературной премии «Аэлита». И один из своеобразнейших мастеров российской фантастики второй половины XX века.

Каковы же наиболее характерные черты творческого облика этого писателя, на чем главном и существенном держится его мир? Ответы на эти вопросы можно найти в одной из повестей самого В. Колупаева «Жилплощадь для фантаста», где автор любезно распахивает перед читателем двери своей творческой лаборатории. В одной из глав, повествуя о том, как герой-рассказчик стал фантастом, В. Колупаев излагает, по сути, свое художническое кредо, которое в самом кратком и обобщенном виде формулируется так: «Я ничего не придумываю». А «не придумывает» потому, что, умея видеть чудо в самом обыкновенном, он для себя твердо знает, «что придумать то, чего бы не было, нет и не будет, невозможно». Потому и «стал писать о том, что хорошо знал, о самом простом и обыденном, о том, словом, что... видел тысячу раз». Но, отмечает герой-рассказчик повести, он же писатель-фантаст Федор Приклонов, когда поначалу пытался действительно придумывать что-нибудь эдакое, небывалое, полностью оторванное от реальности, его опусы не вызывали никакого интереса, и никто не считал их фантастикой, зато когда перестал придумывать, его литературные опыты, наоборот, стали признавать за фантастику.

Хотя, в общем-то, ничего парадоксального тут нет. Просто фантастическое у В. Колупаева есть не что-то извне вносимое в формы обыденного, а нечто проступающее, как

вода в колодце, непосредственно из самой сути вроде бы хорошо знакомых вещей и явлений.

Та же «Жилплощадь для фантаста» начинается вполне реалистически: обремененный жилищной теснотой, главный герой повести обивает пороги Учреждения, чтобы выхлопотать у Главного распорядителя фондами давно обещанную квартиру. И унижительные ожидания в приемной, и высокомерие спесивого чиновника, уверенного, что он не просто исполняет свои обязанности, а благодетельствует, — разве не знакомо это всем, кто бывал в роли просителя в коридорах власти!

Но не зря Приклонов не просто проситель, но еще и фантаст. Бюрократическая тяготица провоцирует его воображение нарисовать противоположную и поистине фантастическую картину, когда в том же Учреждении посетителям искренне рады, и чиновники делают все для лучшего разрешения их проблем. Причем, картина эта — вот где фантастика! — становится явью.

Вообще, надо сказать, все воображенное Приклоновым реализуется. Причем, в разных временных измерениях. С помощью своеобразной внутренней «машины времени» — то есть способности к живому красочному воображению — герой повести оказывается то в прошлом, то в будущем. И не праздное любопытство им движет, а стремление доступными ему средствами раскрыть глаза своим предкам и потомкам, предостеречь их как от будущих, так и от прошлых ошибок.

Композиционно «Жилплощадь для фантаста» представляет собой повесть в повести: фантаст Колупаев рассказывает, как фантаст Приклонов пытается написать о своем современнике, путешествуя во времени. При этом Приклонов настолько входит в образ своих героев, что даже страдания и мучения испытывает те же, что и они. Ну а В. Колупаев, отмечая эту его способность, лишний раз подчеркивает нестареющую мысль о том, что настоящее творчество — всегда не только ремесло, но и особый образ существования, в который вмещается не одна только жизнь творца. Правда, не забывает напомнить Колупаев, в какие бы миры ни уносился фантаст, как бы удачно ни срастался с чужой кожей, он всегда должен прочно стоять на почве реальности. В этом, собственно, и есть принципиальное отличие больного фантазмагорического бреда от доброкачественной фантазии. И не случайно, когда Приклонова спрашивают, о чем он пишет, он отвечает: «...про боль человеческую... про пытку жизнью... про ответственность...». То есть, как видим, про все то, что всегда было и остается в литературе и искусстве главным, что веками владело и владеет умами и сердцами художников любых жанров и направлений.

Нравственно-этические мотивы в фантастике В. Колупаева вообще сильны. В рассказе «**Зачем жил человек?**» с молодым писателем Чесноковым творятся странные вещи: всё появляющееся под его пером раньше успевают напечатать другие. Но если для них «приплывшие» в их литературные сети чужие произведения так и остаются удивительными исключениями в собственном творчестве, то для Чеснокова они — неотъемлемая часть его внутренней духовной жизни. Чесноков понимает, что он является для кого-то своеобразным литературным донором, но не спешит, тем не менее, быстрее пристроить свои рукописи. Для него не важно — напечатаны его произведения или нет, главное, что они нравились. Перед нами, как видим, образ-тип еще одного подлинного художника — художника по состоянию души и внутренней потребности. Фантастическая же ситуация с телепатическим заимствованием произведений Чеснокова становится тем оселком, на котором в полной мере проверяется сущность героя рассказа.

У В. Колупаева немало вещей написанных в русле так называемой «бытовой» фантастики. Однако диапазон его широк, а формы выражения разнообразны. Но есть в творческом багаже писателя произведения, в которых он отчетливо проявился именно как мастер научно-фантастической прозы.

Цикл рассказов «**Капитан «Громовержца»**», например. Их объединяет сквозной герой — молодой капитан грузового космического корабля Игорь. О его приключениях на

разных планетах и идет речь. Но в каждом из рассказов видны явные проекции на нашу земную жизнь.

Удивительная история происходит с Игорем в рассказе «Исключение». На планете Селга решена проблема счастья. Если на соседней Теве научились создавать тела на любой вкус, то здесь — двойников тех, кто тебе дорог, но не отвечает взаимностью. Двойники эти — точные биоконии, запрограммированные на любовь к тебе. И вот уже нет неразделенной любви, драматичных любовных треугольников. Все счастливы, Но автор вместе со своим героем глубоко сомневается, что любовные проблемы можно решить «с помощью науки, техники, близнецов или каких-нибудь таблеток», поскольку подлинная любовь не имеет аналогов, она неповторима, она не моделируется и не воспроизводится по заказу. Она, как говаривал Шекспир, «всегда исключение». На Селге же любовь решили сделать правилом, поставить на поток. Грустно, когда нет взаимности, но лучше ли смоделированные чувства и отношения? Нет же! — убеждает автор, показывая среди всеобщего тиражированного счастья несчастливое исключение — девушку Айру, которая так и не смогла принять в свое сердце навязанного ей двойника, и бежит с родной планеты.

А вот повесть В. Колупаева «**Толстяк над миром**» — это своеобразная космическая притча. Здесь всё откровенно условно: и образы-маски с именами-кличками персонажей (Стратег, Тактик, Неприметный, Дурашка, Звездочет и т.д.), и сказочно-бутафорские декорации такой же условной Планеты, на которой разворачивается действие, и само это действие. Смысл же притчи, прежде всего, в том, что только добро может служить прочной основой и гарантией контакта с иными мирами; только на принципах взаимопонимания и взаимотерпимости может и должна строиться тактика и стратегия вселенского бытия. И против всего этого бессильно любое оружие, любая демонстрация силы, что красноречиво и подтверждается происходящими в повести событиями.

К притче как форме выражения современных ему социальных проблем В. Колупаев пришел не сразу. Поначалу все-таки предпринимались попытки, так сказать, прямого проектирования, когда на научно-фантастическую основу накладывались обнаженные авторские размышления и наблюдения о «текущем моменте», о корнях и истоках некоторых имеющихся в обществе «социальных гримас», проводились прямые параллели и аналогии. Как было это в его повести «Дзяпики».

Ее фабула самая что ни на есть научно-фантастическая. В НИИ Пространства и Времени в одном из сибирских городов построен «транстайм», способный проникать в далекое прошлое. И вот четыре инженера-исследователя отправляются в прошлое, отстоящее от нас на четырнадцать тысячелетий. Они оказываются в каменном веке, в племени первобытных людей, которые сами себя именуют дзяпиками.

Невероятные вещи начинают происходить по прибытии «транстайма». Дзяпики начинают копировать и суть, и дух учреждения, в котором работают члены экипажа. Причем они «каким-то образом копируют все самое плохое». И в первую очередь — стиль жизни командно-бюрократической системы с ее очковтирательством, показухой, ложью во спасение планов и отчетов, с культом «Всеобъемлющей, Непорочной Девы Инструкции». А происходит это по причине того, что экспедиция НИИ Пространства и Времени заразила первобытных людей вирусом командно-бюрократического образа существования.

Повесть «Дзяпики» — острая социально-политическая сатира «развитого застоя», в которой В. Колупаев очень точно зафиксировал и очертил социальную и психологическую раздвоенность человека в системе командно-бюрократического бытия, вскрыл причинно-следственные связи двойной морали и даже попытался нащупать пути преодоления пагубного явления.

Неприкрытый критический пафос «Дзяпиков», направленный не на отдельные недостатки, а на господствовавшую систему в целом, не позволил повести прийти к читателю вовремя. Написанная еще в 1974 году, опубликована она была только в 1991-м.

Едва ли не лучшим из созданного В. Колупаевым стала повесть «**Жизнь, как год**», где автор обращается уже не к социально-политическим, а к общечеловеческим нравст-

венным проблемам. В ней автор как художник раскрылся в полной мере, показав, насколько велики и разнообразны возможности фантастики, если подходить к ней с высокими мерками большой литературы.

«Жизнь... Радость и горе, встречи и разлуки, мысли и дела человека. В этом повествовании жизнь не одного человека, а нескольких, по-видимому, двенадцати людей. Один из них был в Великую Отечественную еще мальчишкой, другой воевал сам. Один из них инженер, другой — врач, третий работает в мастерской красоты, четвертый... и т. д. Но мне кажется, что их судьбы, их жизни выстраиваются в одну ж и з н ь. Я вполне мог бы сделать героем всех новелл одного человека, но зачем столько чудес на одну простую человеческую душу. А вот однажды в жизни человека чудо должно встретиться обязательно. Оно у каждого свое. У кого любовь, у кого работа, цветы или дети. Чудес не перечесть. Но чудо из чудес — сама жизнь!»

С такого авторского вступления начинается повесть «Жизнь, как год». В нем и суть, и ключ к ее пониманию. Композиционно же она разбита на двенадцать глав-новелл, новелл-притч, каждая из которых носит название того или иного месяца. Причем герой каждой новеллы соотнесен по возрасту с определенной порой годового цикла. В главе «Январь» перед нами маленький мальчик, в «Феврале» — отрок-девятиклассник, в «Марте» — юноша-студент и т. д. В своеобразном этом фантастическом месяцеслове автор художественно запечатлел полный жизненный цикл, от начальной его поры до завершения.

Самая, вроде бы, обычная жизнь идет в повести. По внешней событийной линии ничего особенного: персонажи учатся, работают, влюбляются, растят детей и внуков, болеют... Но все они объединены ожиданием в своей жизни чуда. Того самого, которое предрекает им в предисловии автор. И в каждой из глав-новелл повести то или иное чудо действительно случается. Но любое из них из разряда «обыкновенных чудес», возникающих как бы из ничего. Как, например, в новелле «Май». Появляется вдруг светлая, исходящая весенним майским сиянием девушка, и там, где она проходит, деревья до срока начинают зеленеть...

В повести «Жизнь, как год» В. Колупаев особо ярко проявляется как лирик по мироощущению, как мастер лирической прозы, способный передать тончайшие оттенки состояния человеческой души. Свойство для фантаста, надо заметить, весьма редкое. В этом В. Колупаев ближе других, пожалуй, к Рэю Бредбери.

Когда-то знаменитого клоуна Олега Попова за добрый лиризм окрестили «солнечным клоуном». В. Колупаева по аналогии можно называть «солнечным фантастом». Это тем более справедливо, если учесть, что и в самых своих социально тревожных вещах, вскрывающих гнойники общества («Толстяк» над миром», «Дзяпики»), он остается оптимистом, верящим в человека и лучшее его будущее.

Вместе с переливами чувств удается В. Колупаеву передать и сложную гамму земных красок. Но в состоянии он выразить и ощущения совсем иного рода — космические, не укладываемые в палитру знакомых земных образов:

«И вот я мчусь сквозь пространство, населенное пустотой и звездами, и рассматриваю прихотливую игру красок, развивающуюся по какому-то непонятному мне сценарию. Сочетания этих красок никогда не видены мной... Огромные спирали разноцветного пламени окружают меня, втягивают в свой вихрь, ласково касаются моего лица и тела, но не обжигают, а лишь приносят ощущение радости. Что-то изменилось во мне. Столкновение красок, огня, гравитационных и электромагнитных полей... втягивает меня в воронку, которая где-то в центре звезды, звездного скопления или галактики. И мне тепло от этих

миллионов градусов. А тепло послушно и стремительно переносится из красного в голубое, зеленое, желтое и, наконец, туда, где нет цвета в человеческом понимании этого слова, но зато есть в каком-то другом».

Воспроизводя эти ирреальные неземные ощущения, автор как бы напоминает, что нельзя все мерить стандартной меркой, что в природе наверняка существуют не только привычные измерения, но и другие чувственно-образные системы. Исходя из этого предположения, В. Колупаев в новелле «Июнь» предлагает и весьма необычную модель Kontakта между представителями разных космических цивилизаций, который возникает уже не на информационной или научно-технической, а на эмоциональной основе, на основе каких-то близких для всего вселенского мироздания ощущений. Общим же знаменателем при этом, полагает В. Колупаев, может стать способность видеть, чувствовать и понимать красоту. «Мир спасет красота», — утверждал Достоевский. Она же, красота, убежден В. Колупаев, поможет и в межзвездных отношениях. И не какая-то там абстрактная, а близкая тому или иному разумному существу «красота своего города или реки, любимой девушки или интересной книги, красота и фантастика человеческих чувств, мыслей и отношений». И красота родного уголка в масштабах вселенной, доказывает писатель, не менее значима, нежели красота всего мироздания, без которого она, последняя, не полна. Потому герой новеллы «Июнь» и уверен, что «на Земле прекрасного и таинственного не меньше, чем в твоей вселенной».

«Календарь чудес» в повести «Жизнь, как год» завершает новелла-притча «Декабрь». Рассказывает она о «живом доме». На вид это самый обыкновенный, старый, деревянный деревенский дом, но в нем остались души его хозяев — старика и старухи, долго и согласно проживших здесь, вырастивших детей и умерших в один день. Их «руки переплелись венцами бревен, и теперь они, незримые для постороннего взгляда, и «есть этот старый дом». Каждый раз под Новый год «живой дом» ожидает своих детей и внуков, которые напоминают старику со старухой о собственном детстве и молодости. И более всего хочется дому после этих визитов, чтобы пришли сюда их дети и внуки еще раз, чтобы не рвалась преемственная цепь и не умирала родовая память...

Более тридцати лет отдал фантастике В. Колупаев. Он оставил после себя удивительный мир, где вымысел неотделим от реальности, где в фантастическом зеркале отражаемся мы сами со своими хорошими качествами и слабостями, бедами и проблемами, взглядами на жизнь, где господствуют Добро и Любовь и где сам автор похож на доброго волшебника. И не спутать ни с чьими другими ни голос его, ни почерк. А каждая «встреча с чудом» в произведениях В. Колупаева заставляет еще и еще раз задуматься над тем, кто же мы в этой жизни и какими надо стать, чтобы соответствовать высокому званию — Человек!

И вот еще какая очень важная особенность творческого существа В. Колупаева. Если для подавляющего большинства сибирских коллег по жанровому цеху фантастика была одной из сфер приложения литературных сил и способностей, то для него — единственной любовью, которой он оставался верным всю жизнь.

«Обреченные» на успех

«Перестроечная» пора для авторов приключенческой прозы, детективов и фантастики оказалась весьма благоприятной.

В советские времена, увы, так сложилось, что к этим любимым читателями жанрам отношение со стороны официальной идеологии было весьма прохладное. «Обреченные» на читательский успех они, тем не менее, априори считались литературой низкосортной. Хотя на деле серости более чем достаточно было и в «высококобой» литературе, в то время как детективно-приключенческая проза и фантастика имели немало достойных образцов истинно художественных произведений (тот же В. Колупаев красноречиво тому под-

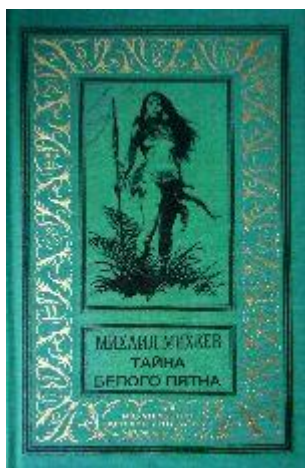
тверждение). «Перестройка» способствовала переоценке «ущербных» жанров, их дальнейшему полноценному существованию и развитию. Благо все предпосылки к тому у сибирской приключенческой прозы имелись. Как и достаточно прочный фундамент.

Первые приключенческие «ласточки» в сибирской литературе появляются в начале XX века. В 1909 году увидела свет «**Повесть о мамонте и ледниковом человеке**» П. Драверта, впоследствии много раз переизданная и ставшая классикой советской фантастики. В 1922 году, напомним, вышла «Страна Гонгури» В. Итина — первого советского романа в жанре фантастики. Фантастические мотивы и приемы не раз использовали в своих произведениях В. Богораз-Тан, А. Сорокин.

В литературе советской Сибири фантастика получила дальнейшее развитие. Особенно, начиная с 1960-х годов, когда один за другим появлялись все новые интересные авторы этого жанра из разных уголков Сибири: М. Михеев, А. Якубовский (Новосибирск), Б. Лапин (Иркутск), Г. Емельянов (Новокузнецк), Вяч. Назаров и С. Павлов (Красноярск)... Обращались к фантастике и писатели-реалисты — такие, например, как Вс. Иванов, В. Шукшин или Н. Самохин.

Что касается непосредственно приключенческой, в том числе и детективной, литературы как жанра, то ее начало восходит к первой трети XX века и связано, прежде всего, с именем писателя М. Кравкова, который в 1920 — 1930-е годы зарекомендовал себя настоящим мастером приключенческой прозы. Его «Рассказы о золоте», цикл «Из Саянских скитаний» или, скажем, повесть «Зашифрованный план» и сегодня читаются с захватывающим интересом на одном дыхании. А повесть М. Кравкова «Ассирийская рукопись» можно по праву отнести к первым сибирским детективам.

Но, несмотря на интересную работу отдельных авторов, детективно-приключенческая проза в Сибири долго еще пребывала в зачаточном состоянии и на последних ролях. Серьезный толчок к ее развитию дало Всесибирское совещание по детской литературе 1958 года в Новосибирске, констатировавшее неудовлетворительное состояние дел в приключенческой литературе. В числе первопроходцев сибирской приключенческой прозы во второй половине XX столетия были Н. Осинин с его повестями «Через все преграды» и «Журавлиный яр» и М. Михеев с «Вирусом В-13» и «Тайной белого пятна».

С именем М. Михеева связывают и становление современного сибирского детектива. Что небезосновательно, если вспомнить его широко известную детективную трилогию, начатую в семидесятых годах повестью «Запах шипра» и продолженную в восьмидесятых повестями «Сочинский вариант» и «Поиск в темноте».

Впрочем, М. Михеев с Н. Осининым были не единственными, кто весьма успешно осваивал в послевоенные десятилетия детективно-приключенческую прозу. Начиная с 1960-х годов, на этом направлении вообще наблюдалось заметное оживление. В 1962 году в Новосибирске выходит книга бывшего чекиста Г. Лосьева «Самоубийство Никодимова». В 1965-м — цикл его «рассказов старого следователя» под общим названием «Вексельное право», а еще через год — приключенческий роман из времен Гражданской войны «Сибирская Вандея». Добротными политическими детективами («Ржавый капкан на зеленом поле» и др.) радовал алтайский писатель Л. Квин. Авантюрной фабулой, приключенческими элементами характерны были многие произведения шестидесятых годов В. Липатова. И в первую очередь его романы-расследования «Деревенский детектив», «И это все о нем».

А в середине 1970-х читатели узнали имя М. Черненко — писателя, чьими детективными историями на протяжении десятилетий будут зачитываются миллионы любителей этого жанра.

Михаил Яковлевич Черненко (1931 — 2019) родился селе Высокая Грива Тогучинского района Новосибирской области, в семье рабочего-железнодорожника. Окончил Новосибирский речной техникум по специальности «штурман речного флота». Два десятка лет М. Черненко проработал судовым инспектором в Томском управлении Западно-Сибирского речного пароходства, будучи одновременно народным заседателем в суде. Он автор нескольких книг в помощь судоводителю, много раз переизданных в Москве. Расставшись с профессией речника, М. Черненко работал сотрудником тогучинской районной газеты «Ленинское знамя», затем редактором отдела прозы журнала «Сибирские огни».

Свою литературно-художественную деятельность М. Черненко начинал с публикаций в журналах «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Сельская новь». В 1975 году в Новосибирске была издана его первая повесть **«Следствием установлено»**. Впоследствии ее заголовок станет названием большого (в несколько десятков повестей) цикла детективных повестей. Книжки М. Черненка выходили в Новосибирске и Москве, а так же в США, Англии, Германии, Польше, Югославии, Болгарии, Венгрии. Творческая работа М. Черненка была отмечена премиями МВД СССР и губернатора Новосибирской области. В 1980-х годах М. Черненка называли «сибирским Сименоном».

Первые же детективные произведения М. Черненка принесли ему читательское признание. Написаны они в традициях классического детектива. Есть в них и хитроумные сюжетные головоломки, и неожиданные повороты, и необходимая для приключенческого жанра острая динамика. Но привлекают они не в последнюю очередь еще и тем, что местом их действия становится сибирская глубинка с ее особой атмосферой и жизненным укладом, а в центре расследований — свой доморощенный Мегрэ, районный сыщик Антон Бирюков.

Покоряет же Бирюков читателей не только недюжинными детективными способностями, и уж вовсе не ухватками железного опера, а личным обаянием, человеческой близостью и понятностью. А потому совершенно естественно, что стал Антон Бирюков (на его месте читатель никого и представить уже больше не мог) сквозным и связующим героем-образом, благодаря которому каждое последующее произведение М. Черненка становилось своеобразным продолжением предыдущего.

Особенностью же авторской манеры М. Черненка было то, что в каждом своем произведении писатель старался заставить читателей думать не столько о том, кто и как совершил преступление, сколько о том, что побудило человека оступиться. Не случайно одну из повестей («Кухтеринские бриллианты») автор предварил высказыванием философа Спинозы, которое можно поставить эпиграфом и ко всему творчеству М. Черненка: «Обдумывая человеческие поступки, я всегда начинал не с того, чтобы смеяться, скорбеть или отрицать, а с того, чтобы понять».

Для самого М. Черненка «понять» значило не просто проследить логику мыслей и действий следователя и преступника, не только разгадать механизм преступления (хотя это и есть одна из важнейших задач любого детектива), но и обязательно проникнуть во внутренний мир персонажей, мир их самых сокровенных чувств. И уже одно это позволяет говорить о творчестве М. Черненка как о явлении подлинно художественном.

* * *

А завершались восьмидесятые годы еще одним событием, вызванным «перестройкой» и обещавшим стать для литературы Сибири судьбоносным.

В октябре 1989 года на учредительной конференции в Новосибирске, куда съехались представители писательских организаций Бурятии, Хакасии, Красноярского края, Кемеровской, Новосибирской, Томской, Тюменской, Читинской области, было принято решение о создании **Сибирской писательской Ассоциации** (СПАСС). Председателем координационного совета ассоциации был избран главный инициатор этой затеи писатель-очеркист **Виталий Зеленский** (1927 — 2008). СПАСС декларировала объединение писателей Сибири на основе общности их литературных интересов.

Ассоциация намеревалась выпускать свои литературные газеты и журналы, сотрудничать с местными издательствами, осуществлять собственную издательскую деятельность, пропагандировать литературу, организовывать семинары молодых писателей и т. д. Из заявленного реально осуществилось немного. В частности, вышло восемь номеров газеты «Литературная Сибирь», три номера альманаха «Мангазея», издано несколько книг и проведен в 1990 году в Кемерово очередной Всесибирский семинар молодых литераторов.

Процессы начавшегося общественного распада негативно отразились и на СПАСС. Официально оставаясь «юридическим лицом» еще в «нулевые» годы XXI века, фактически к середине 1990-х годов ассоциация перестала существовать.

В ПУТАХ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Когда схлынула «большая вода»

В последнее десятилетие XX века жизнь российского общества круто изменилась. Весьма безобидный, как казалось поначалу, камешек «перестройки», брошенный в середине 1980-х годов, к девяностым, набирая по пути разрушительную энергию, превратился в сметающую все на своем пути грозную лавину. Под ее натиском рухнуло и распалось еще недавно единое геополитическое, экономическое, информационное, культурное и разное прочее другое пространство супердержавы, именовавшейся Советским Союзом. Полтора десятка разновеликих его осколков, гордо именуемых суверенными государствами, пустились в свободное плавание. Но процессы распада не остановились, пошли уже вглубь коренной России...

Не обошли они стороной и дела литературные. Перестал быть единым Союз писателей. От традиционных писательских организаций на местах отпочковывались новообразования, которые, в сущности, ничем от них не отличались. Число новоявленных литературных союзов, дублировавших друг друга, в некоторых сибирских городах доходило до трех и даже четырех. При этом, как правило, никакой конкуренции они друг другу не создавали, а только пытались как можно громче заявить о себе различными декларациями да взаимными обвинениями.

Но куда хуже было то, что стремительно рушилась издательская и книготорговая система. Одно за другим прекращали существовать брошенные властями на произвол судьбы государственные региональные издательства и книготорговые предприятия. На их место пришли разношерстные коммерческие издательские фирмы. Казалось бы, сбылась, наконец-то, голубая писательская мечта о творческой свободе. Выбирай себе издательство на вкус без оглядки на всякие идеологические и прочие запреты, публикуй, что пожелаешь.

Реальность, однако, оказалась иной. Советское идеологическое «прокрустово ложе» сменилось не менее суровыми «ежовыми рукавицами» коммерческой выгоды. Нарождающийся российский издательский и книготорговый рынок ориентировался отнюдь не на читателя духовно, нравственно развитого. Издавать главным образом стали то, что при минимальных затратах можно было быстро и выгодно продать. То есть то, прежде всего, что потрафляет низменным чувствам и инстинктам, примитивным вкусам. Писатель, в свою очередь, был поставлен перед жесткой альтернативой: либо вставать за конвейер по изготовлению сомнительного беллетристического ширпотреба, либо вообще оказаться за бортом. Поэтому неудивительно, что махровым цветом расцвела низкопробная бульварная беллетристика со смакованием насилия, секса, житейской грязи, или же, с другой стороны — пропитанная дешевым мелодраmatизмом, пошлой сусальностью и слащавостью. Благо примеров для подражаний в западном чтиве, заполонившем наши книжные развалы в девяностые годы, было хоть отбавляй. Произведениям же подлинно художественным, не рассчитанным на сиюминутную отдачу и требующим серьезных материальных и духовных инвестиций, особенно писателей местных и тем более молодых, в планах издательского бизнеса тех лет места практически не находилось. Все это в полной мере отразилось и на литературной жизни Сибири.

Правда, у литераторов 1990-х появилась счастливая возможность выпускать книги за свои (или спонсоров) деньги, но далеко не каждому автору удавалось средства эти находить. А подавляющее большинство тех, кому удача сопутствовала, талантом явно не блистали. Естественно, что качество издаваемой литературы резко падало, а звание писателя дискредитировалось.

Разрушение коснулось еще одной важной опоры бытия нашей словесности — литературных журналов и альманахов. Большинство, не имея государственной поддержки, а

значит, и возможности худо-бедно держаться на плаву, влачили жалкое существование. Авторы этих изданий — сибирские писатели разных жанров — теряли самый надежный выход к читателям.

Подобная незавидная участь постигла даже такого монстра сибирской литературной периодики, как журнал «Сибирские огни». До начала 1990-х годов он был производственным подразделением Новосибирского книжного издательства. Но, возжелав полной свободы, в 1992-м отделился и пустился в самостоятельное плавание по штормящему рыночному океану, не имея ни необходимых для этого знаний, ни опыта. И эйфория свободного полета быстро сошла на «нет». Прежняя модель журнала, созданная для социально-экономических отношений совсем другого рода, к рыночной стихии, да еще в пору не устоявшегося «дикого» капитализма, оказалась попросту непригодной.

Команда «Сибирских огней», возглавляемая Г. Карпуниным, пытаясь выплыть, выжить в новых непривычных условиях, судорожно искала пути выхода из кризиса. Журнал поменял формат, объем (вдвое усох и в том, и в другом), логотип, внешнее оформление. Для читателей со стажем стал он почти не узнаваемым. Целые номера с продолжением редакция отдавала публикациям известных зарубежных авторов (Ян Флеминг, Артур Конан-Дойль), перепечатке модных учений (Порфирий Иванов, Елена Блаватская и др.) или же произведениям любого автора, имеющего деньги на издание. Увы, редакционные усилия не увенчались успехом. Тираж журнала стремительно падал и к середине 1990-х составлял уже менее десятой части от тиража десятилетней давности, когда «Сибирские огни» находились на пике популярности. Сокращалась и периодичность. Дошло до того, что в 1995 году вышел всего один номер «Сибирских огней». Журнал фактически переставал существовать...

Тем не менее, литературная периодика в Сибири была скорее жива, чем мертва, о чем свидетельствовало появление новых изданий в разных сибирских городах.

С 1989 по 1992 год Иркутское отделение Союза российских писателей выпускало в Иркутске литературно-публицистический альманах «Зеленая лампа», который публиковал прозу, стихи, очерки, краеведческие, театральные и литературно-критические материалы. Альманах выступал своего рода дополнением картины литературной жизни Иркутской области, освещаемой журналом «Сибирь». Редакторами-составителями были А. Кобенков, Б. Ротенфельд.

У писателей Тюменской области было свое издание — «Тюмень литературная». Самый первый ее номер появился в июле 1972 года как спецвыпуск к проходящим в Тюмени Дням литературы. Просуществовала она до 1975 года. По тем же названием и с тем же редактором (Н. Денисов) в 1989 году газета была возрождена и выпускалась все 1990-е годы. Широко публиковала как русских, так и национальных авторов Западной Сибири и Обского Севера.

В апреле 1990 года томские писатели взялись за выпуск литературно-краеведческой газеты «Сибирские Афины», где, кроме краеведческих и материалов о сибирской старине, печатались стихи, проза, фантастика местных литераторов, статьи о литературе и искусстве, публицистика. К середине 1990-х издание трансформировалось из газеты в литературно-художественный альманах, страницы которого предоставлялись как уже состоявшимся сибирским (томским, прежде всего) писателям, так и молодым, начинающим. Бессменным редактором альманаха до последних дней своих (умер в 2007 году) был томский поэт А. Казанцев.

Альманах под названием «Иртыш» был и у омских писателей. Он выходил с 1990 по 1997 год. В нем публиковались проза и поэзия, публицистика и критика, литературоведческие и краеведческие материалы сибирских (и прежде всего омских) авторов.

Там же, в Омске, в середине девяностых Омское отделение российских писателей выпускало свой весьма объемистый сборник прозы, поэзии, публицистики местных авторов под названием «Складчина». Всего вышло три таких сборника.

В 1993 году в Красноярске по инициативе В. Астафьева появился журнал для семейного чтения «**День и ночь**», который стал одним из самых объемных изданий российской литературной периодики. Бесменным главным редактором с первого номера и до своей кончины в 2007 году был красноярский писатель Р. Солнцев. Журнал предоставляет страницы авторам всех литературных жанров, живущим как в Сибири, так и далеко за ее пределами: от Магадана и Сахалина до Москвы и Санкт-Петербурга.

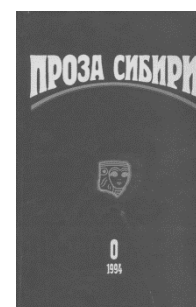
В августе того же, 1993 года появился литературно-художественный и краеведческий журнал алтайских писателей «**Барнаул**». Свои страницы он предоставлял преимущественно творчеству авторов-земляков: поэтам, прозаикам, публицистам, литературным критикам. Значительное место в журнале занимало краеведение.

Несколько изданий журнального типа появились в 1990-е годы и в Новосибирске.

Первым по времени создания стал литературно-художественный альманах «**Мангазея**», издаваемый Сибирской писательской ассоциацией (редактор В. Берязев). Всего вышло три номера (№1 — в 1990, №2 — в 1993., №3 — в 1995 гг.). Альманах публиковал стихи, прозу, статьи молодых сибирских авторов и был адресован таким же молодым читателям. Редколлегия альманаха видела в нем прообраз молодежного сибирского журнала. Правда, ожидания эти не сбылись. Тогда же, в 1990 году, было создано одноименное малое предприятие, выпускавшее, кроме альманаха, сборники стихов молодых авторов. В 1992-м «Мангазея» стала частным коммерческим издательством и перешла на выпуск книжных серий, «повышающих гарантийный читательский спрос». Наиболее известными среди них были «Русский криминал» и «Незнакомка» (женские романы).

Следом за «Мангазеей» появился журнал фантастики и приключений «**Мечта**», учрежденный В. Карповым (он же главный редактор) и Новосибирским бюро пропаганды художественной литературы СП РСФСР. Журнал издавался в 1991 году (вышло четыре номера) и печатал как зарубежную, так и русскую фантастику, в том числе произведения молодых сибирских авторов. Публиковались также литературно-критические материалы, посвященные проблемам жанра, информация, касавшаяся мира фантастики, сатира и юмор.

В октябре 1994 года в Новосибирске возникло еще одно литературно-художественное издание — «толстый» журнал «**Проза Сибири**» (издатель А. Пасман и Л. Шувалов, главный редактор Г. Прашкевич). Публиковал он прозу, очерки, переводы, предоставляя журнальную площадь как сибирским авторам, так и писателям Европейской России и российским литераторам, живущим за рубежом. Но без разделов критики и публицистики больше походил на составляемый по жесткому жанровому принципу сборник. Закончил существование в 1998 году на десятом номере.

Более удачным и долговечным оказался журнал для семейного чтения «**Горница**», учрежденный Новосибирской писательской организацией

(автор идеи А. Плитченко, главный редактор М. Щукин). Выходил он с мая 1995 года (с 1998 года под названием «**Сибирская горница**») и вплоть до 2010 года. Был журналом универсального содержания с краеведческим уклоном и православной окраской. Материалы о родном крае соседствовали в нем с церковными текстами, «детские страницы» с рассказами о замечательных людях Отечества и материалами, посвященными устройству семейного очага. Публиковалась также художественная проза и поэзия. Кроме современных авторов, печатались произведения из литературного наследия Сибири. «Сибирская горница» имела свой «издательский дом», выпускавший, кроме журнала, преимущественно заказную литературу и книги за счет авторов.

В 1997 году в Новосибирске появилось еще одно универсальное издание — альманах культуры «Дарование» (главный редактор И. Гомеров). Учредил его комитет по культуре администрации Новосибирской области, а издавала Новосибирская государственная областная научная библиотека. Освещались в нем все стороны культурной жизни города и области. Отводилась определенное место и литературе. Просуществовал этот альманах чуть больше года.

Казалось бы, писателям-сибирякам грех было жаловаться на нехватку печатных площадей и литературных изданий для реализации творческих замыслов. Только вот сами издания эти в большинстве своем были недолговечными, и качество их оставляло желать лучшего.

И по финансовым причинам, конечно: любой журнал или альманах — дело уже само по себе весьма затратное. Но в не меньшей степени сказывался на уровне журнальных «новоделов» девяностых годов и тот факт, что за их выпуск зачастую брались не профессионалы, а откровенные дилетанты, имевшие о сложном издательском процессе очень смутное представление. К тому же, в целях экономии как издатели, так и авторы стали повально отказываться от услуг редакторов и корректоров, публикуя произведения «в авторской редакции», то есть без профессиональной правки и вычитки, являя читателям сырые безграмотные тексты. Ну и, помимо всего прочего, новоявленные сибирские альманахи и журналы (как, впрочем, и прежние, традиционные) перестали выполнять главную функцию изданий литературной периодики — во всей полноте и многообразии отражать литературный процесс.

Вставал, однако, резонный вопрос: а было ли что отражать? Существовал ли в девяностые годы, когда столько всего разваливалось и рушилось, ставилось с ног на голову и искажалось, как в кривом зеркале, в культурной и литературной жизни страны одно за другим, этот самый процесс вообще?

Еще не так давно по просторам исчезнувшего Советского Союза текла многоводная могучая река русской советской словесности, а по четко обозначенному соцреалистическому фарватеру из пункта А в пункт Б уверенно и целеустремленно шел многопалубный теплоход литературного процесса, забирая на пристанях магистральных тем и проблем все новых пассажиров, гордо именуемых «советскими писателями». Но разразились катаклизмы великие. Ветер «перестройки», набрав ураганную силу, разбил в густом тумане красавец-теплоход о прибрежные скалы. Обломки его разметало по большой воде, а пассажиров, кто не захлебнулся сразу и не пошел ко дну, выбросило в места неизвестные, незнакомые. Все здесь было не так, как давеча: свободы слова — завались, а унести ее невозможно да и некуда: пункт А за поворотом истории остался, а в какой теперь стороне пункт Б — никто не знает, ибо вокруг туман густой... А когда туман чуть рассеялся, обнаружилось, что и реки-то прежней уже нет. Схлынула, сошла большая вода, бросила старое русло и растеклась на многочисленные рукава, протоки, застряла в старицах и во множестве махоньких пойменных озерцах. И в каждом таком региональном — областном, городском или районном — литературном озерце забродил свой «процесс», внутри которого непосредственные его участники плохо понимали, что с ними происходит, и фактически не знали, как живут и что делают их коллеги в соседних «озерцах». Понятно, что при таком положении и общую картину жизни литературной Сибири девяностых годов увидеть было сложно.

«Вломилось время с топором...»

Да и картина при внимательном рассмотрении вырисовывалась нерадостная. Многие писатели в обстановке смутного времени откровенно растерялась. Как с горечью писала

новосибирская поэтесса Н. Созинова, выражая и настроение многих своих литературных коллег:

*Не жить случилось — доживать
в срамной борьбе за выживание...
А тут без тяги торговать,
да воровать, да предавать
никчемны прочие страдания.*

А таким стихотворцам, как, скажем, еще один поэт из Новосибирска **Леонид Чикин** (1927 — 1994), чье творчество было посвящено в основном и прежде всего Родине, коммунистической партии, армии, народу, которые воспринимались им как нечто глубоко личное, сокровенное и дорогое, без чего его собственная жизнь теряла смысл, страдать приходилось вдвойне. Поэт-фронтовик Л. Чикин искренне верил в коммунистические идеалы и оставался преданным им до конца жизни. Но как настоящий художник в образах коммунистов он стремился показать живых узнаваемых людей из гущи народной, из горнила большого настоящего дела. И это ему в значительной степени удавалось, за что говорят его книги «Первопроходцы» (1977), «Поэмы» (1980), «Время» (1986) и др. Разрушение социалистической системы, а тем более запрет КПСС в начале 1990-х годов, безусловно, подкосило поэта-коммуниста.

Распад СССР и последовавшая за ним социальная ломка со сменой политического курса заметно отразилось на жизни и творчестве многих сибирских писателей. Той же **Нинели Созиновой** (1931 — 2006). Если в предыдущие десятилетия ее поэзия вращалась в круге традиционных лирических тем — любовь, природа, жизненные истоки, идеалы добра, милосердия и справедливости, то к середине девяностых она стала остросоциальной и политизированной. В поэтических раздумьях о том, что с нами ныне происходит на крутом переломе, любовь ко всему родному и близкому переплетается у нее с сердечной болью за разоренную и униженную новыми «хозяевами жизни» родину.

Как и у красноярца **Владлена Белкина**, в поэзии которого в девяностые годы исчезает светлое романтическое мироощущение и сменяется негодованием и горечью при виде того, как «лихо подлое гуляет по Руси» и «беды разные клюют со всех сторон». Меняется соответственно характер и стилистика стихов, которые теперь преимущественно острые социальные репортажи и зарисовки да политические памфлеты.

Земляк В. Белкина и сотоварищ по поэтическому цеху **Роман Солнцев** и вовсе ушел в политику, став в 1989 году депутатом Верховного Совета СССР. Практически расстался и с поэзией, сменив ее в своем творчестве на драматургию и публицистику с ярко выраженной социально-политической окраской.

Уходили от поэзии в иные сферы жизни и деятельности в 1990-е годы и некоторые другие известные сибирские поэты. Так, **Анатолий Преловский** полностью посвятил себя переводам национальных сибирских авторов и эпосов, а Геннадий Карпунина — исследованию «Слова о полку Игореве».

Отстранился от стихотворчества в девяностые годы и **Виктор Крещик**. Он занялся переизданием после столетнего перерыва уникального труда П. Словцова «Историческое обозрение Сибири», осуществленного им в 1995 году (первоначальная публикация состоялась в 1993 году в «Сибирских огнях»), которое стало событием в культурной жизни Сибири конца XX века.

Отстранился от стихотворчества в девяностые годы и **Виктор Крещик**. Он занялся переизданием после столетнего перерыва уникального труда Петра Словцова «Историческое обозрение Сибири», осуществленное им в 1995 году (первоначальная публикация состоялась в 1993 году в «Сибирских огнях»), которое стало событием в культурной жизни

Сибири девяностых годов. Но временами прорывался в В. Кредщике талантливый поэт, и появлялись новые его стихи — по большей части горестные, болевые, в которых поэт размышляет над происходящим в стране под вывеской «реформ», и приходит к выводу, что история повторяется, а мы все никак не извлечем уроков из прошлого. Вместе с тем, поэт не верил в роковую историческую беспросветность и неистребимое тысячелетнее зло. Иначе бы, наверное, не написал в тяжелейшие для России дни вот эти, полные высокого зовущего света и надежды строки:

*В мире зла, в мире добрых дел
Я могу иногда вспоминать:
Белый лебедь надо мной пролетел —
Никому его не догнать...*

*Шел над Обью он, праздничный весь,
И казалось, что звучит орган.
Хоть однажды услышать эту песнь
Я желаю и друзьям, и врагам...*

*Песнь, срывающуюся с крыл,
Небеса заворачивала и тайгу.
Я в минувшем кой о чем позабыл.
Кой о чем позабыть не могу...*

*Он ушел навстречу жестким ветрам...
И, когда я вспоминаю друзей,
Вновь проходит надо мной по утрам
Белый лебедь с дивной песней своей...*

Поистине символом надежды становился в стихотворении В. Кредщика тот лебедь!

Александр Плитченко тоже пребывал иных сферах творческого бытия: Много занимался в последнее десятилетие века издательской деятельностью. В частности, ему обязан своим появлением журнал «Горница». Отдал немалую дань поэт и острейшей социальной публицистике. Но и о поэзии тоже не забывал, хотя, по сравнению с собой прежним, стихов писал и публиковал мало. За семь лет, прожитых им в девяностых годах, новых стихов набралось у А. Плитченко на небольшую книжку «Матушка-рожь» (1997), изданную уже после смерти поэта.

В творчестве своем А. Плитченко стремился говорить только языком добра и любви. Когда-то мечталось ему «сирое — просторнее засеять будущим добром». И не вина поэта, что в последний отрезок его жизни «в укрепившиеся корни вломилось время с топором». Топор времени (так называемых демократических реформ и перемен), жестоко и безжалостно подрубивший многие устои нашего бытия, задел и поэзию А. Плитченко. Она закровоточила.

*Сине-красно с исподу горят облака,
Уходя к горизонту слоями,
Словно бы перевернутая река
Катит волнами мертвое пламя.*

Свет заката такой, что любая краса

*В нем предстанет убогою грязью,
И не видно границ, и не видно конца
Человеческому безобразию.*

*Свет страшит, но притягивает смотреть,
Как бутылка, упавшего в пьянство,
Серо-синим румянцем окрасила смерть
Измытаренный облик пространства...*

*Поглядишь на закат, точно в душу свою,
И пугаешься делу распада...*

И все-таки кровавый закат «распада» не застил А. Плитченко глаза. Как бы ни было тяжело, оставался у него «впереди — серебряный, счастливый свет». Это — свет родных берез, свет природы, который когда-то «согрел наши души и спас» и который, надеялся, поэт, спасет и сейчас.

*Неужели же силы природы
Не восстанут надеждой вовек,
И покатаются черные годы,
И забудет себя человек...*

*Но не канул, остался покуда,
Отторгающий мысленный бред,
Точно светлое Божие чудо —
Этот ровный березовый свет...*

Была у А. Плитченко еще одна, может быть, последняя надежда — Бог. Но не в сугубо религиозном понимании. Бог являлся для поэта некой высшей субстанцией, венцом природы и, конечно же, духовным маяком, помогавшим выжить, не сгинуть в содомной пучине современного бытия, сохранить в себе человека. Бог освещал негасимым светом созданный поэтом «родительский дом». В нем он видел «небесный корень», соединяющий человека с Матерью-Вселенной. Но был у поэта Плитченко и другой Бог, которому он всю жизнь истово поклонялся и который оставался с ним до последнего вздоха, — «нетленное светлое Слово». Только оно, Слово, в конечном счете, убежден был А. Плитченко, и способно противостоять «делу распада».

И даже совершенно, казалось бы, камерный лирик, **Нина Грехова**, не осталась в стороне от «дела распада» девяностых годов. Все глуше ноты интимных переживаний в ее стихах, все настойчивей звучат прямо-таки апокалипсические тона на финише двадцатого столетия. Любящая и верная дочь своей страны, Н. Грехова не может равнодушно взирать на позор «нищей супер-Державы», где нынче «даже столб фонарный обворован», чьей любви «так ненадежен полис» и чьей «груди так беззащитна твердь». Трагедия не так еще давно великой, но ныне опустившейся до состояния этакого гигантского бомжа, России становится пронизывающе острой сердечной болью поэтессы:

*Крестами сплошь
заштопана, как рана,
судьбы твоей обугленная треть...
Ищу лицо твое
из-за Урала.
И страшно мне
в глаза тебе смотреть.*

Но, несмотря ни на что, поэтесса продолжает любить и жалеть свою подкошенную злой судьбой Родину. Возникает, правда, исподволь в ее поздних стихах еще и мотив бегства. Но лирическая героиня Н. Греховой «замыслила свой побег» отнюдь не для того, чтобы поменять опостылевшую «страну Дураков» на что-нибудь попримечнее. Она жаждет выбраться из болота ненависти, лжи, равнодушия и предательства, в которых погрязло общество на исходе двадцатого столетия.

Отразились лихие девяностые и в творчестве **Владимира Башунова**. Светлый лирик в его стихах уступает место поэту, чья душа познала «муку чужого предсмертного взгляда», у которого «виноватится сердце, болит, а оттого заполняется мрачно-трагическим ощущением мира:

*Нету отзыва — жизнь безответна.
Нету цели — бесцельна стезя.
Верить миру смешно и наивно,
А не верить грешно и нельзя...*

И все больше накапливается у поэта «вопросов проклятых, горестных, ножевых», на которые нет у него однозначных ответов. Но сильнее всего пугает, что «никто не боится расплаты, // поскольку не слышит вины. // Никто ничего не боится, // ничто ни о чем не болит». Зато, показывает В. Башунов в яркой и точной по социальному диагнозу сатирической зарисовке «Весна 199... года», все полны радужных, но беспочвенных надежд, маниловских ожиданий «века золотого»:

*...Откроются клады, обильно
в казну потечет серебро.
И станет европам обидно.
И встанет земля на ребро.
И сверху по нитке витой
опустится век золотой.*

Тревожат В. Башунова и деформировавшиеся взаимоотношения человека и природы. По его убеждению, природа — последняя заповедная обитель, где «можно сиротской душе приткнуться». Но железная поступь техногенной бездушной цивилизации не щадит и этого пристанища:

*Там интеграл, там нефтью пахнет,
идут кислотные дожди,
там все живое мрет и чахнет,
роняя всхлипы из груди...*

И если в связке человек и природа искони всегда было «мы — следствие, она — причина», то ныне, констатирует поэт, уже природа «стала следствием» — следствием человеческого варварства, приводящего к нарушению земной гармонии и заставляющего страдать окружающий мир. В силу же противоречивой двойственности своей природы человек, наслаждаясь красотой природы, способен тут же предать ее во имя эфемерных благ цивилизации, о чем и напоминает В. Башунов в своих лирико-философских этюдах.

Из той же драматичной, а нередко и трагичной, противоречивости рождается, как известно, вечный конфликт старого и нового, проводящий в движение процесс обновления. Однако дело не в конфликте как таковом, а в способах его разрешения. Неужели для рождения нового надо обязательно разрушить до основания старое? Революция или эволюция?.. Тревожной энергией этих всегда актуальных вопросов и заряжена поэзия позднего В. Башунова.

Но, все-таки, нет в ней, несмотря на некоторый налет трагизма, тупика безысходности. Поэт верит, что «не все потеряно меж нами, // не вся любовь размыкана по ветру, // и сердце, оглушенное разладом, // хранит в себе незамутненный звук», который не дает отчаяться, и поддерживает человека в самые трудные моменты жизни:

*Звучи, звучи, родное пенье!
Качайся, тонкая лоза!
Чтоб обожгло меня волнение
и затуманилась слеза.*

*...И плачу я большой и сильный,
уже давно немолодой,
над золотой травой и синей
и над зеленою водой.*

*Над светом детства промелькнувшим.
Над чистым звуком горловым,
Над всем прекрасным, да минувшим,
Над всем минувшим, да живым.*

Сергей Донбай крушение взрастившей его великой страны Советов встретил тоже болезненно. И сердцем, и душою он оставался в уходящей эпохе. Расставаясь с нею, поэт признавался: «В советское время одною ногою живу». И не отрекался, оставаясь верным и времени тому, и людям:

*Они со мной, живые и ушедшие.
Друзей не очищаю от пороков.
В своем отечестве, в моем отечестве —
Друзей не отличаю от пророков.*

Постперестроечные события нашли в поэзии С. Донбая значительный отклик. Жестко, но справедливо он пишет о таком вполне типичном явлении конца двадцатого столетия, как политические перевертыши, которые «уходят в депутаты, как в партию когда-то раньше», а «в партию вступали, как полицаи шли в войну». И задается вопросом: как же случилось, что первородные ценности бытия с легкостью размениваются теперь на бытовые материальные блага, превращая человека в потребителя?

Не всегда, правда, в поэтических откликах на происходящее в стране С. Донбаю удается уходить от рифмованной политизированной риторики и публицистики. Но во многом спасает ирония, доходящая подчас до сарказма. Вот, к примеру, какой емкий абрисный сатирический образ тоталитаризма возникает под его поэтической кистью:

*Построение счастья
Строгого режима
В отдельно взятой стране.
Коллективная улыбка на лице.*

Иронизм присутствует у С. Донбая далеко не только в стихах политической, социальной направленности. Им отмечены и многие другие произведения разных лет. Можно даже сказать, что иронизм — одна из приметных черт творчества этого поэта и достаточно сильное художественное средство, которым он успешно пользуется.

Драматические коллизии девяностых годов не заслоняли С. Донбаю «дела давно минувших дней». Скорее наоборот, они активизировали его интерес к отечественной истории, наводили на серьезные размышления и сопоставления. Так, С. Донбай задумывается над тем, что главное связывает людей разных времен и что передается им по наследству.

Что, в частности, досталось нам от тех, кто составлял «массу». Ведь она, если присмотреться, вовсе «не в едином порыве». А учила та «масса», приходит к выводу поэт, прежде всего тому, чтобы, в отличие от большинства разных наших вождей, не заниматься шапкозакидательством...

«Время с топором» девяностых годов, как видим, в творчестве сибирских поэтов оставило свой след и отзвук. Но воспринималось оно ими, все-таки, еще по большей части на эмоциональном уровне. Особой глубины осмысления не наблюдалось. Лицом к лицу лица пока было увидеть трудно. Не хватало дистанции.

Крутая чернуха с душком мертвечины

Не хватало ее и прозаикам, пишущим о «текущем моменте». Имеются в виду не авторы развлекательного бульварного чтива, а писатели, действительно причастные к литературе *художественной*. Но их в девяностые годы был явный дефицит.

Тон как раз задавала бульварщина, заполонившая книжные развалы. И главным источником ее творений «текущий момент» как раз и был. Из его кастрюли беллетристы (в том числе, и сибирские) черпали то, что потом становилось их, с позволения сказать, произведениями. При этом авторы не стремились проникнуть вглубь бурно кипящих социальных перемен. Им вполне хватало и образующейся на поверхности накипи. Благо, было ее на исходе второго тысячелетия с избытком. А для литературных суррогатов, ориентированных на низменные вкусы определенной части потребителей книжной продукции, лучшего исходного материала было не придумать.

В советские времена бытовало мнение, что бульварное чтиво как ветвь маскультуры — явление исключительно «ихнее», «буржуазное», и что «наш человек», имея несравнимо более высокий моральный уровень, никогда не опустится до потребления этих дурно пахнущих плодов «загнивающего» капитализма. Однако советское прошлое минуло, приоритеты и ориентиры сменились или сместились, и невозможное стало свершившимся фактом: бульварщина стремительно приобретала спрос. Моральный облик оказался, видимо, не столь хорош, как его оценивали (или хотели видеть) идеологи «победившего» социализма.

С другой стороны, противостоять, по большому счету, бульварщине, как и всему хлынувшему валу массовой культуры, а по существу — антикультуры, было некому. Прежней идеологии не стало, новой — не появилось. Вместо них — разгул криминальной стихии, чернухи и пошлости самых разных видов. Да и условия новоиспеченного «дикого капитализма», захлестнувшего страну, тому замечательно способствовали. Литература, как, впрочем, и остальные отрасли культуры — кино, театр, музыка изобразительное искусство, перестали быть областями духовными, а превратились в большинстве своем в товар, ширпотреб, предназначенный для извлечения прибыли.

Потребитель ждать себя не заставил, поэтому к середине 1990-х годов бульварщина захлестнула страну. Прежде всего, конечно, Центральную Россию. Но своих «умельцев» хватало и в Сибири. Одно только новосибирское издательство «Мангазея» выдавало в девяностых на-гора ежегодно десятки произведений разножанровой развлекательной, и преимущественно криминального толка беллетристики.

Что бросалось в глаза даже при беглом их просмотре? Сюжетная однотипность, стандартность основных положений и ситуаций, удивительная схожесть персонажей и типажей. Разные произведения разных авторов являли поразительное сходство. Как патроны одного калибра в обоймах.

Рецептура же этих беллетристических «шлягеров» была проста, но убойна, как винный ёрш: в кровапролитный криминал добавлялась изрядная доля густопсового секса, и

все тщательно перемешивалось в остро проперченном забористой площадной бранью соуса грязно-зловонной житейской пены.

Но при этом возникало ощущение, что авторы под разными именами предлагали читателям одну и ту же нескончаемую компьютерную игру с заданным сюжетным алгоритмом, набором коллизий и перипетий в тех или иных вариациях. Игру, где события и поступки не изображаются, а моделируются, действующие лица обозначаются с помощью определенных функциональных символов и стереотипов. Автор же с помощью различных манипуляций старается главную фигуру-фишку игры-произведения провести через полосу препятствий с расставленными на пути ловушками к благополучному финалу.

Впрочем, дело даже не в наметившемся в девяностые годы «компьютерном» подходе к литературному творчеству, имеющему к подлинному художеству самое отдаленное отношение. На определенном схематизме с набором специфических жанровых стереотипов держится по существу вся приключенческая беллетристика. Дело — в умении «манипулировать», искусно вести игру. А именно этой искусности, приближающейся к искусству, чем, кстати, и отличались классики приключенческой литературы, доморощенным «умельцам» конца XX столетия, излаживавшим поделки криминального чтива, как раз и не хватало. Вместо этого — прямолинейность, поверхностность, убогость мысли и примитивность воображения, художественный дальтонизм, из-за которого весь красочный спектр сводился к черному и белому цветам. Как следствие резкие перепады в изобразительной палитре: с одной стороны, грязный, провонявший помойкой натурализм, а с другой — слащавый фальшивый лубок, разумеется, никакого отношения к замечательному народному искусству не имеющий.

К ярким образчикам «чернушного» натурализма можно отнести повести весьма популярного в середине 1990-х годов новосибирского журналиста и беллетриста **Александра Духнова**.

Вот лишь некоторые из них.

Главный герой повести «**Миллионер**», открывающей трилогию А. Духнова «**Крутой**», Александр Новиков подвизается в ночной фирме по доставке пиццы. Однажды, прибыв по вызову, он застаёт заказчика мертвым. А под креслом находит набитый деньгами кейс, видимо, в спешке не замеченный убийцами. Он и становится отправной точкой и сюжетной пружиной. Связанные, как позже выясняется, с наркобизнесом бандиты, устраивают охоту на Новикова, а он, не желая расставаться со свалившимся на него халявным богатством, водит их за нос, сталкивает одну группировку с другой. Все это, естественно, сопровождается кровавыми разборками с соответствующими пиротехническими эффектами. Ну а в качестве сюжетного осложнения возникает фигура коррумпированного следователя, ведущего дело об убийстве владельца кейса.

В другой повести — «**Телохранитель**» — бывший боксер берется охранять дочь богатого предпринимателя, поскольку существо она взбалмошное и при этом чрезвычайно сексапильное, а папа ее находится «под колпаком» у заинтересованных в его деньгах лиц, постольку без дела и приключений телохранитель Сергей Бобров не сидит. Пожалуй, это самая кровомесительная вещь из всего повествовательного цикла А. Духнова, являющая собой непрерывную цепь пыток, убийств, взрывов, после которых офисы усеяны «ключьями женского тела» и тому подобной жути.

В повести «**Мертвец**» менеджер Федин мстит подонкам, изнасиловавшим его девушку. Помогает ему в этом уже знакомый читателям Бобров, который из телохранителя переквалифицировался в ликвидатора тех самых бандитов (их ему заказали), с которыми пытается свести счеты Федин. Есть еще одна фигура, важная в сюжетном раскладе повести, — некто Юрася Белоусов — армейский друг Федина и шеф его фирмы. Он и оказывается мозгом и идеологом банды, которая приносила ему хороший доход. Но со временем выпестованные им бандиты «выпряглись», стали опасными для него, и Юрася, испугавшись, нанял Боброва. Такие вот пироги с бандитами...

Если в предыдущих вещах А. Духнова тень коррупции еще только возникает на горизонте, то в повести «Утопленник» она дает о себе знать более основательно. По ходу действия выясняется, что некий крупный городской чиновник крепко повязан с одной из преступных группировок. Герой повести (здесь — рок-музыкант) волею случая обнаруживает компрометирующие большого начальника бумаги и шантажирует ими преступников. Движимый, правда, не высокими гражданскими чувствами, а мстостью и денежным интересом. Дело в том, что главный герой повести становится свидетелем, как рэкетеры отбирают у его друга деньги, часть которых принадлежит самому рок-музыканту, и убивают бедолагу. Это так потрясает героя, что он выходит на тропу войны. А в итоге — побеждает. Но уже не столько с помощью кулака и пистолета (музыкант, все-таки), сколько благодаря смекалке и твердой руке автора, которая вытаскивает его буквально за уши из ситуаций самых невероятных.

Если отбросить непринципиальные различия в заголовках повестей, именах и кличках персонажей, в некоторых сюжетных нюансах или деталях антуража, то перед нами, по сути, одно, продолжающееся из повести в повесть произведение, в центре которого молодой человек девятых годов, который пытается протоптать в непролазной житейской грязи свою тропку. Что же он за тип, и каким показал его автор?

О внешности судить трудно. Индивидуальных особенностей не наблюдается. Вроде бы с «интеллигентным лицом». В отличие от противостоящих ему нехороших ребят со стриженными затылками и дебильным выражением «сейчас изнасилую».

Внутренний мир и тех, и других туманен. С бандитами проще. Они — плохие по определению. Положительные персонажи, если верить аннотации к одной из книг А. Духнова, отличаются «мужской непримиримостью, решительностью и деятельной жадой справедливости». То есть по всем признакам — супермены. Да только как-то не тянут они на «рыцарей без страха и упрека». Тем более что о нравственной стороне своих поступков они, уверенные, что любое их действие — суровое благо, особо и не пекутся.

Оттого, видимо, с доморощенными суперменами А. Духнова в процессе их борьбы за справедливость происходит такая мрачная метаморфоза: представая поначалу вполне безобидными светлыми пареньками, они буквально на глазах крутеют, сатанеют и к финалу уже мало чем отличаются от тех, кому противостоят.

Феномен этот А. Духнов пытается объяснить наличием нездоровой социальной атмосферы. Тот же Новиков упрек своей подруги («не думала, что интеллигентный человек так быстро может превратиться в быдло») парирует «неотразимым» аргументом: «У нас вся страна в быдло превратилась». Видится, однако, в этой реплике не только самооправдание персонажа, претендующего на роль благородного разбойника, но и попытка автора реабилитироваться за грязную литературную игру. А уж грязи и пошлости в произведениях А. Духнова и его коллег по криминальному перу хватает с избытком. Особенно когда дело доходит до отношений с женщинами.

Криминальная беллетристика редко обходится без женской составляющей. Как известно, классические супермены были не только замечательными бойцами, но и половыми гигантами (вспомним хотя бы неуязвимого агента 007, созданного Я. Флемингом). Супермен А. Духнова — тоже не исключение. Как и у легендарного Джеймса Бонда, «самолеты» и «девушки» идут у него в одной связке, в которой «девушки» выполняют роль источника, подзаряжающего энергией «самолеты». А поскольку энергии у супермена уходит на героические дела очень много, постольку и «подзаряжаться» ему приходится так же часто, как и давать кому-нибудь по морде. Или, переходя на язык духновских персонажей, — «трахать» все, что шевелится. По согласию и без. А читатели узнают обо всем этом во всех смачных запашистых и часто, мягко говоря, очень неприличных подробно-

стях, которыми густо пропитаны страницы произведений этого автора, по причине чего от них исходит стойкий «фирменный» «запах гнилой капусты и запах спермы».

Сей аромат особенно резким и тошнотворным становится на фоне соответствующей образности: «надо мной будто пронесся дождь из птичьего помета, «грязное поле в серых соплях не растаявшего снега и т. п. Не способствует облагораживанию ауры и разухабистый полуцензурный язык, густо настоянный на «выхлопных газах» уличного сленга.

Ощущение гниlostности атмосферы, в которой живут персонажи А. Духнова, не в последнюю очередь исходит от созданного автором образа большого современного города, в котором «народ грабят с легкостью отделения от организма шлаков», «где кругом одни гады», «ползающие по сумасшедшему дому». Да и вообще нынешние мегаполисы в представлении автора — это клоака, серпентарий, клоповник и «такая липкая и плотная паутина, что просто жуть!»

Не станем утверждать, что в изображении мегаполиса 1990-х годов А. Духнов был далек от реальности. Как автор небесталанный он нарисовал весьма зримую картину. Но не хватает в ней вкуса и меры. А потому «запах гнилой капусты и запах спермы» в повестях А. Духнова перешибает все остальное.

А вот **Владимир Константинов** — автор многих произведений о криминальной жизни лихих девяностых — впадает другую крайность. Это хорошо видно на примере его романа «**Чужая зона**».

Следователь по особо важным делам Иванов приезжает из Сибири в Москву, чтобы отыскать здесь концы запутанного преступления. По ходу разбирательства он обнаруживает новые, еще более серьезные его следы, а также сталкивается с чудовищной коррупцией в различных эшелонах власти. Как и в прочих произведениях криминальной беллетристики, у В. Константинова тоже хватает погонь, перестрелок, разборок, детективных головоломок. Много лет отдав органам правопорядка, В. Константинов хорошо знает, о чем пишет, материалом владеет, а потому всего, что касается профессиональной деятельности персонажей, он достаточно убедителен. Чего не скажешь об их художественном отображении, начиная с фигуры главного героя романа, сорокалетнего генерала прокуратуры Сергея Ивановича Иванова.

Это профессионал высокого класса, честный, принципиальный человек. Подчиненные стараются подражать ему. Женщины, сраженные его обаянием, боготворят. Даже преступницы, некоторые из которых в надежде заслужить благосклонность Иванова становятся добровольными его осведомительницами.

Это профессионал высокого класса, честный, принципиальный человек. Подчиненные стараются подражать ему. Женщины, сраженные его обаянием, боготворят. Даже преступницы, некоторые из которых в надежде заслужить благосклонность Иванова становятся добровольными его осведомительницами. А его сотрудницы и вовсе ради дела и внимания шефа женщины на все готовы, что и пытается автор подтвердить на примере молодой оперативницы Светланы.

Ее внедряют в окружение одного из мафиозных боссов для получения необходимой информации, а она, чтобы лучше выполнить задание, по собственной инициативе отдается преступнику, лишаясь самого для девушки ценного, — девственности. Более того, чтобы и дальше продуктивно помогать следствию, она решает стать «необходимой ему как человек, как женщина...». На счастье Светланы, ее мафиозный любовник — не привычный дуболомный бандит с одной извилиной, а весьма интеллигентный, культурный и галантный мужчина, талантливый в прошлом модельер. Он влюбился в Светлану, поверил ей. А она влюблена... в Иванова, хотя и отдается по производственной необходимости другому. И вот как в романе «Чужая зона» это происходит:

«Он подошел, наклонился и прижался к ее раскрытым, расслабленным губам. Поцелуй был нежным, страстным и нескончаемо долгим. На земле давно кончилось это тысячелетие, и наступило новое. А он все продолжался. Пришло новое поколение чистых, бла-

городных людей. А он все не кончался... Он взял ее на руки, отнес в спальню и положил на кровать. Она не сопротивлялась, а лишь жалобно попросила». Погасите, пожалуйста, свет...» Никакого, как у Духнова, грубо-циничного «сунул руку между ног», никакого натурализма, зато сколько слащавой липкой литературщины! И это не единственный ее образчик в романе. Автора сплошь и рядом просто тянет к дешевому примитивному мелодраматизму в духе латиноамериканских мыльных опер, вошедших в моду в девяностые годы. Впору вспомнить признание Иванова, сделанное им, правда, по другому поводу — встречи с собственной женой: «Я был сейчас самым большим производителем сиропа в мире. Даже самому стало противно». Таким же вот «производителем сиропа» предстает то и дело в романе «Чужая зона» и его автор.

При этом кондового натурализма у В. Константинова тоже хватает. Складывается впечатление, что, пытаясь как-то сдобрить, уравновесить его, автор впадает в другую крайность — начинает поливать натуралистическую грязь и копать липким приторным сиропом литературщины. А поскольку художественный психологизм в романе практически отсутствует, постольку и любовные коллизии в нем — не больше чем элемент банального литературного «оживляжа»¹. «Чужая зона» при внимательном рассмотрении — тоже своего рода «производственный» роман. И также налицо здесь и «оживляж» и «раскрашивание» вместо полноценного художественного изображения. Только еще более диковатые и еще сильнее подчеркивающие уродства криминальной беллетристики.

Беллетристы 1990-х годов пробовали себя в разных формах. Иной раз весьма далеких от реалистических. Активно эксплуатировались в качестве литературных персонажей (как «положительных», так и «отрицательных») пришельцы-инопланетяне, которые устраивали разборки то с землянами, то между собой. В ходу у беллетристов девяностых было и всякого рода психотропное оружие, которое еще в 1920-х годах «открыл» для НФ советский фантаст А. Беляев. Многочисленные вариации, появившиеся с тех пор, оригинала не превзошли, о появлении каких-то новых предложений говорить тоже не приходится. Зато с избытком в нынешней беллетристике различных «архитектурных излишеств» и наворотов, включая странные сюжетные и логические (а скорее алогичные) зигзаги, наводящие на мысль о неадекватном водителе за рулем, и еще разного прочего, предлагаемого взамен подлинно художественного обновления.

Для привлечения читательского интереса шла в ход не только фантастика и фэнтези, но мистика, ужасы, всякая прочая бесовщина. У того же А. Духнова есть повесть с говорящим названием «Заельцовское кладбище». В этом фантастическо-мистическом «ужастике» рассказывается леденящая кровь история о хирурге, который превратился в живого мертвеца, вампира. Оперировав однажды больного с рваной раной живота, врач обнаружил в его внутренностях странное существо, похожее на огромного паука. От неожиданности хирург укололся иглой, и «паук» вдруг оказался в животе врача, с которым начинают происходить невероятные вещи. Он нападает на женщин, насилует, а потом убивает их, наслаждаясь при этом сильнейшим оргазмом. Но все совершается как бы помимо воли персонажа: «Не я управлял своими поступками. Меня превратили в зомби. А командовала членистоногая тварь в моем животе».

Такой вот мертвецкий ужас. Впрочем, начитанному человеку бояться нечего. Он наверняка вспомнит немало произведений (прежде всего зарубежных), где таинственная «членистоногая тварь» перемещается из одной телесной оболочки в другую и меняя сущность того, в ком поселилась.

¹ Термин этот возник в 1970-х годах, связан был с советской «производственной» прозой и означал искусственное оживление, раскрашивание любовно-адольтерной клубничкой скучных образов функционеров-производственников, заменяющее полноценное художественное изображение людей дела.

Дело, конечно, не в стерильной сюжетной новизне, а в существе того, что хотел сказать автор, используя ту или иную придумку, и насколько оригинально сумел это сделать. На вопрос «как?» ответить гораздо проще, поскольку стилистика «Заельцовского кладбища» мало чем отличается от других произведений А. Духнова. Те же потоки грязи, крови, спермы, тот же языковой смог. Только добавился ко всему этому еще и дух мертвечины. В финале повести хирург-оборотень, вдоволь накуролесив, осознает, наконец, что натворил всего изрядно и решил покончить с собой. На кладбище он находит избушку, где обитает артель «слуг сатаны», которая и помогает осуществить бедолаге задуманное, посадив его на осиновый кол. Хирург-вампир уходит из жизни, а читатели остаются в недоумении — что, все-таки, хотел сказать своим сказочным «ужасником» автор, какой цели достигнуть этой запутанной бредятиной?

Любой ценой привлечь читателя? Возможно. Но, чувствуется, и спешил А. Духнов очень. Да и один ли он? Неимоверная спешка как раз и есть один из главных признаков стиля работы авторов развлекательной беллетристики. Когда-то французский моралист XVIII века Никола-Себастьян де Шамфор писал: «Большинство произведений, написанных в наше время, наводит на мысль, что они были склеены за день из книг, прочитанных накануне». Этим словам более двухсот лет, но ощущение, что сказаны они непосредственно о беллетристике конца XX столетия.

Но чем объяснить столь резкое повышение интереса к данному рода словесности в девяностые годы? Ответ мы можем найти у того же Никола-Себастьяна де Шамфора, прозорливо подметившего: «Немало литературных произведений обязаны своим успехом убожеству мыслей автора, ибо они сродни убожеству мыслей публики». И такого рода публика в конце XX века при общем ухудшении духовного здоровья нации, заметном падении культурного уровня, снижения моральных и нравственных критериев в российском обществе в общей читающей массе, увы, явно преобладала. Было где развернуться авторам и издателям беллетристических шлягеров!

Но раз есть спрос — есть и предложение. Тогда в чем, спрашивается, проблема? А в том, что в коммерческой аксиоме «спрос рождает предложение» не все так непреложно и однозначно. Во всяком случае, за «убожество мыслей публики» не меньшую, если не большую ответственность должны нести авторы, а особенно издатели бульварной беллетристики, которые небезуспешно это «убожество» и формируют. На духовно ослабленного, лишенного защитного иммунитета потребителя, не утратившего еще, к тому же, в девяностых годах привычки априори доверять любому печатному слову, бульварное чтение оказывало подчас прямо-таки наркотическое воздействие, создавая в мозгу галлюциногенный суррогат реальности, способный со временем вытеснить и подменить ее собою. Отсюда не случайно истоком и исходным материалом многих современных преступлений становились криминальные романы и фильмы.

Большую опасность представляла и агрессивная экспансия бульварщины в культурное пространство. Ей уже недостаточно было мирно сосуществовать с другими видами словесности, не выходя за рамки своего круга. Она все настойчивее претендовала на лидирующие позиции. Об этом свидетельствовала безудержная реклама и самореклама бульварных сочинителей, которые провозглашались «замечательными писателями», «большими талантами», «мастерами» и т. п., проводившиеся с большой помпой презентации их творений, мельтешение новоявленных бульварных «гениев» на телеэкранах, в прессе...

И не было этому разгулу, казалось, конца. В отсутствие всяческих норм, духовных и нравственных ограничений ориентиром для подавляющего большинства издателей девяностых годов оставалась только коммерческая выгода. Книжному бизнесу требовался надежный рынок сбыта, а отмеченная «убожеством мысли публики» как нельзя лучше для этого подходила. Она доверчиво проглатывала предлагаемые ей «кайфовые» пилюли бестселлеров в глянцевых обложках, обеспечивая тем самым прибыль их производителей.

А чтобы книжный потребитель не «соскочил с иглы» наркотического чтения, романы-инъекции становились все круче, забористее, грязнее и пошлее.

Тут впору обрушить праведный гнев на авторов, но в рыночном издательском процессе они были лишь посредниками и чаще всего его рабами.

Что касается «кормчих», то, повторимся, заинтересованы те были только в одном: при максимальной выгоде получать быструю отдачу. Оттого превыше всего становилось не качество издаваемого, а количество, не полноценные художественные произведения, а сомнительный ширпотреб бесконечных беллетристических «сериалов».

Не сказать, чтобы издатели этого не видели, не понимали, не осознавали бы, каким вредом для нашей литературы и культуры, для общества в целом, оборачивается их неумная корысть. И тем не менее.

Получалось, что собственная сытость оплачивалась отравой для других...

Криминал как форма вынужденного существования

К криминальным страстям в девяностые повышенный интерес проявляли не только бульварные сочинители или же авторы традиционно на них замешанных жанров, но и прозаики вроде бы далекие от всего этого. Что, в общем, не удивительно, ибо криминализация российской жизни на исходе XX века стала уже не каким-то досадным отклонением от нормального бытия, а одной из заметных и влиятельных его форм. При этом форм бурно, словно раковая опухоль, прогрессирующих, внедряющихся метастазами даже в такие закоулки человеческого существования, где их меньше всего можно было ожидать.

Так случилось с героем рассказа Василия Коньякова «Участник **ВОВ**» пенсионером Судоплатовым, заметившим однажды на своей картофельной делянке следы автомобильных шин и несколько выкопанных картофельных кустов. Поняв, что делянку проверяли на предмет урожая (а он выдался отменным), и «значит — днями нагрянут» для более основательной работы, Судоплатов приготовился к встрече...

Встретил он непрощенных гостей в засаде с ружьем. Обратив воров в бегство, поджег их машину. В общем, отстояв свою собственность, вышел победителем. Да только не радуется ему эта победа. Может, потому, что наказанные им воры — лишь капля той чужой злобной силы, которая тяжелой грозовой тучей скапливается над его головой? Что же это за сила? Да захлестнувшее страну разнузданное хамство, пренебрежение к закону, морали и нравственности, неуважение к человеческой личности, встречавшиеся Судоплатову в последнее время едва ли не на каждом шагу, циничный произвол и вседозволенность одних и бесправная униженность других.

На небольшом пространстве рассказа В. Коньякову удалось нарисовать емкую и выразительную картину мрачного постперестроечного бытия. На ее фоне особенно остро воспринимаешь состояние Судоплатова, которому «стало... невыносимо жить», и сочувствуешь ему. Разуверившись в государстве, которое он когда-то отстаивал с оружием в руках от врагов, но которое сейчас не в состоянии оберечь его от новых «хозяев жизни», старый солдат складывает в конверт свои боевые награды, сопровождая запиской следующего содержания: «На похоронах на красные тряпки не выкладывать. Перед гробом не нести. Все... Не глазей, «Родина». Не изгаляйся. Мы с тобой квиты», и навсегда забрасывает знаки былой доблести вместе с «завещанием» в дальний угол чердака, тем самым как бы ставя глухой барьер между собой и ставшей для него страной, окутанной мрачной злобной силой...

И в этом рассказе, и в последней своей вещи — маленькой повести «Тетрадь учёного», где рассказывается драматичная история молодого научного сотрудника, решившего от безысходности переквалифицироваться в предпринимателя, В. Коньяков продолжал отстаивать то, за что боролся всем своим творчеством, — человеческое в человеке. Только

в этой, поздней поре своей жизни он уже гораздо жестче, непримиримей, и отнюдь не светлыми и радостными красками, как когда-то ранняя проза, наполнены последние его произведения. Болью, гневом и отчаяньем веет от них...

С «мрачной злобной силой» сталкивается и герой повести красноярского прозаика А. Астраханцева «Дневник обреченного»², инженер одного из конструкторских бюро. Опасным аккумулятором ее отрицательной энергии стала в этом повествовании некая фирма «Феско Инкорпорейтед». Желаясь освободить себя от погребальных хлопот она предлагала свои похоронные услуги, а заодно продавала клиентам на льготных условиях «импортный чай, кофе, сигареты, баночное пиво, жевательную резинку, презервативы и т. д.». Взамен испрашивала у клиентов только одно — в полную свою собственность тела их усопших родственников.

Когда же главный герой с другом решают выяснить, чем же на самом деле занимается странная фирма, они обнаруживают жуткие вещи. Меньше всего эти дельцы озабочены похоронным сервисом. Зато активно используют все, в чем отправляют в последний путь покойника и его самого — тоже: подновленные гробы снова пускают в оборот, одежду с покойников (а хоронят, как известно, в новом) тоже продают, а сами трупы скармливают на принадлежащей «Феско» ферме свиньям.

«Это что же получается, возмущается главный герой, — меня скормят свиньям какая-нибудь «Феско», а люди потом съедят свиней? Замкнутый цикл получается, круговорот людей в природе? Но ведь это же каннибализм, хоть и опосредованный».

И автор подчеркивает, что в атмосфере вседозволенности девяностых годов каннибализм новой человекообразной генерации «с развязными инстинктами» не только имеет место, но круги его расходятся все шире. А процветать этот каннибализм начинает прежде всего в сфере человеческих отношений, когда сильный «проглатывает» слабого или же устраняет того, кто встает на пути его грязного бизнесам.

Символом такого вот своеобразного социально-экономического каннибализма и стала в повести А. Астраханцева фирма «Феско». Причем, со временем ей уже мало своего преступного промысла. Она рвется к заповедной госсобственности, «а также берет под свою опеку школы, детдома и детские библиотеки, потому что государство уже не в силах содержать их». Не успокаиваясь и на этом, «Феско» протягивает цепкие свои щупальца в административные кабинеты, где с потрохами покупает одного чиновника за другим, мостя их продажными телами путь к вершинам властной пирамиды.

Но самое удивительное в этом «сне абсурда», где социальный каннибализм и воинствующая бездуховность заявляют о себе с наглой откровенностью, то, что в немалой степени порождены они ложным пониманием демократических перемен. О том, в какие уродливые формы может вылиться такая извращенная демократия, много и с горечью размышляет, высказывая, по всей видимости, сокровенные авторские мысли, герой А. Астраханцева.

Повесть называется «Дневник обреченного». Герой-рассказчик, записывающий свои наблюдения над жизнью, действительно обречен: и физически (у него рак), и социально

² Александр Иванович Астраханцев (1938) родился в селе Белоярка Новосибирской области, в семье зоотехников. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт (позже — Литературный институт имени А.М. Горького) и более 20 лет проработал инженером-строителем, пройдя путь от мастера и прораба до главного технолога и заместителя начальника домостроительного комбината. Как литератор дебютировал в 1966 году. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. К началу 1990-х годов А. Астраханцев был уже достаточно известным в Сибири писателем, автором пяти книг прозы, посвященных главным образом строителям промышленных гигантов — таких, как Красноярский целлюлозно-бумажный комбинат, или Красноярский алюминиевый завод, в возведении которых он сам участвовал. В 1990-е годы писал в основном «в стол». Повесть «Дневник обреченного» («День и ночь», 1994, №1) одна из очень немногих его публикаций этого периода.

— как не «совпавший» с хищническими нравами дикого капитализма и попавший в уни- зительную зависимость от новых «хозяев жизни».

«Несовпавшими» могли оказаться далеко не только подобные герою А. Астраханцева «гнилые» интеллигенты. Социальная принадлежность и род занятий тут мало что значила. Так, в центре повести алтайского писателя Эдуарда Прутковского **«Обмануть время»** — майор милиции. Но и он не «вписывался» в круто изменившиеся реалии постперестроечного времени, поскольку «все кругом нарушено. Виноватые стали правыми, а правые виноватыми. Добро стало не в моде...». Тот же, в сущности, «сон абсурда», о котором говорит А. Астраханцев, а лет за десять до того первые его зловещие признаки отмечали В. Распутин и В. Астафьев, только увиденный глазами профессионального стража порядка — начальника райотдела уголовного розыска.

По словам главного героя повести Олега Катунина, «как-то резко за последние годы обновился уголовный розыск». А ведь специалисты в этой области созревают годами. «Какое-то вредительство творилось в милиции. Люди, приобретшие опыт, знания, постигшие тонкости такого непростого дела отправлялись на пенсию». На их место пришли «вчерашние курсанты», которые должны были противостоять неимоверно расплодившимся преступникам. Ну а асы оперативно-розыскного дела, «отдавшие свои лучшие годы милиции, еще крепкие телом и несгибаемые душой», «пополнили ряды охранников и консультантов, а то и просто вышибал в коммерческих структурах».

С другой стороны, размышляет Катунин, сильно изменилась сама преступность. Нынешний «нарушитель закона в большинстве своем грамотный, крепкий, жесткий. Он примерный семьянин, внимательный, обходительный сосед, имеет интеллигентный вид и положительные характеристики на работе и у участкового. Он мог быть даже кандидатом в депутаты. И ни на каких учетах не состоял...»

Для борьбы с такой преступностью и подходы нужны совершенно новые, резонно полагает Катунин. Но о каких новациях может идти речь, если кадры готовятся по учебникам советских времен, а страна продолжает жить по уголовному кодексу чуть ли не полувековой давности! И если борьба с преступностью все еще ведется, то в первую очередь благодаря не исчезнувшему окончательно истинным рыцарям закона и порядка, олицетворением которых в повести является Катунин.

Они воспитаны не на материальных, а духовных ценностях, поэтому работать им с каждым днем все труднее. Гнетет чувство бедности, которое влечет за собой ощущение собственной неполноценности. Преодолеть же эту двойственность Катуниным помогало во многом понимание того, что кроме них делать эту «работу пока никому».

В повести «Обмануть время» откровенно говорится о многих наболевших проблемах милиции постперестроечной поры, что уже само по себе было тогда редкостью. Но, все-таки, повесть Э. Прутковского привлекает больше не этим, а образом ее главного героя — настоящего милиционера и человека. Правда, Катунин вовсе не выглядит суперменом. Терзает его душевная маята. Вынужден он отвоевывать у ведомственных чиновников место под солнцем. Не все у него ладится и в личной жизни. Да и на идеального мужчину он тоже не особо тянет. Но есть в нем прочный нравственный стержень и нерастратенная духовность, которая наполняет повесть оптимистическим свечением. И это, главное в своем герое, автору удалось передать.

Не будем, правда, утверждать, что как художественное произведение повесть «Обмануть время», безусловно, состоялась. В представленном автором виде она больше похожа на эскиз, чем завершенную вещь. Но даже в таком виде останавливает читательское внимание, о многом заставляет задуматься.

Криминальный фон в прозе 1990-х годов был, как правило, сильно социально сгущен и заострен, а иной раз и явно политизирован. Что вполне соответствовало духу времени. В то же время милицейская статистика отмечала такую устойчивую тенденцию, как

преобладание преступлений на сугубо бытовой почве. Но на нее литераторы, отражавшие в своих произведениях криминогенную действительность, внимания почти не обращали. А ведь пищи для серьезных размышлений она давала не меньше. Художественным подтверждением тому могут служить повести 1990-х годов томского прозаика Валерия Привалихина³.

В его остросюжетных произведениях много захватывающих приключений. Это и мрачная история банды, похищающей в староверческих скитах древние книги и иконы (повесть «Умягчение злых сердец»), и неравная схватка егеря таежного кордона с убийцами инкассатора («Таежный детектив»).

Весьма примечательна в том же ряду повесть В. Привалихина **«Цена выстрела — жизнь»**.

Начинается она с события весьма заурядного — «из изолятора временного содержания ночью бежали трое задержанных». Случилось это в таежном селе, а беглецы оказались в кутузке за противоправные действия, серьезной социальной опасности не представлявшие. Один очутился здесь из-за найденного у него милицией ножа, другой попал за драку и семейный дебош, а третий, Михаил Бердников, впоследствии главный возмутитель спокойствия, — за разбойное нападение («в крепком подпитии в переулке у продуктового магазина отобрал у женщины кошелек»).

В общем, по большому счету, у всех троих ничего серьезного — мелкая бытовуха. Но, как известно, исток даже чего-то самого грандиозного может быть в чем-то совершенно незначительном. «Я глубоко уверен, что всякое тяжкое преступление начинается с малого, — утверждал в одной из повестей сыщик Антон Бирюков, сквозной герой детективных произведений М. Черненко. — Это, знаешь, как камешек с горы, а потом — лавина».

Путь этот — от «камешка» неприметного правонарушения до «лавины» преступлений куда более страшных (Бердников, в итоге, совершает убийство ни в чем не повинного человека) — и прослеживает В. Привалихин в увлекательной приключенческо-детективной повести **«Цена выстрела — жизнь»**. А майору Шатохину, возглавившему работы по розыску беглецов, приходится задумываться не столько о том, где их обнаружить (это, как раз, особой сложности не составило), сколько о том, почему Бердников, самый опасный и непредсказуемый из них так озлоблен, и что толкает его все дальше в пропасть. Чтобы разобраться, автор вместе майором Шатохиным проводит дотошное социально-психологическое исследование, позволяющее яснее и четче обозначить преступный путь Бердникова от «камешка» до «лавины» и крутизну его падения. А заодно на этом примере показать, что «лавина» потому и «лавина», что накрыть она может не только того, кто ее вызвал, но и стать общей большой бедой, имя которой — зло человеческое.

Произведения В. Привалихина привлекают не только острым сюжетом, непредсказуемой интригой, напряженной атмосферой повествования, динамичностью, но и психологически точными, зримыми образами, сочными выразительными красками. А еще — языком. Писатель чувствует вкус ядреного народного слова, но и меру его применения — тоже.

³ **Валерий Иванович Привалихин** (1949 — 2019) родился в селе Тегульдэт Томской области. Окончил Томский пединститут. Более 20 лет проработал в газетах Сибири. Перу В. Привалихина принадлежит ряд документальных книг по истории строительства Транссиба и революционного движения России. Как автор художественной прозы дебютировал в 1981 году. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Уральский следопыт», «Простор», «Искатель», «Байкал» и др. В 1985 году вышла первая книга В. Привалихина «Время сбора папоротника». Автор книг «Стерегищие золото грифы» (1990), «Золотой мираж» (1994), «Клад адмирала» (1999), «Цена выстрела — жизнь» (1999) и др. Пишет для детей и взрослых. В. Привалихин — автор приключенческих и детективных произведений, в основе которых как исторический материал, так и современные реалии. Лауреат творческих конкурсов МВД СССР.

Роковые репрессивные

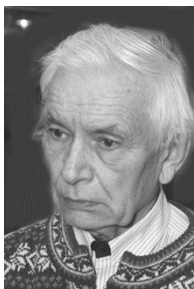
Конечно, не криминалом единым жила литература Сибири 1990-х годов. Может, и не в той мере, что ранее, но она по-прежнему была многослойной и многогранной, охватывающей разные стороны и временные пласты бытия.

По-прежнему востребованной со времен перестроечной гласности оставалась тема большевистских репрессий. Не было, наверное, более или менее крупных изданий, со страниц которых она не прозвучала бы. Правда, чем дальше, тем слышалась все реже и тише.

И все меньше авторов оставалось, которые к ней обращались бы. Для тех же, кто ее продолжал, прокатившиеся в разное время по стране Советов репрессивные волны были не темой, не выигрышным материалом для произведений, а неотступной болью и судьбой, которую не выразить в слове они не могли. Принадлежал к ним и томский писатель В. Макшеев. И не случайно.

Вадим Николаевич Макшеев (1926 — 2019) родился в Ленинграде, в семье бывшего офицера царской и белой армий, участника Первой мировой и Гражданской войн, после которой он эмигрировал сначала в Италию, потом в Эстонию. Детство Вадима прошло в Эстонии, где он учился в реальном училище и гимназии.

После присоединения Прибалтики к СССР, Макшеевы остались в Эстонии. Но перед самой Великой Отечественной войной они были вместе с тысячами эстонцев и русских депортированы в урало-сибирские лагеря ГУЛАГа. Отец Вадима погиб вскоре в концлагере Северного Урала, а они с матерью и сестрой оказались в одном из лагерей Нарымского округа. В 1942 году после их смерти от голода и лишений Вадим остался круглым сиротой, и в 15 лет ему пришлось начинать самостоятельную трудовую жизнь, «задержавшись» в качестве спецпереселенца в Васюганье. До 1954 года В. Макшеев как «репрессированный эстонец» состоял на учете в спецкомендатуре. Окончательно семья Макшеевых была реабилитирована лишь в 1991 году.

В годы войны В. Макшеев работал в колхозе молотобойцем в кузне, на лесозаготовках, потом два года — счетоводом на рыбзаводе. С 1945 по 1960 год был бухгалтером в одном из колхозов Каргасокского района Томской области. Одновременно активно выступал как селькор, поднимая в прессе вопросы сельской экономики. В 1960 году В. Макшеев стал заведующим отделом каргасокской районной газеты «Северная правда», а в 1963-м — спецкором областной газеты «Красное знамя».

С художественной прозой В. Макшеев дебютировал в 1968 году в журнале «Сибирские огни» с рассказом «Исполинка». Публиковался в журналах «Знамя», «Наш современник», «Москва», «Октябрь», «Радуга», «День и ночь» и др. Автор книг прозы «Последний парень» (1973), «Чужие люди» (1976), «Красные кони» (1979), «Дождь надолго» (1983), «Разбитое зеркало» (1989) и др., изданных в Москве и Новосибирске. Лауреат премий Союза писателей СССР и РСФСР, имени П.И. Макушина, губернатора Томской области имени Вяч. Шишкова.

Творчество В. Макшеева во многом автобиографично. Писал преимущественно о жизни и проблемах послевоенной деревни, об исчезнувших с карты Томской области поселках, а так же о людях, вместе с которыми пережил Нарымскую ссылку, войну и тяготы послевоенных лет. «Я пишу печальные вещи. Такая моя биография. Но страдание, сострадание — это стимул к творчеству», — признавался В. Макшеев.

Его творчество получило высокую оценку В. Астафьева, называвшего его «деревенским интеллигентом» и А. Солженицина, а также признание со стороны Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго.

Особое место в творчестве В. Макшеева занимает тема политических репрессий. На переломе XX и XXI веков она всецело завладевает писателем. Появляются посвященные

ей книги «Нарымская хроника» (1997), «По Муромской дорожке» (2000). Ее В. Макшеев продолжил позже в «Спецах» (2007) — документально-художественном исследовании о трагической участи людей, привезенных на спецпоселение в Сибирь в 1930 — 1940-х и в начале 1950-годов. Возникает Васюганская ссылка и в ряде художественных произведений В. Макшеева девяностых годов.

Например, в рассказе «По сути дела».

Словосочетание это частенько возникает в речи одного из персонажей рассказа — бухгалтера и спецпереселенца Николая Андреевича. Но имеет оно и свой подтекст, указывающий на то, что разговор в рассказе ведется «по сути дела» об униженных и оскорбленных гражданах России, виноватых либо в том, что не разделили большевистских взглядов, либо в «некачественном» своем происхождении. О них-то, с кем не один год прожил бок о бок, автор и вспоминает, пытаясь донести до современных читателей их мысли, чувства и настроения: «Пишу полвека спустя, мучительно пытаюсь представить себе ощущение того времени».

Ощущение тягостное. И не потому только, что война, трудно. Всем нелегко. Но вдвойне тяжело, показывает В. Макшеев, гражданам «второго сорта», спецпереселенцам. Они — из другой жизни, у которой отняли прошлое. Они в своей стране — изгой. Как кость в горле, застряла в них неизбывная тоска по минувшему, а истерзанная душа рвалась к невозвратному — к тем светлым дням, когда вдали отсюда они еще были счастливы. Каждый по-своему. Николаю Андреевичу о днях тех напоминают старые добрые фильмы, герою-рассказчику — всплывающие в памяти образы близких людей и прежде всего отца — благородного интеллигентного человека, не утратившего, несмотря ни на что, любовь к России.

Правда, о нем, как и о матери с сестрой, и вообще о светлой доссыльной полоске жизни в рассказе «По сути дела» говорится вскользь. Об этом В. Макшеев напишет отдельно, в автобиографическом повествовании «И видеть сны» (1989).

В рассказе «Скажи, отец!» нет еще ни барж, набитых людьми, которых везут по великой сибирской реке в болотную глушь, ни лагерей, но уже есть предощущение будущей трагедии, о страшных деталях которой В. Макшеев напомнит, знакомя с судьбами васюганских ссыльных.

Оба рассказа дополняют друг друга, оба проникнуты пронзительно-щемящей интонацией, одновременно и горько-трагичной, и светло-лиричной. В каждом просматриваются время, место, людские судьбы... Написаны рассказы изобразительно скупой, почти документально, тем не менее, очень густо, емко, рельефно и точно. Как, впрочем, и большинство произведений В. Макшеева.

Большевистские репрессии начались не в тридцатых или сороковых годах минувшего столетия. Уже сразу после Гражданской войны многие «бывшие» и инакомыслящие успели на собственной шкуре почувствовать беспощадную карающую десницу новой власти. Об этом и напоминает повесть Николая Шадрина⁴ «Грех» (1993).

Начинается повесть со сцен отступления разбитой большевиками Белой армии. Невольно вспоминается роман «Два мира» В. Зазубрина. Но если там бегство и разложение колчаковского войска и вообще события Гражданской войны показаны с классово-идеологических позиций, то у Н. Шадрина — уже с позиций общечеловеческих. И в этом повесть «Грех» принципиально отличается не только от зазубринского романа, но и

⁴ Николай Иванович Шадрин (1947 — 2018) родился в деревне Бирюса Красноярского края. Работал плотником-бетонщиком на строительстве Красноярской ГЭС. После окончания актерского факультета Дальневосточного института искусств работал в нескольких театрах страны. С 1977 года — актер Курского областного драмтеатра. Литературную деятельность Н. Шадрин начинал с публикации в 1979 году рассказа «Пальма» в журнале «Охота». Печатался в журналах «Сибирские огни», «Москва». Первая книга «Там, в краю далеком» вышла в 1989 году в Воронеже. Автор еще шести книг прозы. Лауреат всероссийской премии им. В.М. Шукшина.

большинства историко-революционных произведений советского периода. Отсюда и драматизм происходящего в повести Н. Шадрин носит отнюдь не классовый, но личный характер. Да и вообще, рассказывая о судьбах своих героев, автор подводит читателей к мысли, что классовость — категория скорее искусственная, что люди разнятся вовсе не по классовой принадлежности. Поэтому в повести вместе с сибирскими крестьянами, большинство из которых воевало против Колчака, мирно уживаются бывшие белые офицеры и те «осколки» дворянского и интеллигентского сословия, которые ветер революции разметал по всей России.

«Редкий день не заходили в Юрюзу оборванные голодные, с прекрасными манерами молодые люди. За кусок хлеба согласны были на любую работу, и безлошадные крестьяне брали грех на душу».

Брали, потому что не сомневались: в работе по добыванию хлеба насущного все равны. Особенно убедительно мысль эта иллюстрируется в повести образом «приблудной белячки» Кати Изоргиной, которая, «как молодое деревце, пересаженное в неурочное время из теплого климата, хорошо удобренной почвы, в другую, супесчаную, больно подсыхала частью не нужных здесь корней и приживалась главным корнем». Да не успела прижиться. Вырвали ее и уничтожили вместе с другими «бывшими» как чуждый элемент бдительные сторожа нового порядка.

А их в повести «Грех» целая галерея. Это и первый председатель сельсовета Юрюзы хитрый Семен Лукич, и его преемник, молодой выскочка Гаврила Арнаутов, и безымянный уполномоченный, любимый тезис которого — «вешать потенциальных врагов революции». (Именно после его появления в деревне и были арестованы все «бывшие»). Разные это люди, но одни у них цели и методы. Наиболее откровенно высказывается обо всех них все тот же безымянный уполномоченный: «Обольстили мы массу, теперь покрепче запугать осталось, чтобы она, милая, только три дела знала: работать день и ночь, нас на руках носить и каждую минуту быть готовой погибнуть за нас с песней».

И различными эпизодами из жизни Юрюзы автор доказывает, что это не просто пьяное откровение. За ним, пусть и в спрямленной и несколько утрированной форме, просматривается политика и тактика новых социальных отношений, основанных на классовой ненависти и насилии. Общий результат такой политики ныне хорошо известен: затерроризированная красной инквизицией, изнасилованная жестокими экспериментами Россия. И не случайно повесть свою Н. Шадрин назвал «Грех». Именно грех надругательства над страной вообще и русской деревней, в частности, с ее духовным укладом и нравственными устоями лежит в первую очередь именно на совести большевиков-«первопроходцев», зачинателей социализма в России.

«Найдутся ли живительные силы, чтобы поднять ее со смертного одра? Оздоровеет ли когда несчастная родина?» — задается вопросом один из героев повести «Грех» и не находит ответа. На него и сегодня трудно найти ответ. Как и на другой, прозвучавший в финале рассказа В. Макшеева «Скажи, отец!»: «Ты верил в Россию, ты учил меня верить в нее. Что ты думал, прощаясь с жизнью? Что сказал бы перед смертью? Верить ли в Россию? Скажи, отец, верить ли?»

Оба эти вопроса обращены и к читателям XXI века, которым тоже надо находить на них (в контексте уже своего времени) ответы.

Приключения на реке времени

Оставалась востребованной в 1990-е годы у писателей-сибиряков тема российской, и прежде всего, конечно, сибирской истории.

Центральное место российское прошлое занимает в творчестве **Сергея Мосияша**⁵ (1928 — 2007). Его перу принадлежит большой цикл романов: «Без меня баталии не давать» (1990), «Святополк окаянный» (1996), «Ханский ярлык» (1998), «Салтыков: Семи царей слуга» (2000), трилогия «Александр Невский» (1994 — 2001) и др., посвященный некоторым ярким эпизодам истории Российской империи. Ориентированы его произведения преимущественно на юных читателей. Поэтому, помимо чисто художественных, автор преследовал познавательные, воспитательные и патриотические цели. За этот цикл С. Мосияш был удостоен в 2000 году премии имени Валентина Пикуля.

Геннадий Прашкевич обращает свой взор уже к прошлому Сибири. В исторических повестях «Носорукий» (1990), «Спор с дьяволом» (1996), «Пес господень» (1998), «Секретный дьяк, или Язык для потерпевших кораблекрушение» (1999) писатель рассказывает о походах русских казаков, отправлявшихся в XVII — XVIII веках «встречь солнцу» открывать новые сибирские земли.

Г. Прашкевич вводит в плоть своих произведений много незнакомого исторического материала, но даже хорошо известное под его пером предстает в неожиданном освещении. Повести написаны в приключенческом ключе (этакие в некотором роде исторические боевики). Они динамичны, увлекательны, полны напряжения. Представленные автором персонажи ярки и колоритны. Не все в произведениях этих соответствует исторической правде, но на то и вымысел художественный существует, чтобы с ней не всегда совпадать в тех или иных авторских целях.

Определенное сходство с повествованиями Г. Прашкевича имеют романы В. Привалихина «**Золотой мираж**» (1994) и «**Клад адмирала**» (1999). Они также относятся к жанру исторических приключений.

Описанные в романах события охватывают временной период с 1919 по 1943 годы. А основные страсти — и страсти роковые, трагические — разворачиваются здесь вокруг поисков сокровищ, спрятанных, по легенде, при отступлении армии Колчака, где-то в сибирской тайге. Начальник спецкоманды «золотого эшелона» уговаривает адмиральского порученца Взорова изъять несколько ящиков с благородным металлом и спрятать, чтобы после неминуемого разгрома Верховного Правителя обеспечить свое будущее. После некоторых колебаний Взоров соглашается. Операция проходит успешно. Ящики с золотом находят пристанище на дне таежного озера. Но...

Словно печать проклятья лежит на этом золоте. Всем, кто с ним соприкасается, оно несет несчастье. Мучимый душевным разладом, Взоров в конце Гражданской войны сообщает новым властям о схороненном кладе, однако вместо прощения и благодарности получает от командира чоновского отряда пулю в спину. Но и век убийцы, решившего завладеть вожаемым золотом, оказался короток: он вскоре погибает в застенках ЧК. И это тоже далеко не последняя смерть, связанная с колчаковским золотом. В поиски адмиральского клада вовлечены разные люди: бывшие белогвардейцы, следователи, заключенные и их охранники, высокие чины из силовых структур. И в процессе этих поисков следует одна таинственная смерть за другой.

Как замечает один из персонажей романа «Золотой мираж» историк Зимин, также пытающийся найти концы в деле о колчаковском кладе, золотой блеск был одинаково губителен как для красных, так и для белых, как для людей благородных кровей, так и происхождением попроще. Стало быть, дело вовсе не классовое, социальное или политической принадлежности, а прежде всего в нравственном существе человека, его способности

⁵ **Сергей Павлович Мосияш** родился в поселке Чистоозерное Новосибирской области. Участник Великой Отечественной войны. Демобилизовавшись, работал на заводе, в шахте. Окончил Новосибирский педагогический институт. Учительствовал, преподавал в пединституте, работал редактором в издательстве, журналистом в газете и на телевидении. Автор многих исторических произведений. Член Международной ассоциации писателей-баталистов. Последние годы жил в Гомеле (Белоруссия).

(или неспособности) поддаться губительному обману «золотого миража», какие бы заманчивые картины он взору ни являл.

И с этой точки зрения название романа «Золотой мираж» обретает смысл поистине символический и философский. Ведь на поверку и «светлое будущее», и «рай на земле», обещанный большевиками, оказался на деле таким же «золотым миражом», правда, еще и с кровавым отливом расстрелянных в чекистских подвалах и замученных в гулаговских лагерях ни в чем не повинных людей.

Место действия большей части романов «Золотой мираж» и «Клад адмирала» — сибирская тайга. Антураж уже сам по себе выигрышный, благодатный. И автор его, конечно, использует: тонко, умело, не пересаливая экзотикой.

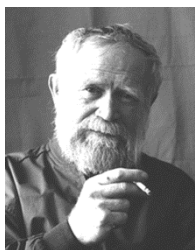
Но вот какую в тайге очень примечательную деталь обнаруживает все тот же историк Зимин — сохранившиеся то тут, то там в прекрасном состоянии гулаговские лагеря, готовые хоть сейчас принять новые партии заключенных. А это уже не мираж, а зловеще-предупреждающий знак.

В. Привалихин строит свои романы на документальном фундаменте, что, несомненно, придает им прочную достоверность. Но, в отличие от некоторых авторов исторической прозы, документальность вполне органично входит у него в художественную плоть произведений.

Заметным явлением в сибирской литературе 1990-х годов стала историческая проза алтайского писателя-краеведа, прозаика и поэта А. Родионова и омского прозаика П. Брычкова.

Александр Михайлович Родионов (1945 — 2013) родился в селе Ивановка Егорьевского района Алтайского края. Окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Работал слесарем на Хабаровской ТЭЦ, геологом в Алтайской геофизической экспедиции.

Литературную деятельность А. Родионов в 1960-х годах начинал как поэт. В 1975 году в Кемерово вышел его первый стихотворный сборник «Начало поля», воспевавший романтику дальних дорог. Автор еще трех поэтических книг — «Краснотал» (1977), «Портрет реки» (1982), «Из биографии ручья» (1984). Участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве (1979). Много занимался А. Родионов историей народных сибирских промыслов и ремесел и горнозаводского дела на Алтае. Результатом этой большой работы стали его краеведческие книги «Чистодеревщики» (1981), «Кольвань камнерезная» (1986), «Красная книга ремесел» (1990). Последние две были отмечены премией Демидовского фонда.

Активно занимался А. Родионов и общественной деятельностью. Был инициатором создания Демидовского фонда на Алтае и его первым президентом (1991 — 2001).

В 1990-е годы А. Родионова все больше привлекает историческая тематика и под его пером появляется роман «Азь грешный...» (1998), в котором воссозданы некоторые малоизвестные широкому читателю моменты Петровской эпохи. В этом масштабном полотне отразились трагические события начала XVIII века, связанные с авантюристическим желанием Петра I любой ценой добыть золото в землях Джунгарского ханства.

Действие романа «Азь грешный» развивается на обширном пространстве от Пекина до Парижа, от Петербурга до Каспия, от Тобольска до верховьев Иртыша. Произведение густо населено персонажами самых различных социальных слоев, начиная от государя и его придворных, губернаторов и чиновников всех мастей, и кончая казаками, церковнослужителями, мастеровым людом и местными аборигенами. В центре же повествования — Сибирь и ее первый губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, который, собственно и становится первопричиной и инициатором главных событий романа. Все и закручивает-

ся после того, как Гагарин, пытаясь отвести государево око от некоторых своих неблагоприятных делишек, преподносит Петру в качестве презента «песошное» золото, привезенное якобы из земель Джунгарского ханства.

Расчет князя оказался верным, царь загорелся идеей завладеть золотоносными землями и поручает Гагарину снарядить в верховье Иртыша военную экспедицию под командованием подполковника Бухольца. Вторая подобная экспедиция должна была двинуться из Астрахани к Аму-Дарье. Ее возглавлял кабардинский князь капитан Бекович.

Оба похода закончились плачевно. Отряд Бухольца, окруженный степняками, выкосила странная болезнь. А войско Бековича было обманом расчленено на части и разбито, а его командир обезглавлен.

Перипетии этих военных походов стали своего рода сюжетообразующей основой, но ими одними содержание романа не исчерпывается. Автор рисует широкую панораму российской действительности, но делает это, пытаясь прежде всего осмыслить истоки и причины трагических неудач экспедиций за «песошным» золотом. Через ответы на вопросы, почему провалились эти так долго готовившиеся предприятия, А. Родионов, собственно и дает читателям представление о том, как и чем жило в Петровскую эпоху гигантское, многослойное, многоязыкое многоукладное пространство России, какими военными, политическими, дипломатическими, торговыми и прочими усилиями, какими, часто бессмысленными жертвами ширилось и прибавлялось оно.

Так в чем же, по мнению автора романа, главные причины неудач «золотых» походов? Прежде всего, в колониально-завоевательской психологии власть имущих, в их «захребетническом» отношении к Сибири. И колониальные амбиции, и верноподданнический авантюризм петровских наместников и вельмож находил мощную опору в лице самого Петра.

Этот царь, традиционно представленный в учебниках истории едва ли не эталоном государственного деятеля, в романе характеризуется весьма нелестно. А. Родионов довольно последовательно развенчивает миф о великом реформаторе, державнике и полководце, усилиями которого Россия стала великой державой. Писатель показывает нам другого Петра: недалекого, недаленовидного политика-самодура и неприятную личность.

То, что яблоко от яблони недалеко падает, автору удалось убедительно подтвердить образом сибирского губернатора князя Гагарина. Те же колониальные замашки и уверенность, что ему в своей вотчине все позволено. Губернатор всея Сибири был почти полностью властным хозяином в своих владениях. Сгубили его сепаратистские настроения и беспредельная алчность (по велению Петра зарвавшегося князя принародно вздернули на виселице).

Как ни соблазнительно было при таком исходе жизненного пути Гагарина, писатель не стремится представить его таким плакатным лихоимцем. Губернатор Сибири в изображении А. Родионова — личность неоднозначная, со своими слабостями, пороками, но и достоинствами.

А. Родионов воспроизводит далекие по времени события. Тем не менее, ему удается быть в романе и исторически достоверным, и художественно убедительным. Прекрасно владея малоизвестным для широкого круга материалом, писатель умеет преподнести его так, чтобы читатели почувствовали особенности жизни, быта, нравов той далекой эпохи, ее аромат, увидели и психологически ощутили представителей разных слоев населения Петровской эпохи как в Центре, так и Сибири.

В 2006 году А. Родионов опубликовал роман «Князь-раб», продолживший и завершивший рассказ о Сибири времен Петра I. В 2007 году оба романа вышли отдельным изданием под одной обложкой и общим названием «Князь-раб. Исторический роман в 2-х книгах», который был отмечен премиями им. В.М. Шукшина и губернатора Алтайского края в области литературы и искусства.

Практически одновременно с А. Родионовым тему эту разрабатывал П. Брычков⁶. В 1999 году отдельной книгой вышли два его исторических романа.

События в них изложенные, имея совершенно конкретную сибирскую «привязку», вписаны, тем не менее, в общероссийский исторический контекст: они развиваются на фоне бурной Петровской эпохи, неотъемлемой частью которой сами и являлись.

Роман «**Полуденный зной**» также посвящен экспедиции Бухольца. Цели своей она, как известно, не достигла. Осажденный калмыками, отряд Бухольца, в котором началась эпидемия, вынужден был повернуть назад. Но бесполезной эта экспедиция не была. В результате появилось на берегах Иртыша нескольких крепостей (и в первую очередь — Омская), которые заслонили от набегов кочевников огромную сибирскую территорию и стали мощным форпостом в этом краю Российской империи. А возможным это стало, доказывает П. Брычков, показывая своих персонажей в деле, прежде всего благодаря героизму, мужеству и стойкости простых русских людей.

Яркой страницей истории не только Сибири, но и России, явился бунт казаков в старинном сибирском городе Тара в 1722 году, отказавшихся присягать безымянному наследнику, закончившийся самосожжением 170 человек. Событие это сделалось отправным моментом другого романа П. Брыčkова — «**Отпор**».

Герои «Отпора» находятся в поиске социальной справедливости, пытаются отстаивать человеческое достоинство, напряженно размышляют над всегда насущными проблемами вины, совести, верности духовным и нравственным идеалам. Впрочем, видим, знакомясь с романом, не только размышляют, но и активно действуют, оберегая свои святые чувства.

Вместе с тем, события в Таре, дает понять автор «Отпора», несмотря на их крайний радикализм, не были чем-то аномальным и противоестественным, не укладывавшимся в рамки существования того времени. Скорее наоборот.

Под влиянием бурного развития государства российского на рубеже XVII и XVIII веков и прозападнических настроений определенной части общества начинают расшатываться духовные устои русского народа, попираются его святыни. На смену одним символам веры начинают приходить другие. И уже подлинной духовной трагедией народа стал религиозный раскол, возникший во второй половине XVII века и усугубившийся в результате экономических и общественных реформ Петра I. Одним из заметных проявлений этого раскола и был Тарский бунт.

События почти трехвековой давности автор «Полуденного зноя» и «Отпора» описывает с научно-исследовательской точностью и хронологической последовательностью. При этом П. Брыčkова нельзя назвать сухим беспристрастным хроникером. Оба романа — в полной мере произведения художественные, ибо их мир соткан не только из исторических фактов и свидетельств, подробностей далекого от нас по времени бытия, но и из живой авторской фантазии, из любви к родине, народу своему.

Художественные они и по языку. Как и у А. Родионова, две языковые стихии у П. Брыčkова — времени минувшего и времени нынешнего — органично сливаются в едином потоке, соответствуя, с одной стороны, изображаемой эпохе, а с другой, оставаясь понятным современному читателю. Оба романиста органично вписывают в повествовательную ткань архаическую лексику, диалектные, местные сибирские речения и выражения. Оба хорошо чувствуют и передают строй и мелодику старорусской речи. Все это позволяет нынешнему читателю без особых усилий постигать мир далекой от нас эпохи.

⁶ Павел Алексеевич Брычков родился в 1950 году в пос. Чумира Башкирской АССР. Окончил Казанский авиационный институт. В 1973 году по распределению приехал в Омск. Работал инженером-конструктором, ведущим инженером по испытанию авиадвигателей, редактором газеты «Время», альманаха «Литературный Омск». Был помощником депутата Госдумы. Публиковался в журналах «Москва», «Сибирские огни», «Урал» и др. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка за романы «Полуденный зной» и «Отпор».

Взгляд из солдатского окопа

Неутихающей болью оставалась для сибирских писателей в конце уходящего тысячелетия Великая Отечественная война. Все новые произведения ей посвящались. А для **Виктора Астафьева** на исходе XX века она становится главной и едва ли не единственной темой творчества.

Из произведений В. Астафьева девяностых годов о войне наиболее крупным и значимым стал роман **«Прокляты и убиты»** (1990 — 1994), где писатель итожит свои многолетние размышления о войне.

Роман состоит из двух книг. Действие первой (**«Чертова яма»**) начинается с прибытия осенью 1942 года в запасной полк, дислоцирующийся в одном из небольших сибирских городов, новобранцев — молодых парней разных национальностей (русские, ханты, казахи, армяне), социального статуса — от старообрядцев до уголовников, характеров, разных взглядов на окружающий мир. Призывники — выходцы в основном из отдаленных деревень и поселков, малограмотны, у многих проблемы с законом. И вот из этой разношерстной толпы складывается через какое-то время достаточно боеспособный и относительно сплоченный коллектив. Складывается в условиях тяжелейших и даже ужасных. Холод, сырость, отсутствие элементарной гигиены, постоянное недоедание. Ситуация усугубляется конфликтами между призывниками, призывниками и командирами, да и самими командирами — тоже. «Люди слабеют — условия в казармах-то невыносимые, скотина не всякая выдержит, больных много». В. Астафьев рисует безысходную картину солдатского быта в запасных частях молодых людей, чья жизнь и до этого «в большинстве была убога, унижительна, нища, состояла из стояния в очередях, получения пайков, талонов да еще из борьбы за урожай, который тут же изымался в пользу общества».

Ко всему прочему, — утверждает автор романа, — непосредственная подготовка сводилась только к строевой муштре на плацу, а большинство призывников на учениях держали в руках не настоящее оружие, а деревянные макеты.

Время от времени основной сюжет романа перебивается отступлениями с экскурсами в довоенное прошлое персонажей романа.

Книга «Черная яма» завершается отправкой маршевых рот на фронт.

Во второй книге романа (**«Плацдарм»**) рассказывается уже непосредственно о фронтовых буднях. Действие происходит в конце осени 1942 года на Днепре. Прообразом Великокриницкого плацдарма, где разворачиваются главные события книги, послужил Букринский плацдарм у села Великий Букрин, в боях за который участвовал В. Астафьев. Описание боев в ходе форсирования Днепра, захвата и удержания плацдарма на его западном берегу и становится основным содержанием этой книги.

Автор изображает войну жестко, в страшных, подчас предельно натуралистических красках и подробностях — такой, какой видел и запомнил ее сам. При этом писатель не сводит всех участников операции к общему знаменателю. С одной стороны у него те (юные солдаты и некоторые их непосредственные командиры), кто, жертвуя собой, захватывает и отстаивает плацдарм, а с другой — те, кто отсиживается на восточном, тыловом, берегу (политотдел, особисты, загранотряды, походно-полевые жены, а то и просто трусы). И пропасть, между одними и другими, по мнению автора, иной раз, непреодолимая.

Показывает В. Астафьев и тех, кто не смог выдержать непомерный груз войны. Иногда даже честные и чистые в помыслах люди испытывали перед войной панический ужас, который подвигал их на непредсказуемые поступки. Писатель убежден, что война подавляет человека, не готового к военной жизни, неизбежно приводит его к духовному

опустошению. А «главное губительное воздействие войны» автор видит в том, что «подступившая массовая смерть становится обыденным явлением».

Вглядываясь во фронтовые будни своих героев, В. Астафьев, являет читателям немало уродливых явлений, порожденных войной. В их числе безответственность военного руководства с его недальновидными решениями, глупыми просчетами, которые тяжким бременем легли на плечи защитников страны. Но самое страшное преступление на войне, по мысли автора романа, — предательство, а оно «начинается в высоких, важных кабинетах вождей... и заканчивается здесь... где фронтовики подставляют друг друга».

Вместе с тем, не сомневался В. Астафьев и в том, что война выявляет многие замечательные чувства и качества: ощущение монолитного единства в самые ответственные моменты борьбы с врагом, умение сохранить в условиях жестокой кровавой бойни в себе человеческое достоинство, внутреннюю силу. И примеры этого в романе тоже есть. Хотя много их меньше. Как и вообще позитива и оптимизма. Правда войны, которую представлял в своем романе В. Астафьев, места им оставляла немного.

Есть, конечно, в романе «Прокляты и убиты» и любовь, и братская дружба, и некоторые другие светлые моменты. Но здесь они, скорее, лучики света в трагическом «темном царстве» мрачайшей из войн. А вот героического лоска и красивых подвигов в романе нет. Бодро-прекраснодушного оптимизма с избытком можно найти в «военной прозе», написанной по лекалам социалистического реализма, с которым астафьевский роман не совпадал совершенно. Он и в принципе выламывался из всего привычного, что было создано до него о Великой Отечественной войне. Хотя в мощном потоке «военной прозы» попадалось и немало достойных, а то и просто замечательных произведений. Не было, однако, в них того взгляда и того особого, глубоко личного ощущения, благодаря которым В. Астафьев увидел свою войну и попытался показать ее с главным своим трагическим героем — рядовым солдатом.

Взгляд писателя на войну жесток и нелицеприятен. Для него она — «преступление против разума»⁷, великая мировая трагедия. Помимо того, в романе «Прокляты и убиты» В. Астафьев выразил сомнение в триумфальном характере победы. Более того, был убежден, что многочисленные жертвы, которые понес наш народ в войне, были по большей части следствием преступных просчетов советского командования. Одна из самых трагических страниц книги «Плацдарм» — форсирование Днепра и переправа через него, где бессмысленно гибнут и советские, и немецкие солдаты, — тому яркое подтверждение.

Когда-то автор знаменитой эпопеи «Живые и мертвые» К. Симонов считал, что всю правду о войне знает только народ. В. Астафьев, как бы полемизируя с ним, утверждает в своем романе, что всю правду о войне знает только бог, и правда эта неподъемна. Этими словами В. Астафьев дает понять, что свою правду окопного солдата он не считает истинной в последней инстанции, но и то, на что он старается обратить внимание, — тоже немалая и очень важная часть всей божьей правды.

В романе «Прокляты и убиты» немало связанных с войной размышлений нравственно-философского характера. Писатель задумывается о проблемах взаимоотношений между людьми в условиях войны, становления тех, чья юность пришлось на тяжелейшие военные годы, задумывается о конфликте между христианской моралью, патриотизмом и тоталитарным государством.

И вот еще какая настолько же горькая, насколько и неожиданная мысль красной нитью проходит через весь роман. По мнению В. Астафьева, СССР был государством, забывшим бога, и всевышний в наказание наслал на страну жестокое испытание, свергнув ее в кровавую войну.

Мысль спорная и, признаться, пугающая. Но для нестандартного художнического взгляда на порядок вещей вполне В. Астафьеву свойственная. Новизной и особенностью этого романа как раз и является дерзновенная попытка автора увидеть войну «в религиоз-

⁷ Собр. соч. в 15-ти томах. Т. 10. — Красноярск, 1997. Авторская аннотация.

ном измерении». На это указывают и предваряющие каждую из книг цитаты из «Нового завета», и само название романа, взятого из текста старообрядческой стихир: «все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты».

Многие персонажи романа к концу второй книги убиты или тяжело ранены в боях за плацдарм, судьба некоторых остается за рамками повествования, которое так и осталось не завершенным. Первые же две книги — «Чертова яма» и «Плацдарм» увидели свет соответственно в 1993 и 1994 годах.

При своем появлении они вызвали огромный интерес и резонанс. И неоднозначное отношение. Вплоть до того, что некоторые из читателей задавались вопросом: «Прокляты и убиты» — правда или провокация?

В чем тогда только не упрекали В. Астафьева: и в натурализме, и неубедительности религиозной темы, и крайнем пессимизме, и в искажении объективного взгляда на войну, и в нарушении традиций ее истолкования... Сходились все читатели романа только в том, что написан он, безусловно, талантливо и художественно убедительно. Правда, по мнению противников произведения, это еще и хуже, ибо тем самым заставляет верить сказанному автором, склоняет на его сторону.

Среди тех, кто не принял роман сразу же после выхода, были многие генералы, высокопоставленные чиновники и ряд писателей-фронтовиков (Ю. Бондарев, С. Борзунов, С. Викулов и др.). Но все же большинство ветеранов решительно взяли сторону В. Астафьева, приняв его правду и отношение к Великой Отечественной войне.

Высказывался о романе «Прокляты и убиты» и А. Солженицын в очерке «Виктор Астафьев» серии «Литературная коллекция»⁸:

«...Эта книга — во всяком случае в русской литературе — уникальный, я думаю случай, когда война описывается не офицером и не корреспондентом на правах льготного офицера, не политруком, не прикомандированным писателем, — а простым пехотинцем, «черным рабочим войны», который, воюя, и не думал, что писателем станет.

Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы такое написать нам спустя полвека!

Та битва на Днепре описана в книге... обильно. Как из необъятного мешка высыпаны на нас множество эпизодов... Все они ярко реальны и пропитаны накопленной горечью, не для каждого читателя увлекательны отнюдь, допускаю, что многие и пропускают, не все услеживают этот кровавый труд.

А жаль! Ой, не все, не все вполне представляют, могут ощутить свирепый воздух той войны: многое загажено и временем, и лгунами».

С момента выхода первых двух книг романа «Прокляты и убиты» прошло четверть века, но и сегодня он современен и актуален. Особенно на фоне более поздних (афганской, чеченских и др.) больших и малых войн и конфликтов. О современности романа говорит и тот факт, что ожесточенные споры по его поводу не утихают до сих пор. И до сих пор по-разному оценивают его читатели, в чем нетрудно убедиться, заглянув в Интернет. Вот некоторые отзывы, появившиеся Сети в 2016 — 2019 годах⁹:

*«Чем стал роман для меня? Наверное, первой книгой о **такой** войне, которую я представляла несколько иначе. Он отозвался горьким вкусом понимания того, что находится вне пределов человеческого сознания, вне пределов разума, здравого смысла и жизненного ориентира. Закрыв книгу на последних строчках, я поняла, что для меня война отныне станет тем же, чем и для великого писателя Виктора Петровича Астафьева. Его правда стала моей правдой...»*

«Эта книга произвела на меня одно из самых сильных впечатлений из всего, что я когда-либо читала».

⁸ Впервые опубликован в «Российской газете» (Центральный выпуск) от 27 апреля 2009 г.

⁹ Поскольку отклики и комментарии в Интернете в большинстве своем значатся под псевдонимами, «никами» или «аватарками», а не под реальными именами, то и данные отзывы приводятся анонимно.

«Потрясающая книга! Со времен Э. Хемингуэя с его книгой «По ком звонит колокол» не было написано ничего подобного. Роман Астафьева сильнейшая антивоенная проза...»

«... Читать всю правду о войне очень тяжело, потому что начинаешь видеть глазами автора, с чем сталкивались люди, в каких ситуациях они были, как война ломала тысячи судеб. Надо иметь сильнейшее гражданское мужество, чтобы написать такую книгу. Низкий поклон Астафьеву за его роман!»

«Такие вещи нужно читать, хоть и тяжело».

«Очень сильная вещь! Пробирает до мороза по коже, иногда до слез. Это должен прочитать каждый!»

«Самая честная книга о войне!»

«Астафьев пишет всю правду, излагает события, как на исповеди. И про гнилых комиссаров-политиканов, про тупых генералов, про вороватый народ, про голод и вшей, про скотское отношение начальства к подчиненным, про жизнь и смерть. Становится понятно, почему вещь написана так поздно: при Советах подобное просто бы не пропустили в печать».

«Книга страшная, книга великая, книга правдивая, раскрывающая глаза на многие вещи, на всю ту псевдопатриотическую чушь, которая цветет вокруг гнилым цветом и уже давно вытеснила в памяти народной истину. Правда осталась, и она сокрыта здесь, чтобы напомнить нам, как это было на самом деле. Истинные герои тех событий, проклятые и убитые, легли в братские могилы, а жалкие ничтожества, прятавшиеся за их спины, почитаются ныне как великие спасители».

«Как жаль, что Астафьева не читают те, кто устраивает парады на 9 мая! Те, кто пишет на плакатах — «Можем повторить!» Что повторить?! Тот ужас, что описывает Астафьев?! То, что он называет «бездарно выигранной войной»? То, что Окуджава называл кровавой бойней? Стыдно за это помешательство на победе!»

«Лучшее противоядие от войны и бесчеловечности!»

Оппоненты высказываются так же, если еще не более категорично:

«Книга эта — настоящий подарок для всех ненавидящих Советский Союз... Она набор антисоветских клише, в большинстве не раз развенчанных даже в наше антисоветское время. Но на подготовленной почве дает ростки благодаря несомненному художественному таланту автора и его умению спекулировать на нежелании нашими согражданами знать реальную историю своей страны. Бог ему судья!»

«Мой дед семнадцатилетним ушел на фронт. Воевал подо Ржевом, брал Кёнигсберг — те еще мясорубки... Но ему и в голову не приходило так очернять свой народ и советского солдата. Ну и почему, помимо прочего, я должен Астафьеву и его «правде о войне» верить больше, чем своему деду с его правдой?!»

«...На войне всякое, конечно, могло быть. Но надо различать бывало и так и было только так. А вот Астафьев продвигал исключительно второй вариант...»

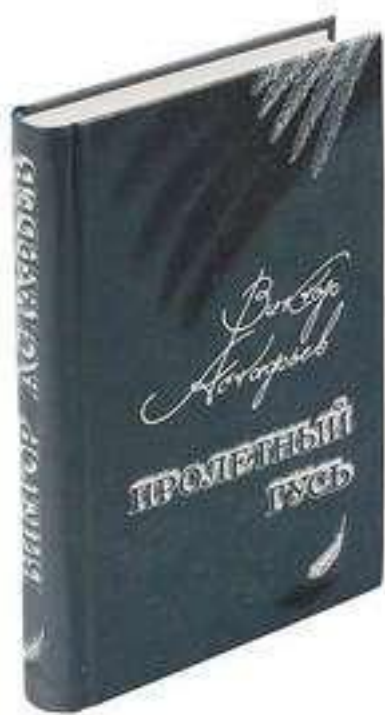
«Поддерживаю! То же самое, пока читал эту, без сомнения, талантливо написанную книгу, не покидала мысль, что в ней льется вода на антисоветскую мельницу. В некоторых местах прямо явственно Солженицыным пахло. Очень двойственное впечатление от книги, честно».

«Наследник Солженицинына — тьфу!»

«В данном романе автор показался конкретным конъюнктурщиком. Принято было в 90-е ничего святого от советского периода не оставлять. Понятно, что война — не райский сад. Но Астафьев де-факто пишет с позиции врага».

А вот комментарий, автор которого пытается примирить спорщиков, привести разные стороны к общему знаменателю мира и согласия:

«Читаю я все комментарии, взаимные оскорбления и препирательства и думаю: «Братья, мы прочитали одну из историй войны. Прекрасная книга! Это наша история — история СССР в период войны, история всех народов СССР. И так было! Мой отец вое-

вал, многое рассказывал, правды много. Это факт. Надо принять многое... Но память о наших отцах, дедах священна. Я и сам участвовал в боевых действиях — уже современных — и скажу: в боевой обстановке мало что зависит от индивидуума, все находится в единой боевой связке. А при сталинском режиме все было гораздо суровей. Предлагаю почтить память погибших, замученных, невинно убиенных. Правители приходят и уходят, а мы, народ, остаемся. Нам и нашим детям надо жить в мире, согласии и взаимопонимании... Извините, если что не так!»

И подумалось вслед этому комментарию: а ведь и далеко идущий пафос астафьевского романа на то и нацелен, чтобы пройдя трагические тяготы и испытания войны, принесся ей огромные жертвы, дать возможность будущим поколениям «жить в мире, согласии и взаимопонимании»...

В. Астафьев, безусловно, был в курсе того, что говорили о его романе после издания. И как человек неравнодушный, темпераментный, воспринимал, надо полагать, весь льющийся на него негатив весьма болезненно. Возможно, это стало одной из причин, по которым писатель в 2000 году официально объявил том, что прекращает работу над своей военной эпопеей. А первые две его книги в 1995 году были удостоены Государственной премии России.

Несмотря на то, что роман «Прокляты и убиты» остался незавершенным, работу над военной темой В. Астафьев не оставлял до конца дней своих. «И все не умолкает во мне война, сотрясая усталую душу. Багровый свет пробивается сквозь немую уже толщу времени, и, сплюснутая, окаменелая, но не утерявшая запаха гари и крови, клубится она во мне», — признавался писатель. Следом за романом были созданы и опубликованы тематически как бы примыкающие к нему повести «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат» (1994 — 1997) и ряд военных рассказов, вошедших в сборник «Пролетный гусь» (2001). Задумывались ли они изначально как некие новые фрагменты и эпизоды в продолжение эпопеи, сказать сейчас трудно. Но свет увидели как уже вполне самостоятельные произведения.

О рассказах, вошедших в книгу «Пролетный гусь», надо сказать отдельно, поскольку ими завершилась творческая жизнь и судьба В. Астафьева.

В сборнике их несколько, но основную тональность книге задает открывающий его одноименный рассказ (а по существу небольшая повесть).

Это весьма распространенный в русской прозе рассказ-судьба. Повествуется в нем о судьбе двух молодых людей — солдата Данилы Солодовникова и медсестры Марины, которых жизнь свела однажды на фронтовых дорогах, да так и не разлучила до смертного одра, заставив полной мерой хлебнуть лиха и страданий. Причем мир без войны для героев рассказа оказался еще горше и безжалостней. Их бесприютное, беспросветно тягостное существование, в котором, кроме друг друга, они никому не были нужны, никаким боком на нормальную жизнь не походило. Мы видим молодых супругов в состоянии каждодневного надсадного выживания, задавленных непосильной работой, нуждой, отсутствием какой-либо перспективы. То, за что они воевали, безоглядно отдавая молодые силы и здоровье (светлое мирное будущее, достойная счастливая жизнь) оказалось для них призраком, особенно издевательским на фоне зловещей реальности. Итог настолько же трагичный, насколько и логичный: надорванный Данила умирает от скоротечной чахотки, а верная его Марина, потеряв сначала малолетнего сына, а потом и мужа, накладывает на себя ру-

ки. Два чахлая деревца, не успевшие набрать рост и силу, не смогли противостоять ледяному ветру послевоенного лихолетья. Но разве только они в том виноваты? — задается автор вопросом и всем ходом повествования дает понять, что смяли героев рассказа не одни лишь житейские обстоятельства. Рассказ называется «Пролетный (т. е. перелетный — А.Г.) гусь». На него охотится Данила, чтобы поддержать тающие силы больного сына. Но они с Мариной оказываются для своего родного государства в роли такого же гуся: их, толком не оперившихся, не успевших стать на крыло, оно использовало в великой бойне как пушечное мясо, а потом просто выплюнуло, забыв об их существовании. И одни ли они такие? За ними, по сути, целое «потерянное поколение».

Рассказ «Пролетный гусь» написан о днях давно минувших, тем не менее, он и сегодня удивительно современен, если вспомнить, скажем, воинов-«афганцев» или же тех, кто прошел огонь чеченских войн, а потом, кое-как выживая, ждал подачек от государства.

Если в «Пролетном гусе» сама война с ее конкретными подробностями отодвинута на задний план и дает знать о себе лежащей на судьбы героев мрачной тенью, то в ряде других рассказов книги она выходит из тени. И выплескивается на страницы астафьевских произведений новыми картинами, отмеченными нелюбимой, жесткой, подчас жестокой правдой.

Правда же эта, по убеждению В. Астафьева, в том, что война — прежде всего черная тяжелая работа, кровь, пот, грязь, смерть (здесь он перекликается с Л. Толстым). Все это с впечатляющей художественной силой показано в рассказах «Трофейная пушка», «Связистка», «Мелодия Чайковского». Опасна война еще и тем, что калечит людей. И даже не физические увечья особенно страшны, а нравственные, что прекрасно видно на примере скороспелого артиллерийского лейтенанта Николая Чугунова по прозвищу Колька-дзык, героя рассказа «Жестокие романсы».

Название произведения вполне соответствует образу главного героя, единственным, пожалуй, достоинством коего было умение со слезой исполнять жестокие романсы. Да и судьба его очень эти романсы напоминала. Оставшись в одном из боев без ног, Колька-дзык по приезде домой сначала попрошайничал, потом сколотил из местной шпаны шайку, разбойничал, спивался и кончил тем, что был утоплен в реке потерявшими терпение от его «выступлений» мужиками. При этом Колька-дзык не есть какая-то аномалия, а тоже вполне типичный продукт военных времен — по сути, еще один представитель изувеченного войной «потерянного поколения».

Военные рассказы В. Астафьева девяностых годов во многом перекликаются с романом «Прокляты и убиты», как бы дополняя и углубляя его. И все та же не героическая беспощадная окопная правда о фронтовых буднях становится их камертоном. Но при этом В. Астафьев не забывает об истинных героях — чернорабочих войны, великих, но мало-заметных, ратных тружениках, думавших не о наградах, а о том, как выжить, выстоять в этом аду, сохранить для будущих дел и жизни себя и товарищей. Таких героев в рассказах В. Астафьева и среди солдат, и среди офицеров мы встретим немало.

Один из них майор Проскуряков из рассказа «Трофейная пушка». Автор говорит о нем, «что он был работяга», и это звучит как высшая похвала и признание. Именно таким вот «работягам», вынесшим на плечах своих основную тяжесть войны, и кланяется низко писатель-фронтовик Астафьев. И любит их ими. И жалеет их, ныне чаще всего уже безымянных и забытых. Но эта не хорошо знакомая по риторической формуле «никто не забыт — ничто не забыто» сусальная жалость. Против нее-то как раз писатель и восстает.

Тот же Проскуряков, во многом выражающий авторские мысли, размышляет о недолговечности памяти по погибшим. «Еще какое-то время их будут помнить, а «потом все остановится для мертвых, даже память о них постепенно закатится за край жизни, если и будут их вспоминать, то уж не по отдельности, как...обыкновенных солдат, копавших землю, жаривших в бочках вшей, материвших Гитлера, старшин, норотивших посылать пожать и побольше поспать. Их будут числить и вспоминать сообща как участников, может, и как героев войны. А они таковыми себя никогда не считали, и никто их при жиз-

ни таковыми не считал. И оттого сотрется лицо Ваньки, Васьки, или Петьки, будет навязчиво проступать какой-то неуклюжий монумент в памяти, каменный, в каске, чужой, совсем людям безразличный».

Вот, собственно, главные причины настойчивого, раз за разом, возвращения В. Астафьева в своем творчестве к будням войны: с одной стороны, чтобы уберечь от тени забвения простых ее ратников, а с другой — чтобы не заслонила их живые образы могильно холодная монументальность.

Здесь, кстати, и корень астафьевских разногласий с некоторыми фронтовиками, обвиняющими писателя в искажении фронтовых будней, очернительстве и намеренной дегероизацией. Спрямоленный, отстраненный, обобщенно-идеализированный монументализм, конечно же, плохо вяжется с жестким и нелицеприятным взглядом изнутри, через призму которого видны и астафьевские герои. Тем не менее «многообразие войны» (так, кстати, названа одна из «затесей», опубликованных в книге «Пролетный гусь») находит в нем свое отражение: есть в рассказах В. Астафьева о войне место трагическому и смешному, высокому и низменному, есть в них Кольки-дзыки, но и майоры Проскураковы — тоже, изломанные войной Солодовниковы и несломленные Дроздовы.

О последнем хотелось бы сказать особо. Герой рассказа «Пионер — всем ребятам пример», бывший боевой офицер капитан Дроздов, является своего рода художественно-психологическим противовесом Даниле Солодовникову из «Пролетного гуся», иным вариантом человеческой судьбы, оказавшейся под катком еще более, пожалуй, тяжких, безжалостных и несправедливых обстоятельств.

Дроздов честно и добросовестно воевал, вступил на фронте в партию, но однажды его, окопника, штабные крысы обвинили в надуманных нарушениях в роте, которой он командовал, и стали исключать из партии. Дроздов в сердцах швырнул партбилет в лицо замполиту, заявив, что не желает «состоять в одной партии и служить в одной армии с такими бесчестными людьми». За что и «схлопотал» десять лет. Еще пять получил в лагере за пререкания с начальством Севлага, заподозрившем, что он со своей бригадой работает вполсилы. А дело в том, что «бывший командир роты Дроздов воевал, быть может, и не так лихо, как другие командиры, однако по христианской заповеди и застенчивости души умел жалеть людей и берег их, как мог (как тот же, майор Проскураков или, если вспомнить классику, капитан Тушин у Л. Толстого — *А.Г.*). От этой навязчивой привычки он не избавился и в лагере. Сбивши бригаду в крепкий кулак, он не давал обижать ее блатарям... Случалось, ходил на нож уголовников, но главное — с первых дней брал новичков под свою опеку... И вот за упорядоченный труд, за дисциплину... и поплатился бригадир», ибо «ведь это уж вроде как образцовое социалистическое предприятие получается, но не узилище, где провинившиеся перед обществом отбросы перевоспитываются...»

Много чего выпадает на долю Дроздова и после лагерей, но сохраняет он в себе и достоинство, и стойкость, и душевную цельность. Не покидает его и обостренное чувство справедливости, заставляющее Дроздова спешить на помощь тем, кто в ней нуждается. И если в лагерях он не боялся блатного ножа, то в финале рассказа с той же отважностью, чувством правоты и долга выступает против вооруженной охраны зарвавшегося депутата.

Дроздовы — коренники. И пока они есть, Россия жива, ее не согнуть, не растоптать, не уничтожить — вот мысль, естественно вытекающая из этого столь же драматичного, сколь и оптимистичного в итоге рассказа.

Таким настоящим «коренником» русской литературы XX столетия был и сам Виктор Астафьев.

«Художник свободен!»

Активную творческую жизнь в 1990-е годы вел и другой писатель-фронтовик — В. Сапожников. Правда, в отличие от В. Астафьева, не война теперь была главной его темой.

О чем же писал он в это время? Да опять-таки «о жизни, как она есть», только уже в современном, рыночно-базарном ее оформлении. При этом В. Сапожников не всего лишь отражал новые времена с их новыми песнями, а мучительно искал ответ на давний шукшинский вопрос «Что с нами происходит?», ставший еще более актуальным в лихие девяностые.

«Тягостное безвременье удушения народа во лжи — страшнее тюрьмы и войны», — говорит В. Сапожников в одной из новелл цикла «Московские прогулки», но, делает он вывод, наблюдая за происходящими переменами, нынешняя разудалая вседозволенность, называемая почему-то демократией, нисколько не лучше.

Есть в «Московских прогулках» аллегорический рассказ «Закон трубы». Он — о птицах, зимующих в полынье возле трубы, сбрасывающей в городской канал горячую воду. Но по существу — о сегодняшнем нашем обществе, где черная стая хищников диктует свои законы и где некогда лучшие его представители, не сумевшие, видимо, освободиться от капкана страха, безропотно подчиняются этой наглой кучке, не только не пытаясь ей противостоять, но даже и друг другу помочь.

В плане художественном В. Сапожников 1990-х, на первый взгляд, мало чем отличается от себя прежнего, образца, скажем, семидесятых или восьмидесятых. Все та же сочная насыщенная изобразительность, та же его «фирменная» лирически взволнованная интонация, вбирающая в себя звуки природы, оттенки человеческих настроений, разлитый в атмосфере свет любви, пусть уже и заметно потускневший. Та же, в русле классической традиции, полифоничность, соединяющая в единый поток высокое и низкое, прекрасное и отвратительное. Наконец даже излюбленный композиционный прием совмещения разных временных пластов налицо. Однако при более внимательном чтении нетрудно заметить, что в прозе В. Сапожникова 1990-х есть и весьма существенные изменения.

Его поздние произведения отличает прежде всего гораздо более высокая степень художественной свободы. «Художник свободен! Он затем и пришел в мир, чтобы одаривать людей талантом...» — заявлял писатель в одной из новелл цикла «Московские прогулки». И в прозе В. Сапожникова последних лет свобода эта явно ощутима.

Вместе с тем порождала она новые вопросы и требовала переосмысления многих привычных вещей. Войны, например. («И мы, победители, не справились. Всё у нас как-то ни то, ни сё получилось...»). Или сталинских репрессий. Как, впрочем, и многого другого, что раньше казалось бесспорным. Но, переосмысливая, В. Сапожников не выступает судьей своим героям. Он вообще старался избегать готовых оценок и рецептов. Хуже, лучше — все относительно, а предпочитал, чтобы последнее слово оставалось за читателем. Хотя своей точки зрения тоже не скрывал. Но и не навязывал. И мудрая эта взвешенность при необычайной пронзительности художественного взгляда делает позднюю прозу В. Сапожникова особенно привлекательной.

Правда, при всей яркости, сочности и живописности, она заметно горчит. Да и как иначе, если вопросы ставятся один больше и горше другого? Но, в конечном счете, она все равно светла и жизнелюбива. Потому что пронизана любовью. А ей художник и человек В. Сапожников до конца жизни поклонялся беззаветно «Ах, любовь-волшебница! Богиня, вечно обновляющая мир! Не покидай человечество! Душа мертва без любви. Она умирает без поклонения прекрасному». Эта очень важная для Сапожникова-художника мысль становится связующей мыслью всего его творчества. Вот и герой позднего рассказа В. Сапожникова художник Жуков убежден, что бездушная материя космоса и то, что называется цивилизацией, не стоят «строки поэта, трели соловьиной», а «любовь и есть, — по его словам, — магнетизм и гравитация», притягивающая все живое и живущее.

Не перестает пульсировать в поздней прозе В. Сапожникова надежда на вечное добро и справедливость.

На чем был основан оптимизм писателя? Не отзвук ли тут соцреалистического бодрчества? Вовсе нет! И писатель блестяще доказал это одним из лучших своих рассказов «Анютины глазки». Через драматическую судьбу русской женщины В. Сапожников пока-

зал жизнь провинциальной России конца двадцатого века. В образе главной героини Анны писателю удалось создать глубоко национальный характер на новом изломе российской действительности. И чем глубже вникаешь в его суть, тем больше проникаешься уверенностью автора, что такие женщины с их безмерной добротой и терпением и есть надежда и спасение России.

В феврале 1998 года Владимира Константиновича Сапожникова не стало. Он прожил большую жизнь, хлебнув в ней всего полной мерой. Не все задуманное успел сделать. Но и то, что успел, настолько талантливо, интересно и значительно, что, вне всякого сомнения, делает В. Сапожникова одной из самых ярких фигур русской литературы Сибири второй половины XX века.

Творческое парение над гнездом бытия

Трагизма и драматизма в сибирской прозе 1990-х годов хватало с избытком. Но не вся она была беспросветно мрачной. Особенно когда в ее фокусе оказывалась обыденная жизнь. В чем легко убедиться, заглянув хотя бы в повесть новосибирского журналиста и

прозаика Ролена Нотмана ⁸«Капустник» (1993).

Рассказывается в ней о преподавателях и студентах одного из музыкальных вузов. Его рамками события произведения и ограничиваются. События, но не нравственно-этические проблемы, которыми задаются и пытаются решить действующие лица, не страсти, их обуревающие.

Да и конфликт, разгоревшийся на кафедре иностранных языков этого вуза, локальным не назовешь. Это скорее типично-тривиальное противостояние прогрессивного творческого начала, таланта — воинствующей серости, пытающейся подверстать его под себя. Или те же пресловутые «новаторы — консерваторы», если вузовский антураж поменять на производственный. Суть останется та же, ибо есть в повести, с одной стороны, талант-новатор в лице преподавателя немецкого языка Анны Расимовны Хазаровой, не дающей безмятежно жить родному институту, а с другой — инертная серая масса в лице значительной части педколлектива, стремящейся всеми силами оградить свое уютно-комфортное прозябание.

Короче говоря, склока, разгоревшаяся в повести Р. Нотмана, читателям не в новинку, литературой художественной не раз отмеченная. Вспомнить хотя бы нашумевший в свое время советский роман И. Грековой «Кафедра». Но в пламени этого (и по жизни неувядающего) конфликта автор «Капустника» сумел увидеть нечто новое, привнесенное свежими социальными ветрами. И прежде всего, наверное, отчетливо проявлявшееся в пост-

⁸ **Ролан Константинович Нотман** (1932 — 2012) родился в Ленинграде, в семье преподавателей Ленинградского государственного университета, впоследствии репрессированных. Окончил факультет иностранных языков Волгоградского пединститута. Служил в армии военным переводчиком. Более сорока лет проработал научным обозревателем и зам. редактора областной газеты «Советская Сибирь». Как журналист выступал в различных периодических изданиях СССР. Много писал о сибирской науке и сибирских ученых. Как прозаик дебютировал с романом «Приоритет» в 1983 году в журнале «Сибирские огни». В 1986-м вышла первая книга Р. Нотмана «Рассказы». Автор еще нескольких книг прозы. Лауреат премии имени Н.Г. Гарина-Михайловского.

перестроечные времена стремление бывшего советского интеллигента к переоценке своего традиционного образа существования, к обретению подлинной внутренней свободы.

Отсюда и возня вокруг Анны Хазаровой, которой пытаются помешать стать доцентом, в конечном счете, как явствует из повести, не борьба с неугодным человеком, не выживание его из коллектива, что с точки зрения привычного развития конфликта виделось бы логичным, а борьба каждого из персонажей внутри себя и за самого себя.

Большинство сослуживцев Хазаровой очень даже неплохие люди, которые все прекрасно видят и правильно оценивают. Никто никакой неприязни к ней не испытывает. Напротив, эта шумная, яркая, вдохновенно-порывистая, лишенная педантизма, но в то же время прекрасно знающая и любящая свое дело, женщина — всеобщая любимица, без которой ни преподаватели, ни студенты не мыслят себе жизни института.

Конфликт в повести разрешается благополучно: ученый совет присваивает Хазаровой звание доцента, справедливость вроде бы торжествует, но горький осадок остается — ведь никто из коллег открыто на сторону Анны не встал (благо голосование было тайным). Сказалось крепко въевшиеся совковое двоедушие и социальная мимикрия. И, наверное, долго еще коллегам Хазаровой, олицетворяющим собой немалую часть российской интеллигенции девяностых годов, придется выдавливать в себе по капле не только раба, но и конформиста. Хотя пусть и небольшое движение в этом направлении благодаря этой коллизии началось и есть надежда.

Институту, изображенному Р. Нотманом, повезло, что в его коллективе оказалась Анна Хазарова. Повезло, думается, и читателям, поскольку не так уж часто появляются на страницах нашей литературы подобные ей личности — светлые, нелицемерно чистые, всем своим существом излучающие духовное здоровье.

Сложным отношениям творческой личности с окружающей обыденностью посвящена и повесть Станислава Ильясова «Изгой»⁹. На первый взгляд, это вполне традиционная «семейная проза» с элементами любовного треугольника. Находящиеся в размолвке по причине измены жены молодые супруги ищут пути к сближению и воссозданию семьи. Но это лишь видимая часть. А что там за фасадом семейной драмы?

Прежде чем искать ответ, следует обратить внимание на одно обстоятельство: главный герой С. Ильясова Александр Кружилин по корням и рабочей профессии потомственный сталевар, а по мироощущению и призванию — художник. В этой двойственности скрыт как источник многих его бед и проблем, так и... творческих озарений.

Все происходящее в повести «Изгой» пропущено через взор персонажа-художника. Кружилин пытается отстраниться от реалий взрастившей его среды, но, кровно с ней связанный, не может. Он стремится найти некую высшую, отдельную от приземленно-бытовой правду искусства, но действительность раз за разом убеждает его, что правда, все-таки, одна и вырастает из той жизненной почвы, на которой взрастает человек, и потому, наверное, нередко приходится венчать «розу белую» возвышенного чувства с «черной жабою» обыденности.

Вспоминается другой художник, Андрей Уфимцев, герой повести В. Коньякова «Снегири горят на снегу», обуреваемый за три десятилетия до появления «Изгоя» похожими чувствами и сомнениями. И эта переключка закономерна, поскольку касается краеугольных основ творческого формирования.

Всматриваясь в себя, жену, в нескладное существование отца с матерью, в окружающую жизнь, Кружилин приходит к убеждению, что он, человек и художник, неотделим от всего этого, не «надмирен», а, наоборот, духовно слитен с тем, что ему близко и дорого и без чего невозможны ни судьба его, ни картины.

Мысль не новая, но, пропущенная автором через мелкаячеистое сито житейских подробностей и деталей, бытовых сцен и эпизодов, сцепление которых составляет цель-

⁹ «Сибирские огни», 1993, №№7-12.

ную картину жизни сибирской глубинки последней трети двадцатого столетия, она обретает собственное достаточно оригинальное звучание.

Острый, точный, цепкий художнический взгляд (автор повести профессиональный художник) ощущается не только в бытовых деталях и эпизодах. Ярko и увлекательно показано С. Ильясовым рождение замысла произведения изобразительного искусства и дальнейшее его развитие, возникновение образа, цвета... Выразить в словах творческое состояние живописца — дело очень тонкое, деликатное, грозящее в любой момент обернуться фальшью. Но С. Ильясову и это вполне мере удалось. Как и заявить себя с первых же шагов (а повесть «Изгой» его дебют) прозаиком, безусловно, одаренным.

Если герой С. Ильясов пытается и не может воспарить над гнездом собственного бытия, то Галка из рассказа Н. Синиченко¹⁰ «Жизнь по Фрейд» гнезда такого не имеет, зато постоянно, хоть и невысоко, парит в струях театрального эфира.

В ровном этом парении небесталанной добросовестной провинциальной актрисы не было ни резких творческих взлетов, ни вспышек сжигающей страсти. Даже роман с неким Космачевым, «театралом из глубинки», тянулся вяло, монотонно и то, наверное, лишь потому, что «молодость жаждала любви, а она была у Галки только на сцене». Роман этот оборвался на самом его пике, когда у любовников из-за недостаточной температуры чувств не получилось соития. Раздосадованный Космачев «бросил Галку прямо в постели». Но именно эта эротическая неудача стала началом новой Галкиной жизни, в которой появляется, наконец, то, чего ей всегда недоставало, — «момент любви».

Возникает он неожиданно. Галка знакомится в электричке с мужчиной. Никакого отношения к театру он не имел, но человеком оказался очень интересным и неординарным. Тут же, в электричке новый знакомый предложил Галке выйти за него замуж. Возражать она не стала, приняв это за игру. Она «играла невесту или уже жену... И это ей нравилось». Но очень уж необычной была роль. Не драматург с режиссером дали ее ей, а сама жизнь — жизнь, которой она еще толком не знала. Из театрально-виртуальной, в которой пребывала до сих пор, Галка перенеслась в другую, в живую реальность, и ей страшно захотелось «пожить другой жизнью, без всякой богемности; рано ложиться, рано вставать, хлопотать на кухне...».

Оказавшись в другом для себя мире, Галка ощутила и новые для себя творческие возможности. В ней родилось жгучее, «но странное желание сыграть в театре ту нескладную женщину, полюбившую поздно и, возможно, не того, кого мечтала полюбить. Захотелось сыграть так, чтобы всем стало и больно, и тепло от такой любви... судьбы ли?»

Если рассуждать упрощенно-прямолинейно, то рассказ Н. Синиченко сводится все к той же хорошо известной мысли о неразрывно-сообщающейся связи искусства с жизнью. Но, во-первых, это одна из тех истин, которые постигать можно тысячами разных путей (и Галка находит свой), а во-вторых, нет в рассказе ни упрощенности, ни прямолинейности. Перед нами очень изящная, сотканная из полутонов и оттенков чувств и ощущений, переливов настроений, характерная тонкой акварельностью красок новелла, в которой, кстати, при всей обнаженности изображения театрального быта и откровенной эротичности некоторых сцен, нет ни грязи, ни пошлости.

¹⁰ Надежда Алексеевна Синиченко — настоящая фамилия Лукашова (1941 — 2014) родилась в Мариуполе Украинской ССР, в семье служащих. Окончила редакторский факультет Московского полиграфического факультета. Работала в книжных издательствах Новосибирска. Публиковалась в журналах «Сибирские огни», «Новосибирск». В 1987 году в Новосибирске вышла первая книга рассказов Н. Синиченко «Далека дорога». Автор книг «В английском замке, весьма непродолжительное время» (1990), «Сказки о любви для взрослых женщин» (1996), «Сентябрем расцветенная осень» (2001) и др., изданных в Новосибирске. Лауреат премии губернатора Новосибирской области.

Проза Н. Синиченко строится, как правило, на противостоянии человеческих типов, характеров, отношений. В то же время она очень лирична и поэтична. Главным же предметом разговора в произведениях Н. Синиченко становятся вечно непреходящие сложности и странности любви.

Потери и обретения

Завершала литература Сибири двадцатое столетие с немалыми потерями. Еще в восьмидесятые годы ушли из жизни многие известные писатели: Л. Мартынов (1980), К. Лисовский (1980), В. Пухначев (1982), И. Лавров (1982), Вас. Федоров (1984), Е. Стюарт (1984), Н. Перевалов (1984), А. Смердов (1986), В. Лаврентьев (1986), И. Дворецкий (1987), Н. Самохин (1989), Н. Яновский (1990). Л. Решетников (1990)...

В 1990-е скорбный этот список продолжился: Г. Марков (1991), М. Михеев (1993), Е. Коронатова (1994), В. Трушкин (1996), А. Квин (1996), М. Сергеев (1997), А. Плитченко (1997), Е. Жилкина (1997), Г. Карпунин (1998), В. Сапожников (1998), А. Иванов (1999), В. Коньяков (1999)...

В то же время литературное воспроизводство шло трудно и часто без качественных результатов. При обилии авторов всех, как говорится, мастей и волостей, настоящих литературных открытий почти не было. Молодая смена вообще оставляла желать лучшего.

Ну, а многие из тех, кто в девяностые обрел известность и популярность, стартовали задолго до этого и так же не были открытием последнего десятилетия. Примером тому может служить группа новосибирских поэтов, которых собрал под одной обложкой в 1989 году сборник «Гнездо поэтов» (составитель В. Берязев, редактор А. Плитченко) и дал им вторую литературную жизнь.

Почему «вторую»? Да потому что первая для Жанны Зыряновой (1939 — 1994), Анатолия Соколова (1946 — 2010), Михаила Степаненко (1945 — 2013), Ивана Овчинникова (1939 — 2016), Александра Денисенко, Николая Шипилова (1946 — 2006), Юнилы Булатова, Владимира Ярцева (1945 — 2019) начиналась еще в 1960-е годы в литературном объединении И. Фоякова. Но так сложилась судьба, что, в отличие от других членов ЛИТО (тех же А. Плитченко, Г. Карпунина или Н. Закусиной) творческий их путь оказался более извилист, прерывист и непрост; к читателям пришли они с запозданием и лишь в начале 1990-х стали, наконец-то, авторами первых своих книжек. Во многом потому, что выбивались из общей поэтической шеренги. Сами себя они шуточно называли то «тетражистами», по выражению А. Денисенко (т. е. — пишу стихи в тетрадь), то, по определению И. Овчинникова, «нетактистами» (не так пишу, как надо).

Все они, а с ними и примыкающие по духу и времени вступления на поэтическую стезю Ст. Михайлов, В. Быченко (1939 — 2010), Валерий Малышев (1940 — 2006), отмечены печатью несомненного таланта, интересны и самобытны. Однако признанным лидером этой поэтической генерации стал А. Денисенко.

Александр Иванович Денисенко родился в 1947 году в селе Мотково Мошковского района Новосибирской области. Учился в Новосибирском пединституте. Работал редактором на телевидении, журналистом в газетах «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск» и редактором в Сибирском отделении издательства «Детская литература».

Поэтический путь А. Денисенко начинался в 1960 году в литературном объединении, руководимом И. Фояковым. К тому же времени относится и публикация первых его стихов. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Литературная учеба», «Сибирская горница» и др. Первая книга А. Денисенко «Аминь» вышла в Новосибирске в 1990 году. Автор книг «Пепел» (2000), «Провинция» (2017), изданных в Новосибирске. А. Денисенко победитель Всесоюзного конкурса одного стихотворения. Стихи его вошли в антологию русской поэзии «Итоги века» (1997), хрестоматию «Русская поэзия XX века» (1999) и «Антологию русской поэзии» (2000), изданные в Москве.

Поэзия Александра Денисенко настолько же противоречива, на первый взгляд, насколько и гармонически цельна в отображении окружающего мира. Она и рождается как

бы в точке пересечения языковых пластов современного городского и патриархально-деревенского миров.

Родное село А. Денисенко, его малая родина для него — целая вселенная, где «снег подвечный падает», где есть фантастические, но все же реальные жеребята, склонившие головы к земле, чтобы читать живую тетрадь стихов умершего «во цвету, во хмелю на лугу» русского поэта».

По наблюдению собрата по поэтическому перу А. Соколова, «особенностью творчества А. Денисенко... является категорическое неприятие сложившейся картины мира. Поэт как бы хочет сказать: «Мир еще не отвердел, не устоялся. В нем есть место для чуда» А раз так, то он и стремится «все сущее увековечить». И даже обожествить»¹¹.

Потому, наверное, даже в таких традиционных темах, как тема войны, родительского дома, А. Денисенко удивительно свеж во взглядах и ощущениях. Даже старые затертые слова в стихах А. Денисенко обретают новое сияние и новую жизнь.

Художественная яркость, оригинальность и колоритность поэтических образов делают стихи Денисенко особенно впечатляющими.

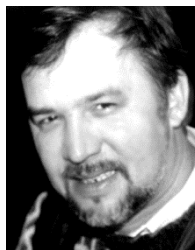
Особая роль в его поэзии принадлежит образам и метафорам сюрреалистическим. Из-за определенной приверженности к ним А. Денисенко называют иногда поэтом современного русского авангарда, хотя, безусловно, его поэзия гораздо шире этого достаточно узкого направления.

В литературном пространстве А. Денисенко присутствует не только поэзия, но и столь же самобытная, оригинальная проза. А это и лирико-драматическая повесть «Тишина», и рассказы, и публицистика, в которых живет и чувствуется трепетная и ранимая душа замечательного поэта.

Время испытывает и расставляет все по своим местам. И сегодня, за порогом нового тысячелетия уже совершенно очевидно, что поэзии А. Денисенко суждена долгая жизнь.

Но были стихотворцы, утвердившиеся на поэтическом небосклоне Сибири непосредственно в 1990-е годы. В их числе такие интересные поэты, как В. Берязев (Новосибирск) и Н. Ахпашева (Хакасия).

Владимир Алексеевич Берязев родился в 1959 году в Прокопьевске Кемеровской области, в шахтерской семье. Окончил Новосибирский институт народного хозяйства и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал ревизором-инспектором райфинотдела, директором издательства «Мангазея» в Новосибирске, редактировал одноименный альманах. Избирался председателем правления Новосибирской писательской организации. Возглавлял журнал «Сибирские огни». Был собкором «Литературной газеты» по Западной Сибири.

Как поэт В. Берязев дебютировал в 1982 году в журнале «Сибирские огни». Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Урал», «Дальний Восток», «День и ночь», «Зарубежные записки» (Германия), «Новое русское слово» (США), «Нива» («Казахстан»), «Немига» (Белоруссия) и др. В 1986 году в Новосибирске вышел первый поэтический сборник В. Берязева «Окоем». За ним — книги «Золотой кол» (1989), «Могила Великого Скифа» (1994), «Посланец» (1997), изданные в Новосибирске и Прокопьевске.

Едва ли не сразу В. Берязев заявил себя поэтом эпического начала и глубокого исторического взгляда. В этих основных проекциях в дальнейшем и будет развиваться его поэтическое творчество, одной из краеугольных мыслей которого станет мысль о равновеликости мощи природы и человеческого духа. Ну, а «безудержная солнечность простран-

¹¹ А. Соколов. Приговоренный к любви (Заметки о поэзии А. Денисенко). // «Сибирские огни», 2000, №5, с. 192.

ства» послужит ему тем незаменимым холстом, на котором возникнет под его пером не одна впечатляющая картина.

Воспринимая мир как единое неразрывное целое, лирический герой В. Берязева ключ к разгадке сути мироздания, помня «Пушкина добрый урок», ищет в душе человеческой. А в постижении мира его взор то и дело устремляется в глубины Времени. Там, в толще веков пытается найти он ответы, в том числе, и на некоторые современные проблемы, оказывающиеся на поверку вечными и непреходящими вопросами человеческого бытия.

В. Берязев, безусловно, не первый и далеко не единственный, кто через прошлое пытается что-то уяснить в настоящем. У русской поэзии в этом отношении существуют глубокие и прочные традиции, восходящие к фольклору и древней русской словесности, которые В. Берязев продолжает.

Рожденный и возвращенный страной, раскинувшейся на просторах двух континентов, В. Берязев ощущает себя, что в данной связи вполне естественно, евразийцем. При этом на западном направлении цивилизации Россию он не видит, потому что дух Азии веками витает на ее просторах. Духом Азии пронизана и его поэзия.

А персонифицируется дух этот у В. Берязева в фигуре Чингисхана («Чингиса дух меж нами жив...»). В великом древнем завоевателе поэт увидел некий объединяющий и цементирующий народы и культуры символ. Что и постарался выразить в объемном поэтическом сказании «**Знамя Чингиса**» (1995). В содержательном плане — это рассказ о рождении, детстве, юности Тэмуджина (настоящее имя Чингисхана), о становлении личности великого воина, о большой любви его к девушке Бортэ, о ее похищении и дельнейшем освобождении Тэмуджином своей возлюбленной в историческом бою, который положил начало знаменитым походам Чингисхана. А дальше Чингисхан предстает в поэме как «Держатель мира», «величием дел своих» покоривший «народы и мненья», создавший и претворивший в жизнь суровый, но справедливый «закон степи» («Ясу») — закон монолитного могучего государства. То есть образом скорее мифологическо-символическим и романтическим, нежели строго историческим и реалистическим. Следует, однако, учесть, что В. Берязев предлагает читателям не исторический слепок, а свое художественное видение далекой эпохи, не строго документальное жизнеописание, а соответствующий собственному поэтическому ощущению образ-символ-знамя. Знамя чего? Надо полагать — возрождения из социальных руин и объединения вновь в великую Державу. А это и в нашей современности, как и во времена Чингисхана, очень даже актуально.

Но привлекает поэма не только своим идейным и социальным наполнением. Как произведение художественное, поэтическое она тоже своеобразна и оригинальна. По своей поэтике и стилистике «Знамя Чингиса» восходит к национальным героическим сибирским эпосам, что в немалой степени помогло В. Берязеву наполнить поэму неповторимым колоритом и тем самым «духом Азии», который не в состоянии истребить ни века, ни пространства. Вместе с тем, несмотря на определенную стилизацию под национальный фольклор, перед нами по многим признакам все-таки произведение современной литературы, в котором молодой тогда еще поэт раскрывается в полной мере как художник, обладающий обширным арсеналом изобразительных средств и возможностей.

«Знамя Чингиса» — первый серьезный (и удачный) опыт работы В. Берязева в жанре эпической поэмы. И, как покажет будущее, далеко не последний...

А в конце девяностых В. Берязев опубликует еще одну поэму — «**Поле Пелагеи**». Она о самом, наверное, в жизни человеческой главном: говоря строкой берязевской же поэмы, «о простом и неизбывном чуде Рода», в котором соединяются родня, родной дом, родное пространство, народ, родина, наконец. То есть восходящая к горным высям Духа цепь важнейших для человека нравственных понятий. А их выразителем для лирического героя поэмы становится девятилетняя девочка Пелагея с удивительной силы и чистоты голосом, пение которой потрясает его душу, вызывая лавину воспоминаний и ассоциаций, связанных как с собственным прошлым, так и временами более древними. Поэма «Пела-

гея» невелика, но очень емка и насыщена. По сути — это философско-поэтическая притча, которая в каких-то моментах (например, в размышлениях о Роде как стержневом начале человеческого бытия) перекликается и со «Знаменем Чингиса», и рядом других поэтических произведений В. Берязева.

Уходящий XX век В. Берязев завершал на творческом подъеме, о результатах которого можно будет судить уже за порогом следующего столетия.

Наталья Марковна Ахпашева — русскоязычная поэтесса хакасского происхождения — родилась в 1960 году в селе Аскиз Хакасии. Окончила Абаканский филиал Красноярского политехнического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Работала наборщиком в типографии, мастером и инженером-электриком на Красноярском заводе тяжелых экскаваторов, инженером Усть-Абаканского управления оросительных систем, корреспондентом областной газеты «Советская Хакасия». Избиралась председателем Хакасского отделения Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Республики Хакасии. Кандидат филологических наук.

Первые стихи Н. Ахпашевой появились в печати в 1985 году. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Литературный Абакан», в «Литературной газете» и «Литературной России». В 1990 году в Красноярске вышла первая книжка Н. Ахпашевой «Я думаю о тебе». Она автор поэтических сборников «Соляной круг» (1993), «Тысячелетье на исходе» (1996), «Квартал» (2000) и др., изданных в Абакане и Новосибирске.

Поэзия Н. Ахпашевой, по мнению хакасского филолога А. Кошелевой, — «сложный синтез лирики и публицистики... В ее стихах соприкасаются времена, эпохи, культуры, стили»¹². Все это выливается в страстный монолог о любви, о судьбах человечества и поисках своего пути в нашем мире. Лирическая героиня Н. Ахпашевой привлекает удивительной внутренней свободой, а так же пронзительностью чувств и душевных переживаний. Стихи Н. Ахпашевой обращают на себя внимание редкой образностью и метафоричностью. Поэтесса удачно использует фольклорные традиции, которые, насыщая стих национальным колоритом, делают его еще более ярким, сочным.

Тогда же, в девяностые, Н. Ахпашева весомо заявила о себе как переводчик национальной литературы. Переводила она как современных хакасских писателей, так и эпос. Ей принадлежит перевод на русский язык богатырского сказания М. Баинова «Хан-Тонис на темно-сивом коне», выдержавшем уже не одно издание. Много занимается Н. Ахпашева и теорией художественного перевода национальных сибирских литератур.

Вспомнить других, равноценного А. Денисенко, В. Берязева и Н. Ахпашевой уровня, авторов, утвердившихся в сибирской поэзии в 1990-х годы, весьма затруднительно.

Не лучше обстояло дело и в прозе. У большинства литературных новобранцев девяностых сколь-нибудь заметных художественных достижений не наблюдалось.

Да и в целом литература Сибири на исходе XX столетия находилась скорее в состоянии рецессии. Подтверждения тому мы найдем не только в поэзии или прозе этого периода, но и других ее жанрах. В очерке и публицистике, прежде всего.

В советской литературе это были жанры-первопроходцы, жанры-разведчики, всегда выступавшие на острие свершавшихся перемен и многостороннее отображавшие живую текущую действительность. В условиях 1990-х годов, когда общество резко сменило социально-политический и экономический курс, но не обрело при этом четких ориентиров и лишилось идеологической платформы, очерк с публицистикой стали стремительно терять

¹² Кошелева А.А. Ахпашева Наталья Марковна. // Энциклопедия Республики Хакасия. — Красноярск, 2007, Т. 1, с. 59.

передовые позиции и перестали быть точными и ясными выразителями современных реалий. Впрочем, сами реалии с их смутной, не отстоявшейся сутью тому способствовали. Не мудрено, что к отображению и осмыслению происходящего в стране и на родных сибирских просторах представители документального жанра подступались пока очень робко.

Исчезли с печатных страниц некоторые темы, которые еще совсем недавно казались ключевыми и краеугольными — социально-экономического преобразования Сибири, например. По причине совершенно банальной — прекращения со сменой политического и социально-экономического курса (по крайней мере, на начальной его стадии) этого самого преобразования.

Правда, экономическое развитие Сибири и его перспективы продолжали волновать сибирских публицистов. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи Николая Курочкина — «Какая экономика нужна России», «Разрушение континиума», «Такая вот полоса» и др., увидевшие свет во второй половине 1990-х годов, где автор, размышляя о политике российского руководства по отношению к Сибири, пытается предугадать ее будущее и задумывается о возможности возникновения новой волны сибирского сепаратизма.

Немало писательской публицистики было посвящено в девяностых годах политическим нравам пореформенной России, идеологии современного российского либерализма и некоторым конкретным его представителям. Однако по глубине осмысления заявленных тем и проблем и литературному уровню подачи материала она далеко не равноценна. Если, скажем, статьи и очерки В. Зеленского «Лишняя совесть, или по уши в демократии», «Качает черт качели», «Яйцо динозавра» откровенно политизированы, грешат газетной риторикой и уже мало общего имеют с документально-художественной прозой, в русле которой, надо сказать, достаточно успешно работал во времена своего творческого становления и сам их автор, то публицистические материалы того же тематического направления В. Сапожникова «Мое покаяние» о трагедии России в XX веке или В. Распутина «Интеллигенция и патриотизм» с говорящим за себя названием оставляют совсем иное ощущение. Во всяком случае, это настоящая художественная публицистика, где глубокие мысли и наблюдения над жизнью и происходящими в ней процессами оплодотворены сильными авторскими чувствами и эмоциями, выраженными в адекватных им красках и образах.

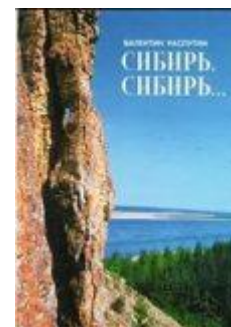
Значительное место еще со времен «перестройки» занимала в литературе нашей тема политических репрессий. Она широко представлена в очерках В. Макшеева — «Гнет (страницы Васюганской хроники)», «Гонение (хроника одной крестьянской семьи)», «Хасан, Сашин и другие (из хроники спецпоселенцев)»; В. Шишкина — «Кольванский мятеж» (документальная хроника крестьянского восстания), «Остров смерти» (трагедия трудопоселенцев на обском острове Назино); М. Щукина «Молю прощения» (трагедия сибирского крестьянства). О политических репрессиях 1930-х годов пишет в своих воспоминаниях «Черный ворон» А. Коптелов. Однако к концу девяностых тема стала заметно иссякать, отодвигаться на задний план.

Зато начал возрождаться основательно подзабытый, было, краеведческий очерк. Местная тема, тема края родного обретала все большую популярность. Особенно на страницах сибирских альманахов.

Зазвучали в очерках и публицистике 1990-х годов религиозные, прежде всего православные мотивы. Церковь все активнее заявляла о себе в российском медийном пространстве. Сибирь не была исключением. Многие периодические издания охотно предоставляли свои печатные площади материалам клерикального характера. Особенно отличались в этом отношении журналы «Сибирские огни» и «Сибирская горница».

Как-то незаметно ушла в тень всегда актуальная на протяжении многих предыдущих десятилетий тема гармонического сосуществования человека и природы. (Видимо, не до экологии стало неореформаторам, ввергших страну в хаос).

Одним из очень немногих исключений оставался **Валентин Распутин**, последовательно и упорно продолжавший отстаивать уникальную сибирскую природу и в первую очередь главную ее жемчужину — озеро Байкал. Еще в мае 1981 года В. Распутин впервые публикует в газете «Советская культура» очерк «Байкал, Байкал...», многократно перепечатанный в дальнейшем другими изданиями. И не раз еще возвращается он в своих публицистических выступлениях к теме сохранения озера.

Пишет В. Распутин не об одном лишь Байкале. В поле его зрения разные уголки Сибири. Так, в 1995 году появляется цикл его очерков «По Лене-реке». А несколькими годами ранее выходит очерково-публицистическая книга «Сибирь, Сибирь...» (1991).

В этой книге В. Распутин открывает читателям необыкновенную и прекрасную «страну Сибирь», рассказывает об ее истории, подвигах первопроходцев, о людях, ее населяющих и осваивающих, наделенных особенными чертами и характером, размышляет о прошлом, настоящем и будущем Сибири. И страстно встает на ее защиту, убежденный в том, что «с любовью и оберегом должно относиться к родной земле», поскольку «другого не дано». Не случайно А. Солженицын в своей речи при вручении премии его имени В. Распутину (2000), в частности, говорил, что в своих очерках «В. Распутин выступает как уникальный певец Сибири и среди самых стойких защитников ее».

В 2000-м и 2006 годах выходят новые, существенно дополненные и переработанные издания книги «Сибирь, Сибирь...». Она переводится на английский язык. А в 2010 году удостоивается премии Правительства Российской Федерации.

Очерк и публицистика всегда занимали важное место в творчестве В. Распутина. Писатель, вспомним, и начинал с них. Но в 1990-е годы эти жанры становятся у писателя доминирующими. И имеют огромный общественный резонанс. Прежде всего и главным образом потому, что говорит в них В. Распутин о духовном и национальном возрождении России, которое он тесно связывает с судьбой Сибири. В. Распутин верил, что Россия «останется самостоятельной страной, независимо живущей своими порядками, которым тысяча лет»¹³. И как писатель и гражданин делал все возможное, чтобы таковой его родина была и впредь.

Несколько в тени очерков и публицистических материалов В. Распутина оказалась в 1990-х годах его художественная проза. Но писатель не оставлял ее, создавая все новые произведения: «Из цикла рассказов о Сене Позднякове» (1994 — 1997), рассказы «В ту же землю» (1995), «Нежданно-негаданно», «Отчие пределы» (оба — 1997), «Изба» (1999) и еще некоторые другие, в которых писатель продолжает художественное исследование нравственного состояния человека. Но теперь уже в условиях стремительно рушащихся традиционных жизненных и духовных опор.

В целом же очерково-публицистическая литература на финише XX века представляла собой весьма пеструю эклектическую и довольно унылую картину. В таком весьма тусклом и аморфном состоянии встречала она и новое столетие.

* * *

Заметно менялась в 1990-е годы и литературная критика. Все явнее становилась она рецензионной и аннотационной, а то и просто рекламной, и все дальше уходила от постановки серьезных идейно-художественных и эстетических задач, что находило подтверждение в публикациях практически всех сибирских журналов и альманахов этого периода, включая «Сибирские огни».

¹³ Из книги В.С. Кожемяко. Валентин Распутин. Боль души. — М., 2007.

Остро встала к исходу тысячелетия и проблема обновления критических кадров. Значительная (и лучшая) их часть, начиная с Н. Яновского, уже ушла из жизни, некоторые оставили живую критическую практику и полностью переключились на науку. В Новосибирске, где в середине 1980-х насчитывалось более десятка активных критических перьев, к концу девяностых таковых оставалось всего лишь двое — В. Шапошников и автор этих строк. Не лучше дело обстояло и во всей остальной Сибири. Сибирская школа литературной критики, сложившаяся вокруг Н. Яновского и В. Трушкина, фактически перестала существовать.

Притока же свежих литературно-критических сил не наблюдалось. Развитие литературной критики в Сибири явно застопорилось и обнадеживающих перспектив пока не просматривалось.

Как и в других жанрах...

Возьмемся за руки, друзья

Не сказать, что литературное сообщество в Сибири (от авторов произведений до рядовых читателей) не видело и не осознавало всей серьезности сложившегося положения и никак не реагировало на него. Реагировало. Высказывалось. Подкрепляло конкретными примерами. Предлагало способы улучшения ситуации. Иначе говоря, не находилось в роли сторонних наблюдателей. Об этом свидетельствовали нередкие выступления как самих писателей, так и людей, имеющих отношение к сибирской словесности, в литературной периодике, прессе, СМИ.

Но, наверное, еще более убедительными тому подтверждениями стали общероссийские мероприятия, инициированные в 1990-е годы живыми тогда еще сибирскими классиками В. Распутиным и В. Астафьевым.

С 1994 года в Иркутской области проводится ежегодный **Всероссийский фестиваль «Дни русской духовности и культуры «Сияние России»**.

Идею такого фестиваля подал певец А.В. Шахматов, которого горячо поддержал В. Распутин, а так же мэр Иркутска и епископ Иркутска Вадим. В. Распутин много сделал для организации этого мероприятия, в котором и сам активно участвовал не один год вместе с артистами, музыкантами, художниками и, конечно же, литераторами, (писателями, редакторами литературных журналов, работниками издательств из разных городов России, включая Москву и Петербург), которые и придают своим участием особую значимость фестивалю. Фестиваль длится неделю, и за это время его участники успевают выступить и пообщаться на творческих встречах в самых разных аудиториях по всей Иркутской области.

Фестиваль традиционно начинается молебном и крестным ходом. Характерен он еще одной особенностью. В его рамках в Иркутске и области ежегодно открываются новые учреждения культуры.

Не один год в Красноярском крае проходило еще одно значимое для сибирской словесности мероприятие — **«Литературные встречи в русской провинции»**.

Инициатором и вдохновителем этой Всероссийской конференции по проблемам отечественной литературы, книгоиздания, чтения и библиотечного дела был В. Астафьев, сам принимавший в ней активное участие. Поэтому «встречи» неофициально называли еще и **«Астафьевскими чтениями»**.

Конференция собирала библиотекарей, сотрудников литературных музеев и мемориалов, писателей, литературоведов, редакторов журналов и альманахов, научных работников, вузовских и школьных педагогов со всей России (но, конечно, главным образом —

Сибири). Рабочие будни конференции проходили в библиотеках и культурных учреждениях Красноярского края, в том числе — в библиотеке родной астафьевской Овсянки.

«Отечественная литература и библиотеки на рубеже веков: состояние и тенденции развития» — так звучала магистральная тема «встреч». Но спектр дискуссий был шире и разнообразнее. О литературной ситуации в своих регионах и связанных с нею проблемах провинциальной литературной жизни говорили писатели из разных уголков Сибири и провинциальной России. О взаимоотношениях и взаимосвязи библиотек и читателей, размышляли библиотечные работники... И далеко не всегда в выступлениях этих звучал унылый пессимизм. Более того, из них явствовало, что, несмотря на удары и гримасы рынка, словесность в глубинке скорее жива, что в провинциальных культурных центрах, пусть и небольшими тиражами, продолжают выходить литературные журналы и альманахи.

На конференции ставились важные и животрепещущие вопросы — в частности, «о чем мы пишем?», «с чем войдем в XXI век?», «кто сегодняшней герой?» По наблюдению одних, из произведения в произведение кочует «маленький человек», попавший под колеса непонятных ему «реформ», а внимание поэтов, прозаиков, публицистов сосредоточено на бездуховном, бессмысленном существовании людей. По мнению других, нынешняя словесность населена проститутками, наркоманами, преступниками.

Неутешителен в связи с этим был диагноз и самого В. Астафьева: «Какое общество, какая жизнь, — такая литература», — констатировал он и подчеркивал, что «самое важное, самое интересное и самое сложное, что предстоит пройти отечественной литературе сегодня и в ближайшее время — это испытание правдой. Справится ли с этим испытанием растерянная, лишенная былой идейной и духовной основы, интеллигенция — вот вопрос, над которым предстоит думать и думать...»¹⁴

И, конечно же, объединять усилия, чтобы переломить сложившуюся ситуацию. О преодолении литературной разобщенности, и упрочении связей с читателями на этих «встречах» тоже говорилось немало.

Одной из самых больных, поднимаемых на «встречах» проблем, был вопрос регионального книгоиздания. А, по сути, речь шла о сохранении литературного труда как профессии, в которой писатель должен получать достойное вознаграждение.

Впервые «Литературные встречи в русской провинции» — это крупное по размаху и культурному значению мероприятие — состоялось в Красноярске осенью 1996 года. Там же, в сентябре 2006-го, уже после смерти В. Астафьева, прошли и десятые, юбилейные, завершившие этот уникальный культурный проект, объединявший самых разных людей, озабоченных здоровьем и судьбой провинциальной литературы.

В самом конце XX столетия была сделана попытка реанимировать общесибирские писательские съезды, начало которым было положено еще в 1920-х годах. Тогда сибиряки успели провести всего два таких съезда.

И вот спустя семьдесят лет, в начале ноября 1999 года в Новосибирске по инициативе писательской организации «Литературная Сибирь» (правопреемнице Сибирской писательской ассоциации) и при поддержке Администрации новосибирской области и межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» прошел **III Съезд писателей Сибири**. В его работе участвовали 40 делегатов из 12 регионов. На съезде обсуждались особенности современного литературного процесса, насущные проблемы жизни сибирских писателей, их место в духовном возрождении родного края и всей страны.

Одним из важных итогов работы съезда стало принятие «Обращения» к руководителям исполнительных и законодательных органов краев и областей с призывом способствовать объединению и развитию литературных сил Сибири.

¹⁴ Из выступления В. Астафьева на пленарном заседании III Всероссийской конференции «Литературные встречи в провинции», проходившей в Красноярске с 25 по 30 сентября 2000 года.

Тремя годами позже, в конце ноября 2002 года там, же, в Новосибирске, состоялся **IV Съезд писателей Сибири**, собравший 58 делегатов из 12 сибирских регионов и обсуждавший примерно тот же круг проблем, что и предыдущий. Съезд констатировал, что за последние годы проблемы возрождения литературы в Сибири так и остались нерешенными. Для большей эффективности руководства этим процессом и в качестве конкретного механизма сотрудничества с властью и обществом была создана Ассоциация писателей Сибири (АПС). Ее координаторами выбрали В. Берязева и В. Казакова.

Но, увы, в отличие от I-го, «зазубринского», писательские съезды на рубеже XX и XXI веков фактически никакого влияния на литературную жизнь Сибири не оказали и каких-либо серьезных изменений в нее не внесли. Много чего было заявлено, декларировано, но мало выполнено. А главное — действительно объединительными, цементирующими писательские ряды, делающими их влиятельной социальной и культурной силой, способной решать большие задачи, эти форумы не стали.

И, тем не менее, уже сам факт их проведения свидетельствовал о том, что литературная жизнь Сибири, пусть и не горела ярким пламенем, но, вопреки всему, не затухала.

За это говорили и другие события литературной жизни девяностых годов. Так, в августе 1991 года в рамках программы ЮНЕСКО «**Демидовский проект**» на Алтае был учрежден Демидовский Фонд, который действовал как региональный центр Международного Демидовского Фонда. И первым его президентом был многие годы писатель из Барнаула А. Родионов. В 1993 году были возрождены Демидовские премии, которые не вручались с 1866 года. Теперь они присуждались по шести гуманитарным номинациям, в том числе и литературе.

В 1995 году в центральной части Омска, где неподалеку родился и жил знаменитый поэт, появился **Бульвар Леонида Мартынова**. Он быстро стал достопримечательностью далеко не местного значения.

Важным событием конца девяностых стала реанимация с финансовой помощью администрации Новосибирской области журнала «Сибирские огни», который с лета 1999 года возобновил свой выпуск в полном объеме и формате с ежегодной периодичностью в шесть номеров. И это давало надежду на восстановление разорванного литературного пространства в Сибири и дальнейшее развитие сибирской литературы.

Сбудется ли надежда, ясно станет уже за гранью уходящего тысячелетия...

ДЫХАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Между прошлым и настоящим

И вот мы перешагнули порог XXI века и третьего тысячелетия. И даже два десятка лет успели в нем прожить. За это время прошли немалые изменения во всех сферах нашего бытия. В литературном пространстве — тоже.

В дискуссиях о нынешней словесности то и дело приходится слышать, что у нас давно нет литературного процесса, да и сама литература тихо загибается. И в первую очередь провинциальная, которой всегда жилось гораздо труднее столичной.

Когда подобные пессимистические заявления звучали в девяностые годы, с ними трудно было не согласиться. За всю Россию говорить не будем, но в Сибири литература в целом находилась тогда действительно в удручающем состоянии.

Ныне ситуация меняется. Обмелев в девяностые до предела, река нашей словесности понемногу вновь восстанавливает свое прежнее полноцение. Поэтому слухи о кончине российской литературы, в том числе и на сибирских просторах, явно преувеличенны. И вполне можно согласиться с критиком П. Басинским, который утверждает: «Все разговоры о том, что «у нас нет литературы», — от лукавого. У нас есть литература. У нас много литературы, у нас даже слишком много литературы»¹.

Под этим «слишком» П. Басинский, имеет в виду, скорее всего, тот мутный поток дешевой беллетристики и дурно пахнущего развлекательного чтения, из-за которого подчас даже произведения вполне достойного художественного уровня не удастся толком разглядеть. Не способствует тому и расплодившееся ныне в гигантском множестве самостоятельное словотворчество, существующее в основном по принципу «за собственные деньги любой наш авторский каприз» — графоманского, как правило, пошиба.

Отсекая и то, и другое, сосредоточим внимание, на произведениях именно художественных. И попытаемся разобраться, с чем пришли сибирские писатели в XXI столетие и каков вектор их дальнейшего творческого развития?

Начнем с прозы, благо, она предоставляет для этого весьма обширный материал.

И первое, что бросается в глаза, при взгляде на сибирскую прозу начала XXI века, — обилие хорошо знакомых еще по советским временам авторов. Но это и не удивительно. Писатели, чей творческий путь начинался еще тогда, не исчезли в одночасье. Многие из них продолжили его и за порогом третьего тысячелетия. Кто-то и дальше отрабатывал запасы своего жизненного материала, продолжая традиционные и знаковые в пору их творческой молодости темы, другие пытались выходить уже на более современные литературные горизонты. Третьи и вовсе стояли «нараскоряку»: прощаясь с прошлым, делали в то же время попытки воссоздать и осмыслить день нынешний.

Магнетизм далеких времен

Прошлое Сибири, далекое и близкое, полное тайн, легенд, захватывающих событий, героических фигур и удивительных личностей, писателей-сибиряков интересовало всегда. Для одних авторов интерес к сибирской истории сформировался еще во глубине минувшего столетия, и в новом веке они продолжали свои исторические разработки. Как, на-

¹ Басинский П. У нас нет литературы? // «Российская газета», 18 сент. 2017 г.

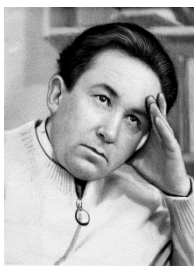
пример, прозаик из Барнаула **Иван Кудинов**². Известный романами о прошлом Алтая, в начале XXI века он дополнил их повестью «Яблоко Невтона» (2003) о жизни изобретателя первой в мире паровой машины Ивана Ползунова. Или новосибирец **Геннадий Прашкевич**, пополнивший прозаический цикл о сибирских первопроходцах, начатый им в 1990-х годах, романами «Гайна полярного князяца» (2012) и «Русский хор» (2016). А его земляк **Анатолий Садыров**, в те же девяностые начав документально-художественную историческую «сибириаду», в дальнейшем все активнее погружается в глубины прошлого в книгах «Суженый» (2010), «Сказания домовых Южаковского двора» (2015), а так же исторических романах «Во славу России» (2011), «Осетровые ямы» (2014), «Серьги императрицы» (2015). Выпустив в девяностые несколько книг о прошлом старинного Томска, поэт и прозаик **Борис Климычев** также продолжил работу в этом направлении и в «нулевые годы», создав два романа: «Маркиз де Томск» (2003) и «Прощаль» (2004).

Другие сибирские прозаики на художественное освоение былого переключались с тем современных. Как **Михаил Щукин**, представив читателям в новом столетии около десятка повествований о сибирской старине: «Ямщина» (2007), «Черный буран» (2012), «Покров заступницы» (2014), «Осиновый крест урядника Жигина» (2016) и др. Или Красноярский прозаик **Владимир Шанин**, столь же круто изменивший свой прежний творческий курс, ориентированный на современность, издав в 2010 году роман «Суриков, или Трилогия страданий».

Историческая проза каждого из выше названных авторов характерна своими художественными, жанровыми, стилевыми особенностями. Романами И. Кудинова свойственна основательность и неспешность классического реализма. Произведения М. Щукина и Г. Прашкевича написаны в приключенческом ключе — в основном в жанре исторического боевика. «Роман-исследование» (как обозначил его сам автор) В. Шанина основан на малоизвестных исторических документах, связанных с жизнью и творчеством знаменитого русского художника Ивана Сурикова. На фундаменте историко-архивных материалов держатся и все произведения А. Садырова. Вместе с тем романы его не лишены и остро сюжетной приключенческой увлекательности. Романы же Б. Климычева, обращенные к малоизвестным эпизодам сибирской истории, написаны уже в духе авантюрной прозы XIX — начала XX века.

* * *

О произведениях Б. Климычева несколько подробнее, поскольку в современной исторической прозе они выделяются особой оригинальностью и колоритностью. Но сначала о личности самого автора.

Борис Николаевич Климычев (1930 — 20013) родился в Томске, в семье часовщика. Был и сам часовщиком, слесарем, бурил скважины в казахских степях. Служил в Туркменистане в армии. Демобилизовавшись, работал в республиканской молодежной газете. По возвращении в Сибирь работал в многотиражных и районных газетах Томской области. Десять лет руководил Томской писательской организацией. Лауреат нескольких всероссийских и областных литературных премий. Почетный гражданин Томска. Литературную деятельность начинал с поэзии. Публиковался в журналах «Огонек», «Смена», «Юность», «Наш современник», «Сибирские огни». Первая книга стихов «Красные тюльпаны» вышла в 1958 году в Ашхабаде. Автор еще нескольких

² **Иван Павлович Кудинов Кудинов** родился в 1932 г. в пос. Красные орлы Алтайского края. Работал на Барнаульском вагоноремонтном заводе, литсотрудником газеты «Молодежь Алтай», собкором «Комсомольской правды», главным редактором альманаха «Алтай». Публиковался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Сельская молодежь». Автор многих книг прозы, изданных в Москве, Новосибирске и Барнауле. Лауреат премии Алтайского комсомола. Писатель с широким творческим диапазоном, одинаково уверенно чувствующий себя как в современном, так и историческом материале.

поэтических сборников. В 1980-е годы Б. Климычев активно занимался краеведением, результатом чего стали его книги «Часы деревянные с боем» (1981), «Город юности» (1984), «Мой старый Томск» (1994), «Томские тайны» (2000) и др. Исследования томской старины подвигли писателя также на создание произведений исторической прозы.

В центре романа Б. Климычева «**Маркиз де Томск**» удивительная судьба маркиза Томаса де Вильнева, потомка старинного французского рода, приехавшего юношей в Россию попытаться счастья, дослужившегося здесь до полковника и ставшего комендантом города Томска, которому он верой и правдой прослужил последние двадцать лет своей долгой, полной превратностей и приключений жизни. Сюжетная пружина романа закручена туго, на каждом шагу читателя ждут неожиданные повороты и непредсказуемые коллизии. Повествование очень динамично, страсти кипят здесь и социально-политические, и религиозные, и криминальные, и бытовые, и любовные. Есть и некоторый мистический налет, и сполохи оккультизма, и фантастические мотивы... А фабула произведения в целом такова.

Приехавшего в Россию Томаса де Вильнева сразу же арестовывают как французского шпиона. Но ему везет: молодого француза вскоре привлекают на службу в сыскной департамент. Он проявляет усердие в борьбе с криминалом, но тут вдруг новый поворот: по протекции студенческого друга Томаса, русского князя Пьера Жевахова, де Вильнев становится поручиком российской армии. Он храбро сражался в войне против Пруссии, получил орден и чин майора и был направлен для дальнейшего прохождения службы... на Алтай. Здесь, на беспокойных южных границах Сибири де Вильнев выполняет миссию полпреда Российской империи, обращая в подданство народы, пожелавшие жить под российским крылом. И вот после почти десятка лет службы на Алтае, уже в чине полковника де Вильнев становится комендантом города Томска.

Жизнь и служба здесь тоже не легки и не безмятежны. Ведь что такое Сибирь того времени вообще и Томск, в частности? Это «смешение религий, народов и нравов. Смешение европейского и азиатского». Отсюда масса проблем, в том числе и криминальных. Одни только «огненные» разбойники в черной карете, грабившие богатых людей, чего стоили! Но де Вильнев и на посту коменданта продолжал ревностно и весьма успешно служить новому для него отечеству, отчего снискал у населения города любовь и уважение.

Де Вильнев — самая яркая фигура в романе. Француз по происхождению, он стал волею обстоятельств не только российским подданным, но и русским по образу жизни и духу человеком. Отважный офицер, общественный деятель, умный, радеющий за порученное дело чиновник, естествоиспытатель, алхимик, мечтающий об эликсире молодости и философском камне, он до конца дней своих остался душевно тонким, романтическим человеком, пронесшим через всю жизнь высокое чувство любви к простой русской крепостной девушке, с которой в молодости едва успел познакомиться.

Но содержание произведения не ограничивается только судьбой маркиза де Вильнева. Роман Б. Климычева многопланов, многоголос, многонаселен. В то же время, это хорошо выстроенный художественный организм, где события и характеры, действия, поступки персонажей и фон, на котором они разворачиваются, находятся в органическом единстве.

Роман Б. Климычева создан на документально-исторической основе, однако к традиционным фундаментально-обстоятельным неповоротливым историческим произведениям его не отнесешь. Автор не пытается максимально точно реконструировать события эпохи, не увлекается исторической стилизацией. Он создает собственную художественную версию вполне конкретного реального исторического эпизода (в данном случае —

жизни и судьбы одного из многих в то время французов в России). И выбирает для этого, рассчитывая на широкого читателя, форму авантюрного приключенческого романа, сродни, скажем, «Тайнам Парижа» Понсона дю Терраля, или «Тайнам Петербурга» Всеволода Крестовского. Вместе с тем, перед нами не расхожая беллетристическая «развлекаловка». Б. Климичеву удастся соединить в одной упряжке норовистого приключенческого «коня» и «трепетную лань» художественности.

Для чего использует он разнообразные изобразительные средства. Роман пропитан сибирской мифологией: легендами, преданиями, которые придают произведению особый колорит. Немало в романе сочных, запоминающихся, а главное точно и емко выражающих суть того или иного момента, подробностей из жизни сибирской старины. Однако автор не перегружает ими повествование. Как и лексикой и оборотами восемнадцатого столетия, что способствует лучшему восприятию произведения, делает его по-настоящему читательным.

Если в «Маркизе де Томске» рассказывается о событиях почти трехсотлетней давности, то в романе «Прощаль» — о том, что происходило в Томске в первые десятилетия XX века. Начинается книга с эпизода, где санитарка сиротского приюта обнаруживает на крыльце младенца. Нарекают его Николаем Зиминим. Дальнейшая судьба подкидыша и становятся сюжетным стержнем произведения.

Имея ангельское обличие, Коля Зимин, когда подросток, был взят мальчиком-грумом в торговый дом богатейшего томского купца Второва, а на тринадцатом году жизни переведен в младшие приказчики. Казалось, что и дальше судьба останется благосклонной к тихому, трудолюбивому, способному парнишке. Но события Первой мировой войны, двух революций, а затем и войны Гражданской все драматическим образом смешали и запутали.

Как и в «Маркизе де Томске», сюжетные линии и коллизии в этом романе тоже причудливо переплетены. Столь же красочно, ярко, в колоритных сочных картинах и деталях воспроизводит автор повседневную жизнь Томска, на сей раз предвоенной и военнореволюционной поры, нравы и обычаи разных слоев его населения: от обывателей и обитателей городского дна до местной элиты и крупного купечества.

Фигуры купцов в романе, пожалуй, художественно наиболее выразительны. Писатель показал их в совокупности сильных и слабых сторон: предпринимательского таланта, кипучей энергии, деловой хватки, склонности к меценатству, с одной стороны, и разгульности, самодурства и спеси — с другой. Причем, фигуры эти — Николай Второв, Иннокентий Гадалов, Иван Смирнов и др. — не вымышленные, а вполне реальные, широко известные в те времена представители крупного сибирского предпринимательства.

Присутствует в романе и еще целый ряд реальных известных исторических личностей: идеолог «сибирского областничества» Григорий Потанин, братья Анатолий и Виктор Пепеляевы (белогвардейский генерал-лейтенант и Председатель Совмина в правительстве Колчака), книгоиздатель Петр Макушин, писатель Вячеслав Шишков, известный сибирский революционер и публицист Вениамин Вегман...

Как и в «Маркизе де Томске», не обошлось в романе «Прощаль» без фантазмагорий, мистики и чертовщины. Уже от самого заголовка веет ими. А название роман получил от одноименной картины художника-футуриста, обладателем коей стал один из томских купцов, в которой все было страшно, загадочно и непонятно. И это не только на футуристическом полотне, но и в реалиях хаоса и смуты той поры на грани прощания с привычным миром и встречи с новым, пока еще пугающе не ясным. Поэтому не случайно странная картина и название произведению дает, и неким символом его становится. В романе «Прощаль» немало подобных деталей, помогающих почувствовать атмосферу губернского сибирского города на перекрестье крупных социально-политических потрясений.

Роман «Прощаль» населен разными персонажами. Но едва ли не самым важным и значимым среди них становится сам Томск. И его, и реку Томь автор называет «велики-

ми». Произведение пронизано легким юмором. Но в данном случае этот эпитет звучит в устах писателя без всякой иронии. Конечно, по сравнению с другими, и Томск — не самый крупный сибирский город, и Томь — река отнюдь не громадных размеров. Но, называя их «великими», Б. Климычев как бы подчеркивает величие всей Сибири. Звучит за эпитетом «великий» и большая любовь к Томску самого автора. Не случайно местами роман выливается в настоящую оду Томску.

При всех имеющихся достоинствах роман «Прощаль», тем не менее, в художественном отношении заметно уступает «Маркизу де Томску» как вещь в целом неровная, рыхлая, композиционно несбалансированная. Не красит роман избыток натурализма. В отличие от «Маркиза де Томска», «Прощаль», все-таки, ближе к развлекательной авантюрной беллетристике, нежели к по-настоящему исторической прозе.

Об освоителях нефтяной целины и суперсовременных «Робин Гудах»

Одной из важных составляющих советской литературы была «производственная» проза. Зародившись во времена первых пятилеток, мощный толчок в развитии она получила в 1960-е годы, когда Сибирь оказалась на переднем крае экономических преобразований. В связи с чем, стала популярной тема трудовых будней современных первопроходцев, усилиями которых осваивались природные богатства края.

Давно уже нет советского государства с его грандиозной преобразовательной деятельностью, и, казалось бы, вместе с ним сама собой ушла в небытие первопроходческая тема. Но нет — роман алтайского прозаика С. Вторушина³ «Дым над тайгой» (2003) говорит об обратном.

Это вполне типичный производственный роман, каких в изобилии было во времена освоения Нефтяного Приобья. Рассказывается в нем о нефтеразведчиках, которые первыми появляются в районах прогнозируемых месторождений и определяют их конкретное местоположение и запасы, подготавливая поле деятельности идущим вослед добытчикам. Рассказывается автором убедительно, с большим знанием дела и глубоким проникновением в его суть. Скрупулезно, в точных деталях и тонких социально-психологических нюансах рисует писатель картину труднейшего в суровых условиях Севера производственного процесса, неотделимого от столь же нелегкого бытия нефтяников.

Впрочем, прекрасное владение писателем предметом изображения закономерно. Будучи журналистом, С. Вторушин объездил Западную Сибирь и не понаслышке знает, как открывались и осваивались месторождения нефти и газа, каким напряжением и ценой это давалось. Приходилось автору романа плотно общаться со многими крупными специалистами и руководителями отрасли, а так же с теми, чьими непосредственно руками создавался в Сибири гигантский нефтегазовый комплекс. Все это не могло не способствовать подведению прочного фундамента под роман «Дым над тайгой».

Прошлое и настоящее нефтяного сибирского Севера С. Вторушин показывает через взгляды двух разных персонажей: студентки-журналистки Татьяны Ростовцевой, попавшей сюда на преддипломную практику, и только что назначенного начальника нефтераз-

³ **Станислав Васильевич Вторушин** родился в 1938 году в Новосибирске. Окончил Алтайский политехнический институт и отделение журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Работал в газетах «Алтайская правда», «Красное знамя» (Томск), собкором «Правды» в Тюмени, Новосибирске, Чехословакии, Барнауле. Много лет возглавлял журнал «Алтай». Литературную деятельность начинал с поэзии. Первой книгой С. Вторушина был сборник стихов «Девчонки» (Барнаул, 1964). Он так же автор нескольких прозаических книг. Рассказы и повести С. Вторушина на самые разные темы объединяет любовь к родной земле и людям, живущим на ней «ради правды и любви». В своих произведениях С. Вторушин поднимает серьезные социальные и нравственные проблемы.

ведочной экспедиции Романа Ивановича Остудина. Один взгляд (Остудина) как бы с высоты «командного полета», другой (Ростовцевой) — изнутри, с самых нижних «горизонтов» процесса освоения нефтяных богатств. Во многом благодаря этому жизнь разведчиков недр открывается в романе разными гранями, обнаруживая сложные взаимосвязи производственных, социальных, бытовых, личных и даже межнациональных отношений. С аборигенами сибирской тайги, например.

С. Вторушин поднимает в романе целый букет серьезных проблем, связанных с наступлением технического прогресса на сибирскую природу, показывая, насколько они сложны и запутаны.

Концентрируя основное внимание на нефтяниках, С. Вторушин на них не замыкается. Начавшись как сугубо производственный, роман, развиваясь, втягивает в свою орбиту все новые стороны жизни: социальной, партийной, политической... А в итоге отражает судьбу СССР на пороге краха коммунистической эпохи. Чем, собственно, особо сегодня и ценен.

Роман «Дым над тайгой» — о временах глубоко еще советских, но и спустя несколько десятилетий после описываемых событий читается с немалым интересом, поскольку являет собой добротный и качественный по всем статьям художественный «продукт».

С. Вторушин — писатель широкого творческого диапазона. В чем и убеждает каждый новым своим произведением.

Написанная годом раньше «Дымов над горой» повесть «**Конвой**» (2002) отражает события уже иной, постсоветской эпохи. Ее действие разворачивается в маленьком горняцком городке. На территории брошенной золотодобывающей фабрики начинается возведение исправительной колонии. При этом никакого другого производства в городе нет. Старый учитель Иван Спиридонович, убежденный, что «надо не колонию строить, а фабрику, чтобы она кормить людей могла», призывает «протестовать». И наталкивается на безразличие. «Люди просто не верят, что они в состоянии что-то изменить». Тем не менее, он продолжает вести борьбу против строительства колонии: пишет «открытое письмо» в местную газету с призывом спасти город, организует сбор подписей. Не добившись толку от местной власти, едет к губернатору, где также натывается на стену чиновничьего равнодушия и презрения. С колонией вопрос, оказывается, давно и окончательно решен.

Иван Спиридонович уходит из администрации полный «чувства собственного бессилия» и горечи от того, что «одни творят, что хотят, другие безмолвствуют». Старый учитель, когда-то с оружием в руках отстаивавший жизнь своей страны от фашизма, и десятилетия после сеявший в ней «разумное доброе, вечное», новой жизни не понимал, «не принимал ее морали», а «чувствовал себя в ней абсолютно чужим». Но и осознавал, что «если не очнемся от этого безумия, погибнем». И это осознание не позволяет ему опускать руки.

Уже не надеясь на помощь властей и протесты общественности, он ищет другие пути противоборства. И решает вместе с единомышленниками в самом узком месте дороги, ведущей от станции к колонии, остановить колонну машин с зэками, прострелив колеса у идущей в голове машины конвоя. Он вспоминает о припрятанном когда-то братом на заимке трофейном немецком автомате, забирает его, и начинает осуществлять задуманное. Колонну он останавливает, но и сам погибает, сраженный автоматной очередью конвоира.

Действия Ивана Спиридоновича с прагматической точки зрения рядового обывателя могут показаться сражением чудака с ветряными мельницами. Он в повести и воспринимается многими, в том числе коллегами-учителями, таким чудаковатым рыцарем-одиночкой. Бессмысленность им задуманного вроде бы очевидна. Плетью обуха не перешибить, а рыцарю-одиночке мельницу власти не победить.

Старому учителю одержать верх физически действительно не удастся. Однако противостоит он, в конечном счете, не столько появлению колонии, сколько олицетворяемому ею Злу. И в этом высоком духовном и нравственном смысле Иван Спиридонович —

победитель. Хотя бы уже потому, что своим самоотверженным противоборством выводит земляков из анабиоза безразличия и равнодушия, пробуждает в них гражданскую совесть.

Образ Ивана Спиридоновича невольно вызывает в памяти шофера Егорова из повести В. Распутина «Пожар». Их типологическое сходство очевидно.

Не сказать, что в художественном отношении повесть «Конвоир» безупречна, но цели своей — обратить внимание читателей на то, что Зло не всеильно, и что находятся люди, готовые идти против него до конца — автор, думается, добился.

В основе более позднего романа С. Вторушина «Посланец» (2011) тоже противостояние злу и насилию. Но точка отсчета здесь — чеченские войны. Через их призму автор рассматривает бытие постсоветской глубинки.

В одном из боев в Чечне главный герой произведения капитан Беспалов получает тяжелое ранение и демобилизуется. Мог бы и остаться, но «не хочет служить в армии, из лексикона которой исчезло слово «Родина». И он такой не один. На гражданке Беспалов встречает многих бывших сослуживцев, придерживающихся того же мнения.

Беспалов едет в деревню к родной сестре. Деревня преобразилась. И далеко не в лучшую сторону. Некогда процветающий совхоз-кормилец новые собственники развалили, растащили. А бывшие его работники влчат жалкое существование. В деревне творится беспредел. «Хачики» — новые ее хозяева — заставляют аборигенов, откармливающих скотину, сдавать ее в определенные сроки буквально за бесценок только им. А больше продавать мясо некуда. У того, кто отказывается, забирают силой, обливают бензином и в назидание и устрашение сжигают. Местные же коррумпированные власти этому потворствуют.

Беспалов вступает на «тропу войны» с бандой «хачиков». Правда, поначалу жалеет, что ввязался в «разборки местного значения». Но, поразмыслив, приходит к выводу, что не такие уж они и «местные», если в них, как в капле воды выразилось общее состояние рядового российского обывателя, чувствующего себя в своей стране «хуже чужих». И тогда Беспалов организует из бывших спецназовцев, ветеранов «горячих точек», боевую группу для отмщения и восстановления справедливости.

И они действительно дают местной мафии «прикурить»! Беспалов спланировал и осуществил со своей группой ограбление банка «Доверие», принадлежавшего главарю местной мафии Джабраилу, лишив тем самым возможности финансировать важнейшие операции чеченских боевиков. То есть действовали самым, что ни на есть, большевистским методами: экспроприировали экспроприаторов, грабили награбленное. Но на этом «мстители» не остановились. Они «навестили» Джабраилова на вилле, где ликвидировали его вместе с шестью подручными, положив тем самым конец банде.

К финалу романа полный «хэппи энд». Мстители так надежно прячут концы в воду, что официальное расследование убеждено — имеет место «обычная разборка, не поделили деньги», а «ограбление банка организовал сам Джабраил» На него все и списали благополучно. Что касается «экспроприированных» денег, то мстители пустили их на восстановление деревни, а сами переквалифицировались из «благородных разбойников» в благочестивых земледельцев.

И все вроде бы замечательно: зло наказано, справедливость торжествует. Что и требовалось доказать. Только вот методы наказания смущают. У «Робин Гудов» романа они столь же криминальны, что и у бандитов. Но тогда, где та грань, что отделяет в нравственном (или безнравственном) плане одних от других? Автор ответа на это не дает. Как и не вдается глубоко в психологическую подоплеку поступков своих героев. Впрочем, жанр, который на сей раз выбрал С. Вторушин — экшен, — иного и не требует. Вот только органичен ли он для самого автора романа «Посланец»?..

Человек убегающий

Чем особенно характерно было время для России накануне третьего тысячелетия и на его пороге? Социальным хаосом и неразберихой прежде всего, сумбурностью и смутностью. И если шукшинским персонажам приходилось преодолевать в основном «промежуточность» своего положения между городом и деревней, то герои ряда произведений сибирских авторов, посвященных судьбам русской интеллигенции в постсоветские времена, оказываются уже в роли путников, застигнутых жуткой метелью в глухой степи, когда нет возможности четко сориентироваться и взять верное направление. Как выбраться из этой круговерти, куда идти дальше? Под знаменем поисков ответов на эти вопросы и проходит в последнем десятилетии XX века жизнь интеллигентов, привычное существование которых нарушила крутая социальная ломка, превратившая многих из них в современных маргиналов поневоле.

* * *

Именно этими поисками занят в трилогии А. Кирилина⁴ под общим названием **«Под знаком Творца»** («Через игрока», «За синей горой», «Под знаком Творца») главный ее герой Найденов. Вполне успешный в советское время журналист из провинциального сибирского города, выбитый в девяностые годы из колеи резкой сменой обстоятельств, мечется по российским просторам.

Поначалу это поиски хлеба насущного, из-за которых Найденов оказывается в разных жизненных обстоятельствах и социальных средах: от бомжей, нищих и деклассированных элементов до богатых новых русских и политиков. Но чем дальше, тем все больше расширяется сфера поисков и усложняются они сами. Из сугубо бытовой, социальной они переходят в сферу политическую, философскую. И даже религиозную. Современную действительность Найденов пытается осмыслить как бы в совокупности, с разных точек зрения. Много цитируется в трилогии Леонтьева и других русских философов. Немало на ее страницах размышлений о вере и боге. В этом вопросе Найденов также стоит на раскоряку — между верой и неверием.

Найденова можно назвать «человеком убегающим». Убегает он от преследования сложившейся действительности, от любви, от самого себя. Убегающим, но не обретающим, в итоге, ни своего места в жизни, ни понимания ее новой сущности, ни совпадения с ней, ни упокоения.

Таким, в неопределенности, А. Кириллин и оставляет своего героя. Драма получилась с открытым финалом. И с ощущением некоторой искусственности. Немало в ней мест, где действие происходит по причудливому, но в то же время жестко заданному хотению автора, слабо согласующемуся с естественной логикой бытия. В одном из писем возлюбленная Найденова пишет: «Очень много надуманного в твоих словах, ложных по-

⁴ Анатолий Владимирович Кириллин родился в 1947 году в Барнауле, в семье рабочего Алтайского котельного завода. Окончил филологический факультет Барнаульского государственного пединститута. Работал в Алтайском комитете по телевидению и радиовещанию корреспондентом радио и телевидения, редактором. В 1990-х годах был корреспондентом, ведущим и директором телекомпании «ТВ-Сибирь». С 2012 года возглавляет Алтайскую писательскую организацию.

Первые рассказы А. Кирилина печатались в алтайских газетах. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Литературная учеба», «Алтай». Участник VIII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве, по рекомендации которого принят в Союз писателей СССР. Автор книг «Помаша мне из окна» (1984), «Чужая игра» (1987), «Под небом апреля» (1988), «Под знаком творца» (2003), «Семена для попугайчика» (2005), «После гонга» (2013) и др. Лауреат премий В. Шукшина (1999, 2014), Алтайского отделения Демидовского фонда (2003), Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры (2012).

сылов и заключений. Играется какая-то пьеса, надрывная, громоздкая. Ты помешан на заострении ситуации». В полной мере это можно отнести и к самому автору трилогии.

Мало чем в целом отличается от трилогии более поздний роман А. Кирилина «**Семена для попугайчика**», являющийся, по сути, ее продолжением. Та же тема о судьбах русской интеллигенции, растерявшейся на финише XX века. Того же пошиба центральный герой произведения — неприкаянный, мятущийся, убегающий от всего и вся, без конца и по всякому поводу рефлексирующий. В поисках способа и смысла существования он чувствует себя «диссидентом в своем Отечестве».

«Ощущение — меня выдавливают из жизни. Скоро нечем будет платить за квартиру. Приходится хвататься за что ни попадя... Главный философский вопрос — о смысле жизни — теряет актуальность, поскольку все сводится к попыткам выжить, то есть всего лишь остаться в живых. Вот и весь смысл. Смысл без смысла. Сам себе напоминаю скотину, пасущуюся на хорде возле столба. В досягаемых пределах все выедено, выбито, изрыто, а ты ходишь и ходишь, вновь утаптывая опостылевший круг... Борьбаться не хочу. Смешно!»

Так весьма точно и образно определяет главный герой романа нынешнее свое и значительной части «растерявшейся» в новых реалиях интеллигенции состояние.

Состояние, к слову, не раз отмеченное русской классикой, в других, правда социально-политических и временных обстоятельствах.

Но как переломить ситуацию, Найденов не знает. «Надо изуродовать себя, чтобы вписаться в этот изуродованный мир. Надо иметь два себя: две сути, два времени, два здорovia, две нервные системы...». Много в романе размышлений о судьбе российского постперестроечного общества, его перспективах. Ими, надо сказать, пронизана и вся проза А. Кирилина, созданная им в новом веке.

В романе «Семена для попугайчика» вообще многое сплелось: прошлое и настоящее, политика и лирика, бытие в его философском понимании и приземленный житейский быт, в проблемах которого барахтается главный герой... Вот только коктейль получился эклектичный, не достигший художественной органичности. И уж совсем сумбурным, невнятным, едва ли не шизофреническим получился финал романа.

* * *

«Человек убегающий» в какой-то степени стал литературным «знамением» девяностых годов. Свидетельство тому — многие произведения как столичных, так и провинциальных прозаиков. И прежде всего, наверное, — **Н. Шипилова**, творчество которого на последнем его жизненном отрезке (1990-е — «нулевые» вплоть до самой кончины писателя в 2006 году) всецело посвящено жизни российского общества в этот период.

В 1991 году романом «**Весы**» Н. Шипилов начинает трилогию о времени трагического общественного перелома, свергнувшего страну в смуту и хаос. Роман «**Детская война**» ее продолжил, а завершилась трилогия романом-антиутопией «**Остров Инобыль**», где писатель рисует апокалипсическую картину нового «потопа» и «конца света». Н. Шипилов создает свой мир со своими героями, но через них без труда просматривается реальная постперестроечная Россия, пронизанная, по словам Татьяны Дашкевич, вдовы Н. Шипилова, «духом отчаянного смятения, где предательство и подвиг схлестнулись в смертельной схватке, где вот-вот вспыхнут баррикады»⁵.

Продолжает Н. Шипилов начатую в трилогии тему и в романах, рожденных уже в XXI веке — «Псаломщик» и «Мы из дурдома»⁶. В них на события конца минувшего сто-

⁵ Дашкевич Т. Предисловие к роману «Детская война». // «Сибирские огни», 20015, №4, с 3.

⁶ Опубликованы в «Роман-газете» (2006, №23) и журнале «Сибирские огни» (2008, №1) соответственно.

летия смотрит писатель с более значительной временной дистанции — когда баррикады уже «вспыхнули».

Главный герой романа «Псаломщик» литератор Петр Шацких ведет от первого лица рассказ «о времени и о себе». И здесь это не просто широко распространенный литературный прием. Н. Шипилов устами своего центрального персонажа на многих страницах произведения действительно говорит непосредственно о себе, о фактах своей биографии. Проза Н. Шипилова вообще автобиографична. Причем весьма специфически. Писатель признавался, что «прожил в Отечестве чистым нелегалом более чем три десятка лет», поэтому и всё его «творчество — родина глазами нелегала. Не эмигранта, — подчеркивал он, — а нелегала». И роман «Псаломщик» в этом плане, особенно показателен.

Точкой же отсчета романа становятся известные события 1993 года⁷. Увиденное и пережитое на баррикадах Белого дома настолько потрясло главного героя, что ему «захотелось бежать из Москвы, как с чужбины». Что Петр и делает, проводя оставшиеся до конца столетия годы в перемещениях по российскому пространству, не зная ни конечного их пункта, ни цели. (Как и Найденов А. Кирилина). Наконец, Петр пристраивается в одной из маленьких сельских церквей чтецом-причетчиком и псаломщиком (отсюда и название романа), и начинается новый этап его жизни.

В «Псаломщике» нет стройного сбалансированного сюжета. Действие романа по большей части спонтанно, а логика развития диктуется нервно пульсирующим бытием самих персонажей, занятых самоопределением в социальном и духовном хаосе постперестроечного времени. Причем персонажей разных возрастов и социального статуса, оказавшихся вместе волею судьбы на одном историческом переломе.

Как и Петр, встают они перед чередой горячих проблем, пытаются найти ответ на многие болезненные вопросы. Ибо уверены: «Чтобы правильно поступать, нужно правильно понимать». По страницам романа рассыпано множество зорких, не в бровь, а в глаз наблюдений. Таких, например: «Россия окончательно превратилась в колонию

содомической Москвы».

Но немало в постперестроечной России такого, что трудно или даже и невозможно понять. Причем касается это не только экономики и социально-политической жизни. Например, не оставляет Петра в покое вопрос: «как же так случается, что один храм мы строим, а другой разрушаем»? Не оставляет, ибо не раз наблюдал он, «что не одна православная семья развалилась вследствие чрезмерной эксплуатации церковью религиозного чувства женщины и отторжения мирянки от ее прямого назначения — служения своей семье». То есть получается, что строя храм церковный, фанатики разрушают храм души. А как раз этот вот храм, вместилище духа и любви, уверен Петр, в первую очередь нуждается в спасении, сохранении и укреплении.

Тема религии, и прежде всего роли и месте православной церкви в современном мире, ее повседневной жизни, наконец, занимает в романе значительное место. Собственно, все действие «Псаломщика» развивается в атмосфере православного бытия. Вовсе, как показывает автор, не простого и не гладкого, о чем он со своими героями знает не понаслышке.

Не утаивает Н. Шипилов и того откровенно негативного, что также встречается в церковной жизни. Как пишет Петру Шацких разочаровавшийся в ней отец Христодул:

⁷ В 1993 году Н. Шипилов был в рядах защитников Белого дома, которым позже посвятил цикл стихов и песен.

«...И получается, что современная церковь — это лишь «дисбат», инструмент изоцированной в своей подлости политической системы. И куда же мне идти, куда вести своих детей, с моим желанием видеть на земле нового человека». За полтора десятка лет, прошедших с публикации романа, правота этих слов только усилилась.

Но и есть и в современном православии, показывает Н. Шипилов, предельно честные бескорыстные слуги бога, готовые идти за веру до конца. Именно таким предстает в романе православный подвижник отец Глеб, ставший духовным наставником Петра Шацких.

С божеской милостью и благодатью связывает Петр, а с ним, надо думать, и сам автор «Псаломщика», и возрождение своей страны. В финале романа уже определившийся главный герой просит у бога: «А Ты дай мне, великий мой Боже, выстоять в огне и скорби искушений! Если каждый из нас выстоит, родится Россия, обновленная благодатью Христовой!»

Но это произойдет после, а пока год за годом Петр Шацких мечется в поисках равновесия — и в обществе, и в себе самом. Пытаясь понять «истинные причины своей внутренней смуты», он приходит к выводу, что «спасовал перед стоящим делом. Не потянул. Зажил в слове, ушел из живой жизни», что силы его «ушли в бумажные слова, и слова подменили дело». И в этом, дает понять автор романа, кроется истинная причина неспособности большей части интеллигенции любого толка и периода времени к каким-либо конкретным созидательным шагам и действиям на пользу общества. Их ничем конкретным не подкрепленное «произнесенное слово» на поверку оказывалось «ложью».

Это осознание, наложенное на православное сознание Петра, во многом и помогло сделать ему окончательный выбор. Он решает строить храм. По простой, но необыкновенно важной для верующего человека причине: «Человек приходит в Храм и оставляет за порогом все скотское, суетное и мелкое. Он открывает душу высокому, светлому и вечному, как само небо нашего великого в своей простоте детства».

Круг «бегства» Петра Шацких замкнулся. Долгое время уходя от жизни, он все же вернулся к ней — теперь уже просветленный душой, осененный ясной благой богоугодной целью (в отличие, кстати, от кирилинского Найденова).

Ну, а в итоге, и «Псаломщик» вместе со своим главным героем становится романом о единственно верном в высоком духовном Божественном смысле выборе, к которому должен стремиться человек.

Но не только. Роман многопланов, автор пытается охватить широкий круг вопросов российского бытия, представить различные его слои и грани. Разный он и по способу художественного выражения.

Начинается роман как вполне традиционное реалистическое произведение, сдобренное добродушно-снихождительной иронией, но чем дальше, тем больше меняется ее интонация, становясь то ехидно едкой, а то и просто циничной, пока не превращается в откровенную сатиру и злую пародию на общественно-политическую жизнь России конца двадцатого столетия. О чем свидетельствуют некоторые сатирически заостренные характеристики отдельных знаковых политических явлений девяностых годов. Таких, например, как российский либерализм. «На герб либерала, — говорит Петр, — я бы поместил козла в цилиндре, держащего в копытцах косу смерти. И — надпись по кругу: «Либерализм — это глупость, переходящая в государственную измену и предательство, граничащее с глупостью».

Надо заметить, что вообще поздние романы Н. Шипилова — это своего рода трагикомедии, переходящие в сатирические притчи, словно рождающиеся в самой гуще событий смутного времени. Написаны они сочно, если не сказать — смачно, а то и фельетонно хлестко, во всей языковой полноте и многообразии, в том числе с использованием специфических (особой церковной лексики, жаргонов, сленга и т. д.) форм. Не гнушается автор и откровенной публицистичности, которая под его пером остается яркой, художественной.

Роман «**Мы из дурдома**» явился своего рода продолжением «Псаломщика».

«О нелегкой абсурдной войне, на которой оружием массового поражения являются предвыборные технологии, а самым страшным поражением — утрата нами будущего наших детей — этот роман». Так в предисловии определил главную суть произведения сам автор.

«Мы из дурдома» во многом перекликается с «Псаломщиком». Так, один из героев «Псаломщика» организует движение нищих, а в романе «Мы из дурдома» обсуждается проект будущей автономии психов. Развивает он и ряд важных идей и мотивов «Псаломщика» и других романов Н. Шипилова образца 1990-х годов.

Рассказ в романе «Мы из дурдома», как и в «Псаломщике», ведется от лица некого писателя, выступающего здесь под именем Алексей Родионович Романов. Персонаж этот также, вне сомнения, является рупором самого автора романа, через который транслируются его воззрения, оценивается происходящее, представляются персонажи читателям, ну и, конечно, с помощью которого организуется само действие.

А оно сложно и запутано, местами и всякой нормальной логики лишено. Что, в общем, не особенно и удивительно, если все происходящее в России на финише XX века Н. Шипилов представляет читателю как жизнь огромного дурдома, где, словно пауки в банке, сошлись и переплелись самые разные, но почти все одинаково неадекватные общественные силы. И в этом плане «Мы из дурдома» — еще более откровенная и злая, чем «Псаломщик», сатира.

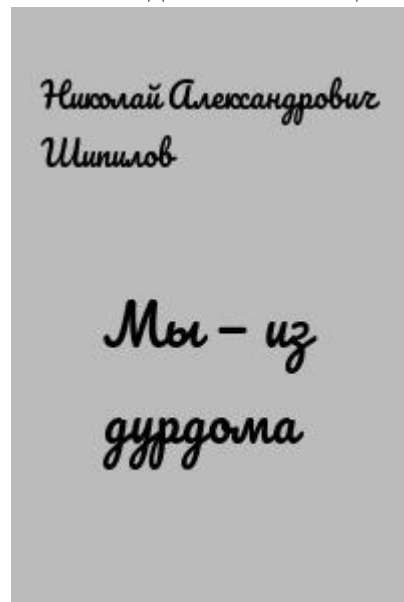
Созданную в том же стилистическом ключе назвать эту вещь романом в традиционном понимании сложно. Перед нами скорее огромный публицистический очерк на сатирических дрожжах, или политический памфлет, высмеивающий дурь и дикость «демократических» нравов. В целом же, это гремучая смесь жесткого, сатирой окрашенного реализма, антиутопической фантазмагии с признаками параллельной реальности, гневной жаркой публицистики и... притчи в православно-христианской упаковке. Да еще и написанная, по признанию автора, «в условно-иронической манере» с преимущественным использованием столь же полуфантастического «суржика» (смеси русского и украинского языков).

Как и в «Псаломщике», православные мотивы занимают в романе «Мы из дурдома» видное место. Причем, автором они выведены из сатирического контекста. О них — только серьезно и уважительно, как о вещах, не подлежащих насмешке и глумлению.

В отличие, скажем, от антинародных либерально-демократических ценностей, которым в романе «Мы из дурдома» достается по полной программе. Н. Шипилов не скрывает своего негативного к ним отношения: «По мне, так будь проклята либерально-толерантная общечеловеческая идеология! Совесть — объективная реальность, но у многих эта реальность искажена, совести в ней нет места, ее там не ночевало». А главный герой и вовсе заявляет: «Демократии вообще не существует. Она есть лишь политическая форма государства, наиболее приемлемая для буржуазии».

Изображая социально-политическую жизнь постперестроечной России как массовую шизофрению, как «пир нечистого духа» по дьявольской партитуре Н. Шипилов в то же время настойчиво отстаивает все русское, национальное, народное, которое, по его разумению, может и должно противостоять Западу и очарованному западной демократией российским либералам.

Роман «Мы из дурдома» стал последним в творчестве Н. Шипилова. И не во всем удачным. Он похож скорее на весьма сырую еще местами заготовку, черновик, нежели художественно завершенное произведение.

Фанаты Н. Шпилова сразу же после публикации этой вещи объявили ее «романом-откровением» и «духовным завещанием писателя». Хотя таковыми можно назвать, в принципе, все романы Н. Шпилова о 1990-х годах, поскольку писатель подчинил их единой духовной и художественной задаче.

Драмы обыденной жизни

Конечно, не одним лишь интересом к далекому и близкому, в том числе и советскому прошлому, или к находящемуся в стадии бурного брожения социально-политическому настоящему, жили сибирские писатели на пороге третьего тысячелетия. Не связанное ни с историей, ни с политикой повседневное бытие рядовых граждан занимало их в неменьшей степени. В чем нетрудно убедиться, обратившись к произведениям этих лет таких, например, известных еще с советских времен сибирских прозаиков, как омич Н. Березовский или красноярец Э. Русаков.

Эдуард Иванович Русаков родился в 1942 году в Красноярске, в семье служащих. Окончил Красноярский мединститут, а позже и Литературный институт имени А.М. Горького. Пятнадцать лет Э. Русаков отдал медицине. Работал в районной и городской боль-

ницах врачом-психиатром. Затем в психоневрологическом диспансере — заведующим отделением, заместителем главврача. Врачебная практика дала ему богатый материал для литературной работы. В 1990-е годы Э. Русаков был редактором на Красноярской студии телевидения, корреспондентом газет «Красноярский рабочий», «Вечерний Красноярск», «Евразия», специалистом по связям с общественностью в администрации Красноярского края, заместителем главного редактора журнала «День и ночь». Возглавлял он одно время и Красноярское отделение Союза российских писателей.

В 1966 году альманах «Енисей» опубликовал первый рассказ Э. Русакова. С этого времени началась его литературная деятельность. Э. Русаков участвовал в работе VII Всесоюзного совещания молодых писателей, давшего ему «путевку» в большую литературу. Публиковался он в журналах «Знамя», «Юность», «Сибирские огни», «Сельская молодежь», «Крестьянка» и др. В 1979 году в Красноярске вышла первая книга Э. Русакова «Конец сезона». Он также автор книг «Театральный бинокль» (1982), «Остров Надежда» (1986), «Стеклянные ступени» (1991), «Дева Маруся» (1995), «Ряд волшебных изменений» (1999), «Палата №666, или Психиатр» (2002) и др., изданных в Красноярске и Москве. Переведен на венгерский, болгарский, французский, финский, японский, словенский языки. Лауреат премии им. Фазиля Искандера.

Как отмечал известный российский прозаик Е. Попов, Э. Русаков «создал собственный уникальный стиль и нарисовал фантазмагорическую, но уходящую в подлинную реальность картину Сибири. Эпос Русакова непостижимым образом перекликается с эпосом Фазиля Искандера». Ну а стержневыми и основополагающими в художественном мире Э. Русакова стали вечные темы любви и смерти, которые обретают у него новое, иной раз неожиданное звучание.

Как это происходит, например, в повести «Светлые аллеи» (2008) — произведении неординарном и противоречивом.

Начинается оно с того, что главный герой Дмитрий Воропаев очнулся... заживо погребенный в гробу. «За что?» — спрашивает он себя и вспоминает некоторые эпизоды своей жизни, в которых проявился не лучшим образом.

Воспоминания приводят его к тем временам, когда его, студента художественного института, забирают в армию. В части со стороны старшины начинаются к нему гомосексуальные домогательства. Молодой солдат, защищаясь, бьет того табуреткой по голове и

попадает в дурдом, где знакомится с молодой выпускницей мединститута Анной Ивановной Черных.

В больницу они с мужем попали по распределению. Проработали зиму, а весной Альберта Черных послали на курсы повышения квалификации в Ленинград. Тогда и появился в психбольнице солдат Воропаев, который перевернул всю жизнь молодой врачихи. Между ними пробежала искра, вспыхнула страсть такого мощного накала и ослепительной силы, что затмила Анне все вокруг остальное. По причине простой и достаточно распространенной. Митя-солдат разбудил в ней женщину, и она «впервые ощутила себя живой и счастливой женщиной... ну просто фантастически счастливой».

Больничная общественность роман этот приняла в штыки: «Ведь это же срам, позор, небывалый скандал: врачиха путается с больным, сумасшедшим». Донесла обо всем Альберту. Но и Анна ничего скрывать не стала, во всем призналась мужу. И ушла от него, унося под сердцем их с Митей ребенка.

Митю комиссовали, выписали. Он уехал и надолго исчез. Анна тоже уволилась из диспансера, вернулась в родной город, к матери. Альберт требовал вернуться. И однажды вломился к ней пьяный, почти невменяемый. Пока Анна пряталась в ванной, он вместе с ее грудным сыном выбросился из окна. Не пережив смерти внука, следом умирает от инсульта мать Анны. Сама же Анна от тоски и одиночества посвящает себя служению богу: приводит в порядок на кладбище могилы. И однажды... откапывает заживо похороненного впавшего в летаргический сон Митю.

Анна оставляет его у себя, и начинается новый виток их отношений. Зародившись на почве физиологической потребности, плотской страсти связь их, преодолев жизненные пороги, приходит к высокому духовному чувству, которое воссоединяет после долгой разлуки и делает единым целым. Дмитрий бросает свой сомнительный бизнес, под влиянием Анны тоже приходит к богу. Он возвращается к живописи, достигает успехов и организует персональную выставку под названием «Светлые аллеи». Как утверждает однокашник Дмитрия, она перекликается и как бы спорит «со знаменитой книгой Бунина «Темные аллеи»... утверждает торжество жизни и света, добра и радости».

Став, наконец, единым целым, Анна и Дмитрий и погибают в этой своей уже до конца неразрывной сущности от удара молнии, переживая под деревом грозу. Погибают смертью настолько же символической, насколько и мистической. За несколько секунд до гибели звонит сотовый Дмитрия. Он подносит его к уху и слышит голос умершей матери. В это же мгновение телефон притягивает молнию и...

Как и большинство других произведений Э. Русакова, повесть «Светлые аллеи» заскучать читателям не даст. Не оставляет, однако, ощущение некоторой беглости и поверхностности, размытости и недопроявленности как сюжетных коллизий, так и характеров персонажей. Не добавляет ей художественности и нагнетание мелодраматических страстей, превращающие повесть в подобие мыльной оперы.

Почти одновременно с Э. Русаковым дебютировал во второй половине 1960-х годов омский прозаик Н. Березовский⁸. Представители одного литературного поколения, они близки и в том, что главным предметом и источником их творчества являются реалии обыденной жизни со всеми ее светлыми и темными сторонами.

⁸ **Николай Васильевич Березовский** родился в 1951 году на Сахалине, в семье военного медика. Внук именитого прозаика, одного из зачинателей советской литературы Сибири и основателей журнала «Сибирские огни» Ф. Березовского. Воспитывался в интернате. Работал плотником, слесарем на заводе, буровым рабочим в геологоразведке, грузчиком. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Был редактором на телевидении, газетным журналистом.

Первые стихи и рассказы Н. Березовского печатались в газете «Омская правда» в 1969 г. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Сибирские огни», «Север», «Уральский следопыт» и др. В 1983 г. в Москве вышла первая книга Н. Березовского «Ожидание». Автор книг «Эхо» (1988), «Разная любовь» (1991), «Подарок на память» (2001), «Дождь в январе» (2004) и др., изданные в Омске и Москве. Переведен в Австралии, Венгрии, Германии. Помимо прозы, активно выступает как публицист, критик и литературовед.

Но здесь Н. Березовский, пожалуй, особенно показателен. Приземленный бытовизм, за который так любили ругать писателей советские критики, становится прекрасным строительным материалом для его прозы. При этом Н. Березовскому нет нужды что-то наворачивать и закручивать, нагнетать и придумывать, чем бы увлечь и поразить читателей, поскольку вослед Н. Самохину, он также убежден, что «сюжеты валяются под ногами», а «лучший рассказчик — сама жизнь». Правда, подчеркивал тот же Н. Самохин: валяются-то валяются, но нужно подобранный камешек еще и огранить, сделать из него нечто достойное внимания.

И это Н. Березовский умеет. Ему бывает достаточно одной, казалось бы, малозначительной, а то и вовсе странной детали, которая под его пером может стать стержнем художественного произведения, заставляющего задуматься о многих вещах нравственного порядка.

Как происходит это в повести **«Завязочки»** (2002), с которой писатель вступил в XXI век.

Два брата (старший — столяр, младший — вузовский преподаватель) похоронили отца. А наутро при встрече признались друг другу, что видели один и тот же сон, где привиделся им отец, который говорил: «Что же это вы с меня, сыны, завязочки не сняли?» Что имел в виду отец, сыновья, как ни ломали головы, понять поначалу не могли.

Вокруг этих таинственных «завязочек» и разворачивается дальнейшее действие повести. Впрочем, «ларчик просто открывался». Братья вспомнили, в конце концов, что перед тем, как опустить гроб в могильную яму, они забыли освободить ноги и руки отца от шнурков, которыми перевязали их, чтобы удерживать в одном положении. От этих «завязочек», видно, и просил освободить отец. Братья бросились исправлять свою оплошность. Уговорив кладбищенских работников, вскрыли могилу, а когда открыли гроб, увидели распухшие от шнурков-тесемочек руки и ноги...

Но это — внешняя, событийная сторона повести. Есть у нее и второе дно. После безвременной смерти супруги, отец, не женившись снова, сам воспитывал сыновей. Но, повзрослев, зажив самостоятельно, они все больше отдалялись друг от друга, теряя братские узы. На могиле отца братья поняли это со всей очевидностью. Как и потаенный смысл отцовской просьбы, прозрачно намекавшей на «завязочки» в их собственных душах. «Они в нас, отдалившихся друг от друга настолько, что мы перестали быть братьями», — говорит младший брат. Смерть отца запускает обратный процесс — теперь уже родственного сближения братьев. А сами «завязочки» как сложные переплетения судеб братьев обретают символическое звучание.

Обыденные житейские истории лежат и в основе большинства рассказов Н. Березовского, написанных как в советское время, так и за его пределами — в частности в большом цикле **«Нет, не был, не имею»**, созданном, как и «Завязочки», в XXI веке⁹.

В рассказе «Двери» пожилой художник, возвращаясь из гостей, обнаруживает, что нет у него с собой ключей от подъезда и квартиры. А время позднее, мороз. И подъезды окрестных домов тоже заперты. Ни погреться, ни на помощь позвать. Чуда, а с ним и хеппи-энда, не происходит. Герой рассказа замерзает возле своего дома. Случай, конечно, дикий, но не уникальный. Скорее — рядовой в нынешней нашей жизни. Но он интересен Н. Березовскому не сам по себе как факт городской жизни. В его преломлении писатель показывает драматическую судьбу выброшенного на обочину жизни пожилого человека. Более того, ему удастся довести эту, не ахти какую оригинальную историю до притчевой емкости и звучания.

⁹ Цикл опубликован в журнале «Сибирские огни» (2005, №3).

Н. Березовского вообще отличало всегда умение лаконично и емко, на ограниченном пространстве небольшой повести или рассказа, составляющих его жанровую основу, скупыми художественными средствами выразить драматизм человеческой судьбы в контексте совокупных событий и обстоятельств. В чем лишний раз убеждает другой рассказ цикла «Исполнение желаний», героем которого становится «утративший равновесие», сломавшийся под напором жестоких социальных ветров мужик.

Еще с одной житейской драмой постперестроечного времени знакомятся читатели в рассказе «Крыша». Механизатор Картузов, пытаясь вписаться в рыночные реалии, открывает коммерческий ларек и тут же оказывается «в объятиях» рэкетиров. Не желая мириться с таким положением дел, Картузов решает расквитаться с обидчиками. Он застаёт их в своем «комке», а с ними — капитана, который когда-то в армии учил его рукопашному бою. В стан бандитов его «нужда загнала, когда по ранению из армии списали». Бывшие сослуживцы расправляются с бандитами и расходятся — каждый в свою сторону. Вопрос о будущем капитана остается открытым, а Картузов возвращается к себе в деревню, в свое хозяйство, чтобы продолжать заниматься тем, что предназначено было ему крестьянской судьбой.

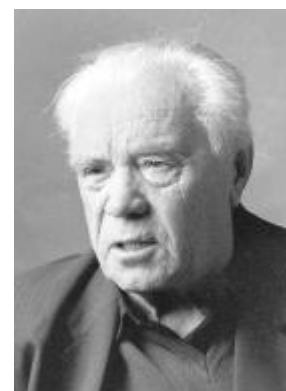
В цикле «Нет, не был, не имею» более десятка больших и малых рассказов, созданных на бытовом фундаменте. В них правдиво, с живыми, точными деталями и приметам времени художественно убедительно передана обыденная жизнь самых обычных людей конца XX — начала XXI столетия. А все вместе и рассказы эти, и повесть «Завязочки», и многие другие произведения Н. Березовского этого времени складываются у него в своеобразное мозаичное панно переломной эпохи. И создание его продолжается...

На последнем отрезке пути

Ну а что за порогом третьего тысячелетия с нашими сибирскими литературными аксакалами?

В. Астафьев едва успел его переступить. В ноябре 2001 года **Виктора Петровича Астафьеване стало**. Вечный покой снизошел на великого русского писателя. Но осталось в наследство другим поколениям его яркое, не меркнувшее, самородное слово. И еще долго-долго не выцветут удивительные краски на литературном холсте этого замечательного художника.

Уже посмертно творчество В. Астафьева было отмечено еще двумя литературными премиями: третьей по счету Государственной премией Российской Федерации (2003) и Премией Александра Солженицина (2009).

* * *

А вот В. Распутин дыхание третьего тысячелетия будет ощущать еще полтора десятилетия, прежде чем до конца пройдет последний отрезок своего жизненного пути.

Годы эти были для него очень насыщенными. Прежде всего, как публициста, литературного и общественного деятеля, болеющего за судьбу своей родины. Еще с началом «перестройки» В. Распутин включился в широкую общественно-политическую борьбу, в которой занимал последовательную анти либеральную позицию.

Не раз участвовал В. Распутин в различных писательских форумах, на которых звучало его страстное слово в защиту родной природы, духовности, национальных интересов и ценностей, русской культуры и словесности. В. Распутин входил в состав редколлегий ряда известных российских литературных журналов. Он часто представлял русскую куль-

туру и литературу за рубежом. И в определенном смысле был он не только гражданином России, но и гражданином мира.

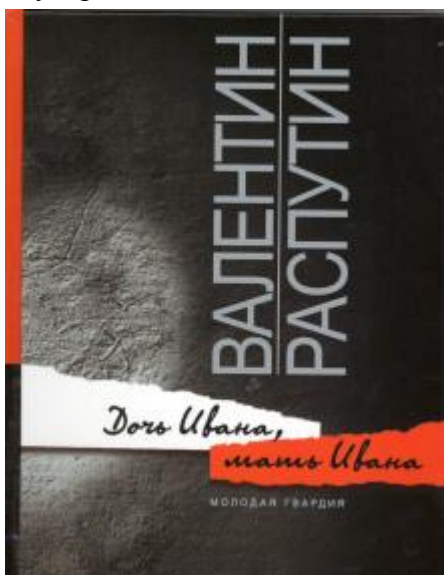
Заметный след оставил В. Распутин и как православный духовоборец. Без его участия не обходились многие церковные мероприятия. Он был желанным гостем на Всемирных Русских национальных Соборах. А в 2010 году В. Распутин становится членом Патриаршего совета по культуре РПЦ.

Что касается непосредственно публицистики В. Распутина, то и в XXI веке она находилась в тесном переплетении с его общественной жизнью. А в год смерти писателя в Москве вышел большой сборник очерков, эссе, статей, выступлений, бесед В. Распутина «У нас остается Россия» (2015), ставший как бы итогом всей обширной и многогранной публицистической работы писателя.

С художественно прозой было сложнее. И без того не отличавшийся плодovitостью В. Распутин за полтора десятка лет написал всего одну вещь. В 2003 году увидела свет его повесть «**Дочь Ивана, мать Ивана**»¹⁰, которая стала одним из самых значительных и острых произведений «нулевых» годов.

Сюжет ее прост и жесток. Дочь главной героини — Тамары Ивановны Воротниковой — шестнадцатилетняя Светка, окончив курсы продавцов, ищет работу на городском рынке. Здесь, удерживая у себя весь день угрозами, ее насилует и издевается торговец-азербайджанец. После его задержания Тамара Ивановна надеется на справедливое наказание. Но вместо этого сотрудники прокуратуры за взятку, исказив результаты медицинской экспертизы, готовят освобождение насильника под залог. Решив не допустить этого, Тамара Ивановна судит его своим материнским судом: проносит в прокуратуру спрятанный в сумку обрез и в момент освобождения насильника убивает его. Но и сама, взяв грех на душу, попадает в тюрьму. Однако тюрьма не сломила ее. Тамара Ивановна выходит оттуда духовно еще закаленной и крепче.

Горестная и пронзительная эта повесть вызвала неоднозначные мнения. Либеральные критики типа Д. Быкова утверждали, что «повесть Распутина написана неровно — в деталях и частностях очень сильна, в теоретических и идеологических авторских монологах дидактична и слаба». Некоторые рецензенты акцентировали внимание на том, что преступником является кавказец и это якобы чуть ли не разжигает межнациональную рознь. Ну а рядовые читатели безоговорочно приняли сторону автора.

Так, учительница русского языка и литературы Т. Попова из Краснодарского края в своем отзыве пишет, что В. Распутин на примере главной героини показывает женщину, в которой «просыпается самосознание» и она «пытается отстаивать свои человеческие права»¹¹. Конечно, рассуждает читательница, «героиня убила, совершила грех, потому что не вправе лишать жизни тех, кому мы ее не давали... Но как бы Тамаре Ивановне пришлось жить дальше, зная, что ее любимая дочь больше не будет знать спокойствия, что теперь все ей будет напоминать о том роковом дне. И если на войне человек вправе убить, защищая свою семью, то пусть это тоже будет война, на которой она мстит за боль своей дочери, а значит и за боль многих девушек, которые бы попали в сети преступника. Поступок Тамары Ивановны — звучание голоса народа»¹², — делает вывод учительница.

¹⁰ Впервые опубликована в ж. «Сибирь» (2003, №4), затем в ж. «Наш современник» (2003, №11).

¹¹ Попова Т.П. Проблема народного самосознания в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана». // Сайт Института русской и иностранной филологии Армавирского государственного педагогического университета «Россия литературная».

¹² Там же.

Сам же В. Распутин, рассказывая о работе над произведением, признавался, что к такому суровому исходу он привел свою героиню далеко не сразу:

«С повестью я провозился долго. Начинать и бросать, снова начинать и снова бросать. Останавливал самосуд Тамары Ивановны, чем бы он ни вызывался, какой бы безысходностью ни подготавливался. Можно было допустить, что в сложившихся обстоятельствах (а обстоятельства эти черным пологом облегли всю Россию) — не оказалось у нее другого выхода: на войне как на войне. Однако имеет ли право писатель не оправдание выстрела? Но и обойти этот случай каким-нибудь виртуозным ходом я не мог, это сразу перекрывало мне возможность говорить откровенно. Моя героиня и сама не может оправдывать себя, до конца жизни ей предстоит тяжелейшие нравственные муки, которые ни приговором, ни зоной среди таких же несчастных, не снимутся. Но еще страшнее и мучительнее была бы ее жизнь, если бы она позволила преступнику торжествовать победу и до последнего дыхания издеваться над ее правдой. Для нее это значило бы, что мир в своих нравственных и законополагающих основаниях перевернулся. И никто не собирается устанавливать его на прежнее место»¹³.

Как и большинство других произведений В. Распутина, повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» несмотря на разное к ней отношение, не оставила читателей равнодушными, задевая так или иначе всех и каждого за живое. И не только читателей наших, российских. В 2005 году в Китае эта повесть В. Распутина оказалась в числе лидеров в конкурсе «Лучший зарубежный роман XXI века», проводимого «Издательством народной литературы КНР».

Повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» стала последним художественным произведением В. Распутина.

Разносторонняя творческая и общественная деятельность В. Распутина отличалась высочайшим накалом и являла собой настоящий образец высокого духовного служения большой родине — России и малой — Сибири, обережения и защиты их традиций и устоев. Поэтому слово и дело В. Распутина не оставалось без внимания, отклика и благодарности ни в прежние советские времена, и в нынешние. За это, в частности, говорят его награды. В советские годы «за большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность» В. Распутин награждался орденами «Знак Почета» (1971), Трудового Красного знамени (1981), двумя орденами Ленина (1984 и 1987). А в 1987 году был удостоен звания Героя Социалистического Труда. В постсоветское время его «большие заслуги в развитии отечественной литературы и плодотворная творческая деятельность» отмечались орденами «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней (2002 и 2008). А «за особые личные заслуги перед Отечеством в развитии культуры и многолетнюю творческую деятельность» В. Распутин был награжден орденом Александра Невского (2011). Помимо того, творческая и общественная работа В. Распутина была отмечена двумя Государственными премиями СССР (1977 и 1987), а в XXI веке — Государственной премией Российской Федерации «за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2012 года», премией Президента России в области литературы и искусства и премией Правительства Российской Федерации в области культуры.

Не оставался В. Распутин без благодарственного внимания и со стороны церкви. Он не раз становился лауреатом учрежденных ею премий (имени святителя Иннокентия Иркутского, Фонда Святого Всеохватного апостола Андрея Первозванного «За веру и верность», Международного фонда единства православных народов и др.).

Не забывали своего знаменитого земляка и иркутяне. Еще при жизни писателя они сделали его почетным гражданином Иркутска (1986) и Иркутской области (1998).

В марте 2015 года **Валентина Григорьевича Распутина** не стало.

¹³ «Российский писатель», 2004, №3, с. 9.

Позже именем В. Распутина назовут иркутские улицы, школы... А в декабре 2017 года по инициативе президента Российского книжного союза была учреждена **Национальная литературная премия им. В.Г. Распутина**. Впервые она была вручена 15 марта 2018 года в Иркутске. Жюри определило из претендентов шестерых лауреатов: В. Хайрюзов, М. Щукин, А. Донских, Е. Попов, А. Семенов, А. Байбородин. Обладателем же главной премии стал иркутский прозаик А. Байбородин¹⁴ за книгу повестей и рассказов «Деревенский бунт».

Но самую прочную память о выдающемся русском писателе сибирских корней и истоков, которые он рьяно отстаивал и оберегал талантливим словом своим, будут хранить его книги.

* * *

А. пятью годами ранее скончался еще один замечательный литератор, актер и режиссер земли иркутской **Владимир Гуркин**.

В последние годы жизни он активно сотрудничал с Черемховским драмтеатром, на сцене которого поставил ряд спектаклей по своим пьесам. А за несколько месяцев до кончины, уже смертельно больной (рак легких), В. Гуркин вернулся в родное Черемхово, где в июне 2010 года и закончил свой жизненный путь.

Прошло с той поры уже немало времени, но В. Гуркин продолжает изумлять все новых поклонников драматического искусства, а те, в свою очередь, отдают ему должное незатухающей памятью о нем. И в первую очередь, конечно, жители родного Черемхова, который В. Гуркин прославил своим талантом.

В 2011 году в Черемхове был открыт памятник героям фильма «Любовь и голуби», а через год — и самому В. Гуркину. Его имя носит Черемховский драмтеатр, на фасаде которого в 2014 году установлена мемориальная доска. В. Гуркин — почетный гражданин Черемхова, и один из бульваров города назван в его честь. И, наконец, с 2014 года в Черемхово проходит межрегиональный фестиваль «**Театральная провинция**», посвященный В. Гуркину.

* * *

Последним отрезком пути начало третьего тысячелетия стало и для некоторых других, достаточно хорошо известных сибирских прозаиков, в числе которых Виктор Колупаев (2001), Евгений Гуцин (2005), Борис Лапин (2005), Геннадий Машкин (2005), Владимир Колыхалов (2009), Александр Плетнев (2012), Петр Дедов и Александр Родионов (2013), Михаил Черненко (2019)...

Сибирь, и в первую очередь регионы, ставшие «малой родиной» этих писателей, бережно хранят память о земляках, называя их именами улицы и библиотеки, устанавливая памятные мемориальные доски, учреждая премии, проводя вечера памяти и литературные чтения. Такие, например как «**Дедовские чтения**» (в комплексе с одноименной премией) и чтения «**Следствием установлено**», посвященные известному мастеру детективного жанра М.Я. Черненку, в Новосибирской области, или **Краевые чтения имени А.М. Родионова и имени В.М. Башунова** на Алтае.

¹⁴ **Анатолий Григорьевич Байбородин** родился в 1950 г. в селе Сосново-Озерск Бурятской АССР. Окончил филфак Иркутского университета. Работал в газетах Бурятии и Иркутской области. Преподавал в Иркутском университете русскую этику. Был директором книжного издательства «Иркутский писатель», главным редактором альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы». Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни». Автор многих книг прозы, изданных в Иркутске и Москве. Лауреат премии «Традиция» (1995). Главная тема творчества А. Байбородина — жизнь, уклад, быт, традиции сибирского села.

Не забываются и классики русской и сибирской литературы.

С октября 2007 года в Алтайской краевой библиотеке имени В.Я. Шишкова по инициативе этого же учреждения культуры проводятся ежегодные «**Шишковские**» чтения, цель которых — развитие интереса к литературе Сибири, создающей художественный образ Алтая. В сферу «чтений» вовлекаются не только произведения Вяч. Шишкова, но и современных алтайских писателей.

Еще более масштабными стали проводимые ежегодно в Новосибирске с октября 2013 года литературно-краеведческие «**Ивановские чтения**». Посвящены они сибирским писателям с этой фамилией. А таковых в регионе — восемь. Это Анатолий Степанович, Всеволод Вячеславович, Всеволод Никанорович, Николай Иванович (Анов), Леонид Иванович, Евгений Филиппович (Филиппыч). Василий Николаевич и Владимир Васильевич Ивановы. В более же широком контексте «Ивановские чтения» обращены к историко-культурному и литературному наследству Сибири двадцатого столетия, становясь важным звеном в его изучении. С другой стороны, «Ивановские чтения» явились поводом для профессионального разговора писательского, библиотечного, научного и педагогического сообществ о статусе, ценности и месте сибирской литературы в современном книжном пространстве.

Тематические направления «Ивановских чтений» разнообразны. В их числе литературная жизнь Сибири XX и начала XXI века, проблематика и жанровые особенности сибирской литературы, творчество отдельных писателей и их книги как объекты библиографического описания и историко-культурного анализа... Поднимаются на «чтениях» и вопросы о том, что ныне мешает развитию региональной литературе, а так же месте творчества сибирских писателей в школьной программе.

В «Ивановских чтениях» принимают участие писатели, литературоведы, музейные работники, преподаватели школ и вузов, книголюбы, студенты и даже школьники старших классов. Достаточно широка и география «чтений», куда съезжаются исследователи литературы из разных сибирских городов (Омска, Томска, Новокузнецка и др.), а так же Москвы.

Идея «Ивановских чтений» изначально принадлежит заведующей Городским Центром истории новосибирской книги Н.И. Левченко — большому энтузиасту сибирской литературы. Руководимый ею Центр вместе с Новосибирской государственной научной областной библиотекой, Новосибирским библиотечным обществом стоял и у истоков воплощения этой идеи. Насколько оказалась она плодотворной, можно судить по тому, что с каждым годом интерес к «Ивановским чтениям» только усиливается.

Что касается **Центра истории новосибирской книги**, то он занимает важное место в литературной жизни Новосибирска и сибирского региона. Основан в 2004 году как общественный музей «Новосибирская книга» и первыми его экспонатами были книги Новосибирского книжного издательства и книги, подаренные писателями Новосибирска. В 2009 году музей был преобразован в Центр, а десять лет спустя ему присвоили имя Н.П. Литвинова — предпринимателя и мецената, основателя первого в Новониколаевске книжного магазина и издательства, человека, много сделавшего для будущей «столицы Сибири».

В настоящее время Центр — крупное учреждение культуры, основной фонд которого составляет около 15 тысяч единиц хранения. Экспонаты отражают деятельность многих известных сибирских писателей, журнальную, издательскую, полиграфическую жизнь Новосибирска и Сибири. Большинство хранящихся в Центре предметов — рукописи, документы, книги с автографами, фотографии, редкие издания, живопись, графика, личные вещи писателей и т. д. — уникальны. Имеются персональные фонды ряда отдельных сибирских литераторов.

На основе собранного материала в Центре разработана учебно-образовательная программа «История формирования и развития литературы и книгоиздательства Сибири XX века», по которой ведутся занятия для школьников и студентов. На базе Центра проводит-

ся музейно-педагогическая практика учащихся педагогического колледжа и студентов педуниверситета по литературному краеведению. Проводятся вечера и другие мероприятия, посвященные творчеству сибирских писателей. Важную роль в создании и становлении Центра сыграла его многолетняя руководительница Н.И. Левченко.

«Крестники» XXI века

Разговор наш до сих пор шел о сибирских писателях, чье творчество захватывает пространство и «века нынешнего», и «века минувшего», а сами они как бы зависли «миров двух между». Но закономерно встает вопрос: а разве не появилось на просторах Сибири писателей, сформировавшихся уже за порогом нового столетия — так сказать, «крестников» XXI века?

Почему же нет? Пусть и не так много, как хотелось бы, и не той, может быть, мощи, как наши сибирские классики, о которых немало говорилось выше, но они действительно есть, весьма интересны и, без сомнений, заслуживают серьезного читательского внимания.

Певец таежной глубинки

Один из них, **Тарковский Михаил Александрович**, родился в 1958 году в Москве. Он — внук поэта Арсения и племянник кинорежиссера Андрея Тарковских. Окончил московский пединститут им. В.И. Ленина по специальности «География и биология» и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал на биологической станции имени А.Н. Северцова Академии наук СССР в Красноярском крае. Этот период своей жизни М. Тарковский отразит позднее в повести «Отдай моё» (2003). С середины восьмидесятых многие годы он жил в поселке Бахта Туруханского района и был штатным охотником-промысловиком. В настоящее время — главный редактор журнала «Енисей».

Начинал литературную деятельность М. Тарковский как поэт. На прозу переключился, уже оказавшись в Сибири. Стихи и прозу публиковал в журналах «Новый мир», «Юность», «Москва», «Наш современник», «Литературная учеба», «Сибирская горница» и др. В 1991 году в Москве вышла первая книга М. Тарковского «Стихотворения». И лишь десятилетие спустя появился у него прозаический сборник «За пять лет до счастья» (2001), который был отмечен критикой как один из самых ярких дебютов в прозе начала третьего тысячелетия. Затем последовали книги «Замороженное время» (2003), «Енисей, отпусти!» (2007), «Тойоота-Креста» (2009), «Полет совы» (2018) и др., вышедшие в Москве, Новосибирске и Красноярске. Лауреат премий имени В. Шукшина, «Ясная поляна» (2003), премии «Серебряный Дельвиг» (2014), с формулировкой «за художественную убедительность изображения человеческих судеб сибиряков», Патриаршей литературной премии (2019).

Сибирь, по сути, стала литературной родиной М. Тарковского, а тайга — на долгое время главным источником его прозаических произведений. Позже он признавался: «Жизнь в тайге открыла много неожиданного. Как говорится, шел за красотой тайги, а открыл красоту людей и стариннейшую трудовую традицию (промысел)...»¹⁵.

Это «открытие» помогло молодому писателю показать бытие современных таежников на переломе веков правдиво, честно, без прикрас, но с теплым чувством к ним, для кого жизнь на Енисее — постоянная борьба за существование, в которой человек обнаруживает лучшие свои качества. И, по словам же М. Тарковского, образ самого Енисея сло-

¹⁵ Татаренко Ю. Время излома. (Интервью с М. Тарковским). // «Литературная Россия», 17 октября 2017 г.

жился у него под художественным воздействием В. Астафьева. Кстати, критики называли М. Тарковского прямым литературным наследником В. Астафьева и В. Распутина, продолжателем их традиций.

Но, воссоздав в художественном слове таежный мир в центре Красноярского края, «литературную Бахту», М. Тарковский почувствовал, что ему уже тесно в ее пределах. Его горизонт расширился: «Потом открылась Сибирь, другая Сибирь, регионов, городов и городков...»¹⁶. И М. Тарковский взялся за освоение новых просторов. Причем уже не только сибирских. В романе «**Тойота-Креста**» они расширяются уже до Дальнего Востока, с одной стороны, и до Балтики — с другой. Или, как говорит сам автор, «территория моей причастности разрослась от Туруханского района до всей России»¹⁷. Главный герой романа Женя Барновец — персонаж условный и сказочный. Для автора «это некая духовная емкость, дающая возможность вместить наиболее важные и волнующие душу миры. Условностью своей он вообще ни на кого не похож, а мирами его наполняет... автор, вкладывая в него пережитое»¹⁸.

Как видим, М. Тарковский расширяет не только географию своего творчества, но и стремится со временем уйти из пределов им же для себя созданного стереотипа певца таежной глубинки. Он экспериментирует, ищет новые образы, типажи, формы, способы художественного выражения, а главное пытается понять, почувствовать, чем живет Большая Сибирь, а с ней и вся Великая Россия.

Да и на таежную глубинку смотрит уже несколько иным, чем прежде, взглядом, что подтверждает одна из поздних его повестей «**Полет совы**». Центральный ее герой, школьный учитель, замученный городской суетой, переезжает в далекий таежный поселок, чтобы подпитаться, как он говорит, «взваром незыблемости». Но неожиданно для себя обнаруживает, что нет уже здесь искомой ветхозаветной «незыблемости», а тектонические социальные сдвиги последнего времени коснулись и этого глухого уголка, и начинает понимать, что спастись бегством и прятаться от больших и малых проблем — совсем не лучшее средство от их избавления.

Ну, а М. Тарковский продолжает свой творческий путь. Писатель в активном поиске. И остается надеяться на его дальнейшую успешность.

Искатель литературного жемчуга

Далеко от Сибири, в Ташкенте, родился и **Леонид Васильевич Нетребко** (1957). Детство и юность его прошли в узбекском городе Бекабаде. После окончания Тюменского индустриального института Л. Нетребко долгое время жил и работал в северном поселке газовиков Пангоды Надымского района Ямало-Ненецкой автономной области. С этими местами непосредственно связано и появление прозаика Л. Нетребко. Кстати, первую свою книгу он так и назвал — «Пангоды» (1999). Ее составили портретные очерки и зарисовки жителей поселка, судьбы которых органично соединены с суровой природой Приполярья.

Автором же оригинальной художественной прозы Л. Нетребко заявил себя сборником рассказов «**Мидии не родят жемчуг**» (2001). Эпиграфом книги могли бы стать шекспировское «вся жизнь — театр» и пушкинское «что наша жизнь — игра!» Оба изречения вполне отражают основной смысл и содержание большинства рассказов Л. Нетребко.

Для главного героя рассказа «Имидж» Андрея все начинает круто меняться после обидных, пробуждающих от душевной лени слов подруги Светланы о том, что ему надо сменить имидж — стать «более решительным, отчаянным». «Короче, стань к примеру... Ну, что ли, Андерсоном: имя — Андрей, имидж — Андерсон». Герой воспринял ее слова

¹⁶ Там же.

¹⁷ Крамер М. По волчьим стали жить...» (Интервью с М. Тарковским). // Lenta.ru. 30 августа 2015 г.

¹⁸ Крамер М. Там же.

как руководство к действию и, «подобно удачно закодированному, стал быстро превращаться в Андерсона». Но при этом и не думал о переделке внутренней. Напротив, был уверен — «не имеет значения, что у тебя внутри, тебя принимают согласно твоему поведению, которое есть зримая форма образа». Ради этого нового образа-имиджа и «стиля поведения» Андрей-Андерсон эпатирует окружающих. Наблюдая за своим персонажем, автор подводит читателя к выводу, что такое лицедейство далеко небезобидно. Оно несет в себе немалую разрушительную силу, опасную как для тех, с кем герой близко связан, так и для него самого, оказавшегося, в итоге, у разбитого корыта (себя в жизни так и не нашел, семью и любимых женщин потерял).

По части стремления поменять свой природный образ на ту или иную маску, герой «Имиджа» не одинок. Могли бы составить ему компанию и электрик Богдан из рассказа «Три кита» — искуситель и провокатор, чем-то напоминающий судебного секретаря Жилкина из чеховской «Сирены», и пьяненький мужичок из жанровой зарисовки «Хохлы позорные», и библиотекарша с приклеенной улыбкой («Миссис Смайл»), и доморощенный философ Ник Саныч («Полярные совы с диэлектриком»), и недавний уголовник Джокер из одноименного рассказа, ломающий комедию на борту самолета... Даже юный герой рассказа «Чубчик» занят тем, что разгадывает имиджи окружающих и думает над собственным.

Автор наблюдает за поведением своих персонажей цепко, въедливо фиксируя детали, психологические повороты, оттенки поведения и настроения персонажей. Это помогает ему глубже проникнуть в суть их характеров, разглядеть их и высветить оборотную сторону, истинную суть, которая заметно отличается от имиджевой.

Книгу «Мидии не родят жемчуг» завершает одноименный рассказ, как бы закругляющий тему «имиджа», мнимого и истинного в человеке. Его герой проходит испытание «курортным романом». Увлечшись поразившей своей внешностью мулаткой, он фантазирует, строит иллюзорно-романтические планы. Но, как и всегда раньше, планы рушатся, лишь только предстает он перед простыми жизненными реалиями. И напрасно герой рассказа пытается убедить окружающих, что он загадочнее, необыкновеннее, романтичнее, чем есть на самом деле, что он — носитель драгоценной жемчужины. Хотя на самом деле — обыкновенная «мидия», а «мидии не родят жемчуг».

Не сказать, что книга «Мидии...» имела «оглушительный успех» — для начинающего автора из глухой сибирской провинции это в принципе невозможно, но незаметной она тоже не прошла. Психологическая и художественная изощренность молодого прозаика обращала на себя внимание и явно импонировала читателям. Да и сама тема «быть и казаться» была весьма выигрышная. И если бы он продолжил целенаправленно работать в том же направлении, то, возможно, ждал его в скором будущем серьезный успех. Но Л. Нетребко не стал замыкаться в одной теме, ограничивать себя рамками одного жанра. Он «творил, выдумывал, пробовал».

Снова писал о Севере и северянах, но теперь уже не в очерках, а рассказах и повестях, которые, в частности, составили его книгу «**Полуостров Налим**» (2018). В центре внимания ее автора вечное и мимолетное в жизни обитателей полярных широт, незначительные события и переломные моменты, решающие их судьбы.

Впрочем, в географии Л. Нетребко себя тоже не стеснял. Персонажи его произведений живут далеко не только на «северах». Хотя духовные и нравственные проблемы встают перед ними всеми подчас очень схожие. Например, извечная проблема человеческого выбора. Именно ею пронизаны повести и рассказы другой книги Л. Нетребко «**Дать негру**» (2013). Герои сборника — наши современники — встают перед нелегким выбором, цель которого обретение любви, понимания, душевной гармонии. Можно ли вернуться в прошлое, чтобы восстановить справедливость, веру, оживить угасающее чувство, обрести храм в своей душе? — задаются они вопросами. Тоже не ахти какими новыми. Не впасть в банальность Л. Нетребко помогает все тот же свойственный ему психологизм, мягкое изящество стиля, основанное на пристальном внимании к оттенкам и полутонам.

Со временем все заметнее становится тяготение Л. Нетребко к ситуациям, судьбам и характерам неординарным, подчас даже экзотическим, отмеченным особым драматизмом. Об одной такой судьбе мы узнаем из повести «**Караван-сарай**». Главный ее герой Николай, «отмотав срок», по совету кавказца Ибрагима, соседа по лагерному барaku, отправляется устраивать свою вольную жизнь в Дагестан. Но попадает неожиданно в плен к чеченцам, которые торгуют живым товаром. Чтобы выжить, он соглашается принять ислам и превращается из безбожника Николая в мусульманина Камилу. Приняв эту веру, Камилу почувствовал облегчение. «Это казалось вторым рождением. Жизнь обрела стержень». Но повесть не о чудодейственной силе мусульманства, а обретении человеком себя, настоящего. Пройдя несколько кругов чеченского ада, Николай-Камил, в конце концов, находит себя и свое место в жизни. Таким представил Л. Нетребко нынешнему читателю свой современный вариант «Кавказского пленника» — никак не менее жизненный и правдивый, чем классический. Показывая своих персонажей в трагических обстоятельствах коварного плена, автор повести отстаивает одну важную в своей нравственной непреложности мысль о том, кто-то под натиском обстоятельств и страхом смерти мимикрирует, а кто-то сопротивляется и остается верен своей родине, вере и нравственным устоям до последнего. Привлекает повесть «Караван-сарай» и попыткой автора осмыслить на примере чеченских войн и понять суть и природу исламского экстремизма, звериной ненависти и жестокости его представителей к иноверцам и инакомыслящим.

Весьма необычна у Л. Нетребко и повесть «**Банище**», где одно повествование как бы вставлено в другое. Действие первого разворачивается в Гражданскую войну. Красноармейский отряд проводит продразверстку, а между двумя его бойцами — русским парнем Иваном и еврейской девушкой Мартой — вспыхивает любовь. События другого повествования происходят уже в восьмидесятые годы. Студент Анатолий устраивается подработать в городскую баню и сталкивается здесь с рядом странных личностей, некоторые из которых (например, кочегар Ким, сын Марты и Ивана) оказываются как бы долгим эхом из прошлого, потомками тех давних красноармейцев.

В повести «Банище» вообще все туго переплелось: продразверстка, белобандиты, бывший чекист, попавший в Великую Отечественную в плен, которого поставили у печи крематория сжигать евреев... Иной раз настолько туго, что и не понять: кто, что, где, куда и зачем? Впрочем, одно несомненно: связь времен и поколений проходит в повести через сооружение-символ, которое было сначала храмом, который красноармейцы превратили в продовольственный склад, потом переделали в баню, а впоследствии и вовсе сгоревшем, превратившемся в «банище», нечистое место, где по народным поверьям строить ничего было нельзя. Ну а сама одноименная повесть становится своеобразной символической притчей о том, какой подчас причудливой и неожиданной может оказаться связь времен и поколений.

За два десятилетия творческой деятельности у Л. Нетребко сложился уже значительный прозаический массив, разнообразный по темам, содержанию, жанрам, формам, но единый в самом главном — достаточно высоком художественном уровне создаваемых произведений. Однако писатель не останавливается на этом, а продолжает экспериментировать, искать новые способы художественного выражения, способные поддерживать неослабевающий читательский интерес. А это для творческого человека — верный путь!

Преодоление отсутствия, или Вспышка новой звезды на небосклоне сибирской прозы

Едва ли не главным открытием сибирской литературы начала третьего тысячелетия стал писатель из Новосибирска **Виорэль Ломов**.

О прозаике с таким непривычно-экзотическим сочетанием румынского имени и кондовой русской фамилии читатели узнали в 2000-м году, после того, как в течение целого года из номера в номер журнал «Сибирские огни» печатал его большой роман с не-

скольким загадочным, почти буддийского смысла названием «**Мурлов, или Преодоление отсутствия**». Роман сразу же привлек к себе внимание явной неординарностью. Было ясно, что его создатель — человек, безусловно, талантливый и многообещающий. Но, как оказалось, и основной род деятельности автора, и его жизнь до публикации романа с художественной литературой, сочинительством были практически не связаны.

Ломов Виорэль Михайлович родился в 1946 году в Москве. Окончил Московский

энергетический институт по специальности «теплофизика». После вуза служил в армии (ВВС). Работал в НИИ, на Новосибирском заводе химконцентратов, в Контрольно-приемочной инспекции Минатома РФ, Новосибирском областном краеведческом музее. В начале 1990-х годов был связан с коммерческими фирмами. В свободное от основных занятий время В. Ломов писал прозу и стихи. Писал «в стол», для себя, никому ничего не показывая. Ну, а первый его опыт участия в литературной жизни относится к 1998 году, когда он стал лауреатом 1-го Всероссийского конкурса стихотворений... в стиле японского «хокку». А через год В. Ломов появился в редакции «Сибирских огней» с объемистой рукописью. Шел в это время начинающему писателю 54-й год.

О чем же первое и самое крупное произведение В. Ломова?

В самом общем виде «Мурлов, или Преодоление отсутствия» — роман о русской жизни во второй половине XX столетия в контексте всей предшествующей российской и мировой культуры. Роман необычный. Он одновременно и роман-миф, и притча, и роман-фантазмагория. А по жанровой своей основе — это роман-путешествие. С одной стороны, по континентам, далеким от нас мирам и временам, и даже в город-миф Галеры, куда периодически попадают главные персонажи, с другой — путешествие человека в поисках себя и своего места в окружающем мире.

Дмитрий Мурлов — бывший научный сотрудник, заводской инженер, а ныне музейный работник и сочинитель исторических романов — оказывается в подземелье музейного здания, заброшенного с времен Гражданской войны. По пути к нему примыкают остальные персонажи произведения. Они рассказывают о своей жизни, но, благодаря им, главный герой кое-что уясняет о себе и своем близком окружении. Конечной целью удивительного путешествия становится мистическая комната №6 в музее. Плюс ко всему роман — еще и любовная мелодрама, в которой Дмитрий Мурлов и его возлюбленная Фаина Сливинская попадают в сложные и запутанные жизненные обстоятельства. Все это вполне органично сочетается в одном произведении.

Роман «Мурлов, или Преодоление отсутствия» настолько же увлекателен и захватывающ по содержанию, насколько оригинален по форме, художественному исполнению, ярким по языку. В нем есть и неожиданные сюжетные ходы, и колоритные фигуры персонажей, и великолепная словесная игра. В. Ломов проявляет тонкое чувство слова и глубокий психологизм в изображении характеров и реалий действительности.

Что касается главного героя, то он поначалу кажется некоей полумистической блуждающей звездой на необозримом небосклоне произведения. Но, присмотревшись, угадываешь в нем хорошо знакомый тип «лишнего человека», только уже в совершенно новых условиях на рубеже двух тысячелетий, в расколовшемся на куски современном мире. Отсюда и «осколочная» композиция романа, где в каждом таком осколке преломлена — иной раз с кривизной, фантазмагорией, а то и иронией-сатирой, — частичка нашего бытия.

Отправляя героев в долгий путь по причудливому лабиринту своей художественной фантазии, автор и сам совершает своеобразную экскурсию по различным жанрам. И в каждом — будь то прекрасно выписанные картины детства, любовные взаимоотношения

Мурлова или исторические сцены, — В. Ломов успешно доказывает свое литературное мастерство.

Что, впрочем, не является самоцелью. Вместе со своими героями писатель стремится к преодолению бездуховности современного бытия. В этом и есть главная цель и смысл огромной работы, проделанной в сложном многоплановом, разножанровом, разностилевом романе. Работы, ориентированной на самый широкий и разнообразный читательский круг.

Роман «Мурлов, или Преодоление отсутствия» имел значительный успех. После дебюта в «Сибирских огнях» он не раз выходил к читателям как в электронном, так и печатном виде. Был отмечен Большой премией интернет-журнала «Русский переплет» и премией губернатора Новосибирской области в области культуры и искусства.

Но в литературе очень часто бывает так, что удачное начало не имеет достойного продолжения, и вспыхнувшая новорожденная звезда гаснет, не успев разгореться. С В. Ломовым, к счастью, такого не случилось. Последующие его шаги на литературной стезе, воплотившиеся в новые повести и романы, оказались столь же заметными, уверенными и основательными, доказывающими, что этот писатель не ошибся дверью, что читательские надежды он продолжает оправдывать, и что творческий потенциал его огромен.

Следующим за «Мурловым...» был роман «Сердце бройлера», впервые увидевший свет в тех же «Сибирских огнях» в 2001 (№№ 5 — 6). Это — роман-хроника, сага о судьбах нескольких, проросших взаимными связями, поколений трех семей: Аненковых, Гурьяновых, Суэтиных.

Действие романа разворачивается во второй половине двадцатого века. Преподаватели Нежинского сельхозинститута Анна Петровна Суэтина и Анна Ивановна Анненкова, две «безмужние» женщины, и их дети, создавшие свою семью, Женя Суэтин и Настя Анненкова, оказались втянутыми в непростые отношения с художником Николаем Гурьяновым, а затем и с его сыном поэтом Алексеем Гурьяновым. Алексей безответно любит Настю, не подозревая даже, что он ее родной брат.

Судьба сводит затем и их внуков: математика Сергея Суэтина и внебрачного сына Алексея Гурьянова — Семена Борисова, человека лишённого каких бы то ни было моральных установок. Их совместная предпринимательская деятельность заканчивается трагически: гибелью Семена. И невольным виновником его смерти становится сам Сергей. По канонам трагедии следует возмездие — фактически из-за Сергея гибнет и его отец Евгений Суэтин, главный герой романа.

В этом, казалось бы, совершенно традиционном круге В. Ломов создает оригинальное произведение, в котором показывает, какими причудливыми и подчас непредсказуемыми извилинами сопровождается человеческая жизнь, какими неисповедимыми могут быть не только пути Господни, но и людские.

Неторопливое поначалу, повествование от главы к главе убыстряется, но не с помощью искусственного нагнетания, а за счет внутреннего ускорения жизни героев, которые быстрее живут и стареют, быть может, еще и оттого, что оказываются втянутыми в конфликт родителей и как бы брошенными в костер их страстей, способных сжечь дотла.

Конфликт отцов и детей, лежащий в основе этого романа, извечен. А здесь он усугублен еще и тем, что отцы, не решив своих проблем, сваливают их на плечи детей, только что начавших думать о проблемах собственных. И так — год от года, от жизни к жизни — растет груз, который их дети, а потом и внуки тащат на себе. Куда? Зачем? Чтобы свалить на детей собственных?

Главные события романа приходятся на 1990-е годы, когда на переломе эпох оказываются перевернутыми все отношения между людьми и извращен смысл ценности человеческой жизни. А потому так символична финальная сцена романа, в которой звучит и трагическое предупреждение, и протест. У демонстрантов в руках плакат, а на нем «нари-

сован земной шар — в виде яйца, которое снес неспособный нести яйца бройлер... Человечество превратилось в бройлера! И теперь бройлер породит новое человечество».

Сюжет романа динамичен и сжат до предела. К финалу создается ощущение, что это бомба, которая рванет в любую минуту и все разнесет. Но это очищающее чувство, сродни катарсису. Роман держит читателя в напряжении с первых и до последних страниц.

Судьбы главных героев романа переплетается не только друг с другом, но и с судьбами их друзей. Персонажей в романе много, но ни один из них не потерялся, не растворился даже в массовых сценах, в которых автор проявляет незаурядное мастерство, изображая ли свадьбу на триста человек или исполнение кантаты симфоническим оркестром и народным хором.

Некоторые сцены написаны поистине с гоголевским размахом, а переживания и страсти героев В. Ломова заставляют вспомнить Достоевского. Но перед нами герои не позапрошлого века, а наши современники; в них мы узнаем себя, отчего нам становится иногда стыдно, горько, обидно, тяжело оттого, что все это было, есть и будет в нашей жизни.

Героям В. Ломова веришь. Им сочувствуешь. Они, как правило, люди талантливые, поставившие в жизни для себя высокую планку. Все они огранены резцом автора с большим искусством и любовью. Своеобразен язык романа. Фразы короткие, емкие, наполненные мыслями, что и отвечает главному требованию к прозе вообще: «Проза требует мыслей и мыслей» (Пушкин). Повествование читается живо, легко, но это не легковесное чтение, не бульварно-журналистский, «ниже пояса», бьющий по глазам и «мозгам» современного читателя, стиль. Это легкость художника, знающего не только что, но и как сказать.

Едва ли не главный фактор в романе «Сердце бройлера» (как, впрочем, и в «Мурлове...»), и в других романах В. Ломова) — время. Герои романа живут и действуют каждый в своем времени, и одновременно в вечности, в непреходящем потоке жизни, даже когда они из этой жизни уходят. Это жизнеутверждающее мироощущение автора сказывается на всех его героях, делает их неординарными, своеобразными, интересными и по-настоящему живыми. Это же создает и систему отношений между персонажами, которая, интригуя, затягивая, увлекая читателя, создает структуру подлинно литературного произведения. А своеобразная стилистика это впечатление только усиливает.

Почти одновременно с «Сердцем бройлера» журнал «Октябрь» публикует в 2002 году (№2) небольшую повесть В. Ломова «Музей». Ее действие, как и в «Мурлове...», тоже происходит в стенах краеведческого музея. Начинается она как бытовая драма о бывшем интеллигентном человеке, оказавшемся в девяностые годы на обочине жизни. В поисках работы он устраивается в музей и окунается в новую для себя среду. Продолжается повествование как детективная история с мистическим душком о расследовании случившегося здесь убийства, а заканчивается философически и даже символически.

В основе же сюжетной конструкции старый, как мир, любовный треугольник: главный герой сходится с сотрудницей музея Элоизой, но на их пути встает фотохудожник Перхота, у которого молодая женщина была когда-то моделью. Именно он, размещая в залах музея свою выставку, становится жертвой неизвестного убийцы. Как в добрых классических детективах, под подозрением все, даже чучело рыси, между когтей которой следователь обнаружил частички одежды убитого и его засохшую кровь, но убедительных улик нет ни против кого. В результате преступник не найден, а дело закрыто за недоказанностью.

Это, конечно, противоречит законам жанра, но ведь и повесть В. Ломова, в конечном счете, — не детектив, а скорее притча с его элементами, позволяющими до последнего момента держать читателя в напряжении. О чем притча? Да, наверное, об извечном «секрете души». Чем ближе его разгадка, тем больше шансов постичь мир другого человека и слиться с ним в том прекрасном и высоком чувстве, что зовется любовью. Увы, герой по-

вести разгадать секрета души Элоизы не сумел. За что и поплатился потерей возлюбленной.

В небольшой компактной повести В. Ломову и на этот раз удалось продемонстрировать свою манеру письма, собственный почерк, характерные особенности которого — сочная образность, афористичность, тонкая изящная ироничность, аллегоричность, блуждающие по страницам произведения «болотные огоньки» мистичности.

А еще ровно через год после публикации «Сердца бройлера» в тех же «Сибирских огнях» (2002, №№5 —6) появляется очередной роман В. Ломова «Солнце слепых». Еще одна сага и роман-судьба, поданный читателю в отменном, как и всегда у этого писателя, фантазмагорическом соусе. Критики называли «Солнце слепых» философско-психологическим романом, а сам автор — романом-утопией. И вот как он анонсировал это свое произведение, представляя его читателям Интернета:

«События происходят в донской станице, Воронеже, Ленинграде, Волгограде, крупном сибирском городе Нежинске (...), а параллельно во второй половине XVI века в Англии, Испании, в Центральной и Южной Америке. Сюжет развивается не хронологически, а по спирали с экскурсами в историю.

Главный герой... Федор Дерейкин проживает две жизни: действительную (студент, боксер, военный разведчик, капитан речного судна, пенсионер) и воображаемую (вице-адмирал английского флота, корсар Фрэнсис Дрейк, собеседник Монтеня). Дерейкин, позиционирующий себя с Дрейком, — очень земной, неуживчивый человек и в то же время неподражаемый мечтатель и утопист. Он тот, кто побеждает, покоряет, эволюционирует из грязи в князи, склоняясь только перед королевами. В нем соединилось заведомо несоединимое, а через него обнаружены иные условия существования, иные люди, герои иной природы и закваски. Вся его жизнь проходит не только в столкновении с реальными трудностями и бедами, но и в преодолении препятствий, которые герой выстроил в своей рисуемой жизни. В орбиту этих двух жизней втянуты и все его близкие знакомые, реальные и вымышленные.

«Раздвоение» Федора началось еще в детстве, после встречи с Фелицатой, когда мальчик, а потом подросток, юноша понял, что явь неотделима от сна, очевидное от невероятного, романтика Блока, от авантюризма Дрейка. В конечном итоге, победа на стороне Дрейкина-Дрейка, хотя он и теряет в жизни всё, что только может потерять человек».

Федор Дерейкин от большинства других персонажей В. Ломова тем как раз и отличается, что, будучи внутри свободным человеком, твердо стоящим на ногах, имеющим свой стержень и жизненную позицию, он свободен еще и потому, что может уходить из реального мира.

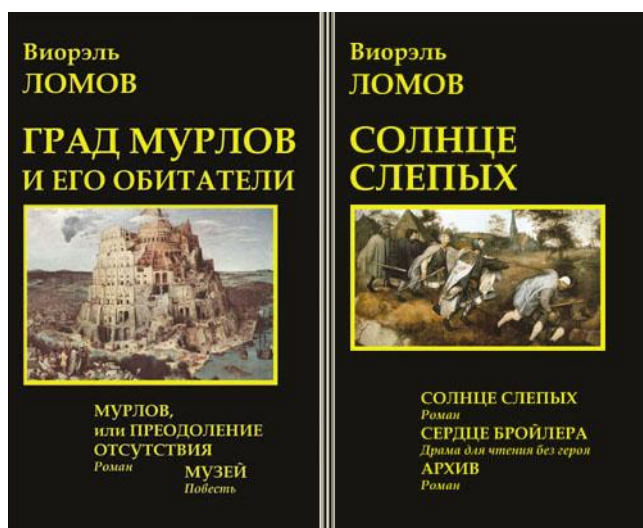
В. Куклин, предваряя двухтомник избранной прозы В. Ломова, в частности, отмечает: «Самым замечательным, самым удивительным и самым достойным из всех героев прочитанных мною произведений следует признать Дерейкина-Дрейка из «Солнца слепых» Виорэля Ломова. Жизнь человека, не покорившегося судьбе ни разу, — вот о чем этот роман... Роман о жизни человека, мужество которого питалось из двух родников: детская любовь к соседской девочке Фелицате и собственной фантазии о приключениях великого открывателя новых земель Френсиса Дрейка»¹⁹.

И если герои романа «Мурлов...» ищут пути преодоления духовной пустоты (отсутствия), то Дерейкин-Дрейк пытается зажечь над тьмой и серостью повседневного бытия свое, освобождающее обывателя от слепоты обыденного прозябания, солнце.

Эпический цикл В. Ломова продолжил роман «Архив» (2005). Как и «Сердце бройлера», это также история нескольких поколений одной семьи. Только сама история со-

¹⁹ Куклин В. Мурловград, Мурланд, Мурловстан, , или Страна, которую мы не знаем. // Виорэль Ломов. Град Мурлов и его обитатели. — М., 2007, с.8.

вершено иная. Автор рассказывает о семье, ведущей свою родословную от знаменитого предка А.В. Суворова.

Все существование этой семьи из поколения в поколение связано с сохранением огромного семейного архива, который становится одним из главных героев произведения. В центре же романа потомок великого полководца — Георгий Суворов. Он принимает в 1920 году от своего старшего брата Лавра «охранную» эстафету суворовского наследства, а с ним и славного прошлого России в целом, и проносит ее до середины 1980-х годов.

Тяжелая эта ноша требовала от Георгия Суворова на протяжении долгой жизни немалых жертв. Архив прятали,

перевозили с места на место. Из-за него люди из окружения Георгия жили в постоянном страхе. И даже поступки персонажей романа во многом диктовал он. Архив пережил большинство своих владельцев, и за два века стал свидетелем многих событий, людских судеб, человеческих страхов, сомнений, надежд, побед и поражений.

Действие «Архива» развивается (с использованием излюбленного приема В. Ломова) в разных, как бы чередующихся временных пластах. Начинается роман как авантюрное повествование с детективно-приключенческим сюжетом, перетекает затем в семейную хронику, а в итоге превращается в роман-иносказание о памяти — обуза или благо для нынешних соотечественников исторический опыт многих поколений строителей российского государства? — и глубоко патриотическое произведение.

Едва успев появиться в «Сибирских огнях», «Архив» вместе с «Сердцем бройлера» были номинированы на премию «Национальный бестселлер». А «Архив» в 2006 году вошел в шорт-лист премии «Ясная поляна» им. Л.Н. Толстого. Лишь совсем немного уступил тогда В. Ломов победителю — уральскому прозаику Алексею Иванову.

Итак, четыре больших романа и повесть В. Ломова увидели свет в течение всего шести лет. (Они составили два больших тома, изданных в Москве²⁰). Темпы, повторимся, удивительные! Да еще при отличном художественном качестве и явном новаторстве. Что дало повод В. Яранцеву в послесловии к книге «Солнце слепых» назвать В. Ломова «одним из рыцарей и естествоиспытателей реализма нового века»²¹. Ну, а сам В. Ломов за эти годы как бы выплеснулся одним мощным солнечным протуберанцем, освобождаясь от накопившейся за многие годы творческой энергии.

Вполне логично было ожидать от В. Ломова заметного снижения творческой активности. И крупные прозаические формы действительно на время отошли у него в сторону. Как, впрочем, и чисто художественные. Пишет В. Ломов в следующее за появлением «Архива» десятилетие иногда рассказы, но больше работает в художественно-документальных жанрах: очерки (о железнодорожниках, работниках атомной отрасли, об олимпийских чемпионах, людях других профессий). Его перу принадлежат шесть книг биографического цикла «Сто великих», герои которых русские и зарубежные писатели, известные меценаты и филантропы. А еще — «дедушкины сказки и байки»...

Что касается уже созданных В. Ломовым романов, то они, пущенные писателем в свободное плавание, работали теперь на авторский авторитет, завоевывая растущее при-

²⁰ Виорэль Ломов. Град Мурлов и его обитатели. — М., 2007. Виорэль Ломов. Солнце слепых. — Там же.

²¹ Яранцев В. Марафон длиною в четыре романа. // Виорэль Ломов. Солнце слепых. — М., 2007, с. 724.

знание новых читателей. В. Ломов становится обладателем двух общенациональных премий: «Писатель года» (2013) и «Народный писатель» (2014).

О новых романах писатель, казалось, больше не помышлял. Во всяком случае, за десять лет ничего в этом жанре у него больше не появилось. И надо было думать, что «марафон из четырех романов» (В. Яранцев) В. Ломова действительно подошел к финишу? Нет, не подошел! — утешил на одиннадцатом году отхода от крупных форм почитателей своего таланта В. Ломов и явил в доказательство того, что марафон продолжается, свой пятый по счету роман **«Неодинокий Попсуев»**²².

Он — о провинциальной русской жизни на стыке веков и на сломе человека, семьи, государства. Главный герой произведения Сергей Попсуев, выпускник столичного вуза, на закате горбачевской «перестройки» приезжает по распределению в областной сибирский город Нежинск. Впереди у молодого специалиста время, наполненное работой, творчеством, любовью, внутренними метаниями и рефлексиями, победами и поражениями.

И маячат уже на горизонте лихие девяностые, когда становится все дозволено, заманчиво, но и опасно. Герою романа предстоит сделать нелегкий выбор дальнейшего направления своего пути.

Как отмечает сам писатель, «в центре повествования внутренний конфликт (раздрай) героя между тягой к идеалу, поиском справедливости и далеко не идеальными, не справедливыми жизненными обстоятельствами, которые преподнесли ему девяностые годы. Что побудило меня написать эту книгу? Видимо, эта самая тяга к идеалу и поиск справедливости»²³.

Свое новое произведение В. Ломов определил как роман-мозаика. И в композиционном отношении это действительно мозаичная картина, сложенная из осколочных фрагментов. Здесь вообще немало общего с остальными романами этого писателя. Можно даже сказать, что «Неодинокий Попсуев» написан в традиционной для В. Ломова стилистике и манере со всеми ее примечательными изюминками и особенностями. Вместе с тем это самое автобиографическое произведение В. Ломова, в котором он как художник отдает дань эпохе, на которую выпала молодость и становление его поколения.

В упомянутом выше интервью В. Ломов, романист-эпик по характеру своего дарования, по поводу любимого жанра говорил: «Главное для меня в хорошем романе — это мысли и стиль, правда жизни и игра ума, образы... Очень редко — сюжет»²⁴. Но это можно отнести и ко всему творчеству В. Ломова, до предела насыщенному и мыслями, и правдой жизни, и изощренной игрой ума, и яркой образностью, и оригинальным запоминающимся стилем. То есть всем тем, что делает писателя неповторимо самобытным и истинно художественным явлением.

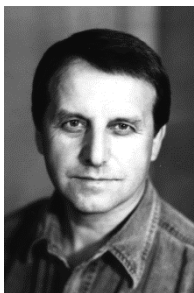
«Задержавшиеся»

В первые десятилетия XXI века приняли, наконец, литературное «крещение», окончательно сформировались как творческие личности и некоторые стихотворцы из так называемых «задержавшихся» — тех, кто, «обручившись» с поэзией еще «на заре туманной юности», волею судьбы и обстоятельств соединиться неразрывными узами с нею смог лишь в глубоко уже зрелом возрасте. Одна такая группа в поэтическом сообществе утвердилась в Новосибирске в 1990-х годах после выхода коллективного сборника «Гнездо поэтов». И вот пополнение в их рядах в лице Е. Мартышева и О. Киевской.

²² Впервые опубликован в журнале «Сибирские огни» (2016, №№2, 3).

²³ Булавина Е. Виорэль Ломов: «Сергей Попсуев — это я!». Интервью. // Литературный журнал «Российский колокол». 2013, №3-4.

²⁴ Там же.

Евгений Федоровича Мартышев родился он в 1945 году на станции Талица Свердловской области, в семье летчика ВВС. Окончил электромеханический и гуманитарный факультеты Новосибирского электротехнического института. Трудовую деятельность начинал на строительстве металлургического сталепроволочного комбината в башкирском городе Белорецке. Отсюда был призван в армию. Служил в литовском Каунасе, в войсках ПВО. В 1970 году после демобилизации вернулся в Новосибирск. Работал инженером, потом главным инженером монтажного управления.

В начале 1980-х стал главным энергетиком крупного предприятия стройиндустрии в Новосибирске, а в 1985 году — начальником цеха энергетики в Новосибирском комитете по радиовещанию и телевидению (ныне телекомпания «Новосибирск» ВГТРК), где работает многие годы.

Первое стихотворение Е. Мартышева было опубликовано в 1969 году в газете «Белорецкий рабочий». А в 1977-м молодой поэт дебютировал в декабрьском номере журнала «Сибирские огни». Потом были редкие публикации в периодике, коллективных сборниках.

Возрождение поэта Е. Мартышева началось в конце 1990-х годов, с момента выхода первой его сказочной поэмы **«Волшебный посох»** (1996). С тех пор Е. Мартышев издал еще более десятка стихотворных книг-сказок и несколько лирических сборников и прочно утвердился в современной поэзии Сибири. С его творчеством знакомы как взрослые, так и юные читатели.

Зрелым ценителям поэзии Е. Мартышев хорошо знаком по проникновенной лирике, где он предстает тонким художником с собственным лицом и голосом, видением мира, поэтом, которому есть **что** и **как** сказать на самую вечную, но всегда современную тему любви. Помнят Е. Мартышева и как автора-исполнителя собственных песен (небезуспешно выступал на различных бардовских встречах и фестивалях).

Однако особую популярность и читательскую признательность Е. Мартышеву принесла работа в жанре поэтической сказки — жанре ныне достаточно редком и даже экзотичном. Е. Мартышев создает целый сказочный свод, своего рода новый русский эпос, подчиненный, при различных оригинальных сюжетах каждого отдельного произведения, единым идейно-художественным и эстетическим задачам.

Сказки Е. Мартышева восходят к народным, фольклорным истокам, но с другой стороны опираются на традиции русской литературной сказки, заложенные А. Пушкиным и П. Ершовым. А это не только сочная изобразительность, живость и колоритность характеров, острота и динамизм повествования, но и притчевость, философичность, особый взгляд на современность через волшебное стекло сказочного действия. Все это сполна присутствует в сказках Е. Мартышева. При всем том пронизаны они живительным светом доброты и красоты, несут в себе мощный заряд бодрой силы, оптимизма и патриотизма.

Сказки Е. Мартышева, к тому же, очень воспитательные, ибо способствуют прочному усвоению краеугольных, извечных духовных и нравственных ценностей и служат теми гуманистическими ориентирами, которых так не хватает нынешнему обществу.

И лирическая поэзия, и сказки Е. Мартышева образуют единое пространство, говоря словами самого автора, «территорию любви». На ее просторах раскинулась и родная наша страна, о любви к которой поэт не устает говорить. Этой необъятной любовью и движим Е. Мартышев в своей многотрудной, но и талантливой поэтической работе.

Ею одной поэт, однако, не ограничивается. Он ведет большую общественно-культурную деятельность. Он ведет большую общественно-культурную деятельность, руководит новосибирским областным литобъединением «Молодость», регулярно выступает

в СМИ, перед различными читательскими аудиториями. Творчество Е. Мартышева отмечено литературной премией имени Н.Г. Гарина-Михайловского.

Поздно творческая карьера начинала складываться и у **Ольги Николаевны Киевской**.

Родилась она в 1957 году, в Новосибирске. Здесь проходит и вся ее дальнейшая жизнь. Окончила лечебный факультет Новосибирского мединститута. Более двадцати лет проработала в «скорой помощи», где была врачом выездной и кардиологической бригад, заведовала одной из крупнейших в Новосибирской области подстанцией «скорой помощи».

В 2005 году в Новосибирске вышла первая книга О. Киевской **«Мои неистовые птицы»**. Она автор еще нескольких поэтических сборников и многочисленных стихотворных публикаций в различных периодических изданиях и Интернете. Лауреат литературной премии имени Н.Г. Гарина-Михайловского.

Писать стихи О. Киевская начала еще в детстве, но в большую литературу пришла по разным причинам уже на пороге своего пятидесятилетия. Зато и ворвалась в поэзию в «нулевые» годы стремительно и бурно, став за какой-то десяток лет известной далеко за пределами родного города. Что дало повод одному из первых ее литературных наставников Е. Мартышеву сравнить восхождение О. Киевской с вертикальным взлетом морского истребителя с палубы авианосца. И взлет этот совсем не случаен — настолько самобытно, оригинально и ярко ее творчество. Сама же поэтесса стихи свои уподобляет «неистовым птицам», которые она отправляет искать «истины зерно».

В поэзию она входила с любовной лирикой. В поэтическом ощущении О. Киевской любовь — многомерное, неоднозначное, а подчас и противоречивое состояние, вечно неутоленное желание, возвышенное которого нет, прекраснейший напиток, а в философском плане — некий божественный заменитель вечности, камертон и константа человеческого бытия. А еще любовь — игра, на которой строятся взаимоотношения мужчины и женщины в большинстве стихов О. Киевской. Игра, где лирическая героиня то жертва, то захватчица, то победительница, то побежденная. Сама же она — натура горячо страстная, пылкая, чувственная, эмоциональная, темпераментная, полная душевного огня. И многоликая. О любви О. Киевская пишет много и охотно, и ей удается находить в этой древнейшей теме все новые повороты, коллизии, краски, образы.

Любовная тема в творчестве О. Киевской — магистральная. Однако поэтесса пробует перо свое в разных поэтических параметрах. Она комфортно чувствует себя и в жестком каркасе сонета, и в фольклорной стилизации, и в романтических балладах.... Ей не составляет особого труда окунуться в атмосферу светских балов XIX столетия с «дерзкими гусарами», почувствовать и передать аромат далекой эпохи. О. Киевская небезуспешно доказывает, что говорить поэтической строкой она может, в принципе, о чем угодно. Но при всем этом поэтессе удастся не повторяться, не быть банальной. Помогает ей в этом обостренное чувство новизны, способность в хорошо знакомом видеть нечто необычное, плюс к тому — просто феерическая иной раз фантазия.

О. Киевскую привлекают разные поэтические направления: военно-патриотическое, социальное и даже философское. Ну а поскольку как творческая личность формировалась она на переломе столетий, постольку, естественно, это время тоже нашло свое отражение в стихах чуткой на изменения общественного климата поэтессы.

Немалое место в творчестве О. Киевской занимают поэтические размышления о явлениях высоких и вечных — боге, вере, душе, противостоянии Добра и Зла, сущности и смысле бытия, добродетели и греховности, о существовании за гранью бренного мира...

Пробует О. Киевская свои силы и в стихах для детей. К этому виду поэтического творчества обращаются многие, но редко кому оно бывает подвластным. О. Киевская одна из них. «Солнечный подарок» названо одно из ее детских стихотворений. Но к таким «подаркам» можно отнести большинство из того, что адресует О. Киевская маленьким читателям.

Поэзия О. Киевской тяготеет к метафорической образности и притчевости, красочности и живописности. Одной из заметных черт ее поэтики является ирония. Ею окрашены многие стихи поэтессы. А нередко ирония у нее обретает уже и свойства самостоятельного поэтического жанра, где поэтесса насмешливо и колко рассуждает о жизни, любви, творчестве и даже вечных проблемах бытия.

К характерным особенностям поэзии О. Киевской можно отнести и ее музыкальность. Не случайно на стихи поэтессы написаны десятки песен и романсов.

Сегодня О. Киевская продолжает осваивать новые литературные территории. В одних лишь поэтических границах ей становится тесно. И вот уже из-под ее пера появляются эссе, критические заметки, сценарии... «Все время хочется чего-то нового», — признается поэтесса, а в одном из стихотворений пишет, что «своих границ не ведает поэт». В смысле, надо полагать, безграничных горизонтов творческого развития. И хорошо, что не ведает. Потому что пока не ведает — растет. А Ольга Киевская — литературный организм пока еще растущий, активно развивающийся, и пределов этого развития не знает никто, в том числе и она сама.

Оставляя на вечную память свою поэзию

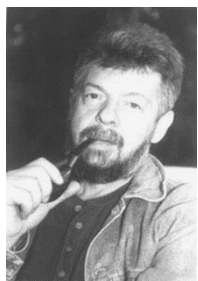
Литературная жизнь с началом нового века заметно оживилась. Особенно поэтическая. Разного рода состязания и дуэли стихотворцев («батлы», «марафоны», «поЭдинки» и т. п.), «поэтические поляны», конкурсы, «творческие мастерские» и даже «шоу поэтов» в разных сибирских городах проводятся теперь достаточно регулярно и сделались уже привычными приметами литературного бытия. К сожалению, большей частью за рамки «шоу» все это не выходит. Но случаются в литературной жизни Сибири начала третьего тысячелетия и действительно значимые события.

В 2001 году в Омске на бульваре Мартынова появилась «**Аллея литераторов**» для увековечивания писателей, чьи судьбы были связаны с Омском. Идея создания «аллеи» принадлежала краеведу и руководителю «Общества коренных омичей» В.И. Селюку. Первый мемориальный камень (трехтонную базальтовую глыбу) установили самому Л. Мартынову. На гранитной доске, прикрепленной к камню, было начертано: «Капитану воздушных фрегатов Леониду Мартынову от омичей». Ежегодно в рамках празднования дня города на «аллее» устанавливается камень очередному омскому литератору, некоторые из которых были до тех пор преданы забвению. К настоящему времени на «Аллее литераторов» установлено около 20 мемориальных камней.

Одним из наиболее значимых и, можно сказать, знаковых событий этого времени стал проходящий ежегодно с июля 2001 года организованный Иркутским отделением Российского союза писателей совместно с администрацией Иркутска и Иркутской области **Международный фестиваль поэзии на Байкале**. В нем участвуют как известные российские поэты (А. Кушнер, О. Чухонцев, О.Хлебников, В. Берязев и др.), так и стихотворцы из Франции, США, Польши. Почетным гостем фестиваля был выдающийся российский поэт Е. Евтушенко. Поэтические вечера проходят не только в областном центре, но и в городах и поселках Иркутской области — в Ангарске, Братске, Зиме, Саянске, Листвянке, Кутулике. Выступлениями поэтов фестиваль не ограничивается. Завершают его тради-

ционно «круглые столы», которые ведут известные критики, где обсуждается состояние российской поэзии в XXI веке.

С 2016 года Международный поэтический фестиваль на Байкале носит имя его основателя, известного сибирского поэта, критика, публициста, переводчика А. Кобенкова. А в 2017-м в рамках фестиваля учреждена для поэтов **премия имени Анатолия Кобенкова**.

Александр Иванович Кобенков (1948 — 2006) родился в Хабаровском крае, в семье учителей. Школу окончил в Биробиджане. А после трудился слесарем, токарем, рабочим в геологоразведочной экспедиции. Служил в армии. Демобилизовавшись, переехал с Дальнего Востока, обосновавшись сначала в Ангарске, потом в Иркутске. Работал редактором радио Ангарского нефтехимического комбината, корреспондентом газеты «Советская молодежь». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Руководил иркутским отделением Российского союза писателей. Был редактором-составителем альманаха «Зеленая лампа» (1989 — 1992).

Первые стихи А. Кобенкова появились в газете «Биробиджанская Звезда» в 1963 году. Публиковался в дальнейшем в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Сибирские огни», «Континент» и др. В 1966 году в Хабаровске вышла первая книжка стихов А. Кобенкова «Весна». Исполнилось тогда поэту всего восемнадцать. Затем были книги стихов «Улицы» (1968), «Вечера» (1974), «Два года» (1978), «Послание друзьям» (1986), «По краям печали и земли» (1989), «Строка, уставшая от странствий» (2003) и др., изданные в Иркутске и Москве. Переведен на английский, французский, испанский, чешский и другие иностранные языки. Переводил и сам — еврейских, латышских, польских поэтов. Лауреат премии Иркутского комсомола им. И. Уткина (1980).

В последние десятилетия двадцатого века А. Кобенков был одним из самых известных стихотворцев Сибири и заметных поэтов русской провинции. Его поэтическое творчество разнообразно. С известной долей условности в нем можно выделить следующие тематические циклы: прощание с детством, армейская служба, городские фантазии, библейские мотивы, еврейский цикл. Их пронизывают признания поэта в любви к родине, любимому городу (Иркутск), к каждой житейской мелочи, с которой он соприкасается. Особое место в поэзии А. Кобенкова занимает любовь к женщине, которой посвящены едва ли не самые проникновенные его стихотворения.

Стихи А. Кобенкова входят в целый ряд поэтических антологий России: «Солнце моей вселенной» (1982), «Антология одного стихотворения» (1988), «Антология русского верлибра» (1991) и др. Входят они и в региональные школьные программы по внеклассному чтению Иркутской области.

Хорошо известен был А. Кобенков и как интересный литературный и театральный критик, острый яркий публицист, автор эссе о собратьях по перу.

В октябре 2006 года **Анатолия Кобенкова** не стало.

* * *

А годом раньше ушел из жизни еще один замечательный поэт-сибиряк того же, что и А. Кобенков, литературного поколения — **Владимир Башунов**.

Если для ранней поэзии В. Башунова характерен был мажорно-оптимистический настрой и бодрость духа, то со временем светлый лирик в его творчестве уступает место поэту, чья душа познала «муку чужого предсмертного взгляда», поэту, у которого «виноватится сердце, болит», а оттого заполняется мрачно-трагическим ощущением мира. И все больше накапливается у него «вопросов проклятых, горестных, ножевых».

Лирический герой В. Башунова слышит, как рождаются в атмосфере межвременья «злота и ропот» несбывшихся надежд, «пустошь и темные силы», разрушающие человеческую душу, общество, природу. Что, впрочем, для поэта и гражданина В. Башунова всегда составляло нерасторжимое единство. Недаром одно из его стихотворений начинается таким вот примечательным поэтическим пассажем: «Когда волнуется природа, // волнуется душа народа». Но если искони в связке человек и природа было «мы — следствие, она — причина», то ныне, констатирует поэт, уже природа «стала следствием» — следствием человеческого варварства.

Деформировавшиеся взаимоотношения человека и природы тревожат В. Башунова не только в плане экологическом или социальном. По его убеждению, природа — последняя заповедная обитель, где «можно сиротской душе приткнуться». Но железная поступь техногенной бездушной цивилизации не щадит и этого пристанища:

*Там интеграл, там нефтью пахнет,
идут кислотные дожди,
там все живое мрет и чахнет,
роняя всхлипы из груди...*

«Как ты, Господи, дал такое: разметать последние схроны тишины, красоты и покоя?» — восклицает поэт, однако вполне сознает, что вопрос риторичен, и дело не в боге, а самом человеке, нарушившем божественную всего сущего на земле гармонию, в противоречивости его натуры, заставляющей страдать и окружающий мир, и самого себя. В силу этой двойственности, человек, наслаждаясь красотой природы, способен тут же предать ее во имя эфемерных благ цивилизации, о чем и напоминает В. Башунов в великолепном лирико-философском этюде «Краснолесье»:

*Шевелятся могучие корни,
выбираясь из темных глубин.
И два мира, скудельный и горный,
сопрягаются в образ един.
Только нам забываться не стоит:
нам не жить под крылом шалаша.
Я-то знаю, как рвется и стонет,
отдираясь от леса душа.
Каждый раз зарекаюсь и каюсь...
И поспешно несут от него
теплоход, электричка, «Икарус»,
или что-нибудь вроде того.
А глаза, обернувшись назад,
ненасытно глядят и глядят.*

«Глядят» туда, где «рожь, рожденье, родина», где синяя речная излучина «памятью полна», откуда «тянет свежестью, сказками, детством // из ложбины, уремы, ложка — // материнским остатным наследством...» — глядят, в общем, в дорогу сердцу сторону корней и истоков.

Из той же драматичной, а нередко и трагичной, противоречивости рождается, как известно, вечный конфликт старого и нового, приводящий в движение процесс обновления. Однако дело не в конфликте как таковом, а в способах его разрешения. Неужели для рождения нового надо обязательно разрушить до основания старое? Революция или эволюция?.. Тревожной энергией этих всегда актуальных вопросов заряжена и метафорическая картина весеннего половодья в стихотворении В. Башунова «Поделом»:

*Шапки пены плывут по реке —
прибывает вода, отдождило*

*наверху; это свежая сила
приумножит урон в тальнике...
Этой новой воды торжество,
эта буйная удаля слепая,
на привычный пейзаж наступая,
искажит и себя, и его.
(Устоявшихся истин разлом,
проторенных путей размыванье...)
Подделом! — Но кому в назиданье?
Всем и вся! —
Но за что подделом?*

Может быть, за то, что, как замечает В. Башунов в стихотворении «Воспоминание о родительском доме»: «Заложники прогресса, движенья звезд, имен, мы ищем высоко, но идеалы мнимы» (хотя упорно игнорируем извечные духовные ценности), «мы рыщем далеко, но рабских нет сторон» (и напрочь стараемся забыть о стороне родной), а потому, наверное, и «нет конца сему разладу и разброду». Об этих простых, но не стареющих истинах В. Башунов не уставал напоминать в своих стихах.

Драматизм поэзии позднего В. Башунова, доходящий в некоторых стихотворениях до трагедийных высот, очевиден. Но нет, тем не менее, в них тупика безысходности. Поэт верит, что «не все потеряно меж нами, // не вся любовь размыкана по ветру, // и сердце, оглушенное разладом, // хранит в себе незамутненный звук»:

*Звучи, звучи, родное пенье!
Качайся, тонкая лоза!
Чтоб обожгло меня волнение
и затуманилась слеза.*

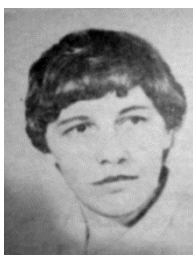
*...И плачу я большой и сильный,
уже давно немолодой,
над золотой травой и синей
и над зеленою водой.*

*Над светом детства промелькнувшим.
Над чистым звуком горловым,
Над всем прекрасным, да минувшим,
Над всем минувшим, да живым.*

В феврале 2005 года **Владимир Башунов** ушел из жизни. Но «незамутненный звук» «родного пенья», вызывавший у поэта благоговейные очистительные слезы и рождавший прекрасные стихотворные строки, еще не раз благодарно отзовется в ценителях истинной поэзии.

Не иссякает и память об этом замечательном поэте. Посмертно В. Башунов награжден орденом Почета. Его именем названа одна из библиотек Барнаула. Проводятся ежегодные Башуновские чтения.

* * *

Как поэзия и другой безвременно ушедшей талантливой сибирской поэтессы Л. Никоновой.

Любовь Алексеевна Никонова (1951 — 2012) родилась в селе Владимировка Самарской области. С 1966 года она жила в Новокузнецке. Окончила здесь филологический факультет местного пединститута. Работала учителем в сельской школе, научным сотрудником литературно-

мемориального музея Ф.М. Достоевского в Новокузнецке, была сотрудником Новокузнецкого православного духовного училища имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, преподавала в Центре духовно-нравственного воспитания и образования Новокузнецкого института повышения квалификации, вела научно-исследовательскую работу по изучению православной культуры Кузбасса.

Поэзией начала заниматься рано. Первые стихи Л. Никоновой были напечатаны, когда она была еще студенткой. На творческий путь ее благословил известный советский писатель Г. Немченко, который способствовал продвижению стихов молодой поэтессы. Не без его помощи они публиковались в журналах «Новый мир», «Москва», «Наш современник», «Смена», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. А в 1974 году в Кемерово вышел первый сборник стихов Л. Никоновой «Скрипичный ключ». Она автор еще более двух десятков книг, в которых зарекомендовала себя настоящим мастером слова. Стихи Л. Никоновой включены в ряд поэтических антологий и коллективных сборников.

Творчество Л. Никоновой высоко оценивалось на самых разных уровнях. В.Н. Ганичев, долгое время возглавлявший Союз писателей России, считал ее «самой талантливой, тревожной и возвышенной поэтессой». И не он один. Во мнении, что Л. Никонова — одна из талантливейших поэтесс Сибири, сходились многие и многие ценители настоящей поэзии. И видели в ней знаковую фигуру поэтического Кузбасса.

Чем же притягивает творчество Л. Никоновой? Может, той самой отмеченной В.Н. Ганичевым, возвышенной тревожностью, которая являлась поэтическим отголоском духовной и душевной жизни современного человека? Или проникновенной исповедальностью, всегда отличавшей Л. Никонову, благодаря которой поэтессе удавалось сохранять чистый детский и одновременно мудро-пытливый взгляд на мир:

*Я живу под столетней ветлой.
Шелестит она нежно и глухо:
Мое счастье — цветок полевой,
А трава — состояние духа.*

Поэтесса и критик М. Бушуева отмечает, что за стихами Л. Никоновой «стоит русская традиция — поэтическая и мировоззренческая», а сами «они — из того светлого и лучшего в крестьянском космосе, что выражено старинным словом «лад»²⁵.

Поэтическую основу творчества Л. Никоновой составляет интимная лирика, присутствующая почти во всех книгах поэтессы. А стихотворные сборники «Знаки внимания» (1998) и «Лики любви» (2002) всецело посвящены теме любви. И не просто потому, что она — главная движущая сила лирики. А и потому еще, что Л. Никонова видела в любви «особую форму жизни», которую и стремилась выразить в своем стихотворчестве.

Литературовед Е. Тюшина, говоря о сути любовной лирики Л. Никоновой, называет ее «лирикой женского страдания, которая в России пользуется особой популярностью. Но в отличие от современной открытой беззащитной поэзии, ее стихи скромны. Они выстроены на полутонах, на сдержанных мечтаниях, робких признаниях»²⁶.

Земная любовь в поэтическом мире Л. Никоновой часто тесно сопряжена с еще одной важной для поэтессы ипостасью — ее отношениям с богом.

Л. Никонова родилась православной семье. Православие стало ее жизненным ориентиром, а русская святость — идеалом. Что, естественно, не могло не сказаться на всем творчестве Л. Никоновой. Ее перу принадлежит множество поэтических, прозаических и публицистических произведений православной тематики. А в 1997 году у Л. Никоновой вышел сборник духовной поэзии «Живые источники», стихи которого объединены темой

²⁵ Бушуева М. «Войду я в круг существ светопрозрачных...». // «День и ночь», 2014, №6.

²⁶ Тюшина Е. Поэзия возвышенная и тревожная. // Проза. ру. 2015 г.

судьбы православной России с ее высокими проявлениями веры и сохранением духовных ценностей, создаваемыми и накапливаемыми столетиями.

Размышляя о судьбах своей страны, Л. Никонова не могла обойти вниманием и современное ее состояние. Многие стихи в книге «Чтоб воскреснул на этом лугу» (1997) запечатлели «время распада» 1990-х.

*Раскололась огромная льдина.
Мы плывем на огромных обломках.
Вот великой реки середина —
Здесь мы вспомним о наших потомках.*

*Здесь решится судьба не прибывших,
Не зачатых еще, не готовых,
Наших будущих маленьких нищих,
Наших русских, по-своему новых.*

*Между тем стопроцентное зреньё
Наблюдает за этим исходом —
И, не веря себе, в отдаленье
Видит нимб над плывущим народом.*

Л. Никонова обладала разносторонним талантом. Помимо стихов, писала публицистические и краеведческие статьи, эссе о творчестве литераторов Кузбасса, ну и, конечно же, прозу, о которой ценители дарования Л. Никоновой отзывались не менее лестно, чем о ее стихах. Так, земляк Л. Никоновой, критик из Новокузнецка Савва Михайлов пишет:

«Эту прозу надо пить мелкими глоточками, смакуя и вдыхая ее душистый аромат. Написанная «буквами спокойной красоты», она имеет и вкус, и запах, и цвет... Ее осязаешь, воображаешь. Виртуозная простота. Жанр прозы Любви Никоновой можно определить как «заметы сердца»²⁷.

«Заметы» эти — яркие поэтические зарисовки автобиографического характера, в которых Л. Никонова как бы «итожит то, что прожито».

Являясь крупным литературным талантом, Л. Никонова успешно соединяла в себе дар писателя и педагога. Но помимо профессиональной преподавательской деятельности, отмеченной, кстати, званием «Почетного работника общего образования» (2000), Л. Никонова активно занималась просветительской работой, руководила литературными студиями и объединениями Новокузнецка, вела мастер-классы, приобщая молодежь к слову в самом высоком его понимании. Непосредственно детям-подросткам была адресована книга Л. Никоновой «Перед чудом жизни» (1990). Кроме того, произведения поэтессы включены в хрестоматию общеобразовательных учреждений Кемеровской области «Писатели Кузбасса. Проза. Поэзия» (2007). Плодотворная работа Л. Никоновой в области воспитательной работы подрастающего поколения была отмечена медалью «За достойное воспитание детей».

В мае 2012 года после продолжительной болезни **Любови Никоновой** не стало. Но, говоря словами той же М. Бушуевой, «оставила она нам на вечную память свою поэзию. Настоящую поэзию»²⁸.

Поэтический образ современной Сибири. Работа продолжается

²⁷ Михайлов С. «Образ» Любви Никоновой. // «Кузнецкий рабочий», 20 апреля 2008 г.

²⁸ Бушуева М. «Войду я в круг существ светопрозрачных...». // «День и ночь, 2014, №6.

В первые десятилетия нового века сибирская поэзия не досчиталась еще целого ряда широко известных стихотворцев, в том числе Виктора Баянова (Кемерово), Николая Денисова (Тюмень), Виктора Зернова-Крещика (Новосибирск), Владимира Макарова (Омск), Нинели Созиновой (Новосибирск), Ростислава Филиппова (Иркутск)... Общими усилиями они создавали поэтический портрет современной Сибири.

Огромную эту работу продолжали их здравствующие коллеги: С. Донбай, В. Берязев, Н. Шамсутдинов. Разные по возрасту, они достаточно близки и по времени вхождения в литературу, и по сибирским своим корням, и по поэтическому мировосприятию. Но каждый за порогом третьего тысячелетия был уже несколько иным.

* * *

Сергей Донбай все заметней проявлялся в духовной поэзии. В 2003 году в Кемерово вышла уникальная книга «Собор стихов», вобравшая в себя «стихи-свидетельства о пути к Христу, написанные поэтами Кузнецкого края». Одним из ее составителей и авторов выступил С. Донбай. Представляя сборник читателям, он пишет, что «при любой политической погоде поэт не может не думать о Боге, о душе, о любви, о природе». И замечает: «Может быть, это и есть наш путь, не дорога торная и известная, а путь к Храму». Но, предупреждает поэт, надо не просто строить храмы, но и беречь, не давая превращаться им «в холмы». И помогает в этом человеку таинственная «сила земного притяжения души», благодаря которой душа остается с человеком до конца. Ну, а видимым образом «души», материализованным ее воплощением предстает у Донбая «лучина церквушки», свет которой способен преодолеть толщу времен, и, взирая на которую, православному христианину «дышится легче». И «вечные свечи» русских церковей неугасимо пламенеют по всей огромной России, согревая своим духовным светом.

Однако все труднее ныне разглядеть его. «Застилает взор огонь и дым» «новой колокольни» бездушного техницизма и прогресса. «И покуда что-то не проглянет — // На слезе, на сердце, на золе! — // Будем мы, как инопланетяне, // Проходить по собственной земле», — заявляет поэт, подразумевая под этим «что-то» придавленную спудом темных бесовских сил нашу духовность. Для ее освобождения и становится столь важным возведение Храма в собственной душе, благодаря чему она устремляется вверх, к Божественным высотам совершенства. У каждого здесь свой путь, но есть и общая — Божественная — закономерность, которую отмечает С. Донбай:

*Как в поэзии слог
Отзывается слогу,
Так для каждого Бог
Выбирает дорогу.*

*Как по-своему слог
Прибавляется к слогу,
Так по жизни, как мог,
Каждый двигался к Богу...*

Сам же С. Донбай двигался к нему, опираясь на посох поэтического слова, который помогал отображать Богом данную земную жизнь. Но и Господь, надо полагать, не оставался в долгу, не давая поэту растерять себя в смутные времена, и обрести духовную крепость. Потому, наверное, и многие стихи С. Донбая заряжены высоковольтной духовной энергией. Что в сочетании с художественным мастерством давало подчас удивительный эффект. Как, например, в этом замечательном пейзаже, где слились в гармоническое единство и свет, и звук, и чеканный метафорический образ тоски-печали, и состояние ду-

шевного восторга перед открывшейся человеку неброской, но сердечно близкой красотой родной природы:

*Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.*

*И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.*

В поэтическом мире С. Донбая Бог и Родина — понятия соподчиненные и родственные («между нами родство от молитвы и до прекрасной Отчизны»). Но Божественная эта связь отнюдь не абстрактна. Напротив, проходя через территорию души и обыденного существования человека, она очень конкретна и личностна:

*...Уж коль вам Родина — от Бога,
то знайте вы: из года в год
ведет обычная дорога
на стройку, в поле, на завод.*

С другой же стороны, человек и становится венцом Божественного творения через неустанный созидательный труд, и в том высший смысл его предназначенья:

*Сквозь все невзгоды и ненастья,
как испокон заведено:
в работе ведать смысл и счастье —
такое избранным дано!*

Божественную природу имеет и такая важнейшая часть человеческого бытия, как язык. Для С. Донбая это совершенно очевидно: «Он был и есть, как Бог, без доказательств. // Родной язык — наш промысел живой».

К Слову у С. Донбая вообще почтительное, трепетное и чрезвычайно ответственное отношение, с которым поэт продолжает истовое служение Слову, пока остаются «на русском престоле Князь-Книга // И книжка-Княжна.»

В гуле социальных потрясений на переломе тысячелетий лирическая интонация в поэзии С. Донбая приглушилась, но не исчезла. Только стала, пожалуй, более глубокой, проникновенной и раздумчивой. И «все больше, больше по нутру» поэту не «слеза мгновения», а «продолжительная нежность», которая приходит с годами. В одном из стихов он пишет:

*Приходит возраст, как садовник,
И завязь розовых идей,
И мудрости сухой шиповник —
Ему одна другой милей.*

Ныне С. Донбай и сам напоминает того мудрого садовника, немало размышляющего о жизненных ценностях. Но, перебирая их, приходит к выводу, который может подсказать только опыт прожитых лет: «Ничего прекрасней жизни // В нашей жизни нет».

Не изменяет себе С. Донбай и как «поэт обыденности». Однако быт в его стихах все настойчивей прорастает в бытие, уходящее в высоты вечности, которая, в свою очередь, может обернуться к читателю хорошо узнаваемым земным образом — например, усталой

женщины, спешащей в детсад за сыном, или броской емкой метафорой типа «а жизнь, как электричка мчится... // По нежной жилке над ключицей, // На стыках сердца грохоча».

По-прежнему, не откажешь С. Донбаю в космогонизме мировосприятия. Его лирический герой, пронизанный мыслью о неразрывной связи «живого с вечным», чувствует себя так, словно он «включен в розетку Космоса большую». А родная планета видится ему «икринкой, // разумной каплей, // соринкой живой души!».

С. Донбай остается одним из ведущих литературных и культурных деятелей Кузбасса. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Сергей Лаврентьевич является лауреатом таких престижных премий, как преииимени Александра Невского, имени Василия Федорова. И вот уже более трех десятилетий он у кормила журнала «Огни Кузбасса», давно ставшего средоточием лучших писательских сил земли Кузнецкой.

Несмотря на весьма почтенный возраст, С. Донбай остается в поэтическом строю, продолжая неустанные поиски «прекрасного образа человека».

* * *

Одним из самых бурно развивающихся русских поэтов Сибири и в начале XXI века оставался **Владимир Берязев**. Но теперь он особенно активно и целеустремленно осваивал эпический жанр. Красноречивым тому подтверждением может служить книга В. Берязева «**Знамя Чингиса**» (2013), в которой, кроме стихотворного повествования, давшего название всему сборнику, собрано еще почти два десятка поэм, большая часть которых написана В. Берязевым уже в XXI веке. Многие из них к моменту выхода книги успели получить широкое читательское признание.

Что же представляют собой поэмы В. Берязева? Если говорить в целом, то это эпические или лиро-эпические произведения как чисто исторические по содержанию (например, «Сухой колодец», посвященный трагической судьбе казахского национального поэта Шакарима), так и современные по сюжетной основе («Псковский десант», «Баллада о молодом генерале»). Но и в тех и других происходит своеобразная диффузия: взаимопроникновение истории и современности, проверка одного другим. Поэмы В. Берязева иной раз вообще весьма запутанный и сложный симбиоз смыслов, ощущений, верований, этнокультурной символики, стилей и еще многого того, что относят к приметам евразийства.

Вот и известный критик Ст. Золотцев в предисловии к книге В. Берязева «Моя Ойкумена» пишет: «...Владимир Берязев вырос, вызрел не просто в настоящего поэта... — нет. Он стал писателем универсального, крупного лироэпического плана, способного соединять свое осмысление нынешнего часа отечества и мира с историко-философским и гражданственным охватом глубин русской и мировой истории, создавая в творчестве небывало новый «архетип» Евразии...»

Сам В. Берязев из созданных им «широкоформатных» произведений выделяет поэму «**Тобук**» (2003), называя ее любимой своей эпической вещью — особенным сочинением, «что под самую завязку набито азиатчиной, где любовь к Сибири, Великой степи, Алтаю, древностям перехлестывает через край».

Однако у широкого читателя куда более популярной в «нулевые годы» была появившаяся практически одновременно с «Тобуком» поэма «**Псковский десант**», созданная по горячим следам подвига десантников 6-й роты 104 парашютно-десантного полка 76-й Псковской дивизии ВДВ, которая почти полностью погибла, но отстояла стратегически важный горный перевал от чеченских бандитов.

Как пишет один из рецензентов, в поэме «Псковский десант» «предпринята дерзкая попытка дать христианское осмысление кровавой странице новейшей истории России»²⁹. В поэме звучат несколько голосов, каждый по-своему передающих одно и то же событие.

²⁹ Иванова Екатерина. Невообразимое пространство. // «Литературная газета», 16 марта 2011 г. (№9).

Один из голосов принадлежит русскому воину, рассказывающему о собственной смерти, другой, звучащий на удивление пронзительно лирично, — врагу, чеченскому боевику. В кульминации поэмы русский и чеченец гибнут в один и тот же миг (возможно, от разрыва снаряда или мины), погибают каждый за свою правду и за свою веру. Но по воле автора именно чеченцу предоставляется возможность в последнем сплехе жизни увидеть «чуждое, неожиданное превращение в друга, увидеть момент последнего и окончательного примирения, чаемого только в мире ином»³⁰.

*Лишь один мне на свете успел улыбнуться,
И на спину упал, и ушел за черту,
За которой и месть, и вражда остаются
Слабым звуком, огнем фонаря на свету...*

Поэма «Псковский десант» была отмечена медалью и премией им. К. Симонова.

Самым объемным и масштабным поэтическим произведением В. Берязева стал роман в стихах «Могота» (2003). Написан он по впечатлениям от поездок в Могочинский монастырь, расположенный в месте впадения реки Чулым в Обь.

Эту огромную поэму В. Берязев назвал «романом о любви». И любовь здесь действительно присутствует в разных ее ипостасях: от любви земной, человеческой до Любви Божией, правящей миром. Да и в центре произведения традиционный любовный треугольник. Однако масштаб этого драматического повествования много шире чисто личных отношений персонажей и захватывает, как это нередко происходит в поэзии В. Берязева, значительные социально-исторические пласты и временные пространства.

Поэтому «Могота», по мнению Е. Ивановой, — это еще и «попытка рассказать о бесчестии сегодняшнего дня, опираясь на опыт прошлого»³¹. И в качестве основы романа критик называет средневековую «Повесть о Петре и Февронии Муромских». А точнее ту ее часть, которая пересказывает историю, случившуюся в семье князя Павла, к жене которого повадился летать змей и, принимая образ мужа, совершать с ней прелюбодеяние.

В. Берязев переносит старую легенду в наши дни. Главный герой романа художник Павел своим творчеством, питаемым «мором страсти», дает возможность воплотиться дьявольскому наваждению, жертвой которого становится его жена Анна. Однако художественный центр романа — не рассказ о злоключениях героев, а «взволнованное лирическое повествование об осквернении души и тела, о блуждании души в кругах «ирреального» ада, растворении ее в морке сладострастия и стыда»³². Поэт показывает слабость современного человека перед демоническими искушениями, слабость его веры. В итоге же, «обращаясь к преданиям прошлого, В. Берязев ищет художественный ракурс для выражения духовного взгляда на историю и современность»³³.

Поиски эти непросты и неоднозначны, вызывали в свое время немалые споры. Что вполне естественно, если учесть, что «Могота» — вещь экспериментальная, до конца не сформировавшаяся и не отстоявшаяся, а местами просто сырая. Но, по свидетельству Ст. Золотцева, едва ли не больше других ее критиковавшего, «при все том «Могота» — вещь-то талантливая, сильная, обвораживающая...»³⁴.

Но почему «Могота»? Что за этим странным названием? Да много, оказывается, чего. Через весь роман проходит многоликий, многозначный и полифонический образ-символ (и одновременно метафора), Любви, запечатленный в скрывающем в себе немало разных смыслов слове «могота». И в первую очередь «могота» и есть любовь, которая, как монастырь среди тайги, повенчавший и примиривший человека с природой или, если

³⁰ Там же.

³¹ Иванова Екатерина. Невообразимое пространство». // «Литературная газета», 16 марта 2011 г. (№9).

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Золотцев Ст. Предисловие (без название) к кн. В. Берязева «Моя Ойкумена» (т. 3).

вспомнить эссе В. Берязева «Хождение в обитель отца Иоанна», предвестника романа «Могота», «как знак века, преддверие иного духовного опыта». А по разумению критика В. Яранцева, означенная словом «могота» «любовь — это Сибирь. Сибирь, как, может быть, последний приют любви и надежды, бога и человечности»³⁵.

Роман «Могота» у читателей и критики вызвал значительный интерес. И не только в России. В Казахстане он был удостоен медали и премии журнала «Аманат» («Иностранная литература») и Международного клуба Абая (2007).

«Поэт эпического дыхания», как нередко его называли критики и собраты по перу, интенсивно работавший в начале третьего тысячелетия в лиро-эпическом жанре, В. Берязев не чужд был и чистой лирики. Подборки его стихов появлялись в литературных журналах России, ближнего и дальнего Зарубежья: «Новый мир», «Наш современник» (премия журнала за 2015 год), «День и ночь», «Зарубежные записки» (Германия), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Нива» (Казахстан), «Немига» (Белоруссия) и др.

В 2008 году по итогам регионального конкурса В. Берязев был признан лучшим поэтом Урала и Сибири. И в том же году как поэт-лирик стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. Н.А. Крюева.

Вместе со сборниками поэм выходили у него в разных городах Сибири и в Москве книги лирики. В их числе «Кочевник» (2004), «Ангел расстояния» (2009). Последняя была отмечена премией им. М. Волошина.

Чем же притягивает лирика В. Берязева? Конечно, каждый найдет в ней свое. Но есть и нечто общее, что точно подметил поэт Ю. Кублановский: «Пафос и лиризм находятся здесь в непринужденной стихийной спайке. Это поэзия свежая, не закамневшая, не забронзовевшая в самолюбии и самозначительности»³⁶. Вместе с тем достигшая в лучших своих образцах почти классической ясности и простоты. Не случайно некоторые лирические стихи В. Берязева включены в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века», вышедшую в 2011 году в Москве.

Литературная «Ойкумена» В. Берязева не ограничивается одним лишь поэтическим творчеством. Он — автор очерков и эссе, публицистических, критических статей. Находясь вместе с поэзией и прозой в русле единого художественного потока, все это пересекается у В. Берязева, дополняет друг друга: стихи врываются в прозаический текст, привнося в него эмоциональную струю, а в них самих прорезаются временами отчетливый публицистический пафос (что и отмечал Ю. Кублановский) и социальная заостренность, больше свойственная прозе. В свою очередь, и ритм, и образность, и стилистика очерков, эссе и публицистики В. Берязева говорят о том, что это — проза поэта. На то же указывает и мифологическое мироощущение, столь свойственное Берязеву-поэту и хорошо просматриваемое в его прозе.

В свое время литературный наставник В. Берязева А. Плитченко называл себя «многостаночником», подразумевая широкий круг своей разнообразной литературной, административной и общественной деятельности. Из таких же творческих «многостаночников» и В. Берязев. Одно время вел он очень популярную в Новосибирске литературную радиопередачу «Слуховое окно», возглавлял писательскую организацию, много лет был директором и главным редактором журнала «Сибирские огни», секретарем Союза писателей России, активно участвовал в бесчисленных литературных и общественных мероприятиях по всей стране. Но при этом ни на минуту не забывал о главном своем станке — поэзии.

И в этом плане начало третьего тысячелетия оказалось для В. Берязева особенно плодотворным.

* * *

³⁵ Яранцев В. Нет половин у любви и веры. // «Сибирские огни», 2004, №8.

³⁶ Кублановский Ю. Предисловие к кн. В. Берязева «Ангел расстояния». — М., 2009.

Как и для **Николая Шамсутдинова**.

Выходят у него новые поэтические книги: как посвященные родной Сибири — «Голуби над Ямалом» (2006), «Югра дорогая» (2010), «Сибирский характер» (2016), «Арктическая сага», так и лирические — «Пенорожденная» (2004), «Заветная беззаветность» (2006), «Патрицианка» (2018). Продолжает выступать Н. Шамсутдинов еще в двух ипостасях: как детский автор и поэт-сатирик. Все так же широко публикуется он (общее число публикации уже превысило две сотни и продолжает расти) в различных литературных изданиях — в России и за рубежом. И по-прежнему творчество Н. Шамсутдинова востребовано и по достоинству оценено. О том, в частности, говорит весьма внушительный премиальный список поэта.

Его открывает Всероссийская литературная премия им. Д.Н. Мамина-Сибиряка которая вручена Н. Шамсутдинову «за новаторский поиск и вклад в развитие отечественной поэзии второй половины XX — начала XXI века». Н. Шамсутдинов также лауреат Общественной национальной премии имени А.М. Горького, имени М. Волошина (Украина), премии «Русский стиль» (Германия), литературной премии Уральского Федерального округа, Международной литературной премии «Югра», литературной премии (I степени) губернатора Тюменской области и еще целого ряда премий и конкурсов как у себя на Родине, так и за рубежом.

Может показаться, что Н. Шамсутдинов в XXI веке просто собирает урожай со своей поэтической нивы, засеянной еще более четверти столетия назад. Но это обманчивое впечатление. Хотя бы потому, что круто поменялась жизнь вокруг, поставив перед новыми проблемами и вызовами. Заметно изменился и сам поэт Н. Шамсутдинов. Не по художественной сути. Как и прежде, оставалась она «глубоко содержательной и изощренной по форме», отличаясь смысловой и метафорической насыщенностью. Н. Шамсутдинов и на переломе веков продолжал быть одним из немногих в русской поэзии авторов ярко выраженного метафорического склада, как и в начале творческого пути, твердо убежденный, что «метафора как великая составляющая нашего языка неисчерпаема»³⁷. А вот мироощущение поэта, а с ним и приоритеты поэтического осмысления, действительно изменились.

За порогом нового века Н. Шамсутдинов уже мало похож на прежнего певца северных красот и воспевателя нефтяных первоцелинников. Теперь он сосредоточен в основном на собственном внутреннем мире. И уже не скрывается за пресловутым «лирическим героем», а напрямую отождествляет себя с персонажами своих произведений, в которых он предельно откровенен в высказываниях.

Но что, все-таки, представляет собой герой позднего Н. Шамсутдинова? Он тоже претерпевает эволюцию. Вот как характеризует его сам поэт: «Мой герой, вспоенный некогда чистым, целебным воздухом северных просторов, при тогдашней, явно адамической, чистоте чувств и отношений, стечением обстоятельств оказался погруженным в урбанистический, механистический мир, доминантой бытия в котором является вынужденное, доведенное порой до абсурда прозябание»³⁸.

И вот еще какая особенность отмечается в стихах и поэмах позднего Н. Шамсутдинова. Социальные мотивы в них органично сплавляются с его религиозными и мировоззренческими размышлениями, а личный духовный опыт поэта позволяет ему по-новому увидеть и оценить события современной истории.

Всю свою творческую жизнь Н. Шамсутдинов посвятил Сибирскому Северу, живописуя, воспевая и болея его бедами и проблемами. Север оставался главным и неизменным символом поэзии Н. Шамсутдинова. Но со временем и сам поэт, так много сделав-

³⁷ Белоусова В. В ряду мировых городов. Интервью с Н. Шамсутдиновым. // Газета «Тюменская область сегодня», 27 октября 2010 г.

³⁸ Там же.

ший для своей малой родины и всей «Великой Тюменщины», стал ее живым символом и знаковой фигурой.

Кто на новенького?..

В первые десятилетия нового века начала возрождаться и набирать обороты такая популярная в советское время форма работы с литературной сменой, как региональные семинары-совещания молодых писателей.

Проводились они в разных сибирских городах с завидной регулярностью и интенсивностью. В апреле 2000-го и сентябре 2003 года в Томске прошли очередные «всесибирские семинары», а в июле 2015-го там же, в Томске состоялось **Совещание молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока**. Так же три раза (июнь 2003, апрель 2015 и июнь 2019 гг.) принимал у себя «всесибирские семинары» Алтайский край. Не отстал от них Новосибирск, в окрестностях которого в 2016, 2018 и 2019 годах это мероприятие проходило под названием **«Региональное совещание сибирских авторов»**. Как видим, семинары-совещания молодых прозаиков и поэтов организовывались фактически ежегодно, а то и чаще. Главная цель их была одна — поиск и открытие новых литературных талантов.

Активно участвовали в этом журналы и альманахи Сибири, особенно, как и полагаются флагману, «Сибирские огни», предоставлявшие немало своих страниц молодым дарованиям.

Начинающие прозаики и поэты имели возможность печатать свои произведения не только в периодике, но и в различных коллективных сборниках и книжных сериях. В частности, в многотомной серии «Сибирская проза. Век двадцатый — век двадцать первый», издаваемой с 2005 года в Новосибирске. О «самиздате» новоявленных сочинителей и говорить не приходится.

Напрашиваются в данной связи вопросы. Каков результат этого творческого брожения? Что в «осадке», какая рыбка заплывала в расставленные «сети»? На кого из «обласканных» семинарами-совещаниями молодых авторов читателям «глаз положить», а специалистам-оценщикам литературную надежду «узреть»?

В начале третьего тысячелетия действительно появлялись отдельные небезынтересные молодые авторы. Кого-то даже рекомендовали принять в Союз писателей России. Некоторые успели на страницах «Сибирских огней» «засветиться» и даже годовых премий журнала удостоиться. Анатолий Лаптев из Иркутска с романом «Бездна», например, новосибирец Владимир Злобин с романом «Гул» (оба произведения, что удивительно, о Гражданской войне в Сибири) или прозаик из поселка Береговое Новосибирской области Игорь Кожухов с рассказами о современной сибирской деревне. А Игорь Корниенко из Ангарска Иркутской области стал лауреатом Шукшинской премии (2019). Отмечались и другие способные литераторы нового поколения.

Все это вселяло определенный оптимизм. Однако столь крупным уловом талантов, каким были отмечены Читинский, Кемеровский совещания или Всесибирский семинар 1982 года в Новосибирске, нынешние форумы молодых сибирских литераторов похвастать и близко не могут. Может, потому, что современные семинары-совещания лишь бледная тень тех, советских? Как говорится, и труба пониже, и дым пожиже. А, может, талантов масштаба и силы В. Распутина, А. Вампилова, или Н. Шипилова просто еще не народилось (или не отыскалось)?

Пока же творчество литературных новобранцев редко отличается новизной, оригинальностью, самобытностью, свежестью мировосприятия, буйством красок и «половодьем чувств». А уж произведений, которые с первого чтения-знакомства поражали б в самое сердце и оставляли в душе неизгладимый след, у молодых авторов и вовсе днем с огнем не сыскать.

Впрочем, подобные претензии можно предъявить большей части сибирской прозы XXI века, которая, помимо всего прочего, страдает еще и энурезом жуткого многословия. Словоизвержение по любому поводу погрывает авторскую мысль вместе с его художественными целями. Стилистическая неряшливость и расхристанность подливают масла в огонь. В результате редко кому из современных прозаиков удастся внятно и доходчиво выразить и донести свои мысли. А читателям — пробиться к чистой воде повествовательного русла, к тому, что же на самом деле собирался сказать писатель.

Все это еще больше усугубляется на фоне фактического исчезновения института редакторов, профессионального взгляда со стороны. Тем более что мало кто из нынешних авторов может похвастаться наличием в самом себе требовательного «внутреннего» редактора, способного осуществлять жесткий художественный отбор. Хватает в сегодняшней прозе и откровенной «попсовости» вкупе с «серийным» мышлением, которыми ныне заражены очень многие прозаики, что также явно не способствует повышению художественного уровня.

И это не беда одной только прозы. В поэзии при обилии новых поэтических имен зачинаются стихи тоже очень немногих. Крупных поэтических фигур тем более не наблюдается. Количество, видимо, еще не начало переходить в качество. В том числе и по причинам, на которые в своих наблюдениях над современной поэзией обращал внимание Н. Шамсутдинов: «Многие пишут спустя рукава, не задумываясь... На поэзии сказывается попсовость, она стремится при минимуме выразительных средств достичь максимума впечатлений. Особенно грешит этим делом молодая поэзия... Удручает языковая бедность»³⁹.

Не лучше дела обстоят и в других жанрах.

Все более редкими гостями на страницах журналов, особенно литературных, становятся произведения документально-художественного жанра. А проблемный очерк, горячая, злободневная, боевая публицистика и вовсе исчезли из литературного обихода. И это при том, что жгучих проблем, высочайшего накала ситуаций, причем подчас совершенно новых, ранее неизвестных, и сейчас хоть отбавляй. Просто огромное непаханое поле, которое нынешние очеркисты и публицисты боязливо обходят стороной! И далеко не только сибирские. Документально-художественные жанры в российской словесности в XXI веке, увы, перестали быть первопроходцами и бойцами передовых литературных позиций.

Некоторое оживление ощущается в сибирской драматургии. Время от времени напоминают о своем существовании новыми пьесами ветераны А. Косенков, Ю. Мирошниченко, С. Князев. Молодежь, разумеется, тоже старается заявить о себе.

Любопытно, что поиск драматургических талантов ведется в последнее время не по традиционной схеме литературного наставничества, когда мэтры «выщеливают» способных молодых и делятся с ними опытом и тайнами профессии. Вчерашние дебютанты теперь нередко и сами уже выступают в роли наставников, а так же организаторов и координаторов творческого процесса начинающих драматургов.

Примером тому может служить товарищество сибирских драматургов «ДрамСиб», основанное в сентябре 2011 года в Новосибирске «для консолидации, поддержки и продвижению современных сибирских драматургов» новосибирским поэтом и драматургом **Дмитрием Рябовым**. В числе основных целей товарищества развитие и пропаганда сибирской драматургии, создание Театра драматургии. «ДрамСиб» — это и экспериментальная лаборатория, школа мастерства для новоявленных сибирских драматургов, и популяризатор их творчества. «ДрамСиб» стал, по существу, наследником знаменитых драматургических «лабораторий» 1980-х годов.

Товарищество проводит читки пьес, семинары и обсуждения. Оно сотрудничает с режиссерами и актерами сибирских театров, Сибирским центром современного искусства,

³⁹ Шейхова М. Из литературных бесед. Лицо кавказской национальности. Николай Шамсутдинов. // Livejournal. 16 июня 2014 г.

журналом «Сибирские огни», Союзом писателей России. Неформальный творческий проект «ДрамСиб» создавался первоначально для объединения новосибирских авторов, но, по сути, сразу же стал центром всей сибирской драматургии. В работе товарищества, помимо новосибирцев, участвуют авторы из Омска, Красноярска, Иркутска, Томска, Новокузнецка, Барнаула, Киселевска, Ленинска-Кузнецка и других городов Сибири. При активном участии «ДрамСиб» в Новосибирске ставятся спектакли, проводятся семинары с участием местных и столичных драматургов.

Однако снова вопрос: а что же на «выходе»? Появились ли новые Маляревские, Лаврентьевы, Дворецкие, Анкиловы, Вампиловы, Гуркины или хотя бы Солнцева? Вопрос остается открытым...

Вопросы вызывает и положение дел на литературно-критическом поле. В августе 2017 года был проведен **Всесибирский семинар молодых критиков**. В поселке Ново-Пичугово Ордынского района Новосибирской области собралось полтора десятка представителей этого жанра из Новосибирска, Омска, Томска, Иркутска, Красноярска, Новокузнецка, Барнаула и других городов Сибири. Форум уже по определению оказался уникальным, поскольку никогда прежде (в том числе и советское время) для молодых сибирских критиков подобные мероприятия не проводились.

Затевшая эту акцию редакция «Сибирских огней» рассчитывала провести разведку наличия на сибирских просторах перспективных литературно-критических сил, а заодно пополнить портфель своего раздела критики.

Отчасти задача была выполнена. Кого смогли — нашли, собрали, обсудили. Наиболее интересные работы журнал опубликовал. И даже отметил ежегодными премиями. Но на этом, собственно, все и закончилось. Продолжения не последовало. Среди сибирских литераторов нового поколения талантливых, всесторонне образованных, оригинально мыслящих и притом прекрасно владеющих словом, для кого критика стала главным делом жизни, увы, не обнаружилось. Эпизодические же обращения к критике для подавляющего большинства авторов являлись не более чем своего рода литературным «совместительством», зачастую не совсем удачным. Не хватало, к тому же, в работе по поиску и воспитанию критических кадров необходимой для этого системности, целенаправленности и методичности. Но, пожалуй, печальнее всего, что новоявленные сибирские критики почти совсем не обращаются к литературе современной Сибири, ее жизни и проблемам, литературному процессу. Даже рецензии и обзоры новинок стали появляться на страницах сибирских журналов крайне редко.

* * *

А проблем у русской литературы Сибири и за порогом третьего тысячелетия, как видим, предостаточно. Но как бы там ни было, на исходе первых десятилетий нового века становятся все более заметными идущие в ней подвижки, говорящие о том, что она выходит из затяжного пике, в котором находилась на переломе столетий, и, набирая высоту, начинает вести поиск новых возможностей своего существования и развития.

Что это будут за возможности, к каким творческим результатам приведут? Не станем загадывать, ограничимся пока осторожно-привычным: время покажет, проживем — увидим... Одно несомненно: история русской литературы Сибири сегодня не заканчивается. Продолжение следует. Но это будет уже другая история. Хотя и на прочном фундаменте четырехсотлетнего опыта прошлого...

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ

XVII — XXI века

1581 г. Поход Ермака в Сибирь — краеугольное событие как во всей истории освоения Сибири, так и в истории ее литературы. Подробный рассказ о нем составляет содержание ранних сибирских летописей, которые явились самым древним источником зародившейся в начале XVII столетия русской литературы Сибири.

1636 г. Появление первого памятника сибирского летоисчисления **Есиповской летописи**, названной по имени ее автора Саввы Есипова — дьякона Тобольского архиепископского дома.

1690 г. Выход в свет **«Истории Сибири» («Ремезовская летопись»)** С. У. Ремезова — историка, картографа, этнографа, художника, писателя, творчество которого стало вершиной литературной Сибири XVII века.

1789 г. Открытие в Тобольске первой в Сибири частной (вольной) типографии купца В. Корнильева, положившей начало сибирскому книгопечатанию.

1789 г. Появление первого в Сибири литературного журнала **«Иртыш, впадающий в Ипокрену»**.

1828 г. Выход в Красноярске **«Енисейского альманаха»**.

1834 г. Первая публикация поэтической сказки П. Ершова **«Конёк-горбунок»**.

1838 г. В Петербурге издан труд П.А. Словцова **«Историческое обозрение Сибири»**. Переиздан в **1995** и **2006** гг. в Новосибирске и Москве.

1858 г. Публикация в петербургской газете «Золотое руно» стихотворения Д. Давыдова **«Дума беглеца на Байкале»**, ставшего впоследствии основой народной песни **«Славное море — священный Байкал»**.

1882 г. Выход книги Н. Ядринцева **«Сибирь как колония»**.

1882 г. Создание Н. Ядринцевым газеты **«Восточное обозрение»**, которой на многие годы вперед будет уготована участь самого передового и авторитетного печатного органа Сибири.

1881 — 1884 годы. Якутская ссылка **В. Короленко**.

1883 г. Появление рассказа **«Сон Макара»**, с которого начался «сибирский период» в творчестве В. Короленко.

1890 г. Путешествие А. Чехова по Сибири на Сахалин, которое нашло отражение в его очерковых книгах **«Из Сибири»** и **«Остров Сахалин»**.

1909 г. Появление литературно-художественного журнала **«Молодая Сибирь»**, одним из организаторов и активных авторов которого был Вяч. Шишков.

1911 — 1918 гг. В Алтайском крае выходит общественно-политическая и литературная газета **«Жизнь Алтая»**.

Сентябрь 1913 — июнь 1914 гг. В Иркутске издается литературно-художественный еженедельник **«Сибирская неделя»**, объединивший многих дореволюционных литераторов Сибири.

1916 г. Возникновение литературной группы **«Иркутские вечера»**, куда входили молодые литераторы в основном из числа политических ссыльных.

1916 — 1919 г. В Красноярске выходит литературно-художественный журнал **«Сибирские записки»**.

1917 г. На Алтае начинает издаваться серия произведений сибирских писателей **«Библиотека «Сибирский рассвет»**.

1918 г. Создание в Омске Вс. Ивановым и Ан. Сорокиным **«Цеха пролетарских писателей и художников Сибири»**.

1919 г. В Барнауле издается журнал «литературы, науки и народного просвещения» **«Сибирский рассвет»**.

1920 г. Создание в Иркутске **«Литературно-художественного объединения»** (ИЛХО), больше известного как **«Барка поэтов»**.

1921 г. Образована **«Новониколаевская артель писателей и поэтов»**.

1921 г. Создана **«Омская артель писателей и поэтов»**.

1921 — 1922 г. В Омске выходят два номера «журнала искусств, литературы и техники» **«Искусство»**.

Март 1922 г. Начинается издание литературно-художественного журнала **«Сибирские огни»**.

Ноябрь 1922 г. Начала работу **«Омская организация работников науки, литературы и искусства»** (ОРНАЛИС). Прекратила существования осенью 1923 г.

1922 г. В городе Канске Красноярского края издана повесть В. Итина **«Страна Гонгури»** — первое советское литературно-художественное произведение в жанре фантастики.

Январь 1923 г. В Иркутске начинает выходить литературно-художественный журнал **«Красные зори»**.

Январь 1923 г. В Усть-Каменогорске начинает выходить охотничий литературно-художественный журнал **«Охотник Алтая»**, переименованный через два года в **«Охотник и пушник Сибири»**.

1924 г. По инициативе председателя правления «Сибкрайиздата» М. Басова создан журнал **«Книжная полка»**. Выходил в **1924 — 1926** и **1928 — 1929** годы сначала в Новониколаевске, потом в Иркутске.

Сентябрь 1925 г. В Новониколаевске выходит первый номер двухнедельного литературно-художественного иллюстрированного журнала (по типу «Огонька») **«Сибирь»**.

Март 1926 г. В Новониколаевске проходит **I съезд сибирских писателей**.

1927 г. В Новосибирске создана группа Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей **СибАПП**.

1927 г. В Новосибирске образована группа **«Настоящее»** с одноименным журналом при ней.

Февраль 1928 г. В Новосибирске начинает выходить журнал для детей и юношества **«Товарищ»**.

1928 г. В Новосибирске по инициативе Н. Анова в противовес группе «Настоящее» создана литературная группа **«Памир»**. В связи с обострившейся в стране политической обстановкой **в 1929 г.** группа самораспускается.

Декабрь 1929 г. На оскорбительные выпады группы «Настоящее» в адрес А.М. Горького ЦК ВКП(б) реагирует постановлением **«О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького»**, которое положило конец групповой литературной борьбе в Сибири. Журнал **«Настоящее»** прекратил существование, а одноименная группа распалась.

Январь 1930 г. В Новосибирске проведен **съезд СибАПП**.

Январь 1930. В Новосибирске проходит **II съезд сибирских писателей**, на котором ССП реорганизован в Сибирское отделение Всероссийского союза советских писателей на правах автономного филиала.

1930 г. Организован выпуск литературно-художественного издания **«Омский альманах»**. В **1950-х** годах альманах выходит под названием **«Литературный Омск»**. К началу **1960-х** прекращает свое существование. Возрожден под тем же названием в **июне 2001 г.**

Осень 1930 г. На основе **«Памира»** писателями-сибиряками, живущими в Москве, создана новая литературная группа под названием **«Сибирская бригада»**.

Март 1931 г. В Новосибирске проходит **I Западно-Сибирский краевой съезд пролетарско-колхозных писателей**.

1931 г. В Иркутске начинает выходить литературно-художественный журнал **«Будущая Сибирь»**.

Апрель 1932 г. Выходит постановление ЦК ВКП(б) **«О перестройке литературно-художественных организаций»**, где говорится об объединении «в единый Союз писателей с коммунистической фракцией в нем». Все прежние литературные организации в Центре и на местах в связи с этим распускаются.

1933 г. В Новосибирске начинает издаваться еженедельник **«Литературная Сибирь»**.

1933 г. Западно-сибирский крайисполком учреждает краевые литературные премии — имени А.М. Горького и имени А.Н. Стрижкова.

Июнь 1934. В Новосибирске проходит **Съезд писателей Западно-Сибирского края**, на котором отмечается, что литературная групповщина разгромлена и ликвидирована.

Февраль 1935 г. В Иркутске проходит **Первая Восточно-Сибирская краевая конференция советских писателей**.

Май 1936 г. В Новосибирске проходит **Краевая литературная конференция Западной Сибири**.

1940 г. В Красноярске выходят первые номера литературно-художественного альманаха «Енисей». С началом Великой Отечественной войны выпуск прекращен. Возобновлен в 1944 г.

1947 г. (с 27 ноября по 2 декабря) в Новосибирске проходит **Конференция писателей Сибири**.

1947 г. У писателей Алтайского края появляется литературно-художественный альманах «Алтай».

1947 — 1965 гг. В Чите выходит литературно-художественный альманах «Забайкалье».

Январь 1948 г. В Новосибирске при крупнейшем заводе «Сибсельмаш» свою работу начинает литературное объединение «Молодость», воспитавшее впоследствии многих широко известных прозаиков и поэтов.

Сентябрь 1949 г. в Новосибирске проходит **совещание актива писателей Сибири**, созванное по решению секретариата Союза советских писателей в целях улучшения работы журнала «Сибирские огни».

1949 г. Писатели Кемеровской области начинают выпуск литературно-художественного альманаха «Сталинский Кузбасс». С середины **1950-х** и до **1988 г.** — «Огни Кузбасса». С **1988** — «Литературный Кузбасс».

1949 — 1954 гг. В Улан-Удэ выходит альманах «Байкал» на русском языке, преобразованный в дальнейшем в журнал с тем же названием. С начала **1990-х** выпуск прекращен. Возрожден в **2006 г.**

1950 г. Новосибирское государственное издательство берется за выпуск «**Малой библиотеки сибирских писателей**».

1951 — 1959 гг. В Новосибирске выходит литературно-художественный сборник прозы и поэзии для детей и юношества «**Золотые искорки**».

Май 1952 г. В Новосибирске проведено совещание, посвященное вопросам драматургии.

1956 г. В Москве увидел свет первый выпуск альманаха «**День поэзии**». А с начала **1960-х** годов сборники с тем же названием выходят в Новосибирске, Красноярске, Кемерово.

Сентябрь 1957 г. В Новосибирске проходит **Всесибирское совещание писателей**.

Май 1958 г. В Новосибирске проведено **Всесибирское совещание по детской литературе**.

1958 г. При новосибирской газете «Молодость Сибири» заработало литературное объединение под руководством журналиста и поэта **И.О. Фоякова**. Просуществовало до **1974 года** и стало заметным явлением в литературной жизни Новосибирска.

1959 г. В Новосибирске начинает выходить «**Библиотека сибирского романа**».

1963 г. В Новосибирске дан старт «**Библиотеке сибирской поэзии**».

Сентябрь-октябрь 1964 г. В Якутске начинает выходить литературно-художественный журнал на русском языке «**Полярная Звезда**».

Сентябрь 1965 г. Проходит **Читинский зональный семинар-совещание молодых писателей Восточной Сибири и Дальнего Востока**.

1966 г. (31 мая — 7 июня). Проводится **Кемеровский семинар-совещание молодых прозаиков, поэтов, драматургов и детских писателей Сибири и Урала**.

1966 г. Западно-Сибирское книжное издательство начинает выпуск многотомной библиотеки «**Молодая проза Сибири**», основой которой составляют рукописи, одобренные на семинарах в Чите и Кемерово.

1966 г. В Новокузнецке начинает работать городское литобъединение «**Гренада**». За свою более чем полувековую историю вырастило немало известных в Кузбассе и за его пределами писателей.

1968 г. В Иркутске учреждена литературная премия **им. И. Уткина**.

1969 г. Западно-Сибирское книжное издательство по инициативе Н. Яновского возрождает «**Литературное наследие Сибири**», начало которому под тем же названием было положено в **1937 году**. В **1988 году** выходит последний (8-й том ЛНС).

Июнь 1972 г. Проходят **Дни советской литературы на Алтае**.

Июль 1972 г. Выходит в свет первый номер газеты «**Тюмень литературная**». Издавалась до **1975 года**. В **1989-м** возрождена и под тем же названием выходит все 1990-е годы.

С **июля 1976 г.** по инициативе алтайского прозаика И. Кудинова проводится ежегодный Всероссийский фестиваль «**Шукшинские дни на Алтае**» (или просто «**Шукшинские чтения**») на родине писателя в селе Сростки, Бийске и столице Алтайского края Барнауле. Чтения приурочиваются к дню рождения (25 июля) знаменитого писателя. С 1999 года фестиваль обретает статус «федерального».

Июль 1977 г. В Новосибирске проходят **Дни советской литературы**.

1977 г. В Новосибирске писателем М. Михеевым создан первый в СССР клуб любителей фантастики **«Амальтея»**.

1977 г. В Кузбассе начинает свою работу областная литературная студия **«Притомье»**.

Январь 1978 г. В Тюмени проводится **Всесоюзная творческая конференция писателей и критиков** на тему **«Герой великих строек нашего времени и советская литература»**.

Март 1978 г. В Новосибирске проходит выездное заседание секретариата Союза писателей РСФСР, посвященное теме **«Личность. НТР. Литература»**.

1978 г. Образован историко-мемориальный **музей-заповедник В.М. Шукшина** в селе Сростки Алтайского края.

С 1979 по 1993 г. в Иркутске по инициативе Е. Раппопорта выходит книжная серия **«Литературные памятники Сибири»**.

1980 г. В Новокузнецке Кемеровской области открыт литературно-мемориальный музей **Ф.М. Достоевского**.

1982 г. В Новосибирске проходит **Всесибирский семинар молодых писателей**, организованный Союзом писателей РСФСР и ЦК ВЛКСМ.

1982 г. В Новосибирске выходит двухтомное издание Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР **«Очерки русской литературы Сибири»**.

Октябрь 1983 г. Журнал «Сибирские огни» первым в СССР публикует запрещенную еще в 1920-е годы повесть В. Зазубрина **«Щепка»** о зверствах ЧК.

1983 и 1985 гг. На родине поэта в Омске проводятся **«Мартыновские чтения»** — научная конференция, посвященная творчеству Л. Мартынова, где с докладами и сообщениями выступают ученые и писатели СССР.

Декабрь 1984 г. В селе Марьевка Кемеровской области открыт литературно-мемориальный музей **В.Д. Федорова**.

1985 г. В Новосибирске учреждена литературная **премия им. Н.Г. Гарина-Михайловского**.

1985 г. В селе Марьевка Кемеровской области проходит **I Всероссийский праздник «Федоровские чтения»**.

Январь 1986 г. Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское региональные издательства преобразованы соответственно в Новосибирское и Иркутское областные книжные издательства.

Март 1986 г. В Новосибирске проходят **Дни российской литературы**, посвященные 60-летию I съезда сибирских писателей

Август 1986 г. В городе Мариинске Кемеровской области открыт литературно-мемориальный дом-музей **В.А. Чивилихина**.

Июнь 1987 г. В Новосибирске проведен **Семинар молодых писателей-фантастов Сибири и Дальнего Востока**.

Май 1988 г. На основе ставшего теперь постоянно действующим семинара молодых фантастов, в Новосибирске создано **Всесоюзное творческое объединение молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ)**.

1989 г. Образован **Алтайский краевой музей истории литературы, искусства и культуры**.

1989 г. В Новосибирске открыто **Сибирское отделение центрального издательства «Детская литература»**. (Прекратило работу в **2001 г.**).

Октябрь 1989 г. На учредительной конференции в Новосибирске принято решение о создании **«Сибирской писательской Ассоциации» (СПАСС)**.

1989 г. Иркутское отделение Союза российских писателей начинает издание литературно-публицистического альманаха **«Зеленая лампа»**. Свое существование прекратил в **1992 г.**

1989 г. Романом В. Шукшина **«Я прошел дать вам волю (Степан Разин)»** открыта издательская серия **«Библиотека «Сибирских огней»**. Завершена в **1992 г.** выходом романа Вяч. Шишкова **«Угрюм-река»**.

1989 г. Новосибирским книжным издательством выпущен коллективный сборник **«Гнездо поэтов»**, куда вошли стихи близких по духу и мироощущению новосибирских поэтов, начинавших свой творческий путь в литобъединении И. Фоякова и ставших заметным явлением в поэзии Сибири..

Апрель 1990 г. В Томске начинает выходить литературно-краеведческая газета **«Сибирские Афины»**. К середине **1990-х** она трансформируется в литературно-художественный альманах с тем же названием.

1990 — 1997 гг. В Омске выходит литературно-художественный альманах **«Иртыш»**.

1990 г. В Новосибирске начинает выходить альманах **«Мангазея»**. При нем создано одноименное коммерческое издательство.

Август 1991 г. В рамках программы ЮНЕСКО **«Демидовский проект»** на Алтае учрежден **Демидовский Фонд**. Он действует как региональный центр Международного Демидовского Фонда. На многие годы его бессменным президентом становится алтайский писатель А. Родионов.

1993 г. Возрождение **Демидовских премий**. Они вручаются по шести гуманитарным номинациям, в том числе и литературе.

1993 г. В Красноярске выходят первые номера литературного журнала для семейного чтения «**День и ночь**».

Август 1993 г. Выходит первый номер литературно-художественного журнала «**Барнаул**».

Октябрь 1994 г. В Новосибирске начинает издаваться еще один «толстый» литературно-художественный журнал «**Проза Сибири**».

Ноябрь 1994 г. В Новосибирске проходит «конвент» фантастики «**Белое пятно**» памяти М. Михеева и В. Бугрова. Назван по одноименной повести М. Михеева. Новый «конвент» проходит в Новосибирске в 2009 г. **С 2010 г.** «Белое пятно» расширяет формат и посвящен теперь не только фантастике, но и литературе вообще. Мероприятие обретает статус всероссийского литературного фестиваля и становится ежегодным.

С 1994 года в Иркутской области проводится ежегодный **Всероссийский фестиваль «Дни русской духовности и культуры «Сияние России»**.

Май 1995 г. Выходит первый номер литературно-краеведческого журнала для семейного чтения «**Горница**» (с 1998 г. переименован в «**Сибирскую горницу**»).

1995 г. В центре Омска появляется **Бульвар Леонида Мартынова**.

1995 г. В Кузбассе начинается издание молодежного журнала «**После 12**».

1996 г. В Красноярске проходят первые «**Литературные встречи в русской провинции**» («**Астафьевские чтения**»). Завершается этот уникальный литературно-культурный проект **в сентябре 2006 г.**

1996 г. В Новосибирске издается поэтический сборник участников экспедиций к месту Тунгусского метеорита «**Синильга**». **С 2000 г.** в качестве печатного органа ежегодного литературного конкурса им. Г. Карпунина выпускается одноименный альманах. **С 2008 г.** «Синильга» становится приложением к «**Сибирским огням**». А в **2012 г.** прекращает существование.

1998 г. По инициативе красноярских писателей и педагогов и при поддержке В. Астафьева создан **Красноярский литературный лицей**.

Ноябрь 1999 г. В Новосибирске проходит **III съезд сибирских писателей**.

Май 2001 г. Выходит первый номер «общественно-художественного» журнала Новосибирского отделения Союза писателей России «**Новосибирск**».

Июль 2001 г. Иркутское отделение Союза российских писателей проводит **I международный фестиваль поэзии на Байкале**. Он становится ежегодным. В **2016 г.** фестивалю присвоено имя известного сибирского поэта **Анатолия Кобенкова**, сыгравшего огромную роль в его организации и продвижении.

2001 г. На Бульваре Леонида Мартынова в Омске открыта «**Аллея литераторов**» для увековечивания памяти писателей, судьбами, связанными с Омском.

Ноябрь 2002 г. В Новосибирске прошел **IV съезд сибирских писателей**.

Июнь 2003 г. В селе Косиха Алтайского края открыт **мемориальный музей Р.И. Рождественского**.

Сентябрь 2003 г. В Томске проходит очередной **Всесибирский семинар молодых писателей**.

2005 г. В Новосибирске начинает издаваться многотомная книжная серия для библиотек **«Сибирская проза. Век XX — век XXI»**, куда входят повести и рассказы сибирских авторов. За 15 лет существования вышло 25 томов.

Октябрь 2007 г. В Томске проводятся первые **«Шишковские чтения»**. Впоследствии становятся ежегодными.

2008 г. В Кузбассе осуществлено издание антологии **«Русская сибирская поэзия: XX век»**.

Сентябрь 2011 г. В Новосибирске для консолидации, поддержки и продвижению современных сибирских драматургов образовано товарищество сибирских драматургов **«ДрамСиб»**..

Июнь 2013 г. В Алтайском крае проводится очередной **Всесибирский семинар молодых писателей**.

Октябрь 2013 г. Проходят первые литературно-краеведческие **«Ивановские чтения»**. В дальнейшем они становятся ежегодными.

2013 г. Сборником одного из интереснейших поэтов Русского Зарубежья А. Ачаира **«Дорога к дому»** Центр истории новосибирской книги и клуб **«Новосибирский миниатюрист»** начинает издание серии книг-миниатюр **«Забывшие литературные имена»**.

Ноябрь 2014 г. В городе Черемхово Иркутской области проходит I межрегиональный фестиваль **«Театральная провинция»**, посвященный знаменитому сибирскому драматургу и актеру В. Гуркину.

Июль 2015 г. В Томске проходит **Совещание молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего Востока**.

Август 2016 г. В поселке Ново-Пичугово Ордынского района Новосибирской области проведено **Региональное совещание молодых сибирских авторов**. Аналогичное мероприятие там же проходит в **2018 и 2019 гг.**

2016 г. В Новосибирске начинает издаваться литературно-художественный и краеведческий журнал **«Сибирский Парнас»**.

Март 2017 г. В Иркутске открыт **музей Валентина Распутина**.

Август 2017 г. В поселке Ново-Пичугово Ордынского района Новосибирской области собирается **Всесибирское совещание молодых критиков**, посвященное 125-летию В. Правдухина.

Декабрь 2017 г. Учреждена **Национальная литературная премия им. В.Г. Распутина.**

Июнь 2019 г. На Алтае проходит **Межрегиональный семинар молодых литераторов.**

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько предварительных замечаний.....	
И ВСЕ-ТАКИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ (Вместо предисловия)	
ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА	
В ОТБЛЕСКАХ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»	
Время больших ожиданий.....	
<i>Романтизм в сибирском контексте</i>	
<i>Родоначалник романтической прозы Сибири</i>	
<i>Сибирский Фенимор Купер</i>	
<i>Жар-птица из холодных краев</i>	
Неспешная поступь «натуральной школы»	
<i>Певец природы и людей</i>	
Социальная борьба как двигатель развития сибирской словесности.....	
<i>Отцы сибирского областничества</i>	
<i>Развитие демократического направления в литературе Сибири</i> <i>1860 — 1970-х годов</i>	
<i>«Сибирская школа писателей» Владимира Короленко</i>	
НАЧАЛО ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ	
За порогом двадцатого столетия	
<i>Оживление литературной жизни Сибири</i>	
<i>«Певцы рабочего класса»</i>	
<i>Универсальные творческие личности, или Наука поэзии не помеха</i>	
Трубадуры революции.....	
Между «молотом» и «наковальней».....	
<i>Жертва политических игр</i>	
<i>«Золоторокотные сказания о нашей матери России»</i>	
<i>Культурная столица Сибири</i>	
<i>Король писателей</i>	
ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
<i>«Репортер времени»</i>	
Через страдания человеческого сердца.....	
Две стороны партизанской медали.....	
<i>«Со страстью, гневом и болью»</i>	
У СИБИРСКОГО КОСТРА	
Надежный «приют» сибирской литературы.....	
Зачинатели.....	
<i>«Высокий путь» «искателя чудес»</i>	
Схватка «двух миров» продолжается.....	
<i>«Огнелюбы» «первого призыва»</i>	

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ.....

- От первого сибирского к первому всесоюзному.....
- Сибирская предтеча*.....
- Претенденты на абсолютное литературное лидерство*.....
- Конец литературной групповщины*.....
- «В ногу с тревожным веком»*.....
- Монолог «безусого энтузиаста»*.....
- «Шла к бессмертью наша молодость»*.....
- Поэт жизнерадостного настроения*.....
- Певец Заполярья*.....
- Романтика дальних дорог и жажда открытий*.....
- Могучий самобытный талант*.....
- Его поэтическое Лукоморье*.....

ЛЕТОПИСЦЫ БОЛЬШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.....

- Главная тема. «Разведка боем».....
- О «великом кочевье» сибирских аборигенов.....
- В тени, но не в забвении.....
- Литературная жизнь Сибири 1930-х годов.....

ШТЫКОМ И ПЕРОМ.....

- Венок героям.....
- «Начало песни, звучавшей так недолго...»*.....
- «Сыны великого народа»*.....
- С надеждой на скорую встречу*.....
- «Здесь очень просто умереть»*.....
- «В сердца ударил звонкой песни ток»*.....
- «Свой добрый век мы прожили как люди...»*.....
- Влюбленный в жизнь мечтатель*.....
- ...Не только поэты*.....
- Боевой товарищ Пушкин.....
- «Дыханье глубокого тыла»*.....

НА МИРНОМ НАПРАВЛЕНИИ.....

- Сибирская литература послевоенного десятилетия.....
- Драматургам ставят задачу.....
- В широком формате.....
- «Полынь и солнце» сибирской поэзии*.....

БДАГОДАТНОЕ ДЫХАНИЕ «ОТТЕПЕЛИ».....

- На острие новых перемен.....
- События и открытия.....
- О детях и для детей.....
- На «новой волне».....
- «Святое чувство нужной работы»*.....
- Жизнь как чудо.....

УХОДЯЩЕЕ И НАСТАЮЩЕЕ.....

«Возвращенцы» и «маргиналы».....

Перед лицом природы.....

Антикультовская тема в сибирской прозе.....

Человек на войне.....

Новое слово в освоении историко-революционной темы.....

В зеркале рассказа.....

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ.....

В бой идут «старики».....

Переживая второе рождение.....

«По главной сути...».....

Неожиданный Лисовский.....

Мечи на орала.....

Рожденные «оттепелью».....

На романтической волне, но не только.....

Вот моя деревня.....

«Все пронизано связью сквозной».....

«С милым краем дышу заодно».....

«Песенка о том, как мы живем на свете».....

Оголенный нерв ранимости.....

«Моя душа болеть осуждена».....

НА ИСХОДЕ СОВЕТСКОГО БЫТИЯ.....

Женщина в интерьере эпохи.....

Стартовавшие в семидесятых.....

Смотрите, кто пришел!.. ..

Перестройка, перестройка... ..

Путь к дому.....

Поэт вне обоймы.....

В зоне неизведанных глубин.....

До «перестроечной» гласности.....

И снова о том, «что с нами происходит».....

«Где мы, куда мы, кто мы?..».....

Драматургия как отражение перестроечных процессов.....

Перестройка поэтических рядов.....

Развитие литературной критики в Сибири.....

«Несторы» сибирской литературы.....

Незатухающая жизнь литературной Сибири.....

Солнечный фантаст.....

«Обреченные» на успех.....

В ПУТАХ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.....

Когда схлынула «большая вода».....

«Вломилось время с топором...».....

Крутая чернуха с душком мертвечины.....

Криминал как форма вынужденного существования.....

Роковые репрессивные.....

Приключения на реке времени.....
Взгляд из солдатского окопа.....
«Художник свободен!».....
Творческое парение над гнездом бытия.....
Потери и обретения.....
Возьмемся за руки друзья.....

ДЫХАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ.....

Между прошлым и настоящим.....
Магнетизм далеких времен.....
Об освоителях нефтяной целины и современных Робин Гудах.....
Человек убегающий.....
Драмы обыденной жизни.....
На последнем отрезке пути.....
«Крестники» XXI века.....
Певец таежной глубинки.....
Искатель литературного «жемчуга» из приполярной Пангоды.....
Преодоление отсутствия, или
Вспышка новой звезды на небосклоне сибирской прозы.....
«Задержавшиеся».....
Оставляя на вечную память свою поэзию.....
Поэтический образ современной Сибири. Работа продолжается.....
Кто на новенького?.. ..

**Хроника литературной жизни Сибири
XVII — XXI века.....**